БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

Колчак
и другие

Самая полная книга
о людях, бросивших
вызов всему миру

ЭКСКЛЮЗИВНЫЕ БИОГРАФИИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Белое движение» – самая полная книга о людях, бросивших вызов всему миру. Беспристрастная хроника незапятнанной борьбы, обреченной на провал.

На страницах книги слова Деникина и Краснова, Алексеева и Унгерна, Балаховича и Гайде и многих других – тех, кто сражался под их началом, кто был свидетелем их дел, кто запечатлел их для нас и для истории.

- Белое движение. В 2-х томах. Том 1
  -
  - «Генерал Харьков»
  - Генерал-от-инфантерии Л. Г. Корнилов
  - Генерал-от-инфантерии М. В. Алексеев
  - Генерал-от-кавалерии А. М. Каледин
  - Генерал-лейтенант А. И. Деникин
  - Адмирал А. В. Колчак
  - Генерал-лейтенант Е. К. Миллер
  - Генерал-от-инфантерии Н. Н. Юденич
  - Генерал-от-кавалерии П. Н. Краснов
  - Генерал-майор М. Г. ДРоздовский
  - Генерал-лейтенант С. Л. Марков[61]
  - Генерал-от-кавалерии Граф Ф. А. Келлер
  - Генерал-от-инфантерии А. П. Кутепов
  - Генерал-лейтенант Барон П. Н. Врангель
  - Генерал-лейтенант Я. А. Слащов-Крымский
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15

- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59

- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103

- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110

Белое движение. В 2-х томах. Том 1

Иллюстрации на страницах 124, 134, 202, 219, 268, 675, 681 предоставлены Домом Русского Зарубежья им. А. Солженицына.

«Генерал Харьков» (вместо предисловия)

Рассказывали, будто в 1919 году, в британском парламенте и чуть ли не самим премьер-министром Д. Ллойд-Джорджем, была произнесена историческая фраза о помощи «русским генералам Колчаку, Деникину и Харькову». Она вошла в поговорку, стала предметом многочисленных злорадных цитирований – например, английская дама из «Университетской поэмы» Набокова, очевидно, вслед за главою кабинета,

… полагала, между прочим,
что Харьков – русский генерал, –

и превратилась в символ очередной европейской безграмотности, своего рода «развесистую клюкву» XX века.

Но вправе ли мы потешаться над нею?

Британского политика, в общем, можно понять: когда же это Европа, в роли союзницы или противницы, входила в дела своей великой соседки настолько глубоко, чтобы не путать имена и названия, не говоря уж о понимании смысла происходивших в России событий? И не более ли жалкими выглядим мы сами, в течение долгих десятилетий лишенные знания о своей собственной истории – о самых ее драматических, переломных моментах? И если нас хватает на то, чтобы посмеяться над анекдотическим «генералом Харьковом», – не возмещается ли это легкостью и готовностью, с которой заглатывается любая «развесистая клюква» из скороспелых сочинений, изготовляемых на потребу читающей публики чуткими к переменам авторами?

Да и насколько велики перемены?

Мы еще помним то время, когда трудно было представить себе саму возможность издания в России массовыми тиражами мемуаров участников Белого движения и литературы о нем (исключая, конечно, непременные «крах…» и «агонию…»). Сейчас отошел в прошлое заговор молчания вокруг многих имен, событий, проблем отечественной истории. Но до чего симптоматично, что первые же шаги в этом направлении сопровождались звучащим до сих пор рефреном многоголосого хора: «Не надо… не надо… не надо менять плюсы на минусы!»

Разумеется, приспособленчество и хамелеонство всегда отвратительны и редко приводят к научным и литературным

удачам, и вряд ли может вызывать уважение человек, сегодня восхваляющий Колчака, а два десятилетия до этого не просто бывший «продуктом», членом «советского общества» (какими были и многие из нас), но занимавший видное место *в идеологизированной историографии* и приложивший руку к *воспитанию* и *формированию* других «советских людей» своими сочинениями о «красных героях» – победителях «белогвардейщины». Но речь сейчас не о таких. Речь о том, что осуждению и сегодня то и дело продолжают подвергаться попытки как раз непредвзятого взгляда на события Гражданской войны, попытки показать, что изучение ее необходимо начинать с новой, чистой страницы, ибо *истории Гражданской войны у нас все еще нет*.

Практически все, что писали советские авторы, обладает принципиальным пороком: идеологизированность новейшей истории жестко определяла выводы и заключения, к которым они *обязаны* были придти, в то время как подлинные выводы могут и должны рождаться лишь «сами собой», из разработки, осмысления и анализа громадного объема фактического материала (если угодно, «переходом количества в качество»). В советской же исторической науке факты становились лишь иллюстрацией к заведомо известной схеме, а в результате изучение истории оказывалось настолько не в чести, что выдержавшая два издания энциклопедия «Гражданская война и иностранная военная интервенция в СССР» (что за дикое название! – СССР был образован в декабре 1922 года, а в качестве границ Гражданской войны советская историография устанавливает «1918–1920») не дает исчерпывающей картины даже структуры и состава Красной Армии, не говоря уже о «лагере контрреволюции». И все издания советских мемуаров, сборники документов, так же как и более или менее удачные, но почти всегда избегающие конкретики исторические сочинения, – суть только *материалы* для той Истории Гражданской войны, которую еще предстоит написать.

Кстати, в этом отношении (и не только в этом!) гораздо более чуткими и совестливыми были авторы «противоположной стороны» – Белой эмиграции: не случайно ряд работ по истории Белого движения скромно помечен «материалы к…», а их авторы определяют себя всего лишь как «составители» в противоположность не только «бывшим» советским, но и многим сегодняшним историкам, заботливо и горделиво снабжающим свои сочинения подзаголовком «монография».

На самом деле, история Русской Смуты XX столетия действительно полна темами и эпизодами, достойными

монографических исследований. Беда лишь в том, что, быть может, по «официально-исторической» инерции, боясь обвинения в «мелкотемье», ныне многие стремятся к обзорным и обобщающим темам, в то время как обобщения в большинстве случаев преждевременны, коль скоро не разработана еще источниковая база и постыдно невостребованным остается громадный архивный материал – не «за горами, за долами, за широкими морями», во Франции или Америке, а здесь, в России. И все без исключения сегодняшние работы, на наш взгляд, – лишь первые шаги на длинном и трудном пути.

Но и их подчас нельзя сделать без того, чтобы не услышать окрика со стороны. Делая обзор современной историографии Белого движения, его авторы скептически цитируют свидетельство биографа одного из Белых генералов (неважно, чье и о ком): «Изучая историческую литературу, мемуары, советские и зарубежные архивы, я, сталкиваясь постоянно с лавиной позитивной информации об этом человеке, пытался найти какие-либо свидетельствующие против него лично сведения, – дабы избежать расхожего обвинения в идеализации. Но тщетно! Таких сведений, по всей очевидности, просто нет». И «надсмотрщики»-историографы готовы, кажется, проигнорировать первую часть цитаты – о серьезной и кропотливой работе как единственном источнике любых возможных оценок – во имя, вольного или невольного, установления нового тоталитаризма в исторической литературе: раньше следовало клеймить Белых воинов как «аристократов», «эксплуататоров» и «врагов рабочих и крестьян», а теперь, когда миф понемногу развеивается, – наверное, как каких-нибудь «врагов демократии» и снова чьих-нибудь «притеснителей». А если исследователь не находит об этом «притеснительстве» фактических материалов? Тем хуже для исследователя вкупе с материалами – ему грозит немедленное обвинение (по эмоциональной шкале – от надменного высокомерия до личной неприязни) в упомянутой «идеализации» или в том, что он, исследователь, «буквально “раздавлен” своим героем». Не милосерднее оказываются и представители консервативно-монархического направления современной историографии и исторической публицистики: сами не просто гонимые, а решительно «запрещенные» в советские времена, они сегодня, кажется, не прочь соединиться со своими вчерашними гонителями и запретителями в нападках на Белое движение, которое для них выглядит, наоборот, чересчур «либеральным», «демократическим», а то и, не мудрствуя лукаво, – «масонским». «В кольце событий, сменяющих друг друга, одно ясно – Турбин всегда при пиковом интересе, Турбин всегда и всем враг», – эти

горькие слова из черновиков булгаковской «Белой гвардии» актуальны и поныне: белогвардеец Турбин продолжает подвергаться ударам и «справа», и «слева».

Будем надеяться, что большинство этих ударов и нападок проистекает из-за отсутствия информации о предмете спора. Вырванная из контекста цитата, непроанализированное свидетельство, неверно прочитанный документ, забвение принципов критики исторического источника позволяют недобросовестному или «добросовестно заблуждающемуся» из-за своей ангажированности, не идущему дальше первых шагов автору проиллюстрировать едва ли не все что угодно. Как ни парадоксально, но материал для этого нередко давали… сами Белые мемуаристы, в силу своей честности и совестливости не скрывая темных сторон всероссийского кровопролития и преступлений представителей своего собственного лагеря, а нередко и акцентируя на них внимание. Это давало возможность советским «историкам» (здесь заключим это слово в кавычки) торжествующе цитировать: «даже белогвардеец (имярек) признавал, что…», причем цитирующего уместно уподобить разбойнику-душегубу, который, глядя на схимника, повторяющего Иисусову молитву (Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго), – причитает: «Посмотрите только на этого грешника!»

Значит ли это, что все так уж плохо? Хочется думать, что нет; что история Отечества не станет в очередной раз игралищем темных страстей; что времена, когда можно написать книгу о генерале Деникине, не удосужившись ознакомиться с его фундаментальными «Очерками Русской Смуты» (или ничем не проявив этого знакомства), все-таки минуют; что, когда отхлынут мутные волны конъюнктурной «словесности», останутся те, кто ставит своею задачей кропотливую научную работу; что интерес читателей к одной из самых трагических страниц прошлого России не насытится скороспелыми поделками и подделками… Но если это и не так и надежды эти ложны, – все равно задача восстановления правды останется насущной и неотменяемой. Тогда нам останется хотя бы «хоронить своих мертвецов».

Одним из шагов на пути изучения Русской Смуты стало и составление настоящего сборника биографий видных военачальников Белого движения. Выбор персоналий определялся, впрочем, не только их личной ролью и значимостью для дела, которому они служили, но и нашим стремлением отразить с возможной полнотой различные события, периоды, этапы движения в целом. Разумеется, создание всеобъемлющей «Истории Белого движения в жизнеописаниях» представляет

собою работу, превышающую нашу нынешнюю задачу, и всегда можно найти имя или событие, не нашедшее места на этих страницах; но общий ход боевых действий, принципы государственного строительства, наиболее значимые конфликты, как личные, так и более крупного масштаба, – мы постарались здесь отразить.

История Белого движения все еще полна «белых пятен», и многое уже никогда, быть может, не станет известным (отметим, что мы не разделяем популярных сегодня упований на некие таинственные «чекистские архивы», в которых «все-все есть», но которые никому не доступны); отсюда, не желая выдавать догадку за реальность, предположение – за достоверность, реконструкцию событий – за их документированное изложение и особенно опасаясь вступать в область домысливания душевных движений наших героев (область, где все версии наиболее зыбки), мы предпочитаем в ряде случаев оговаривать предположительность избранных нами версий. Поэтому пусть читателя не смущают многочисленные «быть может», «кажется», «возможно», «есть основания полагать» и проч. – хуже было бы, если бы на их месте стояли мнимо-незыблемые утверждения.

Стремясь уменьшить долю собственных предположений и реконструкций, неизбежных в любой историографии, мы чаще, чем это было принято у советских авторов, прибегаем к цитированию источников. Нередко считалось, и эта «традиция» далеко еще не преодолена, что вместо «прямой речи» лучше пересказать источник, хотя тем самым не только создаются условия для ошибок, подтасовок, неверных прочтений, но и утрачивается дух эпохи, яркость свидетельств, живость полемики, которую продолжают вести на страницах книг и листах архивных документов давно ушедшие в мир иной участники «великих потрясений» России. Именно поэтому мы и постарались предоставить слово им самим – Деникину и Краснову, Алексееву и Унгерну, Балаховичу и Гайде и многим другим – тем, кто сражался под их началом, кто был свидетелем их дел, кто запечатлел их для нас – и для Истории.

Тем же вызвано и употребление терминов, оборотов, форм, которые, будучи свойственными описываемой эпохе, должны сохраняться в относящихся к ней текстах, даже если сегодня на первый взгляд и могут показаться непривычными: «Белое Дело» и «Белая борьба», «Великая война» (о Первой мировой, которую тогда называли и Второй Отечественной), «Генерального Штаба полковник» и «Лейб-Гвардии в Преображенском полку» (именно в такой последовательности), «Ахтырцы» или «Дроздовцы» (с заглавной буквы – о чинах соответствующего полка),

«большевицкий» (как производное от «большевик», а не «большевист» – ср. «дурацкий», «мужицкий»), «советская дивизия», «обеспечить фланг» или «участок» и проч.[1] Избегали мы и нарочитого осовременивания речи, не следуя сегодняшней моде, принуждающей услужливо вписывать «рэкеты», «рейтинги», «паханов» в повествования о Гражданской войне (не анекдот, а реальные факты). В наши дни, когда нас поистине яростно, исступленно и… небезуспешно стремятся лишить русского языка, приучая к отвратительному полууголовному жаргону, наши принципы, даже если и покажутся несколько старомодными, конечно, не смогут оттолкнуть вдумчивого читателя.

Читателя не остановит и то, что при подготовке книги мы сознательно отказались от «унифицирования» текстов, «нивелирования» авторских позиций. Предлагаемый сборник – не «коллективная монография»: каждый из авторов имеет свой собственный, индивидуальный взгляд на события и на своих и чужих персонажей, не всегда совпадающий со взглядами, изложенными в других очерках. Безусловно объединяющим остается – и мы не собираемся скрывать этого – лишь пиетет по отношению к нашим героям.

«Героев своих надо любить; если этого не будет, не советую никому браться за перо – вы получите крупнейшие неприятности, так и знайте», – писал Михаил Булгаков, и заповедь эта вполне приложима не только к художественной литературе. Открыто исповедуя свою веру, мы не идем по пути советской историографии, в повествованиях о Гражданской войне ханжески рядившейся в тогу «объективности» и «академизма», а на деле политически ангажированной и исполненной злобы. Не хотим мы уподобляться и тем сегодняшним авторам, кто, по непонятным для нас причинам взявшись за «белогвардейскую» тематику, не может скрыть высокомерного презрения или упоенности собственным мнимым превосходством над «объектами» своих литераторских упражнений. Разумеется, все это не означает, что какие-либо эпизоды жизни наших героев или аспекты их деятельности остаются «неприкасаемыми», «запретными» (хотя одно безусловно: мы стремились не лезть в их частную жизнь в столь привычной сейчас развязно-любопытствующей манере), не подлежащими критике или рассмотрению. В человеческих душах очень часто живут рядом злое и доброе, высокое и низменное, – тем более это касается столь ярких, незаурядных личностей, оказавшихся в столь экстремальных условиях, о каких идет речь в настоящем сборнике, – и все, как светлые, так и темные страницы должны быть прочитаны.

Ограниченные объемом и издательскими соображениями,

стремясь не перегружать текст и не затруднять восприятия неподготовленному читателю, мы вынуждены были отказаться от помещения справочного аппарата (ссылок) и сейчас можем лишь выразить благодарность сотрудникам тех архивов и книгохранилищ, с материалами которых мы работали: Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного военного архива, Российского государственного архива Военно-Морского Флота, Российского государственного архива кинофотодокументов, Российской государственной библиотеки, Государственной публичной исторической библиотеки России, Дома Русского Зарубежья им. А. И. Солженицына. Для предупреждения же возможной недобросовестной критики сразу хотим подчеркнуть: *каждое* утверждение, приведенный факт, версия основаны на архивных и печатных источниках, документах, мемуарах, исторических трудах. Еще раз признавая, что работа по написанию истории Гражданской войны только начинается и полемика, размышления, альтернативные версии происходившего не только возможны, неизбежны, но и необходимы, – мы тем не менее заверяем в обоснованности и документированности своих версий, часто опирающихся в буквальном смысле слова на тысячи листов архивных документов, до нас никем не востребованных.

И в заключение, еще раз задумываясь о прихотливом ходе Истории, неожиданно позволяющей пробиться к читателю давно замолчанным фактам и оболганным именам, – спросим себя, не пророческими ли были строки белогвардейского поэта, подъесаула Николая Туроверова, в далеком 1936 году напечатанные в «деникинской» парижской газете «Доброволец»:

Пока нам дорог хмель сражений,
Походов вьюги и дожди,
Еще не знают поражений
Непобедившие вожди.

Не «генерал Харьков», а подлинные вожди; русские вожди; вожди Белого Дела.

И неужели же нам все-таки придется лишь «хоронить своих мертвецов»?

А. С. Кручинин

Генерал-от-инфантерии Л. Г. Корнилов

Что́ есть человеческая жизнь в многовековой череде событий истории?.. Что значит для истории один человек, скованный

рамками условностей, принципов, постулатов и социальных установок, зачастую вынужденный подчиняться помимо своей воли и желания бешеному водовороту событий, войн, встреч, праздников, буден, радостей и горя?.. Иному временем уготованы титулы почетные и праведные, иному – клеймо палача и тирана. Иному – место властителя человеческих дум, иному – гласа совести народной… Один под напором орущей и беснующейся толпы отрекается от своих идеалов, другой идет за них на смерть. Одного восхваляют на всех углах, но имя его забудет неумолимая История. Другой же, оклеветанный и непонятый современниками, останется в ней навсегда, как маленькая яркая звездочка на небосклоне…

Корнилов… Весь «советский» период истории России имя это ассоциировалось с черным клеймом «злейшего врага трудового народа», «белогвардейского отребья»… Но стоит только почитать воспоминания о нем современников, попытаться понять важность его географических исследований, осмыслить вехи начатого им Белого Дела, и ярким светом засияют грани судьбы этого замечательного человека и воина. Блестящий офицер, храбрейший полководец, талантливый исследователь-первопроходец и этнограф, наконец, незыблемый символ антибольшевицкого сопротивления. Все это – Георгиевский кавалер, генерал-от-инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов.

* * *

18 августа 1870 года, в день Святых Флора и Лавра, в Западной Сибири в семье мелкого чиновника, выслужившегося из нижних чинов отставного хорунжего станицы «Каркаралинской» Сибирского Казачьего Войска, родился сын, нареченный Лавром. Мать его была казачкой станицы «Кокпетинской», и кроме Лавра в семье было еще двое детей – сын Петр и дочь Анна.

Кочевая служба отца приучает мальчика с детства переносить суровый сибирский климат, вырабатывает настойчивость, силу воли, наблюдательность. Его отец сам ведет все свое небольшое хозяйство – сеет, ходит за сохой, косит. С девяти лет маленький Лавр начинает свое образование в приходской школе. Вскоре семья переезжает через Прииртышскую степь в Зайсан. Ненасытный в любознательности Лавр, готовясь к поступлению в кадетский корпус, читает книги даже при свете костра, когда в ночном стережет лошадей. В 1883 году он едет в Омск и становится кадетом, впервые надев погоны.

Кадет Лавр Корнилов в 1889 году первым заканчивает 1-й

Сибирский Императора Александра I кадетский корпус и поступает в Михайловское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге. Настойчивый и независимый, он в числе лучших учеников. Однокашники его любят, преподаватели видят в нем задатки прекрасного офицера. Начальник училища генерал Чернявский помогает Лавру Корнилову закончить училище, встав на его защиту, когда юнкеру грозит увольнение за независимый нрав и острый язык. Юнкер Лавр Корнилов – первый из михайловцев в выпуске 1892 года. Имея преимущество выбора вакансии в полк, он не ищет престижной службы в гвардии или «хорошей» стоянки в больших городах. Получив офицерский чин, Лавр Георгиевич просит зачислить его… в Туркестанскую артиллерийскую бригаду и уезжает в Среднюю Азию. Подпоручик Корнилов честно служит и усердно занимается для поступления в Академию. Он изучает местные языки, обычаи и нравы. Любим солдатами и уважаем местными жителями. Чтобы помогать старому отцу, дает частные уроки. В 1895 году молодой офицер первым выдерживает экзамен и поступает в Императорскую Николаевскую Академию Генерального Штаба. Спустя три года поручик Лавр Георгиевич Корнилов заканчивает ее с малой серебряной медалью.

Тяга к знаниям у молодого обер-офицера столь велика, что еще будучи юнкером военного училища, чтобы платить за дополнительные уроки иностранного языка, Л. Г. Корнилов берет платные заказы на чертежи. Впоследствии он изучает, помимо европейских, еще и ряд восточных языков.

Отказавшись от службы в Генеральном Штабе, он, вдохновляемый опасностями и загадками Туркестана, вновь отправляется на Восток. В том же 1898 году Корнилов прибывает в город Термез на афганскую границу, в распоряжение известного исследователя Азии генерала М. Е. Ионова.

Генерала сильно беспокоила построенная с помощью англичан афганская крепость Дейдади, что в ущельи Гиндукуша, в 50 верстах от границы на пути в Кабул. Ее вооружение и укрепление были полной тайной для русских, а все попытки разведчиков проникнуть в крепость кончались печально – их сажали на кол. Лавр Георгиевич просит у генерала три дня отпуска и, никому ничего не говоря, переодетый скачет с тремя туркменами к крепости. Побрив голову, надев туркменский халат (пригодились унаследованные от матери восточные черты лица), с револьвером в кармане, он говорит спутникам, что живым в плен не попадет: «Последняя пуля – себе». Они переплывают на бурдюках бурную Аму-Дарью. Прекрасно владея местным наречием, Л. Г. Корнилов успокаивает подозрительность часового

почтительным поклоном и уверенным ответом: «Великий Абдурахман, эмир Афганистана, собирает всадников в конный полк. Я еду к нему на службу». – «Да будет благословенно имя Абдурахмана», – говорит воин-афганец, не подозревающий, что богато одетый всадник и его сопровождающие – русские разведчики.

…К концу третьего дня капитан Л. Г. Корнилов, проскакав сотни верст, вручает генералу Ионову фотографии, план крепости и дорог. «Но ведь Вас могли посадить на кол», – восклицает генерал. «Я это знал», – слышит он в ответ. Генерал представляет храбреца к ордену Святого Владимира IV-й степени с мечами (боевая награда в мирное время!), но вместо этого капитан получает выговор с обещанием посадить его на 30 дней на гауптвахту за самовольную отлучку за границу. Этот подвиг и рекордный пробег в 400 верст за три дня сразу выдвигают молодого офицера Генерального Штаба, и ему отныне дают серьезные и ответственные поручения.

Как географ и этнограф в 1899 году Л. Г. Корнилов обследует район Кушки в направлении на Герат и Мейман. Затем полтора года, невзирая на невообразимые лишения, изучает Кашгарию. С поручиком Кирилловым и несколькими казаками он проходит вдоль и поперек выжженную солнцем страну, нанося на карту извилины дорог, русла рек, колодцы и т. д. Возвратившись из полной опасностей и лишений экспедиции, Корнилов пишет и издает книгу «Кашгария или Восточный Туркестан», равную по научной ценности трудам знаменитого путешественника генерала Н. М. Пржевальского. Позже на протяжении месяцев занимается исследованием и описанием областей Восточной Персии – Хоростана и Сеистана, куда до него не проникал еще ни один европеец. В 1901 году Л. Г. Корнилов отправляется в новое опасное путешествие и проходит неисследованную до него и остававшуюся белым пятном на карте Персии «Степь Отчаяния» – Дашти-Наумед. Ни один путешественник до той поры не вернулся оттуда. В течение 7 месяцев Корнилов с двумя казаками и двумя туркменами, исходив «Степь», наносит на карту дороги, караванные пути, развалины древних городов, изучает нравы местных кочующих племен.

В Ташкенте Лавр Георгиевич женится на Таисии Владимировне Марковиной и везет молодую жену в свадебное путешествие… в пустыню – в очередную служебную поездку! По дороге вдруг выясняется, что новобрачная потеряла свое обручальное кольцо. Л. Г. Корнилов поворачивает караван обратно и после долгих поисков, пройдя много верст, находит кольцо в безбрежной песчаной пустыне! (Оказалось, на последней

остановке при умывании кольцо соскользнуло с пальца жены.)

С 1902 года подполковнику Л. Г. Корнилову поручается редактирование секретного издания Штаба Туркестанского военного округа под названием «Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом», где помещаются отчеты о некоторых из его экспедиций.

Заглянем в послужной список Лавра Георгиевича: в течение года он командует ротой. С 11 августа 1899 года – помощник старшего адъютанта Штаба Туркестанского военного округа; с 19 октября 1901-го – штаб-офицер для поручений при Штабе Туркестанского военного округа; с 13 июня 1904 года – столоначальник Главного штаба. В 1903 году Л. Г. Корнилов отправляется в Индию для изучения местных языков, нравов и обычаев. Русско-Японская война застает его в Белуджистане. После долгих хлопот, 30 сентября 1904 года Корнилов получает разрешение перейти в Действующую Армию, в штаб 1-й стрелковой бригады, с которой и участвует в боях под Сандепу, Мукденом и Телином.

Ученый и этнограф, Л. Г. Корнилов блестяще выдерживает и офицерский экзамен на прочность, устроенный ему судьбой в боях с японцами. При отходе от Мукдена его ослабленная потерями бригада остается в арьергарде, обеспечивая отход 2-й Маньчжурской армии. У деревни Вазые бригада попадает в окружение. Ночью Корнилов воодушевляет подчиненных и ведет их в штыковую атаку, внезапным ударом обращая японцев в бегство. Плотное кольцо врага разорвано, и считавшаяся уже погибшей бригада присоединяется к армии. Наградой Лавру Георгиевичу был орден Святого Георгия IV-й степени. Высочайший приказ так описывает его подвиг:

«…25 февраля 1905 года, получив приказание отвести от Мукдена собравшиеся к Мукденской станции из разных отрядов 1, 2 и 3 стрелковые полки, понесшие в предшествовавшие дни большие потери в офицерских и нижних чинах, подполковник Корнилов, достигнув окрестностей деревни Вазые, около 3 часов пополудни занял здесь позицию и в течение 4-х часов удерживал натиск противника, обстреливавшего наше расположение сильнейшим артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем; за это время выбыли из строя 2 командующих полками, а во 2-м стрелковом полку остались лишь 3 офицера.

Выдерживая натиск противника, подполковник Корнилов собрал нижних чинов разных частей, отступавших кучками и поодиночке, отправляя их на север вдоль железной дороги. Им было принято под охрану знамя 10-го стрелкового полка, следовавшее с малым конвоем отдельно от полка, и забраны оставленные

пулеметы. Около 7 часов вечера, пропустив значительную массу отходивших нижних чинов разных частей и обеспечив таким образом их отход, подполковник Корнилов приступил к очищению своей позиции. Деревня Вазые была в это время почти окружена противником. Усиленный огонь наших стрелков и атака в штыки 5-й роты 3-го стрелкового полка заставила японцев раздвинуться и открыть дорогу отряду подполковника Корнилова, вынесшему знамена, пулеметы и всех своих раненых и в порядке отступившему на север вдоль железной дороги».

За боевые отличия в 1905 году Л. Г. Корнилов был произведен в полковники, а после заключения мира – 1 мая 1906 года назначен делопроизводителем Управления генерал-квартирмейстера Генерального Штаба. По служебным делам он выезжает на Кавказ, в Туркестан и в Западную Европу. С 1 апреля 1907 года Корнилов – военный агент (атташе) в Китае. Отказавшись от перевозочных средств, верхом на коне с тремя ординарцами-казаками проезжает он весь путь от Иркутска до Пекина (в Штабе Иркутского военного округа вплоть до 1920 года хранилось седло Л. Г. Корнилова).

Жадно впитывая новую культуру и совершенствуясь в языке, Лавр Георгиевич собирает книги, рукописи, ковры, эмаль, богатейшую коллекцию китайских божков. Знакомится с выдающимся синологом Шкуркиным и часто бывает у него дома. Последний посвящает офицера в тонкости китайского языка. Китайцы дружелюбно относятся к русскому атташе, но не открывают ему своих военных секретов.

Об одной блестяще проведенной Корниловым разведывательной операции сохранился рассказ, звучащий, как легенда. Русскому командованию стало известно, что китайцы в строжайшем секрете готовят в отдаленном городке особый отряд войск, обучаемый европейским приемам боя. Корнилов, переодевшись в пышный наряд китайского мандарина, едет туда. Его принимают как посланника самого «сына неба» – Богдыхана. Лавру Георгиевичу оказываются всяческие почести, ему подробно докладывают об успехах, и весь отряд проходит перед ним церемониальным маршем. По окончании парада Корнилов произносит по-китайски речь, благодарит за оказанный прием и благополучно возвращается в посольство, завершив свою миссию.

В 1907 году Л. Г. Корнилов награжден за боевые отличия Золотым Оружием. 24 февраля 1911 года его назначают на должность командира 8-го пехотного Эстляндского полка, стоявшего под Варшавой, но уже 3 июня Корнилов получает должность начальника 2-го Заамурского отряда Отдельного корпуса пограничной стражи, в состав которого входят два

пехотных и три конных полка. В том же году Л. Г. Корнилов произведен в генерал-майоры.

В 1912 году по приказу начальника округа генерал Корнилов производит дознание о злоупотреблениях интендантства и о снабжении войск недоброкачественными продуктами, после чего дело передается военному следователю. По постановлению прокурорского надзора к следствию привлекаются в качестве обвиняемых некоторые начальствующие лица. Министр финансов Коковцов, в ведении которого находились пограничные войска, всячески пытался скрыть недостатки в своем ведомстве и добился Высочайшего повеления о прекращении следствия. Начальник округа генерал Мартынов подал прошение об отставке, генерал Корнилов по личному ходатайству 4 июля 1913 года был переведен на должность командира расквартированной во Владивостоке 1-й бригады 9-й Сибирской стрелковой дивизии.

* * *

19 июля 1914 года Россию всколыхнула весть об объявлении Германией войны. В этот же день генерал Л. Г. Корнилов, следуя мобилизационному предписанию, убывает на Западный фронт. Проехав от Тихого океана до Карпат, он временно принимает под свое командование 48-ю пехотную дивизию, в составе которой – полки, носящие прославленные «суворовские» имена – 189-й Измаильский, 190-й Очаковский, 191-й Ларго-Кагульский и 192-й Рымникский.

Уже 27 августа судьба испытывает генерала на прочность. XXIV-й армейский корпус, правым флангом выдвинувшийся вперед, был охвачен австрийцами, атаки которых следовали одна за другой, угрожая прорвать фронт на участке 48-й пехотной дивизии. Когда под натиском врага дрогнула одна из частей, потерявшая всех офицеров, Л. Г. Корнилов лично ведет в контратаку последний резерв – усиленный пулеметами саперный батальон. Под ним убита лошадь, но он опять впереди. На короткое время противник остановлен, но вновь обойденные русские полки вынуждены отступить, потеряв около тридцати орудий, немало солдат и офицеров.

Командовавший тогда соседней 4-й стрелковой бригадой генерал А. И. Деникин объяснял неудачу тем, что «дивизия и ранее не отличалась устойчивостью. Но очень скоро в руках Корнилова она стала прекрасной боевой частью». Не раз впоследствии Антон Иванович, искренне восхищаясь, подчеркивал командирские качества Корнилова: «умение

воспитывать войска, личная его храбрость, которая страшно импонировала войскам и создавала ему среди них большую популярность, наконец, высокое соблюдение воинской этики в отношении соратников – свойство, против которого часто грешили многие начальники». С 11 сентября 1914 года Л. Г. Корнилов командует 1-й бригадой 49-й пехотной дивизии, а 30 декабря принимает под свое командование 48-ю пехотную дивизию.

Наступая, дивизия Корнилова пробилась через Карпаты. Однако соседним соединениям не удалось развить успех, и передовой русский отряд вынужден был отступать под натиском опомнившихся врагов. Единственная свободная крутая горная дорога была занесена снегом, а у местечка Сины ее перекрыли австрийские части. Чтобы вывести артиллерию, генерал собрал около батальона пехоты и предпринял контратаку. Дивизия не только вырвалась из окружения, не потеряв ни одного орудия, но и опрокинула два вражеских полка, захватив более 1 200 пленных с генералом. Во время операции в Карпатах в боях 15–16 января 1915 года дивизия Л. Г. Корнилова овладела перевалом Черемша, взяв до 3 000 пленных. За геройские действия 15 февраля 1915 года Корнилов был произведен в генерал-лейтенанты, а его дивизия стяжала громкое наименование «Стальная».

Л. Г. Корнилов всегда на передовой. Он всегда хочет сам видеть и знать, что делает враг и готовы ли его части к решительным действиям. В одном из боев генерал вдруг спрашивает у своего начальника Штаба: «Что случилось в Очаковском полку?» – «Связь потеряна, провод перебит», – отвечает тот. «Послать подкрепление, австрийцы обходят наш левый фланг». Помощь приходит вовремя. В Штабе недоумевают, как генерал узнал об обходе. Оказывается, в бинокль он видел, как несколько наших солдат вдруг резко поменяли направление стрельбы – значит, обход!..

Дивизии поставлена задача перейти на противоположный берег реки Сан. В этих боях она попадает в окружение. Мало патронов, солдаты устали от беспрерывных боев. Вновь русские войска вынуждены пробиваться, причем два последних резервных батальона ведет в штыковую сам начальник дивизии. Кольцо вновь разорвано, и дивизия с честью выходит из тяжелой ситуации. Существуют, впрочем, и негативные оценки действий Лавра Георгиевича: как писал генерал А. А. Брусилов, во время действий на карпатском театре военных действий Корнилов «не исполнил приказа своего корпусного командира и, увлекшись преследованием… был окружен и с большим трудом пробился и вернулся тропинками обратно, потеряв всю артиллерию и часть

обоза».

В марте того же 1915 года Л. Г. Корнилов отличился при прорыве позиций 3-го австро-венгерского корпуса и в бою у высоты 650, господствовавшей над всеми окрестными дорогами. Многократные попытки овладеть ею не приводят к успеху. Корнилов мрачен. Каждый подступ к горе известен и нанесен на карту, известно количество войск противника и их вооружение, но вершина недоступна. Генерал лично допрашивает пленных, внимательно вслушиваясь в каждое их слово. Вскоре лицо его веселеет, и предпринятая по плану Корнилова новая атака приносит желаемый успех – высота взята, захвачены пленные и вооружение.

Но завершается боевая деятельность генерала Корнилова в Галиции трагично. В конце апреля 1915 года его 48-я дивизия занимает позиции на левом фланге укрепленного участка в 30 верст, к юго-западу от Дуклы. После разгрома III-й армии русских на Дунайце противник ведет мощное наступление на Львов и Перемышль и выходит во фланг и тыл XXIV-го корпуса, вынудив наши войска оставить позиции на линии Тарнов – Горлице. 48-я дивизия отходит на 25–30 верст и занимает новые, неукрепленные позиции. Вскоре Л. Г. Корнилов получает распоряжение отступить еще на 15–20 верст. Не имея информации от соседей, он ждет приказаний о переходе в контратаку во фланг оттесняющему наши части врагу и теряет время для вывода своей дивизии из окружения. Между Зимградом и Дуклой, у деревни Ивна, обозы отступающих русских войск окружены врагами. Генерал Корнилов не был бы самим собой, если бы не попытался прорваться из кольца. Ведомая своим командиром, дивизия идет на прорыв, но счастье улыбается только 191-му пехотному Ларго-Кагульскому полку и батальону 190-го пехотного Очаковского. Они и выносят все знамена дивизии. Дерущийся в арьергарде батальон 192-го пехотного Рымникского полка гибнет почти полностью. С рассветом 25 апреля противник обрушивается на остатки русских частей.

Раненный в голову и руку Корнилов, не желая сдаваться, с горсткой солдат уходит в горы, пытаясь пробиться к своим. Через пять дней, 29 апреля, «Орлиное гнездо» взято австрийцами, и его обессилевшие защитники попадают в плен. Их только семеро – генерал Корнилов, пять солдат и санитар…

В ходе боев дивизия Корнилова потеряла около 5 000 человек из 7 000 и 34 орудия, однако действия самого генерала и его полков были высоко оценены командующим Юго-Западным фронтом генералом Н. И. Ивановым. 28 апреля Государь наградил начальника дивизии орденом Святого Георгия III-й степени,

офицерам были пожалованы боевые ордена, а нижним чинам – Георгиевские Кресты. С 12 мая генерал Л. Г. Корнилов как находящийся в плену был отчислен от должности.

Несмотря на прекрасный уход в австрийском военном госпитале, раны заживали медленно, и остаток своей жизни Лавр Георгиевич прихрамывал, а левая рука его не действовала. Эрцгерцог Иосиф, главнокомандующий одной из австро-венгерских армий, и другие высокие чины навещали русского генерала и считали за высокую честь познакомиться с ним.

В плену генерал Корнилов встречает солдат своей дивизии, в большинстве раненых и полуголодных, и обращается к ним для ободрения духа с приветственным словом. На его глазах выступают слезы. Солдаты бросаются к своему командиру, целуют его руки, полы одежды и плачут, как дети, – зрелище, потрясшее даже австрийских конвоиров.

Помещенный первоначально в замок Нейгенбах под Веной, Корнилов был затем переведен в замок Эстергази в венгерском селении Лека. В плену генерал продолжает изучать местные языки, быт и нравы австрийской армии. Он неоднократно пытается бежать. Первый план – при помощи русского авиатора Васильева захватить австрийский аэроплан – был раскрыт, и Корнилова перевели в другой, более строго охраняемый лагерь, откуда бежать было сложно.

Специально перестав есть и всячески изнуряя себя, Л. Г. Корнилов попадает в госпиталь в местечке Кессиге. Здесь он посвящает в подробности плана своего побега русского врача Гудковского, а через вестового Д. Цесарского договаривается с фельдшером, чехом Ф. Мрняком, о помощи в побеге. Фельдшер добывает для генерала австрийскую военную форму ландштурмиста, деньги на дорогу и поддельные документы. 29 июня 1916 года среди бела дня Мрняк вывел загримированного русского генерала из госпиталя, и они оба по железной дороге направились к румынской границе.

Доктор Гудковский, больные и вестовой генерала скрывали побег. Однако отсутствие Л. Г. Корнилова на панихиде по умершему русскому офицеру вызвало подозрение у австрийцев. К тому же было найдено неотправленное письмо Мрняка родственникам, где он писал о готовящемся побеге. Начались усиленные поиски беглецов, к тому времени уже достигших конечной станции железной дороги. Избегая патрулей и застав на дорогах, питаясь кореньями трав и ягодами, переодетые теперь в гражданскую одежду, Корнилов и Мрняк направились через горы в сторону румынской границы. Не выдержавший голода чех зашел в кабачок, чтобы поесть и приобрести продукты. Он был опознан

и схвачен жандармами, позже был предан суду и приговорен к смертной казни, однако наказание было заменено на 25 лет тюрьмы.

Не будучи в состоянии помочь товарищу, Корнилов продолжает дальнейший путь один. Проблуждав около месяца по лесу, генерал находит приют в шалаше у пастуха-славянина, который и выводит его наконец к Дунаю и указывает безопасное место для перехода на противоположный берег. Ночью 18 августа 1916 года Лавр Георгиевич пересекает румынскую границу.

Когда ранним утром 28 августа 1916 года на запыленной площади румынского городка Турну-Северян к русскому офицеру обратился, подавляя кашель, изможденный и заросший щетиной человек: «Я – генерал-лейтенант Корнилов! Дайте мне приют…» – изумлению не было предела. Через несколько дней бывший пленник уже в Бухаресте, откуда выезжает в Ставку Верховного Главнокомандующего и из рук Государя лично получает ранее пожалованную награду.

Отметим, что на сентябрь 1916 года по сведениям Ставки в плену числились 60 русских генералов. Бежал же один лишь Л. Г. Корнилов, что сразу сделало его знаменитым. Практически все газеты и журналы помещают портреты смельчака. В Михайловском артиллерийском училище в Петрограде в честь героя-выпускника выстраивается весь личный состав в парадной форме… Казаки станицы «Каркаралинской» из далекой Сибири присылают своему земляку золотой нательный крест и 100 рублей денег… Побег Корнилова из плена вызывает взрыв патриотических чувств, в нем видят героя, смелого и решительного.

13 сентября 1916 года генерал Л. Г. Корнилов получает в командование XXV-й армейский корпус, однако уже через несколько месяцев для него, да и для всей России, начинаются новые страшные испытания.

* * *

С отречением Императора Николая II военный и морской министр А. И. Гучков и глава Временного Комитета Государственной Думы М. В. Родзянко пожелали видеть на посту командующего войсками Петроградского военного округа популярного среди солдат боевого генерала и Георгиевского кавалера Л. Г. Корнилова. И начать свою деятельность на этом посту первому «революционному» командующему пришлось с ареста Императрицы Александры Феодоровны 7 марта 1917 года.

Сам генерал позже не любил вспоминать об этом факте своей биографии, тем более что многие ставили ему этот арест в вину.

Появление Корнилова в Петрограде, впрочем, имело свою предысторию. Дежурный генерал Главного Штаба, генерал А. П. Архангельский, свидетельствовал, что, когда начался хаос в столице, руководство Главного и Морского Штабов на совещании о путях восстановления снабжения Армии всеми видами довольствия, которое было приостановлено беспорядками, грозившими фронту неминуемой катастрофой, остановило свой выбор на генерале Корнилове. Выбор был утвержден сообственноручной резолюцией Государя – «Исполнить» – 2 марта, за несколько часов до отречения. Таким образом, Лавр Георгиевич исполнял последнюю волю своего Императора.

Голословными остаются и обвинения Корнилова в неподобающем поведении при аресте Императрицы. С максимальной корректностью генерал сообщил Ее Величеству о решении Временного Правительства считать Царскую Семью арестованной, затем попросил всех выйти и остался с Императрицей наедине. Речь в это время могла идти о возможном переезде Августейшей Семьи в Англию. Когда генерал Корнилов выходил, Государыня поблагодарила его, а оставшись одна, заплакала… Исполнив этот тяжелый акт, генерал оградил Царскую Семью от многих неприятностей в эти тяжелые дни Их жизни. И все, кто видел тогда генерала, свидетельствуют о его сильном моральном потрясении…

Вообще же политические взгляды Л. Г. Корнилова один из деятелей Совета рабочих и солдатских депутатов характеризовал так: «В исполнительном комитете он говорил, что против царского режима. Я не думаю, чтобы Корнилов унизился до притворства. Несомненно, он сочувствовал реформаторским стремлениям. Но также несомненно, что он не был демократом, в смысле предоставить власть народу: как всякий старый военный, он всегда был подозрительно настороже по отношению к солдату и “народу” вообще: народ славный, что и говорить, но надо за ним присматривать, не то он избалуется, распустится. Против царского строя он был именно потому, что власть начинала терять свой серьезный, деловитый характер. Хозяин был из рук вон плох, и нужен был новый хозяин, более толковый и практичный».

На своем высоком посту Корнилов, однако, не может принимать самостоятельных решений, хотя за все несет ответственность. Петроградский военный округ погряз в митингах и пьянстве, дисциплина упала до нуля, офицеры не могли сказать и слова без риска быть поднятыми на штыки. Страна по сути

потеряла Армию и неизбежно катилась в пропасть хаоса и беспорядков. Временное Правительство и Совдеп путались в собственных распоряжениях, да их никто и не думал исполнять.

23 апреля 1917 года Лавр Георгиевич написал рапорт с просьбой вновь направить его на фронт, и военный министр счел возможным назначить его командующим Северным фронтом. Верховный Главнокомандующий генерал М. В. Алексеев возражал против такого решения, ссылаясь на недостаточный командный стаж Корнилова и говоря, что неудобно «обходить старших начальников – более опытных и знакомых с фронтом, как, например, генерал А. Драгомиров». Следствием этого стало назначение 29 апреля генерала Корнилова на пост командующего VIII-й армией (Юго-Западный фронт).

Тогда же рядом с генералом появляется в качестве ординарца доброволец В. Завойко. Именно ему, неплохо владевшему пером, поручал Лавр Георгиевич составление тех документов, где нельзя было обойтись без литературной обработки и корректуры. Завойко стал буквально правой рукой генерала и немало сделал для роста авторитета командующего, составляя его речи и воззвания. Он же вспоминал о начале «знакомства» командующего армией с вверенными ему войсками. Резервные части устроили митинг и на все доводы о необходимости наступления отвечали отказом, всячески попрекая власти за продолжение «буржуазной» войны; на позициях же дело обстояло еще хуже.

«Когда генерал Л. Г. Корнилов после двухчасовой бесплодной беседы, измученный нравственно и физически, отправился в окопы, – рассказывал Завойко, *– здесь ему представилась картина, которую вряд ли мог предвидеть воин любой эпохи… Появление генерала Л. Г. Корнилова было приветствуемо… группой германских офицеров, нагло рассматривавших командующего русской армией. За ними стояло несколько прусских солдат… Генерал взял у меня бинокль и, выйдя на бруствер, начал рассматривать район будущих боевых столкновений. На чье-то замечание, как бы пруссаки не застрелили русского командующего, последний ответил: “Я был бы бесконечно счастлив – быть может, хоть это отрезвило бы наших солдат и прервало постыдное братание”.*

На участке соседнего полка командующий был встречен… бравурным маршем германского егерского полка, к оркестру которого потянулись наши “братальщики”-солдаты. Генерал со словами “Это измена!” повернулся к стоящему рядом с ним офицеру, приказав передать “братальщикам” обеих сторон, что, если немедленно не прекратится позорнейшее явление, он откроет

огонь из орудий. Дисциплинированные германцы прекратили игру… и пошли к своей линии окопов, по-видимому, устыдившись мерзкого зрелища. А наши солдаты – о, они долго еще митинговали, жалуясь на "притеснения контрреволюционными начальниками их свободы"».

Через несколько дней после вступления в должность Л. Г. Корнилов получает рапорт капитана М. О. Неженцова с рядом соображений о мерах оздоровления Армии. Этому молодому офицеру генерал и поручает формирование ударного отряда, вскоре развернутого в полк, получивший название Корниловского. Он должен был стать сплоченной и организованной частью, способной своим примером внести перелом в настроениях на фронте. Такую же роль играл и Текинский конный полк.

Почти ежедневно приходится Корнилову бывать в частях с разъяснениями о необходимости соблюдать дисциплину. В отношении солдатских комитетов генерал занимает жесткую позицию, всячески стараясь вводить их в рамки законности и внушая, что главнейшая их задача – не вмешательство в вопросы перемещения командного состава, а подъем наступательного духа войск.

18 июня 1917 года Юго-Западный фронт начал наступление. XI-я и VII-я армии продвинулись вглубь обороны противника на два километра и стали топтаться на месте. Солдаты замитинговали. Действовавшая по замыслу командования на второстепенном направлении VIII-я армия перешла в наступление три дня спустя. В шестидневных боях она под командованием Л. Г. Корнилова продвинулась на 18–20 километров, потеряв около 15 000 человек и взяв значительные трофеи: 800 офицеров и 36 000 солдат пленными, 127 орудий и минометов, 403 пулемета. Но и на фоне такого впечатляющего успеха Юго-Западный фронт в целом продолжал разваливаться буквально на глазах. Части самовольно уходили с позиций, о власти и повиновении не было и речи. Толпы дезертиров тянулись на сотни верст в тыл… Нужен был новый руководитель, и выбор пал именно на генерала Корнилова, потому что в последние недели только он проявил способность управлять войсками.

27 июня 1917 года Л. Г. Корнилов был произведен в генералы-от-инфантерии, а 10 июля – назначен Главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта, фактически исполняя эту должность уже с 7 июля.

Видя картины панического отступления частей, превосходящих врага по численности, Лавр Георгиевич принимает единственно верное, на его взгляд, решение –

приказом от 8 июля он требует решительных действий, вплоть до расстрела дезертиров. Генерал уверен, что его поймут уставшие от беспорядков и анархии офицеры; тогда же он отправляет Верховному Главнокомандующему, военному министру и министру-председателю телеграмму, в которой обосновывает свои действия и предупреждает: «Иначе вся ответственность ляжет на тех, кто словами думают править на тех полях, где царит смерть и позор предательства, малодушия и себялюбия». С одобрения высшего командования Корнилов формирует особые отряды для борьбы с мародерами и дезертирами, запрещает митинги как незаконные сборища, подлежащие разгону силой оружия, а главное – требует восстановления смертной казни, отмененной 12 марта 1917 года Временным Правительством: «Армия обезумевших темных людей, не ограждаемых властью от систематического разложения и развращения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит. На полях, которые нельзя даже назвать полями сражения, царит сплошной ужас, позор и срам, которых русская армия еще не знала с самого начала своего существования… Меры правительственной кротости расшатали дисциплину, они вызывают беспорядочную жестокость ничем не сдерживаемых масс. Эта стихия проявляется в насилии, грабежах и убийствах… Смертная казнь спасет многие невинные жизни ценой гибели немногих изменников, предателей и трусов…»

Криком души патриота звучат слова Лавра Георгиевича: «Сообщаю вам, стоящим у кормила власти, что Родина действительно накануне безвозвратной гибели, что время слов, увещеваний и пожеланий прошло, что необходима непоколебимая государственно-революционная власть. Я заявляю, что если Правительство не утвердит предлагаемых мной мер и тем лишит меня единственного средства спасти армию и использовать ее по действительному назначению защиты Родины и Свободы, то я, генерал Корнилов, самовольно слагаю с себя полномочия командующего». В тот же день, не получив еще ответа от Правительства, он приказывает в случае самовольного ухода войск с позиций, не колеблясь, применять «огонь пулеметов и артиллерии».

9 июля министр-председатель А. Ф. Керенский одобрил все проводимые мероприятия, а 12 июля был получен его ответ о принципиальном принятии закона о смертной казни, что тотчас произвело отрезвляющее впечатление в армейской среде. Однако в тот же день, ввиду полной безнадежности положения фронта, был отдан приказ об отводе войск из Буковины и Галиции: к 21 августа войска Юго-Западного фронта вернулись на

государственную границу России.

Генерал Л. Г. Корнилов (в центре, верхом) – Главнокомандующий войсками Петроградского военного округа. 1917

Но сам Корнилов по предложению Керенского к этому времени уже принимает пост Верховного Главнокомандующего. В своей телеграмме Временному Правительству генерал обуславливает свое согласие на принятие поста «ответственностью перед совестью и всем народом» и получает подтверждение права на проведение жесткой линии на фронте и в тылу и заверения в полном невмешательстве в его оперативные распоряжения и назначения высшего командного состава. Предложенная Л. Г. Корниловым программа стабилизации положения в России предполагала создание «армии в окопах, армии в тылу и армии железнодорожников»; по свидетельству генерала А. И. Деникина, Лавр Георгиевич «уже тогда видел в диктатуре единственный выход из положения».

С назначением Л. Г. Корнилова на пост Верховного, в Ставку, располагавшуюся в Могилеве, началось буквально паломничество представителей различных патриотических организаций – Союза офицеров армии и флота, Союза казачьих войск, Союза Георгиевских кавалеров… Красноречивую телеграмму направил М. В. Родзянко: «Совещание общественных деятелей приветствует Вас, Верховного вождя Русской армии… В грозный час тяжелого испытания вся мыслящая Россия смотрит на Вас с надеждой и

верой. Да поможет Вам Бог в Вашем великом подвиге на воссоздание могучей армии и спасение России».

На посту Верховного Главнокомандующего Корнилов был нужен Керенскому как популярная и сильная личность, способная пресечь деятельность лево-экстремистских движений в стране и стабилизировать политическую ситуацию. Но и Керенский нужен был Корнилову как государственный гарант, «легализующий» действия Верховного по наведению порядка и установлению твердой власти. Безусловно, каждый имел и свои собственные интересы в таком альянсе.

3 августа они встречаются в Зимнем дворце, и генерал передает министру-председателю доклад с изложением необходимых, на его взгляд, первоочередных законодательных преобразований. Корнилов считает обязательным признание Временным Правительством вины в оскорблении, унижении и сознательном лишении прав и значимости российского офицерства. Он полагает, что функции военного законотворчества должны быть переданы в руки Верховного Главнокомандующего, видит необходимым «изгнать из армии всякую политику, уничтожить право митингов», отменить Декларацию прав солдата, убрать комиссаров и распустить войсковые комитеты. Не найдя взаимопонимания и почувствовав враждебность обстановки, Корнилов возвращается в Ставку, однако мысли его, став известными газетчикам, вызвали антикорниловскую шумиху в той части прессы, которая опасалась надвигающейся угрозы левым силам и наведения порядка в стране.

14 августа легендарный генерал приезжает в Москву на проходящее там Государственное Совещание. На вокзале он был встречен почетным караулом и оркестром от Александровского военного училища, депутациями военно-патриотических организаций, членами Государственной Думы и целым рядом генералов и высокопоставленных лиц. После краткого митинга поднятый на руки офицерами и под восторженные крики пронесенный до своего автомобиля, генерал Л. Г. Корнилов приветствует москвичей. Машина его была завалена цветами. Приказав их убрать, Лавр Георгиевич замечает: «Я не тенор, и цветов мне не нужно; если же вы хотите украсить автомобиль, то украшайте Георгиевским флагом, на что я имею право как Главнокомандующий».

На другой день ему как «первому солдату революции» предоставили слово на Государственном Совещании. Как вспоминал позже лидер конституционно-демократической партии П. Н. Милюков, «низенькая, приземистая, но крепкая фигура

человека с калмыцкой физиономией, с острым пронизывающим взглядом маленьких черных глаз, в которых вспыхивали злые огоньки, появилась на эстраде. Почти весь зал встал, бурными аплодисментами приветствуя Верховного. Не поднялась только немногочисленная левая сторона. С первых скамей туда яростно кричали: “Хамы! Встаньте”. Оттуда неслось презрительное: “Холопы!” Председательствующему с трудом удалось восстановить тишину в зале». Л. Г. Корнилов говорит о развале Армии и восстановлении дисциплины на фронте и порядка в тылу…

«Я ни одной минуты не сомневаюсь, что эти меры будут приняты безотлагательно. Но невозможно допустить, чтобы решимость проведения в жизнь этих мер каждый раз совершалась под давлением поражений и уступок отечественной территории. Если решительные меры для поднятия дисциплины на фронте последовали как результат Тарнопольского разгрома и утраты Галиции и Буковины, то нельзя допустить, чтобы порядок на железных дорогах был восстановлен ценою уступки противнику Молдавии и Бессарабии.

…Я верю в светлое будущее нашей Родины, и я верю в то, что боеспособность нашей армии, ее былая слава будут восстановлены. Но я заявляю, что времени терять нельзя, что нельзя терять ни одной минуты. Нужны решимость и твердое, непреклонное проведение намеченных мер».

* * *

После Государственного Совещания, показавшего слабость Правительства, в ближайшем окружении Корнилова возникают мысли о военном перевороте. Во главе страны предполагается поставить так называемый Совет народной обороны (председатель – Л. Г. Корнилов, заместитель председателя – А. Ф. Керенский). Подавление экстремистских революционных сил планировалось на 27 августа, день «полугодовщины» революции, для чего в столицу следовало ввести III-й конный корпус и Туземную дивизию, которые впоследствии должны были стать основой Отдельной Петроградской армии, подчиненной непосредственно Ставке. Свои намерения Корнилов объясняет Временному Правительству необходимостью немедленной «расчистки» столицы от запасных частей, совершенно разложившихся под влиянием демократической вседозволенности и большевицкой пропаганды. Керенский согласился с этими намерениями, тем более что 21 августа дезорганизованные

русские войска сдали Ригу. Развал армии продолжался.

23 августа в Ставку прибыл управляющий военным министерством Б. В. Савинков, заверивший генерала Корнилова в одобрении Временным Правительством его проекта. Вечером следующего дня Корнилов назначает генерала А. М. Крымова командующим Отдельной армией в Петрограде, генерала П. Н. Краснова – командующим III-м конным корпусом, отдает приказ о снятии с фронта преданных ему войск и концентрации их в районе Луги. 26 августа Верховный телеграфирует Савинкову: «Корпус сосредоточится в окрестностях Петрограда к вечеру 28 августа. Я прошу объявить Петроград на военном положении 29 августа».

Однако В. Н. Львов, бывший «революционный» обер-прокурор Святейшего Синода и будущий член «Союза воинствующих безбожников», выступавший в те дни посредником между Корниловым и Временным Правительством, доложил А. Ф. Керенскому требования генерала в искаженном виде: «Первое – генерал Корнилов предлагает объявить Петроград на военном положении. Второе – передать всю власть военную и гражданскую в руки Верховного главнокомандующего. Третье – уходят в отставку все министры, не исключая и министра-председателя, временное управление министерствами передается товарищам министров впредь до образования кабинета Верховным главнокомандующим». А опубликованные воспоминания В. Н. Львова пролили свет на некоторые неизвестные обстоятельства так называемого «мятежа Корнилова».

«Керенский дал мне категорическое поручение представить ему из Ставки и от общественных организаций требования о реконструкции власти в смысле ее усиления, – рассказывал «посредник». – *Для исполнения этого поручения я и поехал в Ставку. В Могилеве я говорил с Корниловым, указав на данное мне поручение. Мы беседовали с ним о реконструкции власти. Детали ее уже не помню, потому что измучен перенесенными волнениями.*

Никакого ультимативного требования Корнилов мне не предъявлял. У нас была просто беседа, во время которой обсуждались разные пожелания в смысле усиления власти. Эти пожелания я и высказал Керенскому. Никакого ультимативного требования я не предъявлял и предъявить не мог, а он потребовал, чтобы я изложил свои мысли на бумаге. Я это сделал, а он меня арестовал. Я не успел даже прочесть написанную мной бумагу, как он, Керенский, вырвал у меня и положил в карман».

Уже утром 27 августа в экстренных выпусках некоторых газет была поднята истерическая шумиха: Л. Г. Корнилова именовали не иначе как государственным изменником. Керенский по

телеграфу приказывает Лавру Георгиевичу сложить с себя обязанности Верховного Главнокомандующего. Генерал отказывается это сделать, и 28 августа Временное Правительство устами министра путей сообщения Н. В. Некрасова объявляет генерала мятежником. Ответ Корнилова следует незамедлительно:

«Казаки, дорогие станичники! Не на костях ли Ваших предков расширялись и росли пределы Государства Российского. Не Вашей ли могучей доблестью, не Вашими ли подвигами, жертвами и геройством была сильна Великая Россия. Вы – вольные, свободные сыны Тихого Дона, красавицы Кубани, буйного Терека, залетные могучие орлы Уральских, Оренбургских, Астраханских, Семиреченских и Сибирских степей и гор и далеких Забайкалья, Амура и Уссури, всегда стояли на страже чести и славы Ваших знамен, и Русская земля полна сказаниями о подвигах Ваших отцов и дедов. Ныне настал час, когда Вы должны придти на помощь Родине. Я обвиняю Временное Правительство в нерешительности действий, в неумении и неспособности управлять, в допущении немцев к полному хозяйничанью внутри нашей страны, о чем свидетельствует взрыв в Казани, где взорвалось около миллиона снарядов и погибло двенадцать тысяч пулеметов; более того, я обвиняю некоторых членов Правительства в прямом предательстве Родины, и тому привожу доказательства: когда я был на заседании Временного Правительства в Зимнем Дворце 3 августа, Министр Керенский и Савинков сказали мне, что нельзя всего говорить, так как среди министров есть люди неверные.

Ясно, что такое Правительство ведет страну к гибели, что такому Правительству верить нельзя и вместе с ним не может быть спасения несчастной России. Поэтому, когда вчера Временное Правительство, в угоду врагов, потребовало от меня оставления должности Верховного Главнокомандующего, я, как казак, по долгу совести и чести вынужден был отказаться от исполнения этого требования, предпочитая смерть на поле брани – позору и предательству Родины. Казаки, рыцари Земли Русской. Вы обещали встать вместе со мной на спасение Родины, когда я найду это нужным. Час пробил, Родина – накануне смерти. Я не подчиняюсь распоряжениям Временного Правительства, и ради спасения Свободной России иду против него и против тех безответственных советников его, которые продают Родину. Поддержите, казаки, честь и славу беспримерно доблестного казачества, и этим Вы спасете Родину и Свободу, завоеванную Революцией. Слушайтесь же и исполняйте мои приказания. Идите же за мной.

Верховный Главнокомандующий Генерал Корнилов».

На следующий день, 29 августа, было опубликовано его «Обращение к народу»:

«Я, Верховный Главнокомандующий Генерал Корнилов, пред лицом всего народа объявляю, что долг солдата, самопожертвование гражданина Свободной России и беззаветная любовь к Родине заставили меня в эти грозные минуты бытия Отечества не подчиниться приказанию Временного Правительства и оставить за собою Верховное Командование народными армиями и флотом.

Поддержанный в этом решении всеми Главнокомандующими фронтов, я заявляю всему Народу Русскому, что предпочитаю смерть отстранению меня от должности Верховного.

Истинный сын Народа Русского всегда погибает на своем посту и несет в жертву Родине самое большое, что он имеет, – свою жизнь.

В эти, поистине ужасающие, минуты существования Отечества, когда подступы к обеим столицам почти открыты для победного шествия торжествующего врага, Временное Правительство, забывая великий вопрос самого независимого существования страны, кидает в народ призрачный страх контр-революции, которую оно само своим неумением к управлению, своею слабостью во власти, своею нерешительностью в действиях вызывает к скорейшему воплощению.

Не мне ли, кровному сыну своего Народа, всю жизнь свою на глазах всех отдавшего на беззаветное служение Ему, стоять на страже великих свобод, великого будущего своего Народа!

Но ныне будущее это в слабых, безвольных руках; надменный враг, посредством подкупа и предательства распоряжающийся у нас в стране, как у себя дома, несет гибель не только свободе, но и существованию Народа Русского.

Очнитесь, люди русские, от безумия ослепления и вглядитесь в бездонную пропасть, куда стремительно идет наша Родина! Избегая всяких потрясений, предупреждая какое-либо пролитие русской крови в междоусобной брани и забывая все обиды и все оскорбления, я перед лицом всего народа обращаюсь к Временному Правительству и говорю: “Приезжайте ко мне в Ставку, где свобода Ваша и безопасность обеспечены моим честным словом, и совместно со мной выработайте и образуйте такой состав Правительства Народной Обороны, который, обеспечивая победу, вел бы Народ Русский к великому будущему, достойному могучего свободного народа”.

Верховный Главнокомандующий Генерал Корнилов».

Не менее впечатляюще и пророчески звучат и слова еще

одного из воззваний генерала:

«Русские Люди! Великая Родина наша умирает. Близок час кончины. Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство, под давлением большинства Советов, действует в полном согласии с планами германского генерального штаба и одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережьи убивает армию и потрясает страну внутри.

Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей Родины. Все, у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в Бога, идите в храмы, молите Господа Бога об объявлении величайшего чуда, спасения родимой земли!

Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ путем победы над врагом до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад своей новой государственной жизни. Предать же Россию в руки ее исконного врага – германского племени и сделать русский народ рабами немцев я не в силах и предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама русской земли. Русский народ, в твоих руках жизнь твоей Родины!»

Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего, генерал А. С. Лукомский, которому Керенским было приказано вступить в должность Верховного, также отказался исполнить это распоряжение, телеграфировав министру-председателю: «Считаю долгом совести, имея в виду лишь пользу Родины, заявить, что теперь остановить начавшееся с Вашего же одобрения дело невозможно, и это поведет лишь к гражданской войне, окончательному разложению армии и позорному сепаратному миру, следствием чего, конечно, не будет закрепление завоеваний революции. Ради спасения России Вам необходимо идти с генералом Корниловым, а не смещать его. Смещение генерала Корнилова поведет за собой ужасы, которых Россия еще не переживала. Я лично не могу принять на себя ответственности за армию, хотя бы на короткое время, и не считаю возможным принимать должность от генерала Корнилова, ибо за этим последует взрыв в армии, который погубит Россию».

29 августа указом Временного Правительства Л. Г. Корнилов был отстранен от должности Верховного Главнокомандующего «с преданием суду за мятеж». Воззвания генерала не дошли ни до армии, ни до широких слоев населения России – телеграф был в руках Правительства. Керенский обратился к большевикам с просьбой стать на защиту революции, и те тотчас откликнулись,

стремясь, естественно, к достижению своих целей. Навстречу войскам генерала Крымова были высланы агитаторы. Пришло известие об аресте в Бердичеве Главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала А. И. Деникина и его ближайших сотрудников, выразивших Корнилову свою полную поддержку. Был смещен Главнокомандующий Северным фронтом генерал В. Н. Клембовский. Главнокомандующий Западным фронтом генерал П. С. Балуев и помощник Главнокомандующего Румынским фронтом[2] генерал Д. Г. Щербачев поддержали Временное Правительство. 31 августа на своей петроградской квартире застрелился генерал Крымов, явившийся к Керенскому с объяснениями. Существует, однако, и версия об убийстве Крымова…

Оставшийся в одночасье почти в одиночестве, генерал Корнилов стоял на грани самоубийства, но внял увещеваниям жены в том, что он не имеет права бросать тысячи поверивших ему офицеров и должен продолжить борьбу.

«Дальнейшее сопротивление было бы глупо и преступно, – сказал Верховный Лукомскому после получения известий о предстоящем прибытии в Ставку генерала М. В. Алексеева. – Пойдите на телеграф, заявите, что я и Вы подчинимся генералу Алексееву, и ему в Ставке не угрожают никакие неприятности…» И 2 сентября приехавший в Могилев Алексеев объявил об аресте Корнилова и его сподвижников. После первых допросов Лавру Георгиевичу было предложено письменно изложить свои показания, а уже 5 сентября доклад по «делу Корнилова» был готов.

«Постановлением Временного правительства от 29 августа генерал Корнилов предан суду за мятеж. Принимая во внимание, что в уголовных законах отсутствует юридическое определение мятежа, комиссия обсудила вопрос о возможности предания генерала Корнилова военно-революционному суду.

Согласно постановлению Временного правительства об учреждении военно-полевых судов от 12 июля сего года, генерал Корнилов мог бы быть предан этому суду лишь в случае предъявления ему обвинений в военной или государственной измене или в явном восстании.

Обвинение в государственной измене могло бы иметь место лишь при наличии у генерала Корнилова намерения способствовать или благоприятствовать неприятелю в его военных или враждебных против России действиях или при допущении им таких деяний, которые могли бы способствовать неприятелю в его военных операциях. В добытом комиссией материале данных, изобличающих генерала Корнилова в намерении способствовать

неприятелю, совершенно не имеется. Напротив, из обзора всех его распоряжений, относящихся к соответствующему периоду времени, и его объяснений следует, что все его действия имели своей целью успешную борьбу с неприятелем.

Что касается обвинения генерала Корнилова в измене при наличии эвентуального умысла, то комиссия полагает, что такое могло бы иметь место при условии фактического ослабления им фронта взятием с него войск для внутренней борьбы в Петрограде и оставления им армий без оперативного руководства в последних числах августа.

При исследовании этого вопроса оказалось: для направления на Петроград были предназначены 3-й конный корпус и Курляндский уланский полк; гарнизон Могилева был усилен Корниловским ударным полком и двумя Польскими легионами. Из имеющихся в деле официальных документов видно, что 3-й конный корпус был двинут к Петрограду по требованию Временного правительства; Корниловский ударный полк был взят не с фронта, а с тыла из Проскурова во время его укомплектования; Польские легионы взяты также с тыла, а уланский полк, по имеющимся сведениям, посылался по указанию управляющего делами военного министерства Савинкова.

Что же касается вопроса об оставлении армий без оперативного руководства, то такое руководство продолжалось непрерывно, за исключением Румынского фронта, который 30 августа сам прервал связь со Ставкой по распоряжению военно-революционного комитета этого фронта. Таким образом, для обвинения генерала Корнилова в измене не имеется данных.

Вторым основанием для предания генерала Корнилова военно-революционному суду могло бы быть обвинение его в явном восстании…

Как видно из положения 110-й статьи в Воинском уставе о наказаниях, находящейся в главе о нарушении воинского чинопочитания и подчиненности, – статьей этой предусматриваются нарушения, направленные против воинской дисциплины. Хотя, согласно 20-й статьи Положения о полевом управлении войск в военное время, верховный главнокомандующий и находится в исключительном и непосредственном подчинении Временному правительству, однако комиссия полагает, что это подчинение является только политическим, и дисциплинарных отношений – в смысле воинском – между ними не существует. Такой взгляд подтверждается и самим наименованием "Верховный Главнокомандующий".

…Ввиду изложенного и на точном основании закона от 12 июля 1917 года об учреждении военно-революционных судов дело о

генерале Корнилове военно-революционному суду не подсудно. Не подсудно оно и военно-окружному или корпусному суду ввиду того, что город Могилев не находится в войсковом районе театра военных действий, а подлежит на общем основании направлению в суд гражданского ведомства после производства предварительного следствия».

Пребывание арестованных в Могилеве стало тревожить Временное Правительство, так как в городе находился Корниловский ударный полк. Он был отправлен на Юго-Западный фронт, а пленников перевели в Быхов и поместили в здание женской гимназии под охрану Текинского конного полка и караула Георгиевского батальона в количестве 50 человек. Фактически к заключенным допускались все желающие, потому они были в курсе всего, что творилось на фронте и в Ставке.

В Быхове по «делу Корнилова» находились под арестом, кроме самого Лавра Георгиевича, генералы: А. С. Лукомский, начальник Штаба Верховного; А. И. Деникин, Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта; С. Л. Марков, начальник Штаба Юго-Западного фронта; И. Г. Эрдели, командующий Особой армией; Г. М. Ванновский, командующий I-й армией; И. П. Романовский, 1-й генерал-квартирмейстер Штаба Верховного; Е. Ф. Эльснер, начальник снабжения Юго-Западного фронта; Кисляков, товарищ министра путей сообщения; М. И. Орлов, генерал-квартирмейстер Штаба Юго-Западного фронта; подполковники Новосильцов и Пронин, капитаны Ряснянский, Роженко и Брагин, есаул Родионов, штабс-капитан Чунихин, поручик Чешских войск Клецанда, прапорщики Никитин и Иванов, военный чиновник Будилович, сотрудник газеты «Новое Время» Никаноров и бывший член 1-й Государственной Думы А. Ф. Аладьин.

* * *

25 октября Временное Правительство было свергнуто большевиками. После бегства А. Ф. Керенского, формально являвшегося Верховным Главнокомандующим, на этом посту остался начальник Штаба Верховного, генерал Н. Н. Духонин. Именно к нему обращается с письмом Корнилов: «Вас судьба поставила в такое положение, что от Вас зависит изменить исход событий, принявших гибельное для страны и армии направление, главным образом благодаря нерешительности и попустительству старшего командного состава. Для Вас наступает минута, когда люди должны или дерзать, или уходить, иначе на них ляжет

ответственность за гибель страны и позор за окончательный развал армии. По тем неполным отрывочным сведениям, которые доходят до меня, положение тяжелое, но еще не безвыходное. Но оно может стать таковым, если Вы допустите, что Ставка будет захвачена большевиками, или же добровольно признаете их власть».

Духонин выполнил лишь одно из прозвучавших в письме условий: признать большевиков отказался, но воспрепятствовать захвату и разгрому ими Ставки не сумел. Однако перед зарождающимся Белым движением у него есть и неоценимая по своим последствиям заслуга: 19 ноября 1917 года по приказу генерала Духонина были освобождены и тем самым спасены от грозившего им самосуда генерал Корнилов и его соратники, а в ночь на 20-е Текинский конный полк во главе с Лавром Георгиевичем походным порядком выступил на Дон. Буквально на следующий день явившейся в Могилев революционной толпой во главе с новым «Главковерхом», бывшим прапорщиком Н. В. Крыленко, Николай Николаевич Духонин был схвачен и зверски растерзан. Обеспокоенный «бегством корниловцев» Крыленко потребовал от всех телеграфных станций примыкавшего к Быхову района сообщать в Ставку о движении конницы во главе с Л. Г. Корниловым.

По оплошности командира полка всадники-текинцы не имели ни теплой одежды, ни рукавиц, ни карт, ни врача, ни перевязочных средств. Обоз, состоявший из «революционизированных» солдат, дезертировал. Полк остался без провизии, патронов и снаряжения. Идя лесами и болотами, окруженный враждебно настроенным населением, он был заведен изменником-проводником в засаду и понес потери. У станции Унеча полк был обстрелян большевицкими бронепоездами, под генералом Корниловым была убита лошадь, текинцы потеряли более половины состава. Полк буквально таял, люди и лошади страдали от холода и голода. Полагая, что одним текинцам продолжать путь будет безопаснее, 30 ноября в деревне Нагара генерал отпустил своих боевых соратников, сняв с них клятву верности. Затем, переодевшись в крестьянскую одежду, с поддельным паспортом он вынужден был продолжать путь инкогнито. 6 декабря генерал Л. Г. Корнилов поездом прибыл в Новочеркасск.

Остатки Текинского полка продолжали двигаться на юг, и в начале января на Дон прибыли сорок всадников, а позже семеро офицеров полка. Корнилов поблагодарил их за службу и отпустил домой. Только шестеро текинцев, один киргиз и четверо офицеров вступили в Добровольческую Армию и были в конвое

генерала до самой его смерти. После Кубанского похода в Ростов прибыло еще около шестидесяти текинцев, освобожденных из большевицких тюрем немцами. Отдохнув, все они вернулись домой.

По прибытии на Дон Л. Г. Корнилов возглавляет начатые там генералом М. В. Алексеевым первые Белые вооруженные формирования, хотя можно представить себе всю сложность взаимоотношений этих людей после стольких событий и взаимных предубеждений… Сам Корнилов в мыслях стремится за Урал. «Сибирь я знаю, в Сибирь я верю; я убежден, что можно будет поставить дело широко. Здесь же с делом легко справится и один генерал Алексеев. Я убежден, что долго здесь оставаться я буду не в силах. Жалею только, что меня задерживают теперь и не пускают в Сибирь, где необходимо начинать работу возможно скорей, чтобы не упустить время», – говорит генерал.

Почти по всей стране были разосланы письма, командированы делегаты в Сибирь, Нижний Новгород, Самару, Астрахань, Царицын с целью организовать антибольшевицкие выступления для восстановления порядка. Важным основополагающим моментом для всего Белого Дела стало проходившее в конце декабря совещание представителей «Московского Центра», образованного осенью 1917 года торговопромышленниками, представителями либерально-буржуазных кругов (в первую очередь – кадетской партии), «совета общественных организаций» и части генералитета. Принципиальным был вопрос о существовании, обеспечении и управлении «Алексеевской организации», сохранении единства рядов и определении ролей ее лидеров – М. В. Алексеева и Л. Г. Корнилова. Именно по настоянию «Московского Центра» Корнилов отказался от мысли перенести работу в Сибирь, два генерала продолжили свое сотрудничество, несмотря на сохранившиеся разногласия и личную неприязнь. Оба они и Донской Атаман генерал А. М. Каледин должны были действовать согласованно и лишь тогда могли рассчитывать на поддержку. На этих же условиях обещали денежную помощь представители союзных держав – Англии и Франции. В результате Алексеев принял на себя заведывание финансами и решение вопросов внутренней и внешней политики, а Корнилов – руководство войсками.

После Рождества «Алексеевская организация» приняла название Добровольческой Армии, а 27 декабря генерал Л. Г. Корнилов возглавил ее. Генерал А. П. Богаевский вспоминал позже, что «командующий в тот день был в штатском костюме и имел вид не особенно элегантный. Криво повязанный галстук,

потертый пиджак и высокие сапоги делали его похожим на мелкого приказчика. Ничто не напоминало в нем героя двух войн, кавалера двух степеней ордена Святого Георгия, человека исключительной храбрости и силы воли. Маленький, тощий, с лицом монгола, плохо одетый, он не представлял собой ничего величественного и воинственного. Вместе с тем Лавр Георгиевич с надеждою смотрел в будущее и рассчитывал, что казачество примет деятельное участие в формировании Добровольческой армии».

Однако становление и формирование Армии шло медленно. В основном записывались офицеры, юнкера, кадеты, гимназисты и студенты. Оклады были крайне низки, что обуславливалось скудной казной. К концу января вся Армия, включая небоевой состав, не превышала 5 000 человек, хотя ее Главнокомандующий планировал в ближайшем будущем удвоить это число. Армия состояла из прибывшего с фронта Корниловского ударного полка, остатков переведенного из Киева Георгиевского полка, юнкерского и нескольких офицерских батальонов, четырех артиллерийских батарей, инженерной и даже морской роты.

Уже в начале января 1918 года красные повели наступление на Ростов и Новочеркасск, и практически все кадры белых были двинуты на фронт. Донские казаки отказались воевать, и по просьбе А. М. Каледина на Новочеркасское направление был переброшен 2-й Офицерский батальон.

Штаб Армии и большинство ее частей перебазировались в Ростов-на-Дону. По словам А. И. Деникина, Корнилов считал харьковско-ростовское направление стратегически важным и взял его под контроль, поскольку оно оказалось брошенным Донцами. Кроме того, переезд позволял отмежеваться от Донского Правительства и собравшихся в Новочеркасске политических деятелей, которые раздражали Лавра Георгиевича. Наконец, в Ростовском и Таганрогском округах казачество не составляло абсолютного большинства, что облегчало взаимоотношения командования Добровольцев с местными властями.

Генерал Л. Г. Корнилов (1) и полковник М. О. Неженцов (2) в казарме Корниловского ударного полка. Новочеркасск, декабрь 1917

Буквально каждый день пребывания в Ростове был расписан у Корнилова по часам. К нему стремятся многочисленные посетители. Как вспоминал офицер-Доброволец, «что приятно поражало всякого при встрече с Корниловым – это его

необыкновенная простота. В Корнилове не было ни тени, ни намека на бурбонство, так часто встречаемое в армии. В Корнилове не чувствовалось Его Превосходительства, генерала-от-инфантерии. Простота, искренность, доверчивость сливались в нем с железной волей, и это производило чарующее впечатление. В Корнилове было “героическое”. Это чувствовали все и потому шли за ним слепо, с восторгом, в огонь и в воду». Среди достоинств генерала современники выделяли еще и «отсутствие в нем корыстолюбия. Чрезвычайно умеренный в своих привычках, равнодушный не только к роскоши, но даже к простому комфорту, он не чувствовал потребности в деньгах и посреди той вакханалии остался безупречным до конца». Тогда же, в январе, был составлен проект так называемой «Политической программы генерала Корнилова», подписанный самим Лавром Георгиевичем и содержащий следующие «общие основания»:

«1. Восстановление прав гражданства: все граждане равны перед законом без различия пола и национальности, уничтожение классовых привилегий, сохранение неприкосновенности личности и жилища, свобода передвижений, местожительства и проч.

2. Восстановление в полном объеме свободы слова и печати.

3. Восстановление свободы промышленности и торговли, отмена национализации частных финансовых предприятий.

4. Восстановление права собственности.

5. Восстановление русской армии на началах подлинной военной дисциплины. Армия должна формироваться на добровольче– ских началах (по принципу английской армии), без комитетов, комиссаров и выборных должностей.

6. Полное исполнение всех принятых Россией союзных обязательств международных договоров. Война должна быть доведена до конца в тесном единении с нашими союзниками. Мир должен быть заключен всеобщий и почетный, на демократических принципах, т. е. с правом на самоопределение порабощенных народов.

7. В России вводится всеобщее обязательное начальное образование с широкой местной автономией школы.

8. Сорванное большевиками Учредительное Собрание должно быть созвано вновь. Выборы в Учредительное Собрание должны быть произведены свободно, без всякого давления на народную волю и во всей стране. Личность народных избранников священна и неприкосновенна.

9. Правительство, созданное по программе ген[ерала] Корнилова, ответственно в своих действиях только перед Учредительным Собранием, коему оно и передаст всю полноту государственно-законодательной власти. Учредительное Собрание,

как единственный хозяин Земли Русской, должно выработать основные законы русской конституции и окончательно сконструировать государственный строй.

10. Церковь должна получить полную автономию в делах религии. Государственная опека над делами религии устраняется. Свобода вероисповеданий осуществляется в полной мере.

11. Сложный аграрный вопрос представляется на разрешение Учредительного Собрания. До разработки последним в окончательной форме земельного вопроса и издания соответствующих законов, всякого рода захватно-анархические действия граждан признаются недопустимыми.

12. Все граждане равны перед судом. Смертная казнь остается в силе, но применяется только в случаях тягчайших государственных преступлений.

13. За рабочими сохраняются все политико-экономические завоевания революции в области нормировки труда, свободы рабочих союзов, собраний и стачек, за исключением насильственной социализации предприятий и рабочего контроля, ведущего к гибели отечественной промышленности.

14. Генерал Корнилов признает за отдельными народностями, входящими в состав России, право на широкую местную автономию, при условии, однако, сохранения государственного единства. Польша, Украина и Финляндия, образовавшиеся в отдельные национально-государственные единицы, должны быть широко поддержаны Правительством России в их стремлениях к государственному возрождению, дабы этим еще более спаять вечный и несокрушимый союз братских народов».

Уже в январе 1918 года все железнодорожные пути, ведущие на Дон, оказались в руках красных, что резко сократило приток добровольцев, пробиравшихся буквально со всех концов страны. Корнилов рассчитывал на помощь горцев, посылая на Кавказ своих эмиссаров с соответствующими поручениями, но переговоры шли крайне тяжело – требовались большие суммы денег для выплаты наемникам. А тем временем красные овладели Батайском и Таганрогом, беря Ростов в клещи. Появилась советская конница и со стороны Донецкого бассейна. В этих условиях дальнейшее пребывание Добровольческой Армии на Дону становилось крайне опасным, и генерал Корнилов принял решение уходить на Кубань. Он надеялся, что в тамошних станицах все же будет услышан его призыв и казаки поддержат Добровольческую Армию.

Л. Г. Корнилов распоряжается взять ценности Ростовского отделения Государственного банка, но, прислушавшись к мнению генералов М. В. Алексеева, А. И. Деникина и И. П. Романовского,

решает не бросать тень на доброе имя Добровольческой Армии и считает более разумным передать деньги Донскому Правительству (которое, впрочем, не сумеет распорядиться ими, и все достанется большевикам).

В снежное морозное утро, в 4 часа 15 минут 9 февраля 1918 года Л. Г. Корнилов – теперь он в генеральской форме, – опираясь на палку, в сопровождении штабной роты покидает Штаб Добровольческой Армии, находившийся в доме купца Н. Е. Парамонова на Пушкинской улице Ростова. Весь первый этап пути до станицы Аксайской Корнилов проходит пешком. По дороге к нему присоединяются снимающиеся по очереди с фронта воинские части. Начинается 80-дневный поход в неизвестность, позже названный «Ледяным». До гибели Лавра Георгиевича оставалось менее двух месяцев…

* * *

Первая остановка – станица Аксайская, вторая – Ольгинская, где Армия получила несколько дней передышки и была переформирована. Пехота сводилась в три полка: Корниловский ударный под командованием полковника М. О. Неженцова (около 1 000 штыков), в который были включены остатки Георгиевцев и партизанский отряд полковника Симановского; Партизанский – генерала А. П. Богаевского (около 1 000 штыков), сведенный из донских партизанских отрядов; Офицерский – генерала С. Л. Маркова (750 штыков), включавший три офицерских батальона, Кавказский кавалерийский дивизион полковника Ширяева и Морскую роту. Кроме того, отдельными оставались Юнкерский батальон, объединенный с Ростовским студенческим полком генерала А. А. Боровского под его командой, и Чехословацкий батальон под командованием капитана Неметчика. Конница объединялась в три дивизиона, насчитывавшие немногим более 800 шашек: полковника П. В. Глазенапа, полковника В. С. Гершельмана и подполковника Корнилова. Артиллерию составил дивизион из четырех двухорудийных батарей под командованием полковника Икишева. Из 3 700 бойцов, находившихся в строю Добровольческой Армии, 2 350 были офицерами. Среди них – 36 генералов, 242 штаб-офицера (20 из которых числились по Генеральному Штабу), 1 848 обер-офицеров (штабс-капитанов – 251, поручиков – 394, подпоручиков – 535, прапорщиков, в том числе произведенных из юнкеров, – 668). В Армии было 165 женщин; три четверти из них составляли сестры милосердия, но были и женщины-доброволицы, многие из которых погибли

смертью храбрых.

Немудрено, что проводимые реорганизации частей вызывали непонимание у смещенных начальников и неудовольствие в частях. Фактически командиры батальонов перешли на положение ротных начальников. Спешно укомплектовывались обозы, лошадей Добровольцы вынуждены были покупать у населения с большим трудом и за баснословную цену. Крестьяне уклонялись от продажи фуража, хлеба, скота, лошадей и провианта и предпочитали натуральный обмен на товары, которых у Добровольцев, конечно, не было. Мало было и денег в казне – 6 000 000 рублей кредитными билетами и казначейскими обязательствами. Думающий о будущем генерал Корнилов старался сохранить среди простых людей порядочное имя своей крохотной Армии и запретил реквизиции.

В Ольгинской адъютант генерала корнет Резак Бек Хаджиев по поручению Лавра Георгиевича купил в лавке по три аршина белой, синей и красной материи. Владелица лавки сшила из них трехцветный национальный флаг, под которым Добровольческая Армия и совершила свой легендарный Кубанский поход.

13 февраля на совещании командного состава Добровольческой Армии и покинувших Новочеркасск донских партизан генерала П. Х. Попова обсуждался план дальнейших действий. Добровольцы склонялись к продвижению на Екатеринодар. Во-первых, там также имелись добровольческие формирования, во-вторых, за счет Кубанского Казачьего Войска Армия могла пополнить ряды и усилить свое положение, чтобы продолжить оттуда борьбу с большевиками.

Сомнение выразил генерал Лукомский: «…При походе на Екатеринодар нужно будет 2 раза переходить железную дорогу – около станций Кагальницкой и Сосыка. Большевики, будучи отлично осведомлены о нашем движении, преградят там путь и подведут к месту боя бронированные поезда. Трудно будет спасти раненых, которых будет, конечно, много. Начинающаяся распутица, при условии, что половина обоза на полозьях, затруднит движение. Заменять выбивающихся из сил лошадей другими будет трудно». Походный Атаман Донского Войска Попов предлагал перейти в Задонье, в район зимовников, и здесь, в удалении от железных дорог, прикрываясь с севера рекой Доном, пополнить обоз, отдохнуть и поменять конский состав.

Но удобный для действий небольших партизанских групп степной район представлял трудности для единой Добровольческой Армии: удаленные друг от друга зимовники не обладали ни достаточным жильем, ни топливом и были пригодными лишь для отдельных отрядов. При отсутствии

технических средств связи управление ими было бы затруднено. Степной район ничего, кроме немолотого зерна, сена и скота, для удовлетворения нужд армии дать не мог. Кроме того, не приходилось рассчитывать на то, что красные оставят Добровольческую Армию в покое и не попытаются уничтожить белых по частям. И несмотря на то, что партизаны Попова все-таки уходят в Задонье в так называемый «Степной поход», генерал Корнилов в итоге принимает непоколебимое решение о походе на Екатеринодар.

88 верст от Ольгинской до Егорлыцкой белые идут шесть дней. В походе генерал Корнилов занимается прежде всего сплочением войсковых соединений. А. И. Деникин в своих мемуарах описал общую обстановку и настроения в Добровольческих частях в это непростое для белых время: «…У Хомутовской Корнилов пропускает колонну. Маленькая фигура генерала уверенно и красиво сидит в седле на буланом английском коне. Он здоровается с проходящими частями. Отвечают радостно. Появление Лавра Георгиевича, его вид, его обращение вызывают у всех чувство приподнятости, готовности к жертвам. Корнилова любят, перед ним благоговеют».

В станице Егорлыцкой Добровольцев встретили достаточно приветливо. Многие семьи проявили заботу о раненых, снабдили войска продовольствием. На станичном сборе выступили М. В. Алексеев и Л. Г. Корнилов, разъяснив положение в России и цели Добровольческой Армии. Егорлыцкая была последней станицей Донской области. Войска приближались к пределам Ставропольской губернии, занятой частями ушедшей с фронта и большевизированной 39-й пехотной дивизии. Здесь еще не было Советской власти, но были местные Советы, анархия и ненависть к «кадетам», как называли противники всех белых. Генерал Корнилов требует ускорить движение, по возможности избегая боев.

С вступлением на территорию Кубанского Казачьего Войска Добровольческая Армия встречает во многих станицах весьма радушный прием. В ее ряды вливаются казачьи пополнения, – так, станица Незамаевская выставила 150 шашек, – а станичные сходы выражают преданность Корнилову… Однако так было не всегда и не везде. При подходе к станице Березанской авангард был встречен градом пуль. Огонь Добровольческой артиллерии и наступление пехотных цепей быстро охладили пыл станичников и заставили их разойтись.

Прошедшая уже почти 250 верст Добровольческая Армия старалась не сталкиваться с превосходящими силами красных. Кубанский Военно-революционный комитет располагал

значительными силами под командованием бывшего хорунжего А. И. Автономова, и теперь Добровольцам предстояло вступать в более серьезные бои, одной из целей которых было пополнение боезапаса на складах, расположенных у железнодорожной магистрали Тихорецкая – Екатеринодар.

Как и предполагал Л. Г. Корнилов, бои оказываются крайне тяжелыми. Их участники вспоминают типичную картину: «Все, кроме командующего, ложатся и пытаются убедить его сделать то же самое. Тщетно…» Наступление вот-вот захлебнется. Откатывается назад под ударами превосходящих сил противника Корниловский полк… Патроны и снаряды на исходе; Верховный приказывает выдать последние. Увидев своего шефа стоящим под огнем в полный рост, Корниловцы невольно приостанавливаются и поворачиваются в контратаку…

Ценой неимоверных усилий и огромных потерь Добровольцам удается наконец захватить значительное количество боеприпасов. К ним присоединяется отряд в три сотни казаков из станицы Брюховецкой. И вдруг – известие о том, что в ночь на 1 марта отряд, сформированный Кубанским Правительством под командованием генерала В. Л. Покровского, вместе с Атаманом, Правительством и Законодательной Радой («кубанским парламентом») покинули Екатеринодар и ушли в Закубанье. Теперь терялся весь смысл операции.

«Если бы Екатеринодар держался, – говорит на совещании руководящего состава Добровольческой Армии Л. Г. Корнилов, – тогда не было бы других решений. Но теперь рисковать нельзя. Мы пойдем за Кубань и там в спокойной обстановке, в горных станицах и черкесских аулах, отдохнем, устроимся и выждем более благоприятных обстоятельств».

В ночь на 5 марта Добровольческая Армия скрытно двинулась на Усть-Лабинскую переправу. Отдых предполагался в станице Раздольной, однако с рассветом значительные силы красных под командованием бывшего подъесаула И. Л. Сорокина, занявшие после ухода арьергарда станицу Кореновскую, стали теснить Партизан А. П. Богаевского. Обоз обстреливался вражеской артиллерией, подошедший бронепоезд осыпал белых шрапнелью… Однако Партизанский полк сумел ворваться на станцию и в станицу, сбил красных с их позиций, овладел мостом и перешел реку Кубань. Так с боями были пройдены еще 40 верст пути до станицы Некрасовской, которую большевики оставили без боя.

Тем временем значительные силы красных сосредоточились в Майкопе. Генерал Корнилов предпринял обманный маневр, дабы ввести противника в заблуждение. Перейдя реку Белую,

Добровольческая Армия круто повернула на запад. По мнению Лавра Георгиевича, этот маневр позволял снизить активность врага, выводил Армию к черкесским аулам, создавал возможность соединиться с отошедшим на Горячий Ключ «Кубанским Правительственным Отрядом». Но и в дальнейшем Добровольческая Армия продолжала встречать ожесточенное сопротивление и нести страшные потери в кровопролитных боях. Один из таких крупных боев произошел 10 марта во время переправы через реку Белую. На беспрерывный артиллерийский огонь красных белые отвечали редкими выстрелами – экономили боеприпасы. К вечеру установилось шаткое равновесие, которое чутко уловил Корнилов, использовав этот момент для решительного наступления. По его приказу главные силы Добровольческой Армии перешли в контратаку на западном направлении, оттеснив красных. Добровольцы вышли из окружения и через трое суток были уже в ауле Шенджий, где встали на постой. А буквально на следующий день в сопровождении конвоя из кубанских казаков и кавказских всадников в аул прибыл командующий войсками Кубанского края генерал Покровский, отряд которого представлял значительную силу.

Командующим предстояло решить один главный вопрос – об объединении сил для совместных действий. Генерал Л. Г. Корнилов предложил кубанцам влиться в состав Добровольческой Армии, В. Л. Покровский же высказался за сохранение самостоятельности своего отряда, поскольку согласно «конституции» края кубанские власти хотели иметь свою армию. Он соглашался войти лишь в оперативное подчинение Корнилову. Как бы то ни было, медлить далее было нельзя, а потому 15 марта обозы кубанцев и Добровольцев были объединены в станице Калужской под небольшим прикрытием, основные же силы белых должны были в тот же день совместными усилиями захватить станицу Ново-Дмитриевскую, занятую крупной группировкой большевиков.

Путь к Ново-Дмитриевской оказался крайне тяжелым. Всю ночь лил дождь, к полудню пошел снег, подул северный ветер. На подходе к станице авангард был обстрелян боевым охранением красных. Поднявшаяся вода унесла мост. Едва нашли узкий брод глубиной в метр и под непрерывным огнем противника начали переправу. К вечеру опять подморозило, и люди и лошади стали покрываться ледяной коркой… Станица была взята, а славный переход и увенчавший его бой были впоследствии названы «Ледяным походом», и это имя перейдет на весь «анабазис» Добровольческой Армии.

Через день было собрано совещание с представителями Кубанского Правительства. Приехали Войсковой Атаман полковник А. П. Филимонов, председатель Кубанской Законодательной Рады Н. С. Рябовол, глава Правительства Л. Л. Быч. В длинных переговорах с кубанцами Л. Г. Корнилов пытался объяснять элементарные основы военной организации, те же ссылались на «конституцию суверенной Кубани», говорили о необходимости «автономной» армии как опоры Правительства. Но Лавр Георгиевич категорически отказался командовать разрозненными воинскими формированиями, а потому Правительство Кубани вынуждено было согласиться на объединение сил.

В результате Добровольческая Армия получила солидное пополнение, увеличившее ее численность до 6 000 бойцов. Проведя реорганизацию, генерал Л. Г. Корнилов разбил армию на три бригады. 1-ю бригаду возглавил генерал С. Л. Марков (Офицерский и 1-й Кубанский стрелковый полки, 1-я инженерная рота, 1-я и 4-я артиллерийские батареи). Во главе 2-й стал генерал А. П. Богаевский (Корниловский ударный и Партизанский полки, Пластунский батальон, 2-я, 3-я и 5-я батареи). Конную бригаду возглавил генерал И. Г. Эрдели (1-й Конный – из дивизионов Глазенапа и Гершельмана – и Кубанский конный полки, конная артиллерийская батарея). Эти силы, которым противостоит 60-тысячная екатеринодарская группировка красных с артиллерией и бронепоездами, и планирует бросить на штурм города генерал Корнилов. До его смерти остается немногим более десяти дней…

По замыслам Лавра Георгиевича, для обеспечения возможности переправы и пополнения боеприпасов за счет трофеев, необходимо было разбить отряды красных, расположенные южнее Екатеринодара. После этого внезапным ударом захватить станицу Елизаветинскую, где была паромная переправа и где белых менее всего могли ожидать. Затем перейти реку Кубань и атаковать Екатеринодар не позднее 28 марта.

Уже на подступах к городу, 30 марта генерал Корнилов созывает военный совет, на котором старается убедить соратников в необходимости решительного штурма Екатеринодара. На совете присутствовали генералы М. В. Алексеев, И. П. Романовский, С. Л. Марков, А. П. Богаевский, А. И. Деникин, полковник А. П. Филимонов. Добровольческая Армия к этому времени понесла серьезные потери. Катастрофический некомплект ее частей, недостаток боеприпасов, физическая утомленность людей ставили под угрозу реализацию корниловского плана. Боевой дух подрывали казаки, часть

которых отказывалась воевать и возвращалась домой в станицы.

Тем не менее генерал Корнилов, надеясь на поддержку своих соратников, заявляет, что, несмотря на тяжелое положение Добровольческой Армии, не видит другого выхода из создавшегося положения, как на рассвете атаковать Екатеринодар. Сомнение выразил генерал М. В. Алексеев, предложив отложить штурм на сутки, чтобы произвести перегруппировку армии и дать войскам отдохнуть, а может быть, и дождаться пополнения от станичников, на подход которого сохранялась надежда. Лавр Георгиевич соглашается, понимая, что это только отдалит решающий час и ослабит накаленную до предела обстановку. До гибели Верховного остается лишь несколько часов…

Штурм Екатеринодара был назначен на 31 марта. Красное командование, несмотря на десятикратное численное превосходство, начало эвакуацию. Добровольцы подошли к окраинам. Генерал Б. И. Казанович во главе части Партизанского полка дошел даже до центра города, но, никем не поддержанный, отошел, захватив обоз и боеприпасы. Конница генерала Эрдели не смогла войти с тыла в город, и результат боя у Екатеринодарских садов оказался нерешительным, а станица Пашковская не выставила, вопреки данным ранее обещаниям, добровольцев-казаков. 30 марта в атаке был убит любимец Верховного, командир Корниловцев полковник М. О. Неженцов. Лавр Георгиевич был потрясен, угнетен и мрачен.

31 марта 1918 года… Это утро надолго останется в памяти у всех, кто находился тогда в рядах Добровольческой Армии. По воспоминаниям А. И. Деникина, «…генерал Корнилов был один в своей комнате, когда неприятельская граната пробила стену возле окна и ударилась об пол под столом, за которым он сидел: силой взрыва его подбросило, по-видимому, кверху и ударило о печку… Когда затем Казанович и Долинский (один из адъютантов Лавра Георгиевича. – *Е. К.*) вошли первыми в комнату, она была наполнена дымом, на полу лежал генерал Корнилов, покрытый обломками штукатурки и пылью. Он еще дышал… Кровь сочилась из небольшой ранки в виске и текла из пробитого правого бедра… Вначале смерть главнокомандующего хотели скрыть от армии до вечера. Напрасные старания: весть разнеслась словно по внушению… Скоро узнали все. Впечатление потрясающее. Люди плакали навзрыд, говорили между собой шепотом, как будто между ними незримо присутствовал властитель их дум. В нем, как в фокусе, сосредоточилось ведь все: идея борьбы, вера в победу, надежда на спасение. И когда его не стало, в сердца храбрых начали закрадываться страх и мучительное сомнение…»

Воспоминания Деникина, однако, неточны. Единственный свидетель гибели Верховного, его адъютант корнет Хаджиев, много лет спустя, уже в эмиграции, скрупулезно восстановил в памяти и опубликовал воспоминания о последних минутах жизни своего генерала. Нам они кажутся наиболее достоверным документальным свидетельством, а потому приводим их, исправляя ошибки генерала Деникина.

* * *

«31 марта 1918 года. В 6 часов утра Верховный вышел из дома, чтобы попрощаться с телом полковника Неженцева, привезенным ночью. Верховный и я прошли в рощу, где под молодой елкой на зеленой траве, покрытый полковым знаменем, лежал полковник Неженцев. Его длинное тело не все было покрыто знаменем, а только часть с головы до колен. Ноги его в мягких высоких сапогах, левый простреленный еще в боях под Кореневской, оставались снаружи. У тела стоял часовой-Корниловец. Верховный, крупным шагом подойдя к Неженцеву, откинул угол знамени, закрывавший лицо, глянул на него и сказал: “Царство Небесное тебе, без страха и упрека честный патриот Митрофан Осипович”. Глаза Верховного в это время заблестели, впившись в лицо Неженцева. Лицо его было сперва бледное, а потом сразу приняло бронзовый цвет. После этого Верховный, круто повернувшись, приказал часовому: “Прикройте лицо”, и опять крупным шагом, опустив голову вниз и заложив обе руки назад, с суровым выражением лица направился в штаб.

В это время обстрел рощи участился. Снаряды беспрерывно рвались над ней. Линия их разрывов стала подходить к дому Верховного все ближе и ближе. Вот один из них, разорвавшись, убил трех казаков, чистивших пулемет у самого дома. Одного из казаков с раздробленной ногой Верховный приказал внести в домик, где рядом с комнатой Верховного находилась перевязочная комната, и приказал вызвать доктора, чтобы он помог раненому. “Ваше Высокопревосходительство, надо поторопиться с переводом штаба, так как большевики хорошо пристрелялись к роще. Вы видите их работу”, – указал я Верховному на умиравших в конвульсиях казаков. “А…” – произнес он и вошел в дом. Мне показалось, что он хотел отдать приказание о переводе штаба, но мгновенно забыл о нем. Войдя в свою комнату, опершись левым коленом на стул и схватившись руками за голову, он застыл над картой. Потом глубоко вздохнул. Вздох его был такой сильный и продолжительный, что мне казалось, воздуха Вселеннной для него

недостаточно.

Зайдя в свою комнату, я застал корнета Силаба Сердарова, текинца из конвоя, и генерала Деникина. Сердаров сидел на полу и ел откуда-то добытый белый хлеб, половину из которого он уступил мне. Разговорились мы по-текински полушепотом и старались не мешать генералу Деникину, который в это время лежал на кровати на голых досках, положив под голову свою серую барашковую шапку. Он хмуро и сосредоточенно глядел в потолок и о чем-то думал. "Ну что, хан, обстрел ослабевает?" – спросил он меня, не отрываясь от той точки потолка, куда он глядел. "Куда там, Ваше Превосходительство. У меня предчувствие, что сейчас снаряд ударит в наш дом", – ответил я спокойно. "Тьфу, типун Вам на язык", – проговорил он быстро и, вскочив с кровати, направился к выходу. "Вот спасибо тебе, хан, за услугу. Теперь я отдохну, а то вот четвертую ночь не сплю", – сказал Сердаров, удобно устроившись на оставленной генералом Деникиным кровати.

Верховный не пошел на фронт, потому что ему доложили, что от Эрдели идет донесение, которое должно быть вручено ему каждую минуту. И на основании этого донесения он должен был дать распоряжения генералу Романовскому раньше, чем идти на фронт. Вот почему он находился в это злополучное утро у себя комнате, а не пошел к войскам под Екатеринодар с самого раннего утра, как он имел привычку делать это с первого дня похода. Его задержали в этой несчастной комнате в этот день 3 обстоятельства – прощание с телом Неженцева, донесение от Эрдели и самое главное – Его Величество Время. Он должен был умереть именно в это утро, в указанное в его судьбе время. Кисмет![3]

Я вошел к Верховному. Он, приподняв голову, взглянул на меня и сказал: "Хан, дорогой, дайте мне пожалуйста чаю. У меня что-то в горле сохнет". Я пошел за чаем, которого, кстати, Верховный еще не пил с утра. Обождав, пока Фока вскипятит чай и взяв кружку чая, я пошел к Верховному. Он сидел за столом уже одетый в полушубок и папаху, собираясь, очевидно, после чая на позиции. Между ногами находилась его неизменная палка (в начале февраля неизвестный полковник Рымникского полка от имени нескольких офицеров и солдат полка поднес генералу Корнилову суковатую палку с вырезанными на ней словами: «29 апреля 1915 года. Орлиное гнездо». – *Е. К.*). *На столе, на карте, лежала какая-то бумага, на которой он писал резолюцию. Левая рука его лежала на карте. Он сидел спиной к печке, приблизительно на пол-аршина от нее. Я видел его профиль. По мере движения правой руки, двигалась и левая, блестя кольцами на безымянном пальце, что приковало*

мое внимание. Держа в одной руке кружку чая, а в другой кусок белого хлеба, данный мне Силаб Сердаровым, я собирался перешагнуть порог, как вдруг ударил тот снаряд, о котором мое предчувствие полчаса тому назад меня предупредило. Раздался сильный шум и треск. Верховного швырнуло в сидячем положении к печке, и он, очевидно, ударившись о нее головой, рухнулся на пол. На него обрушился потолок.

Я пришел в себя перед дверью команды связи, которая находилась напротив комнаты Верховного. Открыв глаза, я увидел бегущих и прыгающих через меня людей. Это были чины из комнаты команды связи, первые бросившиеся в комнату Верховного. Вспомнив только что произошедшее, я вскочил и бросился в комнату Верховного, которая была наполнена газом и черным едким дымом, смешанным с пылью, что не давало мне возможности различать лица находившихся там в это время. Но все же я хорошо запомнил полковника Ратманова, Силаба Сердарова и одного поручика из команды связи, которые помогли мне вытащить Верховного за ноги из-под обломков. Когда уже Верховный был поднят и был в наших руках, тогда вбежал в комнату генерал Романовский и, увидя меня, удивленно спросил: "Вы живы, хан?" Очевидно, ему успели сообщить о моей смерти. За Романовским подошел генерал Казанович. Они помогли вынести Верховного перед входом в штабное помещение. По моим часам было ровно 8 часов, когда мы с телом Верховного спускались по наружным ступенькам дома, направляясь по указанию генерала Романовского на берег Кубани, отстоящей на 200–300 шагов от дома. Когда мы совсем спустились с крыльца, тогда начали собираться со всех сторон с рыданиями люди, в том числе с белой повязкой через плечо генерал Казанович[4]*, у которого рука была раздроблена пулей под Екатеринодаром и который все же оставался в строю. По мере того, как мы двигались по направлению к Кубани, рыдающая толпа увеличивалась. Когда мы несли Верховного в наших руках, то он бессознательно открывал и закрывал свои глаза и сильно хрипел. Все лицо и одежда были покрыты известью, а из левой руки сочилась кровь. Наконец, мы дошли до обрыва, где сидел генерал Деникин. Мы, 4 человека, осторожно положили Верховного на землю. Голова его находилась на моем колене, потому что я держал его плечи. Никаких носилок не было. Раньше, чем прибыл доктор Марковского* (Офицерского. – *Е. К.*) *полка, Верховный открыл на мгновение глаза и тотчас закрыл, издал тяжелый вздох, захрипел и скончался. Было 8 часов 15 минут. Доктор открыл левый глаз Верховного и ответил генералу Деникину, задавшему вопрос: "Есть ли надежда, доктор?" – отрицательно покачав головой.*

Вот это мое точное описание как очевидца последних минут жизни Великого Бояра. Не прошло и минуты после осмотра доктора, как корнет Сердаров, Мистулов, полковник Григорьев, Ратманов и я понесли тело Верховного на руках до первой попавшейся линейки. Устроив его на соломе и покрыв его же пробитой снарядом буркой, я отправился в комнату Верховного. Отыскав среди мусора его кожаный бумажник, карту с пятнами крови и отобрав у людей кое-какие вещи Верховного, я возвратился к моим людям конвоя, которые запрягали лошадей в линейку и ждали меня. Пока я вручал генералу Романовскому окровавленную карту Верховного, приказал привести Булана (конь Корнилова. – *Е. К.*) *и принял кое-какие меры. Было уже 9 часов утра, а в 9.30 печальное шествие вышло на дорогу. Погода была ясная и солнечная, и весь конвой от фермы до Елизаветинской станицы шел пешком. За линейкой Дронов, конюх Верховного, вел мрачного Булана, который, как бы почуяв потерю своего великого седока, опустив голову вниз, шагал печально и медленно. Каждый из встреченных офицеров или солдат, увидя Булана, не спрашивая у нас ни слова, подходил к линейке и рыдал. На полпути к Елизаветинской мы встретили генерала Алексеева, по вызову генерала Деникина ехавшего на ферму. Он, поравнявшись с нами, слез с лошади и, подойдя к линейке, приоткрыл лицо Верховного, снял шапку, перекрестился, поклонился телу и, обратившись к находящемуся здесь же полковнику Григорьеву, тихим голосом приказал: “Возьмите на себя, полковник, заботу о теле”».*

* * *

По армии был оглашен приказ генерала Алексеева:

«Неприятельским снарядом, попавшим в штаб армии, в 7 ч[асов] 30 м[инут] 31 сего марта убит генерал Корнилов.

Пал смертью храбрых человек, любивший Россию больше себя и не могший перенести ее позора.

Все дела покойного свидетельствуют, с какой непоколебимой настойчивостью, энергией и верой в успех дела отдался он на служение Родине.

Бегство из неприятельского плена, августовское выступление, Быхов и выход из него, вступление в ряды Добровольческой армии и славное командование ею – известны всем нам.

Велика потеря наша, но пусть не смутятся тревогой наши сердца и пусть не ослабнет воля к дальнейшей борьбе. Каждому продолжать исполнение своего долга, памятуя, что все мы несем свою лепту на алтарь Отечества.

Вечная память Лавру Георгиевичу Корнилову – нашему незабвенному вождю и лучшему гражданину Родины. Мир праху его!»

Чтобы «оживить» образ Л. Г. Корнилова, вновь дадим слово его адъютанту, корнету Резак Бек Хаджиеву, чьи воспоминания в виде ответов на вопросы о своем командире увидели свет уже в эмиграции, много лет спустя после смерти Корнилова. Они дополняют портрет генерала, делая образ Верховного более близким и человечным. Таким он остался в памяти своих боевых соратников и подчиненных.

«Звание Верховный закрепилось за ним по моему настоянию, несмотря на то, что многие просили меня не называть генерала Корнилова Верховным после сдачи им главнокомандования генералу Алексееву… Текинцы звали его “Сердар” – Глава. С тех пор и доныне генерал Корнилов остается для нас “Верховным”. С той минуты, как он сдал свой пост Алексееву, сочувствующие его идее полковники и генералы в Ставке величали его “Ваше Превосходительство”, а ниже полковника – “Ваше Высокопревосходительство”. Один только генерал Деникин называл его по имени и отчеству. Чины Корниловского и Офицерского полков за глаза называли его “Батька”…»

«9 февраля 1918 года Верховный вышел в поход в кителе с генеральскими погонами, на нем были брюки темносинего цвета с красными широкими лампасами, на ногах – высокие сапоги без шпор. Носил он солдатскую шинель, переделанную в полушубок, с генеральскими погонами на плечах, на голове – простую солдатскую папаху с белой повязкой, как простой доброволец. Никаких орденов или других украшений он не носил, за исключением венчального кольца и другого – с китайскими иероглифами на нем. Это кольцо служило как бы печатью, которую он накладывал на конверты в весьма экстренных случаях или если письмо было секретно и исходило от него. Большой шейный крест 3-й степени на георгиевской ленте, офицерский Георгиевский крест 4-й степени, орден Почетного легиона – офицерский, украшенный лавровыми листьями, на темнозеленой с красными полосками ленточке[5]*, – в Быхове все эти награды он снял и упаковал в маленький кожаный бумажник, в котором кроме этих орденов он носил еще некоторые документы, личные записки, список имен разных лиц, фото семьи, количество оставшихся снарядов и т. п…»*

«Однажды в 1-м Кубанском походе генерал Корнилов услышал песню Корниловского полка и попросил, чтобы ему записали слова. Листок с этой песней, пробитый осколком, нашли в кармане на груди погибшего генерала. Это так поразило Корниловцев, что с той поры песня Кривошеева стала официальным маршем

Корниловцев…»

(Слова «Гимна Корниловцев»:

Пусть вокруг одно глумленье,
Клевета и гнет, —
Нас, Корниловцев, презренье
Черни не убьет.

Припев:
Вперед, на бой,
Вперед, на бой,
На бой, открытый бой.

Мы былого не жалеем,
Царь нам – не кумир[6]*, —*
Мы одну мечту лелеем:
Дать России мир.

Верим мы: близка развязка
С чарами врага,
Упадет с очей повязка
У России, да!

Русь поймет, кто ей изменник,
В чем ее недуг,
И что в Быхове не пленник
Был, а – верный друг.

За Россию и свободу
Если в бой зовут,
То Корниловцы и в воду,
И в огонь идут.)

«Вместо полагавшегося ему жалонерного значка Главнокомандующего генерал Корнилов приказал сшить обычный трехцветный флаг. Во всех боях флаг этот неизменно оставался возле него воткнутым в землю, иногда его держал в руках находившийся рядом текинец. Как только генерал Корнилов занимал позицию на передовой линии со своим штабом и наблюдательным пунктом, красные начинали бешено палить по флагу. Флаг гордо, красиво и высоко развевался над головой Пророка, а его верующие ученики с гордостью шли на смерть за флаг и вождя…»

«При себе генерал Корнилов носил заряженный маленький маузер, но никогда не стрелял. Всегда его пистолет, часы черного цвета без верхней крышки марки “Павел Бурэ”, коробка спичек, свеча, записная книжка и карандаш лежали на стуле около его головы, когда он ложился спать, а днем на столе, за которым он сидел…»

«Генерал Корнилов не курил, любил в походе выпить только одну рюмку водки перед обедом, но не всегда имел такое удовольствие. Кушал медленно и был нетребователен к еде…»

«У генерала Корнилова была особая бурка, которую в день соединения Добровольческой армии с Кубанским отрядом в ауле Шенджий мне поднес ротмистр Султан Гирей, а я – Верховному. Этой буркой он укрывался, как одеялом. Иногда клал на солому как тюфяк. В день его смерти бурка лежала на кровати, и часть ее свисала до пола. Граната, пробившая стену, прошла через бурку, чтобы убить Верховного…»

«После смерти генерала Корнилова, когда тело его обмыли от сочившейся из ран крови, пришел батюшка и отслужил панихиду. Весть о смерти генерала Корнилова мгновенно разнеслась по станице, и раненые, кто только мог, приходили поклониться телу любимого Вождя. Офицеры рыдали. Его бурка, брюки, полушубок и папаха, оставленные для просушки, были разрезаны пришедшими на кусочки и разобраны на память…»

*«Все его личные вещи, бумажник, окровавленные кольца и маленький золотой крестик на тоненькой цепочке я вручил Наталье Лавровне (*дочери генерала. *– Е. К.) в Новочеркасске…»*

Дабы скрыть могилы генерала Л. Г. Корнилова и погибшего ранее полковника М. О. Неженцова, захоронение проводилось ночью на пустыре за немецкой колонией в 50 верстах от Екатеринодара. Не было оставлено ни могильных холмиков, ни крестов. Точное место знали лишь три человека. Однако утром занявшие колонию большевики сумели найти могилу Корнилова, надругались над его останками, отвезли их в Екатеринодар, а затем сожгли. Пепел был развеян за городом…

Так закончил свой жизненный путь Георгиевский кавалер, генерал-от-инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов, который остался верен своим идеалам, по праву став одним из основателей Белого движения, навсегда вошедшего в историю России. «Великое значение Белой идеи, которая по существу своему является христианской, не оценено еще до сих пор, – писал в 1949 году Митрополит Русской Православной Церкви Заграницей Анастасий. – Но придет время, и Россия воздаст должную дань ее благородным рыцарям. Я часто говорю, что наше поколение было бы безответственным перед судом Истории,

если бы оно не породило героев Белого движения, которое будет нашим оправданием перед лицом будущей свободной России».

Е. А. Комаровский

Генерал-от-инфантерии М. В. Алексеев

Про генерала Алексеева рассказывали такой анекдот:

«В Академии, где-то на примерном учении, эскадронный командир предложил профессору Алексееву лошадь. Профессор поблагодарил:

– Спасибо, мне нужно поскорее, а потому уж я пешком…»

«Так и карьеру, и путь к бессмертию в истории Михаил Васильевич Алексеев прошел пешком», – писал по этому поводу белогвардейский публицист Виктор Севский (В. А. Краснушкин). – «Не блистал, не блестел, так и в истории – в тужурке защитного цвета». И действительно, при взгляде на пройденный Алексеевым

путь, от «нижнего чина» до «полного генерала», прежде всего бросается в глаза, что достигал он всего упорным, настойчивым, будничным… и слишком часто незаметным со стороны, кропотливым трудом. Но именно его, скромного до застенчивости и совсем не «картинного», призовет самое героическое время, обычно вызывающее на авансцену истории как раз «блестящих и блистающих»; и так же скромно и незаметно, в разоренной и охваченной смутой России старый генерал будет свершать, как он сам говорил, свое «последнее дело на земле» – создание Добровольческой Армии.

* * *

Биография М. В. Алексеева заслуживает самостоятельного и подробного исследования, и не случайно жизнеописание генерала, составленное в эмиграции его дочерью Верой Михайловной Алексеевой-Борель и увидевшее свет лишь в наши дни в России, превышает 45 печатных листов. Но и беглого взгляда, краткого очерка, достаточно, чтобы и на ранних ступенях служебной лестницы разглядеть в нем те черты, которые ярко проявятся в 1915–1918 годах, когда генерал выдвинется на высшие посты в Российской Императорской, а затем – Белой Армии.

Родился Михаил Васильевич 3 ноября 1857 года в небогатой семье армейского штабс-капитана, выслужившегося из сверхсрочных унтер-офицеров. Свою военную службу он начинает в ноябре 1873 года, не завершив обучения в Тверской классической гимназии и зачислившись вольноопределяющимся во 2-й гренадерский Ростовский полк, а оттуда поступив в Московское пехотное юнкерское училище. Успешно окончив его, Алексеев был выпущен подпрапорщиком в 64-й пехотный Казанский полк, где в свое время служил его отец. В рядах полка Михаил, уже будучи произведенным в прапорщики, получает боевое крещение на Русско-Турецкой войне 1877–1878 годов. Там он получает и первые боевые ордена, и легкое ранение (о котором прапорщик, впрочем, никому не сказал, считая его царапиной), а по возвращении из похода более десяти лет тянет лямку строевого офицера в провинциальном гарнизоне, последние два года командуя ротой; одним этим фактом наглядно опровергаются раздававшиеся впоследствии упреки в адрес Алексеева как «штабного» или даже «канцелярского» генерала, «никогда ничем не командовавшего»: лучше всех знал солдата, ближе всех общался с ним и нес за его подготовку и бытовую

устроенность наибольшую ответственность как раз командир роты.

Не имевший семьи 29-летний Алексеев (к моменту командования ротой он уже штабс-капитан) не только служебное, но и свободное время отдает своим подчиненным, наряду с боевой учебой организуя и общеобразовательные беседы, значительно расширявшие кругозор солдат; внимателен и заботлив он и к младшим офицерам, один из которых много позже будет вспоминать об «отеческом» отношении Михаила Васильевича. Однако не следует и идеализировать характер Алексеева. Тот же сослуживец писал, что подчас он, когда солдаты бывали невнимательны «и ученье шло не так, как надо», – «выйдя из себя, кричал, топал ногами, дисциплинарные взыскания сыпал одно за другим, и всем казалось, что наступит что-то невероятное; голос звучал громче, визгливее, и тогда рота понимала, что ротный извелся, и напрягала все свое внимание и старание, и учение понемногу становилось лучше и лучше» (штабс-капитан, впрочем, отличался и отходчивостью). Но это единственное в своем роде свидетельство настолько не вяжется со всеми другими воспоминаниями о Михаиле Васильевиче, что тем самым уже приоткрывает, какую силу воли должен был он впоследствии проявлять, обуздывая свой темперамент, в самых тяжелых ситуациях сохраняя спокойствие и хладнокровие и, за редчайшими исключениями, позволяя себе резкие вспышки эмоций только в частной переписке.

Помимо своих служебных обязанностей Алексеев уделяет внимание и подготовке к поступлению в Академию Генерального Штаба. Из ее стен он вынесет вскоре убеждение, что «область… нашей науки “стратегии” не поддается каким-либо положительным правилам… Могут быть принципы, но и с теми не все согласны…», явственно противоречащее мнению о нем как о кабинетном схоласте. Окончание в 1890 году Академии по первому разряду и причисление к Генеральному Штабу позволили Алексееву, в надеждах на дальнейшее продвижение по службе, подумать и об устройстве личной жизни: он женится на Анне Николаевне Пироцкой, дочери его старшего сослуживца, до конца жизни остававшейся верной и любимой спутницей Михаила Васильевича. Но устройство своего дома и стесненность в средствах для обеспечения семьи (в 1891–1899 годах родилось трое детей) потребовали от Михаила Васильевича еще более напряженной работы – в частности, совмещения службы в Штабе I-го армейского корпуса с преподаванием в двух военных училищах.

Серьезным работником показал себя Михаил Васильевич и в

Академии Генерального Штаба, где с 1898 года состоял профессором (этому предшествовали пять лет службы в канцелярии Военно-ученого комитета Главного Штаба). Его курс истории русского военного искусства нельзя отнести к числу удачных, но основательностью он бесспорно отличался, и заслуги Алексеева были оценены его коллегами: в 1904 году он становится заслуженным профессором Академии, а три с половиной года спустя избирается почетным членом ее Конференции (высшего органа, своего рода «ученого совета»).

Но перед этим была еще Русско-Японская война. С 1900 года профессор Алексеев совмещает преподавание со службой в Главном Штабе, а с середины 1904-го даже оставляет ради нее Академию. В это время он уже генерал-майор, а к трем боевым наградам прибавляются четыре ордена мирного времени. Не желая оставаться в Петербурге, Михаил Васильевич добивается назначения в Действующую Армию и в начале ноября 1904 года отправляется в Штаб III-й Маньчжурской Армии на должность генерал-квартирмейстера.

Звучащие в письмах Михаила Васильевича тех месяцев рассуждения о свойствах истинного военачальника очень важны для понимания его личности. «Полководцу нужны: талант, счастье, решимость, – пишет он. – Не говорю про знание, без которого нельзя браться за дело…На войне нужно дерзать и нельзя все рассчитывать». Как это непохоже на «столоначальника», каким обычно представляют Алексеева! В отличие от своих младших соратников по Белому движению – Корнилова, Деникина, Маркова, – он действительно не был человеком порыва, ему не были присущи лихость, отчаянность, азарт, – однако у Михаила Васильевича не отнять и понимания необходимости дерзать, учета морального фактора, вкуса к военному творчеству. Покажет он себя и подлинно боевым генералом, получив за Мукденское сражение Золотое Оружие. Но ценнее любых орденов должен был стать тот боевой опыт, который Алексеев приобрел в условиях современной войны, уже предвосхищавших многое из того, с чем вскоре придется столкнуться на Первой мировой.

* * *

По возвращении в Петербург генерал-майор Алексеев получает назначение на должность обер-квартирмейстера Главного управления Генерального Штаба, где и служит в течение двух лет. В конце августа 1908 года он назначается начальником

Штаба Киевского военного округа (а вскоре и производится в генерал-лейтенанты), но уезжает к новому месту службы, должно быть, не с легким сердцем: «военный ренессанс», когда на основании опыта прошедшей войны пересматривались многие положения боевой подготовки, тактики и оперативного искусства, активным участником чего был Алексеев, проходил в отнюдь не простой обстановке. Борьба новаторских и консервативных тенденций внутри самого́ военного ведомства осложнялась настойчивыми попытками вмешательства в армейские и флотские дела «общественных деятелей», пытавшихся, противопоставляя себя чиновной бюрократии, играть роль единственных «радетелей о России и русском народе». Напущенный в те годы туман не рассеялся и по сей день, лучшим примером чего могут служить непрекращающиеся обвинения генерала Алексеева в принадлежности к масонству.

Само по себе членство в тайном обществе, тем более – категорически осуждаемом Православной Церковью, действительно было не просто предосудительным, но прямо недопустимым для офицера Российской Императорской Армии; беда лишь в том, что никто из громогласных обвинителей за многие десятилетия не только не привел никаких доказательств, но даже не определил, о чем же, собственно, идет речь. В одну кучу валятся иронически прозванный «младотурками» кружок молодых генштабистов (к которому Алексеев заведомо не относился); армейские деятели, склонные к сотрудничеству с лево-либеральной «общественностью» и Думой (яркий представитель этих кругов – помощник военного министра генерал А. А. Поливанов, которого Михаил Васильевич в письмах называл «дельцом интриги» и никак не мог быть его сотрудником и единомышленником); некая мифическая «Военная Ложа», ни состава, ни характера реальной деятельности которой, однако, не способен аргументированно осветить никто из козыряющих этим страшным термином… Поэтому оставим бездоказательные, если не вообще недоказуемые измышления (равно как и утверждения о якобы исповедуемых Анной Николаевной Алексеевой «левых взглядах») и в дальнейшем будем делать выводы о воззрениях генерала лишь на основании конкретных его поступков.

Четырехлетняя служба в Киевском военном округе дала Алексееву хорошую подготовку к будущей войне, начинать которую ему доведется именно на этом театре; даже критически относящийся к нему историк вынужден признать его «мозгом и душою всей русской стратегии», в алексеевском варианте проникнутой решительностью и наступательным духом. Наступательные операции первых дней мировой войны, однако,

далеко не всегда будут успешными – достаточно вспомнить катастрофу II-й армии генерала А. В. Самсонова в Восточной Пруссии, где, в частности, погиб в окружении XIII-й армейский корпус, которым два предвоенных года командовал генерал-лейтенант Алексеев («Как больно за мой 13-й корпус…» – обронит он в разговоре с сыном Николаем, также ставшим к тому времени офицером).

А сам Алексеев находился в это время далеко от своих недавних сослуживцев – на Юго-Западном фронте, в соответствии с мобилизационным планом приняв пост начальника Штаба Главнокомандующего армиями фронта генерала Н. И. Иванова. Здесь им предстояло в первые месяцы войны разыграть крупную операцию, в определенной мере компенсировавшую моральный удар, нанесенный России в Восточной Пруссии, и вошедшую в историю под именем Галицийской битвы.

* * *

Позднее укрепилось мнение, будто Императорско-Королевская Австро-Венгерская Армия не являлась серьезным врагом и вообще не была ни на что способна без мощной поддержки своего германского союзника. Следует, однако, считать такую точку зрения весьма далекой от истины, по крайней мере в первый период войны, когда австрийцы развили опасное наступление. Переломить ход событий, создавая австрийской армии репутацию «вечно битой», предстояло русским войскам Юго-Западного фронта.

И задача эта была достигнута. Пять русских армий в кровопролитных боях вырвали у противника стратегическую инициативу и погнали его, перейдя границу и заняв Львов. Уже в этот первый период войны заставили говорить о себе – сначала в Армии, а затем и в более широких кругах русского общества – многие из тех генералов, которые вскоре окажутся на видных ролях в Белом движении: А. М. Каледин, Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин… Впрочем, тогда же выдвигается на первый план и генерал, чьи заслуги представляются несправедливо преувеличенными, – Н. В. Рузский.

Погнавшийся за дешевыми лаврами «покорителя Львова» и во главе своей III-й армии слишком долго не выполнявший распоряжений командования фронтом, Рузский за эту кампанию был награжден сразу IV-й и III-й степенями ордена Святого Георгия и назначен Главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта (генерал Иванов, заслуживший IV-ю степень на

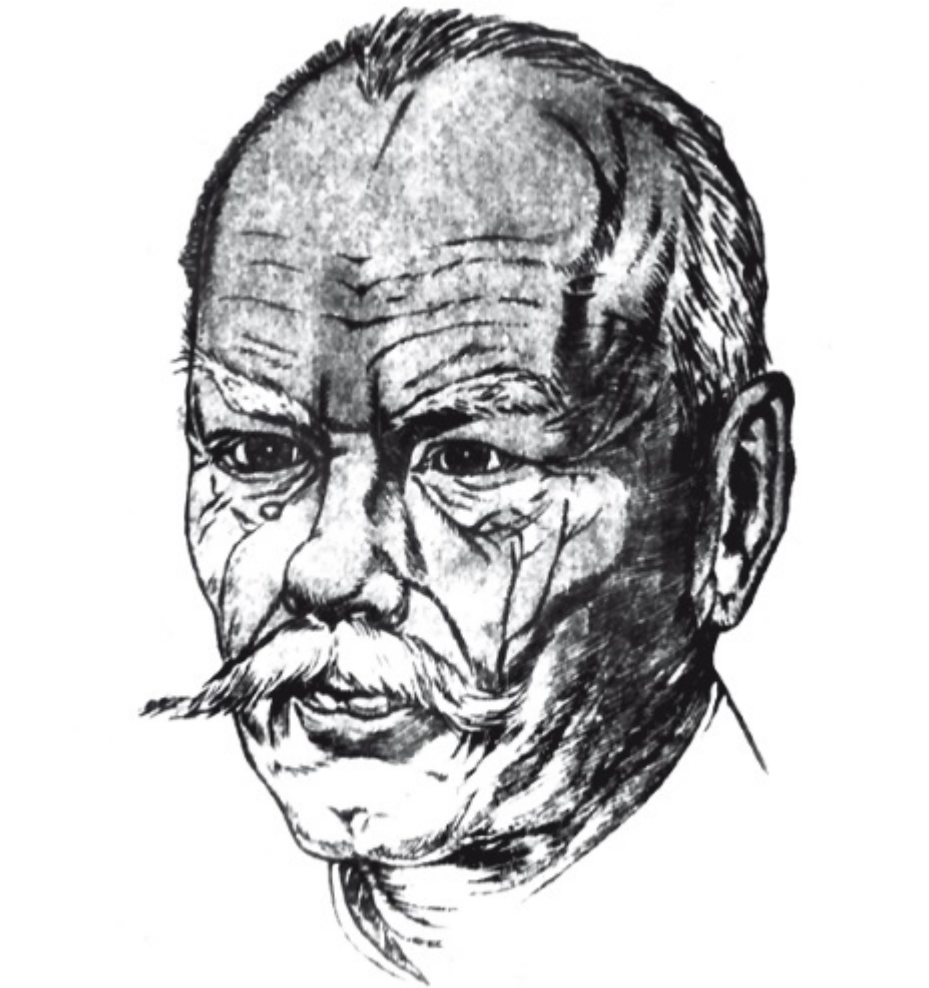
Японской войне, был удостоен Георгия III-й степени, а Алексеев – IV-й; вскоре Михаил Васильевич был произведен в генералы-от-инфантерии). В связи с действиями III-й армии Алексееву иногда ставилось в вину неумение «власть употребить», разговаривать с подчиненными категорическим тоном и приводить их к повиновению, – но критиками забывается, что при живом командующем его начальник штаба и не должен брать этого на себя. То, чего требовали от Алексеева, следовало требовать от генерала Иванова, а само переадресование претензий говорит, пожалуй, о ложном положении Михаила Васильевича, на которого неизменно перекладывали моральную ответственность за действия тех, кто по своему служебному положению не только мог, но и обязан был принимать волевые решения. Казалось, правда, что следующее назначение даст такую возможность и ему самому…

13 марта 1915 года генерал Алексеев был назначен Главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта на место Рузского. «С молитвою к Богу и с верою в Его Святую волю вступлю [в] исполнение той высокой обязанности, которую Ваше Императорское Высочество соизволили возложить на меня. Все силы воли [и] ума приложу, чтобы оказаться достойным Вашего доверия, высокой милости, быть действительно полезным Великому Государю и родине», – телеграфировал Алексеев Верховному Главнокомандующему, Великому Князю Николаю Николаевичу, и в его устах это не было пустыми «придворными» фразами.

Михаилу Васильевичу досталось далеко не лучшее наследство. «Позади – ряд неудач; подорванный дух войск, большой некомплект, – писал он сыну. – …Ты поймешь, конечно, мое состояние ввиду той громадной ответственности, которая ложится теперь исключительно на одного меня». С ответственностью, правда, приходила и бóльшая свобода решений, однако грозные события вскоре лишат Алексеева этой свободы в самом важном стратегическом вопросе, оставляя ему лишь полноту ответственности.

19 апреля Юго-Западный фронт был потрясен прорывом у местечка Горлицы. «Шесть месяцев трудов, усилий, жертв пошли насмарку», – волнуется, пытаясь из своего штаба разглядеть причины разыгравшейся в Галиции трагедии, генерал Алексеев, в частных письмах уже называющий противника не иначе как «эти мерзавцы». Кровопролитные бои привели к потере всех галицийских территориальных приобретений первого года войны и вывели немцев во фланг войскам Северо-Западного фронта. Привислинские губернии (Царство Польское) образовывали

теперь стратегический выступ, «срезать» который мощным наступлением с юга – из Галиции и с севера – из Восточной Пруссии намеревалось германское командование, приступившее к реализации этого плана в июне.



М. В. Алексеев – начальник штаба Юго-Западного фронта. 1915

В создавшейся ситуации, все более осложнявшейся в течение июля – августа, генерал Алексеев принимает единственно верное стратегическое решение – отводить вверенные ему армии, не считаясь с оставлением значительных территорий и имея главной целью сохранение живой силы, необходимой для продолжения войны. Но свобода его мысли и решений вновь оказывалась стесненной, ибо оставлялась не просто территория, а все Царство

Польское, что было вопросом политическим и выходило за пределы, в которых Главнокомандующий армиями фронта смеет действовать самостоятельно. А Ставка Верховного Главнокомандующего колебалась и лишь к началу августа санкционировала отход, названный позднее «Великим Отступлением».

И все же даже в эти тяжелые дни Алексеев сохранял веру в русского солдата, русского офицера, – в Русскую Армию. Но в это же время в глубоком тылу царили совсем другие настроения, последствия которых отразились в ближайшие недели и на судьбе Михаила Васильевича.

* * *

Паника обычно рождается в тылу быстрее, чем на фронте, и Великая война не была исключением из этого правила: в общественно-политических кругах царили растерянность и страх, приобретавшие уже истерический характер. Справедливость требует признать, что «избранникам народа» (самим присвоившим себе этот титул, группировавшимся в основном вокруг Государственной Думы и либеральной прессы) ничуть не уступали в этих настроениях избранники Царя – действовавший кабинет министров. Охваченные паническим настроением государственные мужи огульно винили во всем происходящем Ставку Верховного, поднимая вопрос о созыве «чрезвычайного военного совета» под Высочайшим председательством. Однако когда Император Николай Александрович 6 августа заявил о намерении лично возглавить Действующую Армию, последовала буря протестов со стороны людей, своей предыдущей деятельностью фактически наталкивавших Императора на такую мысль. Теперь же министры были искренне напуганы нарисованной ими самими картиной, страшась, что продолжение неудач на фронте роковым образом скажется на отношении народа к «несчастливому» Царю, и рекомендовали возложить обязанности Верховного Главнокомандующего на «козла отпущения за ошибки прошлого», которым мог стать генерал, избранный на должность начальника Штаба Верховного. Уже известно было со слов самого Государя, что генералом этим будет Михаил Васильевич Алексеев.

Алексеев узнал о предстоящем назначении лишь вечером 11 августа. На размышления о выборе сотрудников ему оставалось меньше трех суток (Государь собирался вступить в командование 14-го), а в это время готовилось еще и запланированное заранее

разделение Северо-Западного фронта на два. Таким образом, реорганизации подвергались сразу несколько штабов, и столь крупные изменения не могли не показаться рискованными человеку, стоявшему близко к войскам, нуждам и заботам продолжавшего Великое Отступление фронта.

Михаил Васильевич должен был находиться в это время отнюдь не в лучшем состоянии духа: тяжелые события подавляли и его, и незадолго до получения известий о неожиданном назначении он писал начальнику Штаба Верховного (чье место ему теперь предстояло занять): **«Придя [к] глубокому убеждению, что командование мое приносит армиям неудачи, родине [–] горе,** прошу представить Верховному Главнокомандующему **мою всепреданнейшую просьбу отчислить меня от занимаемой должности и уволить [в] отставку»**[7]. Казалось бы, новые известия, особенно перспектива одновременных многочисленных реорганизаций, должны были бы окончательно добить его, однако этого не произошло. Овладев собою, он просит лишь об отсрочке вступления Императора в должность Верховного Главнокомандующего.

«Переживаемый кризис не окончится к 14 августа, – настаивает Алексеев, – *и к этому числу не определится даже в окончательной форме его разрешение.*

Вывести армии из этого положения, по моему убеждению, обязаны те начальники, которые ныне так или иначе ведут дело и являются всецело ответственными перед Государем и Россией за обстановку данной минуты. Переменить начальников до окончания операции и трудно, и опасно…

Высшие интересы требуют, чтобы Его Императорское Величество соизволил вступить в верховное командование войсками только тогда, когда будет пережит настоящий кризис, когда армии, хотя ослабленные, будут поставлены в более благоприятное положение.

В этот промежуток времени состоится разделение на Северный и Западный фронты (ночь с 17 на 18 августа), и вступление в исполнение своих обязанностей моего заместителя произойдет для него при более легких и менее ответственных условиях».

Первая просимая отсрочка была Алексееву дана: в сжатые, но не настолько, как предполагалось первоначально, сроки он сумел подготовить необходимые перестановки, и через неделю, 18 августа 1915 года, был издан Высочайший приказ о его назначении начальником Штаба Верховного. Однако недолгий срок отделил эту дату и от кардинальной, самой важной для России перемены, – и 23 августа страна услышала голос нового

Верховного Главнокомандующего:

«Сего числа Я принял на Себя предводительство всеми сухопутными и морскими силами, находящимися на театре военных действий.

С твердой верой в помощь Божью и с непоколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты Родины до конца и не посрамим земли Русской.

Николай»

Как видим, с первым (и менее принципиальным) ходатайством Алексеева Государь согласился; со вторым же – дать действующим начальникам самим вывести армию из переживаемого кризиса – нет.

* * *

Это было связано с высоким осознанием Государем Своей миссии Помазанника Божьего, несущего единоличную ответственность перед Всевышним за возглавляемое государство, а в случае войны – в первую очередь за армию. Именно в годину тяжелейших испытаний, перед лицом страдающих войск, колеблющегося общества, обеспокоенных союзников, Русский Царь явственно демонстрировал Свое единство с народом, готовность разделить с ним его крестный путь и в полной мере принять на Себя все, что будет ниспослано России свыше. Глубоко религиозный человек, Император Николай II исповедовал взгляд о сакральном характере Православного самодержавия, и решение о вступлении в Верховное Главнокомандование тоже было для него по сути своей актом религиозным.

Бог благословил этот шаг: к осени Великое Отступление было остановлено (сказались и предшествовавшие труды генерала Алексеева). Дух армии и народа не был еще надломлен, и не был надломлен дух тех, кто возглавлял войска. Однако ошибкой было бы, как это нередко делалось в эмиграции и порою делается в наши дни, рисовать идиллическую картину управления вооруженной силой Российской Империи.

Большинство современников, сходясь в чрезвычайно лестной оценке личных качеств Михаила Васильевича, в то же время оставляют без внимания ненормальность ситуации, когда «фактически управлять» всем обречен человек, не наделенный правом решающего голоса и полнотою ответственности за предпринимаемые действия. Поэтому трудно согласиться с мнением А. И. Деникина, что, «когда говорят о русской стратегии в отечественную войну с августа 1915 года, надлежит помнить,

что эта стратегия – исключительно личная Мих[аила] Вас[ильевича] Алексеева. Он один несет историческую ответственность за ее направление, успехи и неудачи». Номинальный или фактический, пассивный или действующий, – историческую ответственность за стратегию воюющей державы несет ее Верховный Главнокомандующий, подлинная же роль на этом посту Императора Николая II еще ждет своего исследователя.

Расхожие обвинения Государя в равнодушии или весьма поверхностном интересе к нуждам армии и ходу боевых действий, в подверженности чужому влиянию или, напротив, в неразумном и немотивированном упрямстве, в недостатке военного образования и знаний – по существу слишком голословны и чересчур эмоционально окрашены, чтобы спокойно принимать их на веру; с другой стороны, и почитатели Царя-Мученика не дают ответа на вопрос о Его личном вкладе в руководство войсками, обыкновенно сводя дело к искренней любви Государя к русским солдатам и офицерам или к внимательному отношению Его к представляемым докладам (кстати, именно здесь Он нашел полностью соответствовавшего Ему сотрудника в лице Алексеева, чьи доклады всегда отличались дотошностью, казавшейся многим чрезмерной; одна из причин этого заключалась в стремлении генерала не давать повода Государю подумать, будто от Него что-либо скрывают).

Впрочем, известны и случаи волевого вмешательства Вождя Армии, когда пошатнувшаяся воля Михаила Васильевича, изнемогавшего под грузом небывалой ответственности, находила поддержку в спокойной решимости Императора (хотя, заметим, конкретные решения не могли быть приняты Им иначе, как по докладу того же Алексеева). Несколько отвлекаясь от этой темы, рискнем предположить, что это было возможно лишь при условии глубокого духовного сродства Верховного и Его начальника Штаба – чутко ощущая набожность других, Государь должен был особенно доверять Своему ближайшему сотруднику, о котором очевидец писал: «Алексеев глубоко религиозен… Глубокая и простая вера утешает его в самые тяжелые минуты серьезного служения родине. Отсюда же у него неспособность всегда предвидеть чужую подлость; он готов в каждом видеть хорошее… Вообще, он укрепляет себя молитвой и молится истово, совершенно не замечая ничего окружающего; он всегда сожалеет, что вечерня такая коротенькая». Это свидетельство тем ценнее, что исходит оно от человека, по «прогрессивности» своего мышления скептически относящегося к религиозным чувствам генерала, который сказал ему как-то: «А я вот счастлив, что верю,

и глубоко верю, в Бога и именно в Бога, а не в какую-то слепую и безличную судьбу».

Вернемся, однако, к вопросу об участии Императора в управлении войсками. Похоже, что сам Михаил Васильевич не был склонен переоценивать роли Государя и позже вспоминал: «Вести войну и принимать ответственные решения может только о д и н ч е л о в е к[8]. Дурно ли, хорошо ли, но это будет решение ясное, определенное, в зависимости от характера решающего». Но если так – то нам снова приходится признать, что вытягивавший тяжелейший воз подготовительной работы Алексеев был фактически лишен права на логическое ее завершение, а «исключительно личная» его стратегия, вопреки мнению Деникина, предстает странным сочетанием штабного творчества (здесь он, очевидно, был полностью свободен), принятия решений, обставляемых как рекомендации (и с неизбежной оглядкой на то, что всякий риск поставит под угрозу репутацию не генерала Алексеева, а Императора Всероссийского), и… крайней ограниченности в возможностях принудить подчиненных к точному выполнению этих решений. При этом жалобы Михаила Васильевича – «я… никогда не уверен, что даже командующие армиями исполнят мои приказания» – звучат уже отражением не его личного «безволия» или неспособности к жесткой требовательности, а того несчастного положения, в котором генерал неизменно оказывался на протяжении всей войны. Поэтому и наиболее распространенные упреки в том, что Ставка не сумела весной 1916 года поддержать успешное наступление Юго-Западного фронта активными действиями других фронтов, а летом и осенью – предотвратить многотысячные потери на Ковельском и Владимир-Волынском направлениях, – должны быть в значительной степени переадресованы: требовать от подчиненных повиновения, а в случае необходимости и «власть употребить» – повторим снова и снова – следовало в первую очередь не начальнику Штаба, а самому Верховному Главнокомандующему.

Чуткий и уязвимый Алексеев должен был глубоко переживать такое положение дел, однако внешне это не проявлялось, и окружающие видели только постоянно занятого, скромного и по большей части нахмуренного генерала – вечного труженика. Михаил Васильевич был полностью захвачен многочисленными делами, в которых он, по мнению современника, не умел различать более и менее важных, с одинаковой скрупулезностью подходя и к тем, и к другим. «…Опыт указывал, – запишет он позже, – что сколько бы ни было “помощников”, они не облегчат [работы] начальника штаба, ибо и помощники, и начальник

должны будут проделывать одну и ту же работу, если только все они хотят знать ход дела в армиях». Это убеждение на практике приводило к тому, что сотрудниками Алексеева могли быть только люди не творческого склада ума и души, канцеляристы, и недаром генерал-квартирмейстера Ставки, генерала М. С. Пустовойтенко, злые языки называли «Пустоместенко».

В Ставке Верховного Главнокомандующего.
Император Николай II, генералы М. С. Пустовойтенко и М. В. Алексеев (слева направо). Могилев, 12 февраля 1916

Еще более одиноким должен был чувствовать себя Алексеев среди светских, придворных офицеров, появившихся в Ставке с Императором. Еще в августе 1915 года Михаил Васильевич

специально подчеркивал, что «придворным быть он не сумеет», и те же мысли звучат в его переписке тех дней: «Свое будущее я принимаю как тяжелое для себя, ибо как человек я совершенно не подготовлен к той обстановке, в которой мне придется работать, это меня тяготит, озабочивает, но над всем нашим царит Высшая воля». Пришлось ему столкнуться и с любопытством высокопоставленных бездельников, проявлявших неуместный интерес к оперативным вопросам, – но после решительного пресечения одной такой попытки со стороны генерала В. Н. Воейкова, дворцового коменданта и «Главнонаблюдающего за физическим развитием народонаселения Российской Империи», Алексееву удалось укрепить свои позиции в этом отношении. «Михаил Васильевич чуть не прищемил мне сегодня носа», – жаловался Воейков, дверь перед которым была захлопнута со всей решительностью, – и стоит ли удивляться, что его воспоминания, написанные уже в эмиграции, проникнуты резкой и нескрываемой неприязнью к Алексееву?

«Не подхожу я, не подхожу!» – сокрушенно говорил Михаил Васильевич и после того, как Государь поздравил его с зачислением в Свиту, лично принеся в кабинет начальника Штаба генерал-адъютантский аксельбант и погоны с вензелями. Впрочем, и этого жеста признания высоких заслуг генерала пришлось ожидать около полугода с момента возглавления Императором Армии. Человек, быть может, наиболее близкий Николаю II по душевному складу, Алексеев отнюдь не пользовался явными знаками Высочайшего внимания и расположения – этому мешали хмурая озабоченность одного и не-царственная застенчивость другого – и среди многолюдья Царской Ставки генерал оставался один.

По крайней мере, не приходится говорить о какой бы то ни было «алексеевской партии», и совсем уж пустыми домыслами выглядят рассуждения современника, будто «около Алексеева есть несколько человек, которые исполнят *каждое*[9] его приказание, включительно до ареста в могилевском дворце», – домыслами, расцветавшими на почве слухов о готовящемся «заговоре» и «дворцовом перевороте»…

* * *

Были ли эти слухи столь уж беспочвенными?

Затяжная война, которая далеко не всегда велась оптимальным образом, с ее невиданными прежде размерами – в Действующей Армии и чересчур раздутых тыловых частях

насчитывалось до 12 миллионов человек, – накапливала усталость в народных массах, приводила к перенапряжению промышленности, волновала образованное общество (в первую очередь – политических деятелей) и возбуждала, особенно в последних, желание перемен. Народ мог сколько угодно ворчать, верить распускаемым сплетням или охотно сам создавать новые, – но в масштабах государственных он все еще безмолвствовал. Зато громче, чем нужно, выплескивали свою энергию в думских речах, газетных намеках и кулуарных обличениях те, в чьей среде и вправду уже вызревали заговоры.

Наиболее видным представителем этих кругов был член Государственного Совета А. И. Гучков. При этом сколько-нибудь ясной программы у него и его единомышленников, в сущности, не было – речь шла лишь о назначении министров по согласованию, а фактически – по желанию «общественности» (так называемое «ответственное министерство»), и вряд ли неправы были те, кто считал главной движущей силой Гучкова «его авантюристическую натуру, непомерное честолюбие… ненависть к современному режиму и к Государю Императору Николаю II и т. п.», то есть черты, ничего общего с заботой о России не имевшие. Сам он впоследствии признавал подготовку дворцового переворота, рассказывая о своих намерениях перехватить Императорский поезд где-нибудь между Ставкой и Петроградом и принудить Государя к отречению в пользу Наследника Цесаревича при регентстве Великого Князя Михаила Александровича. Что́ за этим должно было последовать и почему такая перемена должна была явиться благотворной – не обсуждалось и даже, кажется, не обдумывалось.

Произвести переворот предполагалось при участии офицеров запасных частей Гвардии, однако сколько-нибудь широкой вербовки заговорщиков фактически не проводилось. Не представляются заслуживающими доверия и многочисленные рассказы о вовлечении в заговор чуть ли не всего высшего командного состава армии и флота.

Одним из первых в этом ряду называют имя генерала Алексеева, но конкретных фактов, подтверждавших бы эту версию, не приводится, запись в опубликованном дневнике современника о «зреющей конспирации» выглядит позднейшей вставкой, да и сам Гучков не считал Михаила Васильевича «своим человеком», рассказывая полтора десятилетия спустя о своих письмах начальнику Штаба Верховного: «не ожидаю ответов и не получаю их».

Сам факт получения этих посланий тоже впоследствии инкриминировался Алексееву, не доложившему о них

Императору и якобы нарушившему этим присягу. Таким образом, подразумевается столь угрожающий для Престола характер писем, что сокрытие их уже представляло собою преступление. Версию эту, однако, развеивает обращение к тексту документов.

Нельзя не признать, что письма составлены Гучковым довольно хитро. Основной их объем посвящен частным вопросам (заказу полевых биноклей на Обуховском заводе и винтовок – в Англии, качеству союзных поставок, «премиальной системе» на заводах артиллерийского ведомства), которые могли быть небезынтересны начальнику Штаба, но отнюдь не требовали доклада Верховному Главнокомандующему: если Гучков справедливо возмущался вынесением вопроса о биноклях на заседание Совета Министров – «Вы подумайте: правительство и бинокли. И когда меня будут спрашивать, как водится, что же делает правительство, я буду знать, что отвечать: оно заказывает (или, вернее, не заказывает) бинокли», – то тем менее он должен был относиться к заботам Императора Всероссийского.

Гораздо важнее были другие фразы из писем – о неразумных действиях правительства, которые «как будто диктовались из Берлина», «жалкой, дрянной, слякотной власти», «возмущенном настроении народных, особенно рабочих масс», якобы чреватом пожаром, «размеры которого никто не может ни предвидеть, ни локализировать». Но эти реплики и туманные намеки на то, что «Вы одни можете, если вообще кто-нибудь может», что-либо сделать (вновь не указывая, что́ именно), были слишком «проходными», волнение автора писем казалось искренним и сам он просил извинения за свою «горячность», да, наконец, что вообще должен был доложить начальник Штаба Верховного Главнокомандующего своему Государю? Что член Государственного Совета Гучков дерзит в частной переписке, да к тому же односторонней (безответной)? Но оба, и Николай II, и Алексеев, были взрослыми, разумными и слишком обремененными настоящими заботами людьми для столь анекдотического доклада.

В том-то и заключался смысл писем, получение которых не должно было подтолкнуть генерала к отмежеванию от их автора, но создавало для стороннего наблюдателя (копии были пущены по рукам) иллюзию причастности Михаила Васильевича к чему-то оппозиционному. «Он был настолько осведомлен, что делался косвенным участником», – скажет потом Гучков, бросая, однако, на Алексеева незаслуженную тень: осведомленность генерала не только о целях заговора, но и о самом его существовании была мнимой.

В то же время Алексеева должны были волновать как бы

невольно срывавшиеся с пера Гучкова грозные предупреждения о народном недовольстве. Мог ли он оставить без внимания точку зрения высокопоставленного общественного деятеля, близко общавшегося с представителями как промышленников, так и рабочих, – тем более что неоднократно сменявшиеся за годы войны министры и вправду были чрезвычайно далеки от совершенства, отнюдь не представляя собою той опоры Престолу, на которую вправе был рассчитывать назначавший их Государь? Скептически относился Михаил Васильевич и к ближайшему окружению Императора, вскоре действительно доказавшему свою никчемность, а слухи о влиянии Г. Е. Распутина на важные государственные назначения вкупе с потоками грязи, изливавшимися досужими клеветниками на «нашего Друга», как называла его Императрица Александра Феодоровна, – не могли не беспокоить Алексеева. (К чести генерала следует отметить, что он не побоялся высказать свое мнение лично Государыне, на Ее предложение о посещении Ставки Распутиным решительно ответив, «что, если Распутин появится в Ставке, он немедленно оставит пост начальника штаба»). Возможно, Алексеев пребывал в заблуждении относительно состояния страны, внутренняя жизнь которой ему, погруженному во фронтовые заботы, была известна недостаточно хорошо, – однако свои взгляды он, как это и подобает военному человеку, выражал не в докладах о «крамольной» переписке (доносительство вообще никогда не было в чести у русского офицерства), а от своего собственного имени, – «по долгу верноподданного, по данному мною обещанию говорить и докладывать Вашему Императорскому Величеству правду, как бы ни была она тяжела».

Впрочем, мнения современников и историков о взглядах генерала на необходимые перемены в управлении страной расходятся коренным образом: если одни представляют его сторонником «ответственного министерства» (лозунга и фетиша либеральной общественности), то другие апеллируют к поданному Михаилом Васильевичем докладу о желательности учреждения «диктатуры тыла» – особого поста «верховного министра государственной обороны», которое могло привести к значительному ограничению думской и общественной деятельности на время войны. Военному человеку, наверное, больше должна была импонировать идея милитаризации промышленности и путей сообщения, жесткая дисциплина и единоначалие – словом, «диктатура тыла»; но и «ответственное министерство» могло казаться вполне приемлемым, коль скоро облеченные «народным доверием» думские лидеры так уверенно гарантировали его умиротворяющее и стабилизирующее

воздействие на фактически безначальный и оттого колеблющийся тыл. По-видимому, для генерала Алексеева главным было спокойствие за спиной сражающейся армии и возможность победоносно окончить войну, а какими путями это достигалось бы – оставалось вопросом второстепенным.

Особо отметим, что и надежды на «ответственное министерство», якобы высказываемые Алексеевым, и его доклад об учреждении поста «верховного министра» никак не соотносятся по времени с письмами Гучкова, предшествуя им и, таким образом, будучи независимыми от посторонних влияний. Преувеличивается и роль гучковских посланий в якобы наступившем охлаждении Государя к Михаилу Васильевичу, поскольку сплетники относили это охлаждение к концу 1916 года, когда действительно ухудшилось, и резко ухудшилось, не отношение Императора, а состояние здоровья Алексеева.

Уже давно подрывавший свои силы непомерными трудами, он окончательно надорвался к октябрю. «Сердце оказалось гипертрофированным, пульс 40 ударов в минуту, напряженный, кровяное давление 190 мм по R. R.», – отмечали врачи. Пытавшийся работать несмотря на обострение болезни и начинавшееся воспаление почек, генерал скоро довел себя до крайне опасного состояния: навестивший больного 7 ноября Протопресвитер Армии и Флота отец Георгий Шавельский счел его уже умирающим. Михаил Васильевич выразил желание причаститься на следующий день, в свои именины (Собор Архангела Михаила), и отец Георгий навсегда запомнил слова, сказанные им перед Святым Причастием:

«Я смерти не боюсь. Судит Бог умереть, – умру спокойно: в жизни я не искал своего, все свои силы и весь свой разум я отдавал Родине. Спасет меня Господь, – снова отдам Родине все свои силы, всю жизнь свою».

После причащения состояние больного сразу улучшилось. Предстательством Архистратига (военачальника) Небесных Сил Бесплотных, Господь сохранил раба Своего Михаила, казалось, уже на пороге смерти. Бог миловал его уже не впервые: еще командиром роты Алексеев едва не был убит на стрельбище случайным выстрелом, а в 1911 году попал в автомобильную катастрофу, оба раза чудом оставшись в живых. Теперь же для дальнейшего лечения генерал был по настоянию Государя 20 ноября отправлен в Севастополь, рекомендовав на свое место генерала-от-кавалерии В. И. Ромейко-Гурко, и в этом выборе сказалась широта взглядов Алексеева: один из талантливейших русских генералов, Гурко уступал многим другим по старшинству в чинах и должности. В то же время, не желая совсем терять связи

с войсками, в чем его поддержал и Император, – Алексеев продолжал по прямому проводу постоянно получать информацию о происходившем.

Туда же, в Севастополь, к генералу приехали, как писал впоследствии с его слов А. И. Деникин, «представители некоторых думских и общественных кругов», уже открыто заявившие о назревающем перевороте, – просившие, впрочем, не содействия, а лишь консультации – как отнесется к этому Армия. Алексеев «в самой категорической форме» просил не делать рокового для Армии и России шага и получил заверения, что готовящиеся события будут предотвращены. Однако…

«Не знаю, какие данные имел Михаил Васильевич, – рассказывает Деникин, – но он уверял впоследствии, что те же представители вслед за сим посетили Брусилова и Рузского и, получив от них ответ противоположного свойства, изменили свое первоначальное решение: подготовка переворота продолжалась».

Небезынтересно, впрочем, что Брусилов, в свою очередь, вспоминал о «доходивших до него сведениях» о перевороте и о том, что «главная роль была предназначена Алексееву, который якобы согласился арестовать Николая II и Александру Федоровну» (ожидать такого от Алексеева было совершенно невозможно, и Брусилов поэтому «не верил этим слухам»); Рузский же в дни Февральского мятежа скажет Императору, «что это готовилось давно, но осуществилось после 27 февраля, т. е. после отъезда Государя из Ставки». Очень похоже, что каждому из трех информированных генералов заговорщики говорили про согласие по меньшей мере одного из двух оставшихся, и сомнения здесь может вызывать лишь фигура Рузского: Алексеев был слишком консервативным и честным, а «Главколис» Брусилов – слишком расчетливым и хитрым, чтобы примкнуть к этой, становившейся уже явной, «конспирации». Однако то, что произошло вскоре, оказалось неожиданностью не только для фронтовых генералов, но и для тех тыловых деятелей, которые намеревались дирижировать «назревающими событиями».

* * *

Не вполне еще оправившимся от болезни вернулся Алексеев в Ставку 17 февраля 1917 года. Для принятия дел от своего временного заместителя и фактического вступления в должность ему только и должно было хватить тех последних десяти дней относительно спокойного существования Ставки, за которыми наступил период, когда, по словам Михаила Васильевича,

«оперативная, военная часть отошла на задний план; война была забыта; впереди всего стала внутренне-политическая[10] сторона…»

23 февраля, когда Император Николай II прибыл в Ставку из Царского Села, в оставленном Им Петрограде уже начинались волнения, и в следующие дни положение только ухудшалось. Перебои с доставкой хлеба вывели на улицы толпы протестующих, вызванные войска сами колебались и вряд ли могли явиться опорой порядка в столице, а вскоре стали явно присоединяться к митингующим. Начались убийства офицеров. Это еще не было революцией, но бунт уже был налицо.

Толпы можно было смирить кнутом и пряником, немедленной виселицей для зачинщиков и агитаторов и безусловным прощением тем, кто оказался вовлеченным в волнения и теперь чувствовал себя скованным круговою порукой. Однако не было сделано ни того, ни другого: Правительство и командование Петроградского военного округа не знали, что́ предпринять, а деятели Государственной Думы, к тому времени распущенной Высочайшим указом, решили, что сложившаяся обстановка, отменяя планы готовящегося дворцового переворота, позволит им получить власть быстрее и решительнее. Председатель Думы и глава ее самочинно сформировавшегося «Временного Комитета» М. В. Родзянко бросился к прямому проводу, забрасывая Ставку сообщениями, в которых фанфаронство мешалось с паникой, искреннее непонимание ситуации – со злонамеренным искажением фактов.

Столичный военный округ не входил в сферу деятельности начальника Штаба Верховного Главнокомандующего, дисциплинарные и административные права которого при живом Верховном были, как уже говорилось, весьма ограниченными. Не слушая отчаянных просьб Алексеева, опустившегося перед Государем на колени, Император 27 февраля принял решение немедленно покинуть Ставку и направиться в Царское Село, где находилась Его Семья. Армия же при этом фактически оставалась обезглавленной.

Пока Император еще находился в Ставке, удалось, однако, принять несколько важных решений. «Теперь, – говорил Алексеев, – остается только одно: собрать порядочный отряд где-нибудь примерно около Царского и наступать на бунтующий Петроград…» Авангардом должен был двинуться из Ставки батальон, укомплектованный Георгиевскими кавалерами, во главе с полковником Н. С. Тимановским, будущим героем Добровольческой Армии. Главнокомандующим Петроградским округом с чрезвычайными полномочиями был назначен

Государем генерал Н. И. Иванов, который должен был выехать вместе с Георгиевцами. «…В его распоряжение, возможно скорей, отправить от войск Северного фронта в Петроград два кавалерийских полка, по возможности из находящихся в резерве 15-й дивизии, два пехотных полка из самых прочных, надежных, одну пулеметную команду Кольта для Георгиевского батальона, который едет из Ставки, – требовал Алексеев. – Нужно назначить прочных генералов… в распоряжение генерала Иванова нужно дать надежных, распорядительных и смелых помощников». Такие же силы должен был выделить Западный фронт – второй по близости к столице. В согласии с Монаршей волей, генерал Алексеев делал все, чтобы подавить мятеж вооруженной рукой.

Покинув Ставку, Государь оказался отрезанным от Своего Штаба и Армии. Его поезд был остановлен на пути к Царскому Селу, причем окружавшая Императора высокопоставленная придворная челядь проявила преступное бездействие, не приложив никаких усилий, чтобы «протолкнуть» состав по назначению, и на все грядущие роковые дни избрав для себя благоразумную тактику – плыть по течению. Завернутый с полдороги Императорский поезд 1 марта направился во Псков, в Штаб Северного фронта, Главнокомандующий которым генерал Рузский с первых же слов заявил о необходимости сдаться «на милость победителя», почитая таковым петроградские мятежные толпы и Временный Комитет Государственной Думы, устами Родзянки уже требовавший отречения. А в это время в Ставке больной, едва державшийся на ногах Алексеев – медицински засвидетельствовано, что его болезнь обострялась под влиянием волнения, – переживал, быть может, самые страшные часы своей жизни. Родзянко из Петрограда то успокаивал, будто ситуация взята под контроль (это было ложью), то паниковал, взывая, что отречение в пользу Цесаревича Алексея Николаевича остается единственным способом спасти Россию. На плечи Алексеева ложилась тяжелейшая ответственность… и вновь становилось неясно, кем же он, собственно, в этот момент был!

Когда говорят, что «генерал Алексеев мог и должен был принять ряд необходимых мер, чтобы предотвратить революцию… У него была вся власть. Государь поддержал бы его распоряжения. Он бы действовал именем Его Величества. Фронт находился в его руках, а Государственная Дума и ее прогрессивный блок – не решились бы ослушаться директив Ставки», – с этим можно согласиться только в одном случае: если бы Алексеев твердо считал Императора лишенным свободы действий.

Начальник Штаба без распоряжения «сверху» вступает в

исполнение должности Главнокомандующего только в случае неожиданного, так сказать, катастрофического выбытия последнего из строя. Ситуации «междувластия» военными законами отнюдь не было предусмотрено, так же как и «междуцарствия» – законами государственными. Но были ли основания у начальника Штаба Верховного предполагать это? Из Пскова приходили телеграммы за подписью Государя, Рузский передавал Ему телеграммы из Ставки, и считать Николая II пленником Алексеев вряд ли мог. А лишь при этом условии, повторим, имел он и моральное, и юридическое право действовать самостоятельно – да и тогда вопрос о полномочиях фронтового начальства в тыловых округах оставался открытым. Фактически взять на себя ответственность решительного вмешательства в происходившее – для Михаила Васильевича значило *самому стать бунтовщиком*…

Ну, а уж к этому он безусловно не был готов. Отнюдь не авантюрист по натуре, к тому же придавленный многомесячным несчастным опытом «главнокомандующего без власти» и «исполнителя без ответственности», вполне способным в решительный час парализовать волю, к тому же тяжело больной, – Михаил Васильевич Алексеев был смят страшными событиями так же, как был ими смят Император Всероссийский Николай Александрович.

Родзянко уже кричит, что в столице все рушится. За спиною Алексеева генерал-квартирмейстер Ставки, генерал А. С. Лукомский (сменивший при Гурко генерала Пустовойтенко) телеграфирует во Псков: «…По моему глубокому убеждению, выбора нет и отречение должно состояться», – подсказывая в качестве инструмента давления на Государя угрозу безопасности горячо любимой Им Семьи, остающейся в Царском Селе. Рузский в ответ также настаивает на отречении и просит узнать мнение остальных Главнокомандующих фронтами. И сломленный Алексеев поручает составить такой запрос… тому же генералу Лукомскому.

Теперь ничего уже не изменить. «…Династический вопрос поставлен ребром и войну можно продолжать до победоносного конца лишь при исполнении предъявленных требований относительно отречения от Престола в пользу Сына при регентстве Михаила Александровича… Необходимо спасти действующую армию от развала; продолжать до конца борьбу с внешним врагом; спасти независимость России и судьбу династии. Это нужно поставить на первом плане, хотя бы ценой дорогих уступок. Если вы разделяете этот взгляд, то не благоволите ли телеграфировать весьма спешно свою

верноподданническую просьбу Его Величеству…» – подсказывает адресатам желательное решение Лукомский… и Алексеев подписывает.

Конечно, поставив свою подпись, генерал перед Богом и людьми принял на себя ответственность за каждое слово злополучной телеграммы; но будем справедливы – в критические минуты, оказавшись ложно информированным из Петрограда и Пскова и, быть может, недостаточно отдавая себе отчет в значении Императорской власти для России, – не вызывает ли генерал Алексеев при всем этом и уважения тем, что не находит для себя возможным уклониться от подачи своему Государю совета, пусть горького и, как покажет ближайшее будущее, ошибочного? Обличители, вспоминающие о верности присяге, могли бы подумать и о том, что нарушить присягу можно как действием, так и бездействием (что предпочли столичные власти или наполнявшие Царский поезд приближенные Его Величества). Снова, как и ранее, «*по долгу верноподданного, по данному обещанию* говорить правду, как бы ни была она тяжела», генерал Алексеев высказывает то, что он думает или с чем он согласен. Он ошибся, как ошиблась вся мятущаяся Россия, с легкостью принявшая отречение – страшную жертву Благоверного Императора; но одним из первых Михаил Васильевич и прозрел свою ошибку, уже на следующий день из очередных телеграмм Родзянко убедившись, что доверять его честности и компетентности нельзя, и горько посетовав: «Никогда себе не прощу, что поверил в искренность некоторых людей, послушался их и послал телеграмму Главнокомандующим по вопросу об отречении Государя от Престола». И один из тех, кто невольно приближал русскую трагедию, – он теперь будет делать все, чтобы остановить ее.

Но это будет 3 марта. А 2-го Главнокомандующие поддержат идею отречения, и специальным актом Государь Император Николай II передаст Престол Своему брату, Великому Князю Михаилу, в свою очередь отложившему принятие Верховной Власти до решения Учредительного Собрания. Вместо власти в России осталось самозванное «Временное Правительство», чья относительная легитимность определялась лишь назначением его главы – князя Г. Е. Львова, которое успели провести Высочайшим распоряжением…

Вечером 3 марта отрекшийся Император возвратился в Ставку. Алексеев, по словам одного из его сотрудников, «решил обставить встречу Государя так, чтобы хотя бы здесь, в бывшем своем штабе, не почувствовал он ослиного копыта». По-прежнему утром 4-го он прибыл для своего обычного доклада, хотя

Государь уже не являлся Верховным Главнокомандующим (на эту должность Им вновь был назначен Великий Князь Николай Николаевич, приезд которого ожидался в ближайшие дни). Доклады повторялись, вызывая резкое недовольство Алексеевым со стороны новой власти; а утром 9-го, в день отъезда Николая II в Царское Село (где Он уже должен был находиться под стражей), и тоже вопреки желаниям петроградских «правителей», Михаилом Васильевичем были собраны все, кто хотел бы попрощаться со своим Государем.

…Никто не знает и не узнает никогда, что́ было на душе у Императора Николая Александровича в те дни, когда Он принимал столь значимое для России решение. «Сердце Царево в руце Божией», и Государь, человек глубоко религиозный, именно так смотревший на Свое призвание и расценивавший долг правителя как тяжкий крест, возложенный на Него Творцом, должен был пережить глубочайшую внутреннюю драму – екатеринбургской Голгофе предшествовала псковская Гефсимания. Открывалась ли Помазаннику Божьему трагическая судьба Его страны? Вымолил ли Он покров Божией Матери над Россией, свидетельством чего стало в дни отречения чудесное явление иконы Богородицы «Державная», на которой Заступница предстает восседающей на троне, со скипетром и державою в руках? Это ли была единственная смена на том посту, где часовыми столетия стояли Русские Цари?

На всех надвигается что-то страшное, и теперь знание об этом Государя передается окружающим Его. «Никогда не наблюдал я такой глубокой, полной, такой мертвой тишины в помещении, где было собрано несколько сот человек», – напишет потом очевидец, но вскоре эта тишина нарушится и, разлетевшись на куски, как прозрачная стеклянная стена, исчезнет, когда Государь начнет обход выстроившихся чинов Ставки, Конвоя и Георгиевского батальона.

Зала оглашается рыданиями. Плачут, бьются в истерике боевые офицеры. Падают в обморок здоровяки-конвойцы. Государь пытается улыбаться, но вместо улыбки выходит «какая-то гримаса, оскаливавшая ему зубы и искажавшая лицо»; не окончив обхода, Он направляется к выходу, всхлипывания и истерические вскрики не прекращаются, и среди них теряются растерянные и взволнованные слова генерала Алексеева – «А теперь, Ваше Величество, позвольте мне пожелать Вам благополучного путешествия и дальнейшей, сколько возможно, счастливой жизни»…

Это уже стадо, потерявшее Пастыря; но, наверное, и в эти минуты никто еще не понимал со всею отчетливостью, что

именно сейчас Россия начинает свой путь к Гражданской войне.

* * *

Генерал Алексеев занял по отношению ко Временному Правительству абсолютно лояльную позицию. Так, он не передал в столицу телеграмму Государя, в которой, во изменение акта 2 марта, изъявлялось согласие на вступление на Престол Цесаревича Алексея; более того, именно начальнику Штаба Верховного выпало объявить Николаю II распоряжение из Петрограда о взятии Его под стражу. Организовав рассылку по войсковым соединениям, до командиров корпусов, прощального приказа бывшего Верховного Главнокомандующего, Михаил Васильевич не смог и воспротивиться остановке его дальнейшего распространения новым военным министром Гучковым, очевидно обеспокоенным обаянием Царственного Страстотерпца, которое пронизывало документ, призывавший Действующую Армию к продолжению борьбы с внешним врагом во имя Веры и Отечества… Нет оснований, однако, считать эти действия следствием какого-либо глубокого исповедания Алексеевым республиканских убеждений или программы новой власти, тем более что последней фактически еще не было сформулировано; речь шла скорее о внутреннем ощущении, что произошедшее с Россией уже необратимо и теперь следует думать о том, как жить в новых условиях и можно ли овладеть выходящей из-под контроля ситуацией. Пожелания же «благополучного путешествия и счастливой жизни» отрекшемуся Монарху в устах генерала были следствием доверия к телеграмме главы Временного Правительства князя Львова, обещавшей Николаю II беспрепятственный проезд на Мурман, как предполагалось – для дальнейшего следования в Англию, где жизнь Его и Его Семьи была бы в безопасности. Лишь со временем стало известно, что предательская позиция Короля Георга V по отношению к своему родственнику и раболепие Временного Правительства перед радикально настроенными левыми элементами исключили эту возможность спасения Государя.

Алексеев и ранее смотрел в будущее без особого оптимизма, даже в случае победоносной войны волнуясь о проведении массовой демобилизации Действующей Армии. «Ведь это же будет такой поток дикой отваги разнуздавшегося солдата, которого никто не остановит», – говорил он; а теперь военачальнику, опасавшемуся эксцессов радостной толпы и подозревавшему, что их может не выдержать выстоявшая в войне

Империя, предстояло увидеть воочию, сколь страшна толпа озлобленная, развращаемая и поощряемая к самым чудовищным буйствам одними политическими силами при безвольной пассивности или робком потакании других.

Еще накануне отречения Государя самочинно собравшаяся в Петрограде группа леворадикально настроенных интеллигентов, присвоившая себе наименование «Центрального Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов», опубликовала печально известный «Приказ № 1», натравливавший нижних чинов на офицеров и разжигавший рознь в армейских рядах. Не лучше повели себя и некоторые представители генералитета, быстро пошедшие на поводу у слепой разъяренной стихии и в угоду ей приступившие к разработке «Декларации прав солдата», внесшей в войска смертельный яд – разрешение членства в любых политических партиях и организациях и абсолютную свободу их агитации, чем Армия буквально раздиралась на куски. Возглавлявший комиссию по реорганизации вооруженных сил генерал Поливанов, в очередной раз приспособившийся к обстановке, даже приезжал к Алексееву с убеждениями отменить приказ о предании военно-полевому суду действовавших в войсках агитаторов-пораженцев, а когда ему в этом было отказано, сверху были просто… отменены сами военно-полевые суды… Солдатский комитет, в основном из писарей и прислуги, появился и в Ставке, однажды своей наглостью выведя из равновесия даже сдержанного Алексеева, порывавшегося «взять взвод полевых жандармов и перестрелять этих…».

Предупреждения, что Правительством и Совдепом взят неверный, гибельный для страны курс, не достигали цели. «Пути у нас могут быть различны, но цель одна – кончить войну так, чтобы Россия вышла из нее хотя бы и уставшею и потерпевшею, но отнюдь не искалеченной, – взывал Михаил Васильевич 4 мая на совещании Главнокомандующих фронтами с министрами и советскими деятелями. – …Если начальству не подчиняются, если его приказания не выполняются, то это не армия, а толпа… Об интересах родины и ее будущем забывается… Реформы, которые армия еще не успела переварить, расшатали ее, ее порядок и дисциплину… Если мы будем идти по этому пути дальше, то наступит полный развал». Но генерал ошибался в главном: для его собеседников, даже тех, кто искренне желал победы в войне и какого-то не вполне определенного «счастья» для России, эти вопросы стояли глубоко на заднем плане, уступая первые места неприкосновенности партийных догм («демократизация», «народовластие», «гражданские свободы»), во имя которых они готовы были полностью игнорировать и реальные условия, и

правила ведения войны, и будущее державы. Для военной же власти, пытавшейся спасти разрушаемое, оказались потерянными первые, самые, быть может, драгоценные недели «медового месяца революции».

Немало резких критических слов было сказано впоследствии в адрес генерала Алексеева, «безвольного», «растерявшегося», «выпустившего из рук управление армией». Но, признавая за ними определенную правоту, – даже глубоко уважавший Алексеева Деникин считал, что «грозный окрик верховного командования, поддержав сохранение в первые две недели дисциплины и повиновения армии, быть может, мог поставить на место переоценивший свое значение Совет, не допустить “демократизации” армии и оказать соответственное давление на весь ход последовавших событий», – мы вынуждены вновь обратить внимание на злополучную судьбу Михаила Васильевича, как бы задавшуюся целью все время делать его положение неопределенным и неустойчивым.

Великий Князь Николай Николаевич, еще не успев приехать в Ставку и вступить в исполнение обязанностей Верховного Главнокомандующего, был остановлен письмом князя Львова, утверждавшего, будто «народное мнение решительно и настойчиво высказывается против занятия членами дома Романовых какой-либо государственной должности». Идя навстречу «народному мнению» (как выяснилось позже, фальсифицированному), Великий Князь 11 марта сложил с себя звание Верховного. Российская Армия вновь оказалась без вождя.

Теперь по всем законам начальник Штаба должен был заместить отсутствующего Верховного; однако нельзя сбрасывать со счетов как тяжелый опыт предыдущих лет войны, отнюдь не располагающий Алексеева к проявлению инициативы, и подавляющую все душевные силы обстановку сегодняшнюю, так и непрочное положение, в котором оказывался генерал. Его кандидатура на высший военный пост в стране многим представителям новой власти (в первую очередь – Родзянке) казалась весьма спорной, и решение вопроса было вольно или невольно затянуто на три недели в период, когда каждый день был на счету, грозя необратимыми переменами. Лишь 2 апреля состоялось назначение генерала-от-инфантерии Алексеева Верховным Главнокомандующим, а чуть больше месяца спустя он уже явно стал неугоден Временному Правительству.

Помимо упомянутого выше выступления на совещании 4 мая, немалую роль в этом сыграла и речь Михаила Васильевича на открытии 7 мая в Ставке офицерского съезда, 300 делегатов которого, представлявшие в основном фронтовой командный

состав, напряженно ждали от вождя Армии оценки положения и идей, вокруг которых можно было бы сплотиться.

«Россия погибает, – с болью говорил старый военачальник. – *Она стоит на краю пропасти. Еще несколько толчков вперед, и она всей тяжестью рухнет в эту пропасть…*

…Где та сильная власть, о которой горюет все государство? Где та мощная власть, которая заставила бы каждого гражданина нести честно долг перед Родиной?..

Где любовь к родине, где патриотизм?

Написали на нашем знамени великое слово "братство", но не начертали его в сердцах и умах. Классовая рознь бушует среди нас. Целые классы, честно выполнявшие свой долг перед Родиной, взяты под подозрение, и на этой почве возникла глубокая пропасть между двумя частями русской армии – офицерами и солдатами…

В настоящее время – это общая болезнь – хотели бы всех граждан России поставить на платформы и платформочки…

Мы все должны объединиться на одной великой платформе: Россия в опасности. Нам надо, как членам великой армии, спасать ее. Пусть эта платформа объединит вас и даст силы к работе».

Речь, в сущности, не содержала никаких конкретных политических призывов; но резкое неприятие партийности, искренний патриотизм и обаяние говорившего делали ее опасной в глазах Правительства и Совдепа, а организация на съезде Союза офицеров с местопребыванием его Главного Комитета в Ставке – вызывали прямые подозрения в подготовке «контрреволюционного заговора». И телеграммой от 21 мая Алексеев был назначен «в распоряжение Временного Правительства» и вызван в Петроград. Генерал подал в отставку и 24-го прошел медицинское освидетельствование, диагностировавшее пиелонефрит и подтвердившее, что больной «продолжать дальнейшую военную службу безусловно не может и нуждается в постоянном врачебном уходе за собой». Такую настойчивость, помимо объективных причин, можно объяснить и оскорбительной формой, в которую было облечено отрешение Алексеева от должности («Пошляки! Рассчитали, как прислугу…» – сказал он со слезами горькой обиды на глазах).

Подчас не без тайного злорадства это подается как своеобразная расплата Алексеева за его поведение во время Февральского переворота. «Сделавший свое дело» генерал был якобы отброшен за ненадобностью теми, кто воспользовался его содействием в дни отречения. При этом игнорируется лишь реальное состояние государственной власти весной 1917 года, все ухудшавшееся и в дальнейшем.

«Власть, собственно, все время находилась ни в чьих

руках… – подводил итоги первого полугода «свободной России» один из министров-социалистов Временного Правительства. – Говорят, идет борьба за власть. Но власть представляет сейчас такую вещь, от которой все стараются отойти, откреститься, и нет ни одной группы общественной, которая стремилась бы захватить власть». Генералитет и офицерство сохраняли лояльность к Временному Правительству (в лице лучших своих представителей – во имя борьбы с внешним врагом и во исполнение прощального приказа Государя); Правительство действовало с постоянной оглядкой на Совдеп, предпочитая потакать развалу страны и Армии, лишь бы не подвергнуться его нападкам, в большинстве случаев чисто демагогическим; Совдеп же сознательно отталкивал от себя власть, дабы не принять вместе с нею и ответственность за будущее России, и играл роль стороннего, но от этого не менее резкого и агрессивного критика практически всех начинаний Правительства. Слабые и растерянные члены последнего, в сущности, не были способны «отбросить» кого бы то ни было, ибо сами один за другим уходили под натиском того, что они определяли как «стихию» – стихию анархии, демагогии и безответственности. А тем временем на политической арене все бóльшую и бóльшую силу начинали забирать те группы, которые проповедовали еще более радикальную ломку всей жизни страны и уже примеривались к захвату власти. Этот враг мог спасовать только перед силой оружия, и генерал Алексеев, после отрешения от должности уехавший в Смоленск к семье, пристально наблюдал за развитием событий и людьми, от которых можно было бы ожидать активных действий.

А дело определенно шло к открытой борьбе. На смену безалаберности и хаосу, охватившим русское общество весной 1917-го, приходила постепенная поляризация сил – откровенно анархических, разрушительных – с одной стороны, и консервативно-охранительных, государственнических – с другой. Сменивший Алексеева генерал Брусилов, потакавший революционной толпе и шедший на поводу у Временного Правительства, недолго продержался на посту Верховного Главнокомандующего; зато пришедший на его место Л. Г. Корнилов выглядел тем человеком, вокруг которого смогут объединиться все здоровые силы страны.

«Думаю, что назначение Корнилова будет приветствуемо и штабом, и оставшимися честными и верными войсками, – записывает в дневнике Михаил Васильевич. – …Дай Бог Корнилову силы, терпения, мужества и счастья сладить с теми путами, которые наложены нашими военными министрами последнего времени на главнокомандование…» Интересно, что

собственно полководческие способности Лавра Георгиевича Алексеев оценивал весьма скептически: энергия и порыв Корнилова, подчас безрассудно-дерзкие, настораживали Михаила Васильевича, но сейчас он приветствовал назначение его Верховным, ибо сама эта должность в тех условиях становилась не только военной, но и политической.

А объединение и концентрацию всех сил Алексеев, похоже, считал в те дни задачей первоочередной. Еще в мае он писал: «Только извлечение надежных людей из состава войск может дать подготовленный материал для формирования». В конечном итоге именно по этому пути и пошло Главное Командование, поощряя выделение боеспособных элементов в специальные «штурмовые батальоны» и «ударные части». Впрочем, не только практика, но и сами принципы их использования разочаровывали Алексеева, находившегося к тому времени уже не у дел: «…Бесполезно погубили лучших людей и массу офицеров, пустив у д а р н ы е[11] бат[альо]-ны вперед; за ними никто не пошел. Ударные бат[альо]ны должны были составить резерв и гнать перед собою малодушных, забывших совесть». Сохранение этих отборных кадров русского воинства могло стать козырною картой и в политической игре, очередной партией которой стало Московское Государственное Совещание.

В своем выступлении 15 августа Михаил Васильевич, обрисовав язвы, разъедающие армейский организм (Приказ № 1, Декларация прав солдата, комитеты и проч.) и подчеркнув нарастающую угрозу со стороны тех, «кто выполнял веления немецкого генерального штаба и в карманах которых мелодично звенели немецкие марки», предостерегал: «Полумеры будут только расширять и углублять тот развал, которым полна наша армия. Истинная воинская дисциплина для всех, носящих военный мундир, должна поглотить собою дисциплину партий и групп». Слова бывшего Верховного Главнокомандующего звучали в унисон с выступлением нынешнего – генерала Корнилова, и в унисон звучали, должно быть, и многие их мысли, что можно заключить из состоявшегося в те же дни диалога между генералами, в котором, по рассказу А. И. Деникина, прозвучали и такие многозначительные реплики:

Корнилов: «Михаил Васильевич, придется опираться на Офицерский союз – дело ваших рук. Становитесь вы во главе, если думаете, что так будет лучше».

Алексеев: «Нет, Лавр Георгиевич. Вам, будучи Верховным, это сделать легче».

Эта цитата – явно отрывок большого разговора, состоявшегося в первые же часы по приезде Корнилова на

Государственное Совещание, – становится понятной на общем фоне событий, определявших тогдашнюю внутриполитическую ситуацию и расстановку сил. Вооруженные демонстрации большевицки настроенных солдат и матросов 3–4 июля в Петрограде наглядно показали агрессивность намерений крайнего крыла социал-демократии, – а нерешительность Временного Правительства, не осмелившегося применить к ее вожакам адекватные меры, убеждала в том, что остановить сползание России в пучину анархии смогут лишь сами военные, уже без всяких надежд на содействие со стороны государственной власти.

Но воспользоваться оказавшимися в его распоряжении силами генералу Корнилову не удалось. В результате провокации главы Временного Правительства, Верховный Главнокомандующий был объявлен мятежником, а в самом Правительстве разразился очередной кризис. Для консультаций был спешно приглашен М. В. Алексеев…

Даже среди приближенных А. Ф. Керенского нашлись люди, считавшие кандидатуру старого генерала единственной, подходящей на роль главы преобразованного кабинета, фактически – диктатора. Но такая перспектива, конечно, отнюдь не могла удовлетворить самовлюбленного министра-председателя, присвоившего себе самому диктаторские полномочия вплоть до смехотворной для адвоката должности Верховного Главнокомандующего, а Михаилу Васильевичу предложившего пост… своего начальника Штаба. Важно подчеркнуть, что в «корниловские дни» явным стал бутафорский характер «объединения здоровых государственных сил», мгновенно попрятавшихся и не пожелавших противодействовать политике Керенского, который в борьбе против «генеральской контрреволюции» все теснее блокировался с Совдепом. Алексеев оказался в одиночестве, без сколько-нибудь серьезной поддержки со стороны государственных или общественно-политических деятелей или течений.

«Уговаривают меня принять должность начальника штаба при Верховном – Керенском… – со слезами говорил он офицеру-единомышленнику. – Если не соглашусь, будет назначен Черемисов (генерал, зарекомендовавший себя активным сторонником «революционной демократии». – *А. К.*)… Вы понимаете, что это значит? На другой же день корниловцев расстреляют!.. Мне противна предстоящая роль до глубины души, но что же делать?»

Двенадцать дней – с 30 августа по 10 сентября 1917 года – когда генерал-от-инфантерии Алексеев был начальником штаба у

присяжного поверенного Керенского, в глазах многих стали днями позора и бесчестья для старого генерала. Именно так оценил их и Корнилов – отказавшийся от мысли продолжать вооруженную борьбу, сдавший пост Михаилу Васильевичу, а затем и безропотно подчинившийся постановлению о своем аресте, но бросивший при этом своему преемнику резкие слова: «Вам трудно будет выйти с честью из положения. Вам придется идти по грани, которая отделяет честного человека от бесчестного. Малейшая Ваша уступка Керенскому – толкнет Вас на бесчестный поступок…» Отношения между двумя генералами отныне и навсегда были безнадежно испорчены.

«Как мог Алексеев, основатель офицерского союза и всей этой организации в армии, которая имела своей конечной целью произвести военный переворот, как мог он поддержать Керенского, пойти к нему в Начальники Штаба и поехать в Ставку арестовать его, Корнилова?» – вспоминал современник негодование бывшего Верховного Главнокомандующего. При этом Лавр Георгиевич забывал о том, что Союз офицеров, как мы знаем, был уже передан ему Алексеевым, бывшим лишь духовным, но отнюдь не фактическим главою этой организации, – а также о том, что основным мотивом поступка Михаила Васильевича было стремление спасти жизнь Корнилову и его соратникам. Остановив же продвижение к Ставке науськанных Керенским отрядов красногвардейцев и разъяренной солдатни и организовав охрану арестованных «корниловцев» благожелательно настроенным к ним Текинским конным полком, генерал Алексеев покинул столь тягостный для него в сложившейся ситуации пост начальника Штаба Верховного. А тем временем Керенским под шумок был произведен и самый настоящий государственный переворот: 1 сентября 1917 года Россия, не дожидаясь не только решения, но даже и созыва Учредительного Собрания, была объявлена республикой…

Михаилу Васильевичу довелось принять участие и в последнем акте трагедии 1917 года, на фоне готовящегося вооруженного выступления большевиков стремительно вырождавшейся в фарс. От Союза офицеров он был делегирован во «Временный Совет Российской Республики», заседавший с 7 октября, – так называемый «предпарламент», вскоре получивший ироническое прозвище «бредпарламента» и, очевидно, по заслугам: даже известный революционер, один из создателей российской социал-демократии А. Н. Потресов констатировал той осенью: «Бедлам, а не единство представляет собой демократия, собранная в четырех стенах, заключенная в рамки единого общественного учреждения». И все большее и большее внимание

Алексеев, находившийся в Петрограде с 16 октября, уделяет созданию новой офицерской и юнкерской организации, теперь уже тайной, для предстоящей борьбы с большевизмом и анархией.

Бессилие Временного Правительства и никчемность Временного Совета наглядно проявились 24–25 октября. Найдя Мариинский дворец, где заседал предпарламент, уже оцепленным большевицкими караулами, генерал еще успел поругаться с часовым, однако был вовремя спроважен офицером старой охраны и избежал ареста и расправы. К нему еще приходили представители юнкеров, с которыми Алексеев обсуждал возможность деблокирования обложенного Зимнего дворца, однако реализовать ее уже не удалось: последний оплот Временного Правительства был вскоре захвачен. До 30 октября Михаилу Васильевичу пришлось скрываться, а затем усилиями нескольких преданных ему членов организации удалось сесть на скорый поезд Петроград – Ростов-на-Дону.

«Тяжело и странно было смотреть на ген[ерала] А[лексеева] в столь несвойственной ему штатской одежде», – вспоминал адъютант Михаила Васильевича. Лишенный привычного воинского облика, старый военачальник, как и все русские люди, для которых слово «Россия» не было пустым звуком, был лишен в те дни и большего – своего Отечества, казалось, уже невозвратно уходящего в историю.

Теперь его предстояло завоевывать заново – и генерал Алексеев был готов к этому.

* * *

2 ноября Михаил Васильевич добрался до Области Войска Донского, где усилиями Атамана Каледина еще поддерживался относительный порядок, – впрочем, не более чем относительный. Попытки двух генералов организовать наступление на север столкнулись с сильной оппозицией в правительственных кругах Дона, а ближайшие недели показали и беспочвенность надежд на финансовую помощь обеспеченных кругов, еще имевших в этот период хаоса и анархии возможность распоряжаться своими средствами. Российская буржуазия, казалось бы, кровно заинтересованная в победе зарождающегося Белого движения, на деле отказывала ему в помощи. Так, миллионер Оловянишников в ответ на просьбу эмиссаров с Дона о материальной поддержке прямо заявил: «Передайте Алексееву, что денег мы ему не дадим, пусть берет где угодно – в Англии, Америке, Франции…» Но

надеяться на союзников тоже не приходилось – ведь еще весной 1916 года, отлично понимая их политику, Михаил Васильевич говорил: «Союзникам вовсе не надо нас спасать, им надо только спасать себя и разрушить Германию. Вы думаете, я им верю хоть на грош?..» И это недоверие полностью оправдалось в Гражданскую войну, когда страны Антанты в лучшем случае отделывались подачками и в целом больше вредили белым, чем помогали им…

Такое отношение российской буржуазии объяснялось не только ее политической близорукостью – деньги, которые она пожалела для Алексеева, вскоре достанутся большевикам, – но и независимой позицией, сразу занятой Белыми вождями. Будучи просто честными солдатами (отнюдь не политиками!), многие – Алексеев, Корнилов, Деникин – выходцами из простонародья, они в своей борьбе за поруганную честь России не собирались становиться защитниками какого-либо одного класса, партии, общественной группировки. Они служили не каким-нибудь оловянишниковым, а России, и когда представители донской «демократической общественности» посмели спросить Алексеева, дает ли он какие-либо обязательства, получая пожертвования на нужды Армии, – в ответ они услышали гордые слова:

«Добровольческая Армия не принимает на себя никаких обязательств, кроме поставленной цели спасения Родины. Добровольческую Армию купить нельзя!»

Через год после смерти Михаила Васильевича Виктор Севский с восхищением и горечью напишет о нем:

«Что было у генерала Алексеева на Дону в ноябре?

Чистый блокнот, в который он заносил по одному добровольцев, и четыреста рублей, данных на армию каким-то Мининым наших дней, тряхнувшим мошной на все четыреста», – и не достойно ли и в самом деле восхищения, что неустанными, неправдоподобными трудами этого престарелого и больного человека создастся впоследствии настоящая армия – с пехотой, кавалерией, артиллерией, с броневиками, танками и аэропланами… Но пока до этого еще очень далеко. Пока бывший Верховный Главнокомандующий, еще недавно имевший в своем подчинении многомиллионные людские массы, собирает в батальоны приходивших к нему поодиночке офицеров, юнкеров и кадет.

Немного было и соратников. Небольшая и неразветвленная структура «Организации кадров по воссозданию Русской Армии» (это громоздкое название вскоре в просторечии, а затем и в исторической литературе прочно заменится более простым и понятным: *«Алексеевская организация»*) вполне соответствовала

немногочисленности боевых частей – Алексееву удалось избежать соблазна раздутых штабов без подчиненных, которые в тот период нередко становились подлинным бичом всякого военного строительства. Десятка ближайших сотрудников вполне хватало для «вооруженных сил», исчислявшихся несколькими сотнями. Но в ряды их становились самые верные, самые доблестные, те, кто яснее всех почувствовал, что когда гибнет Россия, то нужно спасать ее хотя бы ценой собственной жизни, и поверил, что идея спасения Родины воплотилась сейчас в скромном старом генерале. Вместе с армией рождалась и идеология ее, получившая вскоре название Белой Идеи, хотя точнее было бы назвать ее Белой Мечтой.

Она была прежде всего идеологией оскорбленного национально-государственного и религиозного чувства. Поругание святынь, падение великой Державы не могли не возбудить в честных русских воинах ненависти к виновникам этого и желания им противостоять. Большевики однозначно воспринимались как пособники немцев: ведь один из развалиших Российскую Армию революционных лозунгов – «немедленный мир без аннексий и контрибуций» – оказывался фальшивкой, – германскому командованию нужны были именно аннексии и контрибуции, территориальные приобретения и выкачивание из разоренной России денег и сырья для продолжения борьбы на Западном фронте. И желания немцев были вскоре удовлетворены в результате позорного для России Брестского мира…

Целью генерала Алексеева и его соратников было – сделать Дон и Кубань той областью, откуда возобновится борьба с Германией и начнется собирание Русских земель. Каким должно было быть новое Государство Российское и как конкретно будет развиваться борьба, Белые вожди, в сущности, сами ясно не представляли себе, и о неопределенности программы Алексеева в этот период хорошо свидетельствует его письмо одному из старых сослуживцев, занимающему ответственный пост в Ставке. В нем Михаил Васильевич говорит о необходимости «здесь именно создать сильную власть, сначала местного значения, а затем общегосуд[арственного]» и «приступить… к формированию реальной, прочной, хотя и небольшой силы вооруж[енной] для будущей акт[ивной] политики». Таким образом, речь как будто идет о создании самодостаточного в экономическом отношении вооруженного лагеря – базы для предстоящей борьбы. Но вскоре из письма выясняется, что генерал рассчитывает на «размытость» границ между областями погрузившейся в хаос России (в том числе между «красными» и «белыми»), на то, что Ставка

Верховного Главнокомандующего сможет продолжать свое существование и под властью большевиков и даже исполнять тайные функции представительства «Алексеевской организации», и проч. Несмотря на весь печальный опыт 1917 года и вообще свойственную Алексееву прозорливость, он фактически еще не отдает себе отчета в агрессивности внутренней политики большевиков (быть может, пока считая их просто «ухудшенным изданием» Керенского) и надеется на относительно длительную передышку – «междувластие» или даже «двоевластие». А этой передышки история России не дала.

На «калединский Дон» вскоре будут двинуты отряды Красной Гвардии и большевизированных солдат и матросов; не пройдет и двух недель со дня написания цитированного письма, как Ставка Верховного Главнокомандующего будет разгромлена озверелой толпой; уже в конце ноября новосформированным батальонам «Алексеевской организации» придется принять участие в первых боевых операциях на территории Донской Области… И в то же время даже в условиях разгорающегося пожара Михаилом Васильевичем закладываются принципы чистоты методов, соответствующей чистоте идеалов. Война не ведется в белых перчатках, но и принципа «цель оправдывает средства» принять тоже было нельзя. Так, на предложение организовать террористические акты против руководителей Совета Народных Комиссаров Михаил Васильевич отвечал решительным отказом, боясь вызвать этим большевицкий террор против неповинного населения столицы (а в это время большевики под руководством германской разведки готовили покушения на самого Алексеева и Каледина, к счастью, не состоявшиеся). Резко отверг Михаил Васильевич и предложение одного из молодых офицеров пополнить бюджет печатанием фальшивых денег, «сказав, что у нас святая цель и он никогда не пойдет ни на какой подлог, он верит в русский народ и убежден, что имущие классы пойдут к нему на помощь и средства будут, а офицерство исполнит свой тяжелый долг». И даже офицерский караул, самовольно явившийся охранять генерала ввиду слухов о готовящемся покушении, – он, не желая никого обременять беспокойством о собственной персоне, «пожурил и приказал впредь не выставлять к нему никаких караулов, и пригласил всех к себе пить чай».

Однако не для всех авторитет Алексеева был непререкаем, и особенно ясно это стало после появления на Дону бежавшего из-под стражи Корнилова. Рознь между двумя генералами грозила расколом и без того крохотных сил – по оценке Деникина, при уходе Алексеева еще не сформировавшаяся армия «раскололась» бы, при уходе Корнилова – «развалилась». В результате нервных и

тяжелых переговоров Алексеев сдал командование, оставляя за собою только организационную работу и финансы. «Генерал в тужурке защитного цвета» вскоре потеряется в сиянии славы Корнилова, и не случайно полушутя-полусерьезно сказал однажды Михаил Васильевич: «Лавр Георгиевич забрал у меня все лавры и все Георгии…» Но старый полководец умел поступаться собственным самолюбием для пользы дела, отлично понимая, что героическая личность и обаяние имени Корнилова очень нужны зарождающейся Армии. Мы уже знаем, насколько характерно было для Алексеева в течение всей его жизни спокойное самоотречение, и сейчас перед нами еще один пример этого.

Перспективы были отнюдь не радужными. «Погибнуть мы всегда успеем, но раньше нужно сделать все достижимое, чтобы и гибнуть со спокойной совестью», – писал Михаил Васильевич. И батальоны, на Рождество 1917 года получившие наименование Добровольческой Армии, в самом деле несли тяжелые потери в боях с численно превосходящим противником. Основные массы Донского казачества и скопившегося в Ростове и Новочеркасске офицерства не принимали участия в борьбе, и, провожая в последний путь убитых кадет, генерал Алексеев воскликнул: «Орлята погибли, защищая родное гнездо… Где же были орлы?!»

Убедившись в отсутствии поддержки на Дону, командование Добровольческой Армии 9 февраля 1918 года приняло решение двигаться на Кубань, где рассчитывали получить передышку и оттуда возобновить дело строительства России. Одним из главных инициаторов этого был именно Алексеев, ставивший перед Армией цели общегосударственные и в этом отношении не считавший себя привязанным к какому-либо одному региону или отдельной оперативной задаче. Трудности предстоящего похода были очевидны, и Михаил Васильевич в письме, написанном перед его началом, дал одно из лучших определений смысла не только этого похода, но и всего Белого Дела:

«Мы уходим в степи. Можем вернуться только, если будет милость Божья. Но нужно зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы…»

Возле станицы Аксайской части Добровольческой Армии по льду переправились через Дон. Историк Марковского Офицерского полка писал: «Переправу главных сил начал генерал Алексеев, который пешком, опираясь на палку и ею как бы ощупывая крепость льда, перешел Дон».

Весь Первый Кубанский поход – знаменитый Ледяной поход – М. В. Алексеев проделает на тачанке, взяв на себя финансово-административные заботы Армии. Полки поведут в бой другие – отчаянный Марков и осторожный Богаевский, пылкий Неженцов и

хладнокровный Кутепов; будет руководить работой Штаба генерал Романовский и воодушевлять войска, на глазах становясь легендой, вождь Армии Лавр Георгиевич Корнилов… Но первым на зыбкий лед Гражданской войны ступил все же генерал Алексеев.

Чего стоил ему этот поход? Чего стоила ежедневная тряска на бричке, грубая пища, ночлеги в случайных хатах, неровная погода южной весны старику, уже в течение года вынужденному по нескольку раз в день подвергаться катетеризации мочевого пузыря, больному человеку, чье состояние, по заключению квалифицированных врачей, имело «наклонность к частому обострению под влиянием охлаждения тела и психических моментов», и уже более полугода назад признанному «безусловно не могущим» продолжать военную службу даже в высоких штабах? И что давало ему сил для перенесения этих лишений?

«…На душе было тяжело, – вспоминает один из эпизодов Кубанского похода его участник. – Наше положение и неизвестность удручали. Он угадал то, о чем я думал, и ответил мне на мои мысли: “Господь не оставит нас Своею милостью”. Для Алексеева в этом было все». И вряд ли будет большою ошибкой сказать, что если Корнилов воодушевлял Армию, если строевые командиры вели ее, то Алексеев не только заботился о ней, но и *молился за нее*.

Возможно, именно тем же чувством руководствовался генерал и на военном совете 30 марта, накануне штурма Екатеринодара – заветной и, как показали события, недосягаемой цели Первого Кубанского похода. Предложение Алексеева отложить штурм – по мнению Деникина, «половинчатое решение, в сущности лишь прикрытое колебание» – выглядит совсем по-другому, если вспомнить о глубокой вере старого военачальника. Считая намерение Корнилова рваться напролом роковым для Армии («Тяжелый до самовлюбленности, самонадеянности не по уму и талантливости, завистливый до болезненности, К[орнилов] сошел со сцены в критическую минуту, которая и для него, быть может, явилась милостью Господней, – напишет он вскоре. – Продолжение его деятельности грозило на следующий день гибелью всего сохранившегося, гибелью всего дела»), – Михаил Васильевич, в сущности, своим «половинчатым решением» вверял Добровольческую Армию исключительно Божьему Промыслу.

Судьбу Белого Дела решил взрыв большевицкого снаряда утром 31 марта. Господь призвал к Себе воина Лавра, и вскоре генерал Алексеев перед повозкой с телом убитого «сошел с коляски, отдал земной поклон праху, поцеловал в лоб, долго, долго смотрел в спокойное уже, бесстрастное лицо»… Вражда,

если и не была изжита до конца, – становилась теперь достоянием истории.

«Все дела покойного свидетельствуют, с какой непоколебимой настойчивостью, энергией и верой в успех дела отдался он на служение Родине», – воздавал должное Корнилову Алексеев в приказе Добровольческой Армии, следующим параграфом которого предписывалось вступить в командование генералу Деникину. Новый Командующий вспоминал позднее о возникших при этом сомнениях:

«…От чьего же имени отдавать приказ, как официально определить положение Алексеева? Романовский разрешил вопрос просто:

– Подпишите “генерал-от-инфантерии”… и больше ничего. Армия знает, кто такой генерал Алексеев».

* * *

От Екатеринодара Добровольческая Армия повернула на север, снова вступая в пределы Донской Области, уже испытавшей за два с лишним месяца тяжесть большевицкого владычества и запылавшей казачьими восстаниями. 23 апреля Командующим Армией было с ведома М. В. Алексеева опубликовано «первое политическое обращение к русским людям», декларирующее неизменность целей и путей их достижения:

«Борьба за целость разоренной, урезанной, униженной России; борьба за гибнущую культуру, за гибнущие несметные народные богатства, за право свободно жить и дышать в стране, где народоправство должно сменить власть черни.

Борьба до смерти».

Однако слово «народоправство» и упоминание в тексте обращения «Всероссийского Учредительного Собрания» вызвали ропот недовольства среди офицеров-Добровольцев, большинство из которых в той или иной форме исповедовало монархические убеждения и связывало подобную фразеологию с прошлогодними страницами позора России. «Атмосфера в армии сгущалась», – признавал Деникин, в начале мая «кратко и резко» объявивший офицерам: «…Что касается лично меня, я бороться за форму правления не буду. Я веду борьбу только за Россию».

Эти слова вполне точно отражали основной смысл и пафос Белого движения на всех фронтах, во всех регионах России, от его зарождения до тех скорбных дней, когда последним бойцам пришлось оставить родную землю. Но внутри этой общей, доминирующей идеи, принимая ее, подчиняясь и руководствуясь

ею, безусловно существовали и не смешивавшиеся между собою течения. Так, сам Деникин впоследствии различал свое собственное «непредрешение» будущего государственного и политического устройства России и «умолчание» генерала Алексеева, который также «не предусматривал насильственного утверждения в стране монархического строя», но… делал это, «веря, что восприятие его совершится естественно и безболезненно».

В то же время Михаил Васильевич считал возможным и предпринимать, пусть пока негласные, шаги для подготовки народных настроений. Сюда можно отнести приглашение возглавить борьбу, направленное проживавшему в Крыму Великому Князю Николаю Николаевичу как едва ли не самому популярному в народе представителю Дома Романовых (бывший Верховный Главнокомандующий отказался), или такие мысли, изложенные на основании разговора с Алексеевым членом одной из монархических организаций:

«Как на Кубани, так и на Дону и в Ставропольской губернии в низах ждут, скоро ли будет царь, но это – затаенное мечтание… Безусловно, в смысле проявления общего желания необходимо много работать…Жители станиц и хуторов питаются слухами. Эту привычку больше верить слухам, чем газетам, отлично можно использовать в наших целях. Нищие и странники – отличные агитаторы… Конечно, эти люди должны быть заранее подготовлены.

Вот почему Генерал А[лексеев] не считает своевременным провозглашение монархического лозунга»[12].

Более того, монархические взгляды Михаила Васильевича в конечном счете разделялись и его ближайшими соратниками, и, конечно, не о себе одном говорил Алексеев, излагая позицию ее Командования: «…Руководящие деятели армии сознают, что нормальным ходом событий Россия должна подойти к восстановлению монархии, конечно, с теми поправками, кои необходимы для облегчения гигантской работы по управлению для одного лица… Так думают почти все офицерские элементы, входящие в состав Добровольческой армии, ревниво следящие за тем, чтобы руководители не уклонялись от этого основного принципа».

«Как Командный состав, так и большинство офицеров в армии – монархисты конституционалисты, – отмечал в секретной ориентировке для представителей Армии на местах и ее начальник Штаба, генерал И. П. Романовский, сам облыжно ославленный врагами «социалистом» и даже «масоном», – но армия не может носить никакой партийной окраски и потому под

единый развевающийся над ней трехцветный флаг принимаются все любящие свою Родину и желающие ей служить, независимо от их политической платформы…» Однако не только «страха ради иудейска», дабы не дразнить демократических гусей, руководители Добровольческой Армии неоднократно в той или иной форме упоминали о «народном волеизъявлении». Что же в действительности скрывалось за этими словами?

Прежде всего, не могло быть и речи об Учредительном Собрании созыва 1917 года: слишком уж фарсовым и явно предпочитающим партийные программы – интересам России оказалось оно, чтобы вновь доверить ему судьбы Отечества. «В общем процессе революции идея Учредительного Собрания мало-помалу отходит назад, – писал Алексеев одному из своих подчиненных 5 июля 1918 года, – и устроение государственного порядка произойдет, повидимому, какими-то иными путями… Необходимо считаться с существующим положением вещей, и поэтому лозунг “Учредительное Собрание” надлежит признать ныне уже мало действительным для практической работы…» Как же в таком случае быть с «волеизъявлением»?

Ответ можно увидеть в отчете делегации «Союза бывших солдат города Таганрога», в начале июня отправленной в Добровольческую Армию «для выяснения вопроса об отношении вождей Армии к форме будущего государственного устройства России». **«Сначала нужно собрать Россию воедино, а затем говорить о формах государственного устройства**[13], – докладывали они своим товарищам. – При этом было высказано, что *народ в лице Армии, которая соберет Россию и восстановит в ней порядок*[14], – скажет свое слово и об образе правления».

«В такой форме наверное не было сказано», – напишет некоторое время спустя на полях отчета генерал А. М. Драгомиров, один из ближайших сотрудников Алексеева и Деникина; однако в те дни, когда таганрогские «ходоки» выслушивали и запоминали высказывания Добровольческих вождей, – Драгомирова вообще не было в рядах Армии и свидетельство его потому не имеет большой силы. Что же касается сути столь обеспокоившей его формулировки, то она как раз представляется вполне правдоподобной: тяжело больная страна должна была пройти длительный период восстановления сил и в первую очередь – духовного здоровья, а до тех пор единственным гарантом стабильности обстановки могла мыслиться лишь сохранившая это здоровье, всесословная Добровольческая Армия – сама представлявшая собою, как в капле воды, отражение русского народа, всех его классов и социальных групп, и в этом качестве действительно способная

выступать его представительницей («народ в лице Армии»). Поэтому приходится считать, что на переходный период генералами, явно или неявно, планировалась военная диктатура, которая должна была подготовить путь к восстановлению монархии[15].

Однако все это оставалось в частных беседах или секретной переписке, для всеобщего же сведения объявлялось о «народоправстве» и «Учредительном Собрании». И естественно, что такие лозунги не могли не вызывать во многих кругах беспокойства, выразителем которого стал один из лучших военачальников мировой войны, генерал граф Ф. А. Келлер.

«Объединение России великое дело, – писал он 20 июля Алексееву, – но такой лозунг слишком неопределенен, и каждый даже ваш доброволец чувствует в нем что-то недосказанное, так [как] каждый человек понимает, что собрать и объединить рассыпавшееся можно только к одному определенному месту или лицу, Вы же об этом лице, которое может быть только прирожденный законный Государь, умалчиваете…

Я верю, что если Вы это объявите, то не может быть сомнения в твердости и непоколебимости такого Вашего решения, и верю в то, что Алексеев мог заблуждаться, но на обман не пойдет».

Обсуждение роли Алексеева в отречении Императора Николая II, что явно имел в виду Келлер, должно было больно ранить Михаила Васильевича, тем более что аргументация необходимости провозглашения монархического лозунга – Государь как оплот единства Державы – полностью соответствовала его собственным взглядам. Два генерала расходились между собою, в сущности, лишь в методах – в сроках открытого исповедания своей веры[16], – и здесь Келлеру не удалось переубедить создателя Добровольче– ской Армии. В то же время «торопливость» графа («время не ждет») была следствием не только его принципиального и поистине рыцарственного монархизма, но и соображений сугубо прагматических, сиюминутных – опасений разыгрывания монархической карты… противниками России по Великой войне.

Оккупация германо-австрийскими войсками громадных территорий Прибалтики, Белоруссии, Малороссии и Новороссии стала закономерным результатом революционного развала русской армии и подрывной антигосударственной работы левых элементов, которых в 1917 году не смогли остановить ни Алексеев, ни Корнилов. Продолжая политику «разделяй и властвуй», немцы теперь подкармливали марионеточные и оттого не страшные им партии и «армии», провокационно использующие монархические лозунги самого крайнего толка, – и это, а также

сохраняющийся германо-большевицкий альянс и традиционная поддержка Центральными Державами любых сепаратистов – расчленителей России, не в меньшей степени, чем слово, данное Государем Императором союзникам по Антанте, заставляли Добровольческую Армию – наследницу Армии Императорской – считать мировую войну не оконченной, а Германию, Австрию и Турцию – не просто политическими врагами, но и противниками на поле брани.

К счастью для Добровольцев, только что вернувшихся из тяжелейшего похода, изможденных, ведущих непрерывную борьбу против красных войск и не имеющих правильного снабжения, – они, неизбежно проигрывавшие в сравнении с относительно свежими, отвлекавшимися лишь на карательные операции оккупантами, были «отгорожены» от последних Областью Войска Донского, возглавлявший которое Атаман П. Н. Краснов, как и глава «Украинской Державы» Гетман П. П. Скоропадский, вел политику сосуществования и даже сотрудничества с немцами. Впрочем, камнем преткновения для различных «ориентаций» («союзниче– ской» или «германской») в русском антибольшевицком лагере становилась не сама вынужденная необходимость сосуществования, а ее формы, в дипломатических мероприятиях Краснова и Скоропадского переходившие все границы и слишком тесно привязывавшие Дон и Украину к боевой колеснице Германии.

«– Нам известно, что вы ведете переговоры с гетманом и его правительством, – говорил генерал Алексеев руководителям Кубанского Казачьего Войска. *– За гетманом стоят немцы. Мы с ними говорить не можем. У вас руки свободнее. Если можно что-либо получить для общей пользы от Украины, берите. Но если с этим будет связана измена Родине, то… смотрите!..*

Голос Алексеева окреп, глаза загорелись:

– Россия будет жить… Перед всеми верными своими сынами она в долгу не останется… Поймет, что́ было сделано как неизбежное. Но измены, совершенной в этот страшный час, она не забудет…

Постучал сухим пальцем о край стола, сделал небольшую паузу:

– И я, если буду жив, и я вам этого не забуду».

И неудивительно поэтому, что на вопрос: «А если ваша армия соприкоснется с германскими войсками, что вы будете делать?» – старый генерал ответил: «Я уже отдал приказ не уклоняться в таком случае от боя». Упомянутое же выше неравенство сил заставляло уже в конце июля обсуждать возможность *партизанских действий* против оккупантов.

«Весь край (в первую очередь имелась в виду «Украинская Держава», уже покрытая сетью полу-конспиративных «Центров Добровольческой Армии». – *А. К.*) делится на раионы. Раионы – на отделы… Партизаны должны быть подвижными, строго дисциплинированными… Вся работа партизан должна идти по строгой системе и проводиться умело. Иначе край только зальется кровью… Работа партизан должна быть направлена как на уничтожение живой силы противника, так и на уничтожение его складов, на затруднение его передвижений. Отвлечение сил противника от Западного фронта – вот основная задача партизан», – излагал собеседник Алексеева содержание разговора с ним. Подобные инструкции неоднократно повторялись и впоследствии; так, 7 сентября генерал писал своему представителю в Таганрог: «До меня доходят сведения об усилении в населении неприязненного отношения к немцам… Следует обратить самое серьезное внимание на использование этого настроения в смысле подготовки партизанской войны к тому времени, когда начало ее будет мною признано полезным. В случае неполучения от меня указаний, сигналом для начала партизанской войны будет открытие немцами военных действий против Добр[овольческой] Армии или Волжского фронта». И мысль о том, что Добровольческая Армия не должна отделять себя от стихийных народных выступлений, вообще, кажется, была распространена в окружении Алексеева. Один из его сотрудников в поданном 13 сентября докладе специально отмечал: «… Добр[овольческой] Армии необходимо взять в свои руки нарождающееся народное движение на Украине и в Советской России. *В этом смысле уже посланы общие инструкции по центрам*[17]».

Сделать этого не удалось, но важны сами тенденции, пути, на которых искали Белые вожди ответа на вопросы, поставленные России историей. Идея же широкого фронта имела для них смысл не только социальный (объединение всех слоев населения на основе «пробуждающегося национального сознания»), но и географический: целью становилось восстановление Восточного фронта мировой войны, направленного против как немцев, так и их союзников большевиков. Алексеев не раз обращает взоры к северу, считая необходимым перенос операций с Кубани на Царицынское направление уже к концу лета. Упорное сопротивление «Красной Армии Северного Кавказа», возглавляемой талантливым тактиком-самородком, бывшим офицером И. Л. Сорокиным, затянуло боевые действия на этом театре, но и в начале осени генерал по-прежнему пишет: «Операции на Кубани надлежит считать частной задачей, главная

же – скорейший выход к северу и объединение всех элементов борьбы (в том же документе в качестве таковых им назывались «[фронты] Чехо-Словацкий, Западно-Сибирский и Фронт Учр[едительного] Собрания». – *А. К.*) в одну Армию».

Летом 1918 года М. В. Алексеев даже принял предложение союзных миссий «взять на себя командование Волжским фронтом», подчеркивая при этом, что «самостоятельность должна быть поставлена основным требованием будущей организации управления, и без ясно и определенно выработанных условий, прибытие [на Волгу] не только мое, но и всякого другого лица, будет **бесполезным**[18]»; очевидно, и здесь нашли отражение представления генерала о необходимости диктатуры в той или иной форме. Надо сказать, однако, что, по нашему мнению, стремление Михаила Васильевича на Волгу было вызвано соображениями не только стратегическими, но и личными – связанными с тем положением, которое он занимал на Юге России в последние полгода своей жизни.

* * *

«Генерал Алексеев сохранил за собою общее политическое руководство, внешние сношения и финансы, я – верховное управление армией и командование, – рассказывает генерал Деникин. – За все время нашего совместного руководства этот порядок не только не нарушался фактически, но между нами н е б ы л о н и р а з у р а з г о в о р а о п р е д е л а х к о м п е т е н ц и и н а ш е й в л а с т и[19]. Этим обстоятельством определяется всецело характер наших взаимоотношений и мера взаимного доверия, допускавшая такой своеобразный д у а л и з м». Однако не все было так радужно: на практике создавался не столько «дуализм», сколько «двоевластие», а поскольку Алексеев, разумеется, не мог и не желал допускать двоевластия в управление войсками – его собственные прерогативы должны были сокращаться даже вопреки высокому положению генерала и его непререкаемому авторитету. Даже титул, присвоенный Михаилу Васильевичу – «Верховный Руководитель Добровольческой Армии», – был придуман несколькими молодыми офицерами из его окружения, не пользовавшимися большим весом. Всем этим и могли стимулироваться интерес Алексеева к «переговорам о создании общерусской власти за Волгой» и стремление туда.

На Востоке России и в самом деле шли активные переговоры о созыве нового Государственного Совещания, которое смогло бы,

представляя все антибольшевицкие силы страны, сконструировать всероссийскую власть. Но «Уфимское Совещание», начавшее работу 26 августа, оказалось еще одной социалистической попыткой перехватить власть; Добровольческой же Армии было просто отказано в представительстве на нем… После этого состоявшееся 10 сентября избрание генерала-от-инфантерии М. В. Алексеева в состав утвержденной Уфимским Совещанием «Директории» в качестве… «персонального заместителя» руководившего борьбой на Восточном фронте генерала В. Г. Болдырева, чьи заслуги и авторитет были несравнимы с алексеевскими, тоже выглядело по меньшей мере бестактностью, сам же Михаил Васильевич, очевидно, никогда не принял бы такого поста, ибо новообразованная «Всероссийская Верховная Власть» объявлялась подчиненной Учредительному Собранию образца 1917 года, отношение к которому Верховного Руководителя Добровольческой Армии нам хорошо знакомо. Впрочем, известия об этом уже не застали генерала в живых, лишь оставив у его соратников впечатление чего-то «несколько нескромного и обидного в отношении его памяти». Однако, не зная о готовящемся в Уфе, Михаил Васильевич в последние два месяца своей жизни собирался отправиться туда, «как только явится возможность сколько-нибудь верного способа сообщения и когда состояние его здоровья позволит ему совершить путешествие».

Незадолго до этого, в августе, было разработано и утверждено Алексеевым «Положение об Особом Совещании при Верховном Руководителе Добровольческой Армии» – законосовещательном органе, часто трактуемом как «правительство», «высший орган государственного управления» и проч. Однако этой точке зрения противоречит положение, при котором решения Совещания были вообще «не обязательны для Верховного Руководителя или для Командующего Армией, кои могут принять и самостоятельное решение и дать ему силу закона». Через месяц в порядке доработки Положения было составлено «Временное положение об управлении областями, занимаемыми Добровольческой Армией», вручавшее «всю полноту государственной власти в областях, занимаемых Д[обровольческой] А[рмией]… В[ерховному] Р[уководителю] Д[обровольческой] А[рмии] (Главнокомандующему Д[обровольческой] А[рмией])» и фактически определявшее его права – по нормам Российской Империи – как промежуточные между Верховным Главнокомандующим (в военное время) и Самодержцем, закрепляя тем самым принцип диктатуры.

В то же время следует отметить, что «Временное положение»

по-прежнему не только не конкретизировало и не предрешало грядущего государственного устройства, но и не упоминало механизма создания общероссийской государственности: будучи «Временным» по наименованию, оно не указывало путей перехода к «постоянному», ни разу не говоря об «Учредительном», «Национальном Собрании» или чем-либо подобном – очевидно, оставляемом лишь для речей и деклараций, – равно как и о подотчетности Верховного Руководителя чему-либо или кому-либо теперь или в будущем. Такое «красноречивое умолчание» может служить косвенным свидетельством в пользу существования планов сохранения военной «национальной диктатуры» на переходный период, пока обстановка в освобожденной от большевиков России не стабилизируется.

По-прежнему основополагающим и самым определенным оставался лишь принцип территориальной целостности Державы. И, наверное, не случайно и знаменательно, что последнее в жизни генерала Алексеева «участие в государственной работе» (выражение Деникина) было по-прежнему связано с противодействием германской экспансии и защитой единства России.

12–13 сентября в Екатеринодаре под председательством Михаила Васильевича прошли переговоры с представителями «самоопределившейся» под германским протекторатом Грузинской Республики. Генерал «словами резкими, не облеченными в дипломатические формы… нарисовал картину тяжелого и унизительного положения русских людей на территории Грузии, расхищения русского государственного достояния, вторжения и оккупации грузинами, совместно с немцами, [части] Черноморской губернии»… По воспоминаниям одного из его сотрудников, взволнованный, негодующий, разгоряченный Алексеев вышел в соседнюю комнату, выпил стакан холодной воды… и на следующий день свалился с воспалением легких, которого его старый организм уже не перенес.

25 сентября 1918 года генерал Деникин в приказе Добровольческой Армии писал:

«Сегодня окончил свою – полную подвига, самоотвержения и страдания жизнь Генерал Михаил Васильевич Алексеев.

Семейные радости, душевный покой, все стороны личной жизни он принес в жертву служения Отчизне…

И решимость Добровольческой Армии продолжать его жертвенный путь до конца – пусть будет дорогим венком на свежую могилу сбирателя Русской Земли».

Праху Михаила Васильевича недолго доведется почивать в

усыпальнице екатеринодарского собора. Пройдет чуть более года, и отступающие Белые воины, спасая не только живых, но и мертвых, перенесут его останки в Сербию, где на белградском кладбище под Православным крестом с одним только словом «Михаил» и поныне покоится создатель Добровольческой Армии. А тогда, в 1918 году, отец Георгий Шавельский, напоминая, что в день смерти генерала Православная Церковь чтит память Преподобного Сергия Радонежского, говорил, что «спасший русский народ от страшной татарщины преподобный Сергий своим небесным светом будет освещать и уяснять великий земной подвиг Михаила Васильевича, положившего начало спасению России от большевистской бесовщины. И в этом первый памятник и великая награда для его глубоко веровавшего бессмертного духа».

* * *

Осенью 1920 года, в дни эвакуации Крыма, Россию покинула чудотворная икона Знамения Божией Матери «Курская-Коренная», с конца XII века осенявшая Русь. Отныне Заступница избирала Себе новый удел – «Одигитрии Русского Зарубежья», Путеводительницы лишенных земного Отечества русских людей, которым оставалось теперь только Отечество Небесное. Икона отплывала к «чужим берегам» на флагмане русского Белого Флота – громадном дредноуте, как бы нарочно выбранном для Святой ноши.

Этот корабль назывался «Генерал Алексеев».

А. С. Кручинин

Генерал-от-кавалерии А. М. Каледин

В большинстве случаев изо всей истории Первой мировой войны (или Великой, как называли ее тогда) вспоминают лишь два эпизода, две операции Российской Императорской Армии –

катастрофическое поражение и блестящую победу. Но если разгром II-й армии генерала А. В. Самсонова в Восточной Пруссии в августе 1914 года по праву связывается прежде всего с именем ее неудачливого командующего, то «соавторами» сокрушительного прорыва австро-венгерских позиций, разыгравшегося на полях Галиции в мае-июне 1916-го, стала целая плеяда выдающихся русских военачальников, оказавшихся вычеркнутыми из памяти потомков. «Брусиловский прорыв» удержал в своем названии лишь имя Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, в то время как роль, сыгранная его подчиненными, была не меньшей, а может быть и большей, чем его собственная.

Столь печальное положение дел связано прежде всего с тем, что «забытые» всего лишь через год заняли непримиримую позицию по отношению к революции, разрушавшей Державу, которую они защищали, и Армию, славные полки которой водили в бои. И славнейшего и достойнейшего из этих людей, также выдвинувшегося вскоре в первые ряды зарождающегося Белого движения, чаще всего не знают даже по фамилии.

Здесь нет преувеличения, ибо фамилия генерала Алексея Максимовича Каледина обычно произносится неправильно – с ударением на среднем, а не на последнем слоге, как следовало бы. Наверное, мелочь, но и она в годы Смуты принимала «знаковый» характер, и о врагах генерала современник писал, подчеркивая произношение, что они стремились «покончить одним ударом с “гидрой контр-революции” и в первую очередь избавиться от Каледина (Кале́дина – как неправильно называли его фамилию не-казаки)». Впрочем, отнюдь не только донцы – земляки генерала – верно ставили ударение; расположение его хорошо видно по белогвардейским стихам и песням, посвященным Алексею Максимовичу, причем диктовалось оно отнюдь не соображениями размера и рифмы. Да рифмы были и небогаты – чаще всего, быть может подсознательно для авторов, фамилию героя сопровождало одно и то же: «Каледи2н – один»…

Вольно или невольно, но даже в этой непритязательной рифмовке проявился глубокий внутренний смысл. Слишком часто остававшийся одиноким в жизни и оказавшийся одиноким в борьбе, самовольно ушедший на Божий суд под гнетом страшного морального груза, он – суровый и беззащитный, сказавший о себе: «Я пришел на Дон с честным именем, а уйду, быть может, с проклятием», до сих пор стоит особняком в той истории, которая пишется безжалостными победителями.

Светлый Атаман.

* * *

Алексей Максимович родился 12 октября 1861 года в станице Усть-Хоперской, на хуторе войскового старшины Максима Васильевича Каледина. «По заслугам отца его, Сотника Василия Прохорова Каледина», признанный в свое время дворянином Войска Донского, Максим Васильевич позаботился и о подтверждении дворянского звания своих детей: 11 мая 1870 года Войсковое депутатское собрание постановило «их, Василия, Алексея, Елену и Александру Максимовых Калединых… сопричислить к дворянскому роду деда их, Сотника Василия Прохорова Каледина». Надо сказать, что четверть века спустя подполковник Алексей Каледин, похоже, проявил равнодушие к разосланной дворянам Хоперского округа просьбе местного предводителя дворянства «озаботиться вписать себя и членов своих семейств в дворянскую родословную книгу Области [Войска Донского]»: в бумагах его после смерти, еще через двадцать с лишним лет, остался незаполненный анкетный бланк, прилагавшийся к письму предводителя.

Столь же равнодушен, по-видимому, был А. М. Каледин и к материальному достатку: скончавшийся в 1898 году Максим Васильевич завещал своим детям 400 десятин «удобной земли» в Хоперском округе, «при речке Бузулуке», однако наследство оставалось неразделенным вплоть до 1909 года, когда братья Каледины выделили, наконец, своей замужней сестре причитающуюся ей долю, собственные паи оставив по-прежнему в общем владении. «У него, я знаю, – говорил впоследствии об Алексее Максимовиче один из его ближайших сотрудников, – было 70 дес[ятин] (по завещанию – 90. – *А. К.*) отцовской земли, да и теми он не пользовался, отдавая их нуждавшейся сестре» (возможно, здесь имеется в виду не сестра, а вдова младшего из трех братьев Калединых, Мелетия, скоропостижно скончавшегося в 1908 году в чине штаб-ротмистра). Потом рассказывали, что Мелетий Максимович покончил с собой, ища в этом «семейное предрасположение» и разгадку самоубийства Атамана А. М. Каледина[20]…

Но говорить о финале жизненного пути Атамана еще рано: слишком многое должно произойти, чтобы привести его к трагическому концу. Начало же этого пути, наверное, протекало достаточно безмятежно. Замкнутый и немногословный Каледин мало рассказывал о себе, и едва ли не единственный раз, уже в роковом для России 1917 году, во время поездки по северным округам Войска Донского, при виде родных мест у него сорвется при постороннем (мемуарист отметит, что Атаман «как бы думал

вслух»): «Эти места все мне хорошо известны; каждый кустик, каждый камень знал я. Вот сейчас, переправившись через Дон, въедем в мою родную Усть-Хоперскую станицу. Вот здесь под Обрывом еще детьми мы играли, устраивали кровопролитные войны, нападали и защищались…»

На смену детским играм в войну пришла подготовка к настоящей военной службе: все трое братьев Калединых избрали эту стезю. Алексей окончил Михайловскую военную гимназию в Воронеже (бывший кадетский корпус), запомнившись однокашникам как хороший ученик и надежный товарищ. По своему характеру, скорее флегматичному, он не был расположен к большинству мальчишеских шалостей, но из чувства товарищества обычно принимал в них участие в роли «часового», следя за приближением воспитателя и предупреждая друзей о грозящей опасности. И еще одно мемуарное свидетельство побуждает задуматься о душевных свойствах Алексея: при создании оркестра, вместо инструментов, пользовавшихся среди воспитанников понятной популярностью (барабаны, тарелки, геликон-бас), он выбрал для себя нежную и негромкую флейту…

Военную гимназию сменило 2-е военное Константиновское училище в Петербурге, куда Каледин поступил «юнкером рядового звания» неполных восемнадцати лет от роду. Странный для казака выбор пехотного училища – артиллерийским оно станет значительно позже – мог, по словам соученика Алексея, объясняться желанием «по окончании его опр[еделить] свою дальнейшую деятельность». Решение было принято после того, как Каледин прошел полный курс училища (второй год – фельдфебелем), но вместо производства в офицеры перевелся на старший курс Михайловского артиллерийского, обучение в котором продолжалось три года. В офицеры он был произведен 7 августа 1882 года, выйдя в конную артиллерию Забайкальского Казачьего Войска. И этот выбор имел вполне прозаическое объяснение: «чтобы при устройстве на службу с первых же шагов не обременять родителей расходами на это благоустройство, что представлялось возможным ввиду того, что при отправлении на места в Сибирь по старым законам полагалось получение двойных прогонных денег, как бы на подъем», – свидетельствовал один из друзей Алексея Максимовича.

Впрочем, в Забайкальи молодой офицер пробыл недолго: по истечении обязательного срока службы в строю, в 1886 году сотник Каледин поступает в Николаевскую Академию Генерального Штаба и оканчивает ее в 1889-м, по первому разряду и с производством «за отличные успехи в науках» в подъесаулы. Будучи причислен к Генеральному Штабу, а через

семь месяцев и переведен в него, Каледин шесть лет служит в приграничном Варшавском военном округе, среди других вопросов занимаясь организацией укрепленных районов на случай будущей войны. Современник рассказывал о памятном брелоке, подаренном Алексею Максимовичу сослуживцами – «на синей эмали, окаймленной золотым ободком, маленькие золотые звездочки»: «синее поле – укрепленный район, звездочки – крепости».

В Варшаве капитан Каледин встретил женщину, которая стала его женой, любовь которой, верная и преданная, доходящая до преклонения, озаряла его жизнь до самых последних дней, – Марию-Луизу Оллендорф, урожденную Ионер (она происходила из одного из франкоговорящих кантонов Швейцарии). Свадебным же путешествием для Алексея Максимовича и Марии Петровны (так будут называть ее, хотя в Православие она не перешла) станет дорога в Новочеркасск, куда Каледина переводят в 1895 году на заурядную тыловую должность в Войсковой Штаб Донского Казачьего Войска.

Служба там продолжается пять лет, после чего произведенный в подполковники, а затем и в полковники – «за отличие» – Каледин состоит «при управлении 64[-й] пехотной резервной бригады», в 1903–1906 годах возглавляет Новочеркасское казачье юнкерское училище и вновь возвращается в Войсковой Штаб, теперь на должность помощника его начальника. Но о Каледине помнят не только как об администраторе или военном педагоге: в 1910 году он – к этому времени уже генерал-майор, и тоже «за отличие по службе», – ни дня не командовавший полком (одно из редких исключений!), принимает бригаду 11-й кавалерийской дивизии, а 12 декабря 1912 года (всюду дюжина – не счастливое ли это предзнаменование?) назначается начальником кавдивизии – и тоже 12-й. С ней он выйдет на Великую войну, за три месяца до начала грозных европейских событий будучи произведен в генерал-лейтенанты, и эти полки прославят его имя – или это он своим руководством даст дивизии немеркнущую славу одной из лучших в Императорской Армии?

* * *

Первые недели войны стали для русской конницы весьма ответственными: она должна была, выдвигаясь вперед, скрыть от противника мобилизационное разворачивание основных сил, – и с этой задачей справилась блестяще. Эмигрантский историк

отмечал, что для австро-венгерского командования «прошло вообще необнаруженным» сосредоточение всей VIII-й армии, которой суждено будет стяжать едва ли не самую громкую известность на Юго-Западном фронте и во всех вооруженных силах Империи.

«12-й кавалерийской дивизии – умереть. Умирать не сразу, а до вечера!» – гласил, как рассказывали, приказ командующего VIII-й армией генерала А. А. Брусилова, отданный Каледину в августовский день 1914 года, когда дивизия своим самопожертвованием выручила остальные силы, и приказ этот многое говорит как о войсках, так и об их начальнике. За те бои Алексей Максимович был удостоен ордена Святого Георгия IV-й степени, а вскоре получил и Георгиевское Оружие – за участие в операции по взятию Львова, куда первыми вошли драгуны 12-й дивизии.

«Успех за успехом дал имя и дивизии, и ее начальнику, – писал впоследствии боевой товарищ Каледина генерал А. И. Деникин. – В победных реляциях Юго-западного фронта все чаще и чаще упоминались имена двух кавалерийских начальников, – только двух – конница в эту войну перестала быть “царицей поля сражения”, – графа Келлера и Каледина, одинаково храбрых, но совершенно противоположных по характеру: один пылкий, увлекающийся, иногда безрассудно, другой спокойный и упорный. Оба не посылали, а водили в бой свои войска. Но один делал это – вовсе не рисуясь, – это выходило само собой, – эффектно и красиво, как на батальных картинах старой школы, другой [–] просто, скромно и расчетливо. Войска обоим верили и за обоими шли».

«Знающий, честный, угрюмый, настойчивый, быть может упрямый», – таковы были первые впечатления многих об Алексее Максимовиче, и они вполне соответствовали действительности. Лишь изредка прорывался в нем глубоко скрытый темперамент – и тогда генерал мог приказать «пиками загонять» в бой дрогнувших казаков или, в исступлении схватившись за шашку, броситься на обозника, загромоздившего своей повозкой дорогу. Обычно же Каледин казался сухим и педантичным, порою даже мелочным, с излишней дотошностью углубляясь в компетенцию нижестоящих войсковых начальников и стесняя их самостоятельность (но как пригодится ему эта привычка делать чужую работу впоследствии, когда у него – Донского Атамана – не окажется достойных помощников!). И еще одна черта оставалась для большинства скрытой за внешней суровостью. Корреспондент, посетивший генерала в киевском лазарете – тот был ранен 16 февраля 1915 года, – записывает беседу с ним:

«“…И расскажу вам один интересный эпизод, как однажды мои ахтырцы…”

Но тут произошло что-то неожиданное и непонятное… Генерал, говоривший до сих пор обо всем совершенно спокойно, вдруг заволновался, заворочался в кровати, и я увидел, как серые глаза его стали сразу влажны и оттуда – увы – скатились две слезы… Смущенный и растерянный, молча сидел я, не зная, что делать… Но генерал быстро оправился и сказал:

– Рана, нервы, – вот и слабость. Как только вспомню своих ахтырцев, тотчас же встают передо мною все три брата Панаевы[21]*… Три рыцаря без страха и упрека. И вот…»*

В истории остался еще один подобный случай, о котором Алексей Максимович писал жене: «Пойми мое состояние, когда я почувствовал, что разревусь…» Это было в конце 1915 года, на офицерском празднике, среди шума, тостов и чествований, неожиданно заставивших Каледина обратиться к боевым товарищам со словами горького предсказания.

«Он говорил офицерам про то, что война еще далека от конца, что она еще только начинается, – вспоминал очевидец. – *Говорил про то, что главная тягота ее еще впереди, впереди бои бесконечно более тяжелые, чем те, что прошли, потери более кровавые, чем уже понесенные, и многих из тех, кто сейчас сидит в этой халупе, не станет.*

Каледин говорил про работу и про победы, которые заслуживаются, которые надо заслужить. Говорил про войну и еще про что-то смутное, чего он сам не мог точно назвать и чего мы не могли в то время понять.

Каледин говорил, и чувствовалось, что он не знает, заслужит ли победу Россия, заслужит ли ее армия. Больше: что-то неуловимое, казалось, говорило о том, что он знает обратное, что отлетит победа, и надвинется на тех, кто не будет к тому времени зарыт в Галицийскую землю, нечто страшное и бесформенное».

Генерал предстал тогда перед офицерами «не бойцом, а учителем и почти что пророком», а незадолго до этого в его судьбе произошло еще одно событие, в котором можно усмотреть если и не пророчество, то бесспорно Промысел Божий: именно А. М. Каледин возглавил Георгиевскую Думу Юго-Западного фронта, 21 октября 1915 года присудившую орден Святого Георгия IV-й степени Императору Николаю II. Смысл этого удостоения остался непонятен многим как тогда, так и по сей день, несмотря даже на то, что Государь, лично возглавивший Свою Армию в ее тяжелую годину, через несколько лет мученическою кончиной уподобился римскому военачальнику, бывшему не только Победоносцем, но и

Великомучеником. Конечно, Алексей Максимович не мог такого предвидеть, но от этого не менее символичной остается именно такая связь Августейшего Верховного Главнокомандующего и Его полководца.

А служба генерала тем временем шла своим чередом. Из госпиталя он вернулся уже не на дивизию, а на корпус – буквально две с половиной недели Алексей Максимович возглавляет XLI-й, а с 5 июля 1915 года – XII-й армейский корпус, на этом посту заслужив орден Святого Георгия III-й степени. С легкой руки генерала Брусилова, ревнивого и пристрастного к своим подчиненным, укрепилось мнение, что Каледин во главе корпуса, а затем и VIII-й армии, командующим которой он был назначен 20 марта 1916 года на место возглавившего фронт Брусилова, значительно уступал по своим полководческим качествам Каледину – начальнику дивизии, боевому кавалерийскому генералу. Ему будут приписывать инертность и нерешительность, но лучшим возражением на это, наверное, станет роль Алексея Максимовича в наступлении, получившем в истории имя его начальника…

Главная заслуга Брусилова в «Брусиловском прорыве» имела небольшое отношение к собственно военным вопросам. Он, вообще не отличавшийся гражданским мужеством и принципиальностью, сумел проявить силу духа на совещании в Ставке Верховного Главнокомандующего, настояв на переходе в наступление вопреки неуверенной позиции других Главнокомандующих армиями фронтов. Однако достоинства самого́ наступательного плана на поверку оказываются весьма сомнительными: одновременное начало атак на нескольких участках (дабы противник не установил, какой является главным) имело стратегический смысл лишь в том случае, если бы русский полководец сумел скоординировать действия подчиненных ему армий, а при обозначившемся успехе – немедленно определить его место, организовать переброску туда резервов и развить победоносное наступление. Ничего этого у Брусилова не получилось, и из всего «Брусиловского наступления» самой яркой и славной страницей останутся лишь его первые дни (22–25 мая 1916 года) – сокрушительный прорыв вражеских позиций под Луцком. Луцкий же прорыв был всецело делом рук генерала Каледина.

Больше суток продолжалась артиллерийская подготовка на участке VIII-й армии, после чего поднялись в атаку ее корпуса. Оборона противника была смята, а войска – деморализованы и обращены в бегство. К вечеру 25 мая русские стрелки ворвались в Луцк. Более 44 000 пленных, 66 орудий, 150 пулеметов стали

трофеями VIII-й армии за эти легендарные три дня. Однако генерал Брусилов не смог распорядиться успехом, приостановив наступление Каледина и предпочтя «выравнивать фронт». А две недели спустя, когда противник частично оправился и значительно усилил свою оборону на новых рубежах, директива Брусилова о возобновлении наступления развела силы VIII-й армии по расходящимся направлениям: после громкой победы в мае Главнокомандующий армиями фронта, очевидно, уверился в универсальности «удара растопыренной пятерней»…

Лето оказалось тяжелым и кровопролитным. Вновь и вновь гонит Брусилов, поддерживаемый Ставкой Верховного, русские корпуса в бессмысленные атаки на берегах реки Стохода. Меняются направления – на Владимир-Волынский, на Ковель и вновь на Владимир. Войска изнемогают, захлебываются кровью, теряют веру в успех. И все, что в этих условиях может сделать генерал Каледин – это вынести свой командный пункт на линию передовых окопов пехоты (неслыханный для командующего армией случай!), дабы быть вместе со своими солдатами в огне. Он уже «полный генерал» – генерал-от-кавалерии, за Луцкий прорыв, но это не окрыляет и не прибавляет сил. Может быть, что-то подобное смутно виделось ему в начале года, когда он писал домой: «Болит душа моя», «я по-прежнему не нахожу покоя душе…»

Но вот порыв противоборствующих армий иссякает, войска вновь закапываются в землю, душевная боль становится глуше, и лишь, в одиночестве гуляя по небольшому дворику у штаба армии (офицерской молодежью прозванному «тюремным»), повторял, должно быть, генерал Каледин фразу из старого своего письма: «Наше положение военных, как положение почтовой лошади – умирать в оглоблях…»

Российская Императорская Армия «умирала в оглоблях». Напрягались последние силы, чтобы укрепить фронт, улучшить снабжение, подготовить войска к будущему весеннему наступлению, которое смогло бы, наконец, сломить сопротивление противника и победоносно завершить войну.

А весной наступила революция.

* * *

«Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую, – говорил летом 1917 года генерал Деникин. – Это не верно. Армию развалили другие, а большевики – лишь поганые черви, которые завелись в

гнойниках армейского организма.

Развалило армию военное законодательство последних 4-х месяцев. Развалили лица, по обидной иронии судьбы, быть может честные и идейные, но совершенно не понимающие жизни, быта армии, не знающие исторических законов ее существования…»

Диагноз был поставлен точно. Русскую Армию разложил не Октябрь, а Февраль; не анархическое движение «снизу», а директивы, пришедшие «сверху», – в первую очередь «Приказ № 1» самозванного (никем не избранного) Петроградского Совета и «Декларация прав солдата», объявленная Временным Правительством – не менее самозванным и неоспоримо разделяющим с Совдепом ответственность за конечное крушение фронта. Приказ, проникнутый недоверием к командному составу Армии, ставил офицерство под пристальный и практически всегда враждебный контроль со стороны солдатских комитетов; декларация, подрывая основы воинской дисциплины, этики и правил поведения отменой чинопочитания, отдания чести и т. д., провозглашала допустимость в рядах войск «политических, национальных, религиозных, экономических или профессиональных организаций, обществ или союзов», тем самым разрушая монолит воюющей Армии. И горше всего было то, что не только среди офицерства, в том числе и кадрового, но и генералитета нашлось немало людей, из карьерных соображений или же в угаре «революционной романтики» присоединившихся к силам, на их глазах разрушавшим Русское Воинство.

В этих условиях одни предпочитали плыть по течению, другие, оставаясь на своем посту, пытались сделать хоть что-нибудь в тщетных надеждах спасти разваливающуюся Армию; третьи – из тех, кто мог сломаться, но не согнуться, – просто уходили. Ушел и генерал Каледин.

Фактическому удалению Алексея Максимовича из Армии (формально – зачисление в Военный Совет, с 29 апреля) предшествовал конфликт не только с комитетами («Он резко отвернулся от революционных учреждений и еще глубже ушел в себя. Комитеты выразили протест…» – вспоминал А. И. Деникин), но и с Главнокомандующим армиями фронта: несколько месяцев спустя Каледин кратко упомянет, что «ушел из-за Брусилова, который, по его мнению, чересчур о[т]пустил поводья армии», Брусилов же в середине апреля заявил Верховному Главнокомандующему: «Каледин… не понимает духа времени. Его необходимо убрать».

Приехав ненадолго в столицу, генерал поневоле оказался в гуще политических слухов и сплетен, среди которых были и затрагивающие непосредственно его как возможного кандидата в

Донские Атаманы. Очевидец так описывает мимолетный разговор перед отъездом Каледина на Дон:

«– Известно ли вашему высокопревосходительству, – обращается к Алексею Максимовичу присутствующий в этой же комнате молодой полковник[22]*, – что донские общественные деятели выдвигают вас на пост войскового атамана?..*

– Знаю, слышал, писали.

И, нервно подергивая согнутой в локте рукой, генерал быстро начинает шагать по комнате. В полумраке двигаются два светлых пятна.

– Могут ли донцы надеяться, что вы согласитесь?..

– Никогда!..

И еще быстрей в темной комнате мелькают георгиевские кресты.

– Но, ваше высокопревосходительство, не мне вам это говорить, вы должны отдать себя казакам, ибо кто, как не вы, в такое трагическое время поведет донской народ?..

– Народ!? Вы говорите, народ?!

И генерал останавливается.

– Донским казакам я готов отдать жизнь, но то, что будет – это будет не народ; будут советы, комитеты, советики, комитетики. Пользы быть не может. Пусть идут другие. Я – никогда!..»

Каледин прекрасно отдавал себе отчет, что́ могло ожидать нового Войскового Атамана: наступившие времена грозили не только возложить на него величайшую, небывалую прежде ответственность, но и одновременно отнять все возможности для реального выполнения долга.

Поддержку в своем нежелании участвовать в политической жизни нашел Алексей Максимович и у своей супруги, – правда, соображения Марии Петровны были несколько иными. Боготворившая мужа, она протестовала против выставления его кандидатуры, по свидетельству современника, «очевидно, недоумевая, как может генерал Каледин быть всего только… донским атаманом».

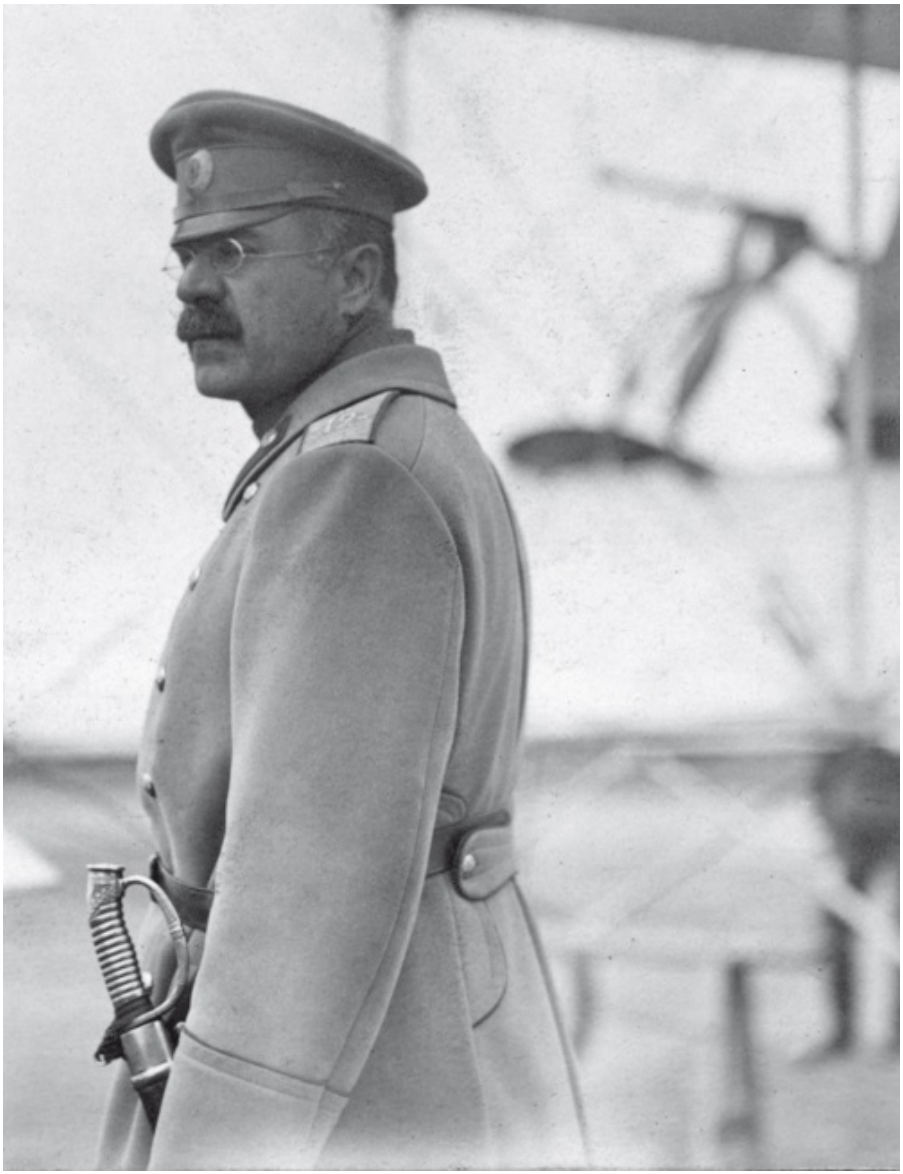
И, может быть, она и была права, «считая Дон недостойным иметь своим атаманом А. М. Каледина»…

* * *

Каледин вообще не собирался задерживаться на Дону надолго. Он хотел проследовать в Кисловодск на отдых и лечение, но бурная жизнь казачьей столицы – Новочеркасска –

если и не захватила его, то по крайней мере заставила остановиться и повнимательнее приглядеться к происходящему.

Как и вся Россия, Дон остался без единой, настоящей власти. Все началось поздним вечером 2 марта, когда под влиянием смутных известий из Петрограда был создан «Донской Исполнительный Комитет», а уже около часа ночи на его заседание ворвался взъерошенный есаул Голубов, крича о стремлении офицеров Новочеркасского гарнизона «присоединиться к революционному движению» и сразу же внеся в разворачивающиеся события тот дух неразберихи, скандала и бунта, который в течение всего следующего года будет повсюду сопровождать этого странного человека.



А. М. Каледин осматривает корпусной авиационный отряд. 1915

Николай Матвеевич Голубов был фигурой далеко не заурядной. Боевой офицер, прославившийся своей лихостью и отвагой еще на Русско-Японской войне, он тогда же заработал и репутацию скандалиста и бунтаря. Покинув после одного из скандалов службу, Голубов вернулся в ряды армии с началом мировой войны, действительно геройски сражаясь с германцами. После Февраля он сразу развернулся, став глашатаем и вожаком крайнего революционного течения. «Умственно ограниченный,

неспособный связно говорить, с психологией ватажника, “сарынь на кичку” времен Стеньки Разина, храбрый до наглости – он, захлебываясь злобными криками, подлаживался под настроение черни – захватывал толпу…» – в этой характеристике, данной Голубову современником и очевидцем событий, явно чувствуется личная ненависть, однако здесь немало и правды. Напрасно было бы искать в поведении Голубова в эти дни какой-либо логики, последовательно выбранной линии поведения: единственным, пожалуй, неизменным, что владело помыслами и чувствами «ватажника», была страстная мечта – стать Донским Атаманом[23].

Но в Атаманы Голубов не попал. Был ли он недостаточно «интеллигентен» или чересчур напорист, только власть явно ускользала из его рук, и это решительно отбросило Голубова в оппозиционный лагерь, обратив бурную энергию вихрастого есаула во вред родному Дону (который он, наверное, по-своему все-таки любил) и возглавляющим Войско лицам, кем бы эти лица ни являлись.

В этот период казачество внешне еще представляло собою единую массу, хотя единство это и оказалось недолговечным. Что касается взглядов на роль и личность будущего Войскового Атамана, то здесь определенности, кажется, было немного: по-настоящему переживала, волновалась и вкладывала в возрождение традиции особый смысл, – пожалуй, лишь сравнительно небольшая группа романтически влюбленной в казачью старину войсковой интеллигенции, самым ярким представителем которой был «Донской Златоуст», директор Каменской общественной гимназии, 35-летний историк М. П. Богаевский. Он и председательствовал на Большом Войсковом Круге, заседания которого открылись 26 мая 1917 года. Круг должен был рассмотреть ряд важных вопросов землепользования, управления и самоуправления в Области, несения казаками военной службы и др., но одной из ключевых проблем оставались выборы Атамана, – а единства по этому вопросу отнюдь не было. Более двадцати кандидатур, ни одна из которых не могла собрать подавляющего перевеса голосов, заставляли опасаться борьбы неудовлетворенных самолюбий и различных «ориентаций». Понятно поэтому, в чем была причина радости Богаевского, одно из заседаний президиума Круга открывшего словами: «Извините, господа, за опоздание… знаете, у кого я задержался? Приехал генерал Каледин… Вот человек, около которого объединятся Донцы».

Круг действительно встретил генерала, выступившего с кратким приветствием, бурными овациями. Сам же Каледин, продолжая по-прежнему расценивать себя на Круге как «гостя», по

свидетельству Богаевского, «абсолютно никакого участия в делах не принимал», и сломить его сопротивление руководству «парламента» оказалось едва ли не труднее, чем переубедить некоторых депутатов, волновавшихся, «как бы он нас не вернул к старому строю». 16 июня председатели всех окружных совещаний обратились к Алексею Максимовичу с просьбой баллотироваться, утверждая: «Долг его, как казака, обязывает его согласиться на баллотировку, ибо на нем – и ни на ком другом – может объединиться весь Дон». Убежденный, наконец, этими настояниями и поверив в возможность реальной и плодотворной работы на благо родного Дона и России, Алексей Максимович выразил согласие и на следующий день был избран подавляющим большинством голосов (свыше шестисот из семисот двадцати).

«Ему поверили оттого, что это был не только генерал с громкой боевой славой, но и безусловно умный и безукоризненно честный человек, – писал впоследствии М. П. Богаевский, сам избранный товарищем (заместителем) Атамана. – Его программа, конечно, не могла иначе определиться, как программа старого казака, да к тому же и военного – служилого». Однако краткая речь генерала, произнесенная после вступления в должность, не содержала в себе ничего специфически «казачьего» или «военного». Склонив голову, тихим голосом новый Атаман сказал:

«В течение последнего месяца, беседуя со многими лицами, я слышал ото всех одно пожелание: чтобы поскорее были созданы условия для спокойной жизни, чтобы труд всех и каждого приносил бы пользу всей стране, чтобы свобода личности была действительно, а не только на бумаге, ограждена от всех посягательств. Этим вопросом придется заняться в первую очередь.

Не опускайте рук перед насильниками».

А некоторое время спустя, во время принесения поздравлений, седобородый казак, подойдя к Алексею Максимовичу, дал ему более важный, чем все другие, «наказ»: «Смотри, не измени, Атаман…»

«Себе не изменю, станичник», – отвечал генерал, и в словах этих не было ни капли позерства. Каледин теперь не отделял себя от своего поста, от долга перед Отечеством и избравшими его казаками, от Тихого Дона, которому с этой минуты были отданы все его помыслы, все его чувства, вся его жизнь. Отныне Атаман Каледин был и перед внешним миром неразрывен с Доном, становясь единственным выразителем позиций, чаяний и устремлений Донского казачества.

Да, пожалуй, и не только его.

* * *

Быть может, генерал Каледин и хотел бы в своей деятельности замкнуться исключительно на делах и заботах своего Войска. Однако в силу как положения Дона – «старшего брата» среди других войск, так и личных качеств его Атамана, фигура Каледина начинает быстро перерастать донские рамки, и он теперь просто вынужден пристально вглядываться в происходящее «углубление революции», уже вылившееся в попытку большевицкого переворота 3–4 июля в Петрограде. «Большевизм страшно опасен, – говорил после ее подавления Алексей Максимович. – …Казак слишком общественно-развит, чтобы поверить в несбыточные обещания Ленина; но все же против большевизма и на Дону следует немедленно принять меры: слишком он притягателен для масс, и кто знает, как пойдут события дальше и у нас на Дону». В той ситуации, которая складывалась в России, явственно назревала необходимость в звучном и сильном слове всего казачества – быть может, одной из последних надежд гибнущей Державы. И неудивительно, что трибуном его и глашатаем стал самый известный и самый авторитетный из казачьих Атаманов – генерал Каледин.

Это произошло на так называемом «Государственном Совещании», состоявшемся в Москве 12–15 августа 1917 года. Там Атаман, по его собственным словам, надеялся «ознакомиться с политическими и общественными слоями, с которыми я раньше не сталкивался, работая в узкой сфере военных интересов». На «предварительном совещании» он убедился, что в общественно-политических кругах есть и группа лиц, которых он мог бы считать своими единомышленниками, – имевших «одну цель – спасение родины», и еще большее единодушие нашел среди казачьих делегатов. В течение суток была выработана и единогласно принята «декларация казачьих войск», оглашение которой было, также единогласно, решено поручить Каледину. Но оглашению ее предшествовало совещание с Верховным Главнокомандующим, генералом Л. Г. Корниловым.

Корнилов прибыл в Москву из Ставки 13 августа, и в тот же день состоялось импровизированное совещание, на котором, в частности, были согласованы будущие выступления Корнилова и Каледина. После этого разговора в уже составленный текст «казачьей декларации» Атаманом была внесена единственная поправка: требование «полного упразднения армейских комитетов, соглашаясь лишь на сохранение полковых и ротных (сотенных) с функцией только хозяйственного свойства», что грозило ему всплеском ненависти со стороны «революционной

демократии». На вопрос о причинах исправления Каледин отвечал, «что он только что вернулся от Л. Г. Корнилова, который прочитал ему проэкт своей речи на Государственном совещании, – в пункте о комитетах ген[ерал] Корнилов будет требовать ограничения деятельности армейских комитетов сферой хозяйственной, что Корнилов этим и другими своими требованиями восстановит против себя крайних левых, а потому из тактических соображений, чтобы подкрепить Верховного Главнокомандующего, необходимы еще более радикальные требования, в свете которых требования ген[ерала] Корнилова покажутся умеренными и относительно приемлемыми».

Таким образом, Каледин сознательно пошел на увеличение одиозности своей фигуры в глазах левых кругов… а декларация, должно быть, уже могла почитаться исходящей не только от двенадцати Казачьих Войск, но и наиболее здоровой части Армии – ее офицерского корпуса и Главного Командования. Большевики впоследствии прямо утверждали, будто на Каледина «штабом Корнилова была возложена обязанность договорить то, что неудобно было сказать самому кандидату в диктаторы», хотя такая формулировка скорее всего и является тенденциозным преувеличением.

О впечатлении, произведенном речью Атамана на заседании 14 августа, свидетельствовал П. Н. Милюков, в своей академически-сдержанной «Истории второй русской революции» вдруг сбивающийся на неожиданно-лирический тон:

«Вдумчивая, медленная, сдержанно-страстная, без всякой внешней аффектации, эта речь гармонировала с задумчивостью глаз, затемненных густыми темными бровями, серьезностью прикрытого длинными усами рта, про который говорили, что он “никогда не смеется”, с виолончельным тембром слегка затуманенного голоса и со всей стройной, благородной фигурой оратора…»

Впрочем, вряд ли многие в зале в эти минуты любовались «благородством фигуры» Каледина или оценивали его голос с точки зрения меломана. Слишком горьки были слова генерала, и слишком взрывоопасными, по обстановке революционного времени, оказывались мысли декларации:

«…Казачество, стоящее на общенациональной государственной точке зрения и отмечая с глубокой скорбью существующий ныне в нашей внутренней государственной политике перевес частных классовых и партийных интересов над общими, приветствует решимость Временного правительства освободиться, наконец, в деле государственного управления и строительства от давления партийных и классовых организаций, вместе с другими причинами

приведшего страну на край гибели…

Служа верой и правдой новому строю, кровью своей запечатлев преданность порядку, спасению Родины и Армии, с полным презрением отбрасывая провокационные наветы на него, обвинения в реакции и контр-революции, казачество заявляет, что в минуты смертельной опасности для Родины, когда многие войсковые части, покрывая себя позором, забыли о России, оно не сойдет со своего исторического пути служения Родине с оружием в руках на полях битвы и внутри в борьбе с изменой и предательством…

Понимая революционность не в смысле братания с врагом, не в смысле самовольного оставления назначенных постов, неисполнения приказов, предъявления к правительству неисполнимых требований, преступного расхищения народного богатства, не в смысле полной необеспеченности личности и имущества граждан, грубого нарушения свободы слова, печати и собраний – казачество отбрасывает упреки в контр-революционности, казачество не знает ни трусов, ни измены и стремится установить действительные гарантии свободы и порядка. С глубокой скорбью, отмечая общее расстройство народного организма, расстройства в тылу и на фронте, развал дисциплины в войсках и отсутствие власти на местах, преступное разжигание вражды между классами, попустительство в деле расхищения государственной власти безответственными организациями как в центре, так и внутри, на местах, отмечая центробежное стремление групп и национальностей, грозное падение производительности труда, потрясения финансов, промышленности и транспорта, казачество призывает все живые силы страны к объединению, труду и самопожертвованию во имя спасения Родины и укрепления демократического республиканского строя.

В глубоком убеждении, что в дни смертельной опасности для существования Родины все должно быть принесено в жертву, казачество полагает, что сохранение Родины требует прежде всего доведения войны до победного конца в полном единении с нашими союзниками. Этому основному условию следует подчинить всю жизнь страны и, следовательно, всю деятельность Временного правительства.

Только при этом условии правительство встретит полную поддержку казачества. Пораженцам не должно быть места в правительстве.

Для спасения Родины мы намечаем следующие главнейшие меры:

1) Армия должна быть вне политики: полное запрещение митингов и собраний с их партийной борьбой и распрями.

2) Все советы и комитеты должны быть упразднены как в армии, так и в тылу, кроме полковых, ротных, сотенных и батарейных, при строгом ограничении их прав и обязанностей областью хозяйственных распорядков.

3) Декларация прав солдата должна быть пересмотрена и дополнена декларацией его обязанностей.

4) Дисциплина в армии должна быть поднята и укреплена самыми решительными мерами.

5) Тыл и фронт – единое целое, обеспечивающее боеспособность армии, и все меры, необходимые для укрепления дисциплины на фронте, должны быть применены и в тылу.

6) Дисциплинарные права начальствующих лиц должны быть восстановлены.

7) Вождям армии должна быть предоставлена полная мощь.

8) В грозный час тяжких испытаний на фронте и полного развала от внутренней политической и экономической разрухи страны, страну может спасти от окончательной гибели только действительно твердая власть, находящаяся в опытных, умелых руках лиц, не связанных узко-партийными, групповыми программами, свободных от необходимости после каждого шага оглядываться на всевозможные комитеты и советы, и отдающая себе ясный отчет в том, что источником суверенной государственной власти является воля всего народа, а не отдельных партий и групп.

9) Власть должна быть едина в центре и на местах. Расхищению государственной власти центральными и местными комитетами и советами должен быть немедленно и резко поставлен предел.

10) Россия должна быть единой. Всяким сепаратным стремлениям должен быть поставлен предел в самом зародыше.

11) В области государственного хозяйства необходимо: а) строжайшая экономия во всех областях государственной жизни, планомерно, строго и неумолимо проведенная до конца; б) безотлагательно привести в соответствие цены на предметы сельскохозяйственной и фабрично-заводской промышленности; в) безотлагательно ввести нормировку заработной платы, прибыли предпринимателей; г) немедленно приступить к разработке и проведению в жизнь закона о трудовой повинности; д) принять самые строгие действительные меры к прекращению подрыва производительности сельскохозяйственной промышленности, чрезвычайно страдающей от самочинных действий отдельных лиц и всевозможных комитетов, нарушающих твердый порядок в землепользовании и в арендных отношениях…

Мы обращаемся, наконец, к Временному правительству с

призывом, чтобы в тяжкой борьбе, ведущейся Россией за свое существование, Временное правительство использовало весь народ государства Российского, все жизненные народные силы всех классов населения, и чтобы самый свой состав Временное правительство подчинило необходимости дать России в эти тяжкие дни все, что может дать наша Родина по части энергии, знания, опыта, таланта, честности, любви и преданности интересам Отечества. Время слов прошло. Терпение народа истощается. Нужно делать великое дело спасения Родины!»

Генерал говорил со «спокойной сосредоточенной деловитостью», однако, несмотря на это внешнее спокойствие, – по воспоминаниям очевидца, «последние слова декларации… А. М. Каледин произнес звенящим голосом».

Конечный эффект речи оказался таким, какого опасались казачьи депутаты. Не имея реальной силы, она привлекла к Каледину повышенное внимание, оттенки которого варьировались от явной ненависти («революционная демократия») до подозрительности и настороженности со стороны Правительства. А после того, как левые выпустили на трибуну есаула А. Нагаева, от имени «революционного казачества» выступившего с прямыми нападками на Донского Атамана, – по оценке наблюдателя, стало ясным, «что раскол в казачестве уже образовался. И неизвестно, до каких пределов дойдет этот раскол и куда пойдет большинство казачества…»

* * *

Практически сразу же по возвращении в Новочеркасск Алексей Максимович начал готовиться к новой поездке, на сей раз – по северным округам Донской Области. Причинами ее были поступавшие с Верхнего Дона «сведения о полном неурожае и, вместе с тем, о чрезвычайном развитии тайного винокурения»; планировал Атаман использовать посещение северных округов и для обсуждения с казаками вопроса о предстоящих выборах в Учредительное Собрание. Поездка началась 24 августа, а уже 29-го на полдороге Каледину передали срочную телеграмму из Новочеркасска, от М. П. Богаевского, сообщавшую о трагических событиях, разыгрывавшихся в Петрограде и Ставке Верховного Главнокомандующего и грозивших перекинуться на Дон, – начавшихся «Корниловских днях».

Даже если считать, что Каледин был знаком с окружавшими Корнилова слухами о «заговоре» и знал о готовности Верховного в случае выступления антигосударственных элементов подавить

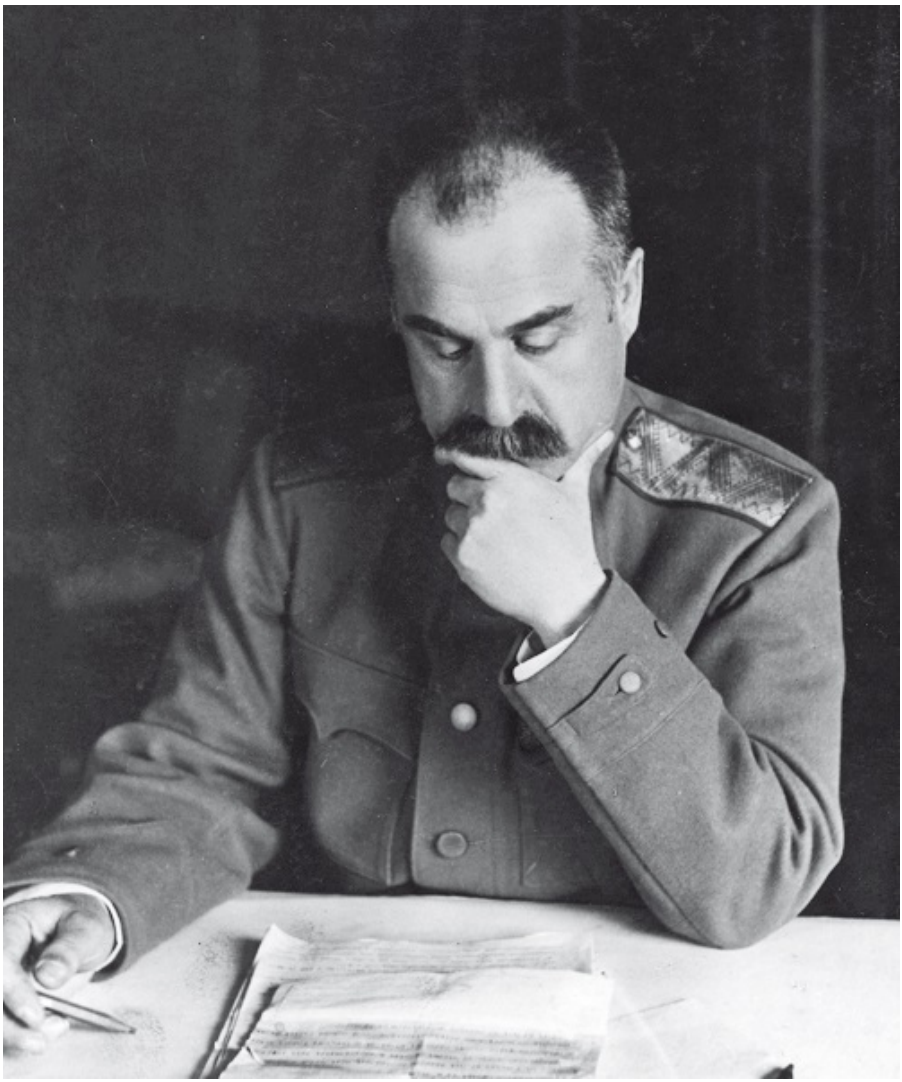
его вооруженной рукой, – говорить о реальной причастности Алексея Максимовича к каким бы то ни было «конспирациям» совершенно невозможно. В противном случае и поездка Атамана, фактически лишавшая его возможности управления Войском, не могла бы состояться в столь «жаркие» дни. Но теперь в полученной телеграмме говорилось об объявлении Корнилова вне закона, о необходимости присутствия Атамана в Новочеркасске и, очевидно, об угрозе, сгущавшейся над самим Алексеем Максимовичем. На него в это время уже была начата настоящая охота: утром 29-го из Петрограда на всю страну объявили, будто «от атамана казачьих войск[24] Каледина, по сообщению газет, правительством получена телеграмма о присоединении его к Корнилову. В случае, если правительство не договорится с Корниловым, Каледин грозит прервать сообщение Москвы с югом…»

В ближайших к Дону областях «в инициативном порядке» выносились резолюции о задержании «мятежника Каледина» (напомним, что в тех условиях любое «задержание» было чревато немедленным и зачастую зверским самосудом!). В Царицыне и Ростове собирались отряды, чтобы перехватить Атамана по дороге. В Ростове бушует Голубов («Русский народ возведет на эшафот офицерство, и это будет по заслугам!»), и вскоре он тоже бросится на поиски генерала, получив от Царицынского Совдепа «приказ» о своем назначении «атаманом вместо Каледина». Все преследователи, однако, вернулись ни с чем: Каледин благополучно добрался до Новочеркасска, хотя по дороге, по его собственным словам, он пережил самые «страшные и тревожные минуты».

«…Когда я увидел красногвардейцев, – рассказывал Алексей Максимович, – то, признаюсь, не отнимал руки от револьвера. Нельзя сказать, чтобы я их трусил, но у меня было такое состояние, что за рубашкой, по спине, по груди и по всему телу ползли какие-то скользкие, холодные, отвратительные черви. Так мерзко было на душе, что вот эта гадость должна сцапать меня и удушить своими грязными щупальцами».

Вернувшись, наконец, в свою маленькую столицу, Алексей Максимович нашел там растерянное Войсковое Правительство и… телеграмму Керенского от 31 августа, объявлявшую Донского Атамана мятежником, отрешающую его от должности, предписывающую предать генерала суду и препроводить в Могилев: в ближайшие дни там начала работу Чрезвычайная следственная комиссия, которая, разумеется, должна была обратить особое внимание на выяснение обстоятельств «сговора» «мятежных генералов» Каледина и Корнилова и, возможно, была

немало удивлена тем, что никаких свидетельств взаимодействия так и не было обнаружено.



А. М. Каледин в своем рабочем кабинете. 1916

Однако правительственная истерика продолжалась, а Керенский даже попытался запретить внеочередную сессию Большого Круга (созываемую М. П. Богаевским), отступив лишь после заявления, что «Каледина казачество не выдаст не только Временному Правительству, но и никому в мире»: воскресала старая казачья заповедь – «с Дона выдачи нет!». На тот же Круг был вызван и Голубов – оправдываться за свои выступления против Каледина.

Временному Правительству пришлось смириться: «суд» над

Калединым превратился в триумф «подсудимого». Отвергнув обвинения в «заговоре» и отделении Дона от России (Каледин заявил себя противником даже федеративного государственного устройства), он в то же время мужественно заявил о сходстве своих взглядов со взглядами Корнилова, подчеркнув, как вспоминал современник, «что хотя он никакого участия в выступлении ген[ерала] Корнилова не принимал и о нем не знал, но если бы знал, то поддержал бы Корнилова всемерно, и готов нести полную ответственность как идейный соучастник». 10 сентября была принята резолюция, по отношению к Временному Правительству выдержанная в весьма резком тоне:

«Донскому Войску, а вместе с ним всему казачеству нанесено тяжкое оскорбление. Правительство, имевшее возможность по прямому проводу проверить нелепые слухи о Каледине, вместо этого предъявило ему обвинение в мятеже, мобилизовало два военных округа, Московский и Казанский, объявило на военном положении города, отстоящие на сотни верст от Дона, отрешило от должности и приказало арестовать избранника Войска на его собственной территории при посредстве вооруженных солдатских команд. Несмотря на требование Войскового Правительства, оно, однако, не представило никаких доказательств своих обвинений…

Ввиду всего этого Войсковой Круг объявляет, что дело о мятеже – провокация или плод расстроенного воображения».

Не менее важным вопросом для Круга стало осуждение Голубова. Нужно отдать бунтарю должное: он все-таки был казаком, «умел воровать, умел и ответ держать» и не побоялся явиться перед враждебным ему собранием. Как вспоминал современник, «Николай Голубов… обвинял Атамана Каледина в неправильной и опасной политике. Нельзя Дон противопоставлять революционной демократии… Он подчеркивал, что он казак и во имя интересов казачества он осуждает Каледина, который толкает казачество на тот путь, где казакам придется нести кровавые жертвы». Как станет вскоре ясно, незадачливый кандидат в Атаманы неплохо знал психологию казачества, особенно фронтового, и угадал ту аргументацию, которая оказывалась для него наиболее действенной.

От репрессий Голубова спас М. П. Богаевский, напомнивший Кругу, что нельзя карать за убеждения. Тем не менее осуждение «царицынского атамана» было столь же явным, как и триумф Атамана законного: общие выводы Войскового Круга оказались вполне определенными.

Каледин, в сущности, стал «корниловцем» уже после

«корниловщины». Помимо гласного исповедания своей веры на Круге, он поддерживал и личную связь с «мятежными генералами», ведя с заключенным в Быхове Корниловым оживленную переписку. Переживая начавшееся в августе глубокое разочарование в широких слоях казачества, Алексей Максимович тем не менее лично был готов на любую помощь. А. И. Деникин вспоминал, что «письма его дышали глубоким пессимизмом и предостерегали от иллюзий», – и все же два генерала уже тогда в действительности, а не в кошмарах Керенского, встали рядом, готовясь противостоять той беде, которая приближалась с неизбежностью.

Последующий период стал крайне тяжелым для Алексея Максимовича, переживавшего период сомнений и разочарования почти что во всем. Ему действительно было очень трудно – решительному на поле брани, но совершенно не приемлющему переноса военных методов на почву гражданского строительства. Быть может, несколько преувеличивая эту черту, один из эмигрантских авторов позднее характеризовал Каледина как «смелого защитника и убежденного носителя гуманных начал и демократических идей», «непримиримого врага фанатизма и грубой, необузданной силы», – но, в сущности, не так уж важно, был или не был Атаман «убежденным носителем демократических идей». Он был кристально честным и предельно совестливым человеком, и именно это определяло характер его взаимоотношений с Кругом и Войсковым Правительством. Всегда памятуя о своей выборности и о том, что он призван к власти казачьим населением Области, Каледин считал себя просто обязанным принимать во внимание позицию выдвинутых казачеством Правительства и Круга, несмотря на то, что они в «эпоху Каледина» (это название возникнет спустя всего несколько месяцев) были подвержены колебаниям и не раз сковывали действия Атамана.

При первых же достоверных известиях об октябрьских событиях в Петрограде, «обсудивши положение, созданное произведенным большевиками государственным переворотом, Войсковой Атаман и Войсковое Правительство вынесли постановление о непризнании власти большевиков, находя, что власть эта, возникнув путем насильственного переворота, не выражает воли страны, а осуществляет диктатуру одного рабочего класса (скоро станет ясно, что рабочий класс тут тоже ни при чем. – *А. К.*), а по поставленным себе задачам является гибельной как для России в целом, так и для казачества в особенности»; вскоре Донская Область была провозглашена «независимой впредь до образования общегосударственной всенародно

признанной власти». Однако в те же дни проявилась и непоследовательность Правительства по отношению к приехавшему на Дон генералу М. В. Алексееву.

Скованный колебаниями и сомнениями своих сотрудников, Атаман, «познакомившись с планами Алексеева (о собирании сил для активного противодействия большевикам и австро-германцам. – *А. К.*) и выслушав просьбу “дать приют русскому офицерству”, ответил принципиальным сочувствием; но, считаясь с тем настроением, которое существует в области, просил Алексеева не задерживаться в Новочеркасске более недели и перенести свою деятельность куда-нибудь за пределы области…» Сыграли свою роль местные политики и при первой же попытке выдвинуть казачество и самого Каледина для решения общегосударственных задач.

В Атаманском дворце состоялось заседание, на котором «Атаман Каледин… высказал необходимость подачи помощи Москве» и заявил, «что находит поход на Москву необходимым». Однако этот план встретил бурю возражений сторонников временной самоизоляции казачьих территорий и собирания там «здоровых элементов» и сил, в том числе и военных. Каледин с Алексеевым остались в явном меньшинстве и уступили: должно быть, оба, каждый по-своему, надеялись на то, что казачьи области менее, чем остальные части летящей в пропасть России, окажутся подверженными разложению. Выборный Атаман Каледин и чужак, незваный и не больно-то желанный гость на Дону Алексеев – решили попытаться использовать те возможности, которые у них оставались, не усугубляя внутренних разногласий планами, не встречавшими ничьей поддержки.

Позднее Каледина обвиняли – и подчас в весьма резкой форме – в нерешительности и неуверенности проводимой им политики. Но, кроме чьего бы то ни было влияния, она может быть объяснена другим, неизмеримо важнейшим обстоятельством, которое хорошо понимал сам Атаман: для борьбы необходимы были силы.

Сил же не было никаких.

* * *

Правда, уже в октябре начинается полу-стихийное, но еще сохраняющее относительный порядок и воинскую организацию движение казачьих полков с фронта по домам; но уместен вопрос, в каком состоянии они возвращаются? «Перевозка шла трудно, – пишет современник, – по взбудораженной разваливающейся

стране, по плохо работающим железным дорогам, с томительными пререканиями между полками и местными революционными комитетами на каждой узловой станции, с требованиями сдавать оружие», – и это не могло не оказывать деморализующего влияния на казаков. И не случайна сорвавшаяся у очевидца фраза: «казачьи полки были больны»…

В своих многодневных, иногда многонедельных путешествиях с фронта по домам казаки успевали хорошо прочувствовать страшную угрозу бесформенной и безликой, но почти всегда в ту пору разъяренной толпы, так что самым проницательным в оценках настроений своих земляков оказался никто иной, как «ватажник» Голубов с его тезисом о недопустимости «противопоставления Дона революционной демократии». «Со всей Расеей нам бороться нельзя», – переводили это на более понятный язык простые станичники. И печально обронит современник: «Казачество умерло. Шаровары были на колоссе, у которого глиняные ноги, а голова угрожаемая по большевизму».

В силу всех этих причин Донское командование, состоявшее в тот момент фактически из одного Атамана, не имея сил, принуждено было вести заведомо проигрышную игру, переходя к обороне: оставалось огораживать Область цепью застав и пропускных пунктов и… ждать выздоровления казачества. А между тем в самом сердце «калединского Дона» – Ростове и Новочеркасске – были расквартированы запасные пехотные полки, давно уже превратившиеся в рассадник агитации и угроз. Дезорганизованные и буйные солдатские массы могли в любой момент выступить с оружием в руках, и сдерживало их пока лишь отсутствие единого руководящего центра и некоторая боязливая настороженность, все еще сохранявшаяся по отношению к казакам. К 20 ноября чаша терпения Войсковых властей, наконец, переполняется: Атаман Каледин принимает твердое решение разоружить запасных, но… не находит для этой цели никого, кроме конвойной сотни и юнкеров Новочеркасского военного училища. Нужно было обращаться за помощью к генералу Алексееву.

Супруги Каледины уже оказывали в частном порядке материальную помощь прибывавшим на Дон алексеевским добровольцам; в обход своего осторожного Правительства выдавал Атаман им и оружие, включая бронеавтомобили. Все это позволяло ему практически с первых дней существования «Алексеевской организации» рассчитывать на нее как на самостоятельную союзную, если не прямо подчиненную боевую силу. «Организация» решительно выступила для разоружения запасных – генерал Деникин писал: «Первый раз город увидел

мерно и в порядке идущий офицерский отряд», – тем более что отобранные у солдат «винтовки и патроны, – свидетельствовал участник событий, – доставлялись в организацию подводами и автомобилями, каждый раз в мере, далеко превышавшей потребность наличного состава». Оставался, однако, не менее опасный Ростов.

Назначенный командующим войсками Ростовского района генерал Д. Н. Потоцкий сумел лишь арестовать Голубова, отправив его в Новочеркасск (там «ватажник» был посажен на гауптвахту). Четыре запасных пехотных полка на глазах становились из просто дезорганизованных – откровенно большевицкими, и генерал уже был вынужден в частных беседах признавать, что «при создавшемся положении ничего не сделаешь»…

Около трех часов пополудни 23 ноября к Ростову подошли вызванные на помощь местным Ревкомом черноморские корабли с десантными отрядами. Большевики определенно шли на развязывание вооруженной борьбы, в то время как Атаман и Правительство медлили с решительными мерами. Политика Новочеркасска в этот период вообще выглядит довольно уязвимой, хотя и считать ее совсем не имеющей оснований тоже не стоит. Хорошо осведомленный не только о событиях, но и об их подоплеке сотрудник Атамана так излагал впоследствии эти соображения:

«1) Находящиеся под рукой войска были в таком состоянии, что на них трудно было рассчитывать, других же частей вблизи не было, отдаленные же фронты обнажать было нельзя.

2) Инициатива выступления атамана без всякого повода со стороны большевиков могла усугубить недоброжелательство казачьих частей к походу, ибо подтвердила бы распускаемые большевиками слухи о беспричинных со стороны атамана репрессиях по отношению к большевикам.

3) Незначительный запас боевых припасов и оружия.

4) Многочисленный большевистски-настроенный ростовский гарнизон, численность которого с подозрительными элементами достигала до 20 тысяч.

5) Малочисленный состав добровольческой армии[25].

6) Угроза Викжеля[26] *объявить забастовку в случае гражданской войны, что несомненно отразилось бы на экономическом состоянии страны.*

Вот главнейшие причины, с которыми атаман считался как глава правительства. Неудача под Ростовом могла бы повлечь к другим неудачам и кончиться катастрофой, т. е. вторжением большевиков в Донскую область, а этого больше всего опасался

атаман…

Но была еще одна причина, почему атаман не поднял первый меч, и эта причина опять-таки наиболее ярко характеризует его как человека.

– Хотя бы и против большевиков, но я первый не подниму руки – пусть они первые начнут, тогда я имею нравственное право сказать, что я защищался».

Позднее, на заседании Большого Круга, Каледин признается: «Нужно сказать, что к моменту начала военных действий отношения чрезвычайно обострились, но мы всеми силами старались оттягивать этот момент. Было страшно пролить первую кровь»…

25 ноября генерал Потоцкий объявил, «что Ростов с 22-го находится в состоянии гражданской войны». *Слово* было произнесено вслух, и с утра 26-го по всему городу уже вовсю шла стрельба. Подмоги из Новочеркасска, однако, не было в течение всего дня 26 ноября, что как будто говорило о растерянности Войсковых властей; пишущие об этом обычно и рисуют, вольно или невольно, неутешительную картину растерянного, бессильного и выпустившего из рук управление Атамана, потерявшего едва ли не целый день и в конце концов явившегося за спасением к Алексееву. По более авторитетному свидетельству, однако, все было совсем не так.

Начальник Полевого Штаба вспоминал год спустя, что первые известия о ростовском столкновении были получены в Новочеркасске той же ночью[27], и разбуженный Каледин немедленно распорядился созывать своих ближайших сотрудников.

«К 5 час[ам] утра в приемной собрались М. П. Богаевский, начальник войскового штаба полковн[ик] Араканцев, начальник полевого штаба полк[овник] Лисовой (автор воспоминаний. – *А. К.*), начальник гарнизона генер[ал] Корнеев, начальник новочерк[асского] казачьего военного училища генер[ал] Попов и др., которым атаманом и были прочитаны поступившие донесения, а затем, обращаясь к полковнику Л[исовому], [атаман] сказал – “Вот теперь давайте все, что у вас есть – немедленно грузиться на Ростов”, – и затем добавил: – “и попросите Мих[аила] Васил[ьевича], чтобы он возможно раньше зашел ко мне”.

В 8 час[ов] утра генерал Алексеев сидел уже в кабинете – были потребованы карты… и после часовой беседы генерал (неясно, который; по контексту похоже, что Алексеев: Каледин всюду именуется Атаманом. – *А. К.*) подтвердил, чтобы выступали все до единого человека!»

Таким образом, из рассказа начальника калединского Штаба следует, что Атаман был готов к открытию боевых действий, скорее всего ожидал именно такого развития событий и более того – должен был заранее принимать в расчет «Алексеевскую организацию», руководителя которой он немедленно приглашает к себе для составления диспозиции («были потребованы карты»), согласованной и утвержденной в течение часа, то есть, возможно, с учетом предыдущих совещаний: вместо расслабленного и неуверенного начальника перед нами (несмотря на «сумрачность», в общем обычную для Алексея Максимовича) предстает человек энергичный, деятельный, знающий, чего он хочет, и готовый решительно претворять свои планы в жизнь.

В ночь на 27 ноября из Новочеркасска на Ростов выступил первый отряд алексеевцев, однако в разыгравшемся на следующий день бою успеха он не добился ввиду численного превосходства противника, тем более значимого, что из трехсот белогвардейских штыков значительную часть составляли необстрелянные юноши – юнкера и кадеты. Неладно было и в самом Ростове, где генерал Потоцкий продержался чуть более двух суток, но утром 28 ноября был выдан ревкомовцам остававшимися с ним казаками.

А тем временем Донской Атаман всеми силами старался мобилизовать Войско на борьбу. «…Наши части торговались: выступать или нет. Приходилось составлять отряды из кусков, вырванных из различных частей, – рассказывал он впоследствии. – …Во избежание лишних жертв приходилось действовать только наверняка». Генерал тщательно собирает силы и изготавливается к решительному наступлению, сам неоднократно выезжая на позиции, – и 1 декабря он уже может сказать явившимся к нему на переговоры представителям ростовских общественных организаций: «Безусловная сдача, или завтра в 2 часа мои казаки будут в Ростове. Стратегическое окружение закончено».

Генерал сдержал слово. Наступление началось ранним утром 2 декабря, и его участник впоследствии не без иронии писал: «Товарищи[28], увидев, что под Ростовом не фарс, а почти война, и зная, что на завтра назначен штурм, рассыпались в течение этой последней ночи… Красногвардейцы спешили обратиться в мирных хулиганов, а вожаки попрятались и разбежались». Несмотря на отдельные очаги сопротивления, несколько колонн калединских войск почти одновременно вступили в Ростов, встречаясь друг с другом на улицах, уже запруженных толпами радостных обывателей.

«Мне не нужно устраивать оваций… Я не герой, – и мой

приход – не праздник, – говорил приветствовавшей его толпе Атаман. – Не счастливым победителем я въезжаю в ваш город. Была пролита кровь, и радоваться нечему. Мне тяжело. Я исполняю свой гражданский долг…»

Начавшаяся открытая междоусобица глубоко ранила душу Каледина, и недаром, должно быть, перед отъездом на фронт, когда жена передавала ему пистолет, он отверг запасные обоймы:

«Сколько раз я тебе говорил, что для меня 14 патронов много, зачем мне две обоймы, для меня достаточно одного патрона…»

* * *

Урок из ростовских событий извлекли обе стороны. Открывшийся в Новочеркасске 2 декабря, под грохот орудий ростовского фронта, Большой Круг был поставлен Калединым перед необходимостью решительной реорганизации власти. «Необходимо, чтобы Правительство имело бы твердый аппарат для управления, – говорил генерал. – …Мучительно наталкиваться на всевозможные вопросы каждый раз, когда хочешь что-нибудь сделать, и в ответ на приказания слышать: “не желаем”, “подумаем”. Власть должна быть властью». Формально Круг предоставил Войсковому Атаману диктаторские полномочия; в помощь ему по военным вопросам была учреждена должность Походного Атамана, которую занял герой недавних боев генерал А. М. Назаров; в то же время, с целью «демократизации» управления Областью, было решено составить так называемое «паритетное» Правительство, куда вошли бы представители как от казаков, так и неказачьего населения.

Упорядочивались взаимоотношения с «Алексеевской организацией». После приезда на Дон бежавшего из заключения генерала Л. Г. Корнилова (6 декабря) и его ссоры с генералом Алексеевым для нормализации обстановки в Белом лагере по инициативе Деникина была принята «конституция», разграничивающая сферы деятельности наиболее значимых вождей зарождающегося движения:

«1. Генералу Алексееву – гражданское управление, внешние сношения и финансы.

2. Генералу Корнилову – власть военная.

3. Генералу Каледину (симптоматично, что не «Атаману»! – *А. К.*) – управление Донской областью.

4. Верховная власть – триумвират. Он разрешает все вопросы государственного значения, причем в заседаниях председательствует тот из триумвиров, чьего ведения вопрос

обсуждается».

«Так как территория, подведомственная триумвирату, не была установлена, а мыслилась в пределах стратегического влияния Добровольческой армии, – писал Деникин, – то триумвират представлял из себя в скрытом виде *первое общерусское противо-большевистское правительство*[29]». А поскольку роль «буфера» между двумя враждующими триумвирами была бы слишком унизительной, чтобы предлагать ее такому человеку, как Каледин, – правдоподобным становится предположение, что в «наброске проекта “конституции”» его автором вольно или невольно было заложено *верховенство* генерала Каледина. Это соответствовало и реальному положению дел («…В то время как между генералами Алексеевым и Корниловым ход работ внешне был резко разграничен, на плечах генер[ала] Каледина попрежнему оставались все тяготы и военного, и политического, и финансового, и пр. характеров», – отмечал современник), и масштабу личности Алексея Максимовича, который, по нашему мнению, был крупнейшей фигурой на российской политической сцене 1917 года и в любом случае перерастал отведенные ему казачеством довольно узкие рамки. Пост Донского Атамана, осознавал это сам Каледин или нет, был для него мал, а в случае фактического осуществления деникинской идеи триумвирата генерал оказался бы в значительной степени освобожденным от влияния своего Войскового Правительства и теряющего сердце казачества. Но планам не суждено было осуществиться – слишком мало времени отвела история «эпохе Атамана Каледина».

Для большевицкой власти ростовские события тоже стали грозным предупреждением, и на «мятежный Дон» двинулись войска Совета Народных Комиссаров. Через Воронеж и Донецкий каменноугольный бассейн под общим руководством «Главнокомандующего по борьбе с контрреволюцией» В. А. Антонова-Овсеенко вели свои «колонны» бывшие прапорщики Г. К. Петров, Ю. В. Саблин и Р. Ф. Сиверс. С юга, на станции Тихорецкой, пытался организовать «революционную армию» хорунжий А. И. Автономов – член Большого Круга, выступавший против Каледина и переходящий теперь от парламентской оппозиции к вооруженной борьбе. А из Петрограда пристально следил за развитием событий на Юге и «сам» Ленин…

Однако говорить о стратегическом плане большевицких военачальников, пожалуй, не приходится: его выработке и реализации мешал сам характер их формирований, – рыхлых, недисциплинированных, а зачастую и просто буйных. Стратегическую идею заменяло указание цели – «калединского Новочеркасска», куда науськивали свои толпы их вожаки, – и

лишь география железных дорог, по которым продвигались красные эшелоны, создавала картину «наступления по сходящимся операционным направлениям». Но наличия своей стратегической идеи мы вправе ожидать от генерала Каледина, уже хорошо известного нам как полководец крупного масштаба, умеющий и привыкший распоряжаться значительными войсковыми соединениями и вряд ли склонный к безвольному парированию вражеских ударов в разгоравшейся открытой войне.

В начале 1918 года на территории Области уже находилось семь Донских казачьих дивизий и Гвардейская бригада, и ожидался подход еще двух дивизий с фронта. Не все они были равноценными, часть казаков при несомненно высоких боевых качествах не отличалась стойкостью духа, надеясь на близкое и всеобщее «замирение», – но все же по численности, вооружению и присутствию на своих местах офицеров эти дивизии казались грозной силой, на которую можно было рассчитывать… хотя бы поначалу.

«…Мечтали о том, чтоб сделать эту армию солидной, в смысле тех организационных понятий, к которым привыкли до 1917 года… Создали для походного атамана и громоздкий штаб, рассчитанный на армию, во всяком случае, не эфемерную», – писал впоследствии участник событий. Параллелизм работы Войскового Штаба и Штаба Походного Атамана генерала А. М. Назарова отмечался и другими современниками, причем порой в весьма язвительных тонах: «…Значительная часть дорогого времени терялась на то, чтобы разобраться – какого штаба касается затронутый вопрос… Ни один из штабов не желал брать исполнения целиком на себя, предпочитая вместо этого отписываться и изощряться в виртуозности канцелярского языка», – хотя в действительности, как следует из анализа служебных телеграмм Атамана Каледина, оба Штаба работали скорее «наперебой»: привыкший, как мы помним, еще с Великой войны лично вникать во все подробности, Алексей Максимович и тут не видел большой разницы между двумя управляющими структурами, то и дело отдавая распоряжения через начальника Штаба Походного, полковника В. И. Сидорина, помимо самого Походного Атамана. Идея же организации нового штаба начинает выглядеть более обоснованной, если учесть, что в своих расчетах Каледин отнюдь не ограничивался территорией Донской Области и ее ресурсами.

О том фронте, который он надеялся организовать против большевиков, достаточно красноречиво говорит телеграмма полковника Сидорина, направленная вечером 21 декабря 1917 года следующим адресатам: «Екатеринодар Начальнику Штаба

Кубанского Войска, Владикавказ Начальнику Штаба Терского Войска, Астрахань Начальнику Штаба Астраханского Войска, Оренбург Начальнику Штаба Оренбургского Войска, Уральск Начальнику Штаба Уральского Войска, Киев Военный Секретариат Украины». «Крайне желательно взаимное осведомление о сосредоточении [и] передвижения[х], вообще группировке войсковых частей вблизи ваших границ или на вашей территории, не подчиненных вашему правительству, особенно же враждебно настроенных», – писал начальник Штаба Походного Атамана, и похоже, что взаимное оповещение, по крайней мере в пределах Северного Кавказа, действительно было налажено. Так, например, десять дней спустя Штаб Походного получил информацию о передвижении красных бронепоездов по Владикавказской железной дороге и принимал меры к недопущению их на территорию Области; в свою очередь, на Кубань, Терек и нижнюю Волгу передавались сводки событий на Дону. Были попытки наладить взаимодействие со Штабом Кавказского фронта, откуда надеялись получить высвобождающееся военное имущество. Обращал внимание Донской Атаман и на моральный фактор, связанный со взаимной поддержкой нескольких Казачьих Войск: Донцы не должны были чувствовать себя «покинутыми», «защищающими своею грудью чью-то спокойную жизнь». И, подчеркивая, что «судьба Кубани решается на Северном Дону», Атаман в конце декабря 1917 года отправил в Екатеринодар своего эмиссара, прося передать:

«Необходимо нашим казакам показать, что Кубань с нами… Необходимо получить для Ростова хотя бы два только пластунских батальона.

…Если хотят существовать, пусть направляют все здоровое в Ростов; пусть не жалеют для Дона артиллерийских снарядов… Нужно смотреть за всех».

Орлом, «который размахом крыльев своих желает прикрыть все казачество от гибели и разложения», показался в эти минуты генерал собеседнику; однако казаки не спешили собираться под распростертые крылья. 30 декабря, правда, «было обещано из Екатеринодара два баталиона», но новогодний подарок так и остался пустым обещанием. И если тыл все же пребывал пока в относительном спокойствии, тому были другие причины – на Тереке начиналась внутренняя резня казаков с горцами, Тихорецкая группировка красных, очевидно, чувствуя неуверенность, оставалась пассивной, а боевой участок кубанско-большевицкого фронта – новороссийский – был слишком удаленным, чтобы оказывать прямое воздействие на положение Дона.

Хуже обстояли дела с другим участником общего сопротивления – Украиной. Малороссийские губернии, в которых пыталась осуществлять свою власть находившаяся в Киеве Центральная Рада, сами подверглись ударам большевиков. Правда, продвижение красных на харьковском направлении, выводя их во фланг охватываемой полукольцом Донской Области и разъединяя союзников, в то же время угрожало вклинившимся «колоннам» ударом с двух сторон, если бы удалось согласовать действия Донцов и Добровольцев с войсками Центральной Рады. Должно быть, это и побуждало Войсковое Правительство стремиться к «скорейшему соглашению» с Радой, однако наиболее решительный и настроенный на борьбу из ее членов – Генеральный Секретарь по военным делам С. В. Петлюра – оказался в одиночестве и уже в конце 1917 года был вынужден покинуть свой пост, став жертвой политических интриг. Вооруженных сил «Украинской Республики» так, по сути, и не было создано, и координация действий разрушилась, не сложившись, хотя Каледин для содействия общей борьбе готов был пойти даже на задержку в Херсонской и Екатеринославской губерниях частей 3-й Донской дивизии, возвращавшейся с фронта. Но удержать рвущихся домой казаков уже вряд ли было возможно…

Менее реальной выглядела мысль о взаимодействии с Оренбургскими казаками, которых старался поднять Войсковой Атаман полковник А. И. Дутов: слишком удаленным от Дона было это третье по численности, после Донского и Кубанского, Войско. Тем не менее, помимо упоминавшейся организации оповещения, Атаман Каледин еще в начале декабря стремился к более тесному сотрудничеству. Он ожидал наступления Дутова на Волгу; для отправки в Оренбург был подготовлен и «радиотелеграфный аппарат… такой силы, чтобы установить связь Оренбурга с Доном» (неподалеку от северной границы Донской Области, близ станции Филоново, застряла в эшелонах 2-я Оренбургская казачья дивизия – один из обязательных адресатов рассылки многих оперативных документов, касающихся обороны Дона, – которая и могла в данном случае сыграть роль связующего звена).

Таким образом, стратегический план сопротивления большевизму, складывавшийся у генерала Каледина в течение декабря 1917 года, представляется следующим: основной фронт с опорными центрами в Киеве, Харькове (там предполагалось разместить объединенное правительство) и Новочеркасске, с Кубанью и Тереком в качестве тылового района, и очаг борьбы в Оренбурге с опорой на относительно спокойную Уральскую Область и назначением двигаться к Волге; картина, которую

удалось, и то на краткий срок, реализовать лишь летом 1919 года, ценою многих жертв и дорого обошедшегося народу разочарования в большевицких обещаниях.

Пока же этого разочарования еще не наступило, широкомасштабные проекты военного строительства оставались обреченными на неудачу. Злой и пророческой иронией звучал образец отчетных документов, разосланный полковником Сидориным старшим войсковым начальникам: «Такой-то полк офицеров 00, шашек 00, пулеметов 00, патронов 00. Такая-то сотня офицеров 00, шашек 00, пулеметов 00, патронов 00. Такая-то батарея офицеров 00, шашек 00, орудий 00, снарядов 00, гранат 00. Всего офицеров 00 и т. д.»… Действительно, если еще и не всюду были нули, то дело, кажется, определенно шло к тому.

Удержать казаков под ружьем оказывалось практически невозможно – они стремились по домам, обещая по первому призыву вернуться в строй и, наверное, сами в эти минуты веря своим обещаниям. «Смотрите, станичники, – не меня обманете – себя погубите», – говорил им прозорливый Каледин, но слова его не убеждали и не заставляли задуматься. Нужно было искать новые пути организации вооруженной силы, и рождается идея формирования партизанских сотен.

Обычно при этих словах вспоминают отряд есаула В. М. Чернецова и несколько подобных ему, в которых собирались «необязанные службой» добровольцы (в основном учащаяся молодежь) и не состоявшие на должностях офицеры; однако на самом деле в идею «партизанства» Калединым вкладывалось совсем другое содержание. «Войскатаман приказал, – оповещал 16 декабря Сидорин, – по возможности сформировать в каждом полку по одной партизанской сотне в составе не более ста коней каждая. Сотни должны формироваться из охотников всего полка, должны быть снаряжены так, чтобы свободно могли отделяться от полков для выполнения боевых задач». Таким образом, подлинный смысл распоряжения заключался фактически в переносе на донскую почву методов развернувшегося в 1917 году «ударного движения» – в частности, формирования при войсковых частях и соединениях так называемых «штурмовых» подразделений и частей или «частей Смерти», среди всеобщего развала сохранявших дисциплину и готовых выполнять свой долг.

Но декабрь не был июнем, и выделить под наименованием «партизанских сотен» казаков-ударников уже не удавалось; боеспособными оставались только добровольцы из отрядов, подобных чернецовскому, обладавшие одним наиважнейшим в те дни качеством: они безусловно желали драться, невзирая даже на неравенство сил, неблагоприятную обстановку, несмотря на все

обстоятельства, которые, казалось, заведомо обрекали их на поражение.

«Когда убьют меня, то я, по крайней мере, буду знать – за что; а вот вам это будет неизвестно, когда вас будут расстреливать товарищи!» – сказал Чернецов тем офицерам, которые не спешили в бой, предпочитая отсиживаться в тыловом Новочеркасске. Конечно, он не хотел умирать, но не накликал ли сам свою смерть этими пророческими словами?

* * *

«…Сила хрупкая, точно шпага против дубины», – писал участник событий о партизанах-чернецовцах. Но в тех условиях, когда воодушевленность и готовность умереть могли играть решающую роль, подавляя волю противника, в значительной степени сохранившего психологию труса-дезертира, – удары этой «шпаги» оказывались весьма опасными. Наиболее угрожаемым участком признается Донецкий бассейн, и именно на это направление бросают на последней неделе 1917 года Чернецова. Партизаны бьют передовые отряды красных у станций Штерово, Щетово, а в ночь на 28 декабря при содействии железнодорожников, которые скрыли от большевиков, что идет воинский эшелон, – ударили на Дебальцево, далеко выскочив за пределы Донской Области и создав угрозу флангу наиболее боеспособной колонны Сиверса. «Если бы Чернецов вздумал развить свой успех и действуй он в связи с отрядом генерала Балабина у Иловайской или с казачьими полками у Луганска, он мог бы свести на нет весь наш успех в Донбассе», – признавал Антонов-Овсеенко, но опасения советского Главнокомандующего, начавшего перегруппировку почти всех сил в каменноугольный бассейн, оказались совершенно излишними: вечером того же 28 декабря генерал Назаров передает Чернецову приказание «вернуться вновь [на] станцию Щетово, действуя оттуда набегами [в] том или другом направлении», да и сам есаул к этому времени, вывозя трофеи, уже отступает. Делается это, разумеется, не от хорошей жизни: казачьи полки, взаимодействие с которыми могло привести к столь тяжелым для красных последствиям, не хотят воевать и не представляют собою серьезной боевой силы.

Последняя ставка делается на то, что, может быть, казаки все-таки согласятся защищать свой родной Дон. «Наступательные действия за пределами области прекратить, ограничиваясь самыми решительными действиями в пределах области», – приказывает Войсковой Атаман 1 января, но изменить ничего уже

не удается. В те же дни приходится запрашивать, «желают ли части генерала Тимашева выполнить возлагаемую задачу» (каким бредом должно было казаться все это Каледину!), и даже в требованиях вынужденно звучат нотки увещевания: «Передайте казакам, что в эти тяжелые переживаемые Доном дни я требую от них полного порядка и подчинения распоряжениям командного состава. Предупреждаю ослушников, что они понесут за это[30] ответственность по закону и перед Войсковым Кругом. Меня глубоко огорчит поведение 22[-го] полка, до сих пор отлично несшего службу. Если это результат агитации, требую немедленного удаления агитаторов из полка и донесения мне».

Сторонник решительных военных действий, Каледин в то же время отнюдь не считал их синонимом жестокой репрессивной политики и террора. «Войск[овой] Атаман приказал отрядам пленными не обременять ни себя, ни правительство…» – зловеще начиналось одно из его распоряжений, однако продолжение может вызвать у современного читателя, который знает, как развернутся события, какого накала достигнет противоборство и ожесточения – человеческая душа, – едва ли не улыбку: «… захваченных разоружать, опрашивать, разъяснять им их заблуждение относительно внутреннего быта и политики Дона и отпускать с предупреждением, что вторичная поимка не будет прощена»…

Но те, кто еще не перешел в разряд пленных, продолжали представлять собою угрозу. Наряду с вторжением военным, первые попытки которого парировал Чернецов, оставался еще центр «идеологического» вторжения и разрушительной пропаганды – Царицын, названный одним из современников «такой же занозой в больном теле казачества, как в свое время Ростов». Другим центром большевики хотели сделать Воронеж, предполагая созвать там «съезд рабочих, солдатских и казачьих депутатов», и 4 января Атаман Каледин вынужден был запретить участие в нем казаков. Подействовал ли запрет, или казачество в своем разложении еще не успело дойти до логического конца, только один из руководителей воронежского съезда, С. И. Сырцов, признавал впоследствии, что съезд «собрал довольно много представителей рабочих, но от казаков там было всего несколько человек». А в конце первой недели января 6-я Донская дивизия, согласно планам Новочеркасска, должна была двинуться на Царицын, дабы «вырвать занозу».

Но операция сорвалась. Как вспоминал офицер, командированный поторопить дивизию, «во всех полках шли митинги, и во всех полках казаки отказывались наступать. Наиболее воинственным оказался расположенный в Чирской

станице запасный полк, по номеру, кажется, 4-й; он соглашался дать в наступление по 30 человек с сотни, но – под условием, чтоб операция была прежде того начата с другого направления и другими войсками». Это стало известно 9 января, а 10-го калединский Дон получил новый сильнейший удар.

Не сумев организовать «революционного казачества» в Воронеже, Сырцов решил использовать для этой цели собирающийся в станице Каменской «съезд фронтовиков» и выехал туда с коллегами по партии и «достаточно обработанными», по его собственному циничному признанию, казаками. Не боявшиеся германских пушек и удушливых газов фронтовики были буквально смяты угрозами: «За Советскую власть стоят много миллионов рабочих и крестьян, и, конечно, не кучке казаков справиться с народом… Борьба будет не в пользу казачества, она его разорит…» Гвардейский подхорунжий Ф. Г. Подтелков, который вскоре осчастливит захваченный Новочеркасск афоризмом «при советской власти приказано и жида считать человеком», по рассказу современника, будет носить золотой браслет и перстни, а в ростовском банке потребует «миллион» («дайте мне царскими пятисотками»), – выдвинутый каменским съездом на пост председателя Донского Ревкома, пока еще смущался, трусил, убеждал «партийных товарищей», «что он никогда без согласия стариков ничего не делал», и на первом митинге, созванном после предательского ареста расположенного неподалеку Штаба 5-й Донской дивизии, «крестясь на все четыре стороны», лепетал: «Отцы-станичники, мы сегодня ночью, не спросясь вашего благословения, совершили революцию». Решительности казакам-мятежникам придавал… тоже страх: съезд был объявлен незаконным, им грозила кара.

Большевизированные казаки не ограничились арестами старших начальников. В ближайшие часы ими был занят важнейший стратегический железнодорожный узел Области – станция Лихая, где скрещивались царицынская и воронежская линии. От Каменской до Новочеркасска было менее ста пятидесяти верст вдоль линии железной дороги…

Удар оказался очень сильным и с политической точки зрения. Всего лишь две недели назад усилиями А. М. Каледина и М. П. Богаевского было достигнуто зыбкое равновесие – власть приняло «Паритетное Правительство». Теперь же трещина проходила еще глубже, уже по толще самого казачества, до сих пор несмотря на все уродливые явления казавшейся монолитной. Каледин принимает решение сыграть с новым противником по его правилам, в ходе диалога показав Дону, насколько демагогической и чреватой страшными последствиями является

позиция Донревкома, и соглашается провести переговоры «на высшем уровне», гарантировав безопасность прибывающим в Новочеркасск Подтелкову и его приближенным. Конечно, ни Сырцова, ни кого-либо из подобных ему закулисных руководителей там не было: они пока предпочитали делать свое дело казачьими руками, и исполнители у них нашлись вполне соответствующие этой задаче.

Вначале Атаман еще считал, что с мятежниками следовало говорить «как-нибудь мягче». Но 15 января, когда в Новочеркасск приехала ревкомовская делегация, быстро стало ясным, что мягкость нахрапистые «собеседники» немедленно примут за капитуляцию. И все же члены Войскового Правительства пытались взывать к их казачьим чувствам, убеждать не превращаться в проводников чуждого большевицкого влияния на родном Дону. Изо всех сил пытаясь создать иллюзию своей независимости от центральной Советской власти, представители Донревкома выдвинули ультиматум: Каледину – сдать им власть, Войсковому Кругу – распуститься, партизан и Добровольцев – разоружить, а «не живших на Дону» выслать «из пределов Донской области в места их жительства», причем сдача оружия должна была бы производиться «комиссару военно-революционного комитета», и он же выписывал бы пропуска на выезд, полностью распоряжаясь таким образом жизнью и смертью последних защитников Дона. На такое предательство своих соратников генерал Каледин пойти, конечно, не мог.

Трудно сказать, чего хотел он добиться своими вопросами членам Ревкома: вряд ли у Атамана оставались иллюзии относительно того, с кем он имеет дело. Но в ходе переговоров он шаг за шагом заставлял Подтелкова признаваться в намерениях установить диктатуру, не считаться с народным волеизъявлением (Правительство предлагало дождаться созыва нового Войскового Круга, не имевшего для мятежников никакого значения) и проч. Оглашены были перехваченные телеграммы Антонова-Овсеенко, обещавшие Смольному, что «голова Каледина… не останется на плечах у владельца ее», и уличавшие Донревком в сношениях через Антонова с большевицкой верхушкой. И пророчески прозвучали заключительные слова ответной речи Алексея Максимовича:

«На просьбу вашу о сдаче должности вам уже достаточно сказано. Мы не имеем права сдать… Я принял власть потому, что не считал себя вправе отказаться от воли народа… И если бы было можно, я с величайшею охотою сдал бы власть. Я пришел сюда с честным именем, а уйду отсюда, может быть… с проклятием…»

Сказать, что Каледин волновался, когда заканчивал свою речь, – значит ничего не сказать. Пророча себе проклятие, он с трудом справлялся с звенящим от напряжения голосом. Напряжение передавалось и окружающим, и даже советский автор признает, что у красных делегатов «настроение создалось отнюдь не боевое». Смущения их, впрочем, хватило ненадолго.

После перерыва Войсковой Атаман огласил и официальный ответ. Упомянув о предстоящем созыве Круга – единственного органа, правомочного решать судьбы Дона, – и прикрыв Добровольческую Армию утверждением, что она находится «под контролем», он потребовал от воинских частей «вернуться к своей нормальной работе по защите донского края», освободить арестованных и распустить Донревком. Правительство обличало большевиков как зачинщиков гражданской войны, а Ревком – как марионетку Совета Народных Комиссаров. И в качестве последнего удара Атаман Каледин объявил о перехвате еще одной телеграммы – на этот раз Антонову-Овсеенко от Подтелкова, в которой последний просил «хотя бы два-три миллиона» на содержание мятежных частей. Припертый к стене, вожак «трудового казачества» вынужден был признать, что телеграмма подлинная…

С отвлеченной точки зрения, результат переговоров можно было бы считать победой Каледина, но далась она чрезмерно дорогою ценой. Слишком очевидным стало, насколько глубоко проникла болезнь в организм казачества. Печать глубокой удрученности, которая лежала на облике Атамана после завершения переговоров, запечатлел один из очевидцев:

«Своей тяжелой походкой он направился в соседнюю с залом заседаний комнату – кабинет секретаря областного правления, и там среди наваленных на подоконниках груд верхнего платья стал отыскивать свое пальто. Найдя, наконец, его, он принялся одеваться, с усилием натягивая рукава. И только когда пальто было одето, один из курьеров догадался подбежать и помочь атаману.

А он, одевшись, пошел к выходу.

Из кармана свисал засунутый туда башлык и волочился по земле.

Казалось, атаман никого не видит, ни о чем не думает…»

Но скорее всего, было наоборот: Атаман видел все и уже понимал слишком многое из того, что оставалось пока сокрытым от других.

* * *

Появление на сцене Донского Ревкома стало грозным признаком, однако возглавить борьбу его деятели по-настоящему не были способны. Им следовало организовать желающих «замирения» казаков в боеспособные части, вновь готовые проливать свою и чужую кровь, и в сущности для этого нужно было немного: рыхлый материал принимал соответствующую форму в руках командира, обладавшего двумя необходимыми качествами – непреклонной волей и твердым пониманием, чего он хочет. У белых, кстати, тоже не нашлось таких начальников – Алексеев, Корнилов, Деникин замкнулись на заботах Добровольческой Армии, Каледин и Назаров, сидя в штабах, были слишком далеки от казачьей массы, а Чернецов – партизан по натуре – звал к себе «всех вольных, всех смелых», вместо того, чтобы железной рукой привести к повиновению малодушных и пассивных. Попытаться сделать это предстояло другому бунтарю.

«Свершилась моя мечта – у власти все население Дона, – взывал посаженный на гауптвахту войсковой старшина Голубов. – Теперь я ваш друг, а не враг. Дайте мне возможность сражаться в рядах защитников Дона с врагами России. Ваши враги – мои враги». Его письмо дошло до М. П. Богаевского, а тот настоял перед Атаманом на освобождении мятежного офицера: метаний Голубова предсказать не мог, кажется, никто, включая его самого, и он, наверное, и в самом деле искренно приветствовал идею «Паритетного Правительства». Недавний «царицынский атаман» оказался на свободе в дни, когда в Новочеркасске гремело имя есаула Чернецова, и, по рассказу современника, «заявил, что он покажет Ваське Чернецову, какие бывают партизаны. Он в станице Луганской навербует себе удальцов и с ними вырежет большевиков в соседнем Луганске…» С этим обещанием он и исчез из Донской столицы.

Вынырнул Голубов 22 января под станцией Глубокой. На него и его обещанный отряд, похоже, возлагались определенные надежды – Чернецов даже получил указания «связаться с Голубовым», но то ли не смог этого сделать, то ли не захотел (тоже был ревнив), и несколько блестящих боев в направлении на Лихую – Каменскую – Глубокую разыграл в одиночку. «Он вел свою молодежь прямо в поездах, высаживаясь чуть ли не в момент атаки, и сразу же бил по всему, что встречалось на его пути, – восторженно рассказывал об этой партизанской тактике штабной офицер. – …Никто и нигде не мог выдержать этого бурного натиска людей, уверовавших в то, что противостоять им нельзя». И недаром по представлению Войскового Правительства генерал Каледин произвел есаула Чернецова за боевые подвиги сразу в полковники, минуя чин войскового старшины.

Конец легендарного рейда наступил под Глубокой, где Чернецов, опрометчиво выдвинувшись вперед с частью своего отряда, неожиданно увидел обходящих его казаков. Не желая проливать кровь «своих», он послал парламентеров передать это, но в ответ в партизанские цепи ударила шрапнель… Гвардейская 6-я Донская батарея в упор расстреливала последнюю надежду Дона.

Дело было не только в неравенстве сил: в схватке с красногвардейцами прославленный партизан, наверное, не поколебался бы погибнуть вместе со всеми своими бойцами, – но сейчас перед ним продолжала брезжить смутная надежда спасти доверившихся ему мальчишек, и Чернецов, легендарный бесстрашный Чернецов, приказал положить оружие. Тут-то он и узнал, что в плен его взял войсковой старшина Голубов.

Неизвестно, каким ветром 16 января «ватажника» занесло в Каменскую, где он практически сразу же был избран казаками, знавшими его по Великой войне, командиром 27-го Донского полка. Происходившее кружило ему голову, вновь возрождались мечты об атаманстве, и Голубов охотно стал во главе самых боеспособных частей Донревкома, поведя их в бой решительно и целеустремленно – это был не Подтелков…

«Не Подтелков» он был и еще в одном отношении. Войсковой старшина не питал неприязни к сдавшимся. Раненому в ногу Чернецову дали лошадь, они ехали рядом и, должно быть, о чем-то договаривались, потому что пленник по просьбе Голубова пишет командующему этим участком фронта генералу Усачеву записку с просьбой остановить наступление, о себе и своих партизанах сообщая: «От самосуда мы гарантированы словом всего отряда (красного. – *А. К.*) и войскового старшины Голубова». Расписался на этом же листке бумаги и Голубов, подтверждая вышесказанное и, наверное, в самом деле веря в силу своего слова.

Генерал Усачев тоже был казаком, и в ответ на послание Чернецова он пишет казакам-голубовцам письмо, проникнутое надеждой на достижение договоренности:

«Прошу вас, как казаков, приложить все усилия озаботиться о казаке полковнике Чернецове и его людях, предоставив им медицинскую помощь, продовольствие, покой… Прошу сообщить казакам, что против казаков никто и не помышляет вести войну. Правительство просит казаков отрешиться от наветов большевиков и защитить Дон, который сам хочет устраивать свою жизнь, без помощи посторонних красногвардейцев. Ввиду появления казаков на станции Глубокой я прекращаю действия, но прошу казаков занять Глубокую и обеспечить ее от захвата

красногвардейцами…»

Но письмо опоздало. Голубов рвался вперед, его манил близкий Новочеркасск, – и Чернецов с тридцатью попавшими вместе с ним в плен партизанами был передан Подтелкову, для которого ни слово Голубова, ни гарантии, данные его казаками, ничего не значили: бывший подхорунжий оказался способным учеником своих новых начальников…

Подтелков хватался за шашку, угрожал, глумился, поливал партизан грязной руганью. Его подручные гнали раздетых до белья, босых мальчишек по январской степи. Такое отношение донских казаков к своей же донской молодежи объяснялось просто: Чернецов и чернецовцы воспринимались как… провокаторы, своими активными действиями развязывавшие гражданскую войну; не будь их, рассуждали станичники, большевики и не пошли бы на Дон. Того, что на самом деле было уготовано Дону и всей России, никто еще и не мог себе представить, а потому можно было куражиться над юными добровольцами, упиваясь своей призрачной силой и думая таким образом приблизить заветное всеобщее «замирение».

Впереди в сумерках замаячили конные фигуры. Потом оказалось, что это возвращалась красная разведка, но в первый момент вздрагивавший от каждого шороха Подтелков заволновался, и Чернецов, используя это минутное замешательство, сделал последнюю попытку выручить своих партизан. С криком «Наши идут, ура!» – он ударом кулака выбил ехавшего рядом Подтелкова из седла. Пленные бросились врассыпную. Вслед им затрещали выстрелы…

Жертва полковника Чернецова не была напрасной: части партизан удалось спастись (красные не решились далеко преследовать их в темноте), и они принесли в Донскую столицу самые противоречивые сведения о своем командире. «В Новочеркасске же долго не хотели поверить в смерть партизана, – вспоминал современник, – и только повторные рассказы тех, кто бежал из плена, заставили уверовать». Калединский Дон лишился своего лучшего и, быть может, последнего защитника…

Позднее рассказывали, что гибель полковника Чернецова и измена войскового старшины Голубова буквально подкосили Атамана. Наверное, это и в самом деле было для него тяжелейшим ударом, но не последним и даже не самым сильным. Новый удар, фактически поставивший крест на борьбе генерала Каледина, последовал… со стороны командования Добровольческой Армии.

Нельзя сказать, чтобы Каледин не отдавал себе отчета в том, что Добровольцы не связывали себя с Доном намертво: перед

ними лежала вся страна, – по словам генерала Деникина, Алексеев и Корнилов «могли идти на Кубань, на Волгу, в Сибирь, – всюду, где можно было найти отклик на их призыв». Возникли и разногласия по вопросу о стратегии борьбы. Добровольческое командование стягивало все силы к Ростову и уже готовило поезда для переброски войск на Тихорецкую и далее – на Кубань; Каледин, напротив, после провала планов наступления на Царицын полагал, что все войска, включая и подчиненные Корнилову, следовало собрать в Новочеркасске. 26 января он попытался еще раз убедить в этом начальника Штаба Добровольческой Армии, генерала А. С. Лукомского, но тот уклонился от каких-либо конкретных заявлений.

«Обращаясь к Лукомскому, – рассказывает о Каледине свидетель переговоров, – он предостерегал Добровольческую Армию от намерения покинуть Дон, с которым она кровно связалась… Добровольческая Армия превратилась бы в бродячую кучку людей, утратила бы свой престиж и, может быть, не нашла бы нигде пристанища. Что касается обороны Дона, то Каледин считал ее неразрывно связанной с обороной Новочеркасска». Последний проект вызывал у Добровольцев резкое неприятие: действительно, он грозил потерей оголяемого Ростова и тем, «что Добровольческая армия попадет под Новочеркасском в ловушку; что этим мы не поможем Дону, а начатое дело погибнет».

С военной точки зрения замысел Атамана в самом деле был весьма уязвимым – неизбежное в этом случае концентрическое наступление колонн Сиверса, Саблина, а может быть, и Автономова, ставило на карту буквально все. С другой стороны, рыхлым большевицким массам противостояли бы не разбросанные по многочисленным и почти изолированным друг от друга направлениям добровольческие и партизанские отряды, а собранный вместе, сокративший фронт, лишенный пути отступления и обреченный драться насмерть железный кулак всего боеспособного, что могли дать в тот момент Дон и Россия. Кроме того, в непосредственном тылу наступающих оказывались бы казачьи станицы, на пробуждение которых после более близкого знакомства с большевиками Атаман не переставал надеяться. В этом он ошибался, но в сущности на таких же ошибках были основаны и идея Корнилова отступить в Задонье (впоследствии отвергнутая), и замысел Алексеева поднимать Кубанское казачество, раз уж этого не получилось с Донским. Ошибались все, но Каледин, в своем заблуждении не желавший отрываться от еще не разоруженных казачьих районов, имел в этой рискованной игре свои резоны. Более того, обороняя Новочеркасск, белые били бы непосредственно по живой силе

противника, как мы знаем, слабо организованной и подверженной деморализации. Победить в таких условиях было, конечно, немыслимо трудно, если не невозможно, но выстоять – можно было попытаться. И 28 января 1918 года Войсковой Атаман генерал Каледин обратился с последним воззванием к предающим его казакам:

«Граждане-казаки! Среди постигшей Дон разрухи, грозящей гибелью казачеству, я, ваш войсковой атаман, обращаюсь к вам с призывом, быть может, последним.

Вам должно быть известно, что на Дон идут войска красногвардейцев, наемных солдат, латышей и пленных немцев, направляемые правительством Ленина и Троцкого.

Войска их подвигаются к Таганрогу, где подняли мятеж рабочие, руководимые большевиками. Такие же части противников[31] *угрожают станице Каменской и ст. ст. "Зверево" и "Лихая". Наши казачьи полки, расположенные в Донецком округе, подняли мятеж и в союзе с вторгнувшимися в Донецкий округ бандами красной гвардии и солдатами сделали нападение на отряд полк[овника] Чернецова, направленный против красногвардейцев, и частью его уничтожили, после чего большинство полков, участников этого гнусного и подлого дела, рассеялись по хуторам, бросив свою артиллерию и разграбив полковые денежные суммы, лошадей и имущество…*

Развал строевых частей достиг последнего предела и, например, в некоторых полках Донецкого округа удостоверены факты продажи казаками своих офицеров большевикам за денежное вознаграждение.

Большинство из остатков уцелевших полевых частей отказываются выполнять боевые приказы по защите Донского края.

…Войсковое правительство, в силу необходимости, выполняя свой долг перед родным краем, принуждено было прибегнуть к формированию добровольческих казачьих частей и, кроме того, принять предложения других частей населения области, главным образом учащейся молодежи, об образовании партизанских отрядов…

Ростов прикрывается частями особой добровольческой организации. Поставленная себе войсковым правительством задача – довести управление областью до созыва и работы 4-го февраля войскового круга и съезда неказачьего населения, – выполняется указанными силами, но их незначительное число, и положение станет чрезвычайно опасным, если казаки не придут немедленно в состав добровольческих частей, формируемых войсковым правительством.

Время не ждет, опасность близка! И если вам, казакам, дорога самостоятельность вашего управления и устройства, если вы не желаете видеть Новочеркасск в руках пришлых банд большевиков и их казачьих приспешников, изменников долгу пред Доном, то спешите на поддержку войсковому правительству.

Посылайте казаков-добровольцев в отряды.

В этом призыве у меня нет личных целей, ибо для меня атаманство – только тяжкий долг, и остаюсь я на посту по глубокому убеждению [в] необходимости сдать пост при настоящих обстоятельствах только пред кругом».

В этом воззвании все: и тяжелое положение, в котором оказался Дон по вине своих сыновей, и еще раз терпеливо повторенные объяснения, почему под Ростовом бьются «чужие» добровольцы и почему берутся за оружие мальчишки, и… отнюдь не утраченное желание и готовность к продолжению борьбы даже в этих трудных условиях.

В самом деле, и позиция, занятая Калединым на вечернем заседании 26 января, и его последний призыв к Донцам 28-го, хотя и были окрашены горечью, однако содержали и уверенность в том, что сопротивление захватчикам возможно и необходимо. Нет иллюзий, но нет и капитулянтства. Есть сознание опасности во всей ее полноте, но есть и стремление противостоять ей. И есть непоколебимая уверенность, что на атаманском посту нужно оставаться до конца.

Однако развязка наступит гораздо быстрее, чем об этом можно догадываться даже из последнего воззвания Атамана Каледина. Уже на следующий день позиция генерала изменится решительно и окончательно: он узнает, что не сказавший на совещании ни «да», ни «нет» генерал Лукомский, вернувшись в Ростов, 27 января, по собственному его признанию, «доложил генералу Корнилову, что, по моему впечатлению, генерал Каледин потерял веру в возможность что-либо сделать для спасения положения»…

И на основании этого Корнилов, очевидно поколебавшись еще около суток, пишет телеграмму Атаману, запомнившуюся М. П. Богаевскому так: «Заслушав доклад Лукомского о положении Добровольческой армии, я решил, что возложение на Добровольческую армию защиты Новочеркасска поведет к ее гибели. А я согласиться на это не могу». В Штабе Корнилова уже было решено двигаться на Кубань: Армия отходила на следующую линию обороны, и положение Каледина, никуда уходить не собиравшегося, становилось безвыходным.

Казаки не поднимаются, «формирования дружин идут очень вяло», поступают панические сообщения, «что последние казачьи

части, защищающие Новочеркасск с востока, ушли с фронта и что через часа два или три войдут большевики», – и, по воспоминаниям одного из офицеров Штаба Походного Атамана, после приказа Корнилова находившемуся под Новочеркасском офицерскому батальону «уходить и присоединиться к армии» – «на “северном фронте” оставалось бойцов ровно столько, сколько карт в колоде – 52 человека.

Проигранная игра; а ставкой в ней был Дон».

И перед старым генералом, в эти последние недели уже обронившим: «Круга мы не дождемся, надо кончать дело», необходимость эта – «кончать дело», – встала неотвратимо и насущно.

* * *

Телеграмма Корнилова, по свидетельству Деникина, составленная 28 января, должна была придти в Новочеркасск ночью или рано утром 29-го, и Каледин немедленно собирает срочное заседание Правительства, а явившийся незадолго до этого с обычным докладом или вызванный специально начальник Штаба Походного Атамана выслушивает последние оперативные распоряжения, весьма неожиданные в устах героя Луцка и Ростова:

«Части добровольческой армии сосредоточиваются в районе города Ростова; перед донскими партизанами, на Сулинском фронте, встает роковая необходимость стрелять в своих же донских казаков. Это недопустимо ни при каких условиях («Прикажите партизанам не стрелять. Больше ни одного выстрела», – передает тот же приказ другой автор. – *А. К.*). Объявите мое приказание, что каждый партизан, всякий отдельный партизанский отряд может считать себя свободным и может поступать с собой по своему усмотрению. Кто из них хочет, может присоединяться к добровольческой армии; кто хочет – может перейти на положение обывателя и скрыться. Этим я открываю фронт с единственной целью: не подвергнуть город всем ужасам гражданской войны».

Сдержанный и хладнокровный даже в этих условиях Сидорин отбывает в Штаб Походного Атамана, Каледин же приглашает к себе М. П. Богаевского и излагает своему ближайшему сотруднику схему дальнейших действий, предполагающую, во избежание или, по крайней мере, уменьшение кровопролития при неизбежном теперь захвате Новочеркасска большевиками или войсками казачьего Ревкома, сдачу власти каким-либо

общественным организациям, которые могли бы, не будучи столь одиозными в глазах наступающих, ходатайствовать перед ними за население города.

Сделав затем собравшимся членам Правительства «спокойный и беспристрастный» доклад об окончательно разразившейся катастрофе, Алексей Максимович произнес ключевые слова, свою запись которых М. П. Богаевский назвал «почти буквальной»: «Положение наше безнадежное. Население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно. Сил у нас нет, и сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития, предлагаю сложить свои полномочия и передать власть в другие руки. Свои полномочия Войскового Атамана я с себя слагаю», – а дальнейшие прения, разгоревшиеся было среди пораженных членов Правительства, оборвал страшной фразой: «Господа, короче говорите. Время не ждет. Ведь от болтовни Россия погибла». Все остальное уже не затрагивало генерала глубоко. Как будто куда-то спеша, он «открывал ящик за ящиком своего стола и нервно рвал записки, чеки и другие бумаги». Распустив Правительство и уничтожив последние предназначенные к тому документы, генерал Каледин выстрелом из пистолета покончил с собой.

В исторической литературе существует много объяснений и интерпретаций последнего поступка Каледина: от проявления слабости, малодушия, отчаяния – до трезвого, хотя и страшного в выборе средства, расчета. Слишком велик был соблазн превратить «калединский выстрел» в «калединский сполох» – сигнал тревоги, гневный и горький упрек казачеству, после которого якобы началось отрезвление и возвращение Дона на путь борьбы с большевизмом. Следует, однако, сказать, что последнее вовсе не соответствует истине – вступивший в исполнение обязанностей Войскового Атамана генерал Назаров за две недели своего атаманства испил ту же горькую чашу, что и его предшественник, был брошен отказавшимися от борьбы казаками на произвол судьбы, мужественно дождался прихода в Новочеркасск предводимых Голубовым войск Донского Ревкома и был убит по приказанию Подтелкова[32]. Тем не менее какой-то глубинный смысл в самоубийстве Алексея Максимовича, очевидно, все-таки был, раз советские «историки» вскоре пошли на беспрецедентный даже для них шаг, опубликовав фальшивое «предсмертное письмо Каледина».

Фальшивка, впрочем, вышла неудачной. Ее авторам не удалось ни придумать правдоподобных обстоятельств «находки» – «письмо» не могло пролежать «в кабинете Каледина», как они утверждали, две недели, оставшись неизвестным сотрудникам

покойного Атамана (если Богаевский подобрал как реликвию даже пулю, пробившую сердце Алексея Максимовича), – ни имитировать стиль (начиная с совершенно невозможного обращения «многоуважаемый генерал Алексеев»[33]), ни хотя бы сделать содержание сколько-нибудь осмысленным. Неизвестный фальсификатор вообще сначала явно «писал» не Алексееву, а Корнилову («вы, с вашим горячим темпераментом и боевой отвагой, смело взялись за свое дело…», «вы отчаянно и мужественно сражались…», намек на казачье происхождение «адресата»), и лишь по окончании работы «адресат» почему-то был заменен. Фальшиво звучит и «просьба» – «отказаться от мысли разбить большевиков по всей России. Казачеству необходимы вольность и спокойствие; избавьте Тихий Дон от змей (?! – *А. К.*), но дальше не ведите на бойню моих милых казаков», – тем более, что на самом деле Каледин, как мы видели, был как раз сторонником координации действий и широкого фронта борьбы с большевизмом. Автор подделки, приписывая генералу моральную капитуляцию, вольно или невольно стремился прежде всего унизить своего мертвого врага, подменяя его величественный образ – жалкой плаксивой фигуркой. И доказательством того, что подлинное значение личности Каледина и глубина его трагедии остаются до сих пор непонятыми, служит «использование» современными авторами этой фальшивки, кочующей из публикации в публикацию, несмотря на многочисленные и очевидные несообразности.

Но вернемся в день 29 января 1918 года, чтобы вновь обратиться к трагедии «калединского выстрела». Как представляется, Алексей Максимович не мог не сложить с себя атаманства, коль скоро весь Дон отказывался сражаться за свою свободу. В то же время формальная отставка ничего не значила для наступающего врага, в чьих глазах генерал Каледин при любых условиях оставался Атаманом, – и уйти в степи с Добровольческой Армией или донскими партизанами ему тоже было нельзя. Но понимали это немногие – сам Каледин, генерал Назаров, полковник Сидорин, – большинство же тех, кто еще оставался верен идее борьбы, склонялось к мысли об аресте и насильственном увозе генерала; разумеется, всеми силами души сочувствовала этому и М. П. Каледина, последние месяцы жившая в страшном внутреннем напряжении и тревоге за судьбу мужа (она пережила его не более чем на полтора года). И Алексей Максимович не нашел другого выхода, чем выстрел в свое измученное сердце.

Казачество опомнится весной, в ходе «Обще-Донского восстания» изгнав с территории Войска большевиков; тогда же

был схвачен и вместе со своими ближайшими сотрудниками казнен «Председатель Донского Совнаркома» Подтелков. И в условиях подъема Белого движения на Дону имя светлого Атамана становится одним из самых почетных. По нему служатся торжественные панихиды, ему предполагается поставить памятник на Соборной площади Новочеркасска… И хотя последний проект не был реализован, – увековечением имени Алексея Максимовича, бывшего не только государственным деятелем, но и выдающимся кавалерийским начальником, стало формирование в марте 1918 года в 1-м Донском округе «Партизанского отряда имени Атамана Каледина», преобразованного впоследствии в конный полк, которому было присвоено вечное шефство Каледина. «Калединцы» с честью пронесли в многочисленных боях свое черное знамя с мертвой головой – Христианским символом смерти и Воскресения, и современник с полным правом напишет о них: «Каледин умер, но дух его жив и особенно ярко виден он в Калединовском полку». Старые сослуживцы генерала по 12-й кавалерийской дивизии, собравшиеся на Дону и в начале 1919 года сформировавшие Сводный кавалерийский полк, также назвали его именем своего любимого начальника, а на острие наступления Донской Армии сражался легкий бронепоезд «Атаман Каледин»…

И тогда, и впоследствии, уже в эмиграции, о Каледине было написано немало. Однако, обращаясь к существующей литературе, останавливаешься на том, что в ней сложился облик человека высоких нравственных качеств, страдающего при виде трагедии Отечества, но… помимо воли авторов предстающего пассивным, бездеятельным, скорее символом, чем участником борьбы. И, не подвергая сомнению моральных оценок личности Атамана, как мы уже видели, действительно отличавшегося редкой чистотой и благородством и, быть может, именно поэтому пришедшего в конце жизни к такой страшной развязке, – нельзя не отметить, что при внимательном чтении из мемуаров и документов перед нами встает и волевой, твердо идущий к цели, вникающий в мельчайшие детали военных действий боевой генерал, чьи черты органично дополняют уже известное нам и лучшим памятником которому действительно стали не камень или бронза, а лихие рейды конных полков, носивших его славное имя. А одной из лучших эпитафий ему стали слова Протопресвитера Добровольческой Армии отца Георгия Шавельского, сказавшего в годовщину «калединского выстрела», когда еще жива была надежда на спасение России:

«Верится, что трагическая смерть Алексея Максимовича, после его великолепной, полной благородного труда, высоких порывов и

святого подвига жизни заставила очнуться многие обезумевшие казачьи умы, понять глубину народного падения и горя и загореться от огня той любви к Родине, которою жил и дышал почивший Алексей Максимович.

И тогда принесенная Алексеем Максимовичем жертва собственной жизнью, несомненно, послужила одним из камней, на которых начала воссозидаться развалившаяся русская государственная жизнь.

Наш долг – вечно носить в душе образ этого русского героя-мученика, после сверхчеловеческих страданий за Родину пришедшего к роковому концу, и молиться Господу, да спасет и помилует Он его в вечном Царствии Своем».

А. С. Кручинин

Генерал-лейтенант А. И. Деникин

В начале августа 1947 года на кладбище Эвергрин в

американском штате Мичиган, после отпевания в Успенской церкви Детройта, состоялась траурная церемония. С воинскими почестями хоронили человека, который никогда не служил в армии США. Крепкие молодые парни, стоявшие в почетном карауле, под траурные звуки трубы склонили перед гробом звездно-полосатое знамя. Вряд ли кто-то из них понимал слова молитвы, которую прочитал над покойным Православный священник в непривычном для американского взгляда облачении. Спустя некоторое время останки покойного были перезахоронены на русском кладбище Святого Владимира в городе Джексоне. Так обрел вечный покой русский изгнанник – генерал Антон Иванович Деникин, человек, всю жизнь сражавшийся под знаменами России и до последнего часа сохранивший верность своему Отечеству.

Писать о генерале Деникине, этом удивительном человеке, в свое время приковавшем внимание всей России к своему имени, – трудно, ибо, с одной стороны, его имя знакомо едва ли не каждому, но с другой – догмы, легенды и устоявшиеся суждения о нем существенно затрудняют задачу. И все же обратиться к его историческому портрету необходимо, показав при этом жизненный путь длиною в три четверти века.

Генерал Деникин, впрочем, как и любой другой герой истории, с дальнего расстояния предстает во всей своей противоречивости. Он был сыном своего времени, смутного времени, – эпохи, когда, как он сам писал, «великие потрясения не проходят без поражения морального облика народа. Русская смута, наряду с примерами высокого самопожертвования, всколыхнула еще в большей степени всю грязную накипь, все низменные стороны, таившиеся в глубине человеческой души». Имя генерала Деникина ассоциируется с безмерным честолюбием, диктаторской властью, жаждой реставрации прошлого строя, оно рождает в памяти одних «ужасы деникинской контрразведки», грабежи мирного населения, но оно напоминает другим о чести и отваге, рыцарстве человека, бросившего вызов самой жестокой и кровавой диктатуре двадцатого века. В его жизни было все, что позволяет назвать его героем своего времени, отнести его к людям неповторимой, удивительной судьбы. Было время, когда Деникин обладал неограниченной властью на огромной территории, когда он был более чем близок к победе, которая принесла бы ему всю власть над всей страной. Было время взлета, но были и поражения и горечь разлуки с Родиной. Неизменными на протяжении всей жизни оставались удивительная скромность, честность и невероятная любовь к России.

Писать о генерале Деникине трудно еще и потому, что он сам оставил нам свои книги, написанные удивительно талантливо и прочесть которые – большая удача, ибо в них свидетельства и переживания очевидца сопряжены с литературным дарованием. Но сам Деникин, заканчивая свои знаменитые «Очерки Русской Смуты», предупреждал потомков, читающих свидетельства современников тех событий: «Их мысленный взор застилает еще кровавая пелена; их душевное равновесие нарушено; в их сознании события более близкие, более волнующие невольно заслоняют своими преувеличенными, быть может, контурами факты и явления, отдаленные от фокуса их зрения. Их чувства глубже, страсти сильнее, восприятие элементарнее; они жили настоящим, воплощенным в плоть и кровь, – даже те, кто, став духовно выше среды и своего времени, проникали уже обостренным зрением за плотную завесу грядущего».

* * *

25 декабря 1872 года, когда вся Православная Русь праздновала Рождество Христово, настоятель Ловичской приходской Предтеченской церкви священник Вениамин Скворцов крестил в Православную веру младенца Антония. Находившиеся в храме прихожане не могли не обратить внимания на родительскую пару новокрещенного. Довольно пожилой мужчина с седыми волосами и такими же седыми большими усами, одетый в поношенный мундир отставного майора Русской Армии, держал под руку совсем молодую даму, лет тридцати от роду, одетую скромно и аккуратно. Бросавшаяся в глаза разница в возрасте четы Деникиных позволила многим принять их за отца и дочь. Так, или наверное так, прошло первое событие в жизни Антона Ивановича Деникина.

Польский город Лович, однако, не был его родным городом. Родился он в пригороде Влоцлавска, что за Вислой, за двадцать один день до крещения. Влоцлавск был захолустным уездным городишком, где отец Антона Ивановича проходил военную службу в Пограничной страже и где в 1869 году, незадолго до рождения единственного сына, вышел в отставку.

Иван Ефимович Деникин родился в 1807 году в семье крепостного Саратовской губернии. В 27 лет от роду был сдан помещиком в рекруты, после чего более двадцати лет тянул солдатскую лямку. В 1856 году, в возрасте сорока девяти лет он был произведен из фельдфебелей в первый офицерский чин и назначен на службу в бригаду Пограничной стражи в Польшу.

Первый офицерский чин давал право на личное дворянство, но Деникин-старший все равно мог расчитывать лишь на свое скудное офицерское жалованье. Спустя 30 лет он вышел в отставку в чине майора, а через два года женился вторым браком на польке Елизавете Францисковне Вржесинской, происходившей из семьи обедневших мелких землевладельцев. Когда родился Антон, Ивану Деникину было уже шестьдесят пять лет. Скудной пенсии в 36 рублей едва хватало на пропитание. Все заботы о домашнем быте лежали на матери Антона – женщине маленькой, худенькой, но энергичной и умной. Жили Деникины, несмотря на нужду, дружно. Несмотря на различие вероисповеданий родителей, их сын вырос Православным, не просто глубоко религиозным, но и церковным человеком.

В 1882 году, после окончания начальной школы, девятилетний Антон Деникин выдержал экзамен в первый класс Влоцлавского реального училища, а спустя три года умер Иван Ефимович. После смерти отца пенсию сократили до 20 рублей в месяц, и тринадцатилетнему Антону пришлось подрабатывать репетиторством. Ранняя смерть отца, забота о семейном бюджете воспитали в Деникине серьезность характера. В свои юные лета он обладал вполне развитым внутренним духовным миром, сообщавшим ему повышенную сопротивляемость всему наносному, чуждому его русской душе.

С окончанием в 1889 году седьмого класса перед Деникиным стал вопрос выбора своего дальнейшего жизненного пути. Подростком он имел возможность наблюдать военную жизнь (во Влоцлавске квартировали штаб 1-й бригады 5-й кавалерийской дивизии, 5-й уланский Литовский полк и 1-й стрелковый батальон), большой вес имели и рассказы отца из собственной военной биографии. «Я избрал военную карьеру», – скажет потом Антон Иванович.

* * *

Восемнадцатилетний Деникин, поступивший вольноопределяющимся в 1-й стрелковый полк, осенью 1890 года был зачислен в Киевское юнкерское пехотное училище. За сводчатыми стенами-нишами старинного крепостного здания, где помещалось училище, для молодого Деникина началась новая жизнь.

«Жили мы почти на солдатском положении, – вспоминал свои юнкерские годы Антон Иванович, – ели чрезвычайно скромно… казенное обмундирование и белье получали также солдатское, в

то время плохого качества». Но два года в училище пролетели незаметно, и вот 5 августа 1892 года раздался звонкий голос дежурного юнкера:

– Господа *офицеры*, строиться на передней линейке!

Молодой, теперь уже подпоручик, Деникин, окончивший курс с выпускным баллом 10,4 (высший балл – 12), взял вакансию во 2-ю артиллерийскую бригаду, квартировавшую в городе Беле Седлецкой губернии, в 160 верстах от Варшавы.

«По своим духовным запросам и благодаря начитанности Деникин стоял выше рядового офицерства… к его мнению прислушивались, на него приглашали – приходите сегодня, посидим, поговорим, Деникин будет», – писал эмигрантский биограф Антона Ивановича. Рутина армейского захолустья, естественно, не могла его удовлетворить, и вместе с тремя товарищами он решает готовиться к поступлению в Академию Генерального Штаба.

7 октября 1895 года, выдержав предварительно испытания при Штабе Варшавского военного округа, поручик Деникин, произведенный в этот чин всего несколько месяцев назад, отправился в Петербург. Сдав благополучно конкурсные экзамены, он становится слушателем Академии, но через год, при переходе в следующий класс, Деникин недобирает необходимый балл по истории военного искусства и откомандировывается в свою часть.

«…Принял наиболее благоразумное решение – начать все сначала», – подытоживал много лет спустя Деникин свои тогдашние переживания. Немногие офицеры, отчисленные из Академии, испытывали судьбу еще раз. Антон Иванович вновь держит экзамен на первый курс, поступает и оканчивает Академию с присвоением чина капитана за отличные успехи. Судьба, впрочем, посылает ему новые испытания.

В связи со сменой начальства Академии, в год выпуска Деникина начались перемены, и одной из них стало изменение системы подсчета баллов для причисления к Генеральному Штабу. Список из пятидесяти фамилий офицеров четыре раза тасовали, как колоду карт. В последнем списке к Генеральному Штабу не причислялись четверо: 22-й артиллерийской бригады капитан Березин, 27-й артиллерийской бригады штабс-капитан Анисимов, Лейб-Гвардии Московского полка штабс-капитан Посохов и капитан Деникин. Наука наукой, а служба службой. Интересен следующий факт. К началу Первой мировой войны из всех выпускников Академии 1899 года лишь пятеро достигнут чина генерал-майора (в том числе будущие участники Белого движения И. Е. Гулыга и П. Х. Попов), по старшинству же в

полковничьем чине А. И. Деникин станет вторым, а его товарищи по несчастью А. Посохов – четвертым, А. Березин – двадцать третьим и лишь Н. Анисимов – сорок девятым. А последним в этом списке окажется однокашник Деникина еще по Киевскому юнкерскому училищу Павел Сытин. У последнего военная карьера не сложится; произведенный в чин генерал-майора лишь в 1917 году, он будет искать счастья в Красной Армии…

Посчитав, вполне справедливо, что нарушены его права, Деникин подает жалобу на военного министра А. Н. Куропат–кина, утверждавшего список причисленных к Генеральному Штабу. То же самое он предложил сделать и своим товарищам по несчастью, но те не решились. Прямым начальником военного министра был Император, поэтому и жалоба подавалась на Высочайшее имя. Это был едва ли не единственный в истории Русской Армии случай противоборства никому неизвестного капитана с главой Военного Ведомства. Конференция Академии признала требования Деникина справедливыми, и генерал Куропаткин соглашался удовлетворить ходатайство «непричис–ленных», но Деникин подавать такое ходатайство отказался: «Я в милости не нуждаюсь и требую законного».

По делу капитана Деникина назначили следствие, которое пришло к выводу о правомерности жалобы. Обстоятельный доклад лег на стол военному министру, а через некоторое время поступил в архив канцелярии министерства с размашистой резолюцией: «Согласен с заключением Главного судного управления, но одобрить действия капитана Деникина не могу, ибо жалоба была не основательная, а для лица, добивающегося службы в Генеральном штабе, неосновательность – недостаток существенный».

Как и предполагалось, министр победил. Оставалось ждать решения Государя. Но на Высочайшем приеме выпускников всех Академий Император удовлетворился пояснением Куропаткина: «Этот офицер, Ваше Величество, не причислен к Генеральному штабу за характер»…

Неожиданно для самого Деникина в его судьбе принял живейшее участие генерал Пузыревский, возглавлявший Штаб Варшавского округа. Он оставил опального капитана на вакантной должности офицера Генерального Штаба, посылая в Петербург самые лестные аттестации и ходатайствуя о переводе Деникина в Генеральный Штаб. Блестящую аттестацию дал и начальник 10-й пехотной дивизии генерал барон Меллер-Закомельский, где Деникин отбывал сборы. «Обладая отличными нравственными правилами и сильным характером, капитан Деникин был все время весьма тактичен в служебном отношении.

Возлагаемые на него как на офицера Генерального штаба обязанности… исполнял не только в высшей степени добросовестно и с полным знанием дела, но и с видным интересом и любовью к военному делу», – писал Меллер-Закомельский. Но упоминание в аттестации о сильном характере Деникина вконец вывело из равновесия военного министра: Куропаткин воспретил возбуждать какое бы то ни было ходатайство о капитане Деникине.

Весной 1900 года Антон Иванович вернулся в свою бригаду, где его встретили с распростертыми объятиями. Деникин был назначен старшим офицером и заведующим хозяйством в 3-ю батарею и состоял выборным членом бригадного суда чести и председателем Распорядительного комитета бригадного собрания. Тихие, спокойные армейские будни иногда разбавлялись встречами в более тесном кругу сослуживцев-приятелей и в двух-трех интеллигентных городских семьях. Особенно любил бывать молодой капитан в семье местного податного инспектора Василия Ивановича Чижа, у которого была восьмилетняя дочь Ася. Открытость характера, ум, талант рассказчика Деникина сначала увлекут девочку-подростка, постепенно увлечение перерастет в серьезное чувство, и в январе 1918 года, в дни наиболее тяжких испытаний, накануне знаменитого Ледяного похода небольшой Добровольческой Армии, она станет женой генерала Деникина.

Но это будет еще не скоро. А пока на страницах военных журналов «Разведчик» и «Варшавский дневник» стали появляться статьи военно-политического содержания и рассказы из военного быта, подписанные «И. Ночин». Для большинства офицеров, знавших, почему на казенной квартире Деникина ночь напролет горит свет, было ясно, кто скрывается под псевдонимом «Ночин». Надо заметить, что рассказы написаны живо, талантливо, и кто знает, если бы Деникин не выбрал военную карьеру, – может быть, он занял бы место в ряду писателей.

Прошло два года, «воспоминания об академическом эпизоде, – как позднее писал Антон Иванович, – мало-по-малу теряли свою остроту…» – и он решил написать частное письмо Куропаткину. Деникин напомнил военному министру о случае в Академии, завершив письмо следующими строками: «И если я теперь беру на себя смелость доложить Вашему Высокопревосходительству обстоятельства этого дела, то только потому, что слишком уж тяжело отразилось оно на моей судьбе, слишком больно расставаться с той дорогой, на которую я выбился с таким трудом, с такими надеждами и с таким искренним желанием работать».

Письмо пришло, когда военного министра не было в Петербурге. Заскрипела бюрократическая машина, и частное письмо пошло по инстанциям различных отделений и столов Главного Штаба. По возвращении Куропаткина ему на стол в числе множества бумаг положили и письмо Деникина и справку по канцелярии Главного Штаба о событиях в Академии в 1899 году.

Надо отдать должное военному министру. Прочитав письмо Антона Ивановича, он наложил резолюцию: «Ввиду ходатайства Варшавского начальства и чистосердечного раскаяния, признаю возможным ходатайствовать перед Государем о причислении Деникина к Генеральному штабу с назначением в войска Варшавского в[оенного] округа. Нежелательно, чтобы обращение за защитою к Государю, хотя бы и вполне неосновательное, наказывалось без милости к раскаявшемуся. 30 октября 1901 г.»

Так в судьбе Антона Ивановича произошел поворот, определивший всю его дальнейшую жизнь, а русской истории давший одного из выдающихся военачальников Первой мировой войны и Русской Смуты. С этого момента будто в каком-то бурном потоке понесет судьба Деникина, и вплоть до эмиграции хотя бы на мгновение остановиться, оглянуться, задуматься не представится ему подходящего случая.

* * *

В ноябре 1901 года в приказах по Генеральному Штабу впервые появилось имя Деникина. После недолгого прикомандирования к Штабу Варшавского военного округа Антон Иванович занимает первую по службе Генерального Штаба должность – старшего адъютанта Штаба 2-й пехотной дивизии в Брест-Литовске. Однако подходило время для цензового командования ротой, и уже через три месяца он отправится снова в Варшаву, в 183-й пехотный Пултусский полк.

До сих пор Деникин так близко не соприкасался с солдатом: служба в артиллерии имела свою специфику и отличалась от жизни в пехотных частях. Солдата Антон Иванович полюбил, сумел своей русской душой понять все его чаяния. При нем, тогда излишне либеральном, рота «вела себя средне, училась плохо и лениво», и позже Деникин сознавался, что после его отъезда старый фельдфебель Сцепура, построив разболтанную роту, поднял многозначительно кулак в воздух и произнес: «Теперь вам не капитан Деникин. Поняли?» – Кулак Сцепуры спас положение, рота быстро поправилась.

Отбыв ценз командования ротой, Деникин был назначен старшим адъютантом Штаба II-го кавалерийского корпуса. В большинстве своем офицерские должности службы Генерального Штаба предполагали больше канцелярской работы, чем управления войсками. Судя по воспоминаниям современников Антона Ивановича, он сугубо штабной работой всегда тяготился и стремился полученные в Академии знания применять в строю. Еще в июле 1900 года капитан Деникин подал рапорт о командировании его на Дальний Восток, где шла «Китайская кампания». Просьбу отклонили. С объявлением манифеста о войне с Японией Деникин тотчас же вновь подал рапорт о командировании его в Действующую Армию. Но лишь с третьей попытки он получил распоряжение о назначении его в Заамурский округ Пограничной стражи. 5 марта 1904 года капитан Деникин прибыл в Харбин.

Явившись в Штаб округа, Деникин получил назначение на должность начальника Штаба 3-й Заамурской пограничной бригады, но, несмотря на то, что это было значительным повышением по службе (как правило, такую должность занимали в чине полковника), Антон Иванович искал любую возможность попасть на фронт: задачи Пограничной стражи были ограничены лишь охраной железных дорог.

28 марта 1904 года Деникин был произведен в подполковники, а в октябре представился и случай принять участие в боевых действиях. Деникину предложили занять место раненого начальника Штаба Забайкальской казачьей дивизии. Дивизией командовал генерал П. К. фон Ренненкампф, о котором шла солдатская молва как о храбром и боевом военачальнике.

19 ноября в столкновении с японцами у деревни Уйцзыюй генерал Ренненкампф поздравил своего нового начальника Штаба с боевым крещением, а спустя пять дней Деникин возглавит авангард в Цинхеченском бою. Это будет его первый опыт самостоятельного командования отрядом, состоявшим из полутора батальонов, четырех сотен казаков и горной батареи. В течение пяти дней Деникин отбивал атаки японцев, поднимая иногда своих солдат в штыки. В историю Русско-Японской войны впоследствии войдут названия сопок, где особенно ярко проявился русский героизм. Одна из них будет названа Деникинской.

В Мукденском сражении подполковник Деникин принял участие в должности начальника Штаба Урало-Забайкальской казачьей дивизии. Русские войска сражение проиграли, но даже в условиях командной неразберихи сохранили организацию и моральную стойкость.

Урало-Забайкальская казачья дивизия входила в состав большого конного отряда генерала П. И. Мищенко, особенно прославившегося в известном набеге в тыл японцев и в деле у Санвайзы 20 и 21 мая. В отряде Мищенко Деникин принял участие и в последнем бою Русско-Японской войны под Санвайзой 1 июля 1905 года, отличившись при штурме опорного пункта неприятельской позиции и разгроме батальона японской пехоты. За боевые отличия в делах с японцами Антон Иванович был награжден орденами Святой Анны III-й степени с мечами и бантом, Святого Станислава II-й степени с мечами, Святой Анны II-й степени с мечами и, наконец, чином полковника. Высокой похвалой прозвучали и слова генерал-адъютанта Мищенко в приказе по Сводному кавалерийскому корпусу: «По справедливости я должен признать деятельность этого достойного офицера Генерального штаба высоко полезной как в отношении внутреннего быта частей дивизии, так и в особенности боевой службы, которая была очень трудной и ответственной. Все это время боевой жизни и службы с дивизией полковник Деникин проявлял выдающуюся энергию, работоспособность, усердие, правильное понимание и любовь к военному делу. Расставаясь ныне с полковником Деникиным, считаю своим долгом от лица службы искренне поблагодарить его и пожелать ему светлого будущего».

По окончании войны Антон Иванович служил в Штабе II-го кавалерийского корпуса в Варшаве. Это было временным назначением, которое, впрочем, длилось ровно год. Столь длительному ожиданию вакансии было объяснение. В Главном управлении Генерального Штаба, которое ведало назначениями генштабистов, были вынуждены вспомнить опального капитана Деникина в связи с его новым проявлением характера: покидая 3 декабря 1905 года Дальний Восток, он направил начальнику Штаба при Главнокомандующем сухопутными и морскими силами на Дальнем Востоке письмо, где после перечисления сражений, в которых он принял участие, говорилось:

«…Генерал-адъютант Мищенко пять раз входил с представлением о награждении меня, и все представления в высших инстанциях были отклонены – факт сам по себе ничтожный, если бы не имел характера полного и оскорбительного отрицания моей боевой работы. Я далек от мысли приписывать это Главнокомандующему или командующему армией. Исключительно высокое положение этих лиц гарантирует полное их беспристрастие, и, не зная меня лично, они, конечно, не имели повода не доверять оценке генералов Ренненкампфа и Мищенко, под руководством которых

я работал. Наконец, щедрость Главнокомандующего в деле награждения, в особенности в последнее время, беспримерна.

Следовательно, переоценка моих заслуг делалась канцеляриями… И если бы я знал, кому я обязан таким исключительным к себе вниманием, я сказал бы этим лицам, что их мнением совершенно не дорожу и побуждения считаю не высокими, что горжусь оценкой двух начальников, на глазах которых прошла моя боевая служба…»

Более года спустя, так и не дождавшись ответа, Деникин 14 февраля 1906 года просит передать решение вопроса (речь шла о награждении орденом Святого Владимира IV-й степени с мечами и бантом) на усмотрение начальника Генерального Штаба. На официальный запрос в Штаб войск на Дальнем Востоке 12 сентября был получен ответ: «…По моему глубокому убеждению, полковник Деникин не имеет ни малейшего основания считать себя обиженным вследствие недостаточного награждения… Я бы настаивал перед Вр[еменно] и[справляющим] д[олжность] начальника штаба на представлении его Вашему Превосходительству с ходатайством о наложении соответствующего взыскания на полковника Деникина, так как дерзкий тон письма, фельетонный его характер… все это свидетельствует, что у полковника Деникина отсутствуют те качества, которые желательны во всяком военном, но необходимы для офицера генерального штаба, – это дисциплина и служебный такт». Предоставим читателям самим оценить поступок Деникина, учитывая при этом, что традиции, сложившиеся в Русской Армии, позволяли просить ту или иную награду за участие в боевых действиях, и это отнюдь не считалось зазорным. Как бы там ни было, дело едва не закончилось выговором в послужном списке полковника Деникина.

В самом конце 1906 года Антон Иванович напомнил о себе новым рапортом в Управление Генерального Штаба, в не слишком корректной форме запрашивая о новом назначении. Ответ последовал резкий: «Предложить полковнику Деникину штаб 8-й Сибирской дивизии. В случае отказа он будет вычеркнут из кандидатского списка». В запальчивости и раздражении Деникин ответил еще менее корректным рапортом в три слова: «Я не желаю», после чего стал ожидать начальственной грозы. Впрочем, все обошлось. В канун Нового, 1907 года Деникину пришло предложение занять должность штаб-офицера при Управлении 57-й резервной бригады в Саратове. Антону Ивановичу исполнилось 34 года, из них в офицерских чинах он был всего 14 лет, а уже был полковником и занимал довольно высокую для своего возраста должность. При получении чина

полковника за боевые отличия Деникин по старшинству в этом чине обошел 148 своих сверстников.

В 1910 году он был назначен командиром 17-го пехотного Архангелогородского Великого Князя Владимира Александровича полка, квартировавшего в Житомире. В результате произошедшей служебной перемены решительно изменилось и душевное состояние Деникина, в Саратове тяготившегося характером службы и ее условиями. Теперь он показал себя человеком необыкновенно энергичным и увлеченным. Офицеры вскоре с радостью приняли в полковую семью нового командира, ибо увидели в нем человека не плацпарадных традиций, а обращающего внимание на практические занятия: стрельбы, маневры, ускоренные переходы. Они сразу же отметили, что их тридцативосьмилетний командир заметно отличается от своего предшественника, для которого командование полком было лишь необходимостью отбыть командный ценз в своей карьере офицера Генерального Штаба. Деникин также был назначен на полк для отбытия строевого ценза и поэтому вначале был встречен настороженно. Но лед отношений быстро растаял, и Антона Ивановича полюбили и офицеры, и солдаты-Архангелогородцы.

Наступил 1914 год. Смутное тревожное будущее придвинулось вплотную. Все чаще и чаще стали говорить в России о грядущей войне.

В том году у Антона Ивановича истекал срок цензового командования полком. 23 марта он был назначен исполнять должность генерала для поручений при командующем войсками Киевского военного округа. 21 июня Деникин за отличия по службе был произведен в генерал-майоры с утверждением в должности. А всего за неделю до этого, 15 июня, в Сараево был убит Наследник Австро-Венгерского Престола Франц-Фердинанд. Выстрел в Сараево перерос в беспрерывную канонаду, четыре года сотрясавшую всю Европу.

* * *

После мобилизации, в ходе которой на плечи Деникина легли заботы по «формированию трех штабов и всех учреждений Юго-Западного фронта, 3-й и 8-й армий», он был назначен в Штаб VIII-й армии генерала А. А. Брусилова, заняв пост генерал-квартирмейстера. Начальником Штаба стал генерал П. Н. Ломновский, ровесник Антона Ивановича, отличавшийся угрюмостью и властностью; впрочем, иногда такое же впечатление о себе оставлял и Деникин, что позволило генералу

М. В. Алексееву дать ему прозвище «мрачного».

Сразу же по разворачивании армий начались жестокие бои. А 21 августа, узнав об освободившейся должности начальника 4-й стрелковой бригады (прославленных еще с Русско-Турецкой войны 1877–1878 годов «Железных стрелков»), Деникин обратился к Брусилову с просьбой предоставить ему эту вакансию. «Штабная работа меня не удовлетворяла, – вспоминал Антон Иванович. – Составлению директив, диспозиций и нудной, хотя и важной штабной технике я предпочитал прямое участие в боевой работе, с ее глубокими переживаниями и захватывающими опасностями». Генерал Брусилов после некоторых колебаний все же согласился, и 22 августа Деникин отправился в «Железную бригаду».

Вскоре бригада стала для Антона Ивановича вторым домом, а «Железные стрелки» полюбили своего командира. За бои на реке Гнилая Липа Деникин был награжден Георгиевским Оружием. На этом посту, в упорных оборонительных боях, произошла и первая встреча Антона Ивановича с генералом Л. Г. Корниловым, командовавшим соседней 48-й пехотной дивизией. Рядом с ними сражался и будущий Донской Атаман генерал А. М. Каледин.

Во время боев на подступах к городу Самбор в связи с большими потерями и для более успешного ведения боя создавались смешанные боевые отряды. 7 октября был образован и отряд генерала Деникина, приданный XXIV-му армейскому корпусу. Помимо стрелков Деникину были подчинены 2,5 батальона пехотного Евпаторийского полка, более батальона пехотного Измаильского полка и эскадрон Белгородских улан. В полночь 8 октября из Штаба корпуса был получен приказ атаковать противника, а утром он конкретизировался: «Требую самых энергичных действий. Они необходимы, так как имеют решающее значение не только для успехов корпуса и армии, но и для исхода всей кампании». После упорного боя Деникин погнал противника, ворвавшись в село, откуда только что успел бежать Штаб Командующего австрийской группировкой Эрцгерцога Иосифа. За смелый маневр своего отряда Антон Иванович был удостоен второй Георгиевской награды – ордена Святого Георгия IV-й степени. За этим последовали столь же славные для «Железных стрелков» бои в Карпатах, а утром 21 ноября перед строем бригады были зачитаны телеграммы с горячей благодарностью от Верховного Главнокомандующего и командира корпуса. Более многословен был командующий армией генерал Брусилов: «Молодецкой бригаде за лихие действия, за блестящее выполнение поставленной ей задачи шлю свой низкий поклон и от всего сердца благодарю Вас, командиров и героев-стрелков.

Перенесенные бригадой труды и лишения и славные дела свидетельствуют, что традиции старой железной бригады живут в геройских полках и впредь поведут их к победе и славе». 16 декабря бригада была полностью выведена из боевых действий и Рождество и Новый, 1915 год встретила на отдыхе.

В середине января VIII-я армия Брусилова перешла в наступление, но встретила сильное сопротивление австрийцев, усиленных переброшенными на подмогу союзникам германскими частями. Боевые действия на Карпатах получили название «резиновой войны», так как все время приходилось то углубляться в горы, то несколько отходить. «Железная бригада» по-прежнему исполняла роль «пожарной команды» VIII-й армии.

За новые славные дела Антон Иванович был награжден орденом Святого Георгия III-й степени. В Высочайшем приказе об утверждении этой награды его подвиг описывался так: «… находясь в составе 2-го кавалерийского корпуса и лично руководя действиями вверенной ему 4-й стрелковой бригады под сильным и действительным огнем выбил противника, проявившего огромное упорство, из ряда окопов и отбросил его за р[еку] Сан на участке Смольник – Журавин. Овладением важнейшими в тактическом отношении, сильно укрепленными высотами 761–703–710 настолько способствовал победоносному успеху всей Лутовиской операции, что без овладения этими высотами упомянутый успех был бы невозможен…» Три Георгиевские награды за полгода боевой службы – это не только признание выдающихся полководческих способностей Деникина, но и своеобразный рекорд в Русской Армии.

Положение в Карпатах стало легче сразу же после падения австрийской крепости Перемышль. 24 марта на позицию «Железной бригады» прибыл генерал Брусилов, который при встрече с Деникиным сказал: «Благодарю Вас за блестящие действия бригады. В предстоящей важной задаче, данной бригаде, рассчитываю на Вас, как на каменную гору». Тогда же Брусилов предложил Антону Ивановичу возглавить дивизию, но тот отказался, убедив Брусилова, что с «Железной бригадой» сделает гораздо больше, чем с любой дивизией. Через месяц после взятия Перемышля Галицию посетил Император. 10 апреля Он прибыл в Самбор, где размещался Штаб армии Брусилова. Для почетного караула и встречи Царя была вызвана 1-я рота 16-го стрелкового полка, представившаяся в блестящем порядке во главе с командиром полка лихим полковником Н. П. Бирюковым и начальником бригады генералом Деникиным. Николай II был в хорошем настроении и очень любезен со всеми.

Но вскоре наступили тяжелые времена. Вспоминая о днях

германского прорыва у Горлице, Антон Иванович писал: «…Вся обстановка и даже тон отдаваемых свыше распоряжений свидетельствовал о катастрофе. И впервые я почувствовал нечто, похожее на отчаяние…» Начиналось Великое Отступление Русской Армии, в котором «Железные стрелки», развернутые из бригады в дивизию, действуют в привычной уже им роли «пожарной команды». Русские войска хотя и отступали, но без панического бегства. Их контратаки заставили австро-германцев приостановить свое наступление.

8 сентября Деникин получил приказ о наступлении на Луцк во взаимодействии с левым крылом XXX-го армейского корпуса. Превосходство сил противника было настолько велико, что, несмотря на все мужество «Железных стрелков», их атаки захлебывались. Генерал Брусилов решил подействовать на их самолюбие и заявил, что если они не смогут взять Луцк, его возьмет XXX-й корпус, – и отдал приказ командиру корпуса генералу А. М. Зайончковскому атаковать Луцк с севера. Брусилов вспоминал: «Зайончковский тотчас же сделал распоряжения, но вместе с тем в приказе по корпусу объявил, что 4-я стрелковая дивизия взять Луцк не может и что эта почетная задача возложена на его доблестные войска. Этот приказ, в свою очередь, уколол Деникина, и он, уже не отговариваясь никакими трудностями, бросился на Луцк, одним махом взял его, во время боя въехал на автомобиле в город и оттуда прислал мне телеграмму, что 4-я стрелковая дивизия взяла Луцк». «Вслед за сим Зайончковский донес о взятии им Луцка, – вспоминал Деникин, – но на его телеграмме Брусилов сделал шутливую пометку "…и взял там в плен генерала Деникина"». За умелое руководство частями своей дивизии Антон Иванович был представлен к чину генерал-лейтенанта (производство в чин было утверждено Высочайшим приказом 11 мая 1916 года). А к началу октября обе воюющие стороны, истощив свои силы, стали зарываться в землю, перейдя к позиционной войне.

Молодой офицер Генерального Штаба, капитан Б. Н. Сергеевский, познакомившийся с Деникиным чуть позже, в начале октября, во время Чарторийской операции (в ходе которой «Железная дивизия» захватила в плен около 8 500 австро-германцев), впоследствии вспоминал: «Генерал Деникин не имел еще всероссийской известности, но среди офицеров генерального штаба на Юго-Западном фронте его имя было хорошо известно, причем молодые офицеры генерального штаба его обыкновенно называли "наш Антон Иванович". Он отвечал нашим молодым военным идеалам – всегда вперед, всегда маневр и, зачастую, – борьба со своим старшим, очень вялым и пассивным начальством.

И в штабах начали весьма побаиваться этого энергичного и сурового, но и строптивого генерала. Должен здесь прибавить, – продолжает Сергеевский, – что и противник наш оценил генерала Деникина еще раньше и выше, чем мы. Так, я допрашивал одного взятого в плен австрийского командира роты, который мне сказал: “Мы знаем этого страшного генерала”. Позже австрийский генерал писал в своем приказе: “Будьте бдительны – против нас самый активный генерал русской армии, и он может напасть на нас в любое время”. И угадал, ибо и самый приказ этот был захвачен железными стрелками».

Между генералом Деникиным – начальником «Железной дивизии», и капитаном Деникиным, когда-то командовавшим ротой Пултусского полка и ставившим в ней опыты либерализма, – «дистанция огромного размера». Приказы генерала Деникина лаконичны и понятны любому командиру, в них нет и тени сомнения в победе, форма, в которую облекались эти приказы, не оставляла у подчиненных даже мысли о возражении. Тот же Сергеевский, прослушав, как в тяжелой ситуации ставил задачи своим командирам полков Антон Иванович, вспоминал: «Я был потрясен и понял, что слушал приказ вождя милостию Божией».

С началом ноября, с первыми заморозками, на Юго-Западном фронте наступило затишье, длившееся до весны 1916 года. Спустя четырнадцать месяцев почти беспрерывных боев, «Железная дивизия» наконец-то получила возможность отдыха. К этому времени она сменила шестнадцать различных корпусов, получив название «дивизии скорой помощи» при обороне и «ударной фаланги VIII-й армии» при наступлении.

«Распутица на время приостановила наши действия. Живем среди сплошных болот, среди обугленных развалин в скучном пустынном районе. Вместо смелых набегов, кровавых боев – нудная позиционная война с ее неизбежными атрибутами для стрелков: заплывшие водой окопы и сырые холодные землянки», – так описывал свою жизнь на позициях в ноябре 1915-го генерал Деникин в письме будущей жене, Ксении Васильевне Чиж. К тому времени маленькая Ася, которую Антон Иванович знал в Беле, выросла. Она окончила перед войной институт благородных девиц в Варшаве и сейчас училась в Петрограде на курсах профессора С. Ф. Платонова, где готовили преподавательниц русской истории для женских учебных заведений. Она чувствовала себя одинокой: жених – молодой офицер гусарского полка – погиб на фронте, родители развелись, обзаведясь каждый своей новой семьей. Одиноким чувствовал себя и Антон Иванович. В начале января 1916 года тяжело и безнадежно

заболела его семидесятитрехлетняя мать (скончалась она в октябре). 4 апреля Антон Иванович просил руки Ксении Васильевны и получил согласие. Венчаться решили по окончании войны.

…На рассвете 22 мая 1916 года залп двух тысяч орудий по всему Юго-Западному фронту от Припяти до Прута возвестил о начале величайшей Галицийской битвы, известной как «Брусиловский прорыв». В 9 часов утра 23 мая «Железные стрелки» в едином порыве бросились в атаку. Уже через двадцать минут первые линии обороны противника были смяты. К 17 часам задача, поставленная дивизии, была полностью выполнена. В плен было взято 180 офицеров, около 5 000 солдат, захвачено 25 орудий и 32 пулемета. Дивизия потеряла 10 офицеров и 2 357 стрелков. К исходу боя 23 мая командующий VIII-й армией генерал Каледин направил Деникину телеграмму: «Благодарю Вас от всего сердца, равно как и всех героев-стрелков, за их сегодняшний славный штурм и безупречную доблесть». А к 9 часам вечера 25 мая, продолжая наступление, «Железная дивизия» на плечах опрокинутого противника ворвалась в Луцк. За взятие Луцка Антон Иванович получил редкую награду – «Георгиевское Оружие, бриллиантами украшенное», с надписью «За бои с 22 по 31 мая 1916 года».

И далее «Железные стрелки» были в самом пекле. Однажды на запрос корпусного инженера для донесения начальнику Штаба Юго-Западного фронта, какие применялись средства преодолевания препятствий, начальник дивизии генерал Деникин ответил: «Разгром артиллерией и дух войск». Особенно ярко этот дух проявился в единоборстве со знаменитой германской Брауншвейгской «Стальной» 20-й пехотной дивизией.

Сорок четыре атаки Брауншвейгцев разбились о русское железо. «Никогда, – говорили пленные из «Стальной дивизии», – мы не допускали и мысли, что здесь, на Восточном театре, могут происходить такие кровопролитные бои. У нас, во Франции, было куда спокойнее. Подобному разгрому мы не подвергались еще ни разу с начала войны».

6 сентября 1916 года генерал-лейтенант Деникин был назначен командиром VIII-го армейского корпуса. С грустью расставался Антон Иванович со своими стрелками, которыми прокомандовал два военных года. На склоне лет генерал, вспоминая всю свою жизнь, эти два года назовет самыми лучшими.

В истории имя Деникина прежде всего связывают с Гражданской войной, когда он возглавил, пожалуй, самое мощное сопротивление большевицкому режиму. Деникин – начальник

дивизии, корпуса, почти неизвестен. А вот что, к примеру, писал о Деникине генерал П. С. Махров, исполнявший должность генерал-квартирмейстера Штаба VIII-й армии: «Не было ни одной операции, которой он не выполнил бы блестяще, не было ни одного боя, которого бы он не выиграл. Мне часто приходилось говорить с Деникиным по аппарату, когда нужно было согласовать действия генерала Деникина с соседями и особенно выручать их в тяжелом положении. Не было случая, чтобы генерал Деникин сказал, что его войска устали, или чтобы он просил помочь ему резервами…»

Антон Иванович принял корпус 30 августа, в разгар подготовки общего наступления армий Юго-Западного фронта. Времени для раздумий не было, а план наступления приходилось разрабатывать с учетом огромного количества подчиненных частей: всего под командованием генерала оказалось 48 батальонов численностью 27 340 штыков.

Как и прежде, приказы генерала Деникина были кратки до предела и отличались точностью и ясностью. 3 сентября после шестичасовой артподготовки войска перешли в атаку, но были встречены настолько сильным огнем, что залегли перед проволокой противника. За один день потери корпуса составили 82 офицера и 4 487 солдат. О чем думал Деникин, получая сводки потерь от своих командиров? Ему и раньше приходилось водить полки «Железной дивизии» в огонь, своими глазами видеть смерть стрелков. Но здесь за один день – такие потери и при нулевом результате. А Штаб Каледина все требовал и требовал выполнения директивы Брусилова о наступлении. Деникин-генерал беспрекословно выполнял приказы, но Деникин-человек, которому всегда было свойственно мыслить широко, не мог не задуматься над тем, что подобная война на измор может явиться и причиной внутренних потрясений, тем более что из глубокого тыла непрестанно нарастал гул недовольства, подогреваемый искусными политиками, рвущимися к власти.

Весь сентябрь и начало октября шли упорнейшие бои. Деникин все-таки выполнил поставленную задачу, командуя в ходе боевых действий не только своими дивизиями, но и рядом временно подчиненных ему соединений, в том числе и «Железными стрелками». 10 октября он покинул фронт по вызову врача, лечившего его мать, но в живых ее уже не застал. На похороны приехала и Ксения Васильевна и немного утешила горе Антона Ивановича. Уезжая обратно на фронт, он писал с дороги своей невесте: «Последние недели имели огромное значение в моей жизни, положив резкую грань между прошлым и будущим. Горе и радость. Смерть и жизнь. Конец и начало. И

неудивительно, что я вышел несколько из равновесия, выбился из колеи».

Вернувшись в корпус, Деникин узнал о его переброске в Румынию, где шли тяжелые бои. Лишь к Рождеству фронт застыл в снегах жестокой зимы. В самом конце 1916-го Антон Иванович с оказией отправил длинное письмо невесте, в котором откровенно обрисовал общее положение на фронте и в Румынии: «В общем, узнали-таки страну, где беспорядок государственный и социальный больше нашего».

«Государственный беспорядок» – эти слова оказались пророчеством. Над Россией всходила кровавая звезда 1917 года.

* * *

Фронт продолжал держаться, в то время как политики разных мастей раскачивали государственную лодку России. В марте 1917-го им удалось добиться отречения Николая II, после чего Россия начала свое восшествие на Голгофу, а в ее истории открылась страница революционного позора.

Армия была ошеломлена внезапно свалившейся на нее вестью об отречении Государя. Уже в первые недели марта выявилась полная несостоятельность новой власти. Говоруны из Временного Правительства умели хорошо критиковать Императорское Правительство, получив же власть из Царских рук, сразу оказались банкротами. Управлять государством оказалось куда труднее, чем произносить речи, и уже очень скоро они вернулись к привычным для них занятиям. Митинги, политические споры, в которых неизменными были обещания о скором благоденствии, – вся эта маниловщина захлестнула страну. Временные перебои с поставкой хлеба в Петроград в конце 1916 года превратились в постоянные, начал катастрофически обесцениваться рубль. Финансовая реформа свелась к обычной замене денежных знаков, да и остальные ограничились заменой внешних атрибутов: полицию переименовали в милицию, губернаторов – в комиссаров, нижних чинов Армии – в солдат. «Создавая» новое, уродливо копировали старое. Символом такого творчества стал новый герб – уродливая птица, лишь отдаленно напоминавшая былого орла.

Новая власть сняла все ограничения в свободах. Из-за границы стали возвращаться революционные радикалы, а их вождь Ленин сразу же по возвращении в Россию провозгласил курс на новую революцию. В стране образовалось двоевластие: Временное Правительство и Совет рабочих и солдатских

депутатов. В своей борьбе за власть и Советы, и новое Правительство не забывали о многомиллионной Армии. И для тех, и для других реальную опасность представлял офицерский корпус, особенно кадровое офицерство, воспитанное на вековых традициях, квинтэссенцию которых составляли понятия: Вера, Царь и Отечество. Новый военный министр А. И. Гучков произвел настоящее «избиение» высшего командного состава. Была отрешена половина корпусных командиров и около трети начальников дивизий. Во главе ряда военных округов были поставлены авантюристы, наспех произведенные в штаб-офицерские чины. Роковую роль в развале Армии сыграл предательский Приказ № 1 петроградского Совдепа, который привел к переходу власти в войсках к солдатским комитетам и нанес смертельный удар офицерскому корпусу.

18 марта генерал Деникин получил приказание немедленно прибыть в Петроград к военному министру и после непродолжительных переговоров с Гучковым и генералом Алексеевым был назначен сначала помощником начальника Штаба Верховного Главнокомандующего, а вскоре и начальником Штаба.

Чем же было вызвано назначение на столь высокий пост корпусного генерала, ранее не командовавшего ни армией, ни фронтом? Временное Правительство, обеспокоенное, с одной стороны, монархическими настроениями офицерского корпуса, а с другой – все возрастающим влиянием Советов, выдвигало на высшие посты людей либерально-демократических взглядов. Антон Иванович имел именно такую репутацию. Всем, в том числе и Гучкову, были памятны статьи генерала, направленные против косности в Армии, отличавшиеся резкой критикой военной бюрократии. Бралось в расчет и происхождение Деникина, а также его блестящая репутация боевого генерала и популярность среди солдат и офицеров.

25 марта генерал Деникин прибыл в Ставку и, приняв высокую должность, всецело погрузился в сложную и кропотливую работу. Положение осложнялось еще и тем, что Антон Иванович, привыкший к самостоятельным решениям и личной ответственности, не мог смириться с тем, что функции начальника Штаба во многом исполнялись самим Верховным Главнокомандующим М. В. Алексеевым.

С первых дней существования организованного Алексеевым Союза офицеров Деникин стал его активным членом, заранее зная, что выбираемый им путь ведет через бури и лишения. Речь, с которой Антон Иванович выступил 22 мая на закрытии офицерского съезда, всколыхнула офицерство и нашла живой

отклик у всего честного и порядочного, что еще оставалось в России.

«С далеких рубежей земли нашей, забрызганных кровью, собрались вы сюда и принесли нам свою скорбь безысходную, свою душевную печаль.

Как живая, развернулась перед нами тяжелая картина жизни и работы офицерства среди взбаламученного армейского моря. Вы – бессчетное число раз стоявшие перед лицом смерти! Вы – бестрепетно шедшие впереди своих солдат на густые ряды неприятельской проволоки, под редкий гул родной артиллерии, изменнически лишенной снарядов! Вы, скрепя сердце, но не падая духом, бросавшие последнюю горсть земли в могилу павшего сына, брата, друга! Вы ли теперь дрогнете? Нет!

Слабые – поднимите головы. Сильные – передайте вашу решимость, ваш порыв, ваше желание работать для счастья Родины, перелейте их в поредевшие ряды наших товарищей на фронте. Вы не одни: с вами все, что есть честного, мыслящего, все, что остановилось на грани упраздняемого ныне здравого смысла… Проживши с вами три года войны одной жизнью, деливши с вами и яркую радость победы, и жгучую боль отступления, я имею право бросить тем господам, которые плюнули нам в душу, которые с первых же дней революции свершили свое каиново дело над офицерским корпусом… я имею право бросить им: – Вы лжете! Русский офицер никогда не был ни наемником, ни опричником. Забитый, загнанный, обездоленный не менее, чем вы, условиями старого режима, влача полунищенское существование, наш армейский офицер сквозь бедную трудовую жизнь свою донес, однако, до отечественной войны – как яркий светильник – жажду подвига. Подвига – для счастья Родины. Пусть же сквозь эти стены услышат мой призыв и строители новой государственной жизни: Берегите офицера! Ибо от века и доныне он стоит верно и бессменно на страже русской государственности. Сменить его может только смерть».

Речь генерала Деникина быстро распространилась по фронту, вызывая восторг в офицерской среде и ненависть в солдатских комитетах. В то же время Антон Иванович понимал, что одними речами изменить что-либо было невозможно, нужны дела. И он вошел в тайный состав Главного Комитета Союза офицеров. «Комитет, – вспоминал генерал, – поставил себе целью подготовить в армии почву и силу для введения диктатуры – единственного средства, которое, по мнению офицерства, могло еще спасти страну».

Так произошел в судьбе генерала поворот, определивший всю его дальнейшую жизнь, а русской истории давший одного из

самых выдающихся деятелей контрреволюционного движения.

Активная позиция Деникина по вопросу неприятия демократизации Армии предрешила его дальнейшую военную судьбу. В Петрограде косо посмотрели на его моральную поддержку позиции генерала Алексеева. Видный революционный деятель В. Б. Станкевич, характеризуя деятельность Антона Ивановича, писал: «Чуть ли не каждую неделю в Петроград шли телеграммы с провокационно-резкими нападками на новые порядки в армии – именно нападки, а не советы… Разве можно советовать отменить революцию?»

Смещение Деникина с поста начальника Штаба Верховного Главнокомандующего было лишь вопросом времени. Несмотря на неопределенность своего дальнейшего служебного положения, Антон Иванович принял живейшее участие в разработке плана летнего наступления под началом нового Верховного, генерала Брусилова.

Керенский торопил Ставку с подготовкой наступления на фронте, он верил в победу, которая могла бы упрочить его положение. Верил в возможность наступления и генерал Деникин, правда, с немаловажной оговоркой – если удастся вывести войска из окопов. План наступления был разработан до мельчайших подробностей, Армия была хорошо вооружена, одета и сыта, но согласятся ли вкусившие всяких свобод русские солдаты подняться в атаку? Этого не знал никто – ни новый Верховный, ни штабы, ни офицеры, ни сами солдаты.

Ради осуществления плана наступления Керенский готов был до поры потерпеть оппозиционного генерала Деникина в Ставке. Но лишь до поры. Уже в конце мая новым начальником Штаба был назначен генерал Лукомский. Брусилов, вспоминал Деникин, решил поговорить с ним откровенно.

«– Антон Иванович. Они боятся, что, если Вас назначить на фронт, Вы начнете разгонять комитеты.

Я улыбнулся.

– Нет, я не буду прибегать к помощи комитетов, но и трогать их не стану».

В те дни он писал невесте: «Ныне отпущаеши… хоть и не совсем. Временное правительство, отнесясь отрицательно к направлению Ставки, пожелало переменить состав ее. Ухожу я, вероятно, и оба генерал-квартирмейстера. Как странно – я горжусь этим. Считаю, что хорошо. Мало гибкости? Гибкостью у них называется приспособляемость и ползанье на брюхе перед новыми кумирами. Много резкой правды приходилось им выслушать от меня. Так будет и впредь. Всеми силами буду бороться против развала армии».

В начале июня генерал Деникин уехал в Минск, где располагался Штаб Западного фронта, которым ему теперь предстояло командовать. Как всегда, кратко и ясно изложил он всем «свой символ веры»: «Революционизирование армии и внесение в нее демагогии считаю гибельным для страны. И против этого буду бороться по мере сил и возможности, к чему приглашаю и всех своих сотрудников».

Самое тяжелое впечатление осталось от знакомства с разлагающимися войсками. Не только ни одна армия в мире не могла бы воевать в таком положении, но и существование для нее было бы весьма проблематично. Но Русская Армия, смертельно больная, покрытая язвами большевизма и революционной демократии, продолжала самоотверженно выручать своих союзников, оттянув на свой фронт 144 пехотные и 21 конную дивизии врагов – больше, чем когда-либо за всю войну. И все же попытку летнего наступления можно охарактеризовать словами германского полководца Э. Людендорфа: «Это уже не были прежние русские». Наступление очень скоро превратилось в отступление, а местами в бегство. Деникину приходилось вести одновременно две операции – одну против неприятеля, другую против собственных войск, оцепляя верными частями и разоружая мятежные полки и дивизии. «Я возвращался из 10-й армии в Минск с отчаянием в душе и с явным сознанием полнейшего крушения последней тлевшей еще надежды на чудо», – вспоминал он.

В связи с произошедшей катастрофой Керенский решился на созыв совещания в Ставке, куда пригласили Главнокомандующих фронтами. В полуторачасовой речи, отбросив все условности, поставив на карту свою военную карьеру, генерал Деникин мужественно обрисовал картину развала Армии и предложил свои меры вывода ее на истинный путь. Всю вину за развал он возложил на комитеты и комиссаров. «Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую, – говорил Деникин. – Это не верно. Армию развалили другие, а большевики – лишь поганые черви, которые завелись в гнойниках армейского организма. Развалило армию военное законодательство последних 4-х месяцев…» Предложил Антон Иванович и меры по выходу из создавшегося положения:

«Армия развалилась, необходимы героические меры, чтобы вывести ее на истинный путь:

1) Сознание своей ошибки и вины Временным правительством, не понявшим и не оценившим благородного и искреннего порыва офицерства…

2) Петрограду, совершенно чуждому армии, не знающему ее быта, жизни и исторических основ ее существования, прекратить всякое военное законодательство…

3) Изъять политику из армии…

4) Отменить «декларацию» (имеется в виду Декларация прав солдата. – *Ю. Т.*) *в основной ее части. Упразднить комиссаров и комитеты, постепенно изменяя функции последних.*

5) Вернуть власть начальникам. Восстановить дисциплину и внешние формы порядка и приличия.

6) Делать назначения на высшие должности не только по признакам молодости и решимости, но вместе с тем по боевому и служебному опыту.

7) Создать в резерве начальников отборные, законопослушные части трех родов оружия как опору против военного бунта и ужасов предстоящей демобилизации.

8) Ввести военно-революционные суды и смертную казнь для тыла, войск и гражданских лиц, совершающих тождественные преступления…»

Полковник Д. Н. Тихобразов, стенографировавший доклад, вспоминал вызванное им впечатление: «Неудивительно, что нервы Керенского не выдержали. От волнения моя рука тряслась настолько, что я ни одной буквы больше вывести не мог, как будто сильный электрический ток, проходя по руке, заставил мои мускулы содрогаться. У министра иностранных дел М. Терещенко из глаз катились слезы».

Генерал заканчивал свой доклад: «…Судьба страны зависит от армии… Но вы, – продолжал Антон Иванович, глядя на Керенского, – вы втоптали наши знамена в грязь. Теперь пришло время: поднимите их и преклонитесь перед ними… Если в вас есть совесть!»

Все сидели в оцепенении. Керенский, всегда резкий в движениях, поднялся как-то тяжело, медленно подошел к Деникину и протянул руку: «Благодарю вас, генерал, за ваше смелое и искреннее слово».

Но был ли искренен сам Керенский? Впоследствии, давая показания Верховной следственной комиссии по делу генерала Корнилова, он оправдывался и говорил, что его одобрение относилось не к содержанию речи Деникина, а к проявленной решимости генерала. По существу же, продолжал Керенский, «генерал Деникин впервые начертал программу реванша – эту музыку будущей военной реакции».

Прислал по телеграфу свои соображения в Ставку и генерал Корнилов, отсутствовавший на совещании из-за занятости на фронте. Лавр Георгиевич был солидарен с Деникиным. Оба

патриоты, пользующиеся среди знавших их солдат и офицеров уважением и любовью, оба неискушенные в политике, – они выступили по-рыцарски честно, с открытым забралом, против революционной вакханалии. Оба поверили, что и Временное Правительство поддерживает их чаяния и стремления, когда Керенский назначил Корнилова новым Верховным Главнокомандующим. По настоянию Корнилова Антон Иванович был назначен на пост Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. В Ставке генералы встретились наедине:

«Лавр Георгиевич тихим голосом, почти шепотом сказал мне следующее:

– Нужно бороться, иначе страна погибнет… Так вот, Антон Иванович, могу ли я рассчитывать на Вашу поддержку?

– В полной мере…»

Генерал Деникин давно уже был готов бороться за спасение Армии и России.

Прибыв в Штаб Юго-Западного фронта, который располагался в Бердичеве, Деникин был встречен революционными учреждениями фронта весьма настороженно. Помимо боевой аттестации, полученной в Штабе, во фронтовом Комитете была получена характеристика на генерала из Комитета Западного фронта. В ней Антон Иванович характеризовался как «враг демократии».

Деникин решительно повел борьбу по ограничению деятельности комитетов. Он не раз пытался прекратить перенос политики в окопы, но всегда встречал противодействие комиссара фронта Иорданского. Отношения портились с каждым днем.

7 августа Корнилов вытребовал с Юго-Западного фронта Кавказскую Туземную дивизию, спустя неделю – III-й конный корпус и Корниловский ударный полк. Тогда Деникин понял, что настало время действий, и всецело стал на сторону своего Верховного Главнокомандующего. Не отступил он и 27 августа, когда во всех штабах фронтов была получена телеграмма Керенского об отрешении от должности генерала Корнилова.

Генерал Деникин, не считая возможным отождествлять себя идейно с Временным Правительством, тотчас же послал в Петроград телеграмму: «Я солдат и не привык играть в прятки. 16 июля на совещании с членами Временного правительства я заявил, что целым рядом военных мероприятий оно разрушило, растлило армию и втоптало в грязь наши знамена. Оставление свое на посту главнокомандующего я понял тогда как сознание Временным правительством своего тяжкого греха перед Родиной и желание исправить содеянное зло. Сегодня, получив известие, что генерал Корнилов, предъявивший известные требования,

могущие спасти страну и армию, смещается с поста Верховного главнокомандующего, видя в этом возвращение власти на путь планомерного разрушения армии и, следовательно, гибели страны, считаю долгом довести до сведения Временного правительства, что по этому пути я с ним не пойду. *Деникин*».

31 августа Керенский назначил себя Верховным Главнокомандующим, 2 сентября генерал Корнилов был арестован, а вместе с ним – и почти все члены Главного Комитета Союза офицеров. За арестами в Ставке последовали аресты в штабах фронтов.

Революционный переворот происходил в те дни и на Юго-Западном фронте, где комиссар Иорданский принял на себя военную власть, произвел ряд арестов среди старших чинов Главного управления снабжений и от своего имени выпустил воззвание к солдатам о том, как генерал Деникин пытался «возвратить старый режим и лишить русский народ земли и воли». В Бердичеве руководство фронтового Комитета обвиняло Деникина в «контрреволюционной попытке свергнуть Временное правительство и восстановить на престоле Николая II». Прокламации, адресованные солдатам, возымели действие, и вскоре толпы солдат на митингах требовали расправы над «генералами-заговорщиками». А 29 августа из окон своего дома Антон Иванович увидел, как огромная толпа вооруженных солдат с двумя бронеавтомобилями под красными флагами движется в направлении штаба и его дома…

* * *

В середине сентября Военная комиссия петроградского Совета постановила – суд над генералом Деникиным отложить до окончания следствия над генералом Корниловым, а арестованных на Юго-Западном фронте перевести из Бердичева в Быхов, где содержались под стражей Корнилов и его соратники. В конце сентября бердичевские арестанты прибыли в Быхов.

Жизнь продолжалась и в тюрьме, там же продолжалась борьба. Здесь под защитой верного Корнилову Текинского полка рассматривались варианты по обузданию Смуты. На квартире адъютанта Корнилова, корнета Хаджиева организовали «почтовую станцию»: отсюда уходили письма на волю. Главными пунктами связи являлись Могилев (Ставка генерала Н. Н. Духонина), Новочеркасск (Штаб Донского Атамана А. М. Каледина), Петроград (собиравшаяся вокруг генерала М. В. Алексеева организация).

«Быховские узники» были прекрасно осведомлены о положении в стране и на фронте. Они знали, что на смену Керенскому идут большевики. Предполагали, что суда над ними может и не быть, так как в любую минуту мог совершиться самосуд разгневанной революционной толпы солдат Могилевского гарнизона. Уже несколько раз Могилевским Советом делались попытки убрать из Быхова Текинский полк, всадники которого не только надежно охраняли узников, но и сдерживали остальную охрану, разлагавшуюся не по дням, а по часам.

«Вы керенские, мы корниловские, – говорили текинцы, – будэм резат». Солдаты после таких аргументов сразу же замолкали.

Всех узников мучил один и тот же вопрос: куда уходить в случае победы большевиков? Связь с внешним миром все больше убеждала, что уходить надо на Дон, там видели опальные генералы русскую Вандею.

25 октября большевики взяли власть. Свершилось то, что должно было случиться из-за предательства Керенского. Он и только он отдал Россию на растерзание Ленину и его единомышленникам.

С бегством из Петрограда Керенского его функции Верховного Главнокомандующего перешли к начальнику Штаба Ставки генералу Н. Н. Духонину. Военный интеллигент, высокообразованный генштабист, добросовестный исполнитель-служака, Духонин не был искушен в политике. Он по-прежнему стремился всеми средствами удержать развалившийся фронт и отверг распоряжение Совета Народных Комиссаров начать сепаратные мирные переговоры. И 17 ноября революционные войска под командой большевицкого «Главковерха» прапорщика Н. В. Крыленко двинулись к Могилеву. Духонин решил оставаться на своем посту до конца, пожертвовав собой ради спасения многих, кто мог продолжить борьбу с большевизмом, и в частности распорядился освободить быховских узников. С этим приказанием он послал в Быхов начальника Оперативного отдела Ставки полковника П. А. Кусонского.

Полковник прибыл в Быхов 19 ноября рано утром. Его сразу же провели к Корнилову. Вытянувшись во фронт, Кусонский отрапортовал: «Через 4 часа Крыленко приедет в Могилев, который будет сдан Ставкой без боя. Генерал Духонин приказал Вам доложить, что всем заключенным необходимо тотчас же покинуть Быхов».

Начальник внешней охраны тюрьмы прапорщик Гришин заявил солдатам, что генералы Лукомский, Деникин, Марков и

Романовский освобождаются по распоряжению Чрезвычайной следственной комиссии. Все четверо переоделись и, как могли, изменили свой внешний вид. Лукомский превратился в «немецкого колониста», Романовский сменил генеральские погоны на прапорщичьи, а Марков стал солдатом, уволенным и едущим домой. Генерал Деникин преобразился в «польского помещика». Всем были вручены фальшивые документы, полученные в Штабе Польского корпуса, которым командовал «корниловец» генерал И. Р. Довбор-Мусницкий. Посовещавшись, опальные генералы решили разделиться. Первыми уехали Романовский и Марков. К ним присоединился Кусонский. Чуть позже направился в Смоленск генерал Лукомский. Антон Иванович пока оставался в Быхове.

Вслед за Великой Империей погибла и Армия Петра Великого. Все честное, что было в России, устремилось на Дон, чтобы спасти свою поруганную Родину.

Под покровом морозной ночи 19 ноября генерал Деникин в гражданском костюме и с документами на имя помощника заведующего 73-м перевязочным польским отрядом Александра Домбровского добрался до быховской железнодорожной станции и после нескольких часов ожидания сел в поезд, шедший в Ростов-на-Дону.

В пути Деникин увидел на проезжавшихся станциях огромные объявления о бегстве генералов Корнилова, Деникина и других узников быховской тюрьмы. Военно-революционный комитет призывал к задержанию и аресту контрреволюционных генералов. В поезде, набитом солдатами, шли бесконечные проверки документов красногвардейскими патрулями. Чтобы не вступать в разговоры и не быть случайно обнаруженным, Антон Иванович забрался на верхнюю полку в купе и, повернувшись лицом к стене, делал вид, что спит.

«Мое долгое лежание на верхней полке, – рассказывал Деникин, – показалось подозрительным, и внизу заговорили: – Полдня лежит, морды не кажет. Может быть, сам Керенский? Поверни-ка ему шею!

Кто-то дернул меня за рукав, я повернулся и свесил голову вниз. По-видимому, сходства не было никакого. Солдаты рассмеялись, за беспокойство угостили меня чаем…»

На Харьковском вокзале Деникин случайно встретил Романовского и Маркова. Дальнейший путь проделали вместе, соблюдая правила конспирации.

В Новочеркасск все прибывали и прибывали переполненные людьми поезда. Голод и разруха гнали людей из центра России на Дон. В одном из таких поездов 22 ноября в столицу Войска

Донского и прибыли генералы Деникин, Марков и Романовский. Их никто не встречал, и вскоре, смешавшись с толпой, они покинули вокзал и направились на Барочную улицу, где в старом здании бывшего госпиталя разместился штаб «Алексеевской организации», формировавшей отряды для борьбы с большевиками и продолжения войны с Германией. Здесь же на стене барака висело написанное от руки объявление, в котором кратко была сформирована задача будущей армии – «Воссоздание Российской государственности путем свержения большевистской власти и защита земли русской».

Прибыв к А. М. Каледину, Деникин попросил того «высказаться совершенно откровенно о возможности… пребывания на Дону», опасаясь, что это создаст для Донского Атамана политические осложнения с революционными учреждениями. Подумав, Алексей Максимович ответил: «На Дону приют Вам обеспечен. Но, по правде сказать, лучше было бы Вам, пока не разъяснится обстановка, переждать где-нибудь на Кавказе или в кубанских станицах…»

В ожидании Корнилова Деникин, Марков и Романовский решили на время разъехаться. Антон Иванович с Марковым уехали на Кубань, Лукомский – во Владикавказ, а Романовский остался в Новочеркасске, где принял участие в деятельности Алексеевской организации.

Деникин и Марков прожили неделю в станице Славянской, затем перебрались в Екатеринодар. На Кубани дело обстояло не лучше, чем на Дону. «Внутреннее состояние здесь было еще более сложно и тревожно… – вспоминал Антон Иванович. – И если оно не прорывалось крупными волнениями, то только потому, что внутренний фронт был далеко, и Донская область прикрывала Кубань от непосредственной угрозы воинствующего большевизма».

6 декабря в Новочеркасск прибыл генерал Корнилов. Из Петрограда, Москвы, Киева, с развалившихся фронтов на Дон стекались генералы, офицеры, юнкера, учащаяся молодежь. Казалось, еще немного, и вырастут полки, целые ополчения, подобные тем, которые триста лет назад возглавили Минин и Пожарский. Всех объединял порыв защитить поруганную Русь.

«Если бы в этот трагический момент нашей истории не нашлось среди русского народа людей, готовых восстать против безумия и преступления большевистской власти и принести свою кровь и жизнь за разрушаемую Родину, – это был бы не народ, а навоз для удобрения беспредельных полей старого континента, обреченных на колонизацию пришельцев с Запада и Востока. К счастью, мы принадлежим к замученному, но великому русскому

народу», – писал в эмиграции генерал Деникин.

Прагматики, наблюдавшие со стороны, как медленно растет Добровольческая Армия, иронически восклицали: «На что они надеются?!»

А действительно, на что надеялись соратники Корнилова? Возможно, они думали, что Православный русский народ одумается, отвергнет обманщиков и, увидев в новой Армии пример организованности и порядка, без боя, без пролития братской крови повернет на путь истинный…

За месяц смогли набрать чуть более трех тысяч человек, в основном офицеров и юнкеров. Но во главе Армии, уступавшей по численности полнокровному полку, оказалось сразу два бывших Верховных Главнокомандующих, к тому же не всегда ладивших между собой. Спор, кому возглавить Армию, разрешил генерал Деникин, вернувшийся с Кубани сразу после прибытия на Дон Корнилова и получивший назначение на должность начальника Добровольческой дивизии. Рассудительный Антон Иванович предложил сосредоточить военную власть в руках Корнилова, а Алексееву поручить гражданское управление, финансы и международные связи. Каледин оставался во главе управления Областью Войска Донского. Скорому разрешению вопроса о командовании способствовали и вести о приближении частей советских войск. Главной же задачей по-прежнему было формирование Армии. Когда Корнилову был представлен один из списков добровольцев, тот был поражен: «Это все офицеры, а где же солдаты! Солдат мне дайте! Офицер хорош на своем месте. Солдат дайте мне!»

Лавру Георгиевичу было отчего впасть в ярость. Из трех с небольшим тысяч добровольцев – солдат насчитывалось не более полутораста человек. Седые полковники, а иногда и генералы брали в руки винтовки и становились в строй как рядовые. Такого не знала еще ни одна армия в мире.

Пестрым был и состав Армии. Ее основу составил Корниловский ударный полк, вернее его остатки, с трудом пробравшиеся на Дон, во главе с доблестным командиром подполковником М. О. Неженцовым. Кадрами для дальнейшего развертывания в полновесные боевые части стали Георгиевский полк, возглавляемый полковником И. К. Кириенко, 1-й, 2-й и 3-й офицерские батальоны (командиры: полковник Кутепов, подполковники Борисов и Лаврентьев, впоследствии полковник Симановский). Из юнкеров и кадет старших классов был создан под командованием штабс-капитана Парфенова Юнкерский батальон. Из учащейся молодежи Ростова был сформирован Ростовский добровольческий полк под командой генерал-майора

А. А. Боровского. Два кавалерийских дивизиона возглавили полковники Гершельман и Глазенап. Подполковники Ерогин и Миончинский стали во главе двух артиллерийских батарей, созданных преимущественно из юнкеров артиллерийских училищ и офицеров-артиллеристов. Были и более мелкие части, именовавшиеся партизанскими отрядами, отдельными ротами, дивизионами, батальонами.

Так со смертью Императорской Армии забилось сердце Армии Добровольческой. «В Содоме не нашлось и трех праведников. В России семнадцатого года их были тысячи», – писал эмигрантский историк и публицист А. А. Керсновский, справедливо причисляя к праведникам всероссийского Содома офицеров Русской Армии и пошедшую за ними учащуюся молодежь.

В этой обстановке Антон Иванович и Ксения Васильевна решили обвенчаться. Невеста Деникина прибыла на Дон раньше Антона Ивановича, когда он еще находился в Быхове. По окончании Рождественского поста и праздника Рождества Христова 7 января 1918 года Ксения Васильевна Чиж стала женой генерала Деникина.

В середине января Штаб и все Добровольческие части перешли из Новочеркасска в Ростов. Однако уже к концу месяца стало ясно, что пребывание в Ростове в любой момент может стать гибельным для небольшой Добровольческой Армии. С севера, запада и востока двигались советские полчища и революционизированные казачьи части. То и дело вспыхивали восстания в Таганроге и Батайске. Так и не успев развернуть свои кадры, части Добровольческой Армии были двинуты на фронт, противопоставляя многочисленности противника – военное искусство и необычайное воодушевление.

Январь 1918-го выдался на редкость морозным. Добровольческие части, плохо одетые, держали оборону, и их ряды таяли с каждым днем, а замены не было. Пришлось оставить Таганрог. Видя серьезные потери в частях полковника А. П. Кутепова, Деникин отдал ему приказ отойти в район станции Синявской, что находилась в одном переходе от Ростова. Там отряд поступил в распоряжение генерала А. П. Черепова. Из Ростова на передовую уходили последние резервы, в том числе и Корниловский полк.

Первого февраля советские войска Р. Ф. Сиверса, переброшенные по железной дороге, неожиданно ударили на части Добровольческой Армии у Батайска, сбили их и частично окружили. Деникин спешно отдал приказ перекрыть все переправы через Дон Юнкерским батальоном. Армия таяла на

глазах. В ночь на 9 февраля Сиверс начал штурм оборонительных укреплений у Ростова. Опасаясь полного окружения, Корнилов приказал отходить за Дон, в станицу Ольгинская.

Добровольцы покидали Ростов. Впереди вытянувшейся колонны с винтовками и вещевыми мешками за плечами молча шли генералы Корнилов, Деникин, Романовский, Лукомский, Алексеев. О чем думали генералы, вглядываясь в бескрайние заснеженные просторы? О том, чем была Русская Армия и чем стала в виде этих жалких нескольких десятков повозок? О том, что их ждет впереди?

«Мы уходим в степи, – писал генерал Алексеев. – Можем вернуться только, если будет милость Божья». Не менее тревожные мысли посещали и Антона Ивановича, решившего оставить молодую жену в Ростове, дабы не подвергать ее опасностям предстоящего похода. Ксения Васильевна, подчинившись воле мужа, поселилась в меблированной комнате в доме, принадлежавшем богатой армянской семье. На ее счастье, в городе никто ее не знал. Жила она под девичьей фамилией, поэтому никому и в голову не пришло, что совсем еще молодая девушка является женой известного генерала.

Итак, маленькая Белая Армия, покидавшая Ростов, шла навстречу неизвестности. Начинался ее первый поход, который получит название Ледяного и принесет России славу новых, рожденных в походе полков.

* * *

Штаб генерала Корнилова, выйдя из Ростова, еще не знал, куда он поведет Добровольческую Армию. Правда, и вариантов было не так уж много: донские зимовники – отдаленные места в степи, куда на зиму отгоняли табуны лошадей, – или Кубань. Корнилов и Лукомский стояли за первый вариант, ибо в зимовники направил свой казачий отряд генерал П. Х. Попов, не пожелавший оставаться в Новочеркасске, занятом большевиками. За Кубань были генералы Алексеев и Деникин. На военном совете их поддержало большинство. Антон Иванович выступал не столько за Кубань, сколько против движения Армии на восток, в район зимовников, полагая, что части в скором времени окажутся зажатыми с одной стороны весенним половодьем Дона, а с другой – железной дорогой Царицын – Торговая – Тихорецкая – Батайск, контролируемой большевиками. В конечном счете доводы Деникина убедили генерала Корнилова.

В большой станице Ольгинской остановилась вся Армия. Вид

у Армии был потрясающим, поражала пестрота в одежде: мелькали офицерские шинели и гражданские пальто, гимназические фуражки, папахи и шляпы, обуты были не менее разнообразно – сапоги, валенки, опорки. Антон Иванович, потерявший походный чемодан с мундиром, был в штатском. У многих офицеров на плечах красовались погоны собственноручного изготовления: кусок попавшегося под руку материала, на котором химическим карандашом были нарисованы просветы и звездочки. Издали, как вспоминали участники этого похода, Армия напоминала цыганский табор. И только по четко отдававшимся командам можно было понять, что это была все же армия.

Торжественная встреча (поднесение хлеба-соли) генерала А. И. Деникина в освобожденной Одессе. 1919

Здесь произошло переформирование. Антона Ивановича генерал Корнилов назначил помощником Командующего Армией. «Функции довольно неопределенные, – вспоминал Деникин, – идея жуткая – преемственность». Станицу Армия покинула спустя два дня и стала медленно продвигаться к станции Егорлыцкой. Была непролазная грязь. В пути присоединялись новые добровольцы – группами, в одиночку, некоторые были больными, ранеными, но все делали вид, что здоровы – лишь бы их не оставили на растерзание большевикам. В переходах старались избегать столкновений с красными, ибо не было необходимых сведений и о противнике, и об обстановке за пределами небольшой колонны, в которую вытянулась Добровольческая

Армия. Сказывалось отсутствие должного числа конницы, которое не позволяло производить дальней разведки. Когда выяснилось, что армия уходит на Кубань, полуторатысячный отряд Донских казаков генерала Попова отказался присоединиться к Добровольцам. Вспоминая тот день, Антон Иванович писал: «Для нас Дон был только частью русской территории, для них понятие Родины раздваивалось на составные элементы – один более близкий и ощутимый, другой отдаленный, умозрительный».

Корнилов отдал приказ двигаться как можно быстрее в направлении столицы Кубани – Екатеринодара. Добровольцев, двигавшихся по бескрайней степи, более всего занимал вопрос – как встретят? Слухи были разными, одни с оптимизмом говорили, что непременно хлебом-солью, другие с раздражением противились таким фантазиям и возражали: пулями, пулями нас встретят, если не шрапнелью.

В боях со встречавшимися заслонами красных сказывалось явное преимущество Добровольческой Армии в четком и умелом командовании. Не было лишней пальбы, выдерживалась дистанция – все как на учениях. Артиллерия стреляла точнее, в каждом выстреле чувствовалась рука профессионального офицера-артиллериста. Напротив, снаряды большевицких орудий ложились далеко от цели. Русский офицер умел «показать штык» лучше своих солдат, оказавшихся по другую сторону фронта.

У многих Добровольцев, покинувших Ростов и Новочеркасск, остались в этих городах родные и близкие. В пути до Армии доходили рассказы о зверствах, которые учинили большевики, занявшие города. «Город (Ростов. – *Ю. Т.*) наполнился стонами и плачем отцов, матерей, жен, братьев, сестер по убитым, изнасилованным и замученным на их же глазах родственникам, – писал агент контрразведки, гвардейский подпоручик Н. Ф. Сигида, оставшийся на Дону. – Убивали всех, кто так или иначе подвертывался под руку. Особенно кошмарные сцены происходили в первые дни, когда власть как таковая находилась в руках любого вооруженного, взявшего себе право казнить и миловать по своему усмотрению». Неудивительно поэтому, что взятых в плен красногвардейцев расстреливали. Среди пленных были и бывшие офицеры…

«Вот она, новая трагедия русского офицерства! – писал генерал Деникин. – *Мимо пленных через площадь проходили одна за другой добровольческие части. В глазах добровольцев презрение и ненависть. Раздаются ругательства и угрозы… Только близость штаба спасает их от расправы.*

Проходит генерал Алексеев. Он взволнованно и возмущенно упрекает пленных офицеров. И с его уст срывается тяжелое

бранное слово. Корнилов решает участь пленных:

– Предать полевому суду.

Оправдания обычны: не знал о существовании Добровольческой армии… не вел стрельбы… заставили служить насильно, не выпускали… держали под надзором семью…

Полевой суд счел обвинение недоказанным. В сущности не оправдал, а простил. Этот первый приговор был принят в армии спокойно, но вызвал двоякое отношение к себе. Офицеры поступили в ряды нашей армии».

В кубанских станицах Армию встретили приветливо, радушно, находились и желающие пополнить ее ряды. Но 1 марта у Березанской Добровольцев неожиданно встретили огнем красные кубанцы: на станичном сходе верх одержали иногородние и большевизированные «фронтовики». Бой длился недолго. Развернувшиеся цепи Корниловского и Офицерского полков быстро рассеяли красных. Вечером того же дня казаки-старики учинили расправу над своей молодежью – высекли нагайками.

И снова в путь… Тяжелый бой разыгрался под Выселками. Здесь же узнали неприятную новость, что совсем недавно возле Выселок Кубанские добровольцы генерала В. Л. Покровского потерпели поражение от большевицкого отряда, после чего отступили в сторону Екатеринодара. Поползли зловещие слухи. Но зажатой со всех сторон Добровольческой Армии деваться было некуда, и Корнилов приказал наступать далее…

В новых боях, по свидетельству Антона Ивановича, «кроме превосходства сил, мы встретили у противника неожиданно – управление, стойкость и даже некоторый подъем…»

«Среди офицеров разговор:

– Ну и дерутся же сегодня большевики!..

– Ничего удивительного – ведь русские…

Разговор оборвался. Брошенная случайно фраза задела больные струны…»

Ненависть шла об руку с гордостью за «своих»… русских.

Стало известно, что Екатеринодар занят красными. Генерал Деникин предлагал продолжить выполнение раз поставленной задачи во что бы то ни стало, «тем более что армия давно уже находилась в положении стратегического окружения и выход из него определялся не столько тем или иным направлением, сколько разгромом главных сил противника, который должен был повлечь за собой политическое его падение». Деникина поддержал генерал Романовский. Однако войска были крайне утомлены и физически, и морально. Корнилов решил свернуть к югу, чтобы дать уставшим полкам отдых в закубанских аулах, а

затем, отдохнув, продолжать движение на Екатеринодар в расчете на соединение с войсками Кубанского Правительства.

Покинувший Екатеринодар «Кубанский правительственный отряд» также бродил по черкесским аулам и казачьим станицам к югу от города, питаясь слухами о приближении Корнилова, пока не получил первые достоверные сведения о передвижениях Добровольческой Армии. Соединение Белых войск произошло в ауле Шенджий.

В ночь на 15 марта погода резко изменилась. Подул сильный, колючий ветер, пошел мокрый снег. Армия шла по колено в грязи, перемешанной со снегом. Таявший снег пропитывал шинели насквозь, сапоги разбухли от воды. От мороза люди покрывались ледяной коркой. Армия шла вся белая, сжавшаяся от холода. Дороги размыло, повозки вязли и застревали. Еще сильнее повалил снег, застилая глаза, нос, уши, перехватывая дыхание. Об условиях ночлега Деникин вспоминал:

«Я слез с лошади и с большим трудом пробрался в избу сквозь сплошное месиво человеческих тел. Живая стена больно сжимала со всех сторон; в избе стоял густой туман от дыхания сотни людей и испарений промокшей одежды, носился тошнотный, едкий запах прелой шинельной шерсти и сапог. Но по всему телу разливалась какая-то живительная теплота, отходили окоченевшие члены, было приятно и дремотно.

А снаружи ломились в окна, в двери новые толпы.

– Дайте погреться другим, совести у вас нету»…

В тот же день Антона Ивановича окончательно свалил бронхит, поднялась температура. Он слег, хотя и приказал держать его в курсе происходящих событий.

В станице Ново-Дмитриевской, после форсирования реки смертельно замерзшими, обледеневшими людьми (откуда и пошло название «Ледяной поход»), 17 марта Корнилов переформировал Армию с учетом влившихся в нее Кубанских частей. А 28-го Добровольцы вышли к окрестностям Екатеринодара. Развернулись ожесточенные бои. Обе стороны несли большие потери, но у белых они были невосполнимыми.

«Я Львов, Перемышль брал, но такого боя не слыхал, – говорит раненый полковник. – Они из Новороссийска 35 тяжелых орудий подвезли и палят. Слышите… Залпами… – Артиллерия ухала тяжелыми, страшными залпами, как будто что-то громадное обрывалось и падало», – вспоминал офицер Добровольческой Армии Р. Б. Гуль, находившийся во время штурма Екатеринодара в обозе среди раненых.

На военном совете 30 марта большинство генералов высказались за отход от Екатеринодара. На это были все

основания. Армия понесла тяжелые потери, в особенности в командном составе. Боеприпасы уже давно добывались лишь в бою, части были перемешаны и утомлены беспрерывным четырехдневным боем. Число раненых перевалило за полторы тысячи.

На совещании лишь Корнилов решительно высказался за очередной штурм. «Мы чувствовали, – писал Деникин, – что первый порыв прошел, что настал предел человеческих сил и об Екатеринодар мы разобьемся…» Но Корнилов был непреклонен и, завершая совет, сказал: «Итак, будем штурмовать Екатеринодар на рассвете 1 апреля». После совещания все разошлись сумрачными, остались только Корнилов и Деникин.

«– Лавр Георгиевич, почему Вы так непреклонны в этом вопросе?

– Нет другого выхода, Антон Иванович. Если не возьмем Екатеринодар, то мне останется пустить себе пулю в лоб.

– Этого Вы не можете сделать. Ведь тогда остались бы брошенными тысячи жизней. Отчего же нам не оторваться от Екатеринодара, чтобы действительно отдохнуть, устроиться и скомбинировать новую операцию? Ведь в случае неудачи отступить нам едва ли удастся.

– Вы выведете…»

Последняя фраза Корнилова оказалась пророческой.

Утром 31 марта разрывом большевицкого снаряда Лавр Георгиевич был убит. По распоряжению Алексеева в командование Добровольческой Армией вступил генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин. Армия по-разному восприняла это назначение. В Офицерском полку хотели видеть Командующим своего командира – генерала Маркова. Юнкера и Партизаны выражали удивление – почему не сам Алексеев…

Это не означало, что Деникину не верили. Его хорошо знала армия. О нем рассказывали, вспоминая мировую войну, чудеса… Никто в Добровольческой Армии не имел столько Георгиевских наград. И все же, должно быть, в Антоне Ивановиче не видели вождя в совсем другой войне – войне междоусобной. Суровый взгляд, ровный, спокойный характер, щепетильная рассудительность и даже голос – строгий, резкий, – все это производило на Добровольцев мало впечатления. Зная эти настроения, генерал Марков собрал вокруг себя своих подчиненных и твердо сказал:

«Армию принял генерал Деникин. Беспокоиться за ее судьбу не приходится. Этому человеку я верю больше, чем самому себе!»

В тот же день новый Командующий решил снять осаду Екатеринодара и быстрым маршем, большими переходами

вывести войска из-под ударов большевиков. «План предстоящего похода, – писал потом Деникин, – заключался в том, чтобы, двигаясь на восток, вырваться из густой сети железных дорог».

Во многом нового Командующего и его Армию спасли безалаберность и партизанщина, царившие у красных, но еще больше – политика, которую большевики начали проводить на Кубани. Начинался сев, а кто будет хозяином на хлебородных кубанских пашнях – оказалось вопросом непростым. Иногородние требовали выделить себе долю из казачьих земель. Казаки негодовали. Ведь земля была ими полита и слезами, и пóтом, и кровью. Они защищали эту землю от набегов воинственных соседей, с боями отвоевывали пядь за пядью почти полтораста лет, обжились… Так с какой же стати делить богатство с голью перекатной?! И поскакали кубанские сотни под знамена Деникина.

А в Малороссии и Донбассе заворачивалось еще круче. Туда вторглись немцы, тесня советские части. В Донской Области тоже восстали казаки, и в Новочеркасске Круг Спасения Дона избрал Атаманом генерала П. Н. Краснова…

В этих-то условиях Антон Иванович оказался во главе Добровольческой Армии, что и выдвинуло его в число ведущих фигур всего Белого движения.

* * *

Чтобы вывести и спасти Армию, генерал Деникин решился на суровые меры: сократил до минимума обоз, поместив по шесть человек на телегу, лишние повозки приказал уничтожить, ненужный груз ликвидировать. От артиллерии оставили четыре орудия, остальные бросили, приведя в полную негодность. Тяжелее всего было отдать приказ об оставлении на попечение местных жителей тяжелораненых, которые не могли выдержать трудных переходов. Понимая, что только быстрыми переходами можно замести следы и выйти из окружения, Деникин приказал в сутки делать до 60 верст. На пути с Кубани обратно на Дон было лишь несколько боев на железнодорожных станциях, где всякий раз удавалось захватить военную добычу, так необходимую Армии.

Взяты станицы Егорлыцкая, Мечетинская, Кагальницкая. Все Задонье освобождено от большевиков. Военная фортуна вновь была на стороне Добровольцев. В этих условиях Антон Иванович как Командующий Армией составил свое первое политическое обращение к народу России, но оно вызвало споры среди

офицеров. Вкусившее все прелести революционной демократии в 1917 году, большинство из них связывали будущее своей страны лишь с монархией. Монархистами становились даже те, кто исповедовал республиканские идеи. Что же побуждало нового Командующего, который сам был сторонником конституционной монархии, держать знамя монархизма в походном чехле?

Антон Иванович, как профессиональный военный, прекрасно понимал, что основная борьба еще впереди, что армию как таковую еще предстоит создавать, ибо с пятитысячным войском, даже очень сильным духом, можно проделать поход по тылам большевиков, но нельзя установить власть во всей России. Новая же армия неминуемо будет состоять из различных политических элементов, и проповедывать в ней лишь одну политическую идею – значило бы внести в ряды войск раздор, закрыть двери перед теми, кто желал бы сражаться с большевизмом, но не в рядах монархистов.

Генерал Деникин, приняв командование Армией, осознавал также, что в условиях гражданской войны его роль не ограничится лишь функциями военными. Придется решать и массу других задач: политических, хозяйственных, национальных. Круг этих задач будет только возрастать по мере того, как будет расширяться территория, занятая его войсками. Прекрасно понимал он и все трудности антибольшевицкой борьбы, начатой на окраине России, вдали от ее центров. В руках большевиков оказались подавляющее число военных складов, заводов, фабрик. Они контролировали все запасы военного снаряжения, боеприпасов, продовольствия, созданные в ходе Мировой войны. В этих условиях рассчитывать лишь на свои силы было невозможно. Нельзя было снабжать армию лишь трофеями, захваченными в боях. Отсутствие вооружения, боеприпасов, одежды, обуви, продовольствия не позволило бы расширить армию. Нужен был тыл. Помощь же, так необходимую для разворачивания армии, можно было получить только извне: либо от Германии, вторгшейся в пределы России, либо от стран Антанты, бывших союзниками в войне с той же Германией.

Учитывая все эти факторы, генерал Деникин избрал политику непредрешенчества в вопросе будущей формы правления в России и выступил за союз с государствами Согласия, продолжая считать Германию противником России. Новый Командующий считал необходимым дисциплинированное, твердое и неполитизированное руководство. Он отправился в Крестовый поход против большевизма с той же наивной честностью, что и его предшественник Корнилов, поставив себе единственную задачу военной победы, установив, что ни он и никто из

политиков не предопределит будущего устройства освобожденной России. До тех же пор власть должна принадлежать временной военной диктатуре, и даже обсуждение реформ должно быть отложено, чтобы уменьшить антагонизм внутри антибольшевицкого лагеря.

«Была сильная русская армия, которая умела умирать и побеждать, – говорил Деникин на собрании офицеров в Егорлыцкой. – *Но когда каждый солдат стал решать вопросы стратегии, войны и мира, монархии и республики, тогда армия развалилась. Теперь повторяется, по-видимому, то же. Наша единственная задача – борьба с большевиками и освобождение от них России. Но этим положением многие не удовлетворены. Требуют немедленного поднятия монархического флага. Для чего? Чтобы тотчас же разделиться на два лагеря и вступить в междуусобную борьбу? Чтобы те круги, которые теперь если и не помогают армии, то ей и не мешают, начали активную борьбу против нас?.. Да, наконец, какое право имеем мы, маленькая кучка людей, решать вопрос о судьбах страны без ее ведома, без ведома русского народа?*

Хорошо – монархический флаг. Но за этим последует, естественно, требование имени. И теперь уже политические группы называют десяток имен, в том числе кощунственно в отношении великой страны и великого народа произносится даже имя чужеземца – греческого принца. Что же, этот вопрос будем решать поротно или разделимся на партии и вступим в бой?

Армия не должна вмешиваться в политику. Единственный выход – вера в своих руководителей. Кто верит нам – пойдет с нами, кто не верит – оставит армию.

Что касается лично меня, я бороться за форму правления не буду. Я веду борьбу только за Россию. И будьте покойны – в тот день, когда я почувствую ясно, что биение пульса армии расходится с моим, я немедля оставлю свой пост, чтобы продолжать борьбу другими путями, которые сочту прямыми и честными».

«Непредрешенчество», взятое за основу политики Белого движения, было, наверное, донкихотством. Деникин, как и его ближайшее окружение, искренне верил, что народ оценит их честность и жертвенность, воздаст им должное в их борьбе за право народа решать политическое будущее страны. Непредрешенчество в форме правления влекло за собой и непредрешенчество в реформах, в том числе самой насущной – аграрной.

Антон Иванович Деникин – Царский генерал, в то же время был ярким представителем русской интеллигенции, органически не способным на демагогические обещания сделать то, что в

настоящее время сделать было невозможно. Он прекрасно понимал, что в условиях разгоревшейся гражданской войны невозможно было решить вопрос с землей одним декретом. Напротив, большевицкое правительство, также не верившее в скорое решение аграрного вопроса, тем не менее избрало тактику пустых обещаний. Не мог придти в голову Белым генералам и такой лозунг, как «Грабь награбленное», выдвинутый большевиками, чтобы удержаться у власти. А огромное крестьянское население России предпочло сладкую ложь – горькой правде вождей Белых армий…

Исповедуя непредрешенчество, Деникину и его соратникам оставалось надеяться лишь на военную победу. Тогда, в 1918 году, для этого были основания. Красная Армия, хотя и многочисленная, воевать не умела. В ней царила партизанщина, отсутствовала дисциплина, чрезвычайно слаб был командный состав. В Добровольческой Армии, наоборот, основу составляли жесткая дисциплина, единоначалие, сильные офицерские кадры, имевшие опыт командования в мировой войне.

С освобождением Новочеркасска от большевиков туда перебралась из Ростова и жена Антона Ивановича. Вскоре супруги встретились и решили больше не разлучаться ни при каких обстоятельствах. Ксения Васильевна, рассказывая о своей жизни в Ростове при большевиках, поведала уже известные Антону Ивановичу факты красного террора, но видя, как болезненно реагирует на эти рассказы муж, переменила тему.

События, развернувшиеся на Дону, и радовали, и настораживали. Казаки одумались, подняв восстание против Советов и избрав Атаманом генерала Краснова. Однако Краснов, исповедывавший идеи монархии и вернувший на Дону дореволюционные законы, в то же время проводил идею автономии края и заигрывал с немцами.

Антон Иванович добился встречи с Атаманом, которая состоялась 15 мая в станице Манычской. С первых минут совещания выявились противоречия. Генерал Краснов настаивал, чтобы Добровольческая Армия, оставив Кубань, двигалась на северо-восток в направлении к Царицыну. Деникин отстаивал план движения на юг, считая главнейшей задачу освобождения Задонья и Кубани, что обеспечивало возможность контролировать всю южную границу Донской Области и открывало пути к Черному морю: в случае победы союзников по Антанте это давало возможность установить с ними связь через Новороссийск. К тому же, двигаясь на север, Добровольческая Армия оставляла бы в своем тылу советские войска, насчитывавшие более 50 тысяч штыков и сабель.

Напомнил новому Атаману Деникин и о шести миллионах рублей, которые причитались Добровольцам еще по соглашению с генералом Калединым. Краснов на это заявил: «Хорошо. Дон даст средства, но тогда Добровольческая армия должна подчиниться мне». Потеряв терпение, Антон Иванович возразил резко: «Добровольческая армия не нанимается на службу. Она выполняет общегосударственную задачу и не может поэтому подчиняться местной власти, над которой довлеют областные интересы»… Создать единый с Донцами фронт тогда не удалось. В новый поход Добровольческая Армия выступила в одиночестве.

Накануне нового похода Деникин переформировал Армию. В ее состав стали входить: 1-я (генерал С. Л. Марков; в самом начале Второго Кубанского похода он погиб в бою и на его место стал генерал Б. И. Казанович), 2-я (генерал А. А. Боровский) и 3-я (полковник М. Г. Дроздовский) дивизии, 1-я конная дивизия (генерал И. Г. Эрдели), 1-я Кубанская казачья бригада и Пластунский батальон, – всего около 9 тысяч штыков и сабель, 3 бронеавтомобиля и 24 орудия. «Нас было мало, – вспоминал Антон Иванович. – Но за нами военное искусство… В армии – порыв, сознание правоты своего дела, уверенность в силе и надежда на будущее».

Целью новой кампании генерал Деникин ставил захват Екатеринодара. Ему принадлежит и разработка оперативного плана: 1. Обеспечить тыл со стороны Царицына и, следовательно, прервать железнодорожное сообщение Северного Кавказа с Центральной Россией. Это достигалось путем захвата узловой станции Торговой, а к северо-востоку от нее – станицы Великокняжеской. Передав затем царицынское направление Донцам, Деникин предполагал перейти к следующей задаче. 2. Круто сворачивая на юго-запад, двинуть Добровольческую Армию вдоль железнодорожных линий Царицын – Екатеринодар, Ростов – Владикавказ. 3. По овладении станцией Тихорецкой Армия должна была обеспечить свои фланги для удара на Екатеринодар, правым флангом опираясь на станцию Кущевка, а левым – на станцию Кавказская. 4. Фронтальный удар на Екатеринодар.

Первые удары Добровольцев обрушились на 30-тысячную группу советских войск И. Л. Сорокина, сбив и отбросив ее. Екатеринодар, в котором находились главные органы управления Северного Кавказа, оказался открытым для удара со стороны Тихорецкой. В спешке советское руководство начало стягивать подкрепления к Екатеринодару с Тамани.

После взятия Тихорецкой белое наступление продолжало развиваться. Главные силы направлялись на правый фланг с целью захватить станцию Кущевка и разбить там Сорокина. На

левый фланг, в направлении станции Кавказской, была двинута дивизия генерала Боровского. В направлении на Екатеринодар вел свою дивизию Дроздовский.

До Екатеринодара оставалось чуть более 18 верст. Однако в это время к красным стали подходить подкрепления, состоявшие из более стойких и еще не деморализованных частей. Эти части, силою в 7 тысяч штыков и 1 600 сабель при 7 орудиях, не только задержали Добровольцев, но и начали теснить их к северу. Одновременно оправившиеся части Сорокина перешли в контрнаступление. Для Добровольческой Армии создавалось тяжелое положение. Затянулись ожесточенные бои, длившиеся десять дней. Белые, несмотря на то что значительно уступали в численности, показали удивительную стойкость, выдержали первые удары большевиков, после чего сами перешли в атаку. Красные дрогнули, не выдержали хладнокровных атак Добровольцев и покатились назад. 3 августа Добровольческая Армия вступила в Екатеринодар.

Взятие Екатеринодара, впрочем, не разрешало общей стратегической задачи. Антон Иванович это прекрасно понимал. Часть Кубани по-прежнему была под властью большевиков. Для того, чтобы закрепиться на Северном Кавказе, необходимо было выйти на надежные естественные рубежи: Черное и Каспийское моря и Кавказский хребет. Черное море открывало возможность связи с союзниками, Каспийское – давало надежду наладить сообщение с Белым движением в Поволжьи и Сибири.

Однако для решения новых стратегических задач сил было явно недостаточно. Проведенная мобилизация, поступление новых добровольцев и включение в состав Армии пленных красноармейцев позволили создать ряд новых частей и соединений. К сентябрю численность Добровольческой Армии возросла до 35–40 тысяч (по разным оценкам) штыков и сабель при 86 орудиях, 8 бронеавтомобилях, 5 бронепоездах и 6 самолетах. Изменились и масштабы и характер деятельности ее Командующего. «…В течение пяти месяцев я имел возможность вести армию лично, непосредственно, имея с ней полное и постоянное общение. Теперь открывалась более широкая стратегическая работа начальника, и вместе с тем суживалась сфера непосредственного моего влияния на войска. Раньше я вел армию, теперь я командовал ею», – писал Деникин.

К середине сентября удалось освободить от большевиков западную часть Кубанской Области и Ставрополь, занять Новороссийск и утвердиться на побережьи Черного моря. Но у красных оставались крупные силы, сведенные в пять колонн, кавалерийский корпус и особую ставропольскую группу, общей

численностью до 150 тысяч штыков и сабель при 200 орудиях разного калибра.

Советский Главнокомандующий Сорокин считал необходимым овладеть Ставрополем и его районом и тем самым закрепиться в восточной части Северного Кавказа. Ожесточенные и кровопролитные бои под Ставрополем завершились поражением большевиков: в результате осенней кампании 1918 года их главные силы были прижаты к пустынной степи, которой суждено было стать могилой многих тысяч их бойцов. Кубанская Область была окончательно освобождена от большевиков, началось освобождение Терека.

* * *

Во время Второго Кубанского похода Антон Иванович чутьем талантливого военачальника понял значение сильных кавалерийских групп в условиях гражданской войны, где первостепенное значение приобретал маневр и подвижность войск. Поставив целью создать мощную конницу, генерал Деникин искал человека, которому можно было бы доверить это дело. Задача была сложной, если учесть, что в период мировой войны значение конницы резко упало. К осени 1918 года в Добровольческой Армии из видных кавалерийских начальников был, пожалуй, лишь генерал барон П. Н. Врангель, впервые встретившийся с Деникиным – Командующим Армией – в Екатеринодаре и получивший назначение командующим 1-й конной дивизией, а затем конным корпусом.

Пройдет немного времени, и генерал Врангель станет к Деникину в открытую оппозицию и будет иметь в этой борьбе свои преимущества. На этой войне фигура Главнокомандующего[34] была слишком заметной. Часто первостепенное значение имели не титаническая работа полководца или устроителя освобожденной от большевиков Земли Русской, а популярность в войсках, где подчас играла роль даже внешность человека.

Врангель как никто умел подчеркнуть свои незаурядные качества военачальника, быть всегда на виду, в то время как генералы Деникин и Романовский с увеличением численности армии начинали терять популярность. Колоссальная загруженность работой не позволяла Антону Ивановичу часто показываться на фронте, в войсках. Любые ошибки, неудачи связывались прежде всего с его именем и именем его бессменного начальника Штаба Романовского. Мешали обоим и их излишняя

скромность, – так, последний Протопресвитер Русской Армии отец Георгий Шавельский вспоминал: «Сам Деникин летом 1919 года (то есть значительно позже, в период наибольших успехов Белой Армии. – *Ю. Т.*) ходил в теплой черкеске. Когда его спросили, почему он это делает, он ответил – штаны последние изорвались, а летняя рубаха не может прикрыть их»…

Армия же укреплялась. С окончанием Первой мировой войны у бывших союзников России появилась возможность поддержать белых, и, хотя Антанта очень быстро забыла, кому она была обязана своей победой, ее память относительно денежных долгов России оказалась цепкой. Опасения потерять свои вложения заставили Англию и Францию сделать ставку на Белое движение. Впрочем, часто помощь их оказывалась скорее символической…

В то же время обстановка продолжала оставаться серьезной. Объединение в составе Вооруженных Сил Юга России Добровольческой Армии, Кубанцев и Терцев с Донскими казачьими частями хотя и увеличило силы, все же не позволяло вести боевые операции с неизменным напряжением. За ударом на одном участке фронта следовал перерыв, вызываемый необходимостью произвести перегруппировку для нового удара. Талант военачальника Деникина в том и заключался, что, имея незначительные силы, он умело концентрировал их в нужном месте, создавая кулак и нанося Красной Армии сокрушительные удары. Так произошло в январе – феврале 1919 года, когда были поодиночке разбиты большевицкие группировки на Северном Кавказе. К середине февраля главные силы красного Кавказско-Каспийского фронта перестали существовать как организованное целое. Троцкий признавал, что «разбухшая армия, скорее орда, чем армия, столкнулась с правильно организованными деникинскими войсками и в течение нескольких недель рассыпалась в прах».

Одним из первых Троцкий понял и значение преимуществ белых, создавших сильные конные соединения, действия которых во многом позволили весной 1919 года вырвать инициативу из рук советского командования. В начале марта северный фронт Деникина растянулся более чем на 800 верст. Против 45 тысяч белогвардейцев большевики сосредоточили пять армий общей численностью 140–150 тысяч штыков и сабель. Тройной перевес сил создавал чрезвычайно серьезное положение, и спасла деникинскую армию сильная кавалерия, способствовавшая выполнению быстрых маневров.

Кубанская конница Шкуро совершила рейд в тыл противника и обусловила крушение его фронта в Донецком бассейне. В конце апреля под личным руководством Антона Ивановича была

проведена сложная операция на Маныче, где X-я армия красных угрожала тылу и военным сообщениям Добровольцев. Конные части генерала С. Г. Улагая разбили советскую Степную группу и конницу Б. М. Думенко, а генерал Врангель во главе казачьих соединений нанес решительное поражение большевикам в районе станицы Великокняжеской. Все эти успехи базировались на наличии и маневре крупных конных соединений.

В мае 1919 года для Вооруженных Сил Юга России создались условия для перехода в решительное наступление. На очереди были задачи: 1) окончательного вытеснения красных из Донецкого бассейна; 2) освобождения территории Донской Области, оказания помощи повстанцам Верхне-Донских станиц и соединения с ними; 3) овладения Царицыном для обеспечения правого фланга, а в перспективе – установления связи с войсками Верховного Правителя адмирала Колчака. Во второй половине июня эти задачи были выполнены. Учитывая политическую и стратегическую обстановку, Деникин вынес на обсуждение военного совета два варианта плана военных действий:

1) Перейдя к обороне у Царицына, взять из состава Кавказской Армии три-четыре конные дивизии и перебросить их на харьковский участок фронта, чтобы силами последнего ударить по кратчайшему направлению на Москву.

2) Напротив, обороняясь на харьковско-московском направлении, развивать операции от Царицына на Саратов с целью занятия этого важного пункта и затем с юго-востока перейти в наступление на Москву.

Неожиданно свой план действий предложил командующий Донской Армией генерал В. И. Сидорин, ратовавший за то, чтобы пока отложить наступление до окончательного закрепления тыла, жертвуя при этом даже Харьковом. Барон Врангель высказался за второй вариант наступления. Но в конечном счете был принят первый вариант, сторонником которого был сам Главнокомандующий. 20 июня 1919 года генерал Деникин отдал приказ о походе на Москву.

Менее чем за четыре месяца были освобождены громадные пространства Малороссии и Новороссии, заняты Одесса, Киев, Курск, Орел. Добровольческая Армия, имея главной ударной силой корпус генерала А. П. Кутепова, рвалась на Москву. Но командование Красной Армии, перегруппировав на этом направлении силы и сформировав крупные конные соединения, поготовило мощный контрудар. После поражения в начале ноября под Орлом и Кромами отступление Вооруженных Сил Юга России развивалось гораздо быстрее, чем их летнее продвижение к своей заветной цели – Москве.

Главнокомандующий делал самые отчаянные попытки остановить большевиков сначала на рубеже Дона, а затем – Кубани, но все его усилия оказались напрасными. К началу 1920 года Красная Армия была в Ростове и Новочеркасске, а уже в середине марта разразилась «новороссийская катастрофа»…

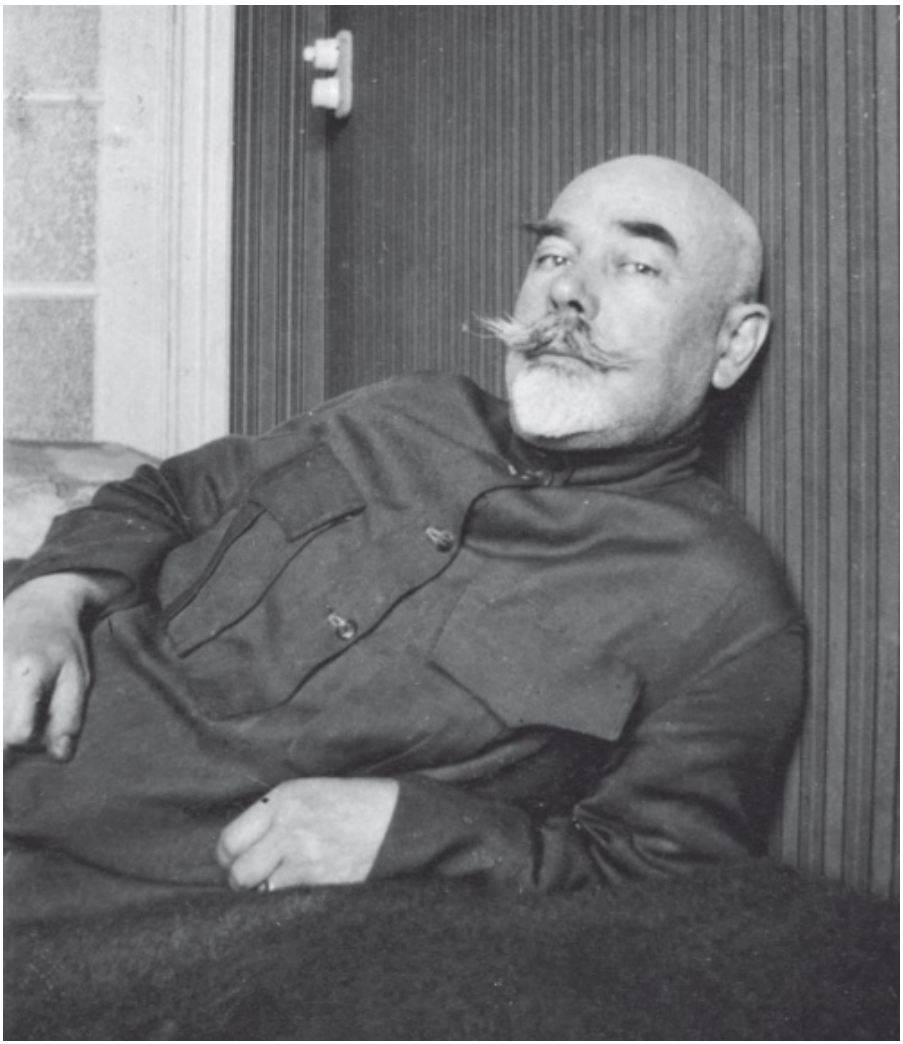
Трагические сцены, разыгравшиеся во время эвакуации Новороссийска, откуда остатки войск перевозились на Крымский полуостров, еще удерживаемый генералом Я. А. Слащовым, потрясли Деникина. «Много звериного чувства, – вспоминал Антон Иванович, – вылилось наружу перед лицом нависшей опасности, когда обнаженные страсти заглушали совесть и человек человеку становился лютым ворогом». Одним из последних Деникин вместе с начальником Штаба Романовским взошел на борт миноносца «Капитан Сакен», взявшего курс на Севастополь. В Крыму, куда удалось переправить около 40 тысяч бойцов, Главнокомандующий отчетливо понял, что Армия ему больше не верит. Боевой генерал, прекрасно знавший психологию солдата, он ясно осознавал, что́ значит для войск популярность военачальника.

«Три года российской смуты я вел борьбу, отдавая ей все свои силы и неся власть, как тяжкий крест, ниспосланный судьбою. Бог не благословил успехом войск, мною предводимых. И хотя вера в жизнеспособность Армии и в ее историческое призвание мною не потеряна, но внутренняя связь между вождем и Армией порвана. Я не в силах более вести ее…» – писал Антон Иванович генералу А. М. Драгомирову, назначенному им председателем Военного Совета для избрания преемника на посту Главнокомандующего. Вечером 22 марта 1920 года Деникин на борту английского миноносца навсегда покидал Россию. Корабль держал курс на Константинополь, где в русском посольстве Антона Ивановича ждала его семья – жена Ксения и родившаяся в 1919 году дочь Марина.

* * *

Первоначальным местом эмиграции стала Англия, но ненадолго. Уже в августе 1920 года семья Деникиных перебралась в Брюссель, а еще через год – в Венгрию. Началась работа над мемуарами, которые, по собственному признанию их автора, стали «самым важным делом эмигрантского житья». Шесть лет длилась работа над пятью томами «Очерков Русской Смуты», в которых Деникину удалось создать широкое полотно истории революции и Гражданской войны, а самое главное – показать

место в них Русской Армии. В 1928 году Антон Иванович издал книгу «Офицеры» – сборник рассказов о судьбах подвижников и мучеников Смуты и войны – и приступил к написанию книги «Старая армия». На страницах парижских газет «Последние Новости» и «Возрождение» появлялись его статьи, в виде брошюр стали выходить лекции, прочитанные перед эмигрантской аудиторией в Чехословакии и Югославии.



Генерал А. И. Деникин в домашней обстановке. Париж, 1930-е гг

В Париже, куда Деникины переехали весной 1926 года, генерал сразу же оказался в центре эмигрантских политических противоборств. С нарастающей обеспокоенностью следил бывший Главнокомандующий и за развитием событий в Германии, где к

власти на волне реваншизма пришел Гитлер.

«Неужели мне придется пережить четвертую войну?» – задавал себе вопрос Антон Иванович. Он, кстати, был одним из немногих, кто достаточно ясно осознавал всю опасность национал-социализма для Европы и России. Уже в 1935 году в лекции «Международные события и русская проблема» бывший генерал предположил, что в грядущей войне снова главным будет Восточный фронт. В одном из своих публичных выступлений Деникин заявил: «Красная армия в какой-то степени является русской национальной силой, и всякое сношение с иностранцами на предмет борьбы против большевиков – есть измена Родине». Многие эмигранты после такого заявления отвернулись от Антона Ивановича, так до конца и не поняв, что имел в виду генерал.

«Четвертая война» действительно разразилась. С оккупацией Парижа немецкими войсками Деникины перебрались на юг Франции в местечко Мимизан близ Бордо. Здесь семидесятилетнему Деникину оккупанты предложили переехать в Берлин, чтобы там продолжить начатую им работу над автобиографической книгой «Моя жизнь». Антон Иванович отказался. Он тяжело переживал поражения Красной Армии и радовался известиям о ее победах. Но когда после Сталинградской битвы у многих эмигрантов возникла мысль, что Россия возвращается к политической структуре, существовавшей до 1917 года, а Красная Армия надела погоны, – Деникин выступил с разоблачениями подобных настроений, указывая на то, что «положение внутри страны не изменилось и что до тех пор, пока важнейшие свободы не будут восстановлены, до тех пор, пока трудящиеся находятся в порабощении и продолжается кровавая диктатура НКВД, мы должны сохранять верность идеям, провозглашенным основателями Добровольческой армии, и продолжать наш путь в эмиграции, каким бы тяжелым он ни был». Деникин не изменял своим принципам…

С окончанием войны Антон Иванович вместе с женой возвратился в Париж, но через полгода, опасаясь депортации в Советский Союз, вынужден был переехать в США. В Америке он заключил договор с издательством «Э. Даттон» о публикации книги «Моя жизнь» и новой работы – «Вторая мировая война, Россия и эмиграция». Но силы покидали старого генерала, усиливались сердечные приступы. Лето 1947 года Деникины решили провести у друзей-эмигрантов, живших на берегу озера Мичиган, неподалеку от границы с Канадой. Там после очередного сердечного приступа Антона Ивановича уговорили лечь в университетскую клинику города Энн-Арбор, где 7 августа 1947 года он скончался.

«Вот не увижу, как Россия спасется!» – это были последние слова генерала Деникина.

Между рождением в Польше и смертью в Америке прошло три четверти века. Была борьба, были Россия, русский народ и Русская Армия – понятия, которые всегда оставались для него святыми.

Ю. А. Трамбицкий

Адмирал А. В. Колчак

Александр Васильевич Колчак родился 4 ноября 1874 года[35] в Санкт-Петербурге. Род Колчаков известен в России с первой половины XVIII века. Далекий предок Александра Васильевича – боснийский серб, принявший мусульманство, Колчак-паша,

служил комендантом турецкой крепости Хотин и был взят в плен русскими войсками 19 августа 1739 года, после чего жил в Санкт-Петербурге. Отец будущего адмирала, Василий Иванович Колчак, был потомственным дворянином и профессиональным военным. В 1854 году он окончил Ришельевский лицей в Одессе, принял участие в Крымской войне, был в плену. С 1863 по 1899 год он заведовал одной из мастерских Обуховского завода и вышел в отставку в 1889 году в чине генерал-майора. Мать А. В. Колчака, Ольга Ильинична (урожденная Посохова), происходила из дворян Херсонской губернии. Всю свою жизнь отец будущего адмирала служил России и никогда не думал о погоне за материальными благами, о чем красноречиво говорят строки из послужного списка (1894 год): «Ни за ним, ни за родителями… недвижимого имущества, родового или благоприобретенного, не имеется».

Начальное образование Александр Колчак получил дома, затем обучался в 6-й Петербургской классической гимназии, а с 1888 года – в Морском училище (с 1891 года – Морской кадетский корпус), окончив его в 1894 году вторым по списку с премией адмирала Рикорда. 15 сентября 1894 года был произведен в чин мичмана, затем несколько лет совершенствовался в штурманском деле и 6 августа 1895 года был назначен на броненосный крейсер «Рюрик», отправлявшийся из Кронштадта на Дальний Восток. Уже тогда проявились склонности Александра Васильевича к научным исследованиям – он начал заниматься океанографией и гидрологией. С 1896 по 1899 год Колчак служил на крейсере 2-го ранга «Крейсер» в должности вахтенного начальника, а 6 декабря 1898 года был произведен в лейтенанты. По возвращении в Петербург он попытался принять участие в экспедиции С. О. Макарова на ледоколе «Ермак», но сделать этого ему не удалось «по служебным обстоятельствам» – личный состав экспедиции был к тому времени полностью укомплектован. В сентябре 1899 года Колчак был назначен вахтенным начальником на броненосец «Полтава», но уже через две недели был переведен на ту же должность на броненосец «Петропавловск», которому предстоял переход на Дальний Восток. Однако по пути, в Пирее, Колчак получает приглашение принять участие в северной полярной экспедиции Академии Наук в качестве гидролога.

Естественно, приглашение не было случайным – сказались его научные контакты с адмиралом С. О. Макаровым и организатором экспедиции бароном Э. В. Толлем, обратившим внимание на опубликованные труды Александра Васильевича по океанографии. В январе 1900 года лейтенант Колчак на торговом пароходе прибыл в Санкт-Петербург и 21 января был официально

назначен в состав экспедиции. Помимо обязанностей гидролога, он должен был исполнять и обязанности помощника магнитолога. В течение трех месяцев Александр Васильевич осваивал тонкости этих специальностей, сначала в Главной физической обсерватории в Санкт-Петербурге, а затем – в Пулковской магнитной обсерватории. Побывал А. В. Колчак и в Норвегии, где работал у знаменитого полярного исследователя Ф. Нансена.

В задачи Русской полярной экспедиции входили исследование Новосибирских островов, проход (второй раз в истории мореплавания) Северным Морским путем и поиск легендарной «земли Санникова». Экспедиция на судне «Заря» проходила с июня 1900 по октябрь 1902 года и принесла весьма значительные результаты: были исследованы полуостров Таймыр, Новосибирские острова, остров Котельный. Колчак проводил исследования полярных льдов, открыл ряд географических пунктов. Два из них – островок в Карском море и южный мыс на полуострове Чернышева (остров Беннета) он назвал именем своей невесты Софии Омировой, причем названия эти сохранены до сих пор. Один из островов в Таймырском заливе барон Толль окрестил в честь самого Колчака. Работы экспедиции были связаны с немалыми трудностями, во время двух зимовок ее участникам пришлось перенести многочисленные лишения. Общие обязанности, от которых зависела жизнь каждого члена экспедиции, выполняли все – от начальника и офицеров до последнего матроса и погонщика-каюра. В начале июня 1902 года барон Э. В. Толль вместе с тремя своими спутниками отправился на остров Беннета с целью изучить его геологическое строение. К оговоренному крайнему сроку они не вернулись, и «Заря» пришла в бухту Тикси без них.

Академия Наук решила организовать экспедицию по поиску барона Толля и его спутников. Первоначально к острову Беннета планировали послать ледокол «Ермак», но от этой идеи отказались, решив организовать санно-шлюпочную экспедицию. Возглавил ее сам автор этого проекта – лейтенант Колчак. Поисковая экспедиция проходила с 5 мая по 7 декабря 1903 года. В ее составе было 17 человек на 12 нартах, запряженных 160 собаками. Путь их до острова Беннета занял три месяца, и практически каждый метр этого пути был связан с риском для жизни. Постоянно шли обильные снегопады, вельбот приходилось часто стаскивать с мелей, причем были неизбежны «купания» в ледяной воде. 4 августа, добравшись до острова Беннета, члены экспедиции обнаружили там предметы и записку, оставленные бароном Толлем. Из записки следовало, что Толль и его спутники

еще 8 ноября 1902 года ушли на юг, имея запасов провизии лишь на две-три недели. Это означало для них одно – смерть… Обратная дорога Колчака была не менее трудной, но моряки выдержали все испытания и 7 декабря благополучно прибыли в Казачье (конечный пункт экспедиции). За этот подвиг Колчак получил орден Святого Владимира IV-й степени, а позже, в январе 1906 года, Русское Географическое Общество наградило его высшей наградой – большой золотой Константиновской медалью. Арктические экспедиции принесли молодому офицеру славу (неофициально его часто называли «Колчак-Полярный») и авторитет в области гидрографии. По материалам экспедиций он выпустил монографию «Льды Карского и Сибирского морей», быстро переведенную на другие языки.

А. В. Колчак на зимовке у полуострова Таймыр. 1900–1901

…Еще в 1899 году Александр Васильевич познакомился со своей будущей невестой – Софией Федоровной Омировой, чье

имя было им увековечено на географической карте. С. Ф. Омирова была родом из Каменец-Подольска, родилась в дворянской семье. Молодые люди нежно любили друг друга (об этом свидетельствуют письма Колчака к Омировой, отправляемые с Севера), но обвенчаться смогли лишь 6 марта 1904 года в Иркутске, после возвращения Колчака из полярной экспедиции. И уже через несколько дней молодоженам пришлось разъехаться в разные стороны – Колчак должен был следовать в Порт-Артур, в 1-ю Тихоокеанскую эскадру. Начиналась Русско-Японская война… [36]

* * *

По прибытии в Порт-Артур в середине марта Колчак попросил у командующего 1-й Тихоокеанской эскадрой вице-адмирала С. О. Макарова о назначении командиром миноносца, но Макаров определил его вахтенным начальником на крейсер «Аскольд», на котором он сам отдыхал и ночевал после каждого многотрудного дня, проведенного на броненосце «Петропавловск». Этим назначением командующий хотел предоставить лейтенанту возможность отдыха после полярной экспедиции и приблизить его к себе, чтобы познакомиться получше. Но уже 31 марта «Петропавловск» подорвался на японской мине, и Макаров погиб. А. В. Колчак 17 апреля был переведен на минный заградитель «Амур», а еще через четыре дня вступил в командование миноносцем «Сердитый». В июне он заболел воспалением легких и несколько месяцев пролежал в госпитале, а по выздоровлении до 2 ноября продолжал командовать миноносцем. После неудачной попытки прорыва русской эскадры из Порт-Артура 28 июля, в которой, впрочем, «Сердитый» не участвовал, корабли фактически оказались запертыми в гавани. Но и в этих условиях они продолжали причинять японцам ущерб. В частности, миноносец «Сердитый» участвовал в минных постановках, и на одной из «его» минных банок в ночь на 30 ноября подорвался, затонув на другой день, японский бронепалубный крейсер «Такасаго». За действия против неприятеля Колчак был награжден орденом Святой Анны IV-й степени с надписью «За храбрость». 2 ноября лейтенант перешел на сухопутный фронт, получив в командование батарею 47-мм и 120-мм орудий на северо-восточном участке обороны крепости.

20 декабря Порт-Артур был сдан неприятелю. У Александра Васильевича, который еще раньше был легко ранен, вдобавок обострился ревматизм – тяжелое последствие полярных экспедиций, и поэтому он был оставлен в порт-артурском

госпитале на положении военнопленного. Оттуда вместе с другими пленными молодой офицер был отправлен в Дальний, а затем – в Нагасаки. В конце апреля 1905 года, отказавшись от предложения японского правительства безвозмездно воспользоваться лечебными учреждениями, Колчак вместе с группой морских офицеров вернулся в Петербург. После возвращения из плена его уволили в шестимесячный отпуск для лечения. А 12 декабря за отличия при обороне Порт-Артура он был награжден Золотой саблей с надписью «За храбрость» и орденом Святого Станислава II-й степени с мечами.

После окончания отпуска лейтенант Колчак был прикомандирован к Академии Наук для завершения обработки результатов Русской полярной экспедиции 1900–1903 годов. Именно тогда он пишет упомянутую выше монографию по гляциологии, выступает с докладами, становится членом Российского Географического Общества. В этот же период он подготовил к печати карты Ледовитого океана.

Сокрушительное морское поражение в Русско-Японской войне выдвинуло на повестку дня восстановление флота. Причем восстанавливать и реформировать его необходимо было с учетом всех ошибок, накопленного опыта, изменившейся ситуации. Это осознавали многие видные военные и политические деятели того времени; осознавал это и лейтенант Колчак. В январе 1906 года он вместе с группой молодых морских офицеров организовал Петербургский военно-морской кружок, став его председателем. По инициативе этого кружка был создан Морской Генеральный Штаб – орган оперативного руководства флотом, и с 1 мая Колчак был к нему прикомандирован. 23 июня Александр Васильевич был зачислен в штат по отделению русской статистики и в течение 1906–1908 годов активно работал над возрождением флота. Он принимал участие в изучении военно-политической обстановки, причем офицеры Морского Генерального Штаба еще в 1906 году предсказали основной ход будущей войны, которую потом назовут Великой или Первой мировой. Колчак принимал участие в разработке судостроительных программ, нередко выступал в Государственной Думе, отстаивая позиции России и Флота. В декабре 1907 года на очередном заседании Петербургского военно-морского кружка произведенный к тому времени в капитан-лейтенанты Колчак выступил с докладом «Какой нужен России флот», отстаивая необходимость постройки прежде всего линейных кораблей. После этого доклада его имя стало еще более популярным в морских офицерских кругах. 13 апреля 1908 года Колчак был произведен в капитаны 2-го ранга и назначен на должность заведующего одним из ведущих отделов

Морского Генштаба – отдела Балтийского театра. Но вскоре из-за разногласий с новым морским министром С. А. Воеводским Колчак вынужден был оставить Генеральный Штаб.

Несколько месяцев он читает лекции в Николаевской Морской Академии, а затем при содействии начальника Главного Гидрографического Управления А. И. Вилькицкого решает продолжить полярные исследования, приняв участие в готовящейся экспедиции по исследованию Северного Морского пути на ледокольных транспортах «Таймыр» и «Вайгач». Он был назначен командиром «Вайгача» и наблюдал за постройкой судна; в октябре корабли ушли на Дальний Восток через Индийский океан. 3 июля 1910 года они прибыли во Владивосток и до конца навигации совершили плавание к Берингову проливу и в Чукотское море, проведя комплекс научных исследований. В следующую навигацию «Таймыр» и «Вайгач» должны были пройти Северным Морским путем. Эта экспедиция состоялась, и во время нее было совершено крупнейшее географическое открытие XX века – открыта Земля Императора Николая II (впоследствии переименована большевиками в Северную), но Колчаку участвовать в этом уже не удалось: в конце 1910 года его вызвали в Петербург.

В столице Колчак занял ту же должность, что и перед своим отъездом – заведующего отделом Балтийского театра. Занимался он деталями судостроительной программы, разработкой нового типа кораблей, подготовкой флота в целом к будущей войне.

В 1912 году командующий Балтийским флотом, выдающийся моряк, адмирал Н. О. Эссен (Колчак знал его еще по Порт-Артуру) рекомендовал ему перейти в действующий флот. Сам Колчак рассказывал в 1920 году: «Меня самого очень тяготило пребывание на берегу, я чувствовал себя усталым, и мне хотелось отдохнуть в обычной строевой службе, где все же было легче». В 1912 году Колчак становится командиром эсминца «Уссуриец», год спустя получает чин капитана 1-го ранга, и Эссен назначает его флаг-капитаном (начальником оперативной части) Штаба Балтийского флота и одновременно командиром эсминца «Пограничник» – посыльного судна адмирала. В начале 1914 года Александр Васильевич занял должность флаг-капитана, на которой его и застала Великая война.

Естественно, что любая война – это трагедия. Но для Колчака как для военного моряка высочайшего класса это была и возможность проверки в действии всего того, над чем он так усиленно работал в мирное время. Именно поэтому, по его словам, «начало войны было одним из самых счастливых и лучших дней моей жизни».

* * *

Активных действий – крупных морских сражений между линкорами и крейсерами – на Балтике не велось: германский флот, основное внимание которого было сосредоточено на английских кораблях в Немецком море, здесь ограничивался лишь пассивным наблюдением. Зато именно на Балтийском театре русские моряки проявили себя как лучшие в мире минеры. Минные постановки начались еще за день до официального объявления войны, и активное участие в планировании и проведении этих сложнейших операций принимал Колчак. В начале сентября 1915 года он был назначен исполняющим обязанности командующего Минной дивизией Балтийского флота, а с декабря вступил в эту должность на постоянном основании, будучи одновременно командующим морскими силами Рижского залива.

Во многих операциях Балтийского флота Колчак участвовал лично. Так, еще в феврале 1915 года при его участии силами четырех эсминцев в чрезвычайно тяжелых условиях было поставлено минное заграждение в Данцигской бухте.

Осенью 1915 года тяжелое положение сложилось на правом фланге XII-й армии, особенно в районе мыса Рагоцен, где находился 20-й драгунский Финляндский полк и две ополченские дружины под командованием князя Меликова. В их распоряжении была лишь одна старая трехдюймовая батарея и две шестидюймовые пушки Канэ с очень скудным запасом снарядов. Получив по телефону просьбу о помощи, Колчак сразу же, несмотря на неблагоприятные погодные условия и сложность навигационной обстановки в Моонзунде и Рижском заливе, принял решение о немедленном выходе кораблей в море. На поддержку вышли линкор «Слава», 9-й дивизион эсминцев и две канонерские лодки. Корабли подошли к мысу Рагоцен, и уже через три минуты после открытия ими огня князь Меликов сообщал по телефону: «Стрельба блестяща, все бежит… дороги залиты кровью». А еще через некоторое время с берега передали, что все назначенные для наступления рубежи заняты без выстрела.

В ночь с 8 на 9 октября был высажен десант у мыса Домеснес, оказавший, впрочем, главным образом моральное воздействие на противника. Долгое время биографы Колчака считали, что он был награжден орденом Святого Георгия IV-й степени именно за организацию этого десанта, однако, по свидетельству старшего лейтенанта Н. Г. Фомина, служившего в 1915–1916 годах в должности старшего флаг-офицера Штаба начальника Минной

дивизии, все обстояло несколько иначе. Высочайшее повеление о награждении Колчака было передано по телефону. Оно гласило: «Мне было приятно узнать из донесений командарма 12[37] о блестящей поддержке, оказанной армии кораблями под Вашим командованием, приведшей к победе наших войск и захвату важных позиций неприятеля. Я давно был осведомлен о доблестной Вашей службе и многих подвигах. Применительно к статье 36 Георгиевского статута (статья о награждении артиллеристов, которые, находясь под сильным огнем наступающего неприятеля, заставят замолчать его артиллерию и будут способствовать переходу наших войск в наступление. – *Н. К.*), награждаю вас Св. Георгием 4-й степени. *Николай*. Представьте достойных к награде». Как писал тот же Фомин, «ночью, когда Александр Васильевич заснул, мы взяли его тужурку и пальто и нашили ему Георгиевские ленточки, а утром прибыл из Ревеля миноносец Службы связи, с которым “всеведущий” Непенин (начальник службы связи Балтийского флота. – *Н. К.*) прислал Колчаку снятый с себя свой Георгий».

В 1915 году Колчак был также удостоен ордена Святого Владимира III-й степени с мечами и подарка из Кабинета Его Императорского Величества, а 10 апреля 1916-го он был произведен в контр-адмиралы. Из операций 1916 года можно отметить набег на Норчепингскую бухту 13 июня, когда в результате атаки Отряда особого назначения в составе крейсеров «Рюрик», «Олег» и «Богатырь» и одиннадцати эсминцев был рассеян немецкий конвой, состоявший из 12–14 транспортов, и потоплен вспомогательный крейсер «Герман». 28 июня, неожиданно для себя, Александр Васильевич Колчак был произведен в вице-адмиралы и назначен командующим Черноморским флотом, заменив на этом посту адмирала А. А. Эбергарда. Случай, когда контр-адмирал с выслугой в два с половиной месяца был произведен в следующий чин, стал уникальным в истории Русского Флота и лишний раз показал, насколько выдающимся офицером был А. В. Колчак.

После получения нового назначения Колчак через Петроград проехал в Могилев, где находилась Ставка Верховного Главнокомандующего. Адмирал совещался с Начальником Штаба Верховного, генералом М. В. Алексеевым, и самим Верховным Главнокомандующим – Государем Императором Николаем II – о планах войны, роли в ней Черноморского флота, подготовке операции по захвату Босфорского пролива.

В ночь с 6 на 7 июля Александр Васильевич вступил в командование флотом. Уже на рассвете следующего дня, подняв свой флаг на линкоре «Императрица Мария», он вышел в море на

перехват германо-турецкого крейсера «Бреслау». Встретив «Бреслау», Колчак вступил с ним в бой и преследовал его до самого Босфора. Это был последний рейд вражеских кораблей на Черном море. Дальнейшая морская война свелась, как и на Балтике, преимущественно к минным постановкам. Во вражеских водах было выставлено более 2 000 мин, на которых подорвался ряд турецких кораблей, а остальной флот противника был блокирован и лишен возможности морских перевозок. Единственной крупной потерей с русской стороны была гибель, при невыясненных до сих пор до конца обстоятельствах, линейного корабля «Императрица Мария», взорвавшегося 7 октября на Севастопольском рейде.

На лето 1917 года намечалась десантная операция, целью которой был захват Босфора и Дарданелл и разрешение ключевой для России геополитической «проблемы проливов». Но этому помешал Февральский переворот и последовавшие за ним события.

* * *

Известие о событиях в столице вице-адмирал Колчак получил в Батуме, во время совещания с Главнокомандующим Кавказским фронтом, Великим Князем Николаем Николаевичем. 2 марта Колчак издал приказ по Черноморскому флоту, который призывал всех чинов флота сохранять спокойствие и выполнять свой долг перед Государем Императором и Родиной. Александр Васильевич не стал посылать Государю телеграмму с предложением отречься от престола, как это сделали Великий Князь Николай Николаевич, остальные Главнокомандующие фронтами и адмирал А. И. Непенин. Однако позже Колчак поставил генерала Алексеева в известность, что предложение командующих фронтами принял безоговорочно. Говоря о своих политических взглядах, адмирал признавал впоследствии, что он «относился к монархии как к существующему факту, не критикуя и не вдаваясь в вопросы по существу об изменениях строя». Главным для него было – приносить пользу России, находясь на своем посту. Именно поэтому во Временном Правительстве Колчак первоначально увидел силу, способную спасти страну от падения в пропасть. В 1920 году на допросе в Иркутске он сказал: «… После совершившегося переворота [я] стал на точку зрения, на которой я стоял всегда, что я, в конце концов, служил не той или иной форме правительства, а служу Родине своей, которую ставлю превыше всего».

Вице-адмирал А. В. Колчак – Командующий Черноморским флотом

В апреле А. В. Колчак побывал в Петрограде, где выступил с докладом об оперативной и политической обстановке на Черном море перед председателем Совета министров князем Г. Е. Львовым и приезжавшим в столицу генералом Алексеевым, встречался с военным и морским министром А. И. Гучковым и другими политическими деятелями. Стал он и свидетелем принятия «Декларации прав солдата» – документа, способствовавшего деморализации армии. Поездка дала Колчаку возможность ознакомиться с общей обстановкой в стране и расстановкой политических сил, и по возвращении в Севастополь он 25 апреля выступил с речью перед Офицерским союзом Черноморского флота и собранием делегатов армии, флота и рабочих, стараясь убедить аудиторию, в первую очередь моряков, в невозможности немедленного прекращения войны и необходимости сохранить вооруженные силы – тем более что на

фронте к этому времени уже активно шло «братание» с немцами, а по Кронштадту прокатились волной убийства офицеров. До начала июня Черноморский флот, несмотря на активные действия большевицких агитаторов и многочисленные митинги, сохранял боеспособность. Происходило это во многом благодаря личному авторитету адмирала, его влиянию на матросские массы. Немалую поддержку оказывал ему и капитан 1-го ранга М. И. Смирнов – начальник Штаба флота, знавший Колчака еще со времен обучения в Морском корпусе (он учился в младшей роте), а впоследствии прошедший с ним всю эпопею Белого движения в Сибири в должностях управляющего морским министерством и командующего Речной боевой флотилией. Но после того, как 6 июня Севастопольский Совдеп вынес постановление об отрешении от должностей Колчака и Смирнова и разоружении офицеров, Александр Васильевич счел для себя невозможным дальше командовать флотом.

Когда же матросы попытались отобрать его Золотое оружие – саблю, полученную за отличия в Русско-Японской войне, – Колчак совершил поступок, вошедший в легенду. По рассказу одного из очевидцев, он собрал команду своего флагманского корабля – линкора «Георгий Победоносец» – и произнес речь, в которой заявил, что подчиняется решению о сдаче оружия, но считает нужным сообщить, что даже японцы в Порт-Артуре не взяли его заслуженную в боях Георгиевскую саблю. С этими словами адмирал снял свое оружие и бросил его в море. Однако красивая легенда обрастает массой домыслов, например о том, что адмирал якобы переломил саблю через колено или что позже она была выловлена из воды и возвращена Колчаку. Вызывает некоторые сомнения и упоминание о благородстве японцев, противопоставленных Совдепу: ведь наградное оружие Александр Васильевич получил уже после возвращения из плена. Георгиевское Оружие все же вернулось к нему, но в виде кортика, поднесенного адмиралу Союзом офицеров Армии и Флота при следующем адресе, очень тронувшем Колчака:

«Глубокоуважаемый Александр Васильевич! Пользуясь случаем поднесения Вам от имени союза офицеров армии и флота оружия храбрых, дань наивысшего воинского уважения, просим принять наш искренний привет и выражение чувства глубокого уважения и признательности за Ваш мужественный и истинно гражданский поступок, который должен служить примером для всех воинов нашей дорогой, горячо любимой свободной Родины».

После всего случившегося Колчак послал телеграмму Керенскому, где, вкратце изложив обстановку, сообщил о невозможности продолжать службу в такой обстановке, и передал

командование контр-адмиралу В. К. Лукину. В ответной телеграмме министр-председатель А. Ф. Керенский в резких словах отчитал команды кораблей за их «враждебные Революции и Родине» действия и приказал Колчаку и Смирнову прибыть для доклада в Петроград.

Выслушав обоих, члены Временного Правительства отпустили их, не приняв никакого решения. Но для себя А. В. Колчак решил, что командовать флотом он больше не будет. Существуют упоминания о возглавлении им «военного отдела Республиканского национального центра» – контрреволюционной организации, принявшей затем «корниловскую» ориентацию. Но вскоре адмирал получил приглашение от морской группы американской военной миссии в России побывать в Соединенных Штатах с целью обмена опытом в области минного дела и возможного участия в операциях американского флота. Помимо желания ознакомиться с новинками военной техники, у Колчака была и тайная мысль продолжить борьбу на другом фронте, коль скоро его лишили возможности воевать за свою Родину в рядах ее солдат.

М. И. Смирнов приступил к формированию «Русской морской комиссии в Американском флоте», как стала называться группа морских офицеров, отправляющихся в Америку. Помимо Колчака и Смирнова в нее вошли капитан 2-го ранга Д. Б. Колечицкий, капитан 2-го ранга В. В. Безуар, лейтенант И. Э. Вуич, лейтенант А. М. Мезенцев, адъютантом адмирала стал лейтенант Вадим Степанович Макаров, сын погибшего в 1904 году адмирала С. О. Макарова. Последнее обстоятельство выглядит весьма символичным, если вспомнить, что почти за полтора десятка лет до этого адмирал Макаров оказал поддержку лейтенанту Колчаку. Комиссия выехала из Петрограда 27 июля. По дороге в Америку она побывала в Лондоне, где Колчак встретился с русским послом К. Д. Набоковым и Первым Лордом Адмиралтейства адмиралом Джеллико, проконсультировав последнего по вопросам применения минного оружия.

В Америке русской комиссии были предоставлены возможности работать в морском министерстве, Морской Академии, участвовать в маневрах флота. Но выступить в войне на стороне Соединенных Штатов адмирал не счел нужным, убедившись, что «Америка ведет войну только с чисто своей национальной точки зрения – ради рекламы». После получения из России известий об Октябрьском перевороте члены комиссии решили немедленно ехать на родину; еще в Америке Александр Васильевич получил и телеграмму с предложением баллотироваться в Учредительное Собрание по списку

конституционно-демократической партии, на которое ответил согласием. В первой половине ноября моряки прибыли в Иокогаму, где Колчак распустил комиссию (нужно отметить, что впоследствии большинство ее членов встало под знамена Белого Дела), сам же задержался в Японии для выяснения обстановки.

Естественно, что правительство большевиков он признать не мог, хотя бы за то, что они стремились к заключению сепаратного и невыгодного для России мира. Колчак хотел продолжить войну в рядах британской армии и даже добился назначения на Месопотамский фронт, куда и отправился в начале января 1918 года, однако по дороге, будучи в Шанхае, получил телеграмму от русского посланника в Пекине князя Н. А. Кудашева с просьбой прибыть к нему по очень важному делу. Первоначально адмирал ответил отказом, считая себя связанным обязательствами перед англичанами. Но в начале марта, во время стоянки в Сингапуре, выехать в Пекин Колчаку рекомендовал уже Разведывательный отдел английского Генерального Штаба, и в конце месяца Александр Васильевич встретился с Кудашевым, который предложил ему заняться формированием антибольшевицких вооруженных подразделений в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги. «Против той анархии, которая возникает в России, – сказал Кудашев адмиралу, – уже собираются вооруженные силы на Юге России, где действуют добровольческие армии генерала Алексеева и генерала Корнилова (тогда еще не было известно о его смерти). Необходимо начать подготовлять Дальний Восток к тому, чтобы создать здесь вооруженную силу для того, чтобы обеспечить порядок и спокойствие на Дальнем Востоке». На это Колчак сразу же согласился, увидев реальную возможность послужить Родине. Так начался для него крестный путь Белого Воина.

…Но прежде, чем переходить к рассказу об участии А. В. Колчака в Белом движении, необходимо сказать несколько слов о человеке, сыгравшем весьма значительную роль в жизни адмирала – Анне Васильевне Тимиревой. Познакомился с ней Александр Васильевич в начале 1915 года. Анна Васильевна была супругой капитана 1-го ранга С. Н. Тимирева, бывшего в тот период флаг-капитаном по распорядительной части Штаба Балтийского флота. Во время Гражданской войны, с ноября 1918 по июль 1919 года, Тимирев командовал Морскими Силами Дальнего Востока, подчиненными Верховному Правителю адмиралу Колчаку, а скончался в 1932 году в Шанхае. Его бывшей жене довелось пережить его на 43 года…

Первоначально Колчаки и Тимиревы дружили домами, Анна Васильевна была в хороших отношениях с женой Колчака –

Софией Федоровной. Позже дружба между Колчаком и Тимиревой переросла в нежную и пламенную любовь, которую оба сохранили до самой смерти. Когда союзники предали Верховного Правителя и он был арестован, Анна Васильевна добровольно пошла в заключение вслед за ним. После того, как Колчак был убит большевиками, она еще более полугода находилась в заключении, а после недолгого пребывания на свободе, еще через полгода, была арестована вторично. Начались ее хождения по мукам в самом буквальном смысле слова. Реабилитирована Анна Васильевна была лишь в 1960 году, а скончалась она 15 лет спустя в Москве. Вся жизнь этой женщины была принесена в жертву Великой любви к Великому Человеку.

Стоит сделать и немаловажное дополнение к портрету Колчака. По свидетельству одного из сослуживцев, Александр Васильевич был очень верующим, православным человеком; его характер был живой и веселый (последнее, впрочем, больше относится к дореволюционному периоду его жизни), но с довольно строгим и даже аскетически-монашеским мировоззрением. У него были духовные наставники-монахи, и, будучи командующим Черноморским флотом, он навещал одного старца (имя его, к сожалению, неизвестно), подвизавшегося в Крыму. Вероятно, черты религиозности были заложены в нем матерью, Ольгой Ильиничной, которая была очень набожна.

* * *

Но вернемся к жизнеописанию адмирала. Построенная в 1887–1903 годах Китайская Восточная железная дорога связывала Сибирь и Забайкалье через Маньчжурию с Владивостоком (Великая Сибирская железнодорожная магистраль была окончательно достроена лишь в 1916 году) и с начала века охранялась подразделениями пограничной стражи в составе Особого Заамурского округа в Маньчжурии. Управление дорогой, расположенное в Харбине, возглавлял генерал Д. Л. Хорват. С приходом к власти большевиков он был отстранен от должности Управляющего, и руководство дорогой было передано Харбинскому Совету рабочих и солдатских депутатов, но уже 25 декабря силами китайских войск большевицкая власть была ликвидирована, большевизированные подразделения высланы в Россию, а управление дорогой – вновь передано Хорвату. Так как правление дороги находилось в Петрограде, для непосредственного решения возникавших вопросов на месте генерал Хорват решил создать «свое» правление КВЖД, в состав

которого вошел и адмирал Колчак, назначенный начальником охраны.

В это же время в полосе отчуждения КВЖД находилось и так называемое Временное Правительство Автономной Сибири во главе с эсером П. Я. Дербером, бежавшее от большевиков из Томска. По словам Колчака, «их деятельность ни в чем не сказывалась, я ни разу с ними не сталкивался ни в какой области… Министерские посты у них все распределены, но они не делали никаких выступлений, а жили как частные лица и, по-видимому, ни во что не вмешивались и никаких претензий ни на что не заявляли».

Достаточно серьезной силой были отряды под командованием различных казачьих офицеров, наибольшей известностью среди которых пользовались Г. М. Семенов и И. П. Калмыков. Помимо них, в полосе отчуждения существовали и другие более мелкие подразделения, о которых впоследствии Колчак говорил: «…все эти отряды образовывались стихийно, самостоятельно. Никто определенными планами не задавался, и поэтому лица, которые стояли во главе таких отрядов, были совершенно независимы и самостоятельны… подчинялись [они] только своим начальникам, а к штабу предъявляли одни только требования в смысле материального снабжения, деньгами и т. д.». Активную поддержку всем этим отрядам оказывали иностранные державы – Англия, Франция и особенно Япония.

В те месяцы адмирал занимался составлением разного рода смет, наблюдал за ремонтом казарм, закупкой фуража, решал другие хозяйственные вопросы. В его ведении находились и вопросы закупки оружия у японцев. Но когда он прибыл с этим списком к генералу Накашиме, возглавлявшему японскую военную миссию в Харбине, тот сообщил Колчаку, что много оружия Япония предоставить не может, а также потребовал за оружие некую компенсацию, намекая на более тесное сотрудничество. «Я вовсе не прошу этого оружия как милости, – ответил возмущенный Колчак, – если у вас есть оружие, то продайте мне; дорога платит за него, потому что я все равно должен создавать охрану дороги; оно нужно, и дорога вынуждена будет это оружие приобретать». Визит кончился ничем, и это в значительной степени настроило генерала Хорвата против адмирала.

Александр Васильевич вновь обратился к деятельности по укреплению своих вооруженных сил, выведя их из Харбина, попытавшись укрепить контакт с командованием различных мелких отрядов, и начал организовывать флотилию на реке Сунгари. Все эти действия не могли не вызывать недовольства

китайцев.

В конце апреля – начале мая в Пекине состоялось совещание членов правления Русско-Азиатского банка и Общества КВЖД. На нем под видом нового правления дороги было образовано русское эмигрантское правительство Хорвата (вскоре генерал открыто провозгласит себя Временным Верховным Правителем России, не имея, впрочем, в своем распоряжении серьезных сил). Колчак возглавил его «военное ведомство». На совещании адмирал выступил с докладом, в котором говорил о плане вступления с оружием в руках на территорию России, оккупированную большевиками. Эту операцию предполагалось произвести с двух направлений – со стороны Забайкалья и со стороны Приморья, и, по расчетам Колчака, для осуществления этого плана ему необходимо было 17 тысяч штыков и сабель. С таким проектом соглашались и иностранные союзники – Англия, Франция и Япония. Но реализовать его в полной мере не удалось.

Позиция, занятая настроенным на самостоятельные действия Атаманом Семеновым, заставила адмирала сделать вывод о невозможности создать серьезную военную силу на КВЖД и о том, что единственное место, откуда можно начинать развертывание, – это Владивосток. Но против этого выступали японцы, которые готовились к интервенции и для которых создание в Приморьи русских вооруженных сил было крайне нежелательно. Они настаивали на передаче всех вооруженных сил в распоряжение действовавшего в Забайкальи Семенова.

В итоге деятельностью Колчака оказались недовольны все: японцы, Атаман Семенов, да и Хорват, поддерживавший их политику. Кроме того, японские агенты вели подрывную работу в войсках, подчиненных Колчаку, – переманивали солдат и офицеров в отряды Семенова и Калмыкова, мешали нормальной работе. Нередко речь шла и об угрозе личной безопасности адмирала.

В результате всего этого Колчак, при активном содействии Хорвата, стремившегося избавиться от неугодного ему человека, решил поехать в Токио, дабы решить вопросы о дальнейших совместных действиях с начальником японского Генерального Штаба. Передав командование войсками генералу Б. Р. Хрещатицкому, в начале июля 1918 года Колчак уехал в Японию.

Там Александр Васильевич встретился с помощником начальника Генерального Штаба генералом Танакой. Вместо конкретного ответа на вопрос, можно ли в дальнейшем рассчитывать на помощь Японии в борьбе с большевиками, Танака предложил Колчаку остаться в Японии, поправить здоровье. Поняв, что возвращаться в Харбин бесполезно, тем

более, что Хорват уже подписал приказ о его увольнении, Колчак предложение принял.

В Японию вместе с Колчаком отправилась и Анна Васильевна Тимирева. Ранее она приезжала к Колчаку в Харбин, решила было вернуться к мужу во Владивосток, но, не выдержав долгой разлуки с любимым человеком, приняла решение последовать за ним.

Колчак и Тимирева жили в Иокогаме, часто бывая в небольшом курортном местечке Атами, расположенном к юго-западу от города на берегу залива Сагами. Адмирал с большим вниманием следил за развитием событий в России, где полным ходом развивалась активная антибольшевицкая борьба (на Юге сражалась Добровольческая Армия, на Востоке развернулось выступление Чехо-Словацкого корпуса и местных офицерских организаций, на Волге создавалась Народная Армия). Колчак размышлял, где именно он мог бы принести наибольшую пользу Родине, и важную роль для него сыграла встреча с английским генералом А. Ноксом, возглавлявшим «Русский отдел» британского военного министерства. Нокс сообщил адмиралу, что Англия готова оказать помощь в воссоздании русской армии в Сибири, Колчак же, в свою очередь, составил для Нокса подробный доклад, в котором описывал политическую и военную ситуацию на Востоке России. После этого английский генерал написал в одном из докладов в Лондон: «…нет никакого сомнения в том, что он (Колчак. – *Н. К.*) является лучшим русским для осуществления наших целей на Дальнем Востоке», что стало для различных советских историков поводом утверждать, что с этого момента адмирал стал действовать по указке англичан. Но этому нет никаких реальных доказательств, и речь может идти лишь о видах британской дипломатии на Колчака и взаимовлиянии Колчака и Нокса.

В середине сентября Колчак отправился во Владивосток в компании генерала Нокса и французского посла Реньо. Первоначально Александр Васильевич надеялся пробраться на Юг России, к генералу Алексееву, а также попытаться найти свою семью, остававшуюся в Севастополе.

* * *

К сентябрю территория Сибири полностью находилась под контролем чехословацких и белогвардейских формирований, а на Дальнем Востоке присутствовали и части союзных России держав. Большевики расформировали свои войска и перешли к

партизанским формам борьбы. Во Владивостоке в этот момент существовало два правительства, претендующих на верховную власть, – «Временное Правительство Автономной Сибири» Лаврова и Дербера и «Деловой кабинет» Хорвата. Но их репутация как среди русских, так и среди союзников была крайне невысока.

Военные и деловые круги Сибири и Дальнего Востока возлагали все больше надежд на существовавшее в Омске Временное Сибирское Правительство, считавшее себя верховной властью в Сибири с июня 1918 года. В состав его входили как эсеры, так и представители конституционно-демократических и даже умеренно-монархических кругов. Председателем правительства был П. В. Вологодский, бывший член Государственной Думы, адвокат по профессии, не имевший определенной политической принадлежности. В сентябре в Уфе открылось Государственное совещание, ставившее своей целью создание временной общероссийской власти, однако Вологодский отправился не туда, а во Владивосток, так как считал гораздо более важным добиться поддержки союзников и распространить власть «своего» правительства и на дальневосточные территории. Ему удалось достичь взаимопонимания с Колчаком, Атаманом Семеновым и офицерским корпусом Сибирской и Амурской флотилий. Подчинились Сибирскому Правительству и дальневосточные правительства.

Тогда же Колчак встретился и с одним из видных командиров чешских войск – Р. Гайдой, который сообщил ему, что вся Транссибирская магистраль очищена от большевиков и чехи готовы к продолжению борьбы с большевиками. Охарактеризовав общую обстановку в Сибири, Гайда заявил, что считает наилучшей формой государственного управления военную диктатуру. Колчак же ответил чеху, что диктатура невозможна без наличия мощных вооруженных сил.

3 октября, при содействии офицеров чешского штаба, Колчак отправился в Омск, надеясь затем перебраться на Юг России. 14 октября адмирал вместе с сопровождающими его морскими офицерами прибыл в сибирскую столицу, где нанес визиты представителям новой «всероссийской власти» – Директории: встретился с Главнокомандующим ее войсками генералом В. Г. Болдыревым, пробравшимся с Юга через Москву и Саратов Генерального Штаба полковником Д. А. Лебедевым, членами Директории Авксентьевым, Зензиновым (оба – правые эсеры) и Виноградовым (кадет). С Болдыревым Колчак встречался два раза, причем во второй раз генерал предложил ему принять пост военного и морского министра. Колчак первоначально отказался, но Болдырев настоял на своем, согласившись принять условия

Колчака: освобождение от должности в случае, если она не устроит адмирала, и разрешение объехать войска на фронте для выяснения их нужд. Через несколько дней состоялась еще одна встреча Болдырева и Колчака, на которой присутствовал и генерал Нокс. На встрече обсуждались основные вопросы военного строительства на территории Сибири.

Колчаку приходилось теперь и присутствовать на заседаниях Совета министров, где у него вызывали раздражение два факта: «вмешательство чехов в наши внутренние дела» и то, что в Совете вместо нормальной работы больше всего занимались политической борьбой. После одного из заседаний Александр Васильевич решил снять с себя министерские полномочия, и Авксентьеву удалось уговорить его остаться, лишь пообещав немедленно пересмотреть функции военного и морского министра. На решение Колчака остаться в занимаемой должности повлияло также известие о смерти 8 октября в Екатеринодаре генерала М. В. Алексеева. Кабинет министров Директории был окончательно сформирован лишь 3 ноября.

Вскоре адмирал подготовил обстоятельное письмо генералу А. И. Деникину. В письме он дал характеристику только что образованных Директории и ее Совета министров. 8 ноября Колчак выехал на фронт. Его сопровождал только что прибывший в Омск английский Мидлсекский батальон под командованием полковника Дж. Уорда. С военным министром следовали капитан А. Апушкин, имевший поручение доставить письмо Деникину и связаться с семьей Александра Васильевича в Севастополе, и представители союзников. 9 ноября Колчак прибыл в Екатеринбург, где состоялся парад войск, а на другой день посетил штаб Сибирской Армии. Командующий армией генерал Р. Гайда и чешский командующий генерал Я. Сыровой ознакомили его с обстановкой на фронте.

После осеннего наступления Красной Армии русские и чешские войска оказались далеко отброшенными от Волги на восток. На северном участке линия фронта проходила восточнее Перми и Кунгура, на среднем участке – между Уфой и Бугульмой, на южном – западнее Оренбурга и Уральска. В штабе разрабатывалось наступление Сибирской Армии на Пермь, которое являлось частью стратегического плана прорыва красного фронта в направлении Пермь – Вятка – Котлас, на соединение с Белыми и союзными войсками на Севере России. Сторонниками этой идеи были англичане, стремившиеся заменить протяженный путь снабжения сибирских войск через Владивосток более короткой северной коммуникацией через Архангельск.

Затем Колчак отправился в армейскую группировку генерала

А. Н. Пепеляева. Адмирал объезжал прифронтовые части, беседовал с командирами полков, выяснял их потребности в людских резервах, вооружении, снарядах, патронах, охотно поддерживал разговоры офицеров о внутриполитическом положении Сибири и России вообще. При этом бóльшая часть офицеров, в том числе и сам Пепеляев, высказывали недоверие к Директории и мысль о том, что власть должна принадлежать военным. Александр Васильевич побывал на передовых позициях, после чего, оставшись довольным Сибирской Армией, выехал в Челябинск.

В челябинском штабе генерал Сыровой познакомил адмирала со своим начальником штаба, русским генералом М. К. Дитерихсом. Здесь же Колчак нанес визиты членам Чешского Национального Совета, а затем отправился на фронт под Уфу, находившуюся под угрозой удара войск советской 5-й армии.

Встретившись между Курганом и Петропавловском с поездом генерала Болдырева, Колчак узнал тревожные новости о событиях в Омске. После отъезда адмирала на фронт в городе получила хождение прокламация, содержащая призыв эсеровского ЦК создавать вооруженные партийные отряды на случай необходимости противостоять монархически настроенному офицерству. Призыв, автором которого был один из лидеров социал-революционеров В. М. Чернов, вызвал бурю возмущения у офицеров фронта и тыла, и Болдырев даже собирался арестовать Чернова. Арест отсрочил Авксентьев, понимавший, однако, опасность провокационного призыва. Серьезно одернул эсеров и Нокс, предупредивший, что при такой их тактике Англия откажет им в помощи. Еще более шатким стало положение Директории, на которую было направлено основное раздражение офицерства. Не прибавил стабильности и инцидент, произошедший 13 ноября в омском гарнизонном собрании. Во время банкета в честь прибывшего французского батальона русские офицеры заказали музыкантам национальный гимн – «Боже, Царя храни». Но в зале нашлось немало людей, протестовавших против его исполнения. Вспыхнул скандал, и войсковой старшина Красильников даже направил на одного из протестующих револьвер, после чего французский посол покинул зал.

15 ноября начальник омской милиции Роговский доложил председателю Совета министров о том, что в городе готовится свержение Директории. Вологодский поставил об этом в известность Главнокомандующего. Болдырев торопился на фронт и не мог обстоятельно разобраться в обстановке, но полагал, что нарушители общественного спокойствия – казаки, а в отношении Красильникова и его собутыльников приказал провести

расследование.

На самом деле опасность для Директории была гораздо реальнее. Ее политическим противником выступила влиятельная и обладающая в контрреволюционной России реальной силой конституционно-демократическая партия, того же 15 ноября открывшая в Омске свою 2-ю Сибирскую конференцию. На ней присутствовали представители партийных организаций девяти городов России. С докладом выступил председатель только что образованного на конференции Восточного отдела ЦК партии В. Н. Пепеляев – родной брат генерала. По его докладу конференция вынесла постановление: заменить полубольшевицкую, ошибочно созданную в Уфе Директорию военной диктатурой, единственно способной повести войну за национальное возрождение России. Энергичный Пепеляев взял на себя работу по связи с военными заговорщиками и представителями торгово-промышленного капитала. Организация военной акции – ареста эсеровских членов Директории – возлагалась на одного из старших штабных офицеров, полковника А. Д. Сыромятникова. Он действовал в контакте с бывшим начальником Академии Генерального Штаба генералом А. И. Андогским и с непосредственным руководителем ареста эсеров, начальником гарнизона города, полковником В. И. Волковым. Авксентьев потом утверждал, что о заговоре было известно и английским союзникам. Да и вообще о нем знали многие: Омск был буквально наполнен слухами о скором свержении Директории; несомненно, доходили они и до ее членов, но сделать те уже ничего не могли. Колчак, как мы видели, не входил в число участников заговора, и до него доходили лишь смутные слухи обо всех этих событиях; в то же время он вполне мог и допускать возможность такого переворота, тем более вспоминая предыдущие разговоры о диктатуре с Гайдой и Пепеляевым.

17 ноября Александр Васильевич вернулся в Омск с фронта. К военному министру тотчас явилась делегация от высшего офицерства и казачества, заявившая, что участь Директории предрешена. Делегаты видели ей замену в единоличной власти и просили Колчака взять на себя диктаторские функции. Колчак ответил, что он не в состоянии принять такое бремя, поскольку единовластие может быть основано лишь на воле и желании армии, и только на нее может опираться лицо, согласившееся принять верховную власть и верховное командование. Закончил Колчак разговор выражением благодарности делегатам за оказанное доверие. Офицеры, в свою очередь, сказали адмиралу, что часы истории пущены и никто уже не в силах их остановить.

Переворот совершился в ночь с воскресенья 17-го на

понедельник 18 ноября арестом Авксентьева, Зензинова и Роговского. В 4 часа утра дежурный ординарец поднял Колчака с постели к телефону. Вологодский сообщил об аресте двух членов Директории и их коллеги по партии Аргунова, сказал, что немедленно созывает Совет министров, и просил адмирала прибыть на экстренное заседание.

На заседании Вологодский проинформировал собравшихся, что арест членов Всероссийского Правительства был произведен на квартире Роговского, дом которого был оцеплен усиленным разъездом 1-го Сибирского казачьего полка, партизанским отрядом Красильникова и еще несколькими конными частями. Боевую дружину Роговского разоружила одна казачья часть, не арестовав никого из дружинников, поскольку они не оказали сопротивления. Неизвестной пока оставалась судьба арестованных.

Развернулись оживленные прения. Факт свержения Директории был признан всеми. Она оказалась скомпрометированной и ненужной. Страсти разгорелись по вопросу о форме власти: быть ли правительству гражданским или власть должна перейти к диктатору. Вопрос нужно было решать немедленно, так как из-за безвластия в городе могли начаться беспорядки. Большинство присутствующих склонялись к мысли о необходимости диктатуры. Кандидатами в диктаторы были названы генералы Болдырев и Хорват и адмирал Колчак.

Военный министр Колчак сказал, что он видит в роли диктатора скорее Болдырева. После его слов началось обсуждение кандидатур. Адмирала при этом попросили удалиться как единственного из кандидатов, находившегося в Омске в данный момент.

После обсуждения кандидатуры Болдырева и Хорвата были отвергнуты. С последним кандидатом – Колчаком – мало кто из министров общался лично, но мощную поддержку ему оказали присутствующие здесь же морские офицеры, рассказав о его боевых заслугах перед Родиной. В итоге Совет министров объявил адмиралу об избрании его Верховным Правителем России (титул был утвержден тогда же) с назначением его Верховным Главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами. Колчак первоначально предложил ограничить свои полномочия лишь исполнением должности Верховного Главнокомандующего, на что ему было замечено, что от него хотят большего – осуществления твердой и устойчивой верховной власти.

После короткого обсуждения Совет министров принял постановление в следующей редакции: верховную власть, взятую на себя после распавшейся Директории, Правительство передает в

руки Александра Васильевича Колчака, именуемого впредь Верховным Правителем России и Верховным Главнокомандующим. Постановление приняли единогласно. После поздравлений Колчак поблагодарил Совет министров и выразил уверенность в том, «что общими дружными усилиями, вместе с нашей доблестной армией мы одолеем врага, возродим нашу матушку-Россию и восстановим в ней законность и порядок».

Затем Верховный Правитель, по просьбе премьер-министра, приказал полковнику Сыромятникову освободить из-под стражи Авксентьева, Зензинова, Роговского и эсеров Аргунова и Ракова и разместить их под строжайшей охраной по квартирам. Потом Колчак направился в Штаб Главнокомандующего, чтобы сделать необходимые распоряжения по войскам, а министрам предложил разработать положение о взаимоотношениях Верховного Правителя и Совета министров.

Во второй половине дня состоялось заседание Совета министров, на котором заявили о своем выходе из состава правительства Вологодский и его помощник Виноградов, причем последний сказал, что не верит в благо, которое может принести новая власть. Его и не стали уговаривать остаться членом кабинета; с большим трудом и во многом благодаря лично Колчаку удалось убедить изменить свое решение Вологодского. Александр Васильевич ознакомил министров со своими первыми распоряжениями по вооруженным силам, потом были коллективно рассмотрены первые наброски к документу о взаимоотношениях Верховного Правителя и Совета министров. Для проведения внешней политики, поддержания постоянной связи с иностранными представителями и решения некоторых других вопросов адмиралу придавался рабочий аппарат из пяти человек, так называемый «совет Верховного Правителя». В конце заседания кабинет министров принял три постановления: о государственном перевороте, об отдаче под суд трех непосредственных руководителей ареста членов Директории и о производстве вице-адмирала Колчака в адмиралы.

В течение того же дня 18 ноября из Омска во все концы Сибири и Европейской России полетели сообщения с текстом постановления Совета министров: «Ввиду тяжелого положения государства и необходимости сосредоточить всю полноту верховной власти в одних руках, Совет министров постановил передать временно осуществление верховной государственной власти адмиралу Колчаку, присвоив ему наименование Верховного правителя». В тот же день было опубликовано и обращение Верховного Правителя к населению:

«Всероссийское временное правительство распалось. Совет министров принял всю полноту власти и передал ее мне, Александру Колчаку. Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройства государственной жизни, объявляю, что я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашаемые по всему свету. Призываю вас, граждане, к единению, к борьбе с большевизмом, к труду и жертвам.

Верховный Правитель адмирал Колчак. 18 ноября 1918 года. Город Омск»

* * *

Согласно поступившим из министерства внутренних дел и от омских властей сведениям, ночь в столице прошла спокойно. Прежде всего Колчаку пришлось принимать многочисленных визитеров. В числе первых посетителей были члены конституционно-демократической партии, возглавляемые В. Н. Пепеляевым, депутации «отцов города» и духовенства, представители местной буржуазии, отдельные почетные граждане, главные редакторы городских и некоторых сибирских газет. Все они восторженно встретили приход новой власти, горячо приветствовали и поздравляли адмирала (большинство видело его впервые), желали ему близкой победы над большевиками. После русских «поздравителей» визит Верховному Правителю нанесли дипломатические представители Англии и Франции, помимо поздравлений поинтересовавшиеся дальнейшей судьбой арестованных членов Директории. Колчак ответил, что все четверо находятся под надежной охраной на квартире Авксентьева, и опасность их жизни не угрожает. Последней поздравить адмирала пришла большая группа морских офицеров во главе с прибывшим из Соединенных Штатов капитаном 1-го ранга М. И. Смирновым, который уже через день был назначен на должность управляющего морским министерством с производством в контр-адмиралы.

Напрасным, однако, было бы думать, что переворот был воспринят восторженно всеми, – нашлись, разумеется, и противники. Сразу же после переворота депутатами действовавшего в Екатеринбурге Съезда членов Учредительного

Собрания была принята резолюция-воззвание с призывом устранить «кучку заговорщиков»; подобные же заявления были сделаны и в Уфе членами «Совета Управляющих Ведомствами». В итоге Съезд был разогнан, а часть участников арестована, что положило конец идее Учредительного Собрания первоначального состава, избранного осенью 1917 года. Долго не признавал Верховного Правителя и Атаман Семенов, вообще стремившийся действовать автономно, и этот конфликт в той или иной форме тянулся около полугода.

Правительства стран Антанты на первых порах недооценивали Колчака, считая, что борьбу с большевиками должны возглавлять их собственные представители. В середине декабря 1918 года в Омск прибыл французский генерал М. Жанен, по решению Верховного Совета Антанты назначенный Главнокомандующим русскими и союзными войсками. Однако Александр Васильевич решительно возразил против такого решения, вполне резонно заметив, что в Гражданской войне командование может осуществлять только русский человек. В итоге под верховное командование Жанена перешли лишь чешские и другие союзные войска.

В целом же с приходом к власти Колчака антибольшевицкие формирования на Востоке консолидировались. Он был признан правительством Всевеликого Войска Донского, приславшим в Омск генерала К. И. Сычева. Власть Колчака вскоре признали и руководители Белых формирований на Севере и Северо-Западе России. В конце мая 1919 года его de jure признал и генерал А. И. Деникин, которого Колчак назначил своим заместителем. Но полноценного взаимодействия между силами, непосредственно подчинявшимися адмиралу Колчаку, и войсками других антибольшевицких фронтов так достигнуто и не было.

В конце декабря Колчак получил телеграмму от бывшего министра иностранных дел С. Д. Сазонова, ставшего теперь послом Омска в Париже. От имени «Русского политического совещания» в Париже, объединявшего бывших русских послов, членов «Национального центра» и «Союза возрождения» (коалиционные правоцентристские политические организации), видных представителей политических и деловых кругов дореволюционной России, в ней сообщалось: «Признаем верховную власть, принятую Вашим превосходительством, в уверенности, что Вы солидарны с основными началами политической и военной программы Добровольческой армии».

В первые же дни после своего вступления в должность Верховному Правителю необходимо было решить два вопроса: как наказать участников переворота – казаков – и что делать с

арестованными членами Директории. В итоге «переворотчики» были секретным приказом произведены в следующий чин: полковник Волков стал генерал-майором, а войсковые старшины Красильников и Катанаев – полковниками. Назначенный над ними суд, состоявшийся 21 ноября, полностью оправдал их, вскрыв при этом массу неприглядных фактов, связанных с деятельностью Директории. Те же из членов последней, кто не признал власть Колчака, были отправлены под английским конвоем во Владивосток, откуда они затем уехали за границу. Предварительно каждому из них было выдано по 75–100 тысяч рублей.

Отбитый у большевиков чехами и белогвардейцами еще в августе 1918 года в Казани золотой запас Российской Империи позволял Колчаку осуществлять крупные закупки оружия и военного снаряжения у союзников. Генерал Нокс, руководивший по поручению стран Антанты военным снабжением русских войск в Сибири, в это время находился во Владивостоке, обеспечивая приемку прибывающих военных грузов и доставку их по назначению. Заботясь о первоочередном снабжении частей Екатеринбургского фронта, Колчак пытался связаться по прямому проводу с Ноксом, чтобы тот ускорил доставку снарядов и патронов. Но связь была прервана, и подозрение пало на Атамана Семенова, что еще больше обострило упомянутый выше конфликт (связь, впрочем, вскоре была восстановлена, а вину Атамана так и не смогли доказать даже его недоброжелатели).

27 ноября генерал Болдырев, по собственному прошению, был освобожден от должности Верховного Главнокомандующего. Колчак предлагал ему на выбор любую должность, кроме Верховного Главнокомандующего, но тот отказался и через несколько дней выехал в Японию. Теперь адмирал окончательно принял на себя и верховное командование войсками.

Достигнутые в декабре 1918 года первые боевые успехи на Урале окрылили омское Правительство и его союзников, вселили надежду на осуществление далеко идущих замыслов. Но оставалась и масса проблем – в первую очередь материально-техническое обеспечение действующих войск и подготовка для них армейских резервов, причем особенно остро ощущалась нехватка патронов и снарядов. Несмотря на старания Нокса, грузы из Европы из-за дальности расстояния продвигались крайне медленно. Колчаковское правительство по дипломатическим каналам обратилось с заказом на снаряды и патроны к Японии. Непростой оказалась и подготовка людских резервов для фронта, необходимость в которых возрастала по мере потери чехословацкими частями боеспособности. Началась ускоренная

подготовка офицерских кадров на Русском острове близ Владивостока, в чем немалую помощь оказали английские инструкторы (так называемая «школа Нокса»).

Круг забот Верховного Правителя, конечно, не ограничивался военными проблемами. Гражданское управление ложилось на десять министров, объединенных в Совет во главе с председателем Вологодским (генерал Жанен записывал в дневнике: «Любопытная вещь – перманентность министров: они работали с Директорией, работают с адмиралом, который опрокинул Директорию»). Колчак, однако, не только утверждал все важные постановления Совета министров, но нередко и сам принимал участие в законотворчестве.

В одном из писем Александр Васильевич писал: «Моя цель первая и основная – стереть большевизм и все с ним связанное с лица России, истребить и уничтожить его. В сущности говоря, все остальное, что я делаю, подчиняется этому положению». Слова эти подразумевали прежде всего разгром советской системы, коммунистической партии. А сделать это можно было, помимо чисто военных мероприятий, прежде всего путем проведения последовательных реформ, которые позволили бы решить основные внутриполитические вопросы. Как же они решались в период существования Всероссийского Правительства Колчака?

Прежде всего адмирал стремился установить закон и порядок. Были восстановлены и совершенствовались административные и судебные органы, в том числе Правительствующий Сенат. Во главе губерний (областей) стояли управляющие. На Урале был введен институт главных начальников края. Возрождались и местные органы самоуправления – городские думы, их управы, сеть земств, впервые появившихся в Сибири в 1917 году. Но при этом государственные структуры воссоздавались в довоенном, имперском масштабе, а ведь чем более громоздким становился государственный аппарат, тем меньше была его эффективность.

Воссозданы были и внешние атрибуты государства – двуглавый орел (короны заменили сияющим Крестом, а скипетр – мечом), трехцветный бело-сине-красный флаг и принятый после Февраля гимн («Коль славен» на музыку Д. С. Бортнянского).

Одним из самых важных хозяйственно-экономических вопросов стал аграрный. От умонастроения крестьянства, составлявшего значительный процент солдат и младшего офицерства армии Верховного Правителя, зависело очень многое. Правительство Колчака отменило принятый Временным Сибирским Правительством закон о возвращении прежним владельцам их имений вместе с инвентарем. С 10 декабря было

отменено и постановление о государственном регулировании хлебной, мясной и масляной торговли, разрешена свободная торговля этими продуктами «по вольным ценам». В аграрной политике омское Правительство ориентировалось на использование опыта преобразований П. А. Столыпина, создание крепкого индивидуального хозяйства и ликвидацию помещичьего землевладения. Земли, изъятые у крупных землевладельцев большевиками, подлежали продаже через Земельный банк «трудовому собственнику». 8 апреля 1919 года была опубликована «Грамота Верховного Правителя о земле», в которой кардинальное решение аграрного вопроса предполагалось передать «Национальному Российскому Собранию» после победы над большевиками, пока же устанавливалось, что на всех землях урожай мог собирать и использовать тот, кто обрабатывал и засевал поле.

Не менее важным было и решение рабочего вопроса. Министерство труда, возглавляемое социал-демократом меньшевиком Л. И. Шумиловским, в основном руководствовалось законодательством Временного Правительства. Проводился курс на упорядочение взаимоотношений между рабочими и работодателями – «между трудом и капиталом». Были восстановлены биржи труда, больничные кассы (органы социального страхования рабочих); сохранялись и профессиональные союзы, которых к концу 1918 года насчитывалось 184. Впрочем, взаимоотношения властей и профсоюзов были сложными, последние часто и далеко небезосновательно обвинялись в антиправительственной деятельности. В связи с военной обстановкой уровень жизни населения значительно ухудшился. В городах и рабочих поселках, ввиду роста цен на продовольственные товары, реальная зарплата стала не успевать за прожиточным минимумом, ухудшились условия труда на заводах, фабриках и в железнодорожных мастерских. Предприниматели, в отсутствие закона о восьмичасовом рабочем дне, при попустительстве властей сами устанавливали режим работы на своих предприятиях, несмотря на существование советов бирж труда, сами решали вопросы найма и увольнения, систематически снижали принятые по закону обязательные отчисления в больничные кассы рабочих.

Постановлением Совета министров от 18 февраля 1919 года был образован специальный орган – Комитет по выработке экономической политики, который должен был обобщить предложения отдельных министерств и составить общий план действий в социально-экономической области. В основу экономической политики возрождаемой России был положен

принцип частного хозяйства. Крепкое и нормально функционирующее хозяйство было немыслимо без создания и развития отечественной промышленности. Наибольшее внимание необходимо было обратить на развитие крупной индустрии, как наиболее стойкой к различным потрясениям, но при этом государство не должно было отказывать в поддержке мелкой и кустарной промышленности. Первоочередное внимание предстояло обратить на привлечение капитала в топливную, лесную, металлургическую, металлообрабатывающую и горнодобывающую отрасли. Допускалось и приветствовалось присутствие иностранного капитала, но при этом его права должны были быть четко зафиксированы. Отечественная промышленность защищалась таможенными барьерами.

В области торговли объявлялся принцип свободной частной торговой инициативы. Но при имевшемся товарном дефиците государство должно было найти формы по возможности безболезненного воздействия на заготовку и распределение самых необходимых продуктов. Государство же должно было регулировать и внешнюю торговлю.

Для осуществления экономических преобразований необходимо было улучшение внутренней финансовой системы. В связи с этим поддержку от государства получал частный банковский аппарат. Главными источниками денежных поступлений становились налоги и… печатный станок.

В области путей сообщения заявлялось о всемерном стремлении к восстановлению и улучшению существующих транспортных коммуникаций, увеличению объема грузоперевозок. Предполагалось восстановление и широкое использование железнодорожного и водного транспорта, причем для восстановления железных дорог широко привлекались иностранные специалисты (в основном – американцы, меньше – японцы), которые занимались обследованием их состояния, выдвигали различные предложения по улучшению условий эксплуатации. Быстрыми темпами проводилась денационализация водного транспорта. Решить проблему коммуникаций между территорией, находившейся под управлением Всероссийского Правительства, и Северным регионом, пытались воссозданием Северного Екатерининского канала между Чердынью (притоком Камы) и Северной Двиной. Канал этот начали строить в XVIII веке, но вскоре забросили. Естественно, что попытка восстановить его в силу трудных обстоятельств военного времени была обречена на провал. Но сам факт этот свидетельствует о том, что поиск решения насущных экономических проблем велся постоянно.

Торгово-промышленные компании Англии, Франции, США и Японии с конца 1918 года начали устанавливать выгодные экономические связи с сибирскими кооператорами и предпринимателями. Иностранцев интересовали сибирские богатства: золото, редкие металлы, пушнина, лес; сибиряки нуждались в сельскохозяйственных машинах и промышленных товарах.

Летом 1919 года развернули свою деятельность английские «Компания по снабжению Сибири» и акционерное общество «Лена Голдфилс». Англичане разрабатывали и проект международного консорциума «Российская и Сибирская торговая и финансовая корпорация» в составе крупнейших промышленных и банковских фирм Англии, Франции, США и Японии с расчетом обеспечения преимущественного положения в корпорации британским монополиям. Выдвигались и планы реконструкции российской экономики.

В порядке развития экономических связей между Западом и освобожденной от большевиков Россией на лето 1919 года намечалась Карская морская товарообменная экспедиция. Иностранцы запрашивали Архангельск и Омск об особенностях плавания карским путем, уточняли характер и объем сибирского экспорта и условия товарообмена. Американцы и англичане намеревались направить в устья западно-сибирских рек по пять своих судов с грузом смазочного масла, необходимого для военной техники, военные грузы и части войск. В обмен на машинное масло надеялись получить от сибирских купцов масло сливочное и другие сельскохозяйственные товары. Экспедиция была осуществлена летом – осенью 1919 года, причем с точки зрения мореплавания это было весьма значительное мероприятие. Но в силу того, что положение отступающих колчаковских войск в сентябре – октябре было весьма неблагополучно, поддержку с берега экспедиции оказать не удалось, и она попала в руки красных. О роли Карской экспедиции в развитии мореплавания и торговли можно судить по тому, что уже при Советской власти по ее маршруту было проведено пять подобных экспедиций.

На Дальнем Востоке безнаказанно хозяйничали японцы. С разрешения Хорвата они совершали каботажные плавания у русских берегов, при этом часто на захваченных русских же судах. Японцы монополизировали торговлю с местным населением, скупая у него за бесценок пушнину, сельскохозяйственные продукты, рыбу; в то же время на чужой земле добывали золото и другие полезные ископаемые, заготовляли и вывозили лес, в русских водах промышляли ценные породы рыб. С другой стороны, следует сказать, что присланные в Забайкалье и на

Дальний Восток японские дивизии были едва ли не единственными из союзников, кто принимал активное участие в боевых действиях против красных партизан.

Разумеется, осуществить в полной мере все заявленные экономические преобразования Всероссийское Правительство не смогло. Главной причиной стала, конечно, война, во время которой вообще затруднительно реализовать какие-либо реформы. Налицо было и «пробуксовывание» чрезвычайно громоздкого аппарата управления промышленностью, инфляция, а также множество других причин.

* * *

Кроме того, политическому режиму Колчака существовало весьма значительное сопротивление. Ушедшие в подполье большевики создавали партизанские отряды, организовывали восстания. Одним из первых стало декабрьское восстание в Омске. 21 декабря произведенный в генерал-майоры видный участник ноябрьского переворота Д. А. Лебедев доложил адмиралу, что в городе раскрыта нелегальная квартира и арестован большевицкий подпольный штаб, готовивший мятеж. Однако контрразведке удалось раскрыть лишь штаб 2-го городского района, причем некоторые из арестованных подпольщиков были самовольно расстреляны на месте. Всего же Омским подпольным комитетом большевиков было организовано четыре таких штаба соответственно в четырех городских районах; на предприятиях и в железнодорожных мастерских готовились рабочие боевые отряды, была установлена связь с солдатами дислоцированного в Омске 20-го Сибирского стрелкового полка.

Провал одного из штабов вынудил большевицких руководителей отложить восстание, намеченное на 2 часа ночи 22 декабря. Но не предупрежденные об этом вовремя из-за плохой связи штабы других районов дали команду на выступление своих отрядов. В 1-м районе рабочие и солдаты 20-го полка захватили тюрьму и освободили около двухсот заключенных, вооруженные рабочие 3-го района разоружили до четырехсот солдат, пригород Омска – Куломзино (4-й район) – полностью перешел в руки восставших.

За Куломзино всю ночь шел бой, была прервана телеграфно-телефонная связь с фронтом, у мятежников обнаружились пулеметы. Лишь вечером с помощью артиллерии сопротивление повстанцев там было подавлено.

Верховный Правитель тут же повелел подготовить приказ:

всех принимавших участие в беспорядках или причастных к ним лиц предать военно-полевому суду, а всем освобожденным арестованным добровольно явиться к караульному начальнику областной тюрьмы, коменданту города или в милицию. Большинство, в том числе почти все арестованные эсеры, действительно вернулись в тюремные камеры. Наиболее активные мятежники были расстреляны, остальные подверглись тюремному заключению. Общее число жертв этого восстания по одним данным превышало 1 000, по другим – доходило до 2 000 человек. Со стороны правительственных войск потери не превышали 20–25 солдат и офицеров; среди них оказалось 3 или 4 чеха.

Поздно вечером того же дня Колчак получил от Вологодского записку, в которой сообщалось о предании военно-полевому суду членов Учредительного Собрания, не имевших никакого отношения к восстанию, если не считать их временной отлучки из открытой мятежниками тюрьмы. Адмирал тут же дал по телефону распоряжение начальнику гарнизона, чтобы этих людей под суд не отдавать.

Утром выяснилось, что шестнадцать «учредиловцев», половину из которых составляли социалисты, все же ночью были расстреляны. Двоих из них, эсера Девятова и меньшевика Кириенко, присоединили к сорока четырем подлежащим военно-полевому суду большевикам, и всех ликвидировал сопровождавший их офицерский конвой. Офицеры – участники расстрела – были преданы суду, но часть их была по суду оправдана, часть же понесла наказание условно.

Впоследствии адмиралу очень активно вменяли в вину этот эпизод члены Чрезвычайной Следственной Комиссии при эсеро-меньшевицком Иркутском Политцентре, тем более что один из них – К. Попов – едва не оказался в числе расстрелянных. Колчак вполне резонно отвечал, что данное дело не входило в его личную компетенцию: «Это дело следствия, а я сам не давал каких-либо распоряжений по этому поводу. Каким образом я мог приказать следователю арестовать то или иное лицо?» Запрещал Колчак и телесные наказания, но, несмотря на это, следствие в Иркутске стремилось обвинить его во множестве конкретных, возможно даже реальных правонарушений, к которым лично Верховный Правитель отношения не имел.

Вслед за омским восстанием 26 декабря выступили канские рабочие и присоединившиеся к ним четыре роты солдат. Они захватили управления военного начальника и полиции Канска, почту, вокзал и склад с оружием, разоружили железнодорожную охрану. 27 декабря железнодорожники захватили станцию

Иланскую к востоку от Красноярска и разоружили роту, посланную на подавление мятежа. 6 февраля рабочие Енисейска и местные солдаты заняли правительственные учреждения, арестовав чиновников города, прервали работу почты и телеграфа, освободили из тюрьмы политических заключенных. Потерпев поражение, канские, иланские и енисейские повстанцы ушли в тайгу, к партизанам (активное партизанское движение в крае началось еще в ноябре 1918 года). По словам одного из белых офицеров, «вся Енисейская губерния и часть Иркутской буквально горели в огне партизанщины». Местами наиболее активного партизанского движения стала территория между реками Енисей и Кан, объявленная Степно-Баджейской партизанской республикой со своей «партизанской армией» под командованием А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина, и окрестности села Тасеево – богатый хлебный район, связанный с рабочими золотых приисков енисейской тайги. Здесь была организована Тасеевская партизанская республика.

Уже в конце января 1919 года в Омске вновь была пресечена попытка вооруженного восстания. Все эти мятежи отвлекали войска с фронта, и зачастую для их подавления приходилось обращаться к иностранным подразделениям. Кроме того, карательные экспедиции (так назывались они и в официальных колчаковских документах) нередко действовали не только против партизан, но и против мирного населения, что лишь настраивало крестьян против власти Верховного Правителя и способствовало усилению влияния большевиков. Хотя необходимо отметить, что и партизаны действовали не только против войсковых соединений, а зачастую вели себя как разбойники, грабя и убивая мирных жителей, пуская под откос пассажирские поезда.

Помимо восстаний, огромный вред приносила и инертность значительной части населения, равнодушно смотревшей на происходящее и стремившейся жить по принципу «моя хата с краю». До прихода к власти Колчака сибирский и, отчасти, уральский крестьянин не познали еще, что такое аграрная политика большевиков. Не испытав прелестей продразверстки и других форм грабежа, сибиряк искренне полагал, что большевики отдадут землю именно ему. Именно поэтому многие крестьяне не хотели защищать колчаковский режим, так до конца и не поняв сути его аграрной политики и считая Всероссийское Правительство лишь «реставратором старых порядков».

Охарактеризовав внутриполитическую ситуацию, попытаемся рассмотреть, как влияли на нее личные качества Верховного Правителя. На всю его деятельность прежде всего накладывало отпечаток то, что он был человеком военным. Пути борьбы с

недостатками в работе аппарата управления в целом Колчак видел в постепенном сосредоточении всех важнейших направлений работы в собственных руках. Для этого при Ставке Главнокомандующего стали создаваться все новые и новые службы, что, естественно, упорядочению работы не способствовало. Как писал Управляющий делами Совета министров Г. К. Гинс, «адмирал – Верховный Главнокомандующий поглотил адмирала – Верховного Правителя, вместе с его Советом министров…» Впрочем, нужно отметить, что такая ситуация возникла далеко не сразу, первоначально Колчак был более тесно связан с Советом министров, больше опирался на него.

Одним из самых важных вопросов для Всероссийского Правительства было его международное признание. На Парижской мирной конференции 7 мая 1919 года глава британского кабинета Д. Ллойд-Джордж выразил надежду, что скоро правительство Колчака переберется в Москву. Считая своевременным признание новой всероссийской власти, английский премьер тем не менее хотел выговорить у Верховного Правителя ряд условий и получил в этом поддержку президента США В. Вильсона, добавившего, что от омского Правительства надо потребовать принятия и проведения программы демократических реформ. Настроения в пользу признания Колчака поддерживались даже некоторыми бывшими руководителями свергнутой Директории: так, Авксентьев выражал готовность служить адмиралу, который, естественно, приветствовал такое решение. В то же время без «условий» не обошлось и здесь: вместе с лидером «Лиги Республиканской России» А. Ф. Керенским эти политические банкроты просили Вильсона потребовать демократизации режима Колчака.

3 июня в Омск поступила обширная телеграфная нота из Парижа за подписью глав пяти союзных держав. В ноте говорилось о непримиримом отношении союзников к Советской власти, обещались материальная поддержка омскому Правительству и содействие реальному превращению его во всероссийское в том случае, если оно возьмет на себя ряд обязательств: созыв после взятия Москвы Учредительного Собрания, избранного на демократических основаниях, а при невозможности проведения свободных выборов – оставление прежнего (на 1917 год) его состава; обеспечение в Сибири гражданских свобод (свободного избрания муниципалитетов, земств и других общественных организаций, свободы вероисповедания); невосстановление помещичьего землевладения и сословных привилегий; признание независимости Финляндии и Польши, урегулирование отношений с прибалтийскими

государствами, Закавказьем и Закаспийской областью и признание их de facto; признание прежних русских долгов. Фактически эти требования были ничем иным, как вмешательством во внутренние дела России. Но выхода у Всероссийского Правительства в тот момент не было. В ответ, подготовленный министром иностранных дел И. И. Сукиным, адмирал внес две поправки: во-первых, отразить в письме несогласие с восстановлением в правах Учредительного Собрания 1917 года, поскольку в его состав входили большевики, и, во-вторых, – разъяснить, что он не останется на своем посту ни на один день позже, «чем того требуют интересы России». Ни присланную союзническую ноту, ни ответ на нее Верховный Правитель не счел необходимым довести до сведения Совета министров, почитая свое решение по этому вопросу исчерпывающим и окончательным.

Несмотря на некоторые недомолвки и неясности в ответе, он вполне удовлетворил «дружественные державы», обещавшие по-прежнему оказывать союзническую помощь. Единственное пожелание с их стороны состояло в том, чтобы Колчак, Вологодский и другие члены правительства почаще выступали в печати с рекламой своей «демократической» программы. Однако подлинного единодушия на Западе не было. Консервативные круги считали необходимым не только оказывать материальную поддержку омскому Правительству, но и признать его de facto и de jure; напротив, среди либеральной общественности, встревоженной «чинимыми в Сибири актами беззакония и произвола», господствовала противоположная точка зрения. В Англии ее разделяли лейбористы, требовавшие разрыва отношений с Омском. Учитывая серьезные выступления против поддержки Колчака, правительства стран Антанты стали скрывать истинные размеры оказываемой ему военной помощи. Главным же, что требовалось для признания сибирского Правительства, были победы его армий.

Омская дипломатия добивается военной помощи и на Востоке – от Японии. Улучшению отношений японцев к Колчаку способствовали боевые успехи его войск, а также относительная реабилитация Семенова и назначение Атамана помощником командующего Приамурским военным округом. О переориентации японской политики свидетельствовала и отставка еще в январе бывшего харбинского недоброжелателя Колчака, генерала Накашимы. Для признания Всероссийского Правительства, Японии было достаточно лишь подтверждения им всех долгов и международных обязательств прежних правительств. Получив необходимые заверения, японцы стали

торопить западных партнеров с признанием адмирала.

Близкими союзниками до недавнего времени были чехословаки, и Верховный Правитель даже предоставил им ряд льгот, в том числе право приобретать недвижимость в Туркестанском крае вопреки запрету на такого рода привилегии для других иностранцев. Первые разочарования в чехословацких легионерах появились у Колчака после самовольного оставления ими боевых позиций; далее его все больше раздражало нежелание чехов воевать, склонность их начальства к сближению с эсерами и меньшевиками, вызывающее всеобщее возмущение мародерство войск.

Наибольшую неприязнь Колчака вызывали два высших представителя Чехословакии в Сибири – генерал Я. Сыровой и гражданский комиссар Б. Павлу. А тут еще неожиданно разгневал Верховного Главнокомандующего и Гайда, выступивший с резкой критикой действий Ставки. Первый конфликт закончился примирением, но вскоре командующий Сибирской Армией был устранен со службы.

Говоря о союзнической помощи, нельзя не отметить, что оказывалась она далеко не безвозмездно. Она осуществлялась через займы или непосредственно под залог части золотого запаса Российской Империи, оказавшегося в руках Всероссийского Правительства. Общая номинальная стоимость запаса превышала 650 миллионов рублей, а на оплату поставок из-за рубежа Правительством было израсходовано около 242 миллионов.

Но, конечно, самым главным фактором, определявшим и внутреннюю, и внешнюю политику адмирала Колчака, оставалась непрекращающаяся война.

* * *

А дела на фронте шли с переменным успехом. Данные о численности армий Верховного Правителя в 1919 году несколько различаются между собой, совпадая лишь в указаниях на огромную разницу между числом бойцов и общей численностью едоков. Связано это было с тем, что в результате мобилизаций чрезвычайно разбухли тыловые учреждения и части. В декабре 1918 года численность боевого состава армий, по разным подсчетам, колебалась в пределах 100–120 тысяч человек, а к марту 1919-го она увеличилась до 150–170 тысяч. Помимо этого, в Сибири и на Дальнем Востоке находилось до 25 тысяч чехословаков, 36 тысяч японцев, 4–5 тысяч американцев, 1–2

тысячи англичан и канадцев, более 1 тысячи французов, а также формирования поляков, сербов, итальянцев, румын. Но практически все иностранцы находились в тылу, не принимая активного участия в боевых действиях.

Поскольку Колчак всегда продолжал чувствовать себя военным моряком, он, естественно, не мог не думать и о создании военно-морских сил, тем более что в его распоряжении было значительное количество морских офицеров, оказавшихся в Сибири после революции и развала флота. В течение 1918–1919 годов были сформированы три речные боевые флотилии – Камская, Обь-Иртышская и Енисейская, которые успешно взаимодействовали с сухопутными войсками, вели борьбу с флотилиями противника. Было сформировано также два подразделения морской пехоты – Отдельная бригада морских стрелков и Морской учебный батальон.

Противник же в декабре 1918 года имел в строю на Восточном фронте 750 тысяч человек, а к лету 1919 года – около одного миллиона.

В конце декабря 1918 года войска адмирала Колчака одержали крупную победу под Пермью, взятой на Рождество. Эта победа, принесшая значительные трофеи, имела и огромное моральное значение; не могли омрачить ее даже последующие неудачи на западном и южном участках фронта – оставление Уфы, Бирска, Оренбурга. «За разгром армий противника Русскими Армиями под управлением Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего адмирала А. В. Колчака, на основании параграфа 1 статьи 8-ой Георгиевского статута», Георгиевская Дума при Штабе Сибирской Армии поднесла адмиралу орден Святого Георгия III-й степени. «Принимая эту высокую воинскую награду, – писал Александр Васильевич в приказе, – я уверен, что доблестная возрожденная Русская армия не ослабеет в своем порыве и до конца доведет дело освобождения России от врагов и поможет ей снова стать могучей и сильной в среде великих держав мира».

Еще в те годы было сломано немало копий вокруг вопроса, правомерны ли награждения орденом Святого Георгия, практиковавшиеся на Востоке и Севере России, за отличия в Гражданской войне. На наш взгляд, для А. В. Колчака и многих, очень многих офицеров и солдат Белых Армий эта война вовсе не была междоусобной, а считалась продолжением Великой войны, поскольку большевики расценивались как ставленники немцев. В силу этого награждение Георгиевскими наградами в Гражданскую войну было для Верховного Правителя вполне правомерным.

Военные успехи зимой 1918/1919 года и весной 1919-го

стали пиком успехов армии Колчака, причем они непосредственно связывались с личностью адмирала, четыре раза выезжавшего на фронт и во время продолжительных пребываний там стремившегося вникать в нужды офицеров и солдат. Конечно, это еще больше укрепляло его авторитет.

В начале января 1919 года к Верховному Правителю приехал священник, посланный Святителем Тихоном, Патриархом Московским и всея России. Священник привез миниатюрную фотографию образа Святителя Николая Чудотворца с Никольских ворот Московского Кремля и благословение Патриарха «на борьбу с атеистической временной властью над страдающим народом Руси». По свидетельству личного адъютанта адмирала, Колчак сказал тогда: «Я знаю, что есть меч государства, пинцет хирурга, нож бандита… А теперь я знаю, я чувствую, что самый сильный – меч духовный, который и будет непобедимой силой в Крестовом походе против чудовищного насилия!»

После крупных успехов белых под Пермью и неудач под Уфой и Оренбургом положение на фронте стабилизировалось. Та и другая стороны готовились к решительному удару. И в начале марта 1919 года войска Колчака, упредив красных, перешли в наступление и стали быстро продвигаться к Волге. Но уже к концу апреля наступательный потенциал был исчерпан, а большевики под руководством М. В. Фрунзе начали энергичное контрнаступление. Изменение стратегической обстановки и отход белых на новые рубежи были связаны с неустойчивостью и прямым предательством некоторых частей, в том числе печально известного Украинского «куреня» имени Тараса Шевченко. Почти все лето армии Верховного Правителя терпят неудачи, они несут значительные людские и материальные потери.

19 июля по приказу Верховного Главнокомандующего войска перешли на продовольственное и фуражное самообеспечение за счет местных ресурсов, оплачиваемых из казенных средств. Однако приказ платить за все, приобретенное или изъятое у населения, выполнялся не всегда, что, естественно, вызывало озлобление.

Отступление продолжалось. Оказались израсходованными последние стратегические резервы. Только снятие большого количества красных полков и дивизий с Восточного на Южный и Петроградский фронты и срочные меры, предпринятые Колчаком и его сотрудниками, позволили задержать красных в сентябре – октябре во время боев на реке Тобол. На отдельных участках фронта колчаковским войскам удавалось достигать временных успехов, но с конца октября стремительное отступление возобновляется. 4 ноября противником был захвачен Ишим, 14

ноября – Омск, 22 декабря – Томск.

* * *

Колчак выехал из своей столицы 12 ноября, за два дня до ее падения. Во время отступления между ним и командованием чехословацких частей, за которыми стоял французский генерал Жанен, произошел конфликт, вызванный захватом бывшими союзниками двадцати тысяч железнодорожных вагонов. Помимо личного состава и имущества Чехо-Словацкого корпуса, вывозилось огромное количество «военной добычи», награбленной в России. Эти эшелоны забивали железнодорожные пути, замедляя или совсем останавливая эвакуацию русских беженцев и войск. Зачастую же чехи просто отбирали паровозы у санитарных и беженских эшелонов.

8 декабря на станции Тайга братья Пепеляевы – командующий 1-й армией (из войск переформированной Сибирской) генерал А. Н. Пепеляев и сменивший Вологодского на посту председателя Совета министров В. Н. Пепеляев – потребовали у Колчака срочного созыва Земского Собора и кадровых перестановок в военном и морском ведомствах, угрожая Верховному Правителю арестом. На следующий день братьями был предъявлен ультиматум, согласно которому адмирал должен был объявить о созыве Сибирского Земского Собора в срок до 24 часов 9 декабря. Однако ультиматум выполнен не был. Относительной нормализации обстановки способствовало назначение Главнокомандующим войсками фронта генерала В. О. Каппеля. Генерал М. К. Дитерихс на аналогичное предложение ответил, что вступит в командование только в случае, если Колчак уедет за границу…

14 декабря после упорных боев был оставлен Новониколаевск, а вскоре, в результате измены, потерян Красноярск. Положение отступающих войск, а вместе с ними и Верховного Правителя, становилось просто катастрофическим.

27 декабря два поезда Верховного Правителя (его собственный и поезд с золотым запасом) были задержаны чехами в Нижнеудинске, за Красноярском. Под видом охраны от нападения «союзники» фактически взяли Верховного Правителя в заложники. Колчаку была вручена телеграмма генерала Жанена с требованием оставаться на месте до выяснения обстановки. К тому времени вспыхнуло восстание в Черемхове, на пути к Иркутску, а за ним и в самом Иркутске.

Мятежники требовали от чехов выдачи Колчака, В. Н.

Пепеляева (который находился с ним в одном эшелоне) и золотого запаса взамен предоставления возможности свободной эвакуации из Сибири. В это же время шли переговоры между возглавившим иркутское восстание «Политическим Центром» (коалиция эсеров и социал-демократов при негласном участии большевиков), Жаненом и Советом министров о сдаче последним власти Политцентру. 3 января 1920 года Совет министров посылает Колчаку телеграмму с требованием об отречении от власти и передаче ее А. И. Деникину. Адмиралу ничего не оставалось, как выполнить это требование, издав на следующий день свой последний указ.

Теперь речь шла только о спасении жизни, что дало бы возможность продолжать борьбу. Рассматривался вариант отступления в Монголию. Колчак счел этот план приемлемым только при добровольном согласии солдат конвоя, но те покинули адмирала. Неожиданная измена конвоя так потрясла его, что он поседел за одну ночь. Фактически предали своего Верховного Главнокомандующего, отказав ему в помощи, и приближенные офицеры… Еще раньше союзники предложили вывезти в своем эшелоне одного Колчака, без сопровождающих лиц. Но от этого предложения категорически отказался уже адмирал.

И генерал Жанен просто-напросто предал Александра Васильевича, заявив: «Мы психологически не можем принять на себя ответственность за безопасность следования адмирала… После того, как я предлагал ему передать золотой запас под мою личную ответственность и он отказал мне в доверии, я ничего уже не могу сделать».

Эшелон Верховного, разукрашенный флагами союзных держав, приближался к Иркутску. На станции Черемхово к охранявшим Колчака чехам присоединилась охрана из революционных рабочих. Вечером 15 января поезд прибыл в Иркутск, где Колчак, Пепеляев, Тимирева и 113 человек, еще остававшихся в эшелоне, были заключены в Иркутскую губернскую тюрьму.

С 21 января по 6 февраля Колчака допрашивали члены следственной комиссии, назначенной Политцентром. Всего прошло девять заседаний. Реальных обвинений Колчаку члены комиссии выдвинуть не могли, и значительная часть протоколов посвящена выяснению обстоятельств дореволюционной биографии Колчака; лишь в самом конце вопросы стали касаться карательных операций и репрессий, проводившихся в период возглавления им Всероссийского Правительства. Опубликованные в СССР в 1925 году протоколы допроса, уже начиная с 1930-х

годов, стали изыматься из библиотек и оказались практически недоступными читателям: даже «отредактированные» и, как доказано сейчас, искаженные – они не могли скрыть благородный облик адмирала, невольно показывая его вовсе не таким, как требовала советская пропаганда и верно служившая ей историография.

По самой распространенной версии, 7 февраля адмирал Александр Васильевич Колчак и Виктор Николаевич Пепеляев были убиты около устья реки Ушаковки при впадении ее в Ангару. Существуют, впрочем, и свидетельства в пользу того, что убийство было совершено либо в тюремных камерах, либо во дворе тюрьмы. Когда председатель следственной комиссии С. И. Чудновский, войдя в камеру Колчака, объявил ему «приговор» – постановление Иркутского Военно-Революционного Комитета, адмирал якобы не смог сдержать восклицания: «Как! Без суда?» Для него – цивилизованного человека – было непостижимо, как можно отправлять на смерть без какого-либо разбирательства и без доказательства вины. В бытность свою Верховным Правителем он сам старался не допускать ничего подобного и сурово наказывал виновных. Чудновский отказал Колчаку в последней просьбе – проститься с А. В. Тимиревой. На просьбу же передать супруге, которая уже находилась в Париже, что он благословляет своего сына, Чудновский ответил только: «Если не забуду – сообщим». Можно только представить себе, как звучало бы благословение, переданное палачом-чекистом…

Перед смертью Колчак вел себя мужественно, не позволил завязать себе глаза. Тела убитых были опущены в вырубленную во льду Ангары прорубь напротив Знаменского монастыря. 21 ноября 1999 года на месте гибели А. В. Колчака и В. Н. Пепеляева установлен памятный крест.

В наши дни среди местных краеведов возникла версия о том, что в апреле, после вскрытия льда на Ангаре, тело Колчака всплыло близ поселка Усть-Куда, где его нашел и похоронил местный крестьянин, и, хотя переоценивать ее правдоподобия нельзя, сейчас предполагается провести экспертизу останков с целью установить, действительно ли они принадлежат Александру Васильевичу.

Долгое время считалось, что вопрос об убийстве Колчака был в спешном порядке решен Иркутским Ревкомом, так как к Иркутску в тот момент приближались белые войска под командованием сменившего Каппеля генерала С. Н. Войцеховского. Но сегодня можно считать практически доказанным, что убит без суда Колчак был по распоряжению лично Ленина, который в записке заместителю Председателя

Реввоенсовета Республики Э. М. Склянскому распорядился послать председателю Реввоенсовета 5-й армии И. Н. Смирнову шифровку следующего содержания: «Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму, что местные власти до нашего прихода поступали так и так под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске». Записка эта не имеет даты, однако сопоставление ее текста с текстами других документов и с биографической хроникой жизни Ленина позволило датировать ее двадцатыми числами января.

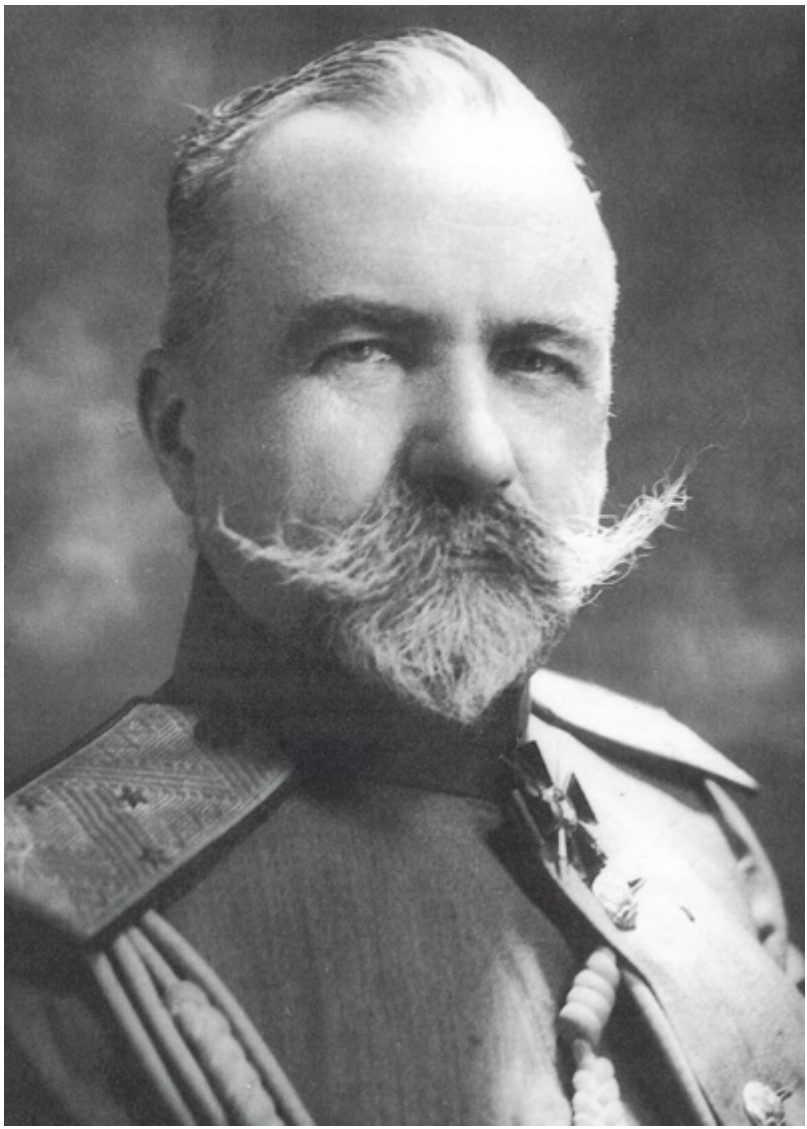
* * *

Подводя итоги жизни и деятельности Александра Васильевича Колчака, можно сказать, что для него всегда на первом месте находились интересы Отчизны. Так было и во время его полярных исследований, и в Порт-Артуре, и во время Великой войны. Принимая на себя верховную власть в 1918 году, адмирал вполне осознавал, сколь тяжел этот крест, и нес его до конца своей жизни. Закончить же рассказ об этом человеке лучше всего словами его друга и соратника М. И. Смирнова:

«Вождей Гражданской войны принято называть “белыми вождями”. Белый цвет есть признак чистоты намерений, честности жизни, искренности души. Ни к кому другому так не подходит название “белый вождь”, как к Адмиралу Колчаку».

Н. А. Кузнецов

Генерал-лейтенант Е. К. Миллер



Евгений-Людвиг Карлович Миллер, один из самых талантливых генералов Императорской Армии, сыграл значительную роль в борьбе с большевизмом на Севере России. Родился он 25 сентября 1867 года в городе Динабурге (Двинске) Витебской губернии, в старинной дворянской семье, и на русской службе сохранившей лютеранское вероисповедание. Уже будучи в эмиграции, Миллер писал: «В доме моих родителей с детских лет я был воспитан как верующий христианин, в правилах уважения к

человеческой личности, – безразлично, был ли человек в социальном отношении выше или ниже; чувство справедливости во взаимоотношениях с людьми, явное понимание различия между Добром и Злом, искренностью и обманом, правдой и ложью, человеколюбием и звериной жестокостью – вот те основы, которые внушались мне с детства». Это воспитание заложило основы его личности, определило судьбу и его выбор места в годы Смуты.

После окончания Николаевского кадетского корпуса, 31 августа 1884 года Евгений Карлович поступил в Николаевское кавалерийское училище, которое окончил вахмистром эскадрона, и в 1886 году был произведен в корнеты Лейб-Гвардии Гусарского Его Величества полка. «Кадетский корпус, кавалерийское училище и полк, в котором я имел честь и счастье служить, заострили во мне чувство любви к Родине, чувство долга перед Россией и преданности ее Государю как носителю верховной державной власти, воплощающему в себе высший идеал служения России на благо русского народа», – вспоминал он.

В том же году произошло и другое знаменательное событие в жизни Евгения Карловича – он женился на Наталии Николаевне Шиповой, дочери генерал-адъютанта Н. Н. Шипова. «Тата», как ласково называл ее Миллер, унаследовала имя и красоту от своей родной бабушки Наталии Николаевны Пушкиной, дочерью которой от второго брака была мать Наталии Шиповой, София Петровна. Любовь к супруге Евгений Карлович пронес до конца своих дней.

После необходимых трех лет в строю Миллер поступил в Николаевскую Академию Генерального Штаба, окончив ее по первому разряду в 1892 году. Но уже в следующем году он был «уволен от службы для определения к штатским делам, с переименованием в коллежские ассесоры», правда, «сохранив при этом все права и преимущества военной службы». В июле 1896 года Миллер был Высочайшим приказом переименован в капитаны со старшинством с 30 августа 1891 года, после чего начинается его служба по Генеральному Штабу. Важной ступенью военной карьеры Миллера стала должность военного агента (атташе) в Бельгии и Голландии (с 12 февраля 1898 года). В этом качестве Евгений Карлович принимал участие в подготовке первой Гаагской мирной конференции, созванной в 1899 году по инициативе России и выработавшей конвенции «О мирном решении международных столкновений», «О законах и обычаях сухопутной войны», «О применении к морской войне начал Женевской конвенции 1884 года о раненых и больных». 14 августа 1901 года Миллер был назначен российским военным агентом в

Риме, а 6 декабря 1901 года за отличие по службе произведен в полковники. В Италии он находился до 1908 года.

В 1908–1909 годах Миллер вновь на строевой службе – командир 7-го гусарского Белорусского Великого Князя Михаила Михайловича полка и (временно) 7-й кавалерийской дивизии. В 1909 году за отличия по службе он был произведен в генерал-майоры и возглавил Отдел 2-го обер-квартирмейстера Главного управления Генерального Штаба, который руководил всеми военными агентами за границей и изучал театры военных действий и армии как возможных противников, так и союзников. Один из подчиненных Миллера в эти годы так характеризовал своего начальника: «Спокойной и приятной была также общая атмосфера во всем нашем отделе благодаря Е. К. Миллеру. Образованный и светски-воспитанный, бывший лейб-гусар… Миллер принес с собою обычаи и привычки человека общества, офицера хорошего гвардейского полка и европейца, плюс свое природное доброжелательство. Он завел в помещении отдела общие завтраки, на которых председательствовал сам и которыми пользовался, чтобы короче узнать своих офицеров и сближать их между собою».

С 1910 по 1912 год Миллер занимал пост начальника Николаевского кавалерийского училища. Обучение для юнкеров было довольно тяжелым, но, как вспоминал один из выпускников училища, «отношение начальства и корнетства (юнкеров выпускного года. – *Н. К.*) было отличное… Как приятно было иметь начальником училища генерала Миллера, который сам когда-то был корнетом школы и “Земным Богом” (вахмистром. – *Н. К.*)». Миллер прекрасно понимал юнкеров и даже на «цук» (беспрекословное подчинение юнкеров-первогодков старшим юнкерам, выполнение любых их команд и приказаний) смотрел сквозь пальцы, считая, что это необходимо для воспитания будущего офицера. Другой воспитанник училища рассказывал о традиционном «вечернем обходе», когда командовавший пародийным шествием юнкер был не только загримирован под любимого начальника училища, но и… одет в шинель самого генерала. Единственным приказанием Миллера было – не производить шума в помещениях, расположенных над его квартирой.

В ноябре 1912 года Миллер стал начальником Штаба Московского военного округа, войсками которого командовал генерал П. А. Плеве. По мобилизационному плану из войск округа формировалась V-я армия, а Штаб округа во главе с Миллером должен был образовать ее Штаб.

* * *

Летом 1914 года жизнь войск округа шла обычным чередом. В мае все они перешли для летних занятий в лагеря; один из полков Гренадерской дивизии и несколько других частей стояли лагерем на Ходынском поле под Москвой, куда приехал и командующий войсками округа генерал Плеве со своим Штабом. По воспоминаниям Миллера, он «не ощущал никаких тревожных признаков; к половине июля Сараевский выстрел, вызвавший всеобщее негодование, казалось, уже принадлежал истории…»

10 июля Миллер собрал в лагерь на Ходынке большинство офицеров Генерального Штаба со всего округа – командиров корпусов, начальников дивизий и младших офицеров – капитанов Генштаба для полевой поездки (это было предусмотрено заранее разработанным планом). 11 июля группа численностью около тридцати офицеров выехала в район в 40–45 верстах от лагеря и весь день 12 июля провела в поле; «в военных кругах царило полное спокойствие и уверенность в нерушимости мира». Лишь на следующее утро, в воскресенье, около шести часов, Миллер получил присланное с нарочным распоряжение немедленно вернуться в Москву, а всем генштабистам – разъехаться по своим местам службы. Колесо войны было запущено, и не в силах России оказалось остановить его, хотя Императором Николаем II были сделаны для этого все усилия, испробованы все пути, совместимые с честью и достоинством Сербии и ее покровительницы России.

О том, что Императорское Правительство сделало все возможное для предотвращения войны, писал Миллер в статье по поводу 20-летия ее начала. Но в те же годы в частном разговоре со своим подчиненным по Русскому Обще-Воинскому Союзу князем С. Е. Трубецким он горячо нападал на тогдашнего министра иностранных дел С. Д. Сазонова и все русское правительство: «Надо было во что бы то ни стало сохранить тогда мир, даже если для этого нам пришлось бы пойти на большие уступки. Лет через 10–15 Россия была бы настолько сильна, что могла бы диктовать Германии и Австрии свои условия… Надо было тогда бросить Сербию, и войны бы не было, а потом, усилившись, мы могли бы воздать той же Сербии сторицей». Генерал считал, что, бросив Сербию, Россия купила бы этим десятилетие мира… История, как известно, не терпит сослагательного наклонения. Трудно сказать, к чему бы привела такая позиция России; скорее всего, в тех условиях война все равно разразилась бы, но честь России потерпела бы урон.

Генерал Миллер выступил на войну в должности начальника

штаба V-й армии, которая вместе с III-й, IV-й и VIII-й армиями образовала Юго-Западный фронт. Задачей их было – ударить по главным линиям сообщения австрийских армий в северо-западной части Галиции и таким образом отрезать войска, собранные в Восточной Галиции, от Австро-Венгрии и союзников-немцев. Развернулась Галицийская битва, принесшая первый успех русскому оружию. Она определила и первый успех Миллера как талантливого генштабиста.

Русские войска одержали решительную победу, после которой генерал Плеве заставил заговорить о себе как о выдающемся военачальнике, толковом, чутком в отношении планов противника, решительном, настойчивом и храбром. Но его подчиненным, и особенно ближайшему сотруднику – генералу Миллеру, было с ним нелегко в силу его педантичности, излишней требовательности и мелочности.

В конце 1914 года германская армия предприняла наступательную операцию, чтобы остановить русское продвижение по левому берегу реки Вислы. Генерал Миллер в качестве начальника Штаба V-й армии принимал участие в отражении наступления немцев на Варшаву, а затем – в Лодзинской операции. С декабря весь русско-германский и русско-австрийский фронт превратился в стабильную линию, на которой велась позиционная война и которая не изменялась до конца января 1915 года.

За боевые отличия Миллер был 31 декабря 1914 года произведен в генерал-лейтенанты. В январе 1915 года он формировал Штаб XII-й армии Западного фронта (в командование ею вступил генерал Плеве) и с этой армией в должности начальника ее Штаба принимал участие в дальнейших военных действиях.

1915 год не принес России желаемых побед: в январе на Юго-Западном фронте началось новое наступление австрийских войск, и почти одновременно, в феврале, германские армии в Восточной Пруссии двинулись на Августов – Гродно, где бои шли до марта. А уже с конца апреля началось германское наступление в Курляндии, и эта операция растянулась почти на пять месяцев, в течение которых русские войска отступали с тяжелыми боями. С мая 1915 года двинулись вперед в верховьях Вислы, на Дунайце, австрийские армии, что также привело к затянувшемуся до осени отступлению русских.

Генералы Плеве и Миллер в начале мая были переведены на Риго-Шавельское направление (Северо-Западный фронт), где V-й армии – теперь они вновь ее возглавили – была поставлена задача ликвидации наступления немцев на Митаву и Ригу. Разыгралось

сражение под Шавлями, результатом которого стала оккупация немцами почти всей Курляндии.

Тяжесть обстановки сочеталась с тяжестью службы под началом П. А. Плеве, обладавшего выдающимся стратегическим талантом, силой воли и упорством, но в общении умевшего быть невыносимым. Служивший летом 1915 года ординарцем генерала Миллера штаб-ротмистр А. А. Карамзин рассказывал: «Павел Адамович смотрел на всех, в том числе и на Евгения Карловича, как на мальчишек и требовал невероятной четкости исполнения приказов, словно командир эскадрона у нижних чинов. Начальник штаба нес на себе не только все нелегкие обязанности, присущие должности, но и помогал командующему, как мог, был своеобразной “записной книжкой”, дневным и ночным чтецом донесений, и даже… нянькой, а потому уставал ужасно». Другое свидетельство мы находим в воспоминаниях последнего Протопресвитера Русской Армии и Флота отца Георгия Шавельского, который застал как-то Миллера в совершенно удрученном состоянии, с жалобами на своего командующего по поводу его мелочного и придирчивого характера. «Сил у меня больше не хватает служить с ним… У меня весь дневной отдых сводится к получасу от 8.30 до 9 ч[асов] утра. Этими 30-ю минутами я пользуюсь для верховой прогулки, после чего в девять часов иду с докладом к командующему. Сегодня я запоздал ровно на 5 минут. И командующий разразился градом упреков по поводу моей “неаккуратности”… Силы совсем оставляют меня. Я готов куда угодно пойти, хотя бы и в командиры бригады, лишь бы избавиться от этой каторги», – говорил Миллер Шавельскому. Последний этот разговор с Миллером передал его старому сослуживцу Лейб-Гвардии по Гусарскому полку – самому… Императору Николаю II, который якобы пообещал Миллера выручить.

В августе 1915 года продолжалось непрерывное отступление русских войск на стратегически важном, центральном участке Западного фронта: были оставлены без боя Варшава, Иван-Город, Ковно, Новогеоргиевск (Модлин), Оссовец, Брест-Литовск, Гродно… 23 августа произошла смена верховного командования: Николай II Сам стал Верховным Главнокомандующим, а начальником Своего Штаба назначил бывшего Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта генерала М. В. Алексеева. Генерал Плеве был назначен осуществлять общее руководство группировкой в составе V-й, X-й и XII-й армий. Командование V-й армией было передано генералу В. И. Гурко, у которого Евгений Карлович оставался начальником Штаба до августа 1916 года. А вскоре, истощив свои силы, обе

воюющие стороны стали зарываться в землю. Ноябрь – декабрь 1915 года прошли в неподвижной окопной войне на фронте, установившемся по линии Карпаты – Пинск – Двинск – Рига.

Начальник Миллера генерал Плеве с декабря 1915 года по февраль 1916 года командовал армиями Северного фронта, заменяя болевшего генерала Н. В. Рузского. Князь С. Е. Трубецкой вспоминал впоследствии, что престарелый Плеве в это время уже «ничего толком не понимал в самом простом деле и говорил вещи, которые я предпочитаю назвать наивностями, чтобы не употребить более резкого слова». Много лет спустя Миллер в разговоре с Трубецким признался, что уже и при командовании Плеве V-й армией «с ним случались такие моменты впадания в детство»… Тем выразительнее характеризует Миллера тот факт, что он никогда во время войны не говорил об этом и поддерживал пиетет по отношению к Плеве. По состоянию здоровья в феврале 1916 года генерал Плеве был, наконец, освобожден от командования, а в марте он скончался.

Генерал Миллер продолжал состоять начальником Штаба V-й армии при генерале Гурко, а с августа – при сменившем его генерале А. М. Драгомирове. 28 декабря 1916 года Евгений Карлович был назначен на Румынский фронт, в IX-ю армию генерала П. А. Лечицкого, на должность командира XXVI-го армейского корпуса. В январе частями корпуса под командованием Миллера было проведено наступление, увенчавшееся полным успехом – занятием укрепленной позиции в Карпатах, взятием большого числа пленных, пушек и пулеметов. Это была последняя успешная боевая операция на фронтах Великой войны, в которой он участвовал.

* * *

В конце февраля 1917 года на Румынском фронте неожиданно поползли зловещие слухи о беспорядках в Петрограде, затем пришло сообщение об отречении Императора Николая II от Престола. Армия была ошеломлена внезапно свалившейся на нее революцией. Присяга новому Временному Правительству произвела тягостное впечатление в IX-й армии, а командовавший ею генерал Лечицкий в конце марта подал в отставку.

В Действующую Армию к тому времени был передан преступный «приказ № 1», убивавший дисциплину и способствовавший потере контроля над Армией со стороны офицеров. Реформы по инициативе военного министра А. И.

Гучкова начались с увольнения огромного числа генералов. Затем пошли братания, особенно в пехотных частях. В полках появились провокаторы, начались гонения на офицерство и генералитет. Всюду было неспокойно.

Печально закончились эти дни и для генерала Миллера. На второй день Пасхи, 3 апреля 1917 года, в городе Кимполунги, где стояли Штабы XXVI-го армейского и V-го кавалерийского корпусов, Евгений Карлович был избит и арестован «революционными солдатами». Взбунтовалась маршевая рота, прибывшая на пополнение в его корпус и подстрекаемая писарями Штаба корпуса (чем не угодил Миллер писарям?). Этот эпизод запечатлелся в памяти одного из командиров полков: «На меня эта зверская расправа произвела ужасное впечатление, и я пришел к заключению, что все кончено. Больше нет Армии, а есть толпа каких-то бессознательных животных… я уехал с разбитым сердцем к себе на позицию».

По приказанию военного министра генерал Миллер был отправлен в распоряжение Главнокомандующего Петроградским военным округом. В августе 1917 года Евгения Карловича назначают представителем Ставки при Итальянском Главном Командовании, куда он и отбывает. Но вскоре, после перехода власти в России в руки большевиков, генерал отказался поддерживать сношения с Главным управлением Генерального Штаба и Ставкой, которые первые недели новой власти еще продолжали функционировать. За это Миллер заочно был предан суду революционного трибунала. После заключения Брест-Литовского мира Евгений Карлович покинул Италию.

С сентября 1918 года он находился в Париже, выясняя возможности сформировать боевую часть из чинов русских бригад, которые раньше дрались на французском фронте. Четыре Особых пехотных бригады были по просьбе союзников посланы Императорским Правительством во Францию и на Салоникский фронт еще в 1916 году. В связи с революцией в России солдаты 1-й и 3-й бригад, находящихся во Франции, в июле 1917 года отказались воевать и подняли бунт, который был подавлен, а бригады – расформированы. Из бунтовщиков были созданы рабочие команды, часть отправлена на работы в Африку. Во Франции Евгению Карловичу пришлось бездействовать больше года: постепенно выяснилось, что никакого дела для него здесь не будет. Но в октябре и начале ноября 1918 года русским послом в Париже В. А. Маклаковым были получены из Архангельска телеграммы, содержащие просьбу о немедленном выезде генерала Миллера на Русский Север, где с августа разворачивалась борьба против большевиков.

11 ноября было заключено перемирие – Первая мировая война окончилась. Впоследствии, в 1930-е годы, Евгений Карлович так оценивал ее последствия: «Все государства, все народы, принявшие в ней участие – и победители, и побежденные – вышли из нее израненными и покалеченными… Что дала война миру?.. Она привела весь мир к большому падению в моральном и материальном отношении… Моральное падение даже не осознается; но оно-то и является источником всех кризисов – и экономических, и политических, и социальных, ибо, когда люди и правительства забыли все человеческие и Божеские законы – честность, человечность, когда безответственность и безнаказанность вводят в принцип управления людьми, народами и государствами, то наступает эпоха постоянного кризиса – кризиса доверия. Но не этим одним определяется характер нового периода мировой истории, начавшейся 1 августа 1914 года». И далее Миллер пишет об уроке, «данном культурному миру нашей несчастной родиной», – коммунизме, победа которого стала возможна в России в результате мировой войны. Его он определяет как главного врага Христианской европейской цивилизации, призывая всеми силами бороться с «вождями коммунистического интернационала, которые уничтожают все – семью, веру, собственность, личную свободу, и низводят человека до состояния бессмысленного животного, хуже, чем раба и невольника».

В конце 1918 года Миллер отправился для борьбы с коммунизмом в Архангельск. За несколько дней до выезда из Парижа он получил телеграмму от Временного Правительства Северной Области, уведомлявшую, что его хотят назначить генерал-губернатором. Из-за общего недостатка информации о событиях в России для Миллера оставалось не очень ясным, «что представляет собой Северная область»…

По пути в Архангельск Миллер остановился в Лондоне, где посетил начальника британского Генерального Штаба генерала Г. Вильсона, чтобы от него узнать о силах союзного английского контингента в Северной Области и о военных планах союзников на будущее. То, что он услышал, повергло его в глубокое разочарование. Конец мировой войны совершенно изменил точку зрения английского правительства на десантные операции на Севере России: если раньше, опасаясь проникновения туда немцев, англичане готовы были принимать участие в борьбе против немецких ставленников – большевиков, то с заключением мира ни о каких активных действиях не могло быть и речи. Миллеру стало ясно, что англичане теперь могут оставаться там только временно, и не для борьбы с большевиками, а для

политического и экономического захвата Области. Дальнейшие события в целом подтвердили эти мрачные прогнозы.

С тяжелым чувством Евгений Карлович взошел на корабль, который должен был доставить его в Мурманск. Его спутники – английские офицеры с искренней ненавистью говорили о большевиках: многие из них уже побывали в России и составили себе о них определенное мнение. Но, к сожалению, решающий голос имели не они, а лондонские политики…

10 января 1918 года Миллер пересел в Мурманске на русский ледокол «Канада», где был встречен капитаном ледокола со всеми почестями как старший представитель военной власти. Мог ли генерал тогда предположить, что всего через 14 месяцев эта же «Канада» под командой этого же капитана будет пытаться артиллерийским огнем потопить ледокол «Козьма Минин», на котором он покинет Россию, уходя в изгнание?

Сейчас Евгению Карловичу предстояло начинать свою работу в Архангельске, куда он прибыл 13 января 1919 года.

* * *

К моменту прибытия на Север генерала Миллера там были сформированы русские части следующей численности: в Архангельске – около 2 000 штыков и сабель; на Мурмане – 800 штыков и сабель; в долине реки Онеги – около 400; в Селецком районе – регулярная рота численностью около 800 человек и партизанские отряды – более 600 человек; в Двинском районе – около 400; на Пинеге – около 400; наконец, в Мезенско-Печорском районе – около 600 человек. Во главе Области стояло Временное Правительство во главе с народным социалистом Н. В. Чайковским, предпринявшее попытку создать на Севере особую модель политического режима, характеризующуюся демократичностью и союзом всех антибольшевицких сил. Позднее Чайковский, подводя итоги построения власти в Северной Области, видел ее сущность в том, «1) что во время войны политическое управление, т. е. вся организация правительства должна быть направлена к обслуживанию главного командования в его оперативных действиях и 2) и в то же время оно должно сохранять за собой самостоятельность в глазах населения, являясь для него защитником его прав и свобод и посредником между ним и военным командованием».

В составе Правительства был образован орган военного тылового управления в лице военного генерал-губернатора, который являлся в то же время и главой министерств: военного,

путей сообщения и почт и телеграфов. В его же подчинении, в организационном (но не оперативном) отношении, состоял и командующий русскими вооруженными силами; в оперативном же отношении последний подчинялся непосредственно союзному командующему, которым в тот момент был английский генерал У.-Э. Айронсайд.

Прибытие Евгения Карловича Миллера явилось значительным политическим событием для Северной Области, в январе обедневшей на две яркие личности – отбыл в Париж глава Правительства Чайковский (а из оставшихся членов Правительства никто не обладал авторитетом в глазах союзников) и уехал французский посланник Ж. Нуланс, дуайен дипломатического корпуса и преданный друг России. С его отъездом на первый план выдвинулось английское командование.

Особым праздником был приезд Миллера для командующего войсками Северной Области генерала В. В. Марушевского, поскольку тот «жаждал отдать часть работы в опытные руки Евгения Карловича» и с его прибытием «приобретал и старшего опытного товарища, и доброжелательного начальника».

Вопрос о функциях Миллера в правительстве разрешился очень быстро. Постановлением Председателя Временного Правительства он назначался «Генерал-Губернатором Северной Области с предоставлением ему в отношении русских войск Северной Области прав Командующего отдельной армией». Этим же постановлением генерал Марушевский назначался «командующим русскими войсками Северной Области с подчинением его Генерал-Губернатору и с предоставлением ему в отношении русских войск Северной Области прав Командующего армией». Разделение функций Миллера и Марушевского прошло, видимо, легко. В непосредственном подчинении Марушевского оставались:

«1. Все войсковые части, управления, учреждения и заведения Военного Ведомства, находящиеся в пределах Северной Области.

2. Добровольческие и партизанские отряды.

3. Офицерские школы.

4. Штаб командующего войсками Северной Области, каковой реорганизуется в Управление Командующего войсками.

5. Архангельская местная бригада, на каковую возлагается призыв и учет военнообязанных…

6. Главный Военный Прокурор с Военно-окружным Судом», – приказ же генерал-губернатора от 18 января 1919 года объявлял, что в непосредственном подчинении ему состоят: Командующий войсками Северной Области; командующий флотилией Северного Ледовитого океана; управляющий отделом внутренних дел по

должности губернского правительственного комиссара; помощник генерал-губернатора Северной Области по управлению Мурманским районом; заведующий путями и сообщениями Северной Области; комендант города Архангельска; Военная канцелярия генерал-губернатора, юрисконсульт и чины для поручений. Кроме этого, перед своим отъездом в Париж, 21 января 1919 года Чайковский возложил на Миллера исполнение обязанностей управляющего Отделом иностранных дел.

Этот последний Отдел был важным звеном управления Северной Областью: занимая эту должность, генерал выступал от лица Временного Правительства по вопросам экономической и военной помощи Области, снабжения боеприпасами и продовольствием, вербовки добровольцев заграницей, освоения природных богатств Северной России и т. д. Миллеру пришлось вести обширную переписку с высшими политическими, военными и финансовыми кругами иностранных государств о стабилизации курса выпускаемых для Области «северных рублей» и других финансовых операциях. Кроме того, ежемесячно необходимо было сноситься с белогвардейскими посольствами заграницей, с военными агентами во Франции, Сербии, Дании, Англии, Голландии. Последним по приказу Миллера делались значительные денежные переводы.

Главной же заботой для Миллера, так же как и для его предшественника Марушевского, оставалась мобилизация. К концу марта 1919 года численность русских войск достигла 14 000 человек, половина которых находилась на фронте; к концу апреля белые уже имели на Севере 16-тысячную армию. Кроме того, с приездом Миллера Марушевский получил сведения о состоянии офицерского запаса заграницей, который оказался огромным; впрочем, на призыв ехать на Север не откликнулся почти никто. Лишь в мае прибыло небольшое количество офицеров, навербованных в Стокгольме, и к концу июля – около 350 офицеров и чиновников из Лондона. Продолжалась организация полков из находившихся на фронте отдельных русских рот. Первоначально все Северные стрелковые полки были двухбатальонного состава, а батальоны – двух– и трехротные. Марушевский надеялся перевести все батальоны в трехротный состав, а затем переходить к трехбатальонному составу в полках.

В конце мая 1919 года в русских войсках Северной Области началось формирование высших соединений. Приказом Миллера от 30 мая 3-й и 4-й Северные стрелковые полки были сведены во 2-ю, а 5-й и 6-й полки – в 3-ю Северную стрелковую бригаду (в июле в 3-ю бригаду временно был включен также 7-й полк из Селецкого района). В июне формирование продолжилось:

приказом Миллера были образованы 9-й (на Мурмане) и 10-й (на Печоре) Северные стрелковые полки, а в июле из 2-го и 9-го полков приказом Миллера была сформирована 5-я Северная стрелковая бригада. В итоге летом русская армия состояла из одиннадцати полков численностью около 20 тысяч человек. Это был максимум, т. к. за год напряженной работы под ружье было поставлено почти все боеспособное население края, и далось это с большим напряжением. Генерал Айронсайд отмечал, что русские войска по своим качествам превосходили большевиков, а их военачальники Миллер и Марушевский пользовались авторитетом у британских командиров.

Формируемые русские части все довольствие получали с английских складов. Снабжение было организовано на широкую ногу, но англичане отказывались передать необходимое снаряжение в распоряжение русского Штаба, и Марушевскому каждый раз приходилось предоставлять отдельное ходатайство для снабжения формируемой единицы. Когда же однажды он самостоятельно повысил оклады некоторым чинам своей армии, последовала отповедь, что такие вопросы может решать только английский Штаб. Русские части отправлялись на фронт на менее ответственные и более глухие позиции, т. к. основные были заняты союзниками. Кроме того, сосредотачивать русские части как отдельные крупные единицы на отдельных участках фронта не допускалось.

В марте 1919 года в Архангельске было создано так называемое Национальное Ополчение Северной Области, предоставлявшее возможность «стоять на страже государственного порядка» в тылу тем, кто не мог отправиться на фронт. Неся караульную и патрульную службу, оно освобождало от этих обязанностей регулярные войска. В Ополчение зачислялись все способные носить оружие жители, обучение которых велось офицерами резерва (больные, отдыхающие) и штабов, находящимися в городе. По свидетельству современника, «архангельские жители начали спать спокойно», а Миллер в своем приказе от 6 июля 1919 года отмечал, что со своей задачей Национальное Ополчение справлялось блестяще. Сам он в июне стал его начальником. Генерал подчеркивал, что «только при обеспеченном тыле, при полной уверенности войск, что сзади, в спину нам не может быть нанесен удар, работа их будет спокойной, уверенной, а потому и плодотворной». Большие надежды возлагал Миллер на Ополчение и в будущем, считая, что «с продвижением войск вперед, по мере очищения страны от явных большевиков, яд большевистской заразы не скоро еще исчезнет, он только сделается невидимым, зароется в подполье и

будет ждать случая, чтобы снова разлить свою отраву по всей стране», чему и будут противодействовать дружины.

Участники и очевидцы военных действий на Северном фронте утверждают, что по своим качествам Белая Армия там приближалась к старой, дореволюционной армии; во всяком случае, руководившие ею генералы Миллер и Марушевский стремились сделать все возможное для достижения этого. Главная трудность заключалась в катастрофическом недостатке офицерских кадров. Все держалось на небольшой группе кадровых офицеров, основную же массу составляли «офицеры военного времени» (произведенные в течение Великой войны). Из них часть не была склонна к активной борьбе и старалась устроиться в тыловых и хозяйственных учреждениях. Другая группа, напротив, принадлежала к самым доблестным и самоотверженным бойцам, вышедшим из простой среды партизан-добровольцев. Одну из самых важных задач при формировании армии Миллер видел в том, чтобы «всеми силами стараться восстановить полное уважение к офицерскому мундиру и поддержать офицерское достоинство в возможной чистоте, как символ возрождающейся русской армии».

Нельзя не отметить постоянную заботу Миллера о материальном обеспечении офицеров и солдат, их питании, досуге, быте. Ни на одном Белом фронте не было такого содержания, как на Севере, причем оклады изменялись в зависимости от падения курса «северного рубля» и повышения цен; семьи же офицеров, находившиеся заграницей, получали пособия в валюте. Разница окладов на фронте и в тылу была значительна, с точным указанием фронтовых районов. После принятия Миллером должности Главнокомандующего им был открыт в лучшем общественном здании Архангельска – Коммерческом собрании – русский солдатский клуб, где имелись читальня, биллиардная, столовая, кухня, солдатская лавочка, зрительный зал. Деятельность клуба помогала солдатам скрасить их досуг: здесь читались лекции, давались концерты и спектакли. Как отмечал очевидец, Миллер пользовался в солдатской массе заслуженной популярностью. Солдат он «подкупал не пышными речами и игрой на популярность, а своей неустанной заботливостью об улучшении… быта и материальных нужд, что более всего ценит наш народ».

* * *

По мере формирования и роста русской армии нарастала

напряженность в отношениях между русским и союзным командованиями. Весной 1919 года Марушевский старался доказать, что в некоторых районах он уже не нуждается в англичанах. Как пример он приводил ситуацию на Онеге, где 5-й Северный стрелковый полк в апреле насчитывал три батальона, а английские взводы были микроскопическими, но командование здесь оставалось в британских руках. Айронсайд же, напротив, с опаской смотрел на то, что некоторые фронтовые районы стали «ужасающе русскими».

В оперативном отношении, как мы уже знаем, русская армия была полностью подчинена союзному командованию. Достаточно сказать, что до эвакуации союзников в русском Штабе даже не было сформировано оперативного отделения. Марушевский пытался вмешиваться в дела оперативного характера, но его советы попросту игнорировались. Русскими офицерами было высказано немало серьезных претензий к англичанам, которые обвинялись в неумении и нежелании воевать и даже в трусости. В качестве примера приводились митинги в Йоркширском полку, не пожелавшем идти в бой, или боевые действия на Пинеге, когда русские в назначенный срок перешли в наступление и нанесли сильный удар противнику, взяв несколько сот пленных и очистив от красных несколько деревень, действия же английской колонны ввиду ее крайней удаленности не оказали никакого влияния на успех операции. Мало того, англичане тогда утопили огромное количество продовольствия и боевых припасов.

Итак, весной 1919 года русские части уже были вполне способны решать самостоятельные боевые задачи, но инициатива их командования сковывалась союзниками. Больше всего русских раздражал способ ведения войны, принятый англичанами, – позиционный, оборонительный, без наступательных операций, по образцу Западного фронта Великой войны. Марушевский свидетельствовал: «Русское военное командование исполняло предначертания союзного штаба. Все мои указания на необходимость наступления, особенно на Двинском и Мурманском фронтах, отклонялись союзниками по мотивам недостаточности войск и ненадежности населения, сочувствующего большевикам». В свою очередь, Айронсайд впоследствии заявлял: «Наступать мы, конечно, не могли, русские войска были ненадежны, а нас было очень мало».

Только однажды англичане пожелали проявить наступательный порыв в военных действиях против большевиков. В апреле 1919 года, при энергичном продвижении вперед армий адмирала А. В. Колчака, появилась надежда, что войска его северного фланга достигнут Вятки. Союзниками был разработан

план соединения Северного фронта с сибиряками путем наступательной операции вверх по Двине в направлении на Котлас. С конца апреля в Архангельск морем доставлялись запасы обмундирования, патроны, пулеметы для передачи сибирякам.

В Правительстве Северной Области царило приподнятое настроение. 30 апреля Миллер как генерал-губернатор совместно с Правительством принял решение о своем подчинении Верховному Правителю Колчаку. Нужно сказать, что для установления непосредственной связи с Колчаком еще 8 марта был послан «Сибирский экспедиционный отряд» («1-я Сибирская экспедиция») в составе двух русских и одного британского офицеров, двух британских и семнадцати русских солдат. Отряд, тщательно подготовленный к далекому путешествию, ежедневно покрывал на оленях 70–80 верст и весь путь до Чердыни в полторы тысячи верст преодолел за 40 суток. Начальник отряда есаул Н. Н. Мензелинцев по прибытии в Омск сделал подробный доклад о Северном фронте и о союзниках в Ставке Верховного Правителя, а затем с частью солдат перевелся в войска, непосредственно ему подчиненные. Остатки же Сибирского экспедиционного отряда были подчинены поручику Жилинскому, который отправился из Омска 28 мая с документами для Временного Правительства Северной Области, русского и союзного командования, и прибыл в Архангельск 22 июня (постановлением Временного Правительства Жилинский был за удачное окончание экспедиции произведен в штабс-капитаны). Позднее путь в Сибирь из Архангельска повторил небольшой отряд генерала В. А. Кислицина, который в начале июля отправился на соединение с армиями Верховного Правителя. В конце июля отряд прибыл в Березов. Вскоре состоялись и встреча Кислицина с Колчаком и передача Верховному письма и пакета с документами из Архангельска. Еще в апреле 1919 года отправился в Сибирь и управляющий отделом финансов князь И. А. Куракин, который должен был представлять северное Правительство в Омске и координировать действия с Сибирью.

Тогда, в апреле, Миллер и его сотрудники были полны оптимизма, и, обсуждая с Айронсайдом планы наступления на Котлас, Евгений Карлович уверял его, что стоит только союзникам прорвать фронт, а остальное русские части доделают сами. Айронсайд, однако, справедливо замечал, что войска Верховного Правителя могут оказаться в более плачевном состоянии. Встречаясь и обсуждая предстоящие планы с Миллером почти ежедневно, Айронсайд отмечал, что они стали «близкими друзьями». Евгений Карлович очень напряженно работал, по 16 часов в сутки, и Айронсайд с тревогой отмечал,

что ни один человек не выдержит подобного темпа. Вспоминая его «прибалтийский характер, ровный и выдержанный, не страдающий резкими перепадами настроения от оптимизма к пессимизму», английский генерал сожалел, что по натуре Миллер все-таки был администратором, а не вождем. И можно только согласиться с Главнокомандующим союзными войсками, что настоящего лидера среди русских военачальников в Северной Области не нашлось.

Напряженный труд Миллера был отмечен Временным Правительством, которое 30 мая 1919 года за «особые заслуги по воссозданию русской армии» произвело его в генералы-от-кавалерии. Но Миллер этого производства не принял и продолжал именоваться генерал-лейтенантом.

В мае еще сохранялись надежды на скорое соединение с Колчаком. 22-го была получена телеграмма от представителя союзников в Сибири генерала А. Нокса, которую довели до сведения всех русских командиров: «Казань и Вятка должны быть заняты Сибирской армией, одно подразделение отправляется для соединения с войсками в Архангельске», после чего «армиями будет организовано наступление на Москву. Колчак считает необходимым открытие пути по Двине, чтобы в летние месяцы не зависеть от Сибирской железной дороги». Но Айронсайд трезво отнесся к этой телеграмме и запросил свое военное министерство о точных сроках колчаковских операций. Главной его целью в это время была мирная эвакуация союзных войск до наступления зимы, и предполагаемое соединение с Колчаком не могло изменить оперативных планов эвакуации – могли измениться лишь сроки ее проведения (решение было принято британским правительством еще в марте 1919 года). Для выполнения поставленной задачи Айронсайду нужны были спокойный фронт, чтобы сменить уставшие части, и свобода действий, чтобы расчистить территорию перед английскими позициями от противника и передать фронт русским войскам, отступив к низовьям рек. Поэтому предполагаемое наступление на Котлас было ему выгодно в любом случае.

Но спокойного фронта в мае не получилось из-за внутреннего брожения в русских частях. И хотя противник был слабым (в конце мая к белым хлынул поток красных дезертиров – грязных, плохо одетых, голодных), разбавление белых частей пленными, не прошедшими нужной фильтрации, и непопулярность некоторых экономических мер правительства привели к тому, что май ознаменовался двумя восстаниями. В результате генерал Марушевский стал склоняться к выводу, что, если союзные войска уйдут, молодая русская армия, лишенная к тому же

материальной поддержки, не устоит. На эту тему он не раз беседовал с Миллером, видя выход в усилении офицерского состава, без которого невозможно было поставить полки на ноги и устроить тыл. Главнокомандующий же союзными войсками опасался, что боевой дух русских может испариться, если поступят плохие вести с колчаковского фронта.

Пока, правда, плохих вестей не было. Указом от 10 июня 1919 года Верховный Правитель назначил Миллера «Главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России, действующими против большевиков на Северном фронте», и Миллер уже поздравлял свои войска, считая это «первым шагом по осуществлению объединения России в лице единой армии под главенством одного Верховного Главнокомандующего». Но фактическое вступление Евгения Карловича в должность Главнокомандующего было отложено до лучших времен. В то же время приближение армий Колчака подняло престиж Миллера в Области, и Временное Правительство подумывало о своем уходе. 1 июля 1919 года оно приняло постановление «войти с ходатайством к Верховному правителю России адмиралу Колчаку», чтобы «сложить имеющиеся у него (Правительства. – *Н. К.*) полномочия и всю предоставленную ему Всероссийским правительством власть передать Главнокомандующему… на Северном фронте Генерал-Губернатору Северной области Генерал-Лейтенанту Е. К. Миллеру, с возложением на него дальнейшей организации военного и гражданского управления областью». Военные круги продолжали считать единоличную диктатуру необходимой и позже: Марушевский в докладе Правительству от 19 июля 1919 года, оценивая состояние области как критическое, настаивал на немедленной передаче всей полноты власти в руки Главнокомандующего. Он делал вывод, что весь правопорядок в Области держится исключительно на военной силе и что «если удалось заставить население драться, то успех этого дела был достигнут только силой и крутыми мерами».

В июне обнадеживающие вести были получены из английского военного министерства: Айронсайду предписывалось подготовиться к нанесению сильного удара по большевикам, так как «Колчак по-прежнему намерен взять Вятку». В то же время говорилось, что наступление адмирала на Север скорее всего будет отложено из-за поражений на юге и в центре Восточного фронта. Но Айронсайд уже считал, что его планы боевых действий нужно рассматривать как часть операции не по соединению с Колчаком, а по размещению русских войск на позициях и передаче командования Миллеру, причем «основная

тяжесть операций ляжет на плечи русских».

С прибытием новых подкреплений Айронсайд 20 июня начал наступление на Двинском направлении. Большевики не могли удержать линию фронта, настроение в русских войсках было приподнятым, они были полны решимости продвигаться дальше. Но порыв армий Верховного Правителя в это время был уже сломлен и начался их отход на восток. Известие об этом дошло до Северной Области в начале июля.

В эмиграции Миллер обвинял англичан в неисполнении плана по соединению с армиями Колчака: «Не хватило сердца, настойчивости, желания, упорства в достижении этой цели, и первое же известие об отходе сибиряков от Глазова пресекло сразу исполнение англичанами так хорошо задуманного и методически подготовленного плана… Вследствие несогласованности действий по времени и вялости английского командования не была разрешена задача, которая одна оправдала бы жертвы, понесенные на севере». Два дня они с Айронсайдом пытались найти компромиссное решение. Англичанин убеждал Миллера, что ни о каком наступлении на Котлас уже не может быть и речи. Единственное, что он мог обещать, – это прорыв большевицкого фронта, чтобы дать укрепиться на позициях русским войскам, после чего союзники должны будут уйти.

Евгений Карлович мужественно встретил плохие новости о Колчаке. «Ни один мускул не дрогнул на его лице, когда я сообщил ему дурную весть, – вспоминал впоследствии Айронсайд. – Лишь по его светло-голубым глазам я мог догадаться, как ужасно он устал. Пару минут он смотрел на меня, не говоря ни слова. Я протянул ему руку, и он сжал ее мертвой хваткой». Айронсайд обещал, что пробудет в Области еще три месяца и оставит позиции на Двинском фронте не позднее 1 октября. Он также обещал снабдить русские войска всем необходимым. Продолжение борьбы в этот момент и Айронсайдом, и Миллером мыслилось как уже принятое решение. О собственном наступлении на фронте ни Миллер, ни Марушевский вопроса перед союзным командованием в этот момент не поставили.

Айронсайда ждало еще одно потрясение: взбунтовался так называемый Дайеровский батальон Славяно-Британского легиона, прибывший на Двинский фронт 4 июля. Впрочем, в этом мятеже был виноват сам союзный Главнокомандующий, который в качестве эксперимента набрал в батальон «добровольцев» – пленных красноармейцев и арестантов-большевиков из тюрем Архангельска. С солдатами батальона интенсивно занимались английские офицеры, одеты они были щегольски, кормили их

великолепно, командир батальона (англичанин) был выше всяких похвал. Но Миллер с самого начала отнесся к подобной затее резко отрицательно и не ждал от нее благоприятных результатов ни при каких условиях. «Зачастую самые плохие и опасные солдаты – те, которые выглядят самыми дисциплинированными», – предупредил он Айронсайда. И действительно, по прибытии на фронт Дайеровский батальон восстал, показав справедливость опасений Миллера и всю «ценность» английского эксперимента.

Вскоре последовало восстание в русских войсках на Онеге и раскрытие еще нескольких заговоров. Потеря из-за этого Онеги и Чекуевского района привела к разрыву сухопутных связей с Мурманом. Кроме того, Онежский тракт на Архангельск был совершенно открыт и никем не защищался. Для Айронсайда эти мятежи были «последней каплей».

По словам Миллера, английский Главнокомандующий стал неузнаваем, впал в преувеличенный пессимизм и проявлял явное недоброжелательство. Самым энергичным образом он стал настаивать на эвакуации и предлагать эту меру и для русского командования. В своем приказе Айронсайд обратился к русским войскам: «Если русские солдаты будут столь легко поддаваться изменнической пропаганде большевиков, продающих Россию и разоряющих все ее население, то я тоже приму такие меры, что всякая попытка измены будет немедленно подавлена… Всякая попытка к беспорядку в войсках будет подавлена крутыми мерами».

Миллер также отдал приказ по поводу восстаний, но угрожал не своим солдатам, а тем, кто вел пропаганду и разлагал фронт: «В моих руках находится несколько сот лиц, замешанных в грязном деле большевицкой пропаганды… Ныне пусть знают все негодяи и изменники, что за каждое покушение на офицерскую жизнь будут своей жизнью отвечать эти большевики, незаслуженно пощаженные. Каждый волос с головы погибшего при исполнени служебного долга офицера будет оплачен жизнью большевицких предателей».

Миллер не потерял самообладания и после этих мятежей, он готовил войска для повторного захвата Онеги, но экспедиция (небольшой отряд с двумя орудиями и около 500 человек десанта под прикрытием английского монитора[38]) потерпела неудачу, так как с союзниками пришлось торговаться из-за каждого выстрела с монитора.

Как раз в это тяжелое время в Область прибыл транспорт из Англии, привезший около 400 русских офицеров, набранных заграницей. Это был итог длительной деятельности Миллера как

управляющего иностранным отделом и его иностранных агентов по «вербовке добровольцев». Лучшие офицеры тут же попали на фронт. Среди прибывших было и семеро генералов, в том числе престарелый М. Ф. Квецинский, сыгравший впоследствии печальную роль в судьбе Северного фронта.

* * *

В июле 1919 года окончательно решился вопрос об эвакуации союзников из Северной Области. На него повлияли и одностороннее решение Президента США В. Вильсона о выводе американских войск с Севера, принятое еще в феврале (американская эвакуация прошла в два этапа – 27 июня из Архангельска и 28 июля из Мурманска), и провал плана соединения с армиями Верховного Правителя весной – летом 1919-го, и серия мятежей в русских войсках. Впоследствии англичане так оценивали положение: «Северная Россия не давала надежд на самостоятельные результаты, а с неудачей генерала Колчака (так! – *Н. К.*) все военные действия на этом участке были обречены на бесплодность, и даже более того – положение там было обескураживающим».

Для руководства эвакуацией всех союзных сил в Архангельск прибыл лорд Г. Роулинсон. Миллер тут же получил предложение от английского командования эвакуироваться вместе с союзниками. В этот же день, 11 августа, в его кабинете состоялось совещание с участием представителей фронта и Штаба. На их обсуждение были поставлены вопросы: следует ли русским войскам оставаться в Области; можно ли будет впоследствии благополучно эвакуироваться; возможно ли проведение наступательных операций без поддержки союзников. Представители фронта откровенно заявили о невозможности продолжения борьбы в одиночестве, аргументируя свою позицию тем, что с уходом союзников фронт ослабляется ровно наполовину – из 25 000 остающихся русских солдат на позициях могут находиться только 12 000, остальные должны обслуживать тыл; кроме того, войска разлагаются большевицкой пропагандой; и, наконец, немаловажным фактором становится разобщенность «фронтов» (операционных направлений) и колоссальное расстояние до баз – в случае прорыва одного фронта гибнет и вся Область (что в конце концов и произошло). Командиры строевых частей предлагали распустить ненадежный элемент по домам, а лучшую часть армии, не менее 10 000 человек, перевезти к Юденичу, Деникину или, наконец, сняв все лучшее с

Архангельского фронта, усилить Мурманский. Миллер, выслушав всех, остался при твердом убеждении, что русской армии нужно продолжать борьбу с большевиками здесь: имея полный успех на фронте и поддержку в тылу, без натиска противника оставить позиции – такого примера в истории ему неизвестно. Он считал, что выход из строя Северной Области в то время был равносилен измене Белому Делу и нанес бы непоправимый моральный удар по всем остальным Белым фронтам.

Вечером 11 августа строевые офицеры в беседе с Главнокомандующим еще раз обрисовали положение фронтовых частей, «бывших всецело в строевом, хозяйственном и техническом отношении на попечении англичан, и указали, что с уходом последних они останутся без всего, так как наш штаб не позаботился о своевременном оборудовании и подготовке их к самостоятельной жизни, обнаружив полное бездействие в этом отношении и предоставив все англичанам». Миллер, с большим вниманием выслушав командиров, объяснил, что не может принять на себя всю ответственность за предыдущую деятельность штаба, так как высшее командование находилось не в его руках. Он обещал исправить положение и позаботиться о духовном и материальном благополучии войск.

12 августа на объединенном заседании союзного и русского командования Миллер подтвердил свое решение остаться на Севере. Он заявил, что действительно сможет продержаться недолго, но и это короткое время, возможно, станет поворотным пунктом в судьбе России, и что, если потребуется, он будет продолжать борьбу до последней капли крови. Предложение Роулинсона о немедленной переброске русской армии на Мурман и эвакуации до 10 000 населения Области также были отвергнуты. Айронсайд резко заявил, что оставление русской армии в Области – чистейшая авантюра, поскольку за благонадежность русских частей нельзя было ручаться, да и в техническом отношении они совершенно не были подготовлены для самостоятельных боевых действий. С ним был согласен начальник союзной контрразведки полковник К. Торнхилл, заявивший: «Вашему Главнокомандующему надо было иметь гораздо более мужества, чтобы уйти из Архангельска, чем [чтобы] остаться в нем».

Категорически отвергнув эвакуацию русской армии вместе с союзниками или переброску всех сил на Мурман, всю ответственность за судьбу Области и оставшихся войск генерал Миллер взял на себя. Англичанам он сообщил, что предполагает провести несколько наступательных операций для прикрытия их эвакуации, а те, в свою очередь, обещали широкую поддержку

техническими и материальными средствами. В те же самые дни, когда шло совещание по поводу эвакуации, на Двине заканчивалось наступление, начатое 10 августа. Оно увенчалось полным успехом: вся живая сила большевиков в этом районе была разгромлена, взято в плен 3 000 человек, вся артиллерия (18 орудий различного калибра) и множество пулеметов стали трофеями белых, получили повреждения три канонерские лодки большевиков. Потери русско-британских отрядов составили 145 убитых и раненых. Дорога на Котлас была свободна, разъезды безо всякого сопротивления доходили вдоль Двины до самой Тотьмы. Русский фронт ликовал, но… ему еще предстояло узнать, что вся эта операция нужна была союзникам лишь для того, чтобы отойти к Архангельску и эвакуироваться без напора противника.

Двинская операция была первым успехом после вступления Евгения Карловича 6 августа в должность Главнокомандующего войсками Северного фронта (Марушевский отчислялся в распоряжение Миллера; начальником Штаба Главнокомандующего назначался генерал М. Ф. Квецинский). 11 августа Миллер установил разделение фронта на районы: 1) Мурманский; 2) Двинский; 3) Пинежско-Мезенский; 4) Печорский. Командующим русскими войсками в указанных районах он присвоил права командиров корпусов с непосредственным подчинением ему, хотя пока они все еще оставались в оперативном подчинении союзному командованию.

В 20-х числах августа Миллер собрал офицеров гарнизона и объявил о своем решении продолжить борьбу в Северной Области. Он обещал принять все меры к спасению офицеров в случае худшего варианта развития событий и последним покинуть Область. Речь Миллера была встречена мрачно, офицеры с резкой критикой отнеслись к новым чинам Штаба, особенно Квецинскому. Стали ходить слухи даже о военном перевороте. Резко отрицательное отношение у офицеров вызвал и уход союзников: англичане прямо обвинялись в предательстве. Если Миллер при первом известии об эвакуации союзников мог только спросить у Айронсайда: «Неужели Верховный Совет предал Белое дело в России?» – то начальник Оперативного отдела Штаба Главнокомандующего, Генерального Штаба полковник Л. В. Костанди выразил отношение русских офицеров к союзникам более полно. Он попросил о встрече с Айронсайдом и в его кабинете, отдав честь, положил на стол британский орден, которым ранее гордился как наградой за выдающиеся заслуги в весеннем наступлении на Мурмане. «За две минуты он высказал… все, что думает о союзниках и их поведении. Потом снова отдал честь и вышел вон. Долго я сидел в полном

молчании, глядя на отвергнутый орден, которым в свое время была отмечена беспримерная доблесть», – вспоминал Айронсайд. Свой поступок Костанди объяснял так: «…считаю ниже достоинства русского гражданина и офицера носить орден страны, представители которой вынуждаются своим правительством изменить данному им[и] слову и своим союзникам» (в свое время Айронсайд обещал оставаться на Севере столько, сколько будет нужно для упрочения положения белых). Однако Миллер, слывший большим дипломатом и склонный всегда искать компромиссы, отметил по этому поводу: «Не могу одобрить такое демонстративное выступление, так как выражение таким способом своего неудовольствия Английским правительством не могу считать соответствующим интересам России вообще…Нам оставили средства для борьбы англичане, а не кто другой».

Перед последним этапом эвакуации английское командование действительно сдавало русскому интенданству богатые склады снаряжения и обмундирования. Но в то же время, руководствуясь своими пессимистическими прогнозами относительно скорого прихода в Область большевиков, англичане очень много военного имущества просто уничтожили. Оружие, снаряды, автомобили топились в Двине, аэропланы сжигались. Айронсайд признавал, что было затоплено два монитора и испорчено большое количество восьмидюймовых гаубиц. По докладу главного интенданта Временному Правительству, «ценность потопленного в Двине исчислялась в сотни тысяч фунтов стерлингов».

Перед своей эвакуацией англичане продолжали всеми доступными средствами убеждать и русское командование, и правительство прекратить борьбу, распустить солдат по деревням, а офицеров и желающих жителей вывезти из Области. В русских частях на Двине английским командованием проводился опрос для выявления желающих эвакуироваться, на улицах Архангельска вывешивались объявления, где населению предлагалась единственная мера спасения – записываться на огромные пароходы, прибывшие из Англии. «Бог помог: Северная Область не запятнала себя дезертирством… Она нашла в себе силы молчанием ответить на соблазнительные, шкурные зазывания английского командования», – писал Миллер в эмиграции. Мало того, русские войска под его командованием сделали все возможное для успешной эвакуации союзников, стабилизировав фронт перед их уходом. Наконец, 25 сентября 1919 года в своем оперативном приказе Миллер отменил подчинение союзному командованию командующих Мурманского

и бывших Железнодорожного, Селецкого, Двинского и Пинежского районов.

26-е и ночь на 27 сентября были последними часами погрузки на суда и ухода из Архангельска английских войск, и в 4 часа утра 27-го вереница кораблей потянулась с рейда. До этого из Области уехали дипломатические представители, французы, американцы, итальянцы. По различным источникам, вместе с союзниками эвакуировались от 5 до 6 тысяч русских граждан и 1 845 русских военнослужащих.

В связи с уходом союзных войск Миллер, воспользовавшись исключительными правами Главнокомандующего, принял энергичные меры к очищению Архангельска от большевицких элементов, выслав до 1 200 человек на Иоканьгу, изолированный остров на Мурмане. Эта мера произвела сильное впечатление на население города, убедившееся в твердости оставшейся власти. Для усиления боеспособности Архангельского гарнизона все, имевшие право носить оружие, были призваны в Национальное Ополчение, возросшее до 2 000 человек. Кроме того, из штабных офицеров и чиновников была сформирована особая офицерская рота. 27 сентября, в день ухода союзников, Миллер объявил своим приказом осадное положение, отменив его через неделю и выразив благодарность населению за порядок и дисциплину, «проявленные в критический момент существования Области».

Перед окончательным уходом союзников Миллер счел нужным попрощаться с Айронсайдом и рано утром 27 сентября прибыл к нему на яхту со своим адъютантом. Впоследствии английский генерал вспоминал: «Он беседовал со мной и адмиралом… минут двадцать, но все мы чувствовали некоторую неловкость и натянутость в разговоре. Миллер благодарил адмирала и меня за то, что мы сделали для России, просил передать слова признательности лорду Роулинсону и британскому правительству. Затем я благодарил его за то, что он сделал для обеспечения безопасности нашей эвакуации. Я говорил Миллеру, что никогда не забуду его верности Отечеству и любезности по отношению ко мне… Я желал ему удачи в предстоящей кампании. В ответ на это он кивал». Затем Миллер с адъютантом сошли на берег. Айронсайд надеялся, что генерал обернется для прощального приветствия, но «он ни разу не оглянулся, глядя прямо перед собой, и вскоре они скрылись между домами. Да, это был очень гордый и отважный человек».

Через некоторое время адмиральская яхта снялась с якоря и медленно пошла по Северной Двине, нагоняя ушедшие вперед суда с английскими войсками. Генерал Миллер и его войска остались в одиночестве. Начался новый период в истории

Северной Области.

* * *

Решимость продолжать борьбу с большевиками не мешала Миллеру оценивать состояние Области как крайне опасное. «С уходом союзников для Области создается весьма тяжелое положение, – телеграфировал он русскому посланнику в Белграде В. Н. Штрандману, – ввиду сравнительной малочисленности русских войск по отношению к большому протяжению линии фронта и неблагоприятного впечатления, производимого на молодые формирования оставлением союзников, в которых они видели надежную опору». Миллер просил содействия Штрандмана для задержки в Области Сербского батальона, присутствие которого он считал важным моральным фактором, – ведь, кроме них, никаких союзных контингентов не оставалось. При личном участии Королевича Александра просьба генерала была удовлетворена, и сербы поступили в его распоряжение как Главнокомандующего до конца октября 1919 года.

Военное положение Области осложнилось тем, что на Двинском фронте в конце сентября под натиском большевиков началось отступление к Архангельску. Однако назначенный Миллером новый командующий, генерал И. А. Данилов, сумел переломить ход борьбы и закрепиться на промежуточном рубеже. На Железнодорожном фронте в октябре проводились широкие и успешные наступательные операции. Открылись возможности дальнейшего продвижения на юг. В октябре белыми были заняты отстоящие от Архангельска на сотни и тысячи верст местности в Мезенском, Пинежском и Печорском районах. О результатах красноречиво свидетельствовали тысячи пленных и большие трофеи.

Казалось бы, был достигнут действительно значительный успех, и позиции упрочились. Но на самом деле с захватом новых громадных территорий фронт удлинился, а живую силу, ресурсы которой были весьма ограничены, приходилось рассредотачивать. Увеличился расход транспорта, а главное – продовольствия. Нормы хлеба и сахара стали урезаться не только в тылу, но и в войсках. Главнокомандующий вел интенсивную переписку с военными агентами и русскими посольствами в Европе, прося их содействия в переговорах с военными министерствами европейских стран о присылке в Северную Область необходимых запасов для фронта – муки, сахара, консервов, обмундирования, боеприпасов… Но, очевидно, никакие заграничные поставки так и

не попали в Область.

Собственные трудности Северного фронта совпали с получением печальных известий о поражениях на других Белых фронтах, которые вызвали большую тревогу у населения и сильно подействовали на моральное состояние войск, так что Миллеру как Главнокомандующему пришлось выступить в печати с пространными объяснениями сложившегося положения. Может быть, к этому времени относится и свидетельство о явлении в Архангельске Божией Матери с Младенцем Иисусом. Группа гимназистов от 10 до 13 лет видела, как невысоко над горизонтом Пресвятая Богородица простирала руки ладонями вниз, благословляя город. Богомладенец, сидящий на Ее коленях, крестообразно осенил Архангельск, благословив Белые войска, – возможно, на жертвенность и мученичество. Об этом был составлен протокол, засвидетельствованный архангельским духовенством, в том числе Епископом Пинежским, викарием Архангельской Епархии, Павлом (Павловским).

В декабре 1919 года всякая боевая деятельность на Северном фронте прекратилась из-за снежных заносов. В тылу же бурлила политическая жизнь и происходили события, наносившие прямой вред фронту.

Миллер как генерал-губернатор и Главнокомандующий всеми русскими вооруженными силами сосредоточил в своих руках огромную власть. Однако в Правительстве после ухода союзников произошел значительный сдвиг влево: введенные в его состав представители земско-городских организаций принадлежали к партии эсеров, и, обладая правом решающего голоса, мешали принятию нужных Главнокомандующему решений. «Министр без портфеля», Председатель губернской земской управы эсер П. П. Скоморохов выступал с критикой действий власти, завершая свои речи предложением мира с большевиками, и эти предательски-соглашательские идеи становились достоянием солдатской массы.

В интересах Области и защиты ее от большевиков Главнокомандующий мог бы установить открытую военную диктатуру, устранив Правительство и сосредоточив всю полноту власти в своих руках. К этому его прямо подталкивала полученная еще 10 сентября радиограмма из Омска об утверждении 29 августа Верховным Правителем Колчаком «Положения об управлении Северным краем» и присвоении Миллеру прав Главного Начальника края. Но Евгений Карлович посчитал, что предусматривавшееся «Положением» упразднение Правительства повлекло бы за собой внутренние осложнения в Области в момент ухода союзников, и не стал проводить в жизнь

решений Верховного Правителя. Это согласуется со свидетельствами о том, что генерал всегда стремился «уловить пульс общественно-политической жизни» и «найти линию компромисса». С другой стороны, те же, кто одобрял Миллера за это, считали его все-таки «скорее администратором, чем Главнокомандующим».

В январе 1920 года, когда ясно обозначились катастрофы на всех других Белых фронтах, в Северной Области усилилась агитация большевиков, в своих прокламациях угрожавших, что они могут «в любой момент сбросить с вашего пятачка пинком ноги в море» русские войска. Специальные обращения к офицерам с подписями некоторых бывших царских генералов уверяли, что у большевиков офицеры восстановлены в прежних правах, получают отличное вознаграждение, а их семьи обеспечены пайком. И эти призывы производили довольно сильное впечатление. Агитацию за прекращение войны развернули и эсеры, смыкаясь в этом с большевиками и разваливая фронт. Вновь начались волнения и измены в полках, ранее считавшихся надежными.

В связи с возможным падением Северного фронта среди командного состава остро встал вопрос об эвакуации армии. В том, что он оказался плохо разработанным и большинство защитников Области в конце концов было брошено на произвол судьбы, прямая вина Главнокомандующего генерала Миллера. Он полностью доверился своему начальнику Штаба Квецинскому, который не смог ни грамотно разработать, ни тем более успешно провести эвакуацию войск. Намеченный Квецинским план сухопутного отступления на Мурман носил крайне несерьезный характер и вызывал насмешки и негодование у фронтового командования.

С морским транспортом дело обстояло совсем плохо, поскольку ледоколы были все время заняты перевозкой продовольствия. На растерянные вопросы Правительства, как же эвакуироваться, адмирал Л. Л. Иванов посоветовал запастись валенками, указывая, что он своевременно предупреждал обо всем. Было неблагополучно и на Мурмане. После ухода союзников Начальник Мурманского края В. В. Ермолов совсем потерял голову: в администрации царили хаос и неразбериха, а он считал нужным забрасывать Главнокомандующего телеграммами с резкой критикой Временного Правительства и угрозой поднять бунт и отделиться. Миллер спокойно складывал телеграммы в ящики письменного стола, считая их очередной истерикой, хотя было известно, что Ермолов высказывается за образование на Мурмане отдельного штата под покровительством

англичан.

Миллер был полон решимости продолжать борьбу и в 1920 году, но возможности обороны он ставил в прямую зависимость от поставок в Область боевого снаряжения, подчеркивая в своих январских телеграммах русскому послу в Лондоне Е. В. Саблину, что «без получения дополнительного снаряжения борьба невозможна», так как разведка указывает на значительное усиление красных войск, и что английские поставки – «вопросы первостепенной важности, решающей судьбу области». Однако переговоры закончились безрезультатно: 13 февраля 1920 года Саблин сообщил о своей уверенности в том, что «достать снаряжение не удастся» в связи с новой, примиренческой политикой Англии по отношению к большевикам.

В начале февраля 1920 года в Архангельске открылось Губернское Земское Собрание, оппозиционно настроенное и к генералу Миллеру, и к остаткам прежнего Правительства и призывавшее население к заключению мира с большевиками и выдаче им офицеров, после чего большевики якобы признают Северную Область самостоятельным государством. Фронтовые начальники на собранном Миллером совещании высказались за арест и предание суду зачинщиков-демагогов, пригрозив в противном случае своей отставкой. Но этим же вечером было получено донесение с Двинского фронта, что большевики начали наступление, а 7 февраля на Железнодорожном фронте восстал один из лучших полков – 3-й Северный.

Эти события произвели страшное впечатление на Миллера и на Земское Собрание. Главнокомандующий был вынужден пойти на уступки, в результате чего сформировалось объединенное, из различных групп и политических партий, правительство, названное «Правительством Спасения». Оно выпустило воззвание к населению с призывом к борьбе, хотя в это время думать можно было уже только об эвакуации. На фронте разложение перекидывалось от одного полка к другому, и они отходили к Архангельску. За несколько дней, с 8 по 16 февраля, перестали существовать Онежский, Селецкий, Двинский фронты.

Тем не менее 16 февраля на заседании Городской Думы и общественных организаций Миллер выступил с речью, заверяя, что на фронте положение серьезное, но не безнадежное, и призвал думцев ехать на фронт для воодушевления солдат. При этом он скрыл от аудитории, что накануне уже были начаты радиопереговоры с большевиками о сдаче Северной Области. Обратился Миллер и к английскому правительству с просьбой о посредничестве, приказа же об эвакуации он пока не отдавал, хотя 15 февраля во всех тыловых учреждениях Архангельска уже

поднялась паника. Фронтовые офицеры, прослышав о частичной эвакуации штаба, выражали беспокойство о судьбе своих семей, на что Миллер ответил: «Пусть господа офицеры не беспокоятся, я беру на себя заботу об их семьях».

Главнокомандующий прекрасно осознавал свои обязательства перед офицерами и солдатами-добровольцами, но не сумел проявить в эти последние дни Белого Севера ни распорядительности, ни мужества. Уход из Архангельска был назначен на 19 февраля, а пока на прибывший утром 18-го ледокол «Козьма Минин» тайком были погружены Штаб и моряки с семействами. Утром 19-го погрузка шла на яхту «Ярославна», но об этом не были осведомлены даже все воинские учреждения Архангельска. Утром 19 февраля 1920 года «Ярославна» и «Минин» отошли от пристани…

Миллер позорно бежал, с ним выехало всего около 650 человек. В Белом море «Минина» нагнал оставленный в порту и захваченный там вышедшими из подполья большевиками ледокол «Канада», который открыл было огонь по беглецам, но после недолгого боя повернул назад. В жизни Евгения Карловича перевернулась самая яркая страница, которая могла бы стать и самой славной и доблестной, если бы не это постыдное оставление солдат своего фронта на растерзание большевикам. В свое оправдание он писал на борту ледокола: «Может быть, другой, более опытный, более предусмотрительный и государственно развитый руководитель мог бы сделать лучше и больше… [Я] сделал, что мог и как умел, и в одном только чувствую угрызение совести, что в критический момент я оказался не с теми, кто всем рискует на фронте, а на пароходе, отвезшем меня, правда вопреки моим намерениям, не в Мурманск, а в Норвегию, за что меня вправе будут упрекать те, кто с таким трудом ныне пробивается в Финляндию». Трудно сказать, намеревался ли он в самом деле следовать в Мурманск, а тем, кто в снегах без дорог отходил в Финляндию, было не легче от его угрызений совести. Бегство Главнокомандующего офицеры приняли близко к сердцу, среди них было даже несколько самоубийств. От Печоры до Мурмана войска распадались, подчас арестовывая и выдавая большевикам своих начальников, сдаваясь на милость победителя, хотя на самом деле милости ожидать не приходилось. «Штабы предали фронт», – подводило офицерство итог борьбы на Севере.

Красный комиссар Н. Н. Кузьмин считал столь легкую ликвидацию Северного фронта «удивительно счастливой». По его мнению, белые могли бы без особых затруднений выполнить план эвакуации и дойти до Мурманских позиций благодаря плохому

состоянию советских войск, обессиленных тяжелой зимой. Расстояние между ними и отступающими измерялось десятками верст. Но не было лица и центра, которые бы координировали эвакуацию отдельных участков Белого фронта. После бегства Штаба и Главнокомандующего его бойцы пали духом и во всем видели измену. Из многотысячной армии удалось уйти в Норвегию и Финляндию лишь немногим более 1 200 военнослужащих.

* * *

Находясь в Норвегии, генерал Миллер, как мог, содействовал обустройству заграницей своих бывших подчиненных, помогал денежными средствами, способствовал переходу к мирной жизни. Его заботы были, хотя и в малой степени, искуплением той вины, которую он чувствовал по отношению к тем, кто был брошен на Северном фронте. Евгений Карлович пытался добиться разрешения на отправку русских беженцев из Норвегии в Великобританию, но это не удалось, и 28 февраля было решено интернировать русских в Варнесмуене, военном лагере недалеко от Трондхейма. Норвежское правительство взяло на себя расходы только по охране лагерей, а затраты на питание и размещение должны были впоследствии компенсировать сами беженцы. Поэтому Миллер сразу же выделил на это около 100 000 крон из средств Северной Области, но данной суммы оказалось недостаточно, и расходы удалось покрыть только с помошью кредита, выданного по королевской резолюции.

Как писал Миллер, беженцы в большинстве своем – «беспомощные люди, к заграничной жизни мало приспособленные и едва ли [они] найдут там себе заработок». 26 февраля 1920 года бывшим Главнокомандующим была создана специальная комиссия для разрешения вопросов, связанных с устройством русских зарубежом, а 11 июня он учредил Временный Комитет по делам беженцев Северной Области в Норвегии и Финляндии, задачами которого стали руководство лагерями беженцев, содействие в отправке военнослужащих в армию П. Н. Врангеля, обмен «северных» ценных бумаг на иностранную валюту, выдача денежных пособий нуждающимся и помощь в трудоустройстве лиц, остающихся в Норвегии и Финляндии. Комитет непосредственно подчинялся Миллеру и был ответственен только перед ним.

Командование полагало, что большинство офицеров отправится на Юг России для продолжения борьбы с

большевиками, но многие, как отмечал Евгений Карлович, предпочли остаться «самоопределяющимися беженцами, которые мечтают устроиться заграницей, не возвращаясь в Россию». Мало кто помышлял и об отъезде в Советскую Республику, однако их бывший военачальник генерал Миллер почему-то считал это возможным, обращаясь в марте 1920 года к бывшему министру иностранных дел С. Д. Сазонову за содействием «для получения международной гарантии личной и имущественной безопасности для лиц, желающих вернуться в Советскую Россию». И хотя Сазонов ответил 20 марта на эту просьбу совершенно недвусмысленно: «Получение от советских властей, хотя бы при посредстве союзных держав, гарантии… представляется при нынешних условиях совершенно непостижимым», – все же из финского лагеря около двух десятков русских солдат были высланы в конце марта в РСФСР. На замечание одного из офицеров о том, что никто не давал Миллеру права выдавать беженцев на расстрел или смерть в тюрьме, Миллер не смог ничего ответить, а лишь, «сильно волнуясь, встал и стал ходить из угла в угол по комнате»…

Большинство же интернированных получило визы на выезд в другие европейские страны или на Юг России (туда, однако, отправилось только 36 человек из Норвегии и 609 – из Финляндии). 15 июня 1921 года в связи с тем, что все денежные средства, находившиеся в распоряжении Комитета, закончились, приказом Миллера он был упразднен.

Сам Евгений Карлович еще летом 1920 года отбыл в Париж для исполнения обязанностей представителя генерала Врангеля во Франции (Главноуполномоченного по военным и морским делам Главнокомандующего Русской Армией). Важность деятельности Миллера на этом посту с июля 1920 по апрель 1922 года можно понять, помня о политике Франции по отношению к Русской Армии, эвакуированной в ноябре 1920 года из Крыма. «Под угрозой голода была сделана попытка распылить армию», – констатировал впоследствии Миллер. Предполагалась перевозка войск на Балканы, и генерал развил энергичную деятельность по поиску лиц, могущих финансировать этот переезд. Через бывшего посла Б. А. Бахметева было получено 400 000 долларов; впоследствии было найдено еще 200 000 долларов и 1,5 миллиона франков, а осенью – еще 500 000 долларов от «Совета послов». С получением этих средств создавалась некоторая база для переговоров представителей Врангеля с правительствами балканских стран.

Оказал Миллер помощь и приехавшему в середине июля 1921 года в Париж начальнику Штаба Русской Армии генералу П. Н.

Шатилову. «В высшей степени воспитанный человек, большой эрудиции, скромный, спокойный, хорошо владеющий многими языками» (воспоминания Шатилова), Миллер сопровождал его при необходимых визитах. Начальник Штаба маршала Фоша генерал Вейган обещал содействие в сохранении в русских лагерях нужного пайка и в давлении на французские власти в Константинополе, чтобы они не препятствовали распоряжениям генерала Врангеля.

С конца 1921 года Врангель начал делать попытки к объединению вокруг армии широких политических сил и в связи с этим произвел кадровую перестановку в своем Штабе: его начальник генерал Шатилов был заменен генералом Миллером. Приказ об этом вышел 7 марта 1922 года. Шатилов был неспособен к ведению переговоров дипломатического характера, отличался излишней прямолинейностью и категоричностью, имел многочисленных недоброжелателей, в том числе среди союзников. Миллер же, напротив, пользовался широкими симпатиями французских военных кругов, «по настоянию которых якобы и [был] назначен Начштабом при Врангеле» (так считала чекистская агентура в Европе). Чекисты также указывали, что Миллер не считается в армии «ярым сторонником наступательных тенденций», хотя в других донесениях смену начальника Штаба связывали именно с тем, что «штаб Врангеля стал усиленно готовиться к весенним операциям». На деле же Миллеру приходилось больше заниматься сглаживанием различных конфликтов, как, например, в 1922 году – с правительством Болгарии, заподозрившим командование Русской Армии в подготовке государственного переворота. Принимал Миллер участие и в обсуждении вопроса об объединении «всех националистически, государственно мыслящих людей» вокруг Великого Князя Николая Николаевича.

15 мая 1923 года Евгений Карлович был, в соответствии с его личной просьбой, направлен к Великому Князю. Миллеру поручалось доложить о взглядах Врангеля на значение и характер будущего политического объединения. В полученной Миллером инструкции отмечалось, что после объединения Врангель предполагает остаться вне политики, с него должна быть снята всякая политическая, финансовая и другая работа, не связанная непосредственно с жизнью Армии.

Кроме того, Миллеру и Шатилову Врангель поручил вести переговоры с общественными и политическими организациями по созданию общего национального объединения заграницей. Но вскоре вокруг них как представителей Врангеля (Миллера – официального и Шатилова – негласного, в роли «доверенного

лица») стали плестись интриги, что затрудняло их контакты с общественностью. Врангель был вынужден откровенно написать Миллеру: «Что же касается Шатилова, то убедительно прошу тебя… удержать его от участия в политической работе… Умный, отличный работник и горячо преданный нашему делу, он лишен качеств, необходимых для общественно-политической деятельности – тех самых качеств, которыми в полной мере обладаешь ты».

Но вскоре и деятельность Миллера, активно занявшегося координацией разведывательной работы, которая велась в различных странах, вызвала нарекания Главнокомандующего, считавшего ее чрезмерно самостоятельной. «Всю жизнь я привык нести ответственность за свои действия и никогда не подписывал имени моего внизу белого листа, хотя бы этот лист был в руках самого близкого мне человека», – писал Евгению Карловичу Врангель 29 июля 1923 года. 13 ноября в направленном Миллеру циркуляре Главнокомандующий требовал «размежевать работу и ответственность» (разведывательные и информационные функции должны были перейти к лицам, названным Великим Князем).

К этому времени встал вопрос о переезде Миллера в Сербию, в Сремски Карловцы, на должность начальника Штаба Русской Армии. Но Врангель, хотя и благодарил 9 сентября 1923 года Миллера и Шатилова за их работу по объединению национально-мыслящих людей, был к этому времени уже убежден не только в несоответствии Миллера функциям своего помощника, но и в отсутствии у него необходимых качеств при отстаивании позиции Главного Командования перед Великим Князем, политическими и общественными кругами. Миллер сам откровенно признавался, что не сочувствует последним решениям Врангеля, и «надеялся при проведении их в жизнь в значительной степени их обойти». «Ты – человек борьбы, – писал он барону, – я же принял за правило – ни одного лишнего усилия». Реакция Врангеля была вполне адекватной: «Подобное чистосердечие поистине трогательно, – писал он Шатилову. – Но как при таких условиях вести работу?! Письмо кончается страшной угрозой – вернуться в Карловцы. Голубчик, выручай! Со своей стороны пишу ему, бросая все цветы своего красноречия. Из двух зол приходится выбирать меньшее и решаюсь последовать твоему совету – поручить Е[вгению] К[арловичу] объединение деятельности военных представителей Западной Европы. Решение это, конечно, неправильное, однако другого выхода нет – отход Е[вгения] К[арловича] от нашей работы в настоящих условиях дал бы громадный козырь в руки наших врагов, возвращение же его в Карловцы грозило бы мне воспалением печени и выбытием из

строя, отчего дело также не выиграло бы. Исполняя твои пожелания и возлагая на Е[вгения] К[арловича] объединение военных представителей Западной Европы, на тебя одновременно возлагаю задачу – сыпать ему перцу в ж…» 8 февраля 1924 года Врангель освободил Миллера от обязанностей начальника Штаба (отмечая все же в своем распоряжении: «В течение двух лет, не зная личной жизни, работая без устали, генерал Миллер мягко, но настойчиво проводил в жизнь мои указания»), одновременно возложив на него как своего помощника руководство офицерскими обществами и союзами в странах Западной Европы и поручив представлять Армию в зарубежном Национальном Объединении, а затем доверив ему и деятельность по трудоустройству и улучшению материального положения чинов Армии.

После официального принятия Великим Князем Николаем Николаевичем верховного руководства русским зарубежным воинством Миллер был определен к нему «докладчиком по сметным предложениям». 24 декабря 1924 года генерал освобождался от должности помощника Главнокомандующего и был назначен заведующим финансовой частью при Великом Князе.

После кончины барона П. Н. Врангеля основанный им в 1924 году Русский Обще-Воинский Союз возглавил генерал А. П. Кутепов, 29 апреля 1928 года назначивший Миллера старшим помощником Председателя РОВС. Но уже 26 января 1930 года Кутепов, горячий сторонник немедленной и активной борьбы с большевизмом, был похищен в Париже чекистами…

63-летний генерал Евгений Карлович Миллер стал новым Председателем Русского Обще-Воинского Союза. По свидетельствам современников, он встал во главе РОВС не в силу личных амбиций, а лишь из чувства служебного долга. Миллер часто говорил своим близким сотрудникам и друзьям, что принял эту должность как тяжелый крест. Добросовестно и честно исполняя свои обязанности, он с истинно христианским смирением продолжал дело, начатое Главнокомандующим генералом Врангелем.

Е. К. Миллер – председатель Русского Обще-Воинского Союза

Вступив в должность, Миллер совершил инспекционные поездки – в апреле в Югославию и Чехословакию и в ноябре в Болгарию, – во время одной из которых заявил: «…РОВС нельзя уже мыслить в пределах его членов – это действенное волевое ядро русской эмиграции, вокруг которого группируются все больше и больше общественных организаций. Идея РОВС жизненна и отвечает чаяниям русского национального движения».

РОВС действительно оставался крупнейшей эмигрантской организацией, способной бороться с коммунистическим режимом в Советской России и потенциально опасной для него, а потому привлекавшей к себе все антибольшевицкие слои эмиграции. Безоружная армия в штатском продолжала жить, мечтая о решительном бое с большевиками. И Миллер прилагал все усилия, чтобы сохранить ее кадры, содействовал военному образованию и воспитанию русских солдат, офицеров, невоенной молодежи.

«Работоспособность Миллера была поразительна, – отмечал современник, – он занимался делами с 8 часов утра и до позднего вечера. Не было почти ни одного собрания – военного, общественного, национально-политического, – на котором бы не появлялся Евгений Карлович». Он находил также время заниматься делами объединений своих однокашников и однополчан по Николаевскому кавалерийскому училищу, Лейб-Гвардии Гусарскому Его Величества полку и 7-му гусарскому Белорусскому полку.

РОВС казался Миллеру твердым монолитом, сплоченным единой целью и Белой Идеей. Но с начала 1930-х годов эта организация стала подтачиваться внутренними подводными течениями, ослабляться интригами.

* * *

Многие ждали от Миллера продолжения активных действий в кутеповском духе. Так, решительный сторонник «активизма» (боевой работы на территории СССР) генерал А. В. Туркул считал, что, «прекративши активную работу, [Обще-Воинский] Союз будет подобен живому трупу, так как ни школами, ни курсами его оживить нельзя… Если же придется работать, то я уверен, что мы не осрамим нашего оружия и сделаем все возможное для скорейшего низвержения власти товарищей[39] в СССР». Но генерал Миллер не мог оправдать этих надежд в силу нескольких обстоятельств. Он не был посвящен в секретную деятельность Кутепова, да и большая часть кутеповских боевиков уже погибла в СССР; иностранные штабы и разведывательные центры, помогавшие боевикам проникать на советскую территорию, после ряда провалов отказывались от сотрудничества с эмигрантскими организациями; не способствовала продолжению активной борьбы и ограниченность материальных возможностей РОВС. В 1932 году РОВС понес значительные финансовые потери после самоубийства известного шведского капиталиста И. Крегера, в

предприятия которого генералом Миллером были вложены крупные суммы. Оставшиеся деньги должны были идти в первую очередь на помощь нуждающимся воинам-инвалидам, финансирование руководящего аппарата воинских обществ, входящих в РОВС, и оплату арендуемых Союзом помещений. Миллеру не удалось найти серьезных источников финансирования организации, по своей сути монархической и выступающей за возрождение Российской Империи как одной из ведущих стран мира.

Свою роль играла и сама личность Миллера: человек старшего поколения, очень осторожный и осмотрительный, он в первую очередь думал о бытовом обеспечении деятельности Воинского Союза, трудоустройстве и правовой защите офицеров и солдат. Кроме своего долга перед Родиной, Миллер ощущал в весьма сильной степени долг именно перед массой эмигрантского русского офицерства. Как и на Северном фронте, Миллер многим казался прежде всего администратором, но не вождем.

Генерал делал ставку на поддержку широкого народного движения внутри самой России. Казалось, эти надежды начинают сбываться, когда в 1930 году дошли сведения о крестьянском движении в Восточной Сибири, направленном против насильственной коллективизации. В одном из интервью Миллер говорил: «Эмигранты убеждены, что рано или поздно русский народ сам свергнет советскую власть, а их задача – содействовать контрреволюционному движению, нарастающему в стране. Настоящий момент они считают особенно благоприятным для таких действий, т. к. весьма вероятно, что движение из Сибири распространится на всю Россию». «Для оказания помощи в районе восстания» собирались деньги, которые были переведены на Дальний Восток, в распоряжение председателя тамошних воинских организаций генерала М. К. Дитерихса. Но с жестоким подавлением крестьянского сопротивления надежды на широкое народное движение рухнули.

Все же Миллер решил приступить к созданию внутри СССР тайных опорных пунктов и ячеек, которые в нужный момент смогли бы сыграть решающую роль в предполагаемых восстаниях народа против коммунистической власти, тем более что часть видных деятелей РОВС – генералы Туркул, Фок, Пешня, Скоблин – 10 мая 1933 года представили Миллеру меморандум, в котором требовали возобновления активной борьбы в СССР. Однако попытки использовать в качестве плацдарма Финляндию сорвались, возможно, из-за слишком хорошей информированности об этом генерала Н. В. Скоблина, к тому времени ставшего тайным сотрудником Разведывательного

управления РККА.

Неудачи Миллера в попытках организации нелегальной работы в СССР накладывались в то же время на все возраставшие в самом РОВС требования выработки национальной политической идеи и активизации антибольшевицкой борьбы. Еще в январе 1931 года появляется «доверительная записка, вышедшая из кругов, близких к руководящему центру Русского Обще-Воинского Союза», в которой указывалось: «Идеология РОВС довольно примитивна, будущее туманно, неясно и уже предопределяет какую-то пассивную позицию». Такие настроения были связаны с тем, что строго соблюдавшийся Миллером и его предшественниками принцип невмешательства в политику противоречил реально складывающемуся положению вещей, вызывал разочарование тех, кто был готов продолжить вооруженную борьбу.

23 февраля 1935 года произошел так называемый «бунт маршалов»: тринадцать старших начальников РОВС во главе с генералами Туркулом, Фоком и Скоблиным предъявили Миллеру ультимативное требование превратить Союз в политический центр всего национально настроенного Зарубежья. В частной переписке Скоблин отзывался о Миллере так: «Его туманная политика в Союзе в последнее время сильно пошатнула его авторитет в среде наших офицеров». Подразумевалась и отставка Миллера с поста Председателя РОВС. Миллер отверг требования «маршалов», но его авторитету был нанесен сильный удар. Когда в апреле 1934 года Миллер взял отпуск, влиятельные эмигрантские газеты «Возрождение» и «Последние Новости» стали наперебой обсуждать дела Союза и преподносить одну сенсацию за другой – как о неизбежном уходе генерала, так и о новой кандидатуре на его пост. По возвращении Миллеру пришлось принять решение об отставке генерала Шатилова (Начальника I-го Отдела РОВС и руководителя контрразведки Союза – так называемой «внутренней линии»), деятельность которого вызывала у него беспокойство, а в апреле 1935 года Евгений Карлович, ссылаясь на необходимость экономии денежных средств, принял обязанности Начальника I-го Отдела на себя. Одновременно руководство «внутренней линией» во Франции Миллер возложил на Скоблина…

Деятельность «внутренней линии» от Миллера ускользала и фактически была ему неподконтрольна. 26 декабря 1936 года он освободил Скоблина от обязанностей ее начальника во Франции, а 28 декабря предписал личному составу «линии» по всем вопросам обращаться к нему непосредственно, категорически запретив исполнять приказания других лиц, даже и тех, кто

руководил ими в прошлом. Но ни руководить деятельностью своей контрразведки, ни распустить ее Миллер уже не мог.

Генерал Е. К. Миллер в музее зарубежного Русского кадетского корпуса

Разногласия привели к расколу. Радикально настроенный генерал Туркул в 1936 году организовал Русский Национальный

Союз Участников Войны, не порывая с Обще-Воинским Союзом, но считая его только военно-бытовой организацией, а свой союз – военно-политической. Тем самым были грубо нарушены уставные принципы РОВС, запрещающие его чинам участвовать в политических организациях. В ответ Миллер исключил чрезвычайно популярного в эмигрантских кругах Туркула из списков РОВС, что отнюдь не способствовало росту авторитета самого Евгения Карловича. Еще большей критике, чем изнутри, РОВС подвергался со стороны, в том числе эмигрантскими фашистскими организациями, несмотря на то, что Миллер требовал от своих подчиненных обязательного изучения фашистской теории и практики, характеризуя международное положение в мире к концу 1930-х годов как эпоху борьбы «новых фашистских форм государственного устройства с отживающей формой “парламентского демократизма”» и считая, что чины Русского Обще-Воинского Союза являются как бы «естественными идейными фашистами». В то же время Миллер ясно отдавал себе отчет о том, как относятся к РОВС германские национал-социалисты, констатируя: «там не хотят пожать протянутую нами руку», «их связи и даже их деньги направляются типам вроде Туркула с тем, чтобы в результате было разложение РОВСа», и проч.

Планы вооруженной борьбы против коммунизма удалось реализовать только в Испании, где в июле 1936 года вспыхнула Гражданская война. Участие в ней чинов Обще-Воинского Союза на стороне националистов Миллер объявил продолжением Белой борьбы. 25 декабря 1936 года им был опубликован циркуляр о порядке приема в армию Ф. Франко, причем добровольцы должны были иметь подписанные Миллером удостоверения о благонадежности. Когда 1 апреля 1939 года «Национальная Испания» победила, генерал Франко в своем приказе воздал должное русским белым добровольцам, но председатель РОВС генерал Миллер об этом уже не смог узнать. 22 сентября 1937 года он был похищен советской разведкой с помощью своего ближайшего сотрудника генерала Н. В. Скоблина и его жены певицы Н. В. Плевицкой. Вероятно, расчет советских спецслужб строился на том, чтобы убрать неподкупного Миллера и посадить на его место своего агента: тогда вся военная эмиграция оказалась бы в руках чекистов. РОВС был бы добит страшнейшей провокацией, если бы не записка, оставленная Миллером в день похищения.

В этот роковой для себя день, 22 сентября 1937 года, уходя на деловое свидание из управления РОВС на улице Колизе, он вручил генералу П. В. Кусонскому запечатанный конверт со

словами: «Вот что, Павел Васильевич, сохраните это. Вы подумаете, может быть, что я сошел с ума… Но если что-нибудь случится, вскройте тогда это письмо». Пакет Кусонский вскрыл только в 11 часов вечера, после того, как исчезновение Миллера было обнаружено чинами Общества Северян, которые напрасно прождали своего всегда аккуратного председателя с 8-ми до 9 часов 20 минут вечера в помещении РОВС, где было назначено очередное заседание. Записка Миллера гласила: «У меня сегодня в 12.30 часов дня свидание с генералом Скоблиным на углу улиц Жасмэн и Раффэ. Он должен отвезти меня на свидание с германским офицером, военным атташе при лимитрофных государствах, Штроманом и с г[осподином] Вернером, прикомандированным к здешнему германскому посольству. Оба хорошо говорят по-русски. Свидание устраивается по инициативе Скоблина. Возможно, что это ловушка, а потому на всякий случай оставляю эту записку. 22 сентября 1937 г. Генерал-лейтенант *Миллер*». Допрошенный Скоблин пытался отрицать свое свидание с Миллером в этот день, был изобличен, однако сумел ускользнуть…

В 2 часа 30 минут 23 сентября соратники Миллера заявили в полицейском участке об исчезновении генерала и бегстве Скоблина. Немедленно была поставлена на ноги вся парижская полиция… но было уже поздно.

Французскому следствию удалось реконструировать точную картину и хронологию похищения. Встреча Скоблина и Миллера произошла недалеко от того места, где советское посольство арендовало несколько домов для своих сотрудников и других советских служащих; из окна ближайшего дома человек, знавший Скоблина и Миллера, видел их, стоявших у входа в пустующее здание советской школы, а также третьего человека, стоявшего спиной к свидетелю. Через 10 минут после того, как все трое вошли в здание школы, серый закрытый грузовик с дипломатическим номером припарковался перед зданием. Этот же автомобиль 3 часа спустя прибыл в Гавр и остановился у дока, рядом с советским торговым судном «Мария Ульянова». Из грузовика был вытащен и перенесен на судно массивный деревянный ящик размерами в человеческий рост. Вскоре «Мария Ульянова» снялась с якоря и ушла в открытое море, не известив предварительно администрацию порта. Однако официальная французская версия во имя соображений «высшей политики» обошла роль советского посольства и сделала упор на участие в похищении Скоблина и Плевицкой. Оба они были осуждены – Скоблин заочно, а Плевицкая скончалась в тюрьме в 1940 году.

* * *

По чудом сохранившемуся свидетельству самого Миллера, сразу после похищения он был связан, усыплен хлороформом и в бессознательном состоянии отвезен на советский пароход, где очнулся лишь 44 часа спустя – на полпути между Францией и Ленинградом.

По свидетельству одного из участников похищения, уже здесь Евгений Карлович показал свою силу духа: на пароходе он дрожал от холода, т. к. был одет в летний костюм, и, приняв предложенную ему теплую рубашку, сказал: «Я очень Вам благодарен за одежду, без которой я бы дрожал от холода, а они могли бы подумать, что я дрожу от страха». И далее, в ответ на советы дать ложные показания и тем купить себе спасение, Миллер говорил: «Я врать не буду. Так как мои противники – большевики, троцкисты и сталинисты ненавистны мне в одинаковой степени, то я, как Царский генерал, не позволю себе играть на руку одной из этих банд убийц».

29 сентября 1937 года, ровно через неделю после похищения, состоялся первый допрос Миллера во Внутренней тюрьме на Большой Лубянке. Генерала поместили в наиболее строго охраняемую одиночную камеру № 110. Он, вероятно, еще надеясь, что ему удастся дать знать о себе в Париж, пишет два письма – сначала 29 сентября жене «Тате», затем начальнику Канцелярии РОВС генералу Кусонскому. Из писем видно, что больше всего Евгения Карловича беспокоили состояние его жены, которой он не мог сообщить, что жив и здоров («Прошу тебя поскольку возможно, взять себя в руки, успокоиться, и будем жить надеждой, что наша разлука когда-нибудь кончится…»), а также заботы РОВС (в письме Кусонскому – сведения о незаконченных благотворительных делах и тревога, чтобы это «не забылось, не затерялось»; письмо заканчивается словами: «Будущее в руке Божией. Может быть, когда-нибудь и увидимся еще в Париже»). 4 ноября 1937 года Миллер пишет начальнику тюрьмы заявление с просьбой хотя бы кратко известить жену, что он жив, и тем успокоить ее, но просьба эта была напрасной.

Всю осень 1937 года следователем Н. П. Власовым велись допросы Миллера. 27 декабря в одиночную камеру № 110 явился лично Нарком внутренних дел Н. И. Ежов. На следующий день Миллер направляет ему заявление и прилагает 18-страничную записку о повстанческом движении в СССР, которую следователь еще 10 октября посчитал недостаточной и которую Миллер с тех пор дополнил некоторыми сведениями. Из содержания записки Миллера «Повстанческая работа в Советской России» можно было

сделать вывод, что ни РОВС, ни сам генерал Миллер не имели ровно никакого отношения к организации и руководству антисоветскими выступлениями внутри страны. Для советских спецслужб такие данные не представляли никакой ценности, поэтому следователь Власов и вернул их Миллеру сразу.

Миллер никого не предал из своих соратников, и ничего конкретного о работе РОВС чекисты из уст Миллера не узнали. Они, видимо, добивались от него согласия выступить с призывом к эмиграции отказаться от борьбы с большевиками и с этой целью внушали ему легенду о том, что похищенный ими генерал Кутепов жив. В ответ на это Миллер 10 октября 1937 года в письме Ежову выдвинул контрпредложения: Кутепову и ему как лицам, «мнения которых для чинов РОВСа и для других офицерских и общественных организаций несомненно авторитетны», дать возможность объехать хотя бы часть страны и убедиться, что население СССР не враждебно к Советской власти, что оно довольно установившимся порядком и что материальное и моральное положение народа в СССР действительно улучшается. «Нужны по крайней мере 2 голоса – Кутепова и мой, чтобы эмиграция… по крайней мере прислушалась и задумалась бы о дальнейшем», – писал генерал. Но что могли ответить на это Миллеру убийцы Кутепова и сотен тысяч других русских людей?! Без ответа остались и постоянные просьбы Евгения Карловича об отправке жене весточки из неволи.

Миллер еще надеялся хоть на какое-то человеческое отношение со стороны своих врагов, не понимая до конца, к кому же в руки он попал. В письме от 30 марта 1938 года он просит Ежова разрешить ему побывать в церкви, чтобы «отговеть на ближайшей неделе» и «в течение одной недели во время Великого поста», ссылаясь на… декларации советского правительства и даже на Ленина, провозглашавших свободу вероисповедания. Не дождавшись ответа на это письмо, 16 апреля 1938 года Миллер вновь пишет Ежову: «…решаюсь дополнительно просить Вашего разрешения на передачу Его Высокопреосвященству Митрополиту Московскому приложенного при сем письма». Но послание Миллера Владыке Сергию (Страгородскому) с просьбой о передаче в тюрьму Евангелия на русском языке и «Истории Церкви» и со словами «болезненно ощущаю невозможность посещения церкви» также не было передано адресату. Никакого духовного утешения в последние месяцы своей жизни Евгений Карлович не получил.

Последний по времени документ, написанный Миллером, датирован 27 июля 1938 года. Письмо Ежову полно тревоги о своей жене: «Меня берет ужас от неизвестности, как отразится на

ней мое исчезновение. 41 год мы прожили вместе!» Миллер взывал к чувству милосердия Народного Комиссара, напоминая, сколько раз уже пытался получить разрешение послать письмо Наталии Николаевне, просил «прекратить те нравственные мучения, кои с каждым днем становятся невыносимее». «Неужели Советская власть… захочет сделать из меня средневекового Шильонского узника или второе издание “Железной маски” времен Людовика XIV?» – спрашивал Миллер Ежова.

Но судьбу генерала решил уже другой Нарком внутренних дел – Л. П. Берия, причем в экстренном порядке и в течение нескольких часов. 11 мая 1939 года в 23 часа 05 минут по приговору Военной Коллегии Верховного Суда СССР Евгений Карлович Миллер был расстрелян, а в 23 часа 30 минут тело его сожжено. «Дело», заведенное на него в НКВД, тогда же было уничтожено, как будто бы и не было вовсе в Москве генерала Миллера. Но несколько документов уцелели: письма Миллера и последние скорбные бумаги, относящиеся к нему, оказались присоединенными к совершенно другому делу. Это и сохранило их для истории.

С момента похищения и до своей смерти Евгений Карлович проявил необычайную выдержку, силу воли и несокрушимую крепость духа. Вера в Бога и преданность Церкви выражена словами генерала: «Я не покончу самоубийством прежде всего потому, что мне это запрещает моя религия». Поставив себя уже за черту жизни, генерал Миллер продолжал числить себя на прежнем посту, убежденный, что даже в безнадежности своего положения он может служить светлым извечным идеалам: «Я докажу всему миру и моим солдатам, что есть честь и доблесть в русской груди. Смерть будет моей последней службой Родине и Царю. Подло я не умру». Он отдал свою жизнь «За Веру, Царя и Отечество».

Н. Л. Калиткина

Генерал-от-инфантерии Н. Н. Юденич

В 1931 году на полках русских магазинов в Париже появилась малозаметная, на первый взгляд, брошюра: «Генерал от инфантерии Н. Н. Юденич. К 50-летнему юбилею». Ее составителем был особо созданный по этому случаю Юбилейный комитет, включавший в себя видных деятелей Белого движения, представителей Русского Обще-Воинского Союза, ветеранов

Великой и Гражданской войн. Возглавил его генерал П. Н. Шатилов, членами стали генералы А. М. Драгомиров, А. М. фон Кауфман-Туркестанский, П. А. Томилов, секретарем – редактор журнала «Часовой» капитан В. В. Орехов. Выход в свет этого издания сопровождался двумя торжественными собраниями, состоявшимися в Париже 22 августа и Ницце 4 октября 1931 года.

Юбилей, о котором шла речь, был необычен. Отмечалось производство генерала-от-инфантерии Николая Николаевича Юденича в первый офицерский чин. Цель торжества определялась так: «Успехи прошлого всегда составляют залог славного и радостного будущего; напоминание о них, поддержание и укрепление веры в самих себя – вот что знаменует собою чествование юбилейного дня Генерала Юденича, личного по внешности, но глубоко государственного по существу…»

Опубликованные в брошюре доклады посвящались анализу операций Кавказского фронта в годы Великой войны. Но помимо этого немало внимания уделялось и личной биографии юбиляра. Разумеется, было бы неправомерно считать данные оценки проявлением какого-либо «культа». В характеристиках, данных Юденичу, содержалось стремление не только разобраться в его заслугах, в стратегических итогах его кавказских операций; нужен был, выражаясь современным языком, некий «информационный повод», чтобы вывести настроения русской военной эмиграции из жестких рамок борьбы за существование, переосмыслить опыт прошедших военных операций начала XX века, опыт, нужный для разработки будущей военной доктрины, в которой будут учтены все положительные и отрицательные стороны стратегии и тактики Российской Армии.

Военным действиям, которые вела под началом Юденича в годы Гражданской войны Северо-Западная Армия, в брошюре уделялось гораздо меньше внимания. Вообще в литературе Русского Зарубежья, равно как и в советской историографии, Северо-Западному фронту не везло. Объем исторических публикаций о нем невелик. В СССР оценка Белого движения на Северо-Западе повторяла по сути оценку часто цитируемого эмигрантского публициста А. Ветлугина: «…Белое движение зарождается вроде гомункулуса: таинственные опыты, таинственные совещания, ночные бдения – и внезапно появляется крошечный человечек, бросающий вызов всей ледяной пустыне…»

Развивая характеристику этого «гомункулуса», советские авторы делали убийственный вывод: «сгруппировавшаяся “у врат Петрограда” контрреволюция ничем не отличалась от деникинщины, колчаковщины и врангелевщины. Но здесь как-то особенно ярко проявились все основные черты белого движения –

оторванность от широких народных масс, авантюризм и бездарность вождей, своекорыстность поддерживавших движение групп, готовность купить любой ценой, любыми унижениями помощь интервентов. Все политические Хлестаковы, Репетиловы, Собакевичи и Скалозубы как бы нарочно собрались “у врат Петрограда”, чтобы продемонстрировать перед всем миром лицо российской Вандеи…» Иными словами – никакой социальной базы, никакой причины для зарождения, развития и тем более никаких перспектив победы у белых на Северо-Западе России не было и быть не могло.

Что же привело в этот «стан обреченных» генерала Юденича? Каковы были причины, заставившие его закончить свою военную карьеру именно на этом «авантюрном» фронте Гражданской войны? Попытаемся ответить на эти вопросы.

Бессмысленно искать на них ответ в советской исторической литературе. Из-за напластований идеологических мифов имя талантливого полководца столь же незаслуженно забыто, как и имя адмирала Колчака, генералов Деникина, Маркова, Врангеля. И все же мы вспомним сегодня слова из доклада бывшего начальника штаба Кавказского фронта генерала П. А. Томилова, прочитанного им в Ницце 4 октября 1931 года: «…Не заслуги мирного времени и даже не боевые подвиги и опыт в роли частных военных начальников выдвигают вождей, способных самостоятельно и независимо проводить крупные военные операции. Настоящих полководцев “Милостию Божьею” рождает сама война, и по большей части в ее критические минуты… История не забудет славных деяний Генерала Юденича и отметит их как классические примеры искусства побеждать…»

* * *

Николай Николаевич Юденич родился в Москве 18 июля 1862 года в семье коллежского советника. Его род принадлежал к малороссийскому дворянству. Военная карьера не была изначальным призванием будущего генерала: свое совершеннолетие он отметил поступлением в Межевой институт. Правда, проучившись в нем меньше года, Николай перешел в Александровское военное училище. 8 августа 1881 года 19-летний взводный портупей-юнкер Юденич был произведен в первый офицерский чин.

По воспоминаниям товарищей, он был худощавым, светловолосым юношей, веселым, совершенно не похожим на молчаливого Главнокомандующего Северо-Западной Армией.

Строгий, размеренный и в то же время беззаботный, веселый училищный быт, столь хорошо отраженный на страницах «Юнкеров» А. И. Куприна, окружал Николая Юденича. Отличное окончание училища гарантировало поступление в Гвардию. И молодой подпоручик вышел Лейб-Гвардии в Литовский полк, квартировавший в Варшаве. Варшавским военным округом в то время командовал герой Русско-Турецкой войны 1877–1878 годов генерал И. В. Ромейко-Гурко.

Однако гвардейская «лямка» не стала для Юденича венцом карьеры. В 1884 году он успешно выдержал вступительные экзамены и стал слушателем Николаевской Академии Генерального Штаба. В Академии, как вспоминали современники, Юденич не любил тратить время на доработку одного задания, а старался побыстрее сдавать его, чтобы получить новое. От однажды принятых решений он не отказывался. Юденич был общительным офицером, никогда не чуждался компании своих товарищей.

В 1887 году он окончил Академию Генерального Штаба по первому разряду с производством в штабс-капитаны. После службы на различных штабных и строевых должностях в XIV-м армейском корпусе, в Варшавском военном округе, его в 1892 году произвели в подполковники и перевели в Туркестан. Здесь Юденич принял должность начальника Штаба Памирского отряда.

Тридцатилетний подполковник, по воспоминаниям его сослуживца Д. В. Филатьева, отличался «прямотой и даже резкостью суждений, определенностью решений, твердостью в отстаивании своего мнения и полным отсутствием склонности к каким-либо компромиссам». К этому уже добавилась его немногословность. «Молчание – господствующее свойство моего тогдашнего начальника», – писал о нем генерал А. В. Геруа.

Карьера развивалась успешно. Этому Юденич был обязан не каким-то протекциям или связям, а исключительно своим собственным способностям и талантам. После того как в 1896 году он был произведен в полковники, Юденич вступил (в 1902 году) в командование 18-м Восточно-Сибирским стрелковым полком. Началась Русско-Японская война, и полк отправился на фронт. Примечательно, что накануне войны Юденичу, как бывшему «туркестанцу», предложили должность дежурного генерала при Штабе Туркестанского округа. Однако он отказался от спокойной тыловой жизни, предпочитая ей фронтовые будни «на сопках Маньчжурии».

Полковник Юденич был уверен, что личный пример начальника всегда будет лучшим способом воспитания

подчиненных. Это качество его характера ярко проявилось в боях Русско-Японской войны. В сражении при Сандепу, несмотря на уже начавшееся отступление русских войск, Юденич на свой страх и риск лично повел в штыковую контратаку 5-ю стрелковую бригаду и отбросил противника. Скупой на похвалу Главнокомандующий генерал А. Н. Куропаткин специально выделил этот поступок как редкий пример смелости и инициативы среди старших командиров.

В штыковую атаку поднял свой полк Юденич и в решающем для русской армии сражении под Мукденом. Здесь также, несмотря на безнадежность положения, он попытался прорвать фронт значительно превосходящих японских частей. Получив серьезное ранение в грудь навылет, он был отправлен в госпиталь.

За Русско-Японскую войну Юденич был награжден Золотым оружием, а также орденами Святого Владимира III-й степени с мечами и Святого Станислава I-й степени с мечами и произведен в чин генерал-майора (1905), приняв должность командира 2-й бригады 5-й стрелковой дивизии. Однако уже на следующий год строевая служба для Юденича временно закончилась: он получает важное и ответственное назначение генерал-квартирмейстером Штаба Кавказского военного округа. С этого момента Кавказ стал для Юденича главным местом его военной карьеры.

Мирная, размеренная жизнь на Кавказе, казалось бы, не предвещала никаких потрясений. Прибывший к месту назначения боевой генерал быстро приобрел симпатии сослуживцев. Вот как вспоминал об этом впоследствии генерал Б. П. Веселовзоров: «От него никто не слышал, как он командовал полком, так как генерал не отличался словоохотливостью; георгиевский темляк (на Золотом оружии. – *В. Ц.*) да пришедшие слухи о тяжком ранении красноречиво говорили, что новый генерал-квартирмейстер прошел серьезную боевую страду. Скоро все окружающие убедились, что этот начальник не похож на генералов, которых присылал Петербург на далекую окраину, приезжавших подтягивать, учить свысока и смотревших на службу на Кавказе как на временное пребывание… В самый краткий срок он стал и близким, и понятным для кавказцев. Точно всегда он был с нами. Удивительно простой, в котором отсутствовал яд под названием “генералин”, снисходительный, он быстро завоевал сердца. Всегда радушный, он был широко гостеприимен. Его уютная квартира видела многочисленных сотоварищей по службе, строевое начальство и их семьи, радостно спешивших на ласковое приглашение генерала и его супруги.

Пойти к Юденичам – это не являлось отбыванием номера, а

стало искренним удовольствием для всех, сердечно их полюбивших».

Так же мирно и размеренно протекала семейная жизнь четы Юденичей. Их гостеприимный дом на Барятинской улице в Тифлисе вскоре стал одной из достопримечательностей местного света. Хозяйка, Александра Николаевна Юденич (урожденная Жемчужникова), родилась в 1871 году. Несмотря на девятилетнюю разницу в возрасте, жили они очень дружно, а живой, энергичный характер супруги несколько уравновешивал спокойную немногословность Николая Николаевича.

Дружеские отношения, установившиеся между генерал-квартирмейстером и его сослуживцами, способствовали росту авторитета Юденича. «Работая с таким начальником, – писал Веселовзоров, – каждый был уверен, что в случае какой-либо порухи он не выдаст с головой подчиненного, защитит, а потом сам расправится как строгий, но справедливый отец-начальник… С таким генералом можно было идти безоглядно и делать дела. И война это доказала: Кавказская армия одержала громоносные[40] победы, достойные подвигов славных предков…»

Юденич никогда не стремился к мелочной опеке и начальственному «окрику». Вот как говорил об этом начальник Штаба Кавказского фронта генерал Д. П. Драценко: «Он всегда и все спокойно выслушивал, хотя бы то было противно намеченной им программе… Никогда генерал Юденич не вмешивался в работу подчиненных начальников, никогда не критиковал их приказы, доклады, но скупо бросаемые им слова были обдуманны, полны смысла и являлись программой для тех, кто их слушал». Прямота и твердость в отстаивании своей позиции также были характерными чертами его личности.

За выслугу лет Юденич в 1909 году получил орден Святой Анны I-й степени, а в 1912 году – чин генерал-лейтенанта. Тогда как большинство будущих лидеров Белого движения вступили в Великую войну в малых или средних офицерских чинах, Юденич был уже авторитетным высокопрофессиональным начальником.

Юденич учитывал и сложность национального вопроса на Кавказе. Он был одним из немногих военачальников, полностью поддержавших проект создания дружин из армянского населения. А мировая война вскоре принесла генералу заслуженную славу и известность.

* * *

20 октября 1914 года началась война России с Оттоманской

Империей. Кавказская армия, сформированная на базе Кавказского военного округа, должна была принять на себя основную тяжесть боевых действий. Наместник Кавказа, генерал граф И. И. Воронцов-Дашков, стал Главнокомандующим, генерал А. З. Мышлаевский – его помощником и фактическим командующим войсками, а начальником Штаба – генерал Н. Н. Юденич.

Турецкая армия под командованием молодого и талантливого военачальника, прошедшего школу немецкого Генерального Штаба, Энвер-паши стремилась захватить Карс и Эривань, рассчитывая впоследствии выйти к Грузии и Азербайджану. Турецкая разведка активно стремилась установить контакты с азербайджанскими и горскими сепаратистами. Перешедшие в декабре 1914 года границу турецкие дивизии быстро выдвинулись на линию Карс – Ардаган. Кавказская армия попала в сложное положение под Сарыкамышем. Воронцов-Дашков приказал генералам Мышлаевскому и Юденичу следить за ситуацией вокруг Сарыкамышского отряда. Прибыв на место, Юденич высказался против решения начальника отряда генерала Г. Э. Берхмана об отступлении к Карсу, считая необходимым действовать во фланг наступавшей турецкой группировке. Произошел конфликт начальника Штаба с его начальником Мышлаевским, так как тот также настаивал на отступлении.

В конце концов Мышлаевский приказал отступать и выехал обратно в Тифлис, даже не поставив Юденича в известность о своем решении. Узнав об этом, последний фактически проявил самовольство. Исходя из того, что отступление в условиях окружения, отсутствия коммуникаций, суровой зимы приведет к разгрому, Юденич решил оборонять Сарыкамыш. Приняв на себя командование Сарыкамышским отрядом, он сосредоточил все усилия на подготовке контрудара. Все 25 дней обороны генерал лично контролировал положение дел на передовой, разделяя с солдатами и офицерами тяготы окружения.

Постепенно на фронте назревал перелом. Накануне Рождества русский гарнизон мощным ударом прорвал блокаду, практически полностью разгромив при этом части 9-го турецкого корпуса. Узнав о Сарыкамышской победе, Воронцов-Дашков поддержал «самоуправство» своего начальника Штаба, представив его к чину генерала-от-инфантерии. Помимо очередного повышения Юденич был награжден орденом Святого Георгия IV-й степени и назначен командующим Кавказской армией. Но главные его победы были еще впереди.

Вскоре начались бои в Персии. И здесь Юденича ждала новая награда – орден Святого Георгия III-й степени «за разгром

“правого крыла” 3-й турецкой армии в числе около 90 батальонов в Евфратской операции, закончившейся 30 июля 1915 г.».

Не обошла стороной война и семью Юденича. С первых же месяцев после отъезда мужа на фронт Александра Николаевна все силы отдавала организации особого лазарета, оборудованного в соответствии с последними достижениями хирургической науки. Она практически «с нуля» создала лечебное заведение, где тысячи раненых находили внимание и уход. Ею же была организована помощь женам мобилизованных солдат и офицеров. Создавались мастерские по пошиву обмундирования, изготовлению военного снаряжения. При мастерских были открыты ясли для детей работниц.

Следующим этапом полководческой карьеры Юденича стал штурм крепости Эрзерум. С началом нового, 1916 года Кавказская армия вплотную подошла к казавшейся неприступной твердыне. Стратегически взятие Эрзерума означало примерно то же самое, что и взятие Перемышля на Юго-Западном фронте: нельзя было продолжать наступление, выходить на равнины Анатолии, имея в тылу мощную крепость с многочисленным гарнизоном. Юденич, снова проявляя нестандартность оперативного мышления, решает взять крепость без длительной осады, что называется, с ходу. Однако против проведения операции выступили как Верховный Главнокомандующий, Император Николай II, так и сменивший Воронцова-Дашкова на посту Главнокомандующего Кавказским фронтом Великий Князь Николай Николаевич.

Генерал Н. Н. Юденич (х) со штабом на стене Эрзерумской крепости. 1916

Окруженный горами, хорошо защищенный артиллерией, Эрзерум представлял собой серьезный укрепленный район. Положение осложнялось еще и тем, что штурм происходил зимой, в условиях обледенения немногочисленных дорог, засыпанных снегом горных перевалов. Но ничто уже не могло заставить Юденича отказаться от принятого, стратегически рассчитанного и оправданного (а в этом у него не возникало сомнений) решения. Определенную роль сыграли дошедшие до него известия о том, что после поражения десанта союзников в Галлиполийской операции освободившиеся турецкие войска начали перебрасываться на Кавказ.

Хорошую оценку этому решению Юденича дал генерал Б. А. Штейфон, участник Эрзерумской операции: «В действительности каждый смелый маневр генерала Юденича являлся следствием глубоко продуманной и совершенно точно угаданной обстановки. И, главным образом, духовной обстановки. Риск генерала Юденича – это смелость творческой фантазии, та смелость, какая присуща только большим полководцам». Ему вторил генерал-квартирмейстер Кавказской армии генерал Е. В. Масловский: «… Генерал Юденич обладал необычайным гражданским мужеством,

хладнокровием в самые тяжелые минуты и решительностью. Он всегда находил в себе мужество принять нужное решение, беря на себя и всю ответственность за него, как то было в Сарыкамышских боях и при штурме Эрзерума. Обладал несокрушимой волей. Решительностью победить во что бы то ни стало, волей к победе весь проникнут был генерал Юденич, и эта его воля в соединении со свойствами его ума и характера являли в нем истинные черты полководца».

Помимо чисто стратегических расчетов Юденич прекрасно чувствовал и моральную обстановку, сложившуюся в те дни на Кавказском фронте. А она была еще весьма далека от того хаоса и развала, которые охватят полки и дивизии всего лишь через год. Не испытавшая пагубного влияния «окопного сидения» Кавказская армия готова была идти вперед. У войск был порыв, и именно его чувствовал командующий, когда принимал решение об атаке неприступного Эрзерума.

Взяв на себя всю ответственность за последствия операции, Юденич начал штурм. В течение двадцати дней прошла перегруппировка сил. Для взятия крепости было сосредоточено две трети личного состава Кавказской армии и бóльшая часть артиллерии. Подготовка велась в обстановке повышенной секретности. 29 января 1916 года после мощной артиллерийской подготовки, ночью, в сильную метель и мороз штурмовые отряды пошли на приступ. Юденич приказал вести атаку круглые сутки, без перерыва. Сам он с небольшим конвоем и штабными офицерами разместился прямо на передовой. Несмотря на значительные потери штурмовавших, отчаянное сопротивление турецкого гарнизона было сломлено, и уже к утру 3 февраля Эрзерум выкинул белый флаг.

Великий Князь Николай Николаевич, поздравляя войска с победой, снял перед строем папаху и, повернувшись к Юденичу, низко поклонился ему, после чего провозгласил, обратившись к войскам: «Герою Эрзерума, генералу Юденичу ура». За эту беспримерную в истории русского военного искусства Великой войны операцию Юденич был награжден орденом Святого Георгия II-й степени (один из редких случаев в последние десятилетия Российской Империи).

Развивая успех Эрзерумской операции, Кавказская армия во взаимодействии с кораблями Черноморского флота овладела Трапезундом – крупным морским портом на черноморском побережьи Турции. После поражения турецкой армии в Эрзинджанской операции и в Огнотском сражении русские войска освободили всю Армению и были готовы продолжать наступление в Анатолию и Персию. За время боев на Кавказском фронте в

1914–1916 годах войска под командованием Юденича не проиграли ни одного сражения и заняли территорию, по площади превышавшую современные Грузию, Армению и Азербайджан вместе взятые. Подводя итог «Кавказскому периоду» боевой карьеры Юденича, генерал Масловский отмечал:

«*…Армия малочисленная, всегда численно слабейшая противника, армия с ничтожными техническими средствами и имевшая перед собой противника с превосходными боевыми качествами, непрерывно одерживает победы над врагом. Что за причина этого неизменного успеха ее в течение всей войны, пока яд революции не развалил могучую Русскую армию?*

Тот, кто внимательно будет исследовать последнюю русско-турецкую войну, подметит, что все операции Кавказской армии, руководимой генералом Юденичем, всегда покоились на основных принципах военного искусства, на принципах вечных и неизменных во все времена и эпохи, – принципах, особенно исповедованных всеми великими полководцами.

Этот же исследователь отметит то громадное значение, которое придавалось на Кавказе духовному элементу в бою. И во всех операциях Кавказской армии всегда используется эта сторона боевой деятельности.

Вот почему всегда сражение начинается поражением воображения противника неожиданностью удара, и всегда длительным напряжением до предела сил бойцов в чрезвычайно упорных и непрерывных атаках создавалось нарастание впечатления, которое потрясало противника, и он сдавал…

Весь проникнутый активностью, только в проявлении крайней степени ее видя решение, генерал Юденич признает лучшим способом ведения войны – наступление, а выгоднейшим средством последнего – маневр. И этот взгляд свой он и проводит с начала до конца войны. В соответствии с духом активности генерал Юденич обладал необычайным гражданским мужеством, хладнокровием в самые тяжелые минуты и решительностью».

Но ход истории свел на нет все военные усилия, все победы русского оружия в Великой войне. Отзвуки событий Февраля 1917 года, «демократизации армии» докатились и до Кавказа. 5 марта 1917 года Юденич получил высшую должность в своей карьере, став Главнокомандующим Кавказским фронтом (как говорили фронтовые острословы, одного Николая Николаевича сменил другой). Однако ему не удалось остановить начавшееся падение дисциплины, деморализацию воинских частей. Учитывая все это, а также отсутствие активности со стороны противника, Юденич отказался от наступательных операций, и фронт перешел к обороне. Это решение стоило ему слишком дорого, ведь он

«игнорировал требования момента» и ничего не предпринимал для «решительного наступления революционной армии». Пробыв Главнокомандующим лишь два месяца, Юденич был отстранен от должности и вызван в Петроград. Получив здесь задание «ознакомиться с настроениями» в казачьих областях, Юденич выехал в Москву, а затем в Могилев.

Полностью выполнить порученное задание Юденич не смог, да, очевидно, и не очень стремился. В августе 1917 года фоторепортаж фиксирует его участие в работе Государственного Совещания в Москве. Именно к этому времени и можно отнести начало участия Юденича в российской политической борьбе. Его поддержка выступления генерала Л. Г. Корнилова означала, что симпатии Юденича были полностью на стороне тех, кто считает возможным восстановление русской государственности и армии только путем жестких мер военной диктатуры.

Снова в Петрограде Юденич оказался уже после большевицкого переворота Октября 1917 года. Сразу же перейдя на нелегальное положение, генерал все свое время стал отдавать деятельности подпольной офицерской организации, благо сохранившиеся связи в Гвардейской среде и Штабе Петроградского военного округа к этому располагали. Но, несмотря на все усилия, предпринять выступление против большевиков в Петрограде не удалось, и в конце ноября 1918 года Юденич с женой, в сопровождении двух офицеров, по фальшивым документам переезжают в Финляндию. Здесь ему предстояло вплотную заняться подготовкой базы для возможного наступления на «красный Петроград» с помощью бывших союзников России по Великой войне.

* * *

Установленные Юденичем контакты с антибольшевицким подпольем не пропали даром. Они стали одной из основ для создания в последующем организации петроградского «Национального Центра». Следует иметь в виду, что при малой изученности Белого движения на Северо-Западе вообще, деятельность антисоветских подпольных центров в Петрограде известна еще меньше, до сих пор оставаясь одним из многих «белых пятен» в истории Гражданской войны в России.

Создание антибольшевицких организаций на Северо-Западе Юденич вел при тесном контакте с разведкой Великобритании и финским Генеральным Штабом. Делались попытки установить более тесные контакты и с правительством Швеции, для чего

генерал выезжал в Стокгольм. Активно помогал Юденичу посол России в Стокгольме К. Г. Гулькевич.

В Териоках на основе бывшей военно-морской базы Балтийского флота действовала группа офицеров, отправлявших добровольцев на Мурман и занимавшихся сбором информации о состоянии Балтийского флота. Эта группа являлась, по существу, единственной относительно активной структурой, которую можно было бы использовать в борьбе с большевиками. С ней же поддерживал тесные контакты бывший председатель совета министров Российской Империи А. Ф. Трепов. За исключением отправки офицеров из Петрограда на Мурман, реальной антисоветской работы в Финляндии не велось.

Пользуясь нейтральным отношением политического руководства Финляндии к формированию русских частей на территории страны, к началу 1919 года из местных крестьян-карелов под руководством русских офицеров удалось собрать отряды, действовавшие на Карельском перешейке впоследствии, во время осеннего наступления на Петроград. Эти отряды сражались под знаменем «Свободной Ингерманландии», надеясь на получение независимости в случае победы Белой Армии. Но и они оказались слишком малочисленными для того, чтобы занять сколько-нибудь серьезное место в антисоветском фронте на Северо-Западе.

Нужны были более крупные, хорошо вооруженные, обученные формирования. Нужны были серьезные политические структуры, организации, способные осуществить руководство сопротивлением большевизму. Наконец, нужен был авторитетный лидер, человек, который устроил бы всех – и союзников, и политических деятелей и, особенно, военных. В сложившейся ситуации кандидатура Юденича представлялась наиболее перспективной. Пятидесятивосьмилетний генерал-от-инфантерии, про которого говорили: «генерал, который никогда не знал ни одного поражения», немногословный и надежный, он, как тогда казалось, мог сплотить вокруг себя все силы антибольшевицкого движения на Северо-Западе России. Правда, многие «политические деятели» оценивали своего «лидера» довольно иронично. Достаточно привести слова одного из видных масонов, члена ложи «Великий Восток Франции», петроградского присяжного поверенного М. С. Маргулиеса, позднее ставшего министром снабжения и народного здравия в составе Северо-Западного Правительства: «…Юденич предпочитал жить в комфортабельной гостинице то в Гельсингфорсе, то в Ревеле, и по целым дням читал вслух романы своей супруге – самые обыкновенные французские романы в традиционной желтой

обложке…»

Вскоре стали формироваться первые политические структуры Белого Северо-Запада. В январе 1919 года в Гельсингфорсе был создан Русский Политический Комитет под председательством члена конституционно-демократической партии, бывшего министра исповеданий в составе Временного Правительства, а впоследствии, в эмиграции, – известного историка Русской Церкви, профессора А. В. Карташева. Финансовую сторону деятельности Комитета взял на себя «русский Рокфеллер», нефтепромышленник С. Г. Лианозов. Ему удалось получить в финских банках около 2 миллионов марок, составивших начальный капитал будущей Северо-Западной власти. Миллионер Ю. Гессен предпринимал попытки получить аналогичный кредит в Лондоне. При содействии Х. Лича, совладельца петербургской посреднической фирмы «Лич и Файербрэйс», предполагалось учредить англо-русский банк, который монополизировал бы валютные операции. Лич организовал также встречу Гессена с дядей английского Короля принцем Баттенбергским, который обещал передать ходатайство Юденича о поддержке своему Августейшему племяннику.

Карташев взял на себя всю политическую работу, создавая власть даже без необходимой для этого территории. В своих письмах Верховному Правителю России адмиралу А. В. Колчаку и министру иностранных дел С. Д. Сазонову Карташев всячески подчеркивал важность поддержки авторитета генерала Юденича как представителя общероссийской власти в регионе, в частности, настаивая на необходимости оказать Политическому Комитету финансовую помощь (эквивалентную 300 000 фунтов стерлингов) из российского золотого запаса. 21 января 1919 года телеграмму с аналогичными просьбами направил Колчаку и сам Юденич. Деньги предполагалось получить путем перевода их на счета английских банков, как посредников, с целью последующего финансирования создаваемой армии; но средства так и не дошли до войск, застряв в паутине банковских структур Лондона и Стокгольма.

Телеграмма, в копии посланная также генералу А. И. Деникину, давала характеристику той «военно-политической базы», на которой предполагалось построить Северо-Западный фронт. В этой телеграмме Юденич предстает не только как военный руководитель, но и как политический лидер со вполне определенной позицией: «…С падением Германии открылась возможность образования нового фронта для действия против большевиков, базируясь на Финляндию и Прибалтийские губернии… Около меня объединились все партии от кадет[ов] и

правее. Программа тождественна с Вашей. Представители торгового класса, находящиеся в Финляндии, обещали финансовую поддержку. Реальная сила, которою я располагаю в настоящее время – Северный корпус (3 тысячи)[41] и 3–4 тысячи офицеров, находящихся в Финляндии и Скандинавии… Я рассчитываю также на некоторое число – до 30 тысяч – военно-пленных офицеров и солдат… Без помощи Антанты обойтись нельзя, и в этом смысле я вел переговоры с союзниками, но положительного ответа еще не имеется. Необходимо воздействие союзников на Финляндию, дабы она не препятствовала нашим начинаниям и вновь открыла границу для русских беженцев, главным образом офицеров. То же в отношении Эстонии и Латвии… Необходима помощь… вооружением, снаряжением, техническими средствами, финансами и продовольствием не только на армию, но и на Петроград… Вооруженная сила не требуется – достаточно флота для обеспечения портов. Но если таковая будет, то это упростит и ускорит решение. Благоволите поддержать мое ходатайство перед Антантой…»

Отправляя копию этой телеграммы Деникину, Юденич писал: «…Я обращаюсь к Вам с просьбой – помогите мне. Не можете уделить из имеющихся у Вас средств – я знаю, до последнего времени Вы сами во всем нуждались, – убедите наших представителей в Париже, убедите союзников, сообщите – я отойду в сторону, передав дело другому, но не губите самое дело».

В этих последних словах, очевидно, и можно найти ответ на вопрос – почему Юденич согласился взять на себя руководство Белым движением на Северо-Западе России. Не карьерные, не честолюбивые замыслы влекли его. Главная цель – «самое дело», как он его понимал. «Дело», у истоков которого он стоял, «дело» организации сопротивления Советской власти. Успех «дела» сомнительный, шансов на победу мало. Но отступить, бросить начатое – не в характере Юденича. Пусть хотя бы один шанс из сотни – все равно стоит продолжать борьбу, борьбу, ставшую теперь смыслом жизни не только для него, но и для тысяч тех, кто связал свою судьбу с Белым движением. И ради этого шанса можно и должно сделать все возможное.

Следующим шагом в организации Белой власти стали создание при Русском Политическом Комитете особого телеграфного агентства «для информации заграничной печати», начавшийся выпуск газеты «Русская жизнь», издание двух бюллетеней «Голос Всероссийской власти», где были опубликованы программные документы Всероссийского Правительства адмирала Колчака. И здесь цель была очевидной –

добиться дипломатического признания со стороны союзников (говорилось даже о возможности признания Комитета Англией и Францией de jure) и получить столь необходимую для продолжения Белой борьбы помощь деньгами и военным снаряжением.

Сам Николай Николаевич во многом разделял оптимизм политиков. Учитывая то, что бóльшая часть красных сил действовала на Восточном и Южном фронтах и их переброска потребовала бы значительного времени и средств, Юденич считал, что наступление на Петроград силами небольшой, хотя бы 50-тысячной армии может привести к крупному успеху.

Юденичем совместно с Треповым еще в декабре 1918 года был составлен проект об организации Белой армии на Северо-Западе. Содействие союзников при этом должно было выразиться в политической и материальной форме. Основные положения этого проекта были перечислены генералом М. Е. Леонтьевым в его выступлении на парижском собрании в августе 1931 года: «1) В области политической помощь союзников требовалась в создании благоприятного идее белой борьбы настроения среди граничащих с советской Россией новообразований – Финляндии и Эстонии; в соответствующем на них давлении для получения их согласия предоставить их территорию как плацдармы для организации и развертывания вооруженных сил; и наконец, в привлечении этих стран к активному участию в начинающейся борьбе. 2) В материальном отношении помощь союзников должна была вылиться в предоставлении создаваемой армии необходимых вооружения, снаряжения и обмундирования, соответствующего тоннажа коммерческих судов для подвоза всего необходимого для армии и в содействии английского флота, находившегося в Финском заливе, по обеспечению действий армии с моря…»

Серьезные проблемы возникали и при формировании армии. Дело в том, что к моменту, когда Юденич стал фактически лидером Белого движения на Северо-Западе, против большевиков на территории Эстонии и Латвии уже действовали части Северного корпуса (о них Николай Николаевич упоминал в процитированной выше телеграмме). Части были немногочисленные, весьма пестрые по своему составу. В оперативном отношении они подчинялись Главнокомандующему армией Эстонской Республики, генералу И. Я. Лайдонеру. Действовали же они под началом своих признанных командиров (нередко в очень малых чинах), скептически относившихся к перспективе единого руководства и подчинения.

Мобилизационные возможности Северного корпуса

исчерпывались приграничными с Эстонией губерниями и контингентами бывших военнопленных Российской Армии, возвращающихся из Германии. Как следует из цитированного доклада генерала Леонтьева, Юденич предполагал опереться при формировании армии на следующие источники: «1) Русские отряды полковника Дзерожинского, уже сражавшиеся с большевиками в Эстонии в так называемом отдельном корпусе Северной армии, численностью до 2 500 штыков и сабель. 2) Русские части, формировавшиеся в Латвии Светлейшим Князем Ливеном (их, а также отряды полковника П. Р. Бермондт-Авалова, до конца 1918 года активно поддерживало немецкое оккупационное командование. – *В. Ц.*). 3) Русское население Финляндии, численностью до 15 тысяч, среди которых было до 3 тысяч офицеров. 4) Русское население освобождаемых по мере наступления армии местностей. Это главным образом расчет на использование мобилизационных возможностей Санкт-Петербургской и Псковской губерний. 5) Русских военнопленных в Германии. От этого последнего источника пришлось совершенно отказаться, когда выяснилось, что наши военнопленные оказались в большей части распропагандированными…»

И тем не менее с начала 1919 года началась активная вербовка офицеров-добровольцев, их обучение, снаряжение в специально создаваемых лагерях в Швеции. Оттуда через Стокгольм они переправлялись в Гельсингфорс и Ревель.

Развивать наступление на Петроград предполагалось возможным с двух направлений. Либо со стороны Финляндии, по Карельскому перешейку, либо со стороны Эстонии, через Псков и Ямбург. В первые месяцы 1919 года из этих двух оперативных линий Юденич явное предпочтение отдавал «финляндскому варианту». Расчет строился в первую очередь на краткости расстояния от финской границы до Петрограда. Восточная Карелия, в чем убеждали донесения финской разведки, была настроена антибольшевицки, и поэтому можно было бы надеяться на быстрое пополнение армии местными крестьянами. Кроме того, Юденич отмечал возможность тесного взаимодействия с частями Северного фронта, руководимыми генералом Миллером, которые базировались на Архангельск и Мурманск, и с так называемой Олонецкой Армией из финских добровольцев, действовавшей в направлении на Петрозаводск. В случае успеха можно было бы рассчитывать на создание единого антибольшевицкого фронта на Севере России.

Примерно в это же время на Белом Юге северо-западное направление также рассматривалось в качестве одного из

наиболее важных. Так, бывший лидер партии «октябристов» и военный и морской министр Временного Правительства, уполномоченный представитель Красного Креста А. И. Гучков в письме к генералу Деникину от 17 января 1919 года отмечал, что прибалтийские республики могли бы стать опорным районом против красного Петрограда. И хотя данный театр военных действий имел и свои недостатки – «большая дальность пунктов формирования и сосредоточения от основного объекта всех операций – Петрограда», замерзание Ревельского порта на период навигации, – эта база должна была быть использована, так как она, «во-первых, угрозой Петрограду в этом направлении отвлечет на себя часть советских сил и облегчит операцию со стороны Финляндии, и, во-вторых, даст возможность предпринять наступление на Псков – Бологое, угрожая отрезать Петроград. Это последнее направление представляет еще и ту выгоду, что армия на первых же шагах окажется среди великорусского населения таких губерний, которые и в своих крестьянских массах, и даже в своем городском населении окончательно переболели большевизмом и только и ждут избавителей, которые помогли бы им сбросить с себя большевистский гнет…»

Подготовка Белой базы на Северо-Западе интенсивно проходила в течение января – апреля 1919 года. Однако вскоре, несмотря на всю активность как Политического Комитета, так и самого Юденича, стало ясно, что жить лишь надеждами на то, что в ближайшем будущем начнется полномасштабное наступление на Петроград, уже бесперспективно. Полученная поддержка (пока, правда, не более чем декларативная) Англии, наметившиеся перспективы (пока, правда, весьма неопределенные) вступления в войну на стороне Белого движения Финляндии, Эстонии и Латвии (последних – после неудачных попыток их оккупации Красной Армией в начале 1919 года), наконец, очевидные успехи Белых армий на Юге и Востоке России – все это вместе взятое давало хоть и небольшой, но все-таки шанс для начала успешных действий и на Северо-Западе.

В такой ситуации, не дожидаясь развертывания сил ингерманландских отрядов на Карельском перешейке, Юденич принял решение открыть военные действия наличными силами Северного корпуса полковника Дзерожинского в Эстонии, насчитывавшего к началу первого наступления на Петроград немногим более 5 000 бойцов, главным образом добровольцев и бывших красноармейцев, 18 орудий и 74 пулемета.

* * *

Конечно, надеяться на победу с такими ничтожными силами было невозможно. Тем не менее большинство в военном и политическом руководстве белых было уверено, что это наступление, во-первых, подтолкнет англичан к оказанию более существенной помощи; во-вторых, отвлечет на себя часть сил Красной Армии и тем самым ослабит ее сопротивление наступавшей Армии адмирала Колчака; в-третьих, позволит создать плацдарм на территории собственно российских губерний (Псковской и Санкт-Петербургской) и увеличит ряды армии за счет местных добровольцев и мобилизованных.

Первоначальное наступление Северного корпуса оказалось, вопреки ожиданиям, довольно удачным: быстрым ударом белые прорвали фронт большевиков под Нарвой, а движением в обход Ямбурга принудили красные полки к беспорядочному отступлению. 15 мая, после бомбардировки с кораблей эстонской Чудской флотилии, был освобожден Гдов, первый крупный город на пути к Петрограду. 17 мая пал Ямбург, узловой пункт на пути наступления корпуса. Тем временем подразделения эстонской армии (2-я дивизия), содействуя успеху Северного корпуса, продвинулись вперед и 25 мая заняли Псков; вместе с ними в город вошли части отряда полковника С. Н. Булак-Балаховича. С 1 июня корпус возглавил генерал А. П. Родзянко (родственник последнего председателя Государственной Думы), скоро получивший известность как один из общепризнанных лидеров Белой борьбы на Северо-Западе. Он фактически и руководил всеми операциями Северного корпуса (Отдельного копуса Северной Армии), переименованного с 19 июня в Северную, а с 1 июля в Северо-Западную Армию.

В ночь на 13 июня началось антисоветское восстание на форту «Красная Горка», защищавшем подступы к Петрограду. Восставшие заняли штаб, телеграф и телефонную станцию, помещение ЧК, арестовали комиссаров и красных командиров. Морякам Кронштадта и корабельным командам Балтийского флота были посланы обращения-призывы присоединяться к восстанию. Вскоре Красную Горку поддержали соседние форты «Серая Лошадь» и «Обручев».

Восстания на балтийских фортах были заранее подготовлены, о чем имелись сведения и в контрразведке Северного корпуса. Однако практически ничего не предпринималось для того, чтобы поддержать восставших. А ведь в случае удачи можно было бы гораздо успешнее наступать на Петроград. В результате, хотя выступление на фортах началось в момент, когда белые части оказались в непосредственной близости к ним, повстанцы не смогли скоординировать свои действия с корпусом генерала

Родзянко. По воспоминаниям коменданта Красной Горки Н. Неклюдова, командование Восточно-Ингерманландского полка, к которому были направлены связные, пассивно реагировало на призывы к проведению совместной операции, а донесения восставших в Штаб Северного корпуса отправлялись с большим опозданием.

16 июня 1919 года восстание на Красной Горке было подавлено. К 20 июня к петроградским большевикам прибыла большая часть воинских пополнений, направленных из центра страны и с Восточного фронта, а 21 июня 7-я армия красных при поддержке кораблей Балтийского флота начала контрнаступление.

И тем не менее первоначальная цель операции была достигнута – Северный корпус создал столь необходимый для последующих наступательных действий плацдарм, имевший 200 верст по фронту и 75 верст в глубину. Опираясь на треугольник Гдов – Ямбург – Псков, командование корпуса, как и политическое руководство Белого Северо-Запада, считало, что этого не только вполне достаточно для того, чтобы развивать наступательные действия на Петроград, Новгород, но и для побуждения к полномасштабной поддержке Антанты, новообразованных прибалтийских республик и Финляндии.

30 июня Карташев в письме к московским представителям «Национального Центра» сообщал: «Твердо уверены во взятии Петрограда не позднее конца августа». Его помощник Г. И. Новицкий отмечал, что и этот срок может сократиться в случае помощи деньгами, оружием, снаряжением. «Весьма вероятно, – продолжал он, – что в ближайшие дни Юденич, с которым мы в полном единении, и все мы перейдем на русскую почву, на тот берег (то есть начнем работать в «освобожденном от большевиков Петрограде». – *В. Ц.*), чтобы включиться в непосредственную работу».

Такой оптимизм в тот момент показался англичанам вполне объективным, и принципиальное решение о военной помощи было принято. К Юденичу отправилась особая миссия генерала Гофа для выяснения вопроса о нуждах армии и правительства.

По существу с этого момента Северо-Западная Армия стала уже не просто одним из звеньев общего противобольшевицкого фронта, но и элементом международной политики, со всеми вытекающими отсюда последствиями. С одной стороны, помощь союзников существенно возросла, но с другой – любой неуспех мог бы расцениваться представителями Антанты как полный провал всего Белого движения в регионе. «Ваша задача, – писал А. В. Карташев П. Б. Струве, переехавшему по заданию

«Национального Центра» из Лондона в Париж, – поддержать всеми средствами (признаний авторитета, дипломатических сношений и всякого рода материальной и государственной помощи) именно нашу лояльную, ортодоксальную комбинацию Юденича, Карташева и Ко».

В предвкушении скорого овладения Петроградом в политических «сферах» Белого Северо-Запада все чаще стали раздаваться заявления о «неправомерности переноса» большевиками российской столицы в «красную Москву». «Петроград для большинства из нас по-прежнему был символом единого российского государства», – писал Карташев.

Продолжались перемены в правительственных структурах. В мае Политический Центр преобразовался в Политическое Совещание. «Первейшая задача Политического совещания, – отмечал Карташев, – это быть представительным органом, берущим на себя государственную ответственность в необходимых переговорах с Финляндией, Эстонией и прочими новоявленными малыми державами. Без таких ответственных переговоров и договоров невозможна никакая кооперация наша с ними против большевиков». Следующей задачей Политического Совещания признавалось выполнение функций «зачаточного временного правительства для Северо-Западной области». «Пришлось ограничиться, – писал Карташев, – подбором минимального количества лиц, не могущих вызвать против себя возражений и в русской среде, и в Париже, и у Антанты. Таким образом в Совещании оказались: Юденич – как председатель Совещания, я (Карташев) – заместитель председателя (иностранные дела), Кузьмин-Караваев (юстиция и агитация), генерал Кондырев – начальник штаба Юденича, генерал Суворов (работавший в Петрограде с Национальным Центром и стоящий на его платформе) – военные дела, внутренние дела и пути сообщения; Лианозов (промышленник-нефтяник, юрист по образованию, человек прогрессивный) – торгово-промышленность, труд и финансы… Так готовимся к событиям».

Генералы Н. Н. Юденич (1) и А. П. Родзянко (2) с офицерами Северо-Западной Армии. 1919

Тем временем не дремало и антибольшевицкое подполье в самом Петрограде. Политическое Совещание и сам Юденич через курьеров постоянно поддерживали тесные контакты с Петроградским отделением «Всероссийского Национального Центра». Эту организацию возглавлял инженер В. И. Штейнингер, бывший совладелец патентной конторы «Фосс и Штейнингер», председатель Петроградского комитета Биржи труда, гласный Петроградской городской думы.

Петроградский отдел «Национального Центра» пытался контролировать не только Северо-Запад, но и Север России. Наиболее перспективными в этом отношении стали действия Петроградского отдела «Союза Возрождения России» (руководители – меньшевик В. Н. Розанов и член ЦК партии народных социалистов В. И. Игнатьев). Именно при «Союзе» с первых же месяцев после большевицкого переворота создавалась военная организация под руководством генерала М. Н. Суворова и полковника Постникова. Благодаря ей в 1918 году в Мурманск было отправлено около тысячи офицеров и добровольцев. Сбором информации о положении в Петрограде и переброской на Северный фронт занималось также особое разведывательное бюро, образованное по инициативе представителей союзного командования – французского капитана Ватье и английских полковника Войса и капитана Ватсона. С бюро активно сотрудничал известный русский контрразведчик В. Г. Орлов (бывший следователь по особо важным делам при Штабе

Западного фронта), под чужим именем работавший в то время в Петроградской ЧК. Противников Советской власти объединял в своих рядах и «Комитет петроградских антибольшевицких организаций» под руководством А. Ф. Трепова и Н. Е. Маркова 2-го, и «организация генерала А. В. Шварца» (позднее переехавшего на Юг России), которая имела поддержку среди офицеров-«военспецов» Штаба советской 7-й армии. В повседневной работе можно было рассчитывать на существовавшие еще с осени 1917 года подпольные офицерские ячейки в бывших Гвардейских частях.

В марте 1919 года «Национальный Центр» активизировал работу. «Мы взялись за объединение всех военно-технических и других подобных организаций под своим руководством… – доносил Штейнингер в Штаб Юденича, – и эта работа продвинулась уже далеко… Идет ответственная работа по организации исполнительных органов и набору технически опытных сил в области продовольствия и милиции». Таким образом петроградское подполье все больше заявляло о себе как о факторе, с которым необходимо считаться и который вполне в состоянии взять на себя функции управления экономикой не только Петрограда, но и всего региона.

Продолжались и контакты с британский разведкой, в частности с ее агентом Полем Дюксом. Аппарат белой разведки и контрразведки стремился использовать в своей работе подпольные антибольшевицкие организации как в самом Петрограде, так и в красноармейских частях на фронте и в ближайшем тылу. «Национальный Центр» сообщал из Петрограда: «Город отдадут легко, войска сражаться не будут по всему фронту… Сопротивления почти не будет». Своеобразным подтверждением этого стал переход на сторону белых нескольких воинских частей 7-й армии, среди них бывшего Гвардейского Семеновского полка («полка Городской охраны Петрограда»). Еще осенью 1918 года существовавшая при нем конспиративная офицерская организация капитана В. А. Зайцова установила контакты с английской контрразведкой через командированных в Финляндию офицеров (штабс-капитана Рыльке и поручика Гильшера). Позднее контакты приняла на себя контрразведка Северного корпуса. В конце мая 1919 года план перехода был окончательно подготовлен, и 27 мая полк почти в полном составе перешел на сторону белых, открыв тем самым фронт на одном из наиболее опасных его участков.

«Пролетарский гнев» требовал сурового наказания виновников поражения весной 1919 года. Из Москвы на имя Г. Е. Апфельбаума (известного в исторической литературе под

фамилией Зиновьев) приходили грозные телеграммы с требованиями «навести порядок» в Петрограде. И «надлежащие меры» не заставили себя ждать. Вскоре Петроградская ЧК начала массовые аресты среди служащих различных военных и гражданских учреждений города. По донесениям контрразведывательной части Штаба Северного корпуса, аресты, проведенные чекистами весной и летом, нарушили регулярную связь с Петроградом и сильно поразили агентурную сеть. Чекисты не очень утруждали себя поиском доказательств для того, чтобы «выйти на след» Белого подполья. Был использован традиционный и по существу беспроигрышный способ борьбы с «врагами народа» – метод повальных, повсеместных обысков и арестов, при которых в «сети» ЧК попадали все – и виновные, и безвинные.

Блюстители «пролетарской бдительности» особенно постарались, устроив «Варфоломеевскую ночь для контрреволюции». С 12 на 13 июня с 10 часов вечера до 7 часов утра в Петрограде и его окрестностях были произведены тотальные обыски в частных домах, квартирах, учреждениях. В обысках под руководством чекистов участвовало около 20 тысяч рабочих, красноармейцев и матросов. В итоге, если верить официальной статистике, было найдено и изъято 5 пулеметов, 6 тысяч винтовок, 644 револьвера, пироксилиновые шашки, различное военное снаряжение и др. Вскоре был арестован и расстрелян руководитель «Национального Центра» Штейнингер.

Для петроградской интеллигенции, представителей «бывших», наступили черные дни. Родственники и знакомые арестованных обращались во все официальные инстанции, к Н. И. Бухарину, А. В. Луначарскому, М. Горькому. Но ничего не помогало. Ведь «борьба с контрреволюционной гидрой» велась под личным контролем Зиновьева, отнюдь не склонного к проявлениям «слабости» и категорически убежденного, что «церемониться не надо» и что «вся эта сволочь не стоит даже хорошей пули». Да и сам «вождь мирового пролетариата» писал, что «…нельзя не арестовывать, для предупреждения заговоров, всей кадетской и околокадетской публики. Она способна, вся (!!!), помогать заговорщикам. Преступно не арестовывать ее».

* * *

Продолжало меняться и положение на фронте. В середине июля части 7-й армии красных возобновили наступление на Ямбургском направлении. В ходе тяжелых боев им удалось

оттеснить поредевшие части Северо-Западной Армии за реку Лугу. А в конце августа, после отхода 2-й эстонской дивизии с позиций в районе Пскова, перешедшие в наступление большевики овладели городом и закрепились в нем. Таким образом плацдарм для возможного наступления на Петроград уменьшился почти в два раза и представлял собой лишь небольшой район Петроградской губернии, упиравшийся в Нарву и Чудское озеро.

Северо-Западникам пришлось менять тактику борьбы. Англичане потребовали замены принципа «военной диктатуры», проводимого Юденичем, «демократическим» правительством. Одна из основных задач, которую должна была выполнить новая «власть», – признание Белым движением независимости Эстонии, поскольку политическая ситуация в регионе стала меняться чрезвычайно быстро.

11 августа 1919 года большинство членов Политического Совещания при Юдениче (сам он в это время находился на фронте) были неожиданно вызваны через английское консульство из Гельсингфорса в Ревель. В числе приглашенных оказались члены конституционно-демократической партии, представители «Национального Центра», «Союза Возрождения России», местной общественности: А. В. Карташев, С. Г. Лианозов, М. Н. Суворов, В. Д. Кузьмин-Караваев, М. С. Маргулиес, Н. Н. Иванов, К. А. Крузенштерн, К. А. Александров, В. Л. Горн и М. М. Филиппео. Один из них (Маргулиес) оставил описание процесса «формирования правительства». Английский бригадный генерал Ф. Марч обратился к собравшимся с короткой речью на русском языке: «Положение северо-западной армии катастрофическое. Без совместных действий с эстонцами продолжать операцию на Петроград невозможно. Эстонцы требуют для совместных действий предварительного признания независимости Эстонии. Русские сами ни на чем между собой сговориться не могут. Русские только говорят и спорят. Довольно слов, нужно дело! Я Вас пригласил и вижу перед собой самых выдающихся русских людей, собранных без различия партий и политических воззрений. Союзники считают необходимым создать правительство Северо-Западной области России, не выходя из этой комнаты. Теперь 6 с четвертью часов; я вам даю время до 7 часов, так как в 7 часов приедут представители эстонского правительства для переговоров с тем правительством, которое вы выберете. Если правительство не будет к 7 часам образовано, то всякая помощь со стороны союзников будет сейчас же прекращена. Мы вас будем бросать…»

Итак, правительству предстояло заключить договор с Эстонией на основе признания ее независимости взамен

получения военной помощи Северо-Западной Армии. Казалось бы – стоит ли заключать договор с представителями Белого движения, если его победа еще весьма проблематична? Но подобное внимание к этому со стороны иностранных государств – лишнее подтверждение того, что вера в успех Белых армий к осени 1919 года была действительно очень велика. И хотя на улицах Москвы и Петрограда еще не развевались русские трехцветные флаги, существовала убежденность в том, что время это недалеко, а поэтому Эстонии и другим «новообразованиям» стоит заранее «подстраховаться», заручившись гарантиями собственной независимости.

Образованное таким необычным путем Северо-Западное правительство по своему составу можно было с полным основанием назвать коалиционным. Премьер-министром стал Лианозов, военным министром – Юденич. В состав вошли также два правых эсера и двое социал-демократов меньшевиков. Конституционно-демократический, правоцентристский вектор политической программы уходил в прошлое. Оказавшийся совершенно неожиданно для себя в «отставке», оскорбленный Карташев заявил, что «устраивать власть на основах партийной коалиции в период анархии и революции – это государственное преступление». Военный человек, сторонник жестких мер в политике, Юденич также скептически оценивал перспективы правительства. Он соглашался с мнением, что «лианозовский кабинет» воскрешает времена «недоброй памяти политической коалиции, сгубившей Временное правительство». Карташев отмечал «два первородных греха» лианозовского кабинета – «подписание акта об абсолютной независимости Эстонии» и «обязательство собрать в Петербурге какую-нибудь учредилку». Именно он считается автором заявления: «Северо-западное правительство должно умереть у ворот Петрограда». Безусловно, эта позиция, а Карташева поддерживало и подавляющее большинство военных, имела все перспективы стать реальностью по мере приближения к «северной столице».

Сразу же после «создания» Правительства было утверждено заранее подготовленное решение о признании – «в интересах нашей родины» – «абсолютной независимости Эстонии». И хотя Лианозов пытался доказать Марчу, что договор необходимо согласовать с Юденичем, английский генерал безапелляционно заявлял, что в этом случае у них всегда найдется новый Главнокомандующий. Расчет делался либо на Родзянко, либо на Булак-Балаховича. И хотя Юденич по-прежнему продолжал считаться Главнокомандующим, подчиняясь непосредственно Колчаку как Верховному Правителю России, его статус диктатора

был существенно ограничен.

Но зато теперь, как считалось, отпали последние препятствия для организации широкой союзнической помощи Северо-Западу. Эстонии взамен за признание следовало «оказать немедленную поддержку русской Северо-западной области вооруженною силою, чтобы освободить Петроградскую, Псковскую и Новгородскую губернии от большевицкого ига». Две эстонских дивизии должны были прикрывать фланги Северо-Западной Армии со стороны Нарвы и Пскова. А 7 августа в Ревельском порту были разгружены первые транспорты, доставившие долгожданные танки, бронеавтомобили, скорострельные и тяжелые орудия, 10 000 винтовок. В начале сентября было привезено еще 39 000 снарядов, 20 миллионов патронов, 20 000 шинелей, 48 000 пар сапог, 100 000 пар американской обуви. Правда, вместо винтовок и патронов в ящиках иногда находили… теннисные ракетки и шары для гольфа, подписанные как «подарок от английских докеров», проявлявших таким образом «солидарность» с «борющимся за свою свободу российским пролетариатом».

Крайне остро стоял вопрос с обмундированием. Интересный факт: 5-я («Ливенская») дивизия Северо-Западной Армии выделялась среди других новыми, добротными… немецкими мундирами (основой для нее послужил Русский добровольческий отряд светлейшего князя А. П. Ливена, сформированный в дни эвакуации германских оккупантов из Прибалтики, доблестно сражавшийся под Ригой в мае и прибывший на Нарвский фронт в июле 1919 года). Получалось, что вчерашние враги помогали русским белым лучше, чем вчерашние союзники. Снабжение армии велось, по существу, за счет средств, отбитых у большевиков. Денежное довольствие получалось от эстонского правительства, и, чтобы хоть как-то улучшить положение солдат и офицеров, интендантству приходилось заниматься перепродажей американской муки, предназначенной для «населения западной России».

Правда, к началу осени части на фронте все-таки получили новое английское снаряжение и по праву гордились им перед военнопленными красноармейцами. Получили и продовольственные наборы, и медицинские комплекты. Многие подразделения, особенно бронетанковые отряды, артиллерийские батареи, инженерные части, были вооружены и снаряжены по нормам английской армии.

Что же касается непосредственной военной помощи, то в ночь на 18 августа семь британских торпедных катеров провели внезапную торпедную атаку Кронштадта. И хотя далеко не все выпущенные торпеды достигли цели, а три катера погибли, ее

результатом стали повреждения нескольких кораблей красного Балтийского флота, в частности линейных кораблей «Петропавловск», «Андрей Первозванный», крейсера «Рюрик», эсминца «Гавриил». Была потоплена плавбаза подводных лодок, старый крейсер «Память Азова». Еще раньше английский катер потопил крейсер «Олег». Несколько раз британские летчики наносили бомбовые удары по Кронштадту и Красной Горке. Но на этом непосредственное участие в военных действиях пока ограничивалось.

Более определенным стало финансовое положение Северо-Западного Правительства. Основой стали частично полученные от Всероссийского Правительства кредиты и кредитные обязательства. Появились и собственные денежные знаки. «Родзянки» и «юденки» (их просторечные названия) обеспечивались, как шутили в тылу, только «шириной генеральских погон». Но в особом «разъяснении» Правительства указывалось, что они «обеспечены всем достоянием государства Российского» и будут оплачиваться впоследствии Петроградским отделением Госбанка по расчету 40 рублей за фунт стерлингов. Примечательно, что на купюрах 1000-рублевого достоинства, помимо символики Белого движения на Северо-Западе (равноконечного белого креста, двуглавого орла с «Медным Всадником» на груди вместо изображения Святого Георгия Победоносца), были напечатаны, правда едва заметные, изображения с нимбами над головами, в которых «общественность» увидела убитых большевиками Государя Императора Николая Александровича и Государыню Императрицу Александру Феодоровну. Красивый символ, выражение политической позиции или нечто большее – предвосхищение канонизации? (Правда, считали это и всего лишь изображениями древнегреческих богов «земного благополучия» – Гермеса и Геры.)

«Абсолютная независимость» Эстонии давала ощущение пусть и небольшой, но все-таки уверенности в перспективах продолжения борьбы. И вдруг внезапный удар в спину: всего лишь через две недели после подписания декларации Северо-Западного Правительства, 31 августа советский наркоминдел Г. В. Чичерин обратился к Эстонии с предложением начать переговоры о заключении мирного договора. «Надежные союзники» белых эстонцы согласились. На конференции представителей прибалтийских государств, состоявшейся 13 сентября в Ревеле, был открыто поднят вопрос о поддержке советских дипломатических инициатив и остальными новообразованиями. Уже сам факт, что подобного рода переговоры начались с

эстонским правительством, означал, что большевики готовы, очевидно, признать de facto независимость республики. В таком случае признание эстонской независимости Северо-Западным Правительством теряло бы всякий смысл. «Эстонское правительство вступило с большевиками в переговоры о мире, – писал Карташев, – остается повернуть на единственно реальный путь, сосредоточив всю помощь, все внимание на Русской силе… северо-западной армии. В руках Англии все возможности. Если бы она решила взять Кронштадт, то этим самым, кроме морального давления на петербургское гнездо “коммунистов”, был бы сорван снова фланг красной армии по берегу моря до Красной Горки, и Русская армия легко бы пошла на Гатчину».

Оставался в запасе еще и «финляндский вариант». С конца 1918 года Юденич имел непосредственные контакты с «регентом Финляндии» генералом бароном К.-Г. Маннергеймом, бывшим офицером-Конногвардейцем. К середине 1919-го в самой Финляндии уже отошла в прошлое жестокая гражданская война с местными большевиками, получавшими поддержку из РСФСР. Отряды финской Красной Гвардии были разгромлены, однако Маннергейм считал необходимым обезопасить Финляндию от «советской угрозы» со стороны столь близкого к границе Петрограда (его опасения подтвердились впоследствии в ходе советско-финляндской войны 1939–1940 годов). Поэтому Маннергейм охотно поддерживал намерения Юденича координировать военные усилия на путях к Петрограду.

Первоначально переговоры с Маннергеймом шли успешно. Он не только дал согласие на организацию борьбы на территории Финляндии, но и сам выразил готовность предоставить для «похода на Петроград» части своей армии. Взамен Маннергейм потребовал присоединения к Финляндии района Печенгского залива (на основе плебисцита местного населения) и западной Карелии. При этом Финляндия обязывалась оставить во владении России участок Мурманской железной дороги, проходящей в этом районе.

Юденич в целом согласился с условиями Маннергейма и передал их Верховному Правителю России адмиралу Колчаку. Колчак также не высказал принципиальных возражений. Но российский представитель в Париже, бывший министр иностранных дел в Императорском Правительстве С. Д. Сазонов, категорически заявил о неприемлемости требований Маннергейма («прибалтийские губернии не могут быть признаны самостоятельным государством. Также и судьба Финляндии не может быть решена без участия России…»). В результате Колчак ответил Юденичу отказом, и последнему ничего не оставалось,

как только подчиниться. Переговоры с Маннергеймом затянулись.

В итоге Маннергейм, полностью поддерживавший идею Белой борьбы, обещал придти на помощь даже в случае единоличного заявления Юденича о признании его условий. Главнокомандующий Северо-Западной Армией, отступая от принципа «Единой Неделимой России», заверил Маннергейма в своей полной лояльности, и вскоре началась подготовка к совместному наступлению Белой и финляндской армий на Петроград.

Однако и здесь Белому Делу на Северо-Западе не повезло. В Финляндии сменилось правительство, пост президента занял Стольберг – политический оппонент Маннергейма, большинство же получили социалисты. Новая власть прервала переговоры с Юденичем и запретила формировать русские воинские части на финской территории.

Результатом подобного дипломатического поражения стало отсутствие угрозы красным со стороны финской границы. За исключением самостоятельных действий все тех же отрядов ингерманландских добровольцев (Северо-Ингерманландский полк) под Лемболово, Куойвзи и Матоксой, никаких серьезных операций на Карельском перешейке в 1919 году не велось.

Разумеется, переговоры с Финляндией не могли не вызвать настороженности и у политиков Белого Северо-Запада. Вот как писал об этом Карташев в Омск В. Н. Пепеляеву: купить помощь Финляндии «можно будет лишь ценой невероятно тяжелых уступок, мучительных для национального сознания и нашей совести. И в этом для нас заключается необычайный драматизм нашего положения. С одной стороны, избавление… Петрограда и Севера… с другой – ужас согласия на дневной грабеж самых коренных прав России».

Генералу Юденичу вместо работы по организации Армии и руководству вооруженной борьбой фактически приходилось все силы и энергию направлять в область внутренней и внешней политики. По характеристике генерала А. В. Геруа, «…изобильно облепленный иностранными воздействиями, русской, так называемой, “революционной общественностью”, которую лучше было бы переименовать “полуреволюционной”, представителями сбежавшего заграницу русского капитала, также не чуждого полуреволюции и здесь ставшего “спекулятивным капиталом, плутократией”, генерал Юденич был, конечно, не в своей тарелке.

Неудивительно, что, по выражению окружавших его “демократов”, “умный, крайне молчаливый генерал”, впал в крайнее безмолвие. Вообще ген[ерал] Юденич явно избегал политических разговоров…»

* * *

Наступила осень. На фронте пока ничего не менялось. Эстония держалась неопределенно. Английская помощь, хотя и поступала в достаточном количестве, не могла продолжаться долго. В политическом руководстве Великобритании выявились серьезные разногласия между военным министром У. Черчиллем и премьер-министром Д. Ллойд-Джорджем. Глава кабинета все более и более скептически оценивал перспективы военной и дипломатической помощи Белому движению: «Я верю, – писал он, – что кабинет не допустит вовлечения Англии в какую-либо новую военную акцию в России… Что касается “огромных возможностей” для взятия Петрограда, который, как нам говорят, “у нас уже почти в кулаке” и которого нам никогда не схватить, то мы слишком часто слышали о других “огромных возможностях в России”, которые так никогда и не реализовались, несмотря на щедрые расходы для их осуществления. Только за этот год мы уже истратили более 100 миллионов на Россию…»

Крайне низко расценивались британским премьером и полководческие таланты самого Юденича: «У него нет никаких шансов захватить Петроград… Он ничем не зарекомендовал себя как военачальник, и у нас нет доказательств, что он способен осуществить задуманное… Тот факт, что из населения в несколько миллионов антибольшевики смогли набрать только 20 или 30 тысяч человек, – еще одно свидетельство полнейшего непонимания ситуации в России, на котором строится наша военная политика… Россия не хочет, чтобы ее освобождали. Давайте поэтому займемся собственными делами, а Россия о своих делах пусть печется сама…»

Черчилль, однако, был убежден, что военная помощь Юденичу должна оказываться в нарастающих размерах. В беседе с А. И. Гучковым он отмечал, что одним из главных направлений военной политики Англии станет помощь Юденичу, и даже утверждал: «…Если бы мы направили на этот фронт хотя бы половину того, что мы дали на Мурманско-Архангельский фронт (имелась в виду помощь войскам генерала Е. К. Миллера. – *В. Ц.*), то Петроград был бы давно взят…»

Сам Юденич возлагал на помощь Англии большие надежды. В конце сентября он писал Черчиллю: «…От имени русского народа, борющегося за свержение ига большевизма, я приношу вам искреннейшие благодарности за своевременную помощь снаряжением и обмундированием, любезно предоставленную вами. Она избавила нас от страха перед надвигающимися зимними морозами и намного подняла дух наших войск.

Прилагая все усилия в борьбе против общего врага, мы надеемся, что столь великодушная всегда Англия будет продолжать оказывать нам моральную и материальную поддержку…»

Наступившая осень 1919 года стала переломной не только для Белого дела на Северо-Западе, но и для всего общероссийского антибольшевицкого сопротивления. С одной стороны – близость победы, успешное продвижение к Москве, с другой – тревожное, напряженное ожидание возможной неудачи, неопределенность, неуверенность в прочности фронта, в стабильности достигаемых успехов. На Северо-Западе положение усугублялось постоянными ожиданиями предательства – страшного для продолжения борьбы мирного договора между Советской Россией и прибалтийскими государствами. Эстония официально предупредила, что если до зимы Северо-Западная Армия не перейдет к боевым действиям, то «правительство не в силах будет воспрепятствовать народным настроениям, требующим мира с большевиками». В случае его заключения у Северо-Западной Армии исчезал тыл, с ней перестали бы считаться как с партнером, пусть и неравноправным, во внешней политике. Англичане со своей стороны также настойчиво требовали нового наступления армии на Петроград, заявляя о готовности оказать содействие с моря для захвата Красной Горки и Кронштадта.

В сложившейся ситуации наступление на Петроград становилось для Северо-Западной Армии неизбежным. Если бы оно имело успех, настроения и Англии, и прибалтийских государств могли бы измениться в сторону поддержки Белого движения. К тому же Юденичу были известны впечатлявшие достижения «похода на Москву» Вооруженных Сил Юга России. Налицо была возможность комбинированного удара Белых армий (единственного за всю историю Гражданской войны) на Петроград и Москву.

И решение о «походе на Петроград» было принято. Не дожидаясь дополнительного снабжения и подготовки, Северо-Западная Армия должна была перейти в наступление. К октябрю 1919 года ее состав вырос до 17 000 человек, 40 орудий, 6 танков, 2 броневиков и 4 бронепоездов («Адмирал Колчак», «Адмирал Эссен», «Талабчанин», «Псковитянин»). Реальные силы не достигали даже штатной численности дивизии военного времени (несмотря на это, Армия формально включала в себя 2 корпуса, состоявших из 5 дивизий), но ведь на большинстве Белых фронтов Гражданской войны было то же самое.

Что же представляли собой полки армии Юденича? Контингенты местного населения и добровольцев были

практически полностью исчерпаны еще во время первого, весеннего наступления. Большой процент армии составляли военнопленные красноармейцы и даже целые части, добровольно перешедшие на сторону белых (назовем Семеновский и Вятский полки). Выделить же один преобладающий элемент (офицерский, казачий или «рабоче-крестьянский») вряд ли было возможно. Армия была крайне пестрой по социальному признаку. Но это не умаляло ее боевых качеств, а наоборот, демонстрировало пример содружества рядовых солдат и офицеров в их общей цели – победе над большевиками и освобождении Петрограда.

Формировались полки буквально «на ходу». В качестве примера можно назвать один из наиболее известных в армии Талабский полк. 1-й батальон, кадровую основу полка, составили восставшие осенью 1918 года рыбаки с Талабских островов (на Псковском озере). Во 2-й батальон вошли крестьяне-старообрядцы, жители сел Гатчинского уезда Петроградской губернии. 3-й батальон был сформирован из военнопленных красноармейцев – солдат и матросов. И во всех трех батальонах полка служили учащиеся Ямбурга и уездных сел – городская и крестьянская молодежь, мобилизованные и добровольцы. Талабский полк (1 000 штыков) под командованием полковника Б. С. Пермикина был наиболее многочисленным из всех полков 2-й дивизии Северо-Западной Армии, остальные – Островский, Уральский, Семеновский – насчитывали всего по 400–500 бойцов.

Штабу Юденича предстояло теперь определиться с направлением главного удара. Большинство командиров во главе с генералом Родзянко предлагали начать наступление, опираясь на так называемый «псковский плацдарм». Для этого следовало бы вновь захватить Псков и «оседлать» тем самым железнодорожные линии Псков – Луга – Петроград и Псков – Луга – Новгород. По мнению сторонников этого плана, он гарантировал бы, с одной стороны, стабильный тыл, опираясь на который можно проводить мобилизации, пополнять ряды армии и создавать местный административный аппарат; с другой – обладание Псковом позволило бы наносить удары по расходящимся направлениям на Новгород и на Петроград. Тогда можно было продвигаться к Петрограду хотя и более медленными темпами, на зато с гораздо бóльшими шансами на успех, глубоко охватывая «колыбель революции» с юга и юго-востока и отрезая ее одновременно от Центральной России. К тому же защищенным становился правый фланг армии, что обезопасило бы наступление на Петроград от Нарвы.

Фактически этот план повторял расчеты Северо-Западников еще со времени весенней кампании. Безусловно, с точки зрения

классической стратегии он имел хорошие перспективы. Но для этого, во-первых, численность Северо-Западной Армии должна была быть в несколько раз большей, ведь только тогда она могла бы и «держать» столь широкий фронт, и наступать на Петроград и Новгород одновременно. Во-вторых, тыл должен был быть достаточно прочным, чтобы можно было без серьезных опасений предпринимать столь глубокие операции против большевиков. А все это в условиях безвластия и хаоса, царившего в России, в условиях хозяйственной разрухи, – невозможно было осуществить. Кстати, похожая альтернатива стояла несколькими месяцами ранее и перед Вооруженными Силами Юга России, накануне «похода на Москву», когда звучали предложения укрепиться на Дону и Кубани и, лишь обустроив тыл, двинуться на Москву.

Но в том-то и заключалась специфика Гражданской войны, что следовать традиционным стратегическим расчетам, как правило, не удавалось. И, так же как и на Юге, Главнокомандующий Северо-Западной Армией принял иной план действий. Юденич решил ударить на Петроград, не дожидаясь, когда будут «укреплен тыл» и «обеспечены фланги». На военном совете в сентябре он твердо заявил, что «расстояние от Ямбурга до Петрограда короче, чем расстояние от Пскова до Петрограда», и наступать надо по кратчайшему направлению. В этом случае только стремительность и неожиданность удара могли бы обеспечить победу.

Правильность принятого Юденичем решения подтверждали впоследствии даже красные командиры. Действительно, иного выбора в условиях малочисленности армии и оперативной необходимости взятия Петрограда и быть не могло. Решение о наступлении на Петроград во многом напоминало стратегический «стиль» Юденича, столь ярко проявившийся в Сарыкамышской операции, в штурме Эрзерума и Эрзинджана. Тот же расчет на быстроту и непрерывность наступления, на силу и внезапность удара. Только целью на этот раз было не просто удачное взятие некоего, пусть даже и очень важного, населенного пункта, а освобождение Петрограда, второй «красной столицы». Ставка была слишком велика, и любая, даже самая небольшая ошибка в предстоящем сражении могла привести к катастрофе. Лишь мощный и быстрый удар должен был разорвать «цепи большевизма».

Принимая свое решение, Юденич учитывал и настроения на фронте. Солдаты и офицеры, в большинстве своем получившие хорошее вооружение и обмундирование, верили в успех наступления, были готовы на многие жертвы ради близкой

победы. Армия жила одним словом «Петроград», дух ее был еще очень высок, тем более что официальные сводки, не жалея радужных красок, живописали успехи армий Деникина и Колчака под Тулой и Тобольском. А если бы наступление пришлось отложить хотя бы на несколько недель, в армии мог наступить перелом настроений, причем отнюдь не в пользу продолжения борьбы с большевиками.

* * *

Юденич не стал отказываться и от «псковского варианта», но принял его лишь в форме нанесения демонстративного удара силами 4-й дивизии генерала князя А. Н. Долгорукого. 28 сентября части правого фланга Северо-Западной Армии перешли в наступление на участке Варшавской железной дороги Псков – Луга и 4 октября взяли станцию Струги-Белые, перерезав тем самым железнодорожное сообщение между Петроградом и Псковом. Демонстрация вполне удалась, красное командование решило, что Юденич будет наступать на Псков, и в этот момент развернулся основной удар на Петроград. 9 октября перешли в наступление главные силы Северо-Западной Армии. 11 октября Родзянко занял Ямбург, выйдя в тыл обороняющейся красной группировке и создав опорный пункт для атаки по линии Ямбург – Красное Село.

Итак, второе наступление на Петроград началось. Темп, темп, темп, наивысшая, максимально возможная скорость продвижения – таковым был своеобразный лейтмотив осеннего похода. Для обеспечения быстроты движения Армия отказалась от обозов. Составы с предоставленными англичанами продуктами так и остались в Эстонии, и на все обращения управления продовольствия об их передаче на фронт следовал неизменный ответ: «Продукты будут отправлены для снабжения жителей освобожденного Петрограда». Еще более заметной для фронта стала задержка за рекой Лугой бронепоездов и танков (были взорваны мосты). Но даже несмотря на это, наступление успешно продолжалось.

Части красных в беспорядке отступали, многие сдавались в плен. 13 октября 4-я дивизия заняла узловую станцию Лугу, а 16 октября, всего через неделю после начала наступления, белые полки вышли на ближние подступы к Петрограду, захватив Гатчину. 20 октября подразделения 2-й дивизии генерала М. В. Ярославцева заняли Павловск и Царское (переименованное большевиками в Детское) Село. 5-я Ливенская дивизия вступила в

предместья Лигово на крайнем левом фланге. Белые вышли к Пулковским высотам, а разъезды разведчиков, по некоторым данным, доходили даже до Ижорского завода. Наступили решающие дни в битве за Петроград.

В сумрачные, дождливые осенние дни редкие лучи солнца освещали купол Исаакиевского собора, видный с высот Красного Села и Дудергофа. Овладение Пулковом, этим «замком» к Петрограду, позволяло взять под обстрел южные окраины города. Все были убеждены, что через день-два Петроград будет занят. Даже вечный критик своих коллег по правительству Маргулиес писал в эти дни: «…Спасены: Питер виден на горизонте. Без немцев берем. И честь правительства спасена. Не даром унижались и боролись!.. Взяты Лигово и Пулково, осталось 15 верст до Петрограда. Завтра, быть может, войдут…»

20 октября в Омск и Таганрог было передано радио: «Петроград взят. Власть Советов свергнута». Газеты Белого Юга во время решительных боев на Московском направлении, под Орлом и Воронежем, вышли с широкими, во всю полосу заголовками: «Доблестными войсками генерала Юденича освобожден Петроград». Уже был назначен губернатор города – генерал П. В. Глазенап. В русских типографиях Гельсингфорса печатались листовки-воззвания к горожанам Петрограда с призывом «встречать своих доблестных освободителей колокольным звоном».

Но большевицкое руководство не собиралось сдаваться. Еще 16 октября в городе была объявлена всеобщая мобилизация рабочих. На фронт уходили последние резервы. Был сформирован даже полк из женщин-работниц Петрограда, своего рода аналог женским ударным батальонам 1917 года. Выступил на фронт и прибывший с Восточного фронта Башкирский конный полк. Ленин телеграфировал в Смольный: «Покончить с Юденичем (именно покончить – *добить*[42]) нам *дьявольски* важно… Надо кончить с Юденичем *скоро*; тогда мы повернем *все* против Деникина».

В сентябре 1919 года, накануне наступления Северо-Западной Армии, Петроградская ЧК раскрыла еще один антисоветский заговор. Трудно предположить, что после июньских арестов и расстрелов подпольные структуры «Национального Центра» еще могли функционировать. Тем не менее агентами «Центра» и одновременно – сотрудниками английской разведки были объявлены начальник штаба 7-й армии, бывший Генерального Штаба полковник В. Я. Люндеквист, и адмирал М. К. Бахирев. По обвинению, выдвинутому в ЧК, они не только имели непосредственные контакты с командованием Северо-Западной

Армии, передавая ему сведения о дислокации красных частей и кораблей Балтийского флота, но и в случае взятия Петрограда должны были занять должности начальника Штаба Белых «сухопутных сил» и командующего морскими силами соответственно. ЧК заявила также о раскрытии состава «подпольного правительства», призванного в перспективе заменить собой «лианозовский кабинет». На пост министра-председателя, в частности, якобы намечался петроградский кадет, профессор Технологического института, бывший статский советник А. Н. Быков, министра религиозных культов – А. В. Карташев, министра внутренних дел – один из ближайших сотрудников генерала Корнилова еще по 1917 году – В. С. Завойко.

В отчетах ЧК говорилось и о вполне реальном плане антибольшевицкого восстания в Петрограде. Город был разделен на 12 секторов, в каждом из которых предполагалось формирование боевых отрядов. По «плану» следовало захватить Смольный, гостиницу «Астория», телефонную и телеграфную станции, водопровод. Сигналом могла бы стать бомба, сброшенная с белого аэроплана на Знаменской площади, или выход войск Юденича на окраины города. Инкриминированные преступления позволяли ЧК провести еще одну серию обысков и арестов. Трудно сказать, насколько соответствовали действительности выдвинутые обвинения. Так или иначе, после этого Петроград с полным основанием можно было считать полностью «очищенным» от «внутренних врагов» Советской власти.

Близкий успех армии Юденича усилил позиции сторонников активной поддержки Белого движения в английском правительстве. 17 октября Черчилль во время встречи с Гучковым просил поздравить Юденича с «заметными успехами в начавшемся наступлении». В отправленной в Ревель телеграмме говорилось об очередной партии военного снаряжения для Северо-Западного фронта: танки, винтовки и снаряжение на 20 000 человек, 20 тяжелых артиллерийских орудий и 60 000 снарядов к ним, 16 гаубиц. Большая часть этого снаряжения должна была быть доставлена на пароходе «Кассель». На нем же предполагалось прибытие 400 русских офицеров, бывших военнопленных, из Ньюмаркетского лагеря. Отправленному к Юденичу представителю английской военной миссии генералу Р. Хэйкингу Черчилль передал «набросок инструкций». В случае взятия Петрограда Юденичу следовало «обставлять свои действия с возможно большей видимостью опоры на конституционные начала».

Но Северо-Западное Правительство и не собиралось вести «реакционную политику». Очень медленно, но все же восстанавливалась местная власть, опиравшаяся на структуры земского и городского самоуправления. В декларации Северо-Западного Правительства предполагалось проведение радикальных преобразований. В частности, в законопроекте министра земледелия, социал-демократа меньшевика П. А. Богданова, было провозглашено «сохранение земельных отношений, которые имели место к приходу белых войск», то есть фактически защищались земельные «захваты» крестьян 1917-го и последующих лет. После занятия Петрограда было решено созвать даже некое подобие парламента – Учредительное Собрание Северо-Западной области, призванное решить вопрос о «конструкции власти на освобожденной от большевиков территории Петроградской, Псковской и Новгородской губерний».

Но для реализации всех этих проектов требовалось главное – взятие Петрограда. Несколько дней продолжались упорные бои за удержание Пулковских высот. Белые полки ожесточенно рвались вперед, сходились в штыки с подошедшими красными подкреплениями, частями красных курсантов, латышских стрелков и моряков с кораблей Балтийского флота. Красные линкоры, поддерживавшие огнем обороняющихся, вскоре прекратили стрельбу: невозможно было различить своих и чужих. И становилось очевидным – темп наступления потерян, силы на исходе, шансы на победу уменьшаются с каждым днем, с каждым часом непрерывной, тяжелой борьбы. Большевики смогли сосредоточить против Северо-Западной Армии до 50 000 свежих войск, переброшенных с других участков фронта. Предреввоенсовета Л. Д. Троцкий взял оборону Петрограда под личный контроль. Под Ижорой отбивал атаки тяжелый бронепоезд «Ленин», прекрасно оснащенный, закованный в прочную стальную броню, вооруженный дальнобойной артиллерией. Его поддерживали бронепоезда «Троцкий» и «Черномор». Белые же бронепоезда так и не смогли подойти к фронту, остановившись у взорванного моста под Ямбургом. Английские и французские танки хорошо помогали при наступлении, но часто выходили из строя. Фактически единственным «бронесредством» Северо-Западной Армии были многократно чиненные, но героически державшиеся на линии огня бронеавтомобили «Россия» и «Гроза» (последний был отбит у красных весной 1919 года).

Получив свежие подкрепления, Красная Армия подготовилась к контрудару. План Троцкого, возглавившего оборону города,

сводился к созданию «мешка», во многом сходного с тем, который пыталось руководство красного Южного фронта создать для Добровольческой Армии под Орлом. Планировалось нанести два удара по сходящимся направлениям: со стороны Петрограда – Тосно и Луги. Ударные группировки красных, соединившись в Ямбурге, должны были полностью окружить Северо-Западную Армию.

21–23 октября под Пулковом продолжались беспрерывные бои. Решалась судьба Петрограда. Неожиданный прорыв красными позиций Вятского полка заставил белых немного сдать назад. В этой ситуации нужен был еще один, быть может, последний рывок. Юденич почти полностью обнажил фланги, были сняты части 4-й дивизии от Луги и подтянуты резервы от Ямбурга. Собрав все силы в ударную группу под началом молодого командира Талабцев полковника Пермикина, командование Армии попыталось восстановить утраченное положение. 27–30 октября бои возобновились с новой силой. Пермикин и Родзянко лично водили в атаки поредевшие батальоны. Поддержал их и русско-английский танковый отряд полковника Карсона. 25 октября части 5-й (Ливенской) дивизии контратаковали красных матросов под Русским Копорским. Фланговый контрудар от Гатчины на Ропшу удался, и Пермикин телеграфировал, что «дорога на Петроград открыта». Но достигнутый успех, увы, уже не мог переломить ход всей операции. Армия выдыхалась, ее дух падал.

В этот момент красные подкрепления ударили по обнажившемуся правому флангу Северо-Западной Армии. 1 ноября большевики вышли к Луге. Ее комендант, полковник Григорьев, имея в распоряжении лишь тыловые команды запасных, не мог остановить натиск красных полков, и Луга была сдана. Железная дорога Псков – Петроград снова оказалась под контролем большевиков.

Наступление завершилось. Черными безлунными ночами белые полки отходили с прежних позиций. Фронт быстро сокращался. От Пскова на Гдов и Нарву наступали части советской 15-й армии. Уже были оставлены Красное Село, Павловск, Ропша, Детское Село. 3 ноября без боя сдали Гатчину. 11-я советская дивизия вышла в тыл Северо-Западной Армии и по шоссе двигалась на Ямбург. И только в этот момент эстонская армия, наконец, напомнила о себе. 1-я эстонская дивизия нанесла внезапный удар в тыл наступавшим от Петергофа красным и заставила их быстро отойти на исходные позиции. С моря по красным открыл огонь английский монитор. Но эта «помощь», конечно, уже ничего не решила.

В трехнедельных непрерывных боях погибла почти половина и без того небольшой Северо-Западной Армии. В ее рядах теперь оставалось не более 8 000 штыков. 7 ноября красные, наступая от Гатчины, заняли станцию Волосово, а 8-го пал Гдов. Остатки войск Юденича отходили к Ямбургу. Здесь произошли последние бои, однако город удержать не удалось, и 14 ноября Ямбург, последний крупный центр, находившийся под контролем белых, был оставлен. Вся Северо-Западная Армия оказалась прижатой к реке Нарове и к эстонской пограничной полосе у города Нарвы.

Сильные холода, пронизывающий северный ветер делали положение белых критическим. Солдаты и офицеры мерзли в наспех вырытых окопах и землянках. Началась страшная эпидемия тифа, фактически уничтожившая остатки Армии. Юденич и Родзянко пытались расширить плацдарм частным наступлением правого фланга, но тщетно. Сотни солдат сдавались в плен. Эстонское правительство убедилось, что политические интересы диктуют ему необходимость мира с Советской Республикой, а не поддержки обреченного Белого движения. Переговоры с советскими дипломатами быстро завершились подписанием 31 декабря 1919 года перемирия, а 2 февраля 1920-го – и мирного договора. Большевики признали независимость республики, но с условием (оговоренным отдельным пунктом), что Эстония отказывается от предоставления своей территории для Белых правительств и армий. Мир между РСФСР и Эстонией означал конец Белого движения на Северо-Западе России.

Теперь вся Армия должна была перейти на беженское положение. Полки разоружались, солдаты и офицеры направлялись в спецлагеря. Здесь из них формировали бригады и отправляли на лесозаготовки и торфяники. Так, еще задолго до сталинского ГУЛАГа, на территории «буржуазной республики» уже установилась система дешевой эксплуатации бесправных людей. А в 1940 году, после ввода в Эстонию советских войск, оставшиеся в живых Северо-Западники оказались под пристальным вниманием управлений НКВД и местных коммунистов и очень скоро испытали на себе лагерные ужасы советской системы.

Vae victis[43] – жестокий приговор истории XX века…

* * *

В чем же причины поражения «осеннего наступления»?

В литературе Русского Зарубежья перечислялись самые

разные факторы – от геополитических до тактических просчетов. Один из офицеров Северо-Западной Армии, Д. Д. Кузьмин-Караваев, выделял три основные причины: отсутствие надлежащей помощи со стороны Эстонии, отсутствие необходимой поддержки со стороны английского флота и неожиданное наступление Западной Добровольческой Армии Бермондта-Авалова на Ригу, «эти три фактора… и следует считать краеугольными основаниями неудачи похода на Петроград. Дезорганизованный и без того наш тыл оказался еще более ослаблен…, на фронт своевременно не подвозились снаряды и патроны, из-за этого производилась задержка в доставке продуктов населению и армии, создавалась масса тыловых недоразумений…»

Одной из тактических ошибок Северо-Западной Армии многие белые мемуаристы считали однодневную остановку в Гатчине, дневку 17-го октября. Отдых наступавшим частям был необходим, но в результате произошедшей задержки были потеряны почти целые сутки.

Другая тактическая ошибка – не перерезанная вовремя Николаевская железная дорога, по которой к красным подошли подкрепления. Вину за нее возлагали на начальника 3-й дивизии генерала Д. Р. Ветренко, который получил приказ выслать после занятия Гатчины сильный заслон на станцию Тосно Николаевской железной дороги. В этом случае прервалась бы связь Петрограда с Москвой, и «северная столица» почти полностью блокировалась. Однако Ветренко не выполнил этого приказа, так как, считали белые историки, торопился войти первым в Петроград. Николаевская дорога осталась под контролем большевиков, которые сохранили возможность беспрепятственно получать подкрепления из центра России.

Ветренко многие считали едва ли не самым главным виновником поражения «похода на Петроград», говорили даже о его сотрудничестве с ЧК. Такие утверждения, пожалуй, не могут считаться исчерпывающими. Действительно, реальная возможность занятия Тосно белыми существовала, станция была практически не защищена. Но дивизия Ветренко наносила основной удар на Колпино и, в случае дальнейшего успешного наступления, захватив эту станцию, разрешала одновременно две задачи – перерезала ту же Николаевскую железную дорогу почти у самого ее основания и полностью блокировала Петроград, отрезая город с востока, по линии Северной железной дороги от Петрозаводска. Когда еще была уверенность в быстром взятии Петрограда, удар Ветренко на Колпино (а это также был вариант «кратчайшего направления», столь популярного осенью 1919

года) стал бы гораздо более результативным. Справедливости ради стоит заметить, что частная неудача Ветренко вряд ли изменила бы общую стратегическую неудачу на фронте.

Некоторые склонны видеть одну из серьезных причин поражения в недостатке офицеров Генерального Штаба на командных должностях Северо-Западной Армии. То, что в ней преобладали молодые, энергичные, но порой недостаточно опытные командиры, приводило к излишней поспешности, неосмотрительности при ведении боевых операций. Но опять же – это положение было типичным для всей Гражданской войны.

Гораздо более серьезной причиной неудачи можно считать отсутствие резервов для поддержки наступления. Роль резерва могли бы сыграть части Западной Добровольческой Армии под командованием полковника Бермондта-Авалова. Эта армия начала формироваться еще с 1918 года на средства немецкого оккупационного командования. Разумеется, в своей политической ориентации «бермондтовцы» в подавляющем большинстве были на стороне Германии. В то время как Северо-Западная Армия шла на Петроград, Бермондт-Авалов с таким же энтузиазмом повел свою армию на штурм Риги. Пренебрегая приказами Юденича об отправке на фронт, он решил «разгромить латышских социалистов» и «восстановить» принцип «Единой Неделимой России» с помощью артобстрела столицы Латвии. Части Западной Армии, гораздо лучше вооруженные и оснащенные, численностью около 30 000 человек (напомним, что под Петроградом сражалось в два раза меньше бойцов), могли бы, конечно, стать тем символическим мечом, благодаря которому чаша весов истории склонилась бы в сторону Белого Дела. Но 20 октября 1919 года, в разгар боев на Пулковских высотах, Бермондт-Авалов безуспешно пытался форсировать Двину…

В результате латвийские правительственные части, вступив в бой с армией Бермондта, обратились за военной поддержкой к Эстонии, правительство которой вместо обещанной помощи Юденичу начало переброску подразделений своей армии к Риге. Разгорелся международный скандал. Белых объявили «агрессорами», готовыми уничтожить «хрупкую независимость» прибалтийских новообразований. С резким осуждением действий Бермондта выступили также правительства Англии и Франции. Как отмечал генерал Деникин, «великая борьба между европейскими державами продолжалась, и в орбиту ее в качестве бессильных пешек вовлекались русские и балтийские элементы…»

Возможно, что Бермондт-Авалов, как он позднее писал в своих мемуарах, руководствовался исключительно

государственными интересами России и собирался позже «пробиться» на Северо-Западный фронт. Но в тех условиях его выступление было полностью авантюрным. Помимо антипатий к белым, в Латвии усилилась неприязнь к русским вообще. Акция Бермондта, несомненно, дискредитировала Белое Дело. Вполне обоснованным в такой ситуации можно было считать заявление Верховного Правителя адмирала Колчака о том, что в случае отказа подчиниться Юденичу Бермондт «не может считаться русским подданным и офицером русской армии».

Так или иначе, несмотря на поражение похода на Петроград, можно отметить, что возможности белых были весьма велики для того, чтобы овладеть бывшей столицей. Очевидно, главной причиной неудачи следует все-таки признать несвязанность, несвоевременность совместных действий русского Белого движения, Эстонии и Финляндии. Это признавал и Ленин: «Нет никакого сомнения, что самой небольшой помощи Финляндии или – немного более – помощи Эстляндии было бы достаточно, чтобы решить судьбу Петрограда». Но, как известно, история не знает сослагательного наклонения, и «героическая оборона пролетарского Питера» стала еще одной «легендарной» победой большевиков.

Нельзя, конечно, отрицать стойкости сопротивления красных частей, особенно курсантов и матросов. Нужно отдать должное и энергии Троцкого, сумевшего за короткое время создать из Петрограда в буквальном смысле слова «цитадель революции». Его абсолютно не беспокоил тот факт, что в случае прорыва белых исторический центр города превратился бы в театр военных действий. Пусть «пролетарский Питер погибнет, но белые звери захлебнутся своей и нашей кровью» – эти слова одной из большевицких листовок как нельзя лучше передавали настроения, с которыми советское руководство собиралось защищать город. Очевидно, подобная участь ожидала бы и Москву, если бы Добровольческая Армия подошла к ней. Большевицкий режим готов был на любые жертвы.

Вернемся теперь к уже цитированному выше выступлению генерала Томилова на юбилее Юденича (кстати, именно Томилову бывшим Главнокомандующим был поручен сбор материалов для книги об истории Северо-Западного фронта, но в свет она так и не вышла). Давая свою оценку причин поражения, генерал отмечал, что Главнокомандующий сделал все, что было в его силах, чтобы одержать победу. Но «полководческие дарования генерала Юденича попали в непреодолимо тяжкие условия. Ни своей территории, ни базы не было, попытка опереться на Финляндию не удалась, пришлось базироваться на Эстонию,

правители которой считали торжество Белого движения более опасным для самостоятельности Эстонии, чем советская власть в России. Почти никаких средств для ведения военных операций также не было. Была полная зависимость от англичан, на которых Антанта возложила помощь здесь Белому движению, а в правительственных кругах Англии вскоре уже взяли верх тенденции, что интересы ее на Северо-Западе России ограничиваются лишь задачей укрепления самостоятельного бытия лимитрофных новообразований.

Маленькой Северо-Западной армии не по силам, конечно, была задача овладеть и удержать за собой столицу. Вынужденное, жертвенное во имя общих интересов всего Белого движения, внезапное молниеносное наступление ее к самым предместьям Петрограда выполнило задачу отвлечения на себя сил противника: большевики вынуждены были спешно оттянуть с других фронтов к Петрограду до 50-ти тысяч войск, тогда как Северо-Западная армия в это время насчитывала всего 8 000 бойцов…»

Несколько иную характеристику Юденичу давал знаменитый писатель А. И. Куприн. Будучи в Гатчине, он добровольно (вопреки уверениям советских литературоведов) вступил в ряды Северо-Западной Армии, стал редактором ее газеты «Приневский Край». В своей замечательной повести «Купол Св[ятого] Исаакия Далматского» автор «Поединка» и «Юнкеров» писал: «… Формальный глава армии существовал. Это был генерал Юденич, доблестный, храбрый солдат, честный человек и хороший военачальник. Но… генерал Юденич только раз показался на театре военных действий, а именно тотчас же по взятии Гатчины. Побывал в ней, навестил Царское Село, Красное, и в тот же день отбыл в Ревель. Конечно, очень ценно было бы в интересах армии, если бы ген[ерал] Юденич, находясь в тылу, умел дипломатично воздействовать на англичан и эстонцев, добиваясь от них обещанной реальной помощи. Но по натуре храбрый покоритель Эрзерума был в душе – капитан Тушин, так славно изображенный Толстым. Он не умел с ними разговаривать, стеснялся перед апломбом англичан и перед общей тайной политикой иностранцев… Единый вождь в этой особенной войне должен был бы непременно показываться как можно чаще перед этим солдатом. Солдат здесь проявлял сверхъестественную храбрость, неописуемое мужество, величайшее терпение, но безмолвно требовал от генерала и офицера высокого примера…»

Куприн во многом был прав. Армия должна осознавать, чувствовать присутствие своего командующего. Нужно постоянно быть вместе с армией, жить ее жизнью, понимать ее проблемы,

разделять славу ее успехов и горечь неудач. И все же, хотя Юденич не появлялся на фронте осенью 1919 года, не водил за собой в атаки полки и дивизии, как водили их те же Родзянко и Пермикин, – можно ли упрекнуть за это Главнокомандующего? Ведь его пребывание в тылу диктовалось насущной необходимостью. Дипломатическая, политическая борьба, участником и руководителем которой пришлось стать Юденичу, требовала от него не меньшей самоотдачи, чем руководство операциями на фронте. Стоит отметить, что при всех разногласиях, спорах со своими подчиненными командирами корпусов и дивизий он им полностью доверял, был абсолютно чужд интриг и конфликтов. Тем более никто не посмел бы обвинить генерала в отсутствии личной храбрости, достаточно вспомнить его штыковые атаки в Русско-Японскую войну.

* * *

После окончания борьбы на Северо-Западе Юденич принял решение перебросить сохранившиеся кадры армии на Юг, к Деникину. С этой целью он настаивал на предоставлении союзниками транспортных судов для перевозки Армии из Балтийского в Черное море. Однако все его усилия оказались тщетны. Ни с Армией, ни с ее Главнокомандующим никто уже не хотел считаться.

Перед Юденичем оставался, по существу, единственный выход. 22 января 1920 года генерал издал приказ о роспуске Армии и создал ликвидационную комиссию, передав в ее распоряжение оставшиеся средства бюджета. В ночь на 28 января в гостиницу «Коммерс» в Ревеле, где проживал Юденич, явилось несколько белых офицеров во главе с Булак-Балаховичем и трое эстонских полицейских и арестовали бывшего Главнокомандующего. Номер его опечатали, а самого генерала препроводили на вокзал, посадили в вагон и увезли в направлении советской границы. Вскоре, правда, он был освобожден и переехал в помещение английской военной миссии. Трудно сказать, чем был вызван этот инцидент – желанием расправиться с потерявшим свою власть военачальником или за этим стояли более серьезные политические и дипломатические причины. Формальным предлогом было объявлено нежелание Юденича отчитаться о расходовании полученного от Колчака кредита. Ясно одно – действия Булак-Балаховича и эстонских властей выражали собой, с одной стороны, «партизанское самоуправство», а с другой – стали следствием изменившейся

политики Эстонской Республики. Теперь считаться со своими бывшими союзниками по борьбе против большевиков не имело смысла, а в условиях заключения мирного договора с РСФСР становилось и крайне нежелательным.

Позднее, уже летом 1920 года, часть Северо-Западников смогла все-таки продолжить борьбу в рядах армии П. Н. Врангеля. Многие сражались в рядах так называемой Русской Народной Добровольческой Армии генерала Булак-Балаховича и 3-й Русской Армии произведенного в генералы Пермикина.

Семья же Юденичей вскоре переехала во Францию, в Ниццу. Здесь, в доме на маленькой улице Кот д'Азур, потянулись размеренные дни эмигрантского бытия, спокойные и в общем лишенные той остроты борьбы, тех противоречий, которыми жило в 1920–1930-е годы Русское Зарубежье. Юденичу не суждено было разделить участь лидеров Русского Обще-Воинского Союза генералов А. П. Кутепова и Е. К. Миллера, многих других генералов и офицеров, продолжавших верить в новый «весенний поход» против большевиков. Сказывался и возраст и, очевидно, общая усталость. Юденич посильно помогал оказавшимся во Франции чинам Северо-Западной Армии. Для эмиграции он стал своего рода символом, вернее – одним из символов славы русского оружия в годы Великой войны, славы побед на Кавказском фронте. Не стоит забывать и тот факт, что генерал был единственным кавалером ордена Святого Георгия II-й степени в Зарубежьи, последним в истории награждения этим орденом.

Юденич был председателем Ниццкого Общества ревнителей русской истории (в других источниках – Кружка ревнителей русского прошлого), на собраниях которого неоднократно выступал с докладами об операциях на Кавказе. Он также активно участвовал в работе ниццких просветительных организаций, помогал кружку молодежи по изучению русской культуры, русскому лицею «Александрино». Николай Николаевич состоял почетным членом приходского совета в церкви при Франко-Русском доме в Сент-Морис. Не случайно к его юбилею настоятель храма преподнес ему икону Святителя Николая Чудотворца.

Николай Николаевич Юденич умер 5 октября 1933 года. Александра Петровна надолго пережила своего мужа, скончавшись в 1962 году. Ею был сохранен и затем передан в США, в Гуверовский институт, семейный архив.

…На кладбище в Ницце есть выщербленная солнцем и солеными морскими ветрами могила. Массивная плита из серого камня, многие буквы уже потерялись, стерлись. Над ней

Православный Крест из черного гранита. Простая надпись: «Главнокомандующий Войсками Кавказского фронта Генерал от инфантерии Николай Николаевич Юденич». Ниже – «Александра Николаевна Юденич – урожденная Жемчужникова». Могила расположена почти на самом верху кладбищенского холма. С нее открывается обширный вид на залив теплого Лигурийского моря. Символично, что бывший Главнокомандующий Кавказским фронтом вечно покоится на вершине, пусть даже и небольших гор Французской Ривьеры.

В. Ж. Цветков

Генерал-от-кавалерии П. Н. Краснов

Биографию Петра Николаевича Краснова никак не назовешь заурядной. Она нетипична не только для донского казака, но и вообще для офицера последних десятилетий существования Императорской России и ее Армии. Не менее ярок был и эмигрантский период жизни бывшего Донского Атамана, драматичны последние годы его жизни во время Второй мировой войны, трагична смерть в советском застенке…

* * *

Петр Николаевич родился 10 сентября 1869 года в Санкт-Петербурге, где его отец служил в Главном Управлении иррегулярных (казачьих) войск. Большой род Красновых был тесно связан с историей Донского казачества. Предки будущего Донского Атамана не раз возглавляли казачьи полки в многочисленных войнах России XVIII–XIX веков. Один из них – Иван Косьмич Краснов (или Краснов 1-й), прапрадед Петра Николаевича, начинал свою службу при А. В. Суворове, участвовал в Русско-Турецкой (1787–1791) и Русско-Польской (1794–1795) войнах, а в 1812 году был смертельно ранен; в начале XX века в составе Российской Императорской Армии существовал 15-й Донской казачий генерала Краснова 1-го полк.

Коренные казаки (хутора Каргина[44] Вешенской станицы) Красновы уже давно «закрепились» в Петербурге: дед П. Н. Краснова – Иван Иванович (1800–1871) – служил Лейб-Гвардии в Казачьем Его Величества полку, стоявшем в столице Империи, а затем и командовал им. Кстати, он стал первым из Красновых, всерьез взявшимся за перо: известны его стихотворные и историко-этнографические произведения. Во время Крымской войны 1853–1856 годов И. И. Краснов руководил обороной Азовского побережья.

Его сын, Николай Иванович (1833–1900), закончивший Первый Кадетский корпус в Петербурге, начал службу Лейб-Гвардии в 6-й Донской казачьей Его Величества батарее. Помимо военной службы, он имел склонность и к литературному творчеству: вел отдел критики в газете «Петербургские ведомости», был автором ряда работ по истории казачества. У Николая Ивановича было три сына: старший, Андрей, – крупный ученый, занимавшийся естествознанием и географией, создатель Батумского ботанического сада; средний, Платон, – математик и железнодорожник, занимавшийся также переводами западной лирики, писавший многочисленные критические и историко-литературные статьи; младший – Петр, продолживший семейную военную линию, но не забывавший и перо.

Донской казак Петр Краснов рос и воспитывался в Петербурге, где закончил пять классов 1-й классической гимназии. Можно было пойти по стопам братьев: гимназия, университет или институт и научная деятельность либо гражданская служба, дававшие в конце XIX века больший доход, чем военная карьера, что было немаловажно для небогатой и многочисленной семьи Красновых. Можно было посвятить себя целиком и литературному творчеству. Но «военная жилка» возобладала, и Петр переводится в 5-й класс Александровского кадетского корпуса. «Мы были кадетами – тогда “своекоштного”

корпуса – “приходящего”, – вспоминал П. Н. Краснов много лет спустя. – Кроме месяца Петергофского лагеря, куда ходила наша строевая рота[45], мы жили дома, у родителей. Мы были избалованы родительской лаской, матерями, тогдашним семейным бытом, с братьями и сестрами, с прислугой, горничными и кухарками, со старой няней, всею этою волею жизни на родительской квартире».

Петр Краснов успешно заканчивает корпус в 1887 году. Еще была возможность свернуть с военной стези, но, как и большинство его однокашников, он поступает в военное училище. Выбор Петра Николаевича пал на 1-е Военное Павловское, готовившее офицеров пехоты. Отец настаивал на службе Петра в Гвардейских казачьих частях, но, чтобы выглядеть «не хуже других» в Николаевском кавалерийском, требовались дополнительные финансовые затраты, а учеба в Михайловском артиллерийском продолжалась на год дольше. Ничего этого большая и сравнительно небогатая семья Красновых не могла себе позволить. Среди оставшихся училищ «на первом месте» стояло Павловское.

«Отец благословил меня, – вспоминал позднее Петр Николаевич, – идти в пехотное училище, сказав:

– Служба в пехоте есть основание всякой воинской службы. Суровая репутация училища – лучшее, что может быть…»

* * *

Благодаря своему росту П.Н. Краснов попал в первую роту – роту Его Величества, шефом которой был царствующий Император, чьи металлические вензеля рота носила на своих погонах, поверх «общеучилищного» вензеля Императора Павла I. Устав, выправка, строй были священны для юнкеров-«Павлонов». С первых же дней им прививалась скромность: из личных вещей разрешалось иметь лишь штыковые ножны и сапоги. Мундир же должен быть казенным, даже если выданный из училищного цейхгауза был весьма поношен. Добиваясь от своих подопечных идеальной выправки, офицеры на строевых занятиях буквально «священнодействовали», и выпускники училища заслуженно считались лучшими строевиками Императорской Армии.

Петр Краснов успешно проходил в училище курс наук и показал себя прекрасным строевиком – на втором году обучения он становится портупей-юнкером, а вскоре и фельдфебелем Государевой роты. Вся ответственность за внутреннюю жизнь роты лежала на нем, и Краснов с честью справлялся с

исполнением своих обязанностей. По войсковым правилам он должен был выйти «в комплект Донских казачьих полков» и только после годичной службы мог быть прикомандирован к Гвардейскому полку. Но молодому Петру Краснову судьба благоволила: после успешного Высочайшего смотра поблагодаривший фельдфебеля Император Александр III распорядился сразу прикомандировать его Лейб-Гвардии к Атаманскому Наследника Цесаревича полку.

10 августа 1889 года фельдфебель Павловского училища Петр Краснов был произведен в хорунжие и зачислен в комплект Донских казачьих полков с прикомандированием к Атаманцам. Через год он переводится Лейб-Гвардии в Атаманский полк, а 17 марта 1891 года начинается и «официальная» литературная деятельность П. Н. Краснова: в издании Военного Ведомства – газете «Русский Инвалид» – появляется его первая заметка. Впоследствии Петр Николаевич не ограничится лишь военными изданиями («Военный Сборник», «Разведчик», «Вестник Русской Конницы»), но будет сотрудничать и в гражданских – «Петербургском Листке», «Биржевых Ведомостях», «Ниве» и др. «Я мечтал пятидесяти лет (после пятидесяти – какой же может быть кавалерист!..) выйти в отставку и стать ни больше ни меньше, как Русским Майн-Ридом!» – не без самоиронии напишет он позднее. Пока же, весной 1892 года, будущий «Майн-Рид» решает поступать в Николаевскую Академию Генерального Штаба.

Краснов не имел твердой цели стать обязательно офицером-генштабистом, но, будучи фанатиком службы и относясь к ней творчески, он хотел расширить свой кругозор, полагая, что знания не могут помешать строевому офицеру. Петру Николаевичу удается с первого раза поступить в Академию, но проучился там он всего год. Молодой офицер вместо скучных лекций продолжает активное литературное творчество, дававшее немалую прибавку к жалованью. Вследствие такой «увлеченности» он проваливается на переводных экзаменах и отчисляется из числа слушателей Академии, без особого сожаления вернувшись в любимый полк. В том же 1893 году выходит его первая книга.

Произведенный в сотники Краснов назначается в 1894 году полковым адъютантом, а вскоре ему поручается и работа над полковой историей. Сотник усердно берется за дело и к 1898 году составляет «Атаманскую Памятку». Выходят в свет его роман «Атаман Платов», сборники рассказов и историческое исследование «Донской казачий полк сто лет тому назад». При постепенно нарастающем негативном отношении общества к Армии Краснов становится одним из немногих, кто может дать

талантливый отпор этим разрушающим Империю настроениям.

В 1896 году сотник Краснов женится на дочери действительного статского советника Лидии Федоровне Грюнезейн, для которой этот брак был вторым. Они стали прекрасной парой, прожили вместе более четырех десятилетий, сохранив теплоту отношений.

* * *

Мечта стать «русским Майн-Ридом» не покидает Краснова и после женитьбы. Когда в 1897 году в Абиссинию направляется первая российская дипломатическая миссия, он добивается назначения начальником ее конвоя, составленного из Гвардейских казаков. При дворе Императора Абиссинии Менелика II русским был оказан самый теплый прием, казаки же конвоя удивили Негуса своей джигитовкой. Первым, стоя на двух лошадях, скакал начальник конвоя – сотник Петр Краснов. Посланный затем со срочным донесением в Санкт-Петербург, Краснов на муле покрывает расстояние в 1 000 верст, на которое миссии потребовалось 3 месяца, за 11 дней. Впечатления о путешествии вылились в книги: «Казаки в Абиссинии. Дневник начальника конвоя», «Казаки в Африке» и повесть «Любовь абиссинки».

Служба Краснова в полку идет довольно успешно. Страстный фанатик строевого дела, он на некоторое время покидает адъютантскую должность, возвращается в сотню, увлеченно занимается с ней, обучает и воспитывает казаков. В эти годы Краснов горячо проповедует первенство именно строевого офицерства (непосредственно занимающегося военным делом, обучающего солдат), которое в случае войны и пойдет в бой. Штабные и интендантские офицеры, преподаватели военных училищ и кадетских корпусов, по мнению Петра Николаевича, должны уступать первенство строевикам, тянущим свою тяжелую лямку, медленней всех двигающихся по службе и бедствующих на нищенском жаловании. «…Самое важное для успеха нашего святого военного дела – это любовь к нему, любовь до самозабвения, до самоотречения», – такой вывод делает он. Истый кавалерист и сторонник необходимости занятий спортом для офицера, Краснов – непременный участник конноспортивных праздников и скачек. Многие свои произведения он будет подписывать «Гр. А. Д.» по кличке своего любимого коня – «Град».

Петр Николаевич уверен, что военный человек обязан в мирное время постоянно повышать свой профессиональный

уровень, в военное же – место офицера только на поле боя. В 1900 году русские экспедиционные войска направляются в Китай, охваченный беспорядками (так называемое «Боксерское восстание»), и в 1901 году туда же отправляется специальный корреспондент «Русского Инвалида» подъесаул Краснов. Замеченный Государем, внимательно читавшим «Инвалид», Петр Николаевич был командирован в Китай «по Высочайшему повелению» и в течение полугода вместе с супругой изъездил верхом вдоль и поперек Маньчжурию, Уссурийский край, побывал во Владивостоке и Порт-Артуре. Тогда же он посетил Японию, Китай и Индию, публикуя путевые заметки «По Азии».

В 1902 году проходят «Большие Курские маневры», в которых участвуют войска четырех военных округов. Краснов состоит на них в качестве ординарца при командующем «Южной армией» генерале А. Н. Куропаткине – тогдашнем военном министре. В том же году Петр Николаевич командируется, опять в качестве корреспондента, на беспокойную границу с Персией и Турцией, где знакомится с жизнью стоящих там казачьих частей. Все виденное он описывает в статьях и очерках.

Ненадолго подъесаул Краснов вновь принимает должность полкового адъютанта, но начавшаяся в 1904 году война с Японией срывает его с безопасной должности. Не дождавшись рассмотрения своего прошения об откомандировании в Действующую Армию, Краснов едет туда все от того же «Инвалида». Простой корреспондент – это не для него, и, приписанный к Штабу Забайкальской казачьей дивизии, он водит казаков в бои – ордена Святой Анны IV-й степени с надписью «За храбрость», Святого Владимира IV-й степени с мечами и бантом, мечи (указание на боевые заслуги) к ранее полученному ордену Святого Станислава III-й степени подтверждают это. Опыт боев и замеченные достоинства и недостатки русских войск находят свое отражение в двухтомнике «Год войны» и многочисленных статьях.

В 1906 же году П. Н. Краснов принимает в командование 3-ю сотню родного Лейб-Гвардии Атаманского полка. Вспоминая позднее о том периоде службы, Петр Николаевич писал:

«Я был очень близок с казаками. В молодые годы, младшим офицером, я жил с казаками одной жизнью, ночевал в полевых поездках и на маневрах в одной хате, в поле, на сеновале, сутками был с ними и много с ними говорил, – говорил откровенно, по душе, не как начальник, а как старший брат с младшим.

Я знал родителей многих казаков, говорил с ними.

Я никогда не слыхал ропота, жалоб на разорение, на тяжесть службы.

Молча, в величайшем сознании своего долга перед Родиной, несли казаки свои тяготы по снаряжению на службу и гордились своим казачьим именем.

В них было прирожденное чувство долга».

* * *

В 1907 году Петр Николаевич откомандировывается в Офицерскую Кавалерийскую Школу. Интересно, что казак Краснов оканчивает кавалерийский, а не считавшийся более легким казачий отдел Школы: досконально ознакомившийся с тонкостями казачьей службы, подъесаул счел своим долгом постичь особенности регулярной кавалерии, дабы иметь возможность сравнения. В том же году он наконец-то производится «за выслугу лет» в чин есаула, со старшинством аж с 10 августа 1901-го.

По окончании курса Школы есаул Петр Краснов зачисляется в ее постоянный состав, вскоре становится сначала исполняющим должность помощника по строевой части начальника казачьего отдела, а затем – и исполняющим должность начальника отдела. После командировок с проверкой учебных сборов казаков Оренбургского, Донского, Терского и Уральского Войск он утверждается в должности начальника казачьего отдела Школы. В его аттестации записано:

«Службу знает отлично, относясь к ней с увлечением, а потому представляет для подчиненных прекрасный пример, проявляя строгую требовательность, беспристрастие и заботливость. Отлично знает быт офицера и нижнего чина. Подробно изучил самобытный уклад казачьей жизни. Здоровья отличного. Хороший манежный ездок и превосходный, неутомимый, лихой наездник в поле. Очень развитой, способный и в высшей степени любознательный, талантливый штаб-офицер, не только интересующийся военным делом, но и проявляющий к нему исключительную любовь. Много раз бывал за границей… Знает иностранные языки. Следя за военной литературой, принимает в ней видное участие; за свои талантливые статьи давно отмечен крупными авторитетами.

Работоспособность и энергия его, разумная инициатива строевой деятельности исключительные, почему всякое поручение исполняется этим штаб-офицером превосходно и с ярким оттенком высокого воинского духа. Прекрасный семьянин, чужд кутежей, азарта и искания популярности. Рассудительный, тактичный, настойчивый, с сильной волей и характером, он

пользуется авторитетом у сослуживцев и подчиненных. Бережливый к казенному интересу, одарен организаторскими способностями.

Выдающийся штаб-офицер этот достоин возможно скорейшего выдвижения по службе и назначения командиром казачьего полка вне очереди».

В 1910 году Петр Краснов производится в полковники («в исключение из правил») и назначается командиром 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка, расквартированного в Средней Азии, у Памира, «у подножья Божьего трона», как образно скажет он потом. Почти три года жизни Петра Николаевича пройдут на китайской границе, а затем, в самом конце 1913 года, он примет 10-й Донской казачий генерала Луковкина полк, стоявший на границе с Австро-Венгрией.

П. Н. Краснов перед Первой мировой войной

Новому командиру довольно быстро удалось взять полк в руки. В любое время года еженедельно происходили маневры в поле, не только днем, но и ночью; постоянно стала проводиться офицерская езда и стрельбы, для младших офицеров – гимнастика и фехтование. Не забывались и тактические занятия. Краснов вставал на сторону офицеров и казаков в мелких, но неизбежных столкновениях с населением еврейского местечка, что грозило немалыми проблемами: начиная с беспорядков 1905 года установилась пагубная «традиция», когда в столкновении с

гражданскими лицами виновными оказывались всегда военные. Широко была отмечена вековая годовщина сражения под Краоном, где особенно отличились казачьи полки Мельникова 4-го и Мельникова 5-го – родоначальники 9-го и 10-го Донских казачьих полков. У полка появился свой марш, издана историческая памятка. Во главе 10-го полка полковник Краснов начинает и кампанию 1914 года.

* * *

В первые же недели войны П. Н. Краснов отличился, получив Георгиевское Оружие «за то, что в бою 1-го августа 1914 г. у гор[ода] Любича личным примером, под огнем противника, увлекая спешенные сотни своего полка, выбил неприятеля из железнодорожной станции, занял ее, взорвал железнодорожный мост и уничтожил станционные постройки». Начальство не оставляет без внимания успешные и умелые действия полковника: в ноябре 1914-го он производится в генерал-майоры и назначается командиром 1-й бригады (в составе 9-го и родного 10-го полков) 1-й Донской казачьей дивизии.

1915 год принес, помимо невиданных доселе тягот войны, для Краснова активное продвижение по службе: сначала он назначается командиром 3-й бригады Кавказской Туземной конной дивизии (более известной, как «Дикая дивизия»). Под командой донского казака находились Черкесский и Татарский[46] полки. Командуя горцами, Петр Николаевич получает орден Святого Георгия IV-й степени «за выдающееся мужество и храбрость, проявленные им в бою 29-го мая 1915 г. у м[естечка] Залещики и с[ела] Жожавы на р[еке] Днестре, где, умело предводительствуя [3-й] бригадой Кавказской туземной конной дивизии с приданными к ней ополченческими частями и Конной Заамурской пограничной бригадой, находясь под сильным огнем и при сильном натиске австр[о]-германской дивизии Генерала германской службы Кайзера, он, видя потерю нашими войсками части позиции, вызвавшую неизбежность отступления по всему фронту, для выручки своих от грозившей им опасности, лично предводительствуя 3 и 4 Заамурскими конными полками, произвел блистательную атаку на нерасстроенную пехоту противника, увенчавшуюся полным успехом, причем было изрублено более 500 человек и взято в плен 100 человек». Краснов повел в эту атаку по две сотни от каждого полка Заамурской конной бригады, которой командовал его старый друг и будущий сотрудник в 1918 году, генерал

Черячукин. Несмотря на громадные потери: из 12 офицеров 8 ранено, 2 убито, ранено и убито около 200 пограничников (50 % атаковавших) – победа была полной: наступление противника остановилось, ему пришлось даже оттянуть свои батареи.

Летом того же года генерал-майор Краснов назначается начальником 3-й Донской казачьей дивизии, но практически сразу переводится на 2-ю Сводную казачью, с которой и пройдет почти два года Великой войны.

Под командой Петра Николаевича оказываются казаки четырех различных Войск: 1-ю бригаду составляют 16-й Донской казачий генерала Грекова 8-го и 17-й Донской казачий генерала Бакланова полки; 2-ю бригаду – 1-й Линейный генерала Вельяминова полк Кубанского Казачьего Войска и 1-й Волгский полк Терского Казачьего Войска; артиллерию дивизии – Оренбургские казачьи батареи. Один из первых биографов П. Н. Краснова пишет:

«Во главе дивизии – ряд красочных дел – победа и слава освещают путь донцов и кубанцев, терцев и оренбуржцев… Дивизия становится синонимом удали, лихости. Соревнование кавказцев и донцов, донцов и кавказцев – бесконечное… Пленные, орудия, пулеметы и др. трофеи – боевой сказатель[47] дивных дел сводной дивизии… Боевой успех, искусство начальника – это минимум потерь при успехе. Именно то, чего у многих наших начальников не было, а наоборот, существовала глупейшая и преступнейшая чуть ли не аксиома на фронте: “раз нет потерь – не было и дела”. П[етр] Н[иколаевич] презирал эту “аксиому”…»

Краснов принял дивизию в разгар Великого Отступления Русской Армии. Неся тяжелые потери от огня многократно превосходящей германской тяжелой артиллерии, она откатывалась назад, не в силах полноценно противостоять германцам, которые сосредоточили свои главные силы на Восточном фронте с целью вывести Россию из войны. Не раз русской кавалерии приходилось, жертвуя собой, прикрывать отступление пехоты. На долю красновской дивизии выпало прикрытие отхода 3-го армейского корпуса в Седлецкой губернии:

«Семь рядов во взводах и 70–75-верстный фронт… Было над чем призадуматься! И дивизия делает великое дело – спасение своей пехоты… Беспрерывные бои, неожиданные для неприятеля броски частей дивизии, и в результате пехота спасена, перегруппировка – факт свершившийся. Короткие сильные удары сотен в конном и пешем строю, появление казаков там, где их меньше всего ожидали немцы, заставляет последних ощупью двигаться, задерживаться там, где они при других обстоятельствах могли бы пройти без усилий для себя…

Искусство и опыт заменяют дивизии недостающих бойцов, удаль, историческая удаль казаков, помогает начальнику. Славные дела!!!»

О военном искусстве Краснова говорят следующие цифры: за десять дней жесточайших боев 7–17 сентября 1915 года у Кухоцкой Воли, во время которых казаками были взяты железобетонные укрепления германцев, дивизия потеряла лишь 3 офицеров и 37 казаков убитыми и соответственно 7 и 145 – ранеными. В те месяцы пехотные полки под ударами германцев нередко теряли по несколько сот человек убитыми в один день. Несколько раз Краснов отправлялся со своими частями в набег по тылам наступавшего противника: «…гордо реет значок смерти Баклановцев[48] среди бегущих толп неприятеля и, как в старину – значок впереди, только теперь уже около П. Н. Краснова и там, где он, нет отступления, там ужас смерти и гимн победы вековых, исторических казачьих знамен». Осенью 1915-го австро-германское наступление выдыхается, не достигнув своей цели. До мая 1916 года 2-я Сводная казачья дивизия пополняется и сидит в окопах – самое нелюбимое казаками занятие на войне.

В конце мая 1916 года дивизия Краснова одна из первых начала Луцкий прорыв армий Юго-Западного фронта, вошедший в историю как «Брусиловское наступление». В приказе по IV-му кавалерийскому корпусу говорилось:

«Славные Донцы, Волжцы и Линейцы, ваш кровавый бой 26 мая у В. Голузийской – новый ореол славы в истории ваших полков. Вы увлекли за собой пехоту, оказывали чудеса порыва…

…Бой 26 мая воочию показал, что может дать орлиная дивизия, руководимая железной волей генерала Краснова».

Последующие месяцы боев покрыли казаков и их командира новой славой. 24 июня Донская бригада атаковала в конном строю окопавшуюся пехоту. О кровопролитных боях на реке Стоход командующий III-й армией генерал Л. В. Леш отмечал в приказе: «Генерал Краснов с казаками и шестью батальонами переправился через р[еку] Стоход у Н. Червище, на остальном фронте противник держится». В этих боях П.Н. Краснов удачно использовал психологический момент, послав в атаку, когда замялась пехота, две сотни Линейцев под командой будущего героя Белого движения, тогда войскового старшины, С. Г. Улагая с пулеметной командой.

«…Серые черкески, за спинами алые башлыки, черные бараньи шапки с красными тумаками, алые бешметы и погоны – ничего “защитного”. Развернулись широкою лавою, целый полк прикрыли. Впереди на нарядном сером коне командир сотни, еще дальше впереди на гнедом коне – командир дивизиона. Как на

смотру – чисто равнение. Легко по луговой мокрой траве спорою рысью идут горские кони, не колышутся в седлах казаки. Пошумели по кустам и перелескам, прошли сквозь пехотные цепи. Им навстречу немецкие батареи открыли ураганный огонь, застрочили кровавую строчку пулеметы, котлом кипит огонь винтовок – чистый ад с Любашевского берега… Казаки перешли в намет, скачут через протоки Стохода, алмазными брызгами сверкает вода из-под конских копыт. Все скорее и скорее мчится казачья лава – двести человек на тысячи немцев. Реют алые башлыки… По брюхо в воде бредут кони через главное русло. Стих огонь немцев, в их рядах замешательство, слишком непонятно-дерзновенна казачья атака.

Наша пехота встала и с громовым “ура” бросилась за казаками в воду. Стоходненский плацдарм был занят…»

1916 год не принес победы. Войска готовились к кампании 1917-го, на которую впервые было запланировано единое наступление всех держав, составлявших Антанту. Была общая уверенность: бои весны – лета 1917 года непременно должны привести к долгожданной победе… Но в России грянула революция.

* * *

В первые революционные месяцы 2-я Сводная казачья дивизия стояла под Пинском. Смененная в апреле с позиций, соприкоснувшись с бурлящим и агитирующим тылом, она начала разлагаться. Казаки требовали поделить казенные деньги, выдать новое обмундирование, настаивали, чтобы офицеры, приходя на занятия, здоровались со всеми за руку, перестали чистить и регулярно кормить лошадей, о занятиях не хотели и слышать. Четыре с лишним тысячи молодых людей, от 21 до 30 лет, слонялись без всякого дела, начали пьянствовать и безобразничать: «Казаки украсились алыми бантами, вырядились в красные ленты и ни о каком уважении к офицерам не хотели и слышать». 4 мая был один из тяжелейших дней в жизни П. Н. Краснова: на станции Видибор его «на глазах у эшелонов 16-го и 17-го Донских полков арестовали солдаты и повели под конвоем со стрельбою в Видиборский комитет». Петр Николаевич больше не мог командовать своей дивизией и подал в отставку. Но вместо этого ему пришлось принять 1-ю Кубанскую дивизию, куда он прибыл 10 июня. Генералу, казалось, удалось заботой о полках дивизии привлечь к себе казаков и придать им вполне приличный вид. Но Краснов не обольщался:

«Внешне полки были подтянуты, хорошо одеты и выправлены, но внутренне они ничего не стоили. Не было над ними “палки капрала”, которой они боялись бы больше, нежели пули неприятеля, и пуля неприятеля приобретала для них особое страшное значение.

Я переживал ужасную драму. Смерть казалась желанной. Ведь рухнуло все, чему молился, во что верил и что любил с самой колыбели в течение пятидесяти лет – погибла а р м и я[49]».

23 августа Краснову было предложено принять в командование III-й конный корпус, в котором он служил до конца апреля 1915 года. 28 августа Петр Николаевич прибыл в Ставку, где произошел краткий разговор с Верховным Главнокомандующим генералом Л. Г. Корниловым:

«– С нами вы, генерал, или против нас?..

– Я старый солдат, ваше высокопревосходительство, – отвечал я, – и всякое ваше приказание исполню в точности и беспрекословно.

– Ну, вот и отлично. Поезжайте сейчас же в Псков и постарайтесь отыскать там Крымова. Если его там нет, оставайтесь в Пскове; нужно, чтобы побольше было генералов в Пскове. Я не знаю, как Клембовский? Во всяком случае явитесь к нему. От него получите указания. Да поможет вам Господь! – Корнилов протянул мне руку, давая понять, что аудиенция кончена».

Однако для наведения порядка и кардинального изменения политической обстановки в стране («Корниловский переворот» на деле таковым не являлся, так как полки были двинуты на Петроград по договоренности с премьер-министром А. Ф. Керенским) были посланы части с совершенно новыми для них начальниками, а Кавказская Туземная дивизия должна была еще и разворачиваться «по пути» в корпус. В результате случилось то, что и должно было: движение на Петроград провалилось, генерал А. М. Крымов застрелился после разговора с Керенским, Корнилов и его единомышленники были арестованы, а по Армии прокатился новый вал избиения офицеров.

Несмотря ни на что, «контрреволюционный» III-й конный корпус остается под Петроградом: теперь уже самому Керенскому нужна защита от большевиков. Новый «Главковерх» не мог удержать в голове даже важнейших назначений, поэтому, не сместив Краснова, он назначает командовать корпусом его двойного тезку, тоже Петра Николаевича, барона Врангеля. На корпусе остался Краснов, будущему же вождю Белого движения стали искать другой корпус.

В течение осени 1-я Донская казачья и Уссурийская конная

дивизии, составлявшие корпус, постепенно раздергивались по одной-две сотни с орудиями по всему Северо-Западу России. К моменту «воспетого» большевицкой пропагандой «похода Керенского – Краснова на Петроград» вместо 50 сотен оставалось 18, причем разных полков, а вместо 24 орудий Донской артиллерии – 12, да 1-я Амурская казачья батарея в 4 орудия, не сделавшая до октября 1917-го ни одного выстрела. Истеричный Керенский строил из себя Бонапарта, но совершенно не представлял обстановки. Из-за измены командования Северного фронта у Краснова, назначенного «командующим армией, идущей на Петроград», к моменту подхода к Царскому Селу вечером 27 октября оставалось 480 казаков при 8 пулеметах и 16 конных орудиях, при спешивании же численность отряда уменьшалась до 320 человек. Для сравнения: гарнизон Царского насчитывал 16 тысяч, Петрограда – около 200, не считая Красной Гвардии и «красы и гордости революции» – матросов.

К бою у Пулковских высот 30 октября силы Краснова «заметно увеличились» до 9 сотен (630 казаков, 420 – при спешивании), 18 орудий, бронеавтомобиля и целого блиндированного поезда. Против них – 6 тысяч, пополам – красногвардейцев и матросов. Подходящие огромные солдатские части разбегаются от нескольких шрапнелей, не очень стойки и рабочие, зато матросы, которым терять нечего, не бегут. Казаки же, вполне убедившиеся за последние дни в полном своем одиночестве, несмотря на присутствие Керенского, не горят особым желанием класть головы на алтарь «русской демократии». Десятикратный перевес сказался, и казаки заключили перемирие с большевиками.

Краснов был арестован, но вскоре выпущен и руководил расформированием корпуса: 12 ноября пошла на Дон 1-я Донская, а 6 декабря – на Дальний Восток Уссурийская дивизия. На предложение одного из адъютантов (без ведома Петра Николаевича) к казакам 10-го полка – полка, воспитанного Красновым и водимого им к победам, – взять генерала в свой эшелон – последовал отказ, ибо «это было для них опасно».

Закончив ликвидацию корпуса, Петр Николаевич с последними его чинами и остатками имущества 16 января 1918 года погрузился на пятигорский поезд. После обычных приключений «революционной езды» с обысками, грабежами и прочими «проверками документов», Краснов с женой в конце января оказывается на Дону. В станице Богаевской его настигает страшная весть:

«– А вчера, слышно, Каледин застрелился!..

– Как застрелился? – говорю я.

– Так точно. Сегодня похоронили…

Я не могу больше говорить. Первый раз нервы изменяют мне. Я выхожу на улицу и долго мы ходим вдвоем с женой по узкой тропинке по берегу Дона».

А дальше… Добровольческая Армия ушла в свой легендарный Первый Кубанский поход, не подчинившиеся захватившим Дон большевикам казаки, всего полторы тысячи человек, ушли с генералом П. Х. Поповым в степи. Даже выстрел Атамана А. М. Каледина не смог пробудить совести Донцов: лишь испробовав на своей шкуре прелести большевизма, они поднимутся на борьбу весной 1918 года.

* * *

Восстание началось 21 марта в станице Суворовской. Казаки, до того бросавшие и продававшие свое вооружение вплоть до орудий, вынуждены теперь с вилами, косами и самодельными пиками выбивать красные отряды из родных станиц. Выступления разрознены и до общедонского подъема еще далеко. В апреле идет концентрация сил восставших, возвращается из Степного похода отряд Походного Атамана генерала Попова, возглавившего силы восставших: «степняки» составили «Северную группу» (войсковой старшина Э. Ф. Семилетов), сосредоточившиеся в станице Заплавской повстанцы – «Южную группу» (Генерального Штаба полковник С. В. Денисов), а восставшие казаки задонских станиц – «Задонскую группу».

23 апреля начинаются бои за войсковую столицу – Новочеркасск. На третий день Пасхальной недели 1918 года, 25 апреля, почти выбитые из города восставшие казаки, благодаря подошедшему отряду полковника М. Г. Дроздовского, шедшего походом с Румынского фронта на соединение с Добровольческой Армией, заняли войсковую столицу. Уже 29 апреля в Новочеркасске собирается Круг Спасения Дона. Прозванный «серым» и действительно оказавшийся народным по своему составу, этот Круг, в отличие от подавляющего большинства представительных органов, объединил людей дела. Здесь не было партий и практически не было интеллигенции. Были представители десяти освобожденных от большевиков станиц и депутаты от воинских частей, составлявшие большинство, всего – 130 человек.

Взаимоотношения между «заплавцами» и «степняками» были довольно натянутые. За первыми был народный подъем и фактическое взятие Новочеркасска, за вторыми – авторитет

первых начавших борьбу с большевиками. Подчинение всех сил восставших Походному Атаману давало «степнякам» некоторый перевес, но Временное Донское Правительство во главе с есаулом Г. П. Яновым было образовано в Заплавской. Вероятно, именно тогда командующий Южной группой генерал-майор С. В. Денисов (произведенный в этот чин сразу по взятии Новочеркасска) и решил привлечь своего бывшего начальника по 2-й Сводной казачьей дивизии, где он два года служил в должности начальника Штаба, – генерал-майора П. Н. Краснова.

Последние месяцы генерал Краснов проживал под немецкой фамилией в станице Константиновской, остро переживая произошедшее за минувший год с Доном, Россией, Армией и лично с ним. Петр Николаевич не мог забыть, как столь любимые им казаки его полка спокойно наблюдали, как арестовывают их начальника, как его Донцы под Петроградом едва не «выменяли» у матросов Ленина и Троцкого за Керенского и Краснова. Когда казаки Константиновской станицы собирались «задраться» с большевиками, в поисках вождя они явились к Краснову. Эти казаки комплектовали 9-й Донской казачий полк, «прекрасно» показавший себя в 1917 году, под его же, Краснова, началом. Не в силах забыть этого, генерал доходчиво заявил делегатам: «Я эту сволочь прекрасно знаю и никакого дела с ней иметь не хочу».

Но Кругу Спасения Дона для установления на территории Войска власти, которая должна была освободить Донскую Область от большевиков и организовать нормальную жизнь, требовалось «третье лицо», не связанное ни с «заплавцами», ни со «степняками». Дело дошло до того, что рассматривалась возможность подчинения вооруженных сил Дона Командующему Добровольческой Армией генералу А. И. Деникину; однако на этот пост все же требовался казак, а выбор Деникина к тому же неминуемо приводил бы к конфликту с немецкими войсками, которые, развивая наступление на Украине, вступили уже на войсковую территорию. Походный же Атаман, генерал Попов, вряд ли мог принять на себя реальное военное руководство из-за отсутствия боевого опыта: во время Первой мировой войны он был начальником Новочеркасского казачьего училища. Предложение С. В. Денисова оказалось как нельзя кстати: П. Н. Краснов был едва ли не старшим начальником из находившихся на Дону «казачьих» генералов, был довольно известен среди депутатов Круга и, что немаловажно, был «посторонним»: за ним не стояло реальной силы, ни одна из казачьих группировок не получала открытого преимущества. К тому же «петербургский казак» все-таки оставался «чужаком», и его головой в случае чего вполне можно было пожертвовать.

И Краснов, до самозабвения любивший казачество, особенно родных Донцов, открыто восхищавшийся ими, забыл недавнее прошлое… 2 мая 1918 года он прибыл в Новочеркасск, а на следующий день, по приглашению Круга, выступил перед ним. Два часа говорил Краснов о положении на Дону и в России. Круг слушал при гробовом молчании. Петр Николаевич напомнил о прошлом Дона, временах независимости Донского казачества «от Москвы», призвал «впредь до восстановления России стать самостоятельным Государством». На следующий день Круг единогласно постановил: «Впредь до созыва Большого Войскового Круга, каковой должен быть созван в ближайшее время и во всяком случае не позже двух месяцев по окончании настоящей сессии Круга спасения Дона, вся полнота верховной власти в области принадлежит Кругу спасения Дона. На время прекращения работ Круга спасения Дона вся полнота власти по управлению области и ведению борьбы с большевизмом принадлежит избранному Войсковому Атаману». На вечернем заседании 107 голосами против 13 при 10 воздержавшихся на пост Донского Атамана был избран генерал-майор П. Н. Краснов.

* * *

Условием своего согласия на занятие этой должности Петр Николаевич поставил принятие Кругом предложенных им Основных Законов Всевеликого Войска Донского. Это был смелый и рискованный поступок: во взбудораженной революцией России, еще полной угара «свобод» Временного Правительства, Атаман предложил на утверждение разработанные лично им, без «гражданских консультантов», законы, во многом копирующие Основные Законы Российской Империи. Предложить что-либо равноценное по резкости статьям 24–26 не решилось ни одно Белое правительство. П. Н. Краснов стал единственным, кто четко декларировал отказ от «демо-большевицкого» наследия:

«24. Впредь до издания и обнародования новых законов Всевеликое войско Донское управляется на твердых основаниях Свода законов Российской Империи, за исключением тех статей, которые настоящими основными законами отменяются.

25. Все воинские части, как постоянной Армии, так и временно вызываемые по мобилизации, руководствуются законами, уложениями и уставами, изданными в Российской Империи до 25 февраля 1917 года.

26. Все декреты и иные законы, разновременно издававшиеся, как Временным Правительством, так и советом народных

комиссаров, отменяются».

П. Н. Краснов не только имел смелость ультимативно потребовать этого (к сожалению, ему вскоре пришлось восстановить действие некоторых законов Временного Правительства), но и сумел добиться согласия «донских парламентариев», хотя реальной силы в руках Атамана тогда никакой не было и никак повлиять на решение он не мог. «Вы – хозяева Земли Донской, я – ваш управляющий, – завершил Петр Николаевич свое выступление. – Все дело в доверии. Если вы мне доверяете – вы принимаете предложенные мною законы, если вы их не примете, значит, вы мне не доверяете, боитесь, что я использую власть, вами данную, во вред войску. Тогда нам не о чем разговаривать. Без вашего полного доверия я править войском не могу». Отвечая на вопрос одного из депутатов о возможных изменениях представленного «варианта», Атаман сказал: «Статьи 48, 49 и 50. О флаге, гербе и гимне[50]. Вы можете предложить мне другой флаг – кроме красного, любой герб, кроме еврейской пятиконечной звезды или иного масонского знака, и любой гимн, кроме интернационала». Ораторский прием сработал: Круг рассмеялся и принял законы.

«Все лежало в войске Донском в обломках и в запустении, – писал впоследствии Краснов о той огромной ноше, которую он взваливал на свои плечи, приняв атаманский пернач. – *Самый Дворец атаманский был загажен большевиками так, что поселиться в нем сразу без ремонта было нельзя. Церкви были поруганы, многие станицы разгромлены и из 252 станиц войска Донского только 10 были свободны от большевиков. Не только пушечная, но ружейная и пулеметная стрельба были слышны кругом Новочеркасска. Бои шли под Батайском и у Александро-Грушевского. Полиции ни городской, ни станичной, ни железнодорожной стражи не было. Грабежи и убийства были ежедневным обычным явлением. Немцы прочно заняли Таганрог и Ростов, немецкая кавалерия занимала всю западную часть Донецкого Округа, станицы Каменская и Усть-Бело-Калитвенская были заняты германскими гарнизонами. Немцы подвигались к Новочеркасску и аванпосты баварской конницы стояли в 12-ти верстах к югу от Новочеркасска…*

Но все это были пустяки в сравнении с тем ужасным злом, которое сделали большевики в душах населения. Все понятия нравственности, чести, долга, честности были совершенно стерты и уничтожены. Совесть людская была опустошена и испита до дна. Люди отвыкли работать, люди не считали себя обязанными повиноваться законам, платить подати, исполнять приказы. Необычайно развилась спекуляция, занятие куплей и продажей,

которое стало своего рода ремеслом целого ряда лиц и даже лиц интеллигентных. Большевистские комиссары насадили взяточничество, которое стало обыкновенным и как бы узаконенным явлением…

Перед Атаманом[51] *лежал целый ряд задач, разрешить которые он должен был во время страшной и упорной борьбы с большевиками. В голову всего Атаман поставил главную задачу, данную ему Кругом спасения Дона, – освобождение земли Донской от большевиков.*

Для выполнения ее ему нужно было создать Армию, выяснить отношения немцев к Дону и войти в тесную связь с Украиной и Добровольческой Армией, чтобы привлечь их к совместной работе против большевиков».

* * *

5 мая участники Круга Спасения Дона разъехались, и Атаман П. Н. Краснов вступил в управление Войском. Первым делом надлежало узнать планы немцев, фактически уже находившихся на Донской территории. Было понятно, что вооруженный конфликт с ними не имеет ни малейшего смысла и к этому нет ни малейшей возможности. Точка зрения руководителей Добровольческой Армии, считавших продолжение войны с Германией и верность союзникам по Антанте краеугольными камнями своей политики, на Дону не могла работать. Немцы были не «где-то», а «тут», причем пришли едва ли не в качестве союзников: еще до установления Войсковой власти некоторые станицы сами пригласили германские войска и обратились к ним за помощью в ведении войны с большевиками; уже был ряд боев, где германские солдаты сражались плечом к плечу с донскими казаками против советских отрядов. Для продолжения войны с большевизмом требовалась армия, а никакой военной промышленности на Дону не было, и *единственным* вариантом военного снабжения, помимо трофеев, становилось получение вооружения со складов русского Юго-Западного фронта, которые находились под контролем Германии. Надежда на реальную помощь Антанты в обозримом будущем была химерой.

15 мая в станице Мечетинской произошло свидание Донского Атамана с командованием Добровольческой Армии. Генерал Деникин начал резко пенять Атаману, что добровольческий отряд полковника П. В. Глазенапа участвовал по диспозиции в совместной операции с германскими частями. Однако Батайск, на который наступали немцы на правом фланге, Донцы – в центре, а

Добровольцы – на левом, был взят три дня назад, и изменить случившееся было уже нельзя. Взаимопонимания между вождями антибольшевицких сил не наблюдалось. С пребывавшим в обозе Добровольческой Армии Кубанским Атаманом полковником А. П. Филимоновым, не имевшим за собой не только ни одной сотни, но и ни одной пяди освобожденной от большевиков Кубанской земли, А. И. Деникину было, конечно, легче разговаривать. С П. Н. Красновым приходилось считаться, а просто брать под козырек он не собирался. Как вспоминал позднее Краснов, «Атаман дал понять генералу Деникину, что он уже более не бригадный генерал, каким знал Атамана на войне генерал Деникин, но представитель пятимиллионного свободного народа, и разговор должен вестись в несколько ином тоне». Слова о «пятимиллионном свободном народе» были, разумеется, некоторым преувеличением, понятным в беседе, которая велась, судя по всему, на повышенных тонах: Петр Николаевич был довольно резким и твердым человеком, Антон Иванович тоже далеко не всегда склонялся к компромиссу, и с самого начала взаимоотношения двух вождей «не сложились». Особого желания «войти в положение» оппонента оба не испытывали. Было слишком много того, чем каждый из двух генералов не считал возможным поступиться, а это перекрывало возможности полноценной совместной деятельности.

Генерал Деникин потребовал подчинения Донских частей Добровольческому командованию, по примеру Кубанцев. Но Добровольческая Армия собиралась идти освобождать Кубань, а Донцам было невозможно бросить Дон. Атаман Краснов предложил перенести военные действия Добровольцев под Царицын и тогда обещал автоматически подчинить Деникину войска прилежащих Донских округов. Взятие Царицына выводило Добровольческую Армию в «русские» губернии, на Волгу, давало возможность в будущем объединиться с Оренбургскими казаками и Чехо-Словацким корпусом. Уход же на Кубань продолжал удерживать армию Деникина и Алексеева фактически в положении краевой, региональной силы.

Предложение Донского Атамана было отвергнуто, с одной стороны, в силу недоверия: по мнению командования Добровольческой Армии, на ее плечи взваливалась заведомо непосильная задача, грозившая просто безрезультатной гибелью под Царицыном, к тому же пополнение в волжских степях было бы затруднено. С другой стороны, возможность на пути в Поволжье встретить немцев также побуждала отвергнуть этот план: веры Атаману, что иноземные войска не пойдут далее станицы Усть-Белокалитвенской без его разрешения, не было. С

точки зрения Добровольческого командования, Краснов коварно старался уничтожить конкурентов, лишив пополнений и поставив между двух огней – немцами и большевиками. Но для отказа от переноса удара на Царицын была и вполне объективная причина: Кубанцы не пошли бы в обратную сторону от родной земли, а они составляли 2/3 Армии. Деникин четко заявил: «Я обязан раньше освободить кубанцев, – это мой долг, и я его исполню». Дело не ограничивалось моральными обязательствами: Кубань начала подниматься против большевиков так же, как и Дон за месяц до этого; на Кубани Добровольческая Армия, пришедшая как освободительница, могла получить пополнения от казаков; туда легче было прорваться желающим драться с красными. Собственно Добровольческий «не-казачий» контингент был пока не в силах, из-за своей малочисленности, проводить самостоятельные боевые операции.

В результате было решено, что Добровольческая Армия отправляется освобождать Кубань, обеспечивая, таким образом, и южные границы Донской Области. Раненые Добровольцы и вербовочные бюро оставались в Ростове и Новочеркасске, на время боевых действий на Донской территории в подчинение Деникина передавался Донской отряд полковника Быкадорова (около 3 500 человек при 8 орудиях, то есть равный трети Добровольческой Армии по состоянию на конец июня 1918 года). Дон обязывался снабдить армию Деникина вооружением и снаряжением (при этом Добровольческое командование предпочитало не акцентировать внимание на том, что оружие может быть получено только с русских складов, находящихся под контролем немцев), также оказать финансовую помощь. Но сначала Армии требовалось не менее месяца на переформирование и приведение себя в порядок.

* * *

Самым трагичным и, возможно, гибельным в истории Белого движения всегда был вопрос межличностных отношений, ярко и контрастно проявившийся, в частности, на Юге в 1918 году. Добровольческое командование сразу стало относиться к П. Н. Краснову с предубеждением. Генерал М. В. Алексеев писал лидеру конституционно-демократической партии П. Н. Милюкову еще 10 мая: «Личность Краснова сыграет отрицательную роль и в судьбах Дона и в наших, нас он просто продаст, как продал Керенского в октябре и ноябре 1917 года под Петроградом. Мы должны предусматривать это и принимать меры». Правда, кому

Петр Николаевич «продал» Керенского – не ясно. Генерал же А. И. Деникин преспокойно причислял Атамана к группе «купленных или одураченных немецких прихвостней». Лишь усугубляло ситуацию то, что именно к этому «прихвостню» вынуждены были обращаться Добровольцы с просьбами о деньгах, вооружении и т. д.

«Вопрос об "ориентации", — отмечал между тем эмигрантский военный историк, – *сводился для Дона к факту оккупации трех западных его округов и возможности получать оружие и огнеприпасы из оккупированной австро-германцами Украины. В мае 1918 года немцы еще побеждали на всех фронтах. В этих условиях борьба Дона с немцами была равносильна прекращению его борьбы с большевиками.*

Вопрос об "измене" или "верности" союзникам практически решался фактическим положением дел на Дону. Установление деловых отношений с немцами для Дона было реальной необходимостью. За первые полтора месяца Дон получил с Украины через немцев 11 600 винтовок, 88 пулеметов, 46 орудий, 109 тысяч артиллерийских снарядов и 11,5 миллионов ружейных патронов. 35 тысяч артиллерийских снарядов и около 3 миллионов ружейных патронов было при этом Доном уступлено Добровольческой Армии. В масштабах того времени это было серьезной поддержкой…

Вернувшись из [1-го] Кубанского Похода в Задонье, Добровольческая Армия располагала не более чем 750 тысячами – 1 миллионом ружейных патронов».

«Деловые отношения» с немцами, занимающими часть донской территории, удалось установить. С ними, естественно, приходилось считаться, но полной зависимости от них или необходимости плясать под их дудку удалось избежать. Заметим, что немцы действительно реально участвовали в боях с большевиками, а благодаря германской оккупации Украины (где, в отличие от Дона, Гетман П. П. Скоропадский фактически целиком зависел от германцев) Донская Армия могла не держать ни одного казака на фронте более 500 верст по западной границе Войска. Для «торговых сношений» были установлены «продовольственные» расценки на вооружение (трехлинейная винтовка с 30 патронами – пуд ржи или пшеницы, что было очень дешево), заказаны орудия, снаряды и аэропланы.

Проблемы «верности» или «измены» союзникам для любой антибольшевицкой силы на Юге России, в том числе и для Добровольческой Армии, фактически не существовало. Несмотря на более поздние указания М. В. Алексеева Центрам Добровольческой Армии о подготовке партизанской войны с немцами (!), вопрос решался крайне просто и даже грубо. Это

показал Донской Атаман еще во время своего избрания. Осведомитель Добровольческой Армии докладывал своему командованию:

«На кругу после доклада генерала Богаевского о Добровольческой армии и ее жизни в последнее время, вызвавшего бурные овации, Краснов задал генералу Богаевскому вопрос об отношении Добровольческой армии к немцам. Видя старание Богаевского уклониться от прямого ответа, он поставил вопрос следующим образом: “Может ли Добровольческая армия вести войну с немцами?” На этот вопрос Богаевский сказал, что он ответить не может, не зная даже численности здесь немецких войск. На категоричное заявление о том, что немцев здесь три корпуса, генерал Богаевский ответил, что, по его мнению, Добровольческая армия при этих условиях вести войны с немцами не может».

В этом и заключалась «мораль всей басни»: несмотря на широко декларируемую верность союзникам по Антанте и критику «изменников общему делу», фактически Добровольцы были не в состоянии не только восстановить Восточный фронт, но и оказать сколь-нибудь серьезное сопротивление германским войскам, как бы ни раздражали их немецкие каски на ростовских улицах.

В августе на Большом Войсковом Круге Краснову были брошены упреки в сношениях с немцами, причем естественным антиподом указывалась Добровольческая Армия, сохранившая неизменную верность союзникам и «чистоту риз». В ответ Петр Николаевич мог только воскликнуть:

«Да, да, господа! Добровольческая Армия чиста и непогрешима. Но ведь это я, донской Атаман, своими грязными руками беру немецкие снаряды и патроны, омываю их в волнах Тихого Дона и чистенькими передаю Добровольческой Армии! – Весь позор этого дела лежит на мне!»

И это была чистая правда: вплоть до конца 1918 года единственным, кроме Дона, «источником снабжения» Добровольческой Армии была… Армия Красная, но за боевые трофеи приходилось платить кровью.

Поворот Добровольческой Армии к Царицыну, как то предлагал Краснов на совещании 15 мая в Манычской, мог бы сильно повлиять на ход Гражданской войны. По мнению Добровольческого командования, Донской Атаман сознательно пытался бросить «конкурентов» на заранее проигрышное предприятие, чтобы избавиться от них и чуть ли не выслужиться перед немцами. Что же давало овладение Царицыном? Одна из точек зрения такова: «Удар по Царицыну, резавший все тылы

северо-кавказской группы красных, предрешал ее дальнейшую судьбу. Уйти ей было некуда и держаться на северном Кавказе, без снабжения, стиснутой между Доном и Добровольческой Армией с севера и оккупированным германцами, турками и англичанами Закавказьем, она долго все равно не могла бы. Освобождение Кубани при этом достигалось само собою, как “побочный продукт” основной операции, удара по тылам северо-кавказской группы красных».

Но ничего этого не произошло. Благодаря повороту на Кубань (повторим: возможно, и оправданному в тот момент из-за преобладания в составе армии «кубанского» элемента), Добровольческая Армия вплоть до конца 1918 года оставалась *региональной* силой с *общегосударственными* задачами. Выхода в неказачьи области не получилось, соединение с появившимся на Волге новым антибольшевицким фронтом стало фактически нереальным.

* * *

Что касается «внутренней политики», то Петру Николаевичу удалось наладить нормальную мирную жизнь на территории Войска. Донская земля стала едва ли не самой «старорежимной» территорией бывшей Империи. Многие прибывавшие туда не только из Совдепии, но и с гетманской Украины отмечали порядок, царивший на донских станциях и в городах. Даже либеральная интеллигенция, вовсю трудившаяся для краха Империи, не могла удержаться от умиления жандармом в полной форме, с красным аксельбантом, стоявшим, как и прежде, на железнодорожной станции. Бывший «сатрап» и «фараон» стал теперь символом спокойной и безопасной жизни.

Писатель, «петербургский казак» Петр Краснов, безусловно, идеализировал казачество, его прошлое и роль в исторических судьбах России, но, может быть, именно такой человек и нужен был в это время на Дону? Трибун, но не пустобрех-оратор, а человек с яркими, зримыми свидетельствами личного героизма, с определенным авторитетом («царский, боевой генерал, георгиевский кавалер»), который мог напомнить казакам о прошлом, вложить им в головы мысль об их избранности. Из его уст казаки могли принять слова: «честь обязывает, казачья слава повелевает». Краснов пытался заново привить казакам понятие об их исключительной роли для России, определяющем значении в ее истории:

«Россия ждет своих казаков, – говорил Донской Атаман. –

Близится великий час. Наступает славное время… Помните дедов своих под Москвой и Великий Земский Собор в 1613 году. Кто вслед за Галицким дворянином подошел к столу, где сидел князь Пожарский, и положил записку [в пользу избрания на царство Михаила Федоровича Романова]? То был Донской Атаман».

Вместе с этим П. Н. Краснов определенно высказывался за автономию (но не отделение от России!) Дона. Он призывал казаков стать в авангарде тех, кто пойдет освобождать Москву от новых изменников, утверждая, что в этом их историческая миссия. Но после этого, согласно красновской политике, казаки должны отойти в сторону и не вмешиваться во внутренние дела «Русского государства», предоставляя ему самому решать вопросы о форме власти и т. д. Предполагалось возвращение к ситуации XVI–XVII веков: «Здравствуй, Царь, в Кременной Москве, а мы, казаки, на Тихом Дону».

«Отсутствие общеимперской власти, свергнутой революцией, – мотивировалась позднее необходимость обращения к «седой старине», – ощущалось окраинами гораздо сильнее, чем это представлялось многим в контрреволюционном лагере в 1918 году. Идея свободного волеизъявления русского народа гораздо слабее выражала единство окраин и центра, чем исторические символы, отражавшие единство Руси, возродившейся из великой смуты XVII века.

Резко порывая с революцией, ген[ерал] Краснов этим совершенно не рвал с Россией, но избранный им путь вел от освободившихся окраин к центру. Воссоздание же окраин требовало для их собственного укрепления их местного патриотизма. Замена его общеимперским патриотизмом требовала общепризнанного авторитета, а в разрухе 1918 года он был потерян. Его нужно было найти».

Усилия Петра Николаевича и его сотрудников не пропали даром. В Донском Войске начался сильный всплеск местного патриотизма, что всегда бывает в молодых государственных образованиях. Местный патриотизм пробудил казачество, подвиг его к государственному строительству и активной работе. Для офицера же Добровольческой Армии все это было странно и непонятно: для него была Донская Область, были казаки – четвертые полки кавалерийских дивизий и штабная конница… и все. Добровольческий офицер не мог, хотя бы в силу своего образования, всерьез воспринимать разговоры о «пятимиллионном народе», Донской гимн был для него просто хорошей казачьей песней, а Донской флаг символизировал «отпадение» от России, – «Великой, Единой и Неделимой», за которую умирали Добровольцы с бело-сине-красными ленточками

на рукавах. Для культурных слоев русского общества были непонятны донские заигрывания, в то время как, воспользовавшись пробуждением «местного», в данном случае донского, патриотизма, можно было вести борьбу с большевизмом. «Великая, Единая и Неделимая Россия» же не говорила народным массам ничего. Общегосударственный патриотизм развит не был. Можно было *добровольно* драться против большевицких грабежей и разбоев в *своем* селе, *своей* волости, в *своей* губернии, наконец, но дальше – «не наше дело».

Среди важных вопросов, которые вынужден был решать Донской Атаман, была и проблема территориальных границ Всевеликого Войска Донского.

Еще в день вступления в управление Войском Краснов отправил собственноручные письма Гетману Скоропадскому и германскому Императору Вильгельму II. Последнее сообщало о ситуации на Дону и уведомляло, что Войско не находится в состоянии войны с Германией. Также была высказана просьба о приостановке дальнейшего продвижения германских войск на донскую территорию, о признании, *впредь до освобождения России от большевиков*, Войска Донского самостоятельною республикою, о помощи оружием, взамен чего предлагалось установить правильные торговые взаимоотношения через Украину. В письме Гетману поднимался вопрос о границах между двумя государственными образованиями, причем указывалось на безосновательность претензий Украины на Таганрогский округ, весьма важный для войска, так как на его территории было сосредоточено более 80 % полезных ископаемых и промышленных предприятий края.

Уже вечером 8 мая к Атаману прибыла немецкая делегация из Ростова с сообщением, что германские войска не преследуют никаких завоевательных целей, Таганрогский округ и Ростов были заняты исключительно по сообщению украинцев о принадлежности им этих территорий (это была сущая правда, в кабинете Гетмана висела карта, где территория «Украины» простиралась до Кубани), а ряд станиц Донецкого округа занят по просьбам их казаков, что также соответствовало действительности. Делегаты уведомили о временности пребывания германских войск на донской территории и заверили, что они немедленно оставят ее после восстановления порядка. Тогда же было решено, что германские части вглубь Области продвигаться больше не будут, а появление немецких офицеров и солдат в Новочеркасске возможно только по особому разрешению Атамана в каждом конкретном случае. После налаживания отношений с немцами надо было добиться отказа Украины от

территориальных претензий на земли Всевеликого Войска Донского и международного признания.

Петр Николаевич стремился играть на германских страхах восстановления Восточного фронта. В середине июня на Дону появились слухи, что Чехо-Словацкий корпус занимает Астрахань, Саратов и Царицын и, соединившись с Добровольцами, вот-вот образует Восточный фронт. Несмотря на всю нелепость подобных слухов, германцы им поверили и не на шутку забеспокоились. Они потребовали от Атамана высказать четкую позицию: как поведет себя Дон в случае возникновения по Волге Восточного фронта.

Понятно, что в случае намерения присоединиться к чехословакам, а следовательно, вооруженного выступления против Германии, Дон в лучшем случае лишался германской помощи, в худшем – был бы просто раздавлен оккупантами. Ответом было второе письмо П. Н. Краснова германскому Императору. Атаман заявил на эти опасения, что Дон не допустит столкновений на своей территории и будет держать полный нейтралитет. В обмен на успокоение немцев Краснову удалось добиться признания войсковых границ со стороны Украины, и донские власти вошли в Таганрогский округ, германские войска покинули донскую территорию (за исключением Ростова и Таганрога, где *Атаман* посчитал необходимым их присутствие вплоть до окончания формирования «Постоянной Армии»), а Войско получило товары, в которых ранее было отказано, в том числе тяжелые орудия. К августу территория Войска был очищена от большевиков и донские части вступили в Воронежскую и Саратовскую губернии.

Но в этом «втором письме Императору Вильгельму», по мнению многих, Краснов переступил допустимые границы: он просил германского монарха о поддержке в занятии Воронежа, Царицына и других стратегически важных для обороны войска пунктов (красный Царицын фланкировал не только любое продвижение на север, то есть к Москве, со стороны Дона, но и постоянно угрожал верхне-донским округам). Петр Николаевич говорил в этом письме от имени «Доно-Кавказского союза», якобы объединявшего Донское, Кубанское и Терское Казачьи Войска, горцев Кавказа и даже Грузию. В действительности же подобного объединения не существовало даже на бумаге. Велись только весьма неопределенные переговоры, а часть «союзной» территории вообще находилась в руках большевиков.

* * *

Борьба шла при более чем холодном отношении к ней Донских промышленных, торговых и банковских кругов. Как и в других областях России, «Минины XX века» не особенно стремились поддержать борьбу с большевиками. Красноречивый пример: на ростовских капиталистов большевиками была наложена контрибуция в 4 200 000 рублей. Средства были собраны, но получить их красные не успели. А когда Временное Донское Правительство обратилось с просьбой о *займе*, хотя бы в *половину* суммы, собранной для большевиков, – последовал отказ.

Первоочередной задачей, стоявшей перед Доном, была, безусловно, организация армии. Хотя весной был налицо народный подъем, но было и ясно, что на партизанщине далеко не уедешь. Постепенно ополчение переформировывалось в регулярные части, полки объединялись в бригады и дивизии. Если к 14 мая на фронте находилось 17 тысяч казаков при 21 орудии и 58 пулеметах, то к 14 июля – уже 49 тысяч при 92 орудиях и 272 пулеметах. В августе было мобилизовано 25 возрастов, Донская Армия состояла из 27 000 пехоты и 30 000 конницы при 175 орудиях, 610 пулеметах, 20 аэропланах и 4 бронепоездах.

В августе же подходило к концу формирование так называемой «Молодой» или «Постоянной Армии», которое началось сразу после избрания П. Н. Краснова из молодых казаков 19—20 лет. Это было любимое детище Атамана. С одной стороны, молодые казаки в отличие от своих отцов и старших братьев не обладали боевым опытом, но, с другой стороны – они не устали от войны, не знали комитетов и комиссаров, не имели общения с большевицкой пропагандой. Атаман сразу взял курс на создание из них вооруженной силы целиком и полностью по образцу и подобию Российской Императорской Армии 1914 года. Пополнения были собраны в трех военных лагерях под Новочеркасском, и из них началось формирование двух пеших бригад, трех конных дивизий, легкой и тяжелой артиллерии, саперного батальона и химического взвода. В отличие от Донской мобилизованной Армии, представлявшей собой фактически станичные ополчения, которые лишь принимали военную организацию, но снабжались в основном «за свой счет», Донская постоянная Армия организовывалась на регулярной основе, отличаясь даже от казачьих полков Российской Империи. Части получали казенное обмундирование и снаряжение, казенных лошадей, были штатной, 1914 года, численности, включая обозы, муштровались по старым русским уставам.

Впервые Атаман показал свое детище при открытии Большого Войскового Круга. 16 августа части Молодой Армии прошли

парадом на Соборной площади Новочеркасска, 26-го Армия была представлена Кругу в Персияновском лагере: 7 батальонов, 33 спешенных сотни, 6 батарей без запряжек (не все еще успели получить коней), 16 конных сотен, мортирная батарея и 5 аэропланов. Председатель Круга В. А. Харламов, отнюдь не большой поклонник Краснова, не сдержал своего восхищения и закончил свою речь словами: «В честь Донской Армии и ее вождей – дружное могучее ура! Объявляю Донской Армии постановление Большого Войскового Круга о производстве Донского Атамана генерал-майора Краснова в чин генерала-от-кавалерии». Таким образом, П. Н. Краснов «проскочил» чин генерал-лейтенанта. Дабы показать, что молодые казаки умеют не только маршировать, 3-й стрелковый полк (из крестьян Донской Области) и сотня 1-го Донского казачьего полка произвели тактическое учение. А менее чем через неделю произошло и первое боевое крещение частей еще не окончившей формирования Молодой Армии: вызванные на фронт полки Пластунской бригады и 2-й Донской конной дивизии отбросили красных.

Для пополнения потерь в офицерах действовали Донской Императора Александра III кадетский корпус на 622 воспитанника и Новочеркасское казачье военное училище с отделениями: пластунским, кавалерийским, артиллерийским и инженерным. Для усовершенствования знаний были открыты: Донская Офицерская Школа (с теми же отделениями, что и в училище), авиационная школа и военно-фельдшерские курсы.

Атаман формировал Молодую Армию с дальним прицелом: было ясно, что Донское ополчение далеко за границу Войска не пойдет. «Пограничная болезнь» казачества попортила немало крови Белым вождям. Молодая же Армия, хорошо организованная и специально воспитанная для похода за освобождение России, а не только Дона, спокойно бы перевалила Донские границы, и делалось все, чтобы перевалила она их успешно. Краснов утверждал, что «все казаки на Москву н и з а ч т о н е п о й д у т, а эти тридцать тысяч, а за ними столько же охотников н а в е р н о е п о й д у т[52]. Атаман чувствовал, что у него нет силы заставить пойти, и потому делал все возможное, чтобы пошли сами». О серьезности «общероссийских» намерений Атамана говорит уже то, что приказом Всевеликому Войску Донскому 4 сентября 1918 года восстанавливались Гвардейские казачьи части: 1-й Донской казачий полк Молодой Армии переименовывался Лейб-Гвардии в Казачий полк, 2-й Донской – Лейб-Гвардии в Атаманский, 6-я Донская казачья батарея – Лейб-Гвардии в 6-ю Донскую батарею. Этим же приказом и другие полки Постоянной Армии получали

наименования старых Донских полков Императорской Армии, им передавались Георгиевские знамена и серебряные трубы, полковые истории, праздники, марши и знаки отличия. Это не было пустой формальностью: соответствующие Гвардейские полки формировались старыми офицерами этих полков. Укомплектованный донскими крестьянами 4-й Донской стрелковый полк, в котором собрались офицеры Лейб-Гвардии Финляндского полка, был переименован в Финляндский.

К середине июля 1918 года практически вся территория Войска была очищена от большевиков и казачьи отряды стали выдвигаться за пределы Области. Это было не так-то легко: если сломить местный («окружной») патриотизм, преобразовав его в Войсковой, оказалось по силам, то объяснить казачьему ополчению, зачем «освобождать всю Россию», было гораздо сложнее. Тем не менее Атаману удалось «протащить» через Большой Войсковой Круг решение, объявленное приказом по Войску: «Для наилучшего обеспечения наших границ, Донская армия должна выдвинуться за пределы области, заняв город Царицын, Камышин, Балашов, Новохоперск и Калач в районах Саратовской и Воронежской губерний». Однако особого энтузиазма в этом наступлении казаки не проявляли. Повторялась история предыдущих лет: например, в 1917 году казачьи полки отказывались идти «на усмирение», если с ними не будет пехоты; так и сейчас, отправляться освобождать Россию без соседства «русских» полков казаки отказывались.

Атаману пришлось озаботиться созданием какой-нибудь «русской армии» на северных границах Области. Началась авантюра с Южной Армией. Сначала не могли найти для нее командующего – несколько человек отказалось, пока, наконец, не уговорили престарелого генерала Н. И. Иванова, в 1914–1915 годах – Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. Армию должны были составить три корпуса: Воронежский, Астраханский и Саратовский. Но… «Воронежцы» оказались малобоеспособны, Астраханский корпус, сформированный одним из ярких представителей плеяды авантюристов Гражданской войны – «Астраханским Атаманом» князем Д. Д. Тундутовым, был организован крайне слабо, но неплохо дрался в Манычских степях против «бродячих шаек» красных, и лишь Саратовский «корпус», сформированный из крестьян этой губернии, бежавших от большевиков, отлично бился с большевиками на Царицынском, Камышинском и Балашовском направлениях, хотя по численности и структуре так и не смог превысить бригады.

Идея Атамана о формировании неказачьей армии была вполне верной и обоснованной. Задача Дона была – дать

возможность организоваться общерусской армии, способной к решению общерусских задач, и он ее самоотверженно выполнил. Однако, отмечал современник, «без согласия с ген[ералом] Деникиным и даже вопреки ему формирование общерусской армии было не под силу ген[ералу] Краснову и было заранее обречено на неуспех. И это тем более, что в связи с начавшимся с осени 1918 года поражением Германии авторитет Добровольческой Армии, верной союзникам, непрерывно рос, а авторитет Донского Атамана, “связанного” с немцами, непрерывно падал».

* * *

Тем временем осложнялась и обстановка на фронте: к концу 1918 года Красная Армия готовилась к решительному удару по Донцам, а поражение Германии в Великой войне и последовавшее вслед за этим разложение армии с выводом немецких частей с Украины обнажало весь левый фланг Донской Области. В декабре 1918 года советские войска нависли над единственной стратегической железной дорогой, угрожая прервать снабжение всей Донской Армии. Как говорилось в «Кратком обзоре борьбы Дона с советской властью», составленном в Штабе Армии для членов Большого Войскового Круга, собравшегося в феврале 1919 года, «чтобы прикрыть область с запада, пришлось почти целиком израсходовать наш последний резерв – войска постоянной армии, войска, на которые возлагались большие надежды, так как они являются наиболее крепкими и предназначались для парирования ударов противника в критический момент и для нанесения ему с нашей стороны решительных последовательных ударов и главным образом на севере».

Противнику удалось перехватить стратегическую инициативу: Донцы вынуждены были лишь отбиваться при большом численном перевесе неприятеля. Резервы исчерпаны, новый – западный – фронт выводит красные части на кратчайшее направление, войска на севере области истощены физически и морально, разворачивается усиленная агитация. Прекрасные пропагандисты и агитаторы, большевики добиваются результатов: к концу декабря белыми очищаются занятые ранее районы Воронежской губернии, а три казачьих полка бросают фронт и расходятся по станицам. Верхне-донцы оголили тыл продолжающих драться частей Хоперского округа, а 1 января 1919 года заняли станицу Вешенскую, где располагался Штаб Северного фронта, чем уничтожили возможность управления

войсками. Перенос Штаба в Каргинскую не смог исправить положения, и к концу января Донские войска оставили северные округа Войска. Тогда же красным удалось отбросить казаков от Царицына. Все части Постоянной Армии были втянуты в тяжелые бои по западной границе Области.

26 декабря 1918 года на станции Торговой был решен вопрос об общем командовании, которое принял на себя генерал А. И. Деникин, ставший Главнокомандующим Вооруженными Силами на Юге России. Этот шаг подводил Всевеликое Войско к концу его автономного существования, а П. Н. Краснова – к отказу от атаманского пернача[53]. По горькому замечанию современника, «об единении, увы, русская контрреволюция обычно думала лишь тогда, когда все старания обойтись без него приводили к катастрофе…»

Главная надежда у начавшей разлагаться Донской Армии была на союзников по Антанте и Добровольцев. Требовалась поддержка, в первую очередь – моральная, хотя бы пара батальонов, которые показали бы, что Донцы не одиноки в борьбе, что вместе с горсткой Добровольцев и Кубанцев готовы придти на помощь и союзники, не забывшие кровь, пролитую Российской Императорской Армией в Восточной Пруссии и Галиции, в Польше и на Карпатах. Однако, пользуясь тяжелым положением и не оказав фактически еще никакой помощи, «союзники» стали ставить беспрецедентные условия, предложив Краснову подписать «обязательства», которых не требовали даже враги-немцы:

«…Как высшую над собою власть в военном, политическом, административном и внутреннем отношении признаем власть французского главнокомандующего генерала Франше д'Эсперрэ.

…С сего времени все распоряжения, отдаваемые войску, будут делаться с ведома капитана Фукэ.

…Мы обязываемся всем достоянием войска Донского заплатить все убытки французских граждан, проживающих в угольном районе "Донец" и где бы они ни находились, и происшедшие вследствие отсутствия порядка в стране, в чем бы они ни выражались, в порче машин и приспособлений, в отсутствии рабочей силы, мы обязаны возместить потерявшим трудоспособность, а также семьям убитых вследствие беспорядков и заплатить полностью среднюю доходность предприятий с причислением к ней 5-ти процентной надбавки за все то время, когда предприятия эти почему-либо не работали, начиная с 1914 года, для чего составить особую комиссию из представителей угольных промышленников и французского консула…»

Естественно, Атаман не мог согласиться на подобный

ультиматум. Условия его были сообщены генералу А. И. Деникину, и Главнокомандующий ВСЮР, крайне негативно относившийся к П. Н. Краснову, на этот раз был на его стороне. Ответ из Екатеринодара пришел немедленно: «Главнокомандующий получил Ваше письмо и приложенные документы, возмущен сделанными Вам предложениями, которые произведены без ведома Главнокомандующего, и вполне одобряет Ваше отношение к предложениям».

1 февраля открылось заседание очередной сессии Большого Войскового Круга. «Козлом отпущения» депутаты избрали командование Донской Армии – генерала С. В. Денисова и начальника Штаба генерала И. А. Полякова, которых требовали сместить с их должностей. Атаман твердо заявил, что со старшими воинскими начальниками непременно уйдет и он. Несмотря на возможность остаться на своем посту (избран он был на три года, и Круг отставки пока не требовал), П. Н. Краснов неразрывно связал свою судьбу с судьбой своих ближайших помощников.

Вечером 6 февраля уже бывший Атаман покинул Новочеркасск. В Ростове Петра Николаевича ожидал почетный караул Лейб-Гвардии от Казачьего полка. Это была частная инициатива, весь полк, собравшийся на дворе станции, прощался с Атаманом. Генерал И. Н. Оприц запечатлел в полковой истории слова Краснова:

«“Я глубоко тронут вашим вниманием ко мне, дорогие лейб-казаки… Я уже больше не Атаман вам, не имею права на почетный караул. Я смотрю на ваш приход сюда со святым штандартом, как на высокую честь и внимание. Вы мне дороги, ибо я связан с вами долгими узами, и узами кровными: мои предки служили в ваших рядах; в течение двадцати лет моей службы в лейб-гвардии Атаманском полку я был в рядах одной бригады и сколько раз я стоял со своим Атаманским штандартом подле вашего штандарта…

Служите же Всевеликому войску Донскому и России, как служили до сего времени, как служили всегда ваши отцы и деды, как подобает служить первому полку Донского войска, доблестным лейб-гвардии казакам.

Благодарю вас за вашу верную и доблестную службу в мое атаманство на Дону…”

…Отсалютовав сотне, стоявшей на перроне, генерал Краснов подошел к штандарту, преклонил колено и поцеловал полотнище».

Казалось бы, – все, можно умыть руки, но не такой человек был Петр Николаевич. Проведя весну и начало лета 1919 года в Батумской области (где он и супруга переболели черной оспой), в

июле Краснов по ходатайству генерала Н. Н. Баратова командируется Главнокомандующим генералом А. И. Деникиным «в распоряжение командующего Северо-Западной армией генерала-от-инфантерии Юденича». 22 сентября 1919 года П. Н. Краснов зачислен в ряды Северо-Западной Армии, ему поручается возглавить пропагандистскую работу. Ближайший его сотрудник в это время – поручик А. И. Куприн, известный писатель, редактирующий армейскую газету «Приневский Край», одним из ведущих авторов которой стал Петр Николаевич.

После поражения Северо-Западной Армии и ее интернирования в Эстонии, П. Н. Краснов является членом ликвидационной комиссии, участвует в переговорах с эстонцами, стараясь по мере сил обеспечить существование русских воинов, до последней возможности дравшихся с большевиками. В конце марта 1920 года по настоянию эстонских властей Петр Николаевич покидает Ревель.

* * *

Оказавшись в эмиграции, П. Н. Краснов не прекратил своей борьбы с захватившим Родину большевизмом. Более двух десятилетий эмигрантского бытия Петр Николаевич провел в Германии и Франции, принимая живейшее участие в работе русских воинских организаций, активно сотрудничая в военных изданиях, создав для Зарубежных Высших военно-научных курсов генерала Н. Н. Головина (эмигрантский аналог Николаевской Военной Академии) пособие по военной психологии – науке, только начинавшейся в 1920-е годы. Вместе с тем П. Н. Краснов входит в руководство Братства Русской Правды – организации, продолжающей борьбу против большевизма с оружием в руках. «Братья» активно действовали в приграничных районах СССР, главным образом в Белоруссии и на Дальнем Востоке. Они вели активную партизанскую борьбу, организовывали террористические акты, направленные в первую очередь против сотрудников ОГПУ.

Оказавшись в эмиграции, П. Н. Краснов с немалым, на наш взгляд, облегчением отходит от необходимости скрывать свои убеждения. Он – яростный противник большевизма, но помимо этого он – убежденный монархист. По свидетельству современников, не раз от Петра Николаевича можно было слышать произносимое с особой гордостью: «Я – Царский генерал». Бывший Атаман активно участвует в монархическом движении – входит в Верховный Монархический Совет,

сотрудничает в «органе монархической мысли» – журнале «Двуглавый Орел».

Своим искусным пером Петр Николаевич активно борется с большевизмом. Его художественные произведения переводятся на семнадцать (!) иностранных языков. Краснов поистине становится одним из самых популярных писателей Российского Зарубежья, имя которого известно не только русским изгнанникам, но и европейскому читателю. Романы и повести Петра Николаевича повествуют о столь дорогом ему русском прошлом, в первую очередь они посвящены Российской Императорской Армии, в рядах которой служит подавляющее большинство его героев. На страницах красновских произведений чередуются захолустный Джаркент и Санкт-Петербург, трущобы заамурских стоянок и «местечки» Царства Польского. Наравне с художественной и исторической прозой, изрядное внимание Петр Николаевич уделяет и фантастике, и, как и все в жизни Петра Краснова, его фантастические произведения проникнуты любовью к России: его фантастика – это мечты о новой России, избавившейся от большевицкого гнета, вновь обратившейся к Православной вере и духовному единению, изгнавшей партийные склоки и прочую политическую грязь, которыми была так богата Европа межвоенного периода.

Непримиримый борец с большевиками и большевизмом, Краснов наивно мечтает, что осталось еще у советских красных командиров, там, «за чертополохом», что-то светлое, русское, что, возможно, сядут за одним столом, во главе с Великим Князем Николаем Николаевичем, Деникин и Вацетис, Кутепов и Буденный, Врангель и Тухачевский, и будут вместе работать ради России, а не III Интернационала. К сожалению, жизнь доказала всю необоснованность подобных мечтаний…

Крупнейшим литературным произведением Петра Николаевича является роман «От Двуглавого Орла к красному знамени». Работать над ним бывший Донской Атаман начал еще в России, а закончил в Германии. Изложение охватывает последние десятилетия существования Российской Империи и кровавые годы Гражданской войны. По масштабности «От Двуглавого Орла…» не раз сравнивали с «Войной и миром» Л. Н. Толстого, «Тихий Дон» также воспринимался как своеобразный советский ответ на творчество П. Н. Краснова. Конечно, у Петра Николаевича есть довольно большие литературные огрехи, например, поверхностны характеры тех, кто в свое время расшатывал Империю – представителей интеллигенции и революционного движения, но там, где Краснов касается близкой и родной ему армейской тематики, его изложение просто бесподобно, а по четкости и

достоверности вполне может восприниматься в качестве источника по истории Российской Армии последнего периода ее существования. В описании парадов и батальных сцен Петр Николаевич, пожалуй, даже превосходит Льва Николаевича.

Сам же генерал довольно скромно относится к своему таланту. В одном из писем он говорит:

«Я казачий, кавалерийский офицер, и только. Я не только не генерал от литературы, но не почитаю себя в ранге офицеров. Так, бойкий ефрейтор, который, когда на походе устанет и занудится рота, выскочит вперед и веселой песней ободрит всю роту. Я тот ефрейтор, который ходит в ночные поиски, ладно строит окопы, всегда бодр и весел и не теряется ни под сильным огнем, ни в атаке. Он, несомненно, нужен роте, но гибель его проходит незаметно, ибо таких, как он, много, – так и я в литературе, один из очень многих…»

Благодаря своему литературному таланту, Краснов часто привлекается многими периодическими изданиями Зарубежья в качестве литературного обозревателя, особенно когда дело касается военной тематики (можно вспомнить многочисленные рецензии Петра Николаевича в издании Союза русских военных инвалидов – газете «Русский Инвалид», в том числе и на повесть своего бывшего сотрудника по Северо-Западной Армии А. И. Куприна «Юнкера»). С большим интересом читаются и воспоминания генерала о различных периодах его жизни: юнкерских годах («Павлоны»), обучении в Николаевской Академии Генерального Штаба («Старая Академия»), командовании 10-м Донским казачьим полком («Накануне войны») и др. Один из близко знавших П. Н. Краснова людей свидетельствует о том отклике, который находили у читателя произведения генерала:

«…Я знаю много русской молодежи, которая буквально зачитывается романами и воспоминаниями Краснова. В них она научается любить старую Россию и через нее и будущую Россию. Я лично видел, как английский перевод “От Двуглавого Орла к красному знамени” увлекал американскую молодежь в Калифорнии; она познала правду о России, оклеветанной темными силами революции.

Описания Красновым быта и боевой жизни Русской Армии и, в особенности, казачьей – это перлы русской литературы, и за одни только эти страницы П. Н. Краснов будет причислен потомством к сонму русских классиков, так же точно, как в летописях Русской Армии он будет почитаться одним из ее героев-военачальников».

Петр Николаевич Краснов немало трудится над подготовкой будущей Российской Армии, которая должна была бы создаться в

новой, освобожденной от большевиков России. Во многом пример Атамана уникален: талантливый писатель и блестящий военный публицист, он разработал и свою систему воспитания офицера и солдата, отстаивал ее и проводил в жизнь, более того, ему удавалось видеть результаты своего труда. Редкое для России сочетание. Краснову как немногим удалось совместить в себе «кабинетность» и «строй», о чем ярко свидетельствуют сотни статей, вышедших из-под его пера, и высшие воинские отличия – орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия и Георгиевское Оружие.

Один из выдающихся русских военных мыслителей генерал Н. Н. Головин так отзывался о своем сотрудничестве с Петром Николаевичем:

«Я его должник, ибо когда я обратился к нему с просьбой прочесть на учрежденных мною Военно-Научных Курсах несколько лекций по военной психологии, генерал Краснов ответил мне горячей готовностью внести свою лепту в трудное дело воссоздания Русской Военной Науки.

Я обратился с такой просьбой к генералу Краснову, потому что я знал, что он, будучи Атаманом Войска Донского в 1918 году, не только ввел в программу преподавания Новочеркасского Военного Училища курс Военной Психологии, но и сам приезжал в Училище читать этот курс.

Бесспорно, что это нововведение, сделанное Атаманом Красновым, представляет собою факт громаднейшего значения в истории Русской Военной Школы. Мне хотелось поэтому связать чтение лекций по Военной Психологии на Военно-Научных Курсах с этим первым шагом и с именем того, кому принадлежит честь этого шага».

* * *

С нападением нацистской Германии на СССР перед русской эмиграцией встал вопрос: на чью сторону стать. Объявленное «крестовым походом против большевизма», гитлеровское нашествие воспринимается тогда многими, в том числе и престарелым генералом П. Н. Красновым, как реальная возможность сбросить коммунистический режим. *Первая реальная* возможность за двадцать лет.

П. Н. Краснов в эмиграции. Рис. Ю. К. Арцыбушева

В порабощение России Германией абсолютное большинство из тех русских («несоветских»), кто принял оружие из немецких рук, не верил. Слишком велики размеры, просто физически невозможно контролировать такую территорию, слишком бредовые идеи порой срывались с уст «вождя III Рейха». Появился *единственный* шанс уничтожить большевизм – и, по мнению многих, им нужно было воспользоваться.

Казачество было одним из наиболее пострадавших от Советской власти слоев общества и, пожалуй, самым непримиримым. Большевицкие эксперименты находили «живейший отклик» в виде восстаний. И с этим ничего не могли поделать ни расстрелы, ни аресты, ни сожженные дотла, снесенные артиллерийским огнем или вымершие от голода станицы. В силу этого, а также из-за особенностей казачьей психологии и быта должна была, казалось, оправдаться надежда П. Н. Краснова, писавшего:

«И верю я, что, когда начнет рассеиваться уже не утренний

туман, но туман исторический, туман международный, когда прояснеют мозги задуренных ложью народов, и Русский народ пойдет в “последний и решительный” бой с третьим интернационалом и будет та нерешительность, когда идут первые цепи туманным утром в неизвестность, – верю я – увидят Русские полки за редеющей завесой исторического тумана родные и дорогие тени легких казачьих коней, всадников, будто парящих над конскими спинами, подавшихся вперед, и узнает Русский народ с величайшим ликованием, что уже сбросили тяжкое иго казаки, уже свободны они и готовы свободными вновь исполнять свой тяжелый долг передовой службы, – чтобы, как всегда, как в старину, одиннадцатью крупными жемчужинами казачьих войск и тремя ядрышками бурмицкого зерна городовых полков вновь заблистать в дивной короне Имперской России».

Первые казачьи подразделения были созданы в составе Вермахта еще летом 1941 года, с выходом же немецких войск в «казачьи районы» Дона и Кубани стали появляться многочисленные местные формирования: сотни и полки. В сентябре 1942 года в Новочеркасске собрался казачий сход, избравший Штаб Войска Донского, во главе которого стал полковник С. В. Павлов. Казалось, казачество воскресает…

На протяжении первых лет войны П. Н. Краснов с сожалением констатировал, что на эмиграцию с ее богатым потенциалом не обращается ровно никакого внимания. По его твердому убеждению, *фактически* ситуация решалась на фронте, в казачьих областях. В письме Атаману «Общеказачьего объединения в Германской Империи» генералу Е. И. Балабину от 11 июля 1941 года П. Н. Краснов писал о своих взглядах на возможности окончания войны и возрождения России:

«1) В СССР поднимается восстание против большевиков. Сталин и К^{о}, все коммунисты, частью удерут, частью будут уничтожены, образуется там, в России, правительство, подобное Петэн – Лаваль – адмирал Дарлан, которое вступит в мирные переговоры с немцами, и война на востоке Европы замрет.

2) Немцы оттеснят большевиков примерно до Волги и укрепятся. Будут оккупированная немцами часть России и большевистская Россия – война затянется, и

3) Среднее – немцы оккупируют часть России, примерно до Волги, а в остальной части создастся какое-то иное правительство, которое заключит мир с немцами, приняв все их условия».

Ни в одном из указанных вариантов Краснов не видит места для решающего участия эмиграции. Войну с СССР ведут немцы, и никакого желания близко подпускать эмиграцию к этому делу

они не испытывают. Петр Николаевич видел в этом следствие германской осмотрительности, нежелание связываться с разобщенной и далеко не однородной эмигрантской средой, большая часть которой к тому же не испытывала особой симпатии к правящему режиму III Рейха, придерживаясь прежней «союзнической» ориентации или небезосновательно трактуя «крестовый поход против большевизма» как очередную попытку немцев решить проблему «жизненного пространства» за счет восточных земель. Но старый генерал все-таки верил в искреннее желание национальной (но не нацистской!) Германии помочь России в освобождении от большевизма и сожалел, что в силу своего возраста не имеет возможности принять в этой борьбе активного участия. 12 декабря 1942 года он писал Балабину:

«Вы понимаете, что при таких обстоятельствах мне в 73 года просто смешно было бы куда-то соваться, кого-то возглавлять и путаться в дела, которые хорошо ли, худо ли, но уже идут…

Все эмигрантские дрязги и интриги теперь отступают перед тем громадным, что делается на фронте. Только через фронт, через борьбу, через жертву может быть получен доступ и место там, где была наша Родина и где строится что-то новое и удивительное, но не плохое».

Эти строки писались, когда южное крыло германского Восточного фронта уже начало разваливаться под ударами Красной Армии и близок был момент оставления Терека, Кубани и Дона. А еще недавно казалось, что жизнь там возрождается… С большим воодушевлением были проведены Войсковые праздники, после более чем двадцатилетнего перерыва восстанавливались станицы и в первую очередь храмы в них, выбирались станичные и окружные атаманы, вновь казаки садились в седло, как, казалось, весной 1918-го… Как *хотелось* верить, что «казаки показали всему миру, что они ничего не имеют общего с коммунистами, что они, как и в 1918-м году, готовы встать за край родной…»

Но вместе с тем «грызло» П. Н. Краснова тяжелое чувство:

«Это очень красиво и благородно, быть националистом, мечтать о “единой и неделимой”, быть, еще более того, монархистом, но для сегодняшнего дня такая политика – зараза казачьего дела. Теперь такое время, что и казаки-самостийники не подходят. Идет жестокая борьба за право Дону, Кубани и Тереку жить. Ведь географически и геополитически **их нет**[54]! Большевики их уничтожили. И там, на местах, старые казаки понимают всю трагическую сложность обстановки. Там понимают, что прежде чем говорить о самостоятельности Дона – “Всевеликого войска Донского”, прежде чем мечтать о России,

“единой и неделимой”, нужно вернуть себе почетное звание казака, заслужить себе уважение, добиться признания своих прав».

Петр Николаевич прекрасно осознавал и глубину душевной ломки, произошедшей за годы большевизма: «Молодежь тамошняя требует основательной переработки. Бога забыли, к старшим, к родителям, относятся скверно, очень самоуверенны и ненадежны, – это пока пролетарии, и подход к ним трудный. Кроме того, все они крайне запуганы и недоверчивы».

В декабре 1942 года при Министерстве по делам оккупированных восточных территорий создается Казачье управление, на которое возлагалась забота о казаках и их семьях, и к работе в нем немцы привлекают П. Н. Краснова. Современный историк пишет:

«25 января 1943 г. он (П. Н. Краснов. – *А. М.*) подписал обращение, в котором призвал казачество на борьбу с большевистским режимом. В обращении отмечались особые казачьи черты, казачья самобытность, право казаков на самостоятельное государственное существование, но не было ни слова о России. Как позже признавался сам Краснов, с этого момента он стал только казаком, стал служить только казачьему делу, поставив “крест на своей предыдущей деятельности”. Это вполне сочеталось с мнением старого атамана о необходимости “вернуть себе почетное звание казака, заслужить себе уважение, добиться признания своих прав”».

Управление предложило Краснову возглавить казачье правительство за границей, но генерал категорически заявил на это, что все войсковые атаманы, а тем более Верховный Атаман Казачьих Войск, должны выбираться, и непременно на казачьей территории. Функции временного правительства было решено передать Главному управлению Казачьих Войск, сформированному в феврале – марте 1944 года. Тогда же Казачьему Стану, включавшему в себя в основном казаков-беженцев, была предоставлена территория в 180 000 гектар в Западной Белоруссии, но уже летом казаки были эвакуированы в Северную Италию.

Главное управление Казачьих Войск возглавил генерал Краснов, в его состав вошли Войсковые и Походные Атаманы Донского, Кубанского и Терского Войск. Фактически обязанности Главного Управления были скопированы с Казачьего Управления, к которым добавился также вопрос пополнения казачьих формирований.

Казачьи части выгодно отличались внутренней крепостью от других русских формирований, в том числе Русской

Освободительной Армии генерала А. А. Власова. Генерал Балабин отмечал: «Ко мне поступает много прошений “принять в казаки”… принять в казачьи части… На вопрос, почему русские не идут в РОА – отвечают, что РОА ненадежна, что в критическом положении РОА может перейти и к большевикам, и к партизанам (были случаи), ну а казаки никуда не перейдут и никогда не предадут – казакам некуда деваться».

Не обращая внимания на свой преклонный возраст (ему давно уже перевалило за семьдесят), Петр Николаевич Краснов развернул активную деятельность: выступал с докладами и лекциями, писал множество статей, вел переговоры с германскими и казачьими представителями, отдавал приказы, посещал части… В конце зимы 1945 года он вместе с другими сотрудниками Главного Управления прибыл в расположение Казачьего Стана. В начале мая казаки перевалили Альпы и сдались в Австрии 8-й британской армии. Неподалеку от городка Лиенц, где они расположились, разместилось около 5 тысяч кавказцев во главе с генералом Султаном Келеч-Гиреем (бывший начальник Горской дивизии во время Гражданской войны). Уже после официальной капитуляции Германии в Австрию вышел из Хорватии XV-й Казачий кавалерийский корпус генерала Г. фон Паннвица, а в городок Шпиталь прорвались несколько сот «Казачьего резерва» под командой «легенды Гражданской войны» – генерала Андрея Григорьевича Шкуро, которым пришлось с боем пробиваться через «советский» Юденбург в английскую зону оккупации.

Началось тяжелое ожидание. 28 мая, под предлогом встречи с английским фельдмаршалом Г. Александером, офицеры были отделены от рядовых (около 1 500, в том числе 14 генералов, из Казачьего Стана; примерно 500, в том числе 150 немцев, из корпуса Паннвица; 125 кавказцев) и под усиленным конвоем отправлены в Шпиталь, где после помещения за колючую проволоку им было объявлено о предстоящей выдаче Советам.

Петр Николаевич решил сделать последнее, что мог для казаков: в течение ночи он написал на французском языке несколько петиций – английскому Королю, в Лигу Наций, Красный Крест, Архиепископу Кентерберийскому… Испещренные тысячами подписей казачьих офицеров, некоторые из которых (например, А. Г. Шкуро) были кавалерами высших английских орденов, все письма остались без ответа. Офицеры не просили милости – если были преступления против человечества, пусть за них судит военный суд, но огулом обрекать на смерть тысячи человек…

76-летний старик, «Петр Николаевич предлагал, чтобы его

первого судили, старого офицера русской Императорской Армии. Если его признают виновным, он покорится решению суда. Он брал на свою ответственность и под свое честное слово не только тех, кто из рядов эмиграции или по призыву попал в немецкие части, не только тех, кто был рожден в Германии или в зарубежьи, но всех тех, кто открыто и честно боролся против коммунизма и в прошлом были советскими гражданами»… Прекрасно понимая, что их ждет, несколько офицеров повесилось, трое перерезали себе вены осколками стекла.

Утром к лагерю подошла длинная колонна крытых грузовиков. Офицерам было объявлено о выдаче. Пассивное сопротивление севших на землю, сцепившись за руки, офицеров было быстро преодолено при помощи прикладов доблестных британских солдат. Многие офицеры показывали британским «коллегам» паспорта Франции, Югославии, Польши, «нансеновские паспорта», удостоверявшие их статус признанных Лигой Наций политических беженцев, не подлежащих насильственной выдаче. Британцы лишь глумились в ответ: «Вы – казачьи офицеры, будете показывать свои документы в СССР Сталину: езжайте к нему в гости». Безоружных офицеров, помимо конвоя с автоматами и гранатами, конвоировали бронетранспортеры и танки (!).

Через четыре часа пути колонна прибыла в Юденбург, где более двух тысяч офицеров были переданы СМЕРШу 3-го Украинского фронта. В отношении П. Н. Краснова, А. Г. Шкуро и других видных участников Гражданской войны чекисты провернули «коммерческую сделку»: старых эмигрантов «выменяли» за группу германских морских офицеров во главе с адмиралом Редером. Через два дня после выдачи офицеров, также при помощи прикладов и штыков, началась выдача рядовых казаков и их семей. Опять были самоубийства, застреленные «при попытке к бегству», несколько казачек с детьми бросились с моста в быструю Драву…

Группа старших офицеров после допросов была доставлена в Москву, на Лубянку. Там, в тюремной бане, в начале июня внучатый племянник Петра Николаевича, Николай Краснов, в последний раз видел своего деда. Позднее Николай вспоминал:

«– Запомни сегодняшнее число, Колюнок, – говорил он мне. – Четвертое июня 1945 года. Предполагаю, что это – наше последнее свидание. “Гусь свинье не товарищ”, как говорится. Не думаю, чтобы твою молодую судьбу связали с моей, поэтому я и попросил, чтобы тебя мне дали в банщики.

Ты, внук, выживешь. Молод еще и здоров. Сердце говорит мне, что вернешься и увидишь наших… А я уже двумя ногами стою в

гробу. Не убьют – сам умру. Подходит мой срок и без помощи палачей…

…Если выживешь – исполни мое завещание. Опиши все, что будешь переживать, что увидишь, услышишь, с кем встретишься. Опиши как было. Не украшай плохое. Не сгущай красок. Не ругай хорошее. Не ври! Пиши только правду, даже если она будет кому-нибудь глаза колоть. Горькая правда всегда дороже сладкой лжи. Достаточно было самовосхваления, самообмана, самоутешения, которыми все время болела наша эмиграция. Видишь, куда нас всех привел страх заглянуть истине в глаза и признаться в своих заблуждениях и ошибках? Мы всегда переоценивали свои силы и недооценивали врага. Если бы было наоборот – не так бы теперь кончали жизнь.

Шапками коммунистов не закидаешь… Для борьбы с ними нужны другие средства, а не только слова, посыпание пеплом наших глав и вешание арф на вербах у "рек Вавилонских"…

– …Учись запоминать, Колюнок! Зарубай у себя на носу. Здесь, в подобных условиях, писать тебе не придется. Ни записочки, ни заметочки. Употребляй мозг, как записную книжку, как фотографический аппарат. Это важно. Это невероятно важно! От Лиенца и до конца пути своего по мукам – запоминай. Мир должен узнать правду о том, что совершилось и что совершится, от измены и предательства до… конца.

…Не воображай себя писателем, философом, мыслителем. Не выводи сам своих заключений из того, что тебе не ясно. Дай их вывести другим. Не гонись за четкостью фразы, за красотой слов. Не всем это дано. Будь просто Николаем Красновым, а не художником-писателем. Простота и искренность будут твоими лучшими советниками.

…В свое время я написал много книг. Всю свою душу вложил в них. Многие мои произведения занозой сидят в сердцах наших теперешних "радушных хозяев". Они переведены на 17 языков. И сегодня меня расспрашивали – откуда я брал типы и материалы, есть ли у меня еще что-либо не изданное, где находится. Им я не сказал, но тебе скажу: у бабушки, Лидии Федоровны! Там и манускрипт книги "Погибельный Кавказ". Повесть. Посвятил я ее нашему юношеству. Русскому юношеству. Прошу тебя, если выйдешь – издай эту книгу в мою память. Обещаешь?..

– Обещаю, дедушка!

– …Что бы ни случилось – не смей возненавидеть Россию. Не она, не русский народ – виновники всеобщих страданий. Не в нем, не в народе лежит причина всех несчастий. Измена была. Крамола была. Не достаточно любили свою родину те, кто первыми должны были ее любить и защищать. Сверху все это началось,

Николай. От тех, кто стоял между престолом и ширью народной…

…Россия была и будет. Может быть, не та, не в боярском наряде, а в сермяге и лаптях, но она не умрет. Можно уничтожить миллионы людей, но им на смену народятся новые. Народ не вымрет. Все переменится, когда придут сроки. Не вечно же будет жить Сталин и сталины. Умрут они, и настанут многие перемены.

…Воскресение России будет совершаться постепенно. Не сразу. Такое громадное тело не может сразу выздороветь. Жаль, что я не доживу… Помнишь наши встречи с солдатами в Юденбурге? Хорошие ребята. Ни в чем я их винить не могу, а они-то и есть – Россия, Николай!

…А теперь давай прощаться, внук… Жаль мне, что мне нечем тебя благословить. Ни креста, ни иконки. Все забрали. Дай, я тебя перекрещу, во имя Господне. Да сохранит Он тебя…

Дед крепко сложил пальцы и, сильно прижимая их к моему лбу, груди, правому и левому плечу, осенил крестным знамением.

Я чувствовал, как комок рыданий подкатывает к горлу. Слезы остро защипали края век. Мне пришлось до боли сжать зубы, чтобы сдержать себя. Обняв старческое тело, я старался в этом объятии передать все свои мысли и все свои чувства.

– Прощай, Колюнок! Не поминай лихом! Береги имя Красновых. Не давай его в обиду. Имя это не большое, не богатое, но ко многому обязывающее… Прощай!»

После бани с кителя генерала исчезли погоны и орден Святого Георгия IV-й степени.

* * *

16 января 1947 года в Москве на скамье подсудимых сидели шестеро генералов: эмигранты П. Н. Краснов, А. Г. Шкуро, С. Н. Краснов и Султан Келеч-Гирей, советский гражданин Т. И. Доманов и германский подданный Г. фон Паннвиц. Суда по существу не было. Разрешение на его закрытое проведение, осуждение к смертной казни и приведение приговора в исполнение было запрошено министром госбезопасности Абакумовым у И. В. Сталина заранее. «Вождь» наложил резолюцию: «Согласен».

А. В. Марыняк

Генерал-майор М. Г. ДРоздовский

Мысль о том, что большинство Белых военачальников стало широко известными лишь с началом Гражданской войны, где в полной мере смогли проявиться их личностные качества, как нельзя более справедлива в отношении генерал-майора М. Г.

Дроздовского. Его биографию дореволюционного периода, путь доблестного, но в общем типичного офицера – озарил, затмил и обессмертил последний год жизни и первый год дела, которому эта жизнь была отдана.

* * *

Михаил Гордеевич Дроздовский родился 7 октября 1881 года в Киеве в военной семье. Его отец, генерал-майор Гордей Иванович Дроздовский, был участником Крымской войны 1853–1856 годов, прошел пекло Севастопольской обороны. Мать умерла очень рано, и Михаил ее почти не помнил; его воспитанием самоотверженно занималась сестра Юлия, бывшая на 15 лет старше. Мальчик рос избалованным, хотя отсутствие материнской ласки сделало его замкнутым, скрытным и диковатым. Он часто избегал игр со сверстниками, предпочитая общество денщиков отца, жадно слушая их незатейливые воспоминания о сражениях, полковых и деревенских буднях. В детстве и юности Михаил проявлял заметные способности к рисованию, полюбил стихи, особенно о войнах, много их знал наизусть и с увлечением декламировал сестрам.

С раннего детства мальчик с увлечением слушал и отцовские рассказы из боевого прошлого и военной истории. Развиваясь, черты его характера – впечатлительность, любознательность, энергичность, самостоятельность – переплетались с преклонением перед Русской Армией, силой ее духа и оружия, и Российской Империей в целом. Естественно, когда подошла пора учения, отец и сын были единодушны в избрании для Михаила военной карьеры. Сыграл здесь свою роль и высокий престиж Армии в эпоху Императора Александра III.

В 1892 году Михаил Дроздовский поступил в Полоцкий кадетский корпус, из которого вскоре перевелся в Киевский Владимирский. По воспоминаниям однокашников, он демонстрировал «выдающиеся способности наряду с необыкновенной ленью, своенравием и изобретательностью шалостей». Рефреном кадетских лет звучал постоянный окрик офицера-воспитателя Гааса: «Дроздовский, под арест!» Одновременно все отмечали его мужество и щепетильную честность: он прямо, не колеблясь, сознавался в провинностях, не страшился наказания и никогда не прятался за спины других. Поэтому, несмотря на вспыльчивость, горячность и порой резкую откровенность, Михаил пользовался уважением и доверием товарищей по классу. Любовь ко всему военному постепенно, с

большим трудом, но обуздывала мальчика, в науках же он преуспевал.

Окончив кадетский корпус в 1899 году, по настоянию отца юноша избрал Павловское военное училище в Санкт-Петербурге, славившееся отличной подготовкой и строжайшей дисциплиной. Специфику пребывания в нем ярко показывает такая выходка Дроздовского: часто попадая в карцер, он однажды вывесил на его дверь свою визитную карточку, уверяя всех, что ему предоставили персональную комнату. Причиной конфликтов был характер Дроздовского, неспособного «покорно, а главное, без противоречий выслушивать окрики, замечания, зачастую несправедливые и абсурдные». Одно время он даже хотел уйти из училища, но отец смог переубедить сына. Как бы то ни было, в 1901 году юнкер Дроздовский окончил училище одним из первых.

Многие «Павлоны» традиционно пополняли ряды Гвардейской пехоты. Благодаря успехам в учебе завтрашний подпоручик мог выбирать вакансию. Правда, из-за ограниченности материальных возможностей семьи (Дроздовские не владели никаким недвижимым имуществом – ни наследственным, ни «благоприобретенным») «дорогие» полки петербургской Гвардии оказались недоступны. Выбор остановился на расквартированном в Царстве Польском более скромном Лейб-Гвардии Волынском полку, куда новоиспеченный офицер и вышел 13 августа 1901 года. Решение о приеме новичка должно было приниматься единогласно собранием всех офицеров полка, и наличие малейшего «пятна» или даже просто неприязнь одного из них делали вступление в Гвардию невозможным. Репутация Дроздовского оказалась безупречной.

* * *

У Волынцев не было принято хвастовство кутежами, долгами и любовными похождениями. Но царившие в полку скромность и строгий порядок достигались, в отличие от училища, не бесконечными замечаниями, а доброжелательными советами старших офицеров младшим. Лишенные оскорбительного оттенка, те же дисциплинарные требования стали для Дроздовского легкими и естественными. Полк давал возможность широкого духовного развития офицеров, которые пользовались прекрасной библиотекой, интересовались научными вопросами, философией. Именно в полку молодой подпоручик всерьез увлекся шахматами.

Трехлетняя строевая служба отшлифовала офицерский облик

Михаила Гордеевича. Однако чисто полковые занятия для его деятельной натуры были слишком узки. В 1904 году Дроздовский подал рапорт о желании поступить в Николаевскую Академию Генерального Штаба, готовиться к экзаменам в которую начал еще раньше, и недаром, поскольку отбор слушателей производился тщательнейше, и поступали лишь самые талантливые и работоспособные офицеры. Испытания (экзамены) были двухступенчатыми: в Штабе военного округа – там производился и первичный отсев – и в Петербурге, непосредственно в Академии. Первые состояли из решения тактической задачи (с приложением объяснительной записки и приказа), сочинения по русскому языку и верховой езды. В Академии поступающего ждали экзамены по тактике, строевым уставам всех родов оружия, отдельно – по артиллерии, инженерным войскам, математике за полный курс реального училища, всеобщей и русской истории, географии (по немым картам), русскому языку (диктант и сочинение), немецкому и французскому языкам и опять же верховой езде. Серьезность испытаний была столь высока, что решившихся на участие в них другие офицеры считали «безумцами», с чем те, в свою очередь, в общем-то соглашались. Зато и уровень слушателей поддерживался очень высоким. Поблажек, в том числе и Гвардейцам, при поступлении почти не делалось.

«Приходилось нести службу, поддерживать товарищеские отношения, – вспоминал один из слушателей Академии о своей подготовке к экзаменам, занявшей больше года, так как двухмесячного отпуска, предоставлявшегося для этой цели только после прохождения окружных испытаний, хватить не могло. – Для подготовки оставалась лишь ночь. Поэтому я распределил свое время так: придя с утренних занятий (в полку. – *Р. А.*) и пообедав, я ложился спать и спал до 7 вечера, а потом до 5 часов утра готовился к экзаменам. Поспав с 5 до 8 утра, шел на утренние занятия. Пришлось превратиться в затворника…»

Успешно пройдя окружные испытания, Дроздовский 20 августа 1904 года отбыл на экзамены в Академию. При двенадцатибалльной системе оценок проходным средним баллом была «шестерка», но, с учетом внимательности и дотошности экзаменаторов, получить и ее было нелегко. Дроздовский с испытаниями справился и 4 октября был зачислен на младший курс Академии. Около трети поступивших составляли Гвардейцы, и немудрено: по воспоминаниям современника, «из военных училищ в гвардейские полки шли офицеры со средним баллом не менее 10, а из этой массы в Академию готовились *лучшие*[55]».

Но шла Русско-Японская война, – и уже 19 октября

Дроздовский подал рапорт о переводе на театр военных действий: с самого нападения Японии он рвался на фронт, и лишь нежелание, чтобы подготовка пошла прахом, на первых порах несколько сдерживало его порыв. Будущий офицер Генерального Штаба с широкими перспективами, не задумываясь, рискнул всем, хотя слушатели Академии не подлежали обязательному переводу в Действующую Армию.

Прикомандированный к 34-му Сибирскому (Восточно-Сибирскому) стрелковому полку, Дроздовский храбро участвовал во всех его боях начиная с 25 ноября 1904 года. Сначала он был младшим офицером, с 18 марта 1905 года – командовал 10-й ротой, а с 10 мая стал командиром 15-й роты. В бою у Семапу 14 января 1905 года он был ранен ружейной пулей насквозь в левое бедро, и легкая хромота осталась у него на всю жизнь. 26 апреля «за отличия в боях с 12 по 16 января 1905 г. у дер[евень] Тутайцзы, Хейгоутой и Безымянной (Семапу)» был награжден орденом Святой Анны IV-й степени с надписью «За храбрость». Уже после окончания войны, 30 октября, получил орден Святого Станислава III-й степени с мечами и бантом. По возвращении в столицу, 2 апреля 1906 года Михаил Гордеевич был произведен в поручики Гвардии со старшинством с 13 августа 1905 года. А 34-й стрелковый полк, в котором он проделал кампанию 1904–1905 годов, за Ляоян, Шахэ и Мукден – известнейшие сражения той неудачной войны – получил Георгиевское знамя.

Поражение России в войне Дроздовский воспринял тяжело, а модернизация Армии виделась ему насущной задачей, которой он жаждал отдать все силы. Вернувшись в Академию, он приступил к упорной учебе. Занятия шли с 9 до 12 утра (лекции) и с 12.30 до 16 часов (лекционные и практические); трижды в неделю с 8 часов утра в манеже проводилась верховая езда на уровне кавалерийского училища. Посещение занятий жестко контролировалось: в случае отсутствия слушателя причины выяснялись в тот же день. На младшем курсе Дроздовский вместе со своими соучениками слушал лекции по тактике пехоты (генерал Н. А. Данилов) и конницы (генерал Елчанинов), истории военного искусства до Наполеоновской эпохи (он же), артиллерии, полевой фортификации, устройству вооруженных сил и армиям важнейших иностранных государств (полковник Гулевич), истории Наполеоновских войн (подполковник Н. Н. Головин, впоследствии один из виднейших военных ученых русской эмиграции), истории русского военного искусства до Суворова (полковник А. К. Баиов), геодезии (генерал К. В. Шарнгорст), истории XIX века, русской истории (профессор С. Ф. Платонов) и общей тактике[56]. Изредка удавалось выкроить вечер

на посещение театра.

По результатам экзаменов по окончании младшего курса около 20 % слушателей отсеялось. Остальные участвовали в летних полевых занятиях. Месячный отпуск Дроздовский посвятил поездке домой.

Старший курс потребовал полного напряжения умственных, душевных и физических сил, так как его итогами определялось будущее офицера. Здесь кроме способностей очень пригодилась сила воли Дроздовского. Закаляясь в испытаниях, она остужала голову, развивала хладнокровие и выдержку, которыми молодой офицер ранее не отличался. Может быть, именно в те годы завершилось формирование его характера, цельного и непоколебимого. Теперь читались лекции по стратегии (знаменитый генерал Н. П. Михневич), общей тактике, истории новейших войн (с 1870 года), общей военной статистике (то есть обзор пограничных государств), русской военной статистике (описание вероятных театров военных действий), инженерной обороне государства, довольствию войск и службе тыла (генерал Н. Н. Янушкевич) и военно-морскому делу. После сдачи экзаменов и завершения полевых тактических занятий, в августе 1907 года Дроздовский, набрав требуемый средний балл – больше 10, – приказом по Академии был зачислен на дополнительный курс, при переходе на который отпуска не полагалось.

Режим и форма занятий на третьем году обучения существенно отличались от прежних. Основное время отводилось на самостоятельную работу над подготовкой докладов по истории военного искусства и по теории военного искусства. Совместные занятия продолжались лишь в манеже. При защите докладов особенно придирчиво следили за точным оформлением и сдачей в срок их текстов и внятностью, убедительностью и краткостью речи. Впоследствии подчиненные, вспоминая о Дроздовском, отмечали: «…Тотчас и определенно формулирующий свои мысли, он сразу производил сильное впечатление».

Вместе с Дроздовским или на год-два раньше или позже в Академии Генерального Штаба учились офицеры, сыгравшие впоследствии видную роль в Гражданской войне. Назовем некоторых из них. Начальник Штаба Дроздовской дивизии полковник Ф. Э. Бредов. Главнокомандующий Вооруженными Силами Советской Республики И. И. Вацетис. Главнокомандующий Русской Армией генерал-лейтенант барон П. Н. Врангель. Помощник начальника Алексеевской дивизии генерал-майор М. М. Зинкевич. Главнокомандующий Вооруженными Силами Республики С. С. Каменев. Начальник Штаба Донской Армии генерал-лейтенант А. К. Келчевский.

Начальник Штабов Южного, Юго-Западного и Западного фронтов РККА Н. Н. Петин (впоследствии комкор). Командующий Донской Армией генерал-лейтенант В. И. Сидорин. Начальник Оперативного управления Полевого Штаба РВСР Б. М. Шапошников (впоследствии начальник Генерального Штаба, Маршал Советского Союза). Одновременно с Дроздовским в Академии учился будущий начальник Штаба Кавказской Армии, а затем и всей Русской Армии генерала Врангеля, будущий генерал-от-кавалерии П. Н. Шатилов.

Дополнительный курс Михаил Гордеевич окончил успешно и за отличные успехи был произведен в штабс-капитаны. 23 мая 1908 года, после представления в числе прочих выпускников Императору Николаю II, он был причислен к Генеральному Штабу и направлен на лагерные сборы в Штаб Варшавского военного округа, где прикомандирован к управлению 49-й пехотной резервной бригады. Затем, получив пособие на обзаведение лошадью со всем необходимым (300 рублей), после двухнедельного отпуска прибыл Лейб-Гвардии в Волынский полк. Там с 12 сентября 1908 года по 4 ноября 1910 года Дроздовский в соответствии с требованиями ценза командовал ротой.

* * *

26 ноября 1910 года началась долгожданная служба по Генеральному Штабу: Дроздовский получил назначение обер-офицером для поручений при Штабе Приамурского военного округа и отбыл к новому месту службы. Академия «расширила теоретический кругозор, напитала знаниями, которые нужно было как следует еще переварить, а самое главное, найти им применение в жизни»; молодой генштабист помнил напутственные слова генерала Данилова: «…Настоящая учеба начнется после окончания Академии, и тот, кто остановится на тех знаниях, которые он вынес из Академии, безвозвратно отстанет». Служба в Харбине как раз и стала «практической школой». Как участник Русско-Японской войны, Дроздовский с повышенным интересом и вниманием относился к работе на Дальнем Востоке; в то же время мелочная канцелярская рутина не давала полного удовлетворения.

Приобретя опыт и хорошо зарекомендовав себя, уже через год, 26 ноября 1911 года, он был назначен старшим адъютантом Штаба Варшавского военного округа и произведен в капитаны со старшинством со 2 мая 1908 года. По воспоминаниям сослуживца, «офицеры Генерального Штаба в Варшавском

военном округе жили сплоченной семьей. Этому способствовало наличие единственного в армии особого собрания офицеров Генерального Штаба, где происходили доклады, военные игры, товарищеские ужины и обеды. Здесь генерал по-дружески говорил с капитаном и обменивался взглядами по военным вопросам». Корпоративный дух способствовал деловой обстановке. Энергичный, собранный капитан Дроздовский, бывший и помощником начальника отчетного отделения, запоминался даже мельком видевшим его почему-то прежде всего холодным и твердым взглядом своих голубых глаз. Признанием отличной его работы стал орден Святой Анны III-й степени, полученный 6 декабря 1911 года. Ввиду ухудшения отношений с австро-германским блоком деятельность Штаба округа становилась все активнее и требовала все большего напряжения сил.

Во время Балканской войны 1912 года Дроздовский буквально рвался принять в ней участие, но командование категорически запретило поездки туда всем офицерам без исключения. К этому времени относится и написание Михаилом Гордеевичем «большого труда по стратегии, о будущей русско-германской войне», неизбежность которой была для него очевидной; к сожалению, рукопись не увидела света и не сохранилась. С 13 июня по 3 октября 1913 года Дроздовский, отлично понимавший значение военной техники и необходимость ее развития, прошел курс летчика-наблюдателя в Севастопольской Офицерской Школе Авиации Отдела воздушного флота. В его послужном списке появилась запись: «Совершил 12 полетов вне аэродрома, каждый полет продолжительностью не менее 30 минут, а всего был в воздухе 12 часов 32 минуты».

* * *

Начало Первой мировой войны Дроздовский воспринял с огромным воодушевлением, почти восторженно: «Эта война, величайший исторический момент – моя великая, самая страстная мечта!» Как и для тысяч русских офицеров, патриотический подъем сочетался у него с надеждой выдвинуться, проявить себя. Назначенный 18 июля 1914 года (по мобилизации) помощником начальника общего отдела Штаба Северо-Западного фронта, он почти сразу стал досадовать на эту «писарскую» должность, где не услышишь свиста пули, «а без этого разве война – война!!!» Поэтому уже 3 сентября по собственному желанию капитан Дроздовский получает назначение обер-офицером для поручений при Штабе XXVII-го

армейского корпуса. Это позволяло быть ближе к позициям, подчас непосредственно руководить боевыми действиями и принимать в них участие.

С 5 января 1915 года Дроздовский – штаб-офицер для поручений при Штабе уже XXVI-го армейского корпуса. Вскоре, 22 марта, он был произведен в подполковники со старшинством с 6 декабря 1914 года, а с 14 апреля начал исполнять должность начальника Штаба 64-й пехотной дивизии. Прекрасный организатор и тактик, Михаил Гордеевич, и возглавив штаб, постоянно находился под огнем на передовой. Несмотря на тяжелые условия, в которых оказалась Русская Армия в 1915 году, Дроздовский сохранял боеспособность дивизии и 1 июля был «за отличия в делах против неприятеля награжден орденом Св[ятого] Равноапостольного Князя Владимира 4-й ст[епени] с мечами и бантом». После временного, с 22 октября по 10 ноября, исполнения должности начальника Штаба своего XXVI-го армейского корпуса подполковник Дроздовский был утвержден в предыдущей должности начальника Штаба дивизии уже, как тогда было принято говорить, «на законном основании». Однако он по-прежнему тяготился «текущим бумагомараньем», на которое часто жаловался в письмах.

Однажды августовской ночью немцы заняли переправу, отрезав отступление всему корпусу. Дроздовский наскоро собрал солдат у штаба дивизии, повел в штыковую атаку, вернул переправу и отразил ряд германских атак. Как гласит выписка из приказа, 2 ноября он был «награжден Георгиевским оружием за то, что, принимая непосредственное участие в бою 20 августа 1915 г. у м[естечка] Ораны, произвел под действительным артиллерийским и ружейным огнем рекогносцировку переправы через реку Меречанку, руководя форсированием ее, а затем, оценив важность захвата северной окраины м[естечка] Ораны, лично руководил атакой частями [253-го пехотного] Перекопского полка и умелым выбором позиций способствовал действиям нашей пехоты, отбившей в течение пяти дней настойчивые атаки превосходящих сил противника». 24 мая 1916 года награждение было утверждено Высочайшим приказом.

15 августа 1916 года Дроздовский был произведен в полковники со старшинством с 6 декабря 1915 года. А 31 августа при штурме горы Капуль в Карпатах он лично поднял и повел в атаку два полка, почти сразу получив ружейную пулю в область верхней трети правого предплечья с повреждением мышц; через пять дней, ввиду тяжести ранения, состоялась эвакуация в тыл. Усилия докторов имели лишь частичный успех: сохранить руку удалось, но только полупарализованной. Вопреки рекомендациям

врачей, в январе 1917 года Дроздовский вернулся на фронт, заняв должность начальника Штаба 15-й пехотной дивизии.

* * *

Февральская революция потрясла убежденного монархиста, каким всю жизнь был потомственный дворянин Дроздовский, хотя он, по собственному признанию, на отречение Императора Николая II и «на переворот естественно смотрел как на опасную и тяжелую, но неизбежную операцию». В то же время он дальновидно предпочел вначале не высказывать откровенного мнения о происходящем, чем создал видимость «благонадежности» к новой власти. 6 апреля полковник Дроздовский стал командиром 60-го пехотного Замосцского полка своей же дивизии. Вместо него начальником Штаба дивизии был назначен полковник Е. И. Достовалов (будущий начальник Штаба 1-го армейского корпуса Добровольческой Армии), который, увлеченный политической деятельностью в Петрограде, к новому месту службы так и не прибыл и по прошествии двух месяцев был отчислен начальником дивизии генералом Г. Г. Тимротом, а временно исполняющим его должность стал штабс-капитан Е. Э. Месснер, в 1920 году – начальник Штаба Корниловской ударной дивизии.

В письмах Дроздовского этого периода явно чувствуется горечь от развала Армии вследствие «демократизации» военных порядков, начатой известным Приказом № 1. Правда, на Румынском фронте, где служил после излечения Михаил Гордеевич, разложение шло медленнее: генералы Д. Г. Щербачев и А. М. Крымов, принимая разнузданные маршевые роты из тыла, лишали их оружия и «революционных» знамен, а личный состав распределяли по восемь человек в уже имеющиеся подразделения. «В полках с большевиками не церемонились, – отмечал современник, – находили какое-нибудь обвинение “уголовного характера” и изымали из обращения». Очевидно, оснований для инкриминирования не относящихся к «политике» правонарушений имелось предостаточно. Летом фронт еще сражался. Однако распад был необратим, и Дроздовский мог его наблюдать не по дням, а по часам.

27 июня он пишет: «…мне предстоит сомнительная честь вести в атаку наших “свободных граждан”, свободных от чувства долга и доблести…» Вначале мрачные предчувствия вроде бы не оправдались: 11 июня Замосцский полк вместе с другими частями 15-й пехотной дивизии буквально растерзал 218-ю германскую

дивизию под Марештами, самостоятельно взяв у противника десять орудий из одиннадцати, ставших трофеями всей дивизии. Наступавший на Аджуд XVIII-й германский резервный корпус генерала Венингера 27 июля был смят и отброшен на исходные позиции. А уже 31 июля Дроздовский характеризовал действия своего полка лишь как «нечто вроде боя», 1-го же августа началось повальное бегство. Михаил Гордеевич своей властью приказал бить палками бегущих и стрелять по ним, и на следующий день команда разведчиков, расположившись с тыла, удержала полк, а полк – позиции.

Теперь войска были окончательно захлестнуты тыловыми настроениями, так как солдаты пополнений начинали составлять большинство. После «корниловских дней» между офицерами и нижними чинами пролегла пропасть. Положение было красочно изображено в рапорте Дроздовского, написанном в сентябре:

«За последнюю неделю было несколько случаев единичного неповиновения и попытки к неповиновению массовому; были подстрекательства к неисполнению законных распоряжений. По этим случаям ведется дознание, виновные будут преданы суду, но обнаружение зачинщиков очень затрудняется укрывательством и сочувствием им солдатской массы. Привлечение их к суду вызывает среди солдат глухое недовольство; всякое законное требование, стесняющее разнузданность, всякое требование порядка, законности они именуют “старым режимом”. Развращенные безнаказанностью, отменой чинопочитания, солдаты позволяют себе в разговорах с офицерами наглые обвинения их в том, что они стоят за войну, так как получают большое жалованье; в солдатской же среде главное настроение – нежелание воевать, непонимание, вернее нежелание понимать необходимость продолжать войну».

Собственные переживания Дроздовского, служившего отнюдь не за жалованье, а из глубокого искреннего патриотизма, отразились в его личной переписке:

«Оборвалось и рухнуло все, чему я верил, о чем мечтал, для чего жил, все без остатка, – в душе пусто. Только из чувства личной гордости, только потому, что никогда не отступал перед опасностью и не склонял перед ней своей головы, только поэтому остаюсь я на своем посту и останусь на нем до последнего часа».

За июльские бои Михаил Гордеевич уже после прихода к власти большевиков, 20 ноября 1917 года, был награжден долгожданным орденом Святого Георгия IV-й степени, но, как признавался он сам, «нисколько не стало легче на душе от этого», хотя «это единственный орден, к которому я никогда не был равнодушен». Награждение, не успевшее отразиться в приказе

Армии и Флоту, как бы повисло в воздухе. Дроздовский нашел компромиссное решение, начав на иностранный манер носить в петлице френча Георгиевскую ленточку. Состоялось и его представление к ордену Святого Георгия III-й степени, оказавшееся, однако, безрезультатным. Вместо этого 24 ноября Дроздовский был назначен командующим 14-й пехотной дивизией. Но повышение не радовало. После отмены Совнаркомом чинов, орденов и прочих отличий – иерархии, лежащей в основе любой военной организации, – Дроздовский решил, что долг честного русского офицера, о котором он недавно писал, призывает его к борьбе против разрушения Армии и государства. 11 декабря он сам сложил с себя ставшую почти номинальной должность и отбыл в город Яссы, где располагался Штаб Румынского фронта.

* * *

Еще в ноябре при Штабе фронта состоялось совещание офицеров Генерального Штаба «по вопросу восстановления и спасения гибнущей России», в котором принял участие и Дроздовский. Высказавшись за немедленную вооруженную борьбу с большевиками, он, поддержанный небольшой группой – полковниками М. К. Войналовичем и Давыдовым и капитаном Федоровым, – оказался в меньшинстве. Остальные надеялись на эволюцию большевиков или планировали тайный подрыв их власти изнутри. Генерал Д. Г. Щербачев, фактический Главнокомандующий армиями Румынского фронта (формально эту должность занимал Король Румынии, а Щербачев считался его помощником), сначала предполагал формирование целого корпуса добровольцев для переброски на Дон, где генералом М. В. Алексеевым была начата организация первых Белых отрядов, но вскоре разуверился в этом предприятии.

12 декабря полковник Дроздовский явился на известную ему конспиративную квартиру в Яссах. Назвав пароль «Россия», он оказался в темной комнате, где на столе горела единственная свеча, за столом же сидело некое существо в маскарадном костюме-«домино», женском платке и автомобильных крагах и небрежно поигрывало револьвером. Вся обстановка казалась жутковатой. Визгливым, хриплым голосом существо обменялось с Дроздовским несколькими фразами и предложило ознакомиться со странным документом. «На бумаге черным по белому было написано, – с иронией рассказывал очевидец, – что существует тайная организация, располагающая неограниченным кадром

членов во всех уголках земного шара до необитаемых островов включительно, неограниченными материальными средствами и неограниченным запасом вооружений. Управляется организация Верховным Советом из людей, рядовым членам неизвестных. Цель организации – борьба с большевиками всеми средствами. Содержание членов организация берет на себя». Дроздовский был немного шокирован приемом, но согласился сразу. Затем пришлось подписать другую бумагу, гласившую, что за нарушение правил организации вступающий подвергается смертной казни, так же, как и безо всяких проступков, просто по усмотрению Верховного Совета.

Несуразная фигура вздохнула с облегчением, быстро избавилась от камуфляжа и оказалась капитаном Н. В. Сахаровым, сыном известного генерала. Он объяснил, что маскарад имеет целью конспирацию, а сам он является представителем инициативной антибольшевицкой группы, возникшей еще в середине ноября. В нее входили также В. Д. Янчевецкий – «интернациональный революционер» (?), Генерального Штаба полковник Б. А. Палицын – русский военный агент (атташе) в Румынии, подпоручик П. П. Ступин – переводчик при американской миссии и земгусар[57] Поздняков. К ним присоединился и ротмистр Д. Б. Бологовской. Пока организация работала неудачно: единственным успехом стало получение всеми правдами и неправдами 20 тысяч румынских лей от французских представителей.

С первого же дня Дроздовский твердой рукой подчинил организацию себе, изгнал всякую бутафорию и добился легализации под названием Первой Бригады Русских Добровольцев. Именно он решил снять получивший вскоре широкую известность дом № 24 на улице Музилер в Яссах, где открыл бюро записи. Есть сведения и о контактах его с «Московским Центром», связанным, в свою очередь, с генералом Алексеевым. В отличие от Щербачева, бюро широко оповестило армию о своей деятельности через газеты «Русское Слово» и «Республиканец». Быстро появились и результаты: офицеры, ставшие париями в собственных частях, охотно покидали их и направлялись в Яссы. Многие стремились поступить в добровольческие части на Дону, о содействии чему имелась и просьба к Щербачеву от Алексеева, но большинство оставалось у Дроздовского.

Михаил Гордеевич смог развернуть сеть вербовщиков в прифронтовых городах. Поездка в тыл для расширения организации едва не закончилась трагически: в Одессе, контролируемой большевиками, он был арестован, но благодаря

своему адъютанту подпоручику Н. Ф. Кулаковскому вновь обрел свободу. Риск, впрочем, оправдал себя: в Кишиневе и Одессе открылись бюро записи офицеров, в которых работали бывшие подчиненные Дроздовского по Замосцскому полку Кулаковский, штабс-капитан В. Н. Ляхницкий и прапорщик Т. Чупрынов; в Тирасполе действовал капитан Кавтарадзе. Во время отсутствия Дроздовского замещал ставший его ближайшим помощником полковник Войналович, полная противоположность по характеру – уравновешенный, неторопливый – и абсолютный единомышленник, самоотверженный патриот и решительный храбрец.

Вербовка велась и более активным, хотя и довольно оригинальным способом: сотрудники Дроздовского специально посещали вокзалы, кафе, где заводили разговоры с офицерами, массово приезжавшими с фронта, и рассказывали об организации. Многие отвечали, что «устали воевать». Вступавшие же частично отправлялись на время обратно в свои полки для агитации (командиры частей не отпускали офицеров в Бригаду, мотивируя это нехваткой командных кадров во фронтовых частях). Поступавшие в Бригаду размещались в общежитиях Евгениевской Общины и получали пособие. Не вполне определенное состояние организации лишало, однако, добровольцев прочего довольствия, затрудняя дальнейшее формирование. Во второй половине декабря по Штабам армий разослали приглашение желающим поступать якобы на американскую службу. Явившихся направляли из консульства на улицу Музилер, в добровольческое бюро. С этого же времени некоторая финансовая поддержка стала поступать от союзников, что позволило хоть немного обеспечить добровольцев всем необходимым. Дроздовский наладил канал и для притока офицеров из «собственно России», которых на станции Унгены встречал специальный агент. К январю 1918 года Дроздовскому удалось собрать в местечке Скинтея более 200 человек.

Доверенное лицо Михаила Гордеевича, ротмистр Бологовской, создал «команду разведчиков особого назначения», которая добывала оружие и боеприпасы, захватывая их хитростью или силой в разложившихся частях. Но главной функцией по совместному решению стал индивидуальный террор. За время существования, по утверждению Бологовского, было «истреблено больше 700 человек крупных и мелких большевиков», из которых самым видным был С. Г. Рошаль, известный участник революционных событий и разложения фронта: забрав из-под румынского ареста, офицеры пристрелили его на шоссе в декабре 1917 года.

* * *

Теперь, когда Дроздовским была проделана первая, самая трудная организационная работа, Штаб фронта наконец решил подключиться к ней и захватить руководство. Генерал Щербачев 24 января отдал приказ о формировании Отдельного Корпуса Русских Добровольцев в составе Штаба и трех бригад. Командиром Корпуса назначался командующий IX-й армией генерал А. К. Келчевский, а начальником Штаба – генерал А. Н. Алексеев; истинный же организатор добровольчества на Румынском фронте, Дроздовский, оттеснялся с первой роли, став лишь командиром 1-й Скинтейской бригады. Началось развертывание 2-й Кишиневской бригады, которую последовательно возглавляли генералы Асташов и Белозор. Создание 3-й бригады планировалось в городке Болграде.

Масштабы организации росли. На основе обязательства для вновь поступающих, составленного Дроздовским и Войналовичем, появился следующий текст подписки:

«Я, ... , поступаю добровольно в Национальный Корпус Русских Добровольцев, имеющий целью воссоздание порядка и организацию кадров по воссозданию Русской Армии, причем за все время пребывания в Корпусе обязуюсь:

1. Интересы Родины ставить превыше всех других, как то: семейных, родственных, имущественных и прочих. Поэтому защищать с оружием в руках, не жалея жизни, Родину, жителей ее, без различия классов и партий, и их имущество от всякого на них посягательства.

2. Не допускать разгрома и расхищения каких бы то ни было складов.

3. Всюду стоять на страже порядка, действуя против нарушителей всеми способами, до применения оружия включительно.

4. Быть внепартийным, не вносить и не допускать в свои ряды никакой партийной розни, политических страстей, агитации и т. д.

5. Признавать единую волю поставленных надо мною начальников и всецело повиноваться их приказаниям, не подвергая их обсуждению.

6. Всюду строго соблюдать правила дисциплины, подавая собою пример окружающим.

7. Безропотно и честно исполнять все обязанности службы, как бы они тяжелы временами ни были.

8. Не роптать, если бы случайно оказался недостаток обуви, одежды, пищи или она оказалась бы не вполне доброкачественной.

9. Также не роптать, если бы оказались неудобства в расквартировании, как то: теснота, грязь, холод и прочее.

10. Не употреблять спиртных напитков и в карты не играть.

11. Без разрешения своих начальников от своей части не отлучаться.

12. В случае неповиновения, дезертирства, восстания, агитации против дисциплины подлежу наказанию по всей строгости законов военного времени».

Но бурная деятельность Штаба Корпуса, разросшегося (Штаб, а не Корпус) до невероятных размеров, мало способствовала увеличению притока добровольцев. Бюрократизировав работу Штаба, Келчевский не делал ничего для популяризации идей и целей формирования. Между тем Дроздовский напрямую, через собственных вербовщиков, продолжал собирать пополнения, доведя к февралю численность своей бригады до 500 человек.

На совещании в Штабе Корпуса выяснилось, что из пяти тысяч записавшихся – три тысячи оказались на штабных должностях, а полторы тысячи, приходившихся на долю Кишиневской бригады, преимущественно были «мертвыми душами». Это внушило Келчевскому мысль о невозможности похода. Дроздовский вспылил и резко заявил, что он «с каким угодно числом решительных людей пойдет на Дон к генералу Корнилову и доведет их». Чины Штаба сочли Михаила Гордеевича «авантюристом и маньяком» и начали всячески ему препятствовать. Появился приказ о недействительности подписки; Корпус упразднялся; 2-я Кишиневская бригада уже расформировывалась. Часть добровольцев рассеялась.

* * *

Не подчинившись решению Управления по формированию добровольческих частей, Дроздовский не только не распустил свою бригаду, но и продолжал вербовку в нее частным порядком. Добровольцы, решившие присоединиться к нему и размещавшиеся ранее на станции Соколы в двух верстах от Ясс, с этого времени перебрасывались в Скинтею. Им удалось занять лишь несколько летних, холодных и темных бараков; спали офицеры на нарах, днем выполняли все хозяйственные работы, включая заготовку дров и уход за лошадьми. Одновременно шли усиленные строевые занятия. Как отмечал один из добровольцев Дроздовского, нелегкая доля «не понизила духа, но, наоборот, только сильнее сплотила собравшихся. Трудную непривычную школу пришлось пройти офицерам…» Дроздовский ввел строгий

распорядок, желая еще до похода проверить и закалить выносливость и дисциплину добровольцев, крайне необходимые в совершенно новых условиях существования отряда, бывшего почти исключительно офицерским. «Не гонюсь за числом, нужны только мужественные, твердые, энергичные, нытикам не место», – писал он.

Теперь, когда прекратились даже незначительные субсидии извне, бригада была вынуждена сама заботиться обо всем необходимом. Вооружение, боеприпасы, продовольствие, фураж добывались набегами на соседние большевизированные части: Дроздовский действовал так же, как Корнилов при обеспечении Добровольческой Армии накануне Первого Кубанского похода. В итоге к 20 февраля в бригаде оказалось много легкой и тяжелой артиллерии, пулеметов, 15 бронемашин, радиостанция, легковые и грузовые автомобили и иное имущество в количестве, соответствующем соединению в десятки раз большей численности, чем было у Дроздовского. При уходе из Скинтеи излишки были приведены в негодность и брошены.

К 22 февраля части Дроздовского вновь переместились в Соколы, так как стало известно о готовящемся заключении Румынией сепаратного мира с Центральными Державами, причем одним из условий со стороны немцев было разоружение русских добровольцев. Дроздовский, еще за несколько дней до этого решивший в таком случае прорываться на восток, лихорадочно готовился к выступлению. Румыны, на словах соглашаясь пропустить его, саботировали выдачу имущества и задерживали эшелоны; Щербачев, получивший от союзников 7 миллионов франков, согласился выделить полтора, а на деле выплачено оказалось лишь 600 тысяч. Для пополнения кассы Дроздовский решил продавать часть снаряжения и техники. Установив денежное содержание в 200 рублей в месяц офицерам и от 25 до 100 рублей солдатам, он не считал возможным нарушать свои обязательства.

Издерганный множеством осложнений и препятствий, простуженный и терзаемый жестокой бессонницей, Михаил Гордеевич умудрялся всюду поспевать. Он призывал, воодушевлял, приказывал, советовался, добивался, часто срываясь на крик, ругаясь своим глуховатым, осипшим голосом. В его дневнике появляется запись: «Агитация против похода изводит, со всех сторон каркают представители генеральских и штаб-офицерских чинов, вносят раскол в офицерскую массу. Голос малодушия страшен, как яд. На душе мрачно, колебания и сомнения грызут, и на мне отразилось это вечное нытье. А все же тяжелые обстоятельства не застанут врасплох. Чем больше

сомнений, тем смелее вперед по дороге долга… Только неодолимая сила должна останавливать, но не ожидание встречи с ней». Последние слова точно характеризуют все последующие действия Дроздовцев, став их боевым принципом.

Уделялось внимание и идейному сплочению добровольцев. Еще в конце 1917 года Дроздовский заявил помощникам: «Сейчас я за республику, но… в душе я все-таки монархист». Те поддержали его, а Бологовской предложил начать вербовку внутри отряда в тайную монархическую организацию. Завербованным чинам выдавались особые карточки трех степеней. Большинство получило карточки с одной полосой, двенадцать крупных чинов – с двумя, и лишь у Дроздовского и самого Бологовского имелась высшая степень с тремя полосами. «Процент имеющих карточки в отряде за все время… был очень высок и колебался около 90 %», – вспоминал Бологовской. Сплотив единомышленников, Дроздовский получил двойную власть над ними и мог рассчитывать на неограниченную преданность.

С 23 февраля румынские войска начали окружать добровольцев. Дроздовский выставил сторожевые охранения, выдвинул на боевые позиции пулеметы и артиллерию, заняв на всякий случай круговую оборону и взяв на прицел дворец «молдавского парламента», а сам выехал в Штаб Румынского фронта, чтобы в ультимативной форме сделать последнюю попытку получить пропуск на свободный проход с оружием. При возможном нападении он приказал контратаковать и идти на прорыв; подчиненные единодушно поддержали его. Прошла тревожная ночь. Около 10 часов утра наконец появился автомобиль Дроздовского. Все свободные от нарядов офицеры толпой кинулись навстречу, и им мгновенно бросилось в глаза, что лицо обычно хмурого и озабоченного командира сияет радостной улыбкой, а в руке развевается листок бумаги. Долгожданный пропуск был получен, румыны отошли, и началась лихорадочная погрузка в выделенные эшелоны.

* * *

Утро 26 февраля стало началом знаменитого позднее похода «Яссы – Дон», который вначале казался просто движением в неизвестность. Позади оставались дома и семьи, а у многих офицеров – дымящиеся пепелища и свежие могилы. Вопреки распространенному мнению, был семейным человеком и сам Дроздовский – еще до войны он женился на потомственной

дворянке Ольге Владимировне Евдокимовой, Православного вероисповедания. Более он с ней уже не увиделся.

Эшелоны двинулись на Кишинев. На станции Перлица румынский начальник пытался, угрожая силой, отобрать паровоз головного состава, но сила натолкнулась на силу, и румыны тотчас, извинившись, отступили. В Кишиневе из полутора тысяч записавшихся во 2-ю бригаду к Дроздовцам присоединилась одна офицерская рота численностью до 100 штыков. К 4 марта Отряд, уже походным порядком, достиг Дубоссар и занял их. Здесь Дроздовский решил реорганизовать и упорядочить наличные силы. Отряд принял следующий вид:

– Штаб Отряда;

– Сводно-Стрелковый полк в составе трех стрелковых и одной пулеметной рот и хозяйственной части, под командованием генерал-майора В. Семенова – 487 штыков;

– Конный дивизион (штаб-ротмистр Гаевский) – 102 сабли;

– батареи: конно-горная (капитан Колзаков), легкая (полковник Ползиков) и мортирный взвод (полковник Медведев, капитан Михайлов);

– команда связи (полковник Гран);

– конная и автомобильная радиотелеграфные станции;

– автоколонна (капитан Лисицкий);

– бронеколонна;

– команда разведчиков особого назначения – 15 сабель;

– полевой лазарет;

– интендантство.

Численность Отряда достигла 1 050 человек (свыше 700 добровольцев и около 300 пленных-«илотов»[58] в обозе), в том числе более 2/3 офицеров. В строю было всего шесть штаб-офицерских чинов, основную массу составляла военная молодежь – «бедняки-офицеры, романтические штабс-капитаны и поручики». «В наш поход Дроздовский вышел с одним вещевым мешком, и нам было приказано не брать с собой никаких чемоданов», – вспоминали они.

Полковник М. Г. Дроздовский. 1918

Строгими дисциплинарными мерами Дроздовский быстро пресек имевшие место «пьянство офицеров, попытки насилий, самочинные аресты, сепаратические течения», расценив их как недопустимую «непривычку, вернее, отвычку повиноваться». Через несколько дней пришло сообщение от австрийских оккупационных властей (войска Центральных Держав продвигались вперед, почти не встречая сопротивления) о ранении ими двух большевиков, грабивших жителей и первыми обстрелявших их; к негодованию командира, «большевиками»

оказались кавалеристы Отряда, проводившие реквизицию. Дроздовский устроил Конному дивизиону грандиозный разнос, грозил судом и требовал прекратить безобразия. «Эта буйная публика может только погубить дело», – раздраженно записал он в дневнике, беспокоясь, что население, пока встречавшее Отряд нейтрально, может отвернуться от него и даже обратиться за помощью к оккупантам. Впрочем, окончательно порядок был установлен лишь после расстрела за грабеж подпоручика И. Зорича. С тех пор насилия больше не повторялись.

Дроздовского удручала шедшая впереди его войск слава какого-то карательного отряда. Она усиленно раздувалась большевиками, стремившимися не допустить присоединения Отряда к Добровольческой Армии и восстановить против Дроздовцев большинство населения. Как сообщали разведчики, крестьяне расказывали о них примерно так: «Идут – видимо-невидимо, и все князья и графья, кричат ”гады” и бьют всем морды» («гады» – любимое словечко штабс-капитана А. В. Туркула, у которого совсем недавно матросы растерзали родного брата…). Для действенного разубеждения приходилось не только удерживать подчиненных от эксцессов, но и защищать местных жителей от произвола даже не столько красногвардейцев, сколько откровенно бандитских шаек. Возмездие за убийства и грабежи Дроздовский осуществлял решительно и беспощадно – активные большевики и особено матросы расстреливались, а гражданские лица, чье участие в насилиях было доказано, подвергались порке шомполами при участии своих же соседей. Дома местных большевиков сжигались.

«Нет-нет да и сожмет тоской сердце, – признавался Михаил Гордеевич в дневниковых записях, – инстинкт культуры борется с мщением врагу, но, разум, ясный и логичный разум, торжествуй над несознательным движением сердца!»; «В этой беспощадной борьбе за жизнь я стану вровень с этим страшным звериным законом – с волками жить…»; «Жребий брошен, и в этом пути пойдем бесстрастно и упорно к заветной цели через потоки чужой и своей крови».

При всем остром драматизме событий, вообще происходивших тогда в России, нельзя не отметить, что Дроздовский предстает одним из самых опасных противников большевизма, ибо отчетливее многих других вождей и военачальников Белого движения он осознал жестокую логику Гражданской войны как борьбы на истребление врага, – и не только осознал, но и принял ее как единственно возможную для победы.

Одновременно он стремился не только побеждать и

завоевывать, но и восстанавливать хотя бы элементарный порядок, возвращая людям мирную жизнь, свободную от ужаса междоусобицы. Несмотря на присущую ему неприязнь к евреям, Дроздовский старался предотвращать погромы, чем завоевал благодарность в проходимых местечках. Когда однажды жители, привыкшие к захватам и заранее приготовившиеся откупаться, неожиданно получили плату за доставленный интенданту Отряда хлеб, удивлению не было границ. Даже антибольшевицкие меры применялись лишь при наличии враждебных действий против Отряда или насилий над населением, все чаще обращавшимся к Дроздовцам за защитой. Так, в Новом Буге активно боровшийся с бандитами комитет во главе с прапорщиком-большевиком не только был сохранен, но и получил поддержку оружием.

* * *

Постоянной головной болью для Дроздовского на протяжении всего похода стала проблема взаимоотношений с австро-германскими оккупантами, в соответствии с условиями Брестского мира продвигавшимися почти одновременно с Отрядом по Новороссии на восток. Несмотря на заявления немцев о полном нейтралитете и даже неоднократно имевшие место выказывания воинского уважения (отдание чести Добровольцам и пресечение враждебных выходок украинцев-«самостийников»), осторожный Дроздовский старался как можно меньше соприкасаться с ними. Он отлично понимал, что такая позиция недавних противников проистекает только от их «полной уверенности, что мы не преследуем широких целей или что выполнение их невозможно». Основываясь на этом, Михаил Гордеевич несколько раз во время вынужденных встреч и переговоров, усыпляя бдительность германцев, упоминал о своем намерении идти в Великороссию и даже на Москву, а в приказах нередко указывались ложные маршруты движения и пункты назначения.

Дроздовскому нередко старались приписать германофильство, но это не соответствует действительности. Центральные Державы оставались для него врагами наравне с большевиками и украинскими сепаратистами. На него, по собственному признанию, «подействовало ужасно» полученное сообщение о крупном успехе немцев на Западном фронте. Впрочем, и сторонником Антанты Дроздовский оставался лишь потому, что надеялся на ее поддержку как на средство достижения собственной цели. Офицеры Отряда полностью

поддерживали своего командира и столь нервно и тяжело реагировали на вынужденный мир со вчерашним противником, что постоянно висела угроза спонтанных столкновений. Поэтому непосредственных контактов приходилось избегать.

«Германский фактор» заставлял еще строже бороться с остатками разнузданности внутри Отряда. Дроздовский не мог забыть позора, когда грабивших добровольцев приняли за большевиков, а население просило защиты у австрийцев. Избавителями от кошмара безвластия и произвола, считал он, могли и должны были стать только русские солдаты и офицеры, чтобы на их фоне приход иноземцев производил на местных жителей тягостное впечатление. Завоевания симпатий и поддержки народа Дроздовский искал не в отвлеченной агитации, а в конкретных действиях, бывших красноречивее лозунгов и призывов. Тем самым он проявил стремление и способность не отделять военные мероприятия от политических последствий, понимая их неразрывность. И все же командир Отряда оставался прежде всего офицером, а не политиком.

* * *

Удивительной спайки своих подчиненных, бывшей одним из главных залогов успеха, Дроздовский достигал двумя путями. Во-первых, беспощадно изгонялись те немногие, кто выказывал трусость, слабость или недовольство – вроде подпоручика Попова, покинувшего в опасности подпоручика князя Шаховского. Во-вторых, пресекались ссоры между товарищами, для решения же конфликтов, затрагивавших честь и достоинство, Дроздовский лично способствовал легализации дуэлей. И, конечно, он не терпел никаких претензий отдельных частей на особое положение в Отряде. Такая попытка была предпринята вначале полковником М. А. Жебраком-Русакевичем, командиром роты добровольцев, собранной им в Измаиле из чинов Балтийской дивизии и приведенной на соединение с Дроздовским. После неоднократных неудачных переговоров, в которых Жебрак старался добиться признания своей самостоятельности в командном отношении, под влиянием непреклонности командира Отряда и собственной малочисленности (71 штык), присоединение состоялось на условиях полного подчинения. Возможно, амбиции измаильцев основывались на том, что они имели знамя, какового у Отряда не было. Впоследствии все было забыто, а Жебрак принял 2-й Офицерский полк.

М. А. Жебрак-Русакевич

Отряд был не только создан, но и выпестован благодаря выдающимся лидерским качествам самого Дроздовского, сумевшего внушить подчиненным глубокое уважение к себе. Он сразу стал непререкаемым авторитетом, а вскоре – и кумиром для них, не ища популярности дешевыми эффектами, будучи одновременно близким и недосягаемым. Он мог заснуть на простой обозной подводе рядом с другими офицерами или на ночевке уступить кому-нибудь единственную в хате кровать. Но при этом ни у кого не могло возникнуть и мысли о фамильярности с командиром ни в служебном, ни в личном

отношении. И вера в него на фоне крушения всех прежних устоев и традиций становилась поистине монументальной – происходила поэтизация образа Вождя. «Полковник Дроздовский был типом воина-аскета: он не пил, не курил и не обращал внимания на блага жизни; всегда – от Ясс до самой смерти – в одном и том же поношенном френче, с потертой георгиевской ленточкой в петлице; он из скромности не носил самого ордена. Всегда занятой, всегда в движении. Трудно было понять, когда он находил время даже есть и спать… В походе верхом, с пехотной винтовкой за плечами, он так напоминал средневекового монаха Петра Амьенского, ведшего крестоносцев освобождать Гроб Господень…» – вспоминали о нем. Даже внешне Михаил Гордеевич весьма импонировал офицерам: «Высокого роста, с резко очерченными чертами лица, с орлиным взглядом» (пусть и сквозь «интеллигентское» пенсне), «он сразу производил сильное впечатление…»

Дроздовский был подлинным вождем, способным не только увлечь за собой, но и достигнуть поставленной цели. Вопреки собственным довольно мрачным предчувствиям, он смог провести Отряд через 1 200 верст неизвестности и опасностей. В этом в равной мере сказались и дерзкая решительность, и мужество, и несомненный тактический талант, и политико-дипломатические способности. Удачное преодоление серьезных водных преград – Южного Буга и Днепра – и отсутствие на протяжении всего похода сколько-нибудь серьезных боевых столкновений были следствием умелого, иногда противоречившего мнению всего Штаба, руководства Дроздовского. В итоге потери оказались совершенно ничтожными; в то же время Отряд пополнился более чем двумястами добровольцами (не считая многочисленных казаков, вошедших 16 апреля в Донскую сотню есаула Фролова). Из упоминавшихся пленных – около 300 человек – почти все в Мелитополе были вооружены и поставлены в строй новой 4-й роты, как хорошо зарекомендовавшие себя в походе; некоторые из них в дальнейшем заслужили и офицерские погоны.

Оснащение и пополнение военным имуществом производилось из обширных складов, попадавшихся по пути следования. В Мелитополе было пошито новое обмундирование. Варшавский арсенал, эвакуированный во время Великой войны в Бердянск, позволил пополниться снарядами и авиационным оборудованием. В Мариуполе кавалерия обновила конский состав. В Таганроге, где уже находились немцы, Добровольцы попросту захватили боеприпасы, автомобили и аэропланы, сформировав авиационный отряд.

Само движение походным порядком закаливало

выносливость и волю, отсеивая редкий нестойкий элемент (Отряд покинуло всего 12 офицеров) и принося те «лишения», которые Наполеон считал «школой хорошего солдата». Во время перехода до Бердянска добровольцы чисто по-суворовски покрыли 109 верст менее чем за сутки. У Отряда был даже собственный маленький «ледяной» переход, по странной и знаменательной случайности совпавший день в день (17 марта 1918 года) с тем эпизодом истории Добровольческой Армии, который дал второе название ее Первому Кубанскому походу. Это произошло, когда колонна Дроздовского вышла из Александровки. Холодный ветер «гнал тонкую снежную пыль, резал лицо; коченели руки, отмораживались уши, лед нависал на усах и бороде, на ресницах и бровях… Дорогу плохо видно. Снег слепит чем дальше, тем больше…» Даже самые стойкие офицеры отдыхали, садясь на подводы. Вспоминает один из них: «Из тумана на нашу подводу нашло высокое привидение. Это был Дроздовский верхом, в своей легкой солдатской шинелишке, побелевшей от снега. Его окутанный паром конь чихал. Видно было, как устал Дроздовский, как он прозяб, но для примера он все же оставался в седле. Мы предложили ему немного обогреться у нас под буркой. Неожиданно (! – *Р. А.*) Дроздовский согласился… Так он проспал часа четыре, а когда пробудился, был очень смущен, что заснул на подводе…»

* * *

Конечной целью похода было соединение с Добровольческой Армией. Уже 21 марта Дроздовский направил ротмистра Бологовского и поручика Кудряшева для прояснения обстановки на Дону и Кубани и дальнейшей координации маршрута. Посланцы пробирались тайно и столь старательно скрывали свои истинные намерения, что в одном из сел чуть не были убиты крестьянами по обвинению в большевизме (!). А 1 апреля Кудряшев возвратился с полдороги и принес запоздалую, но от этого не менее тревожную весть об уходе Добровольцев из Ростова и Новочеркасска. 13 апреля Бологовской получил и передал известие о гибели Корнилова, сообщив в то же время и о продолжении борьбы. Чтобы не снизить боевой дух Отряда, Дроздовский оповестил о смерти Корнилова только начальников частей.

«Мое переживание: пройдя уже более половины пути, потерять точку стремления! И все же бороться до конца…» – отмечает он в дневнике, решив сохранить Отряд во что бы то ни

стало. Конечно, здесь играло свою роль и его отношение к Добровольческому командованию. Несмотря на то, что в вербовке добровольцев на Румынском фронте играли свою роль представители Алексеевской организации и Московского Центра, Дроздовский относился с глубочайшим уважением и преклонением только к Лавру Георгиевичу Корнилову, которого называл «человек-легенда». Чувствуя родство двух сильных характеров – своего и корниловского, – он вовсе не распространял свое отношение на окружение Лавра Георгиевича, не раз упоминая М. В. Алексеева, А. И. Деникина, И. Г. Эрдели, что называется, скопом, как бы подчеркивая их равнозначность между собой и второстепенность рядом с Корниловым. Отсюда и слова о потере цели: Дроздовский был готов бороться, но не видел теперь настоящего вождя.

Между тем поход близился к завершению. Для чинов Отряда он вскоре превратится в воспоминание, безусловно поэтизируясь и мифологизируясь, и станет первой вехой доблестного и кровавого, жестокого и самоотверженного пути Дроздовцев…

«Стройно, блестя на солнце штыками, шла какая-то военная часть, с необыкновенными солдатами и офицерами. Можно было смело поверить, что маленький воинский отряд, безусловно, ведет куда-то и совсем необыкновенный командир. Все, все было необыкновенно в этом маленьком отряде, начиная с одежды и кончая строгой дисциплиной, царившей в нем. Великолепно пригнанное обмундирование – новые защитные гимнастерки, добротные сапоги. И что еще удивительнее – погоны на плечах.

Звучит, несется солдатская песня. Поет радостно весенняя зеленая степь.

Куда-то вперед помчались по дороге разведчики отряда – мотоциклисты, и видение растаяло в степи.

Сон? Волшебство зелено-дымной степи? Такого не было.

Вот и разгадка. Гремят выстрелы под большим городом… Рвутся снаряды над громадным вокзалом… Белые облачка разрывов над перекинутым через большую реку мостом… Еще немного – и смолкло все.

Освобождение. Воскресение. Весеннее в природе. Весеннее в душах и сердцах людей… Весна, радость, жизнь… Счастливые улыбки. Слезы радости вновь обретенного счастья…

А необыкновенные солдаты и офицеры необыкновенного отряда в этот момент – горды и так же, как освобожденные, счастливы. Им – цветы, благодарности, улыбки… В душах и сердцах в этот момент бьется одно, оно поет, громко и трепетно звучит: ОСВОБОЖДЕНИЕ!..

Начало его… Вот один большой город… А потом – дальше!..

Вся Россия? Возможно?! И звучит в душе ответ: смелым и дерзким – возможно. Трудно?.. Да, будет трудно. Будет тяжело, кровь, жертвы, гибель многих, муки…

Чудо, рожденное в зелено-дымной степи, – маленький отряд полковника Дроздовского…»

Так сохранили в памяти уже на закате дней свой первый поход и образ командира последние ветераны-Дроздовцы в 1970-е годы. Но, помимо понятного стремления к идеализации, они верно передали главное чувство того далекого времени: первые добровольцы шли спасать Россию, не стремясь к «политической реакции», ощущая себя именно спасителями – честными и бескорыстными…

* * *

В самом конце своего движения Отряд натолкнулся на непривычно сильное сопротивление. В Ростове-на-Дону и вокруг него были сосредоточены силы большевиков, в 25 раз превосходившие количество Добровольцев (стало известно это только позднее). Дроздовский впервые собрал военный совет, на котором все командиры высказались за штурм города, бывшего последней преградой перед соединением с Добровольческой Армией. Все буквально рвались в бой, и лишь сам командир был настроен сдержанно, понимая, что Отряду предстоит испытание гораздо более серьезное, чем прежние походные стычки.

В 10 часов вечера 21 апреля добровольцы начали наступление. Под командованием полковника Войналовича 1-й эскадрон штаб-ротмистра Аникеева быстро занял вокзал; едва ли не единственной потерей стал сам начальник Штаба Отряда, застреленный в упор каким-то красноармейцем. Тогда же 2-й эскадрон штаб-ротмистра Двойченко захватил станцию Ростов-Товарная и выслал связь на вокзал. Правда, кавалерия была вскоре вытеснена за Темерник (предместье Ростова), но в полночь основные силы белых выбили противника на левый берег Дона. Чины Отряда прямо из боя попали на празднование Пасхи: «Нам нанесли в узелках куличей и пасок… – рассказывает один из них. – Обдавая весенним свежим воздухом, с нами христосовались. Все говорили тихо. В мерцании свечей все это было как сон. Тут же, на вокзале, к нам записывались добровольцы, и рота наша росла с каждой минутой». Офицеры были тронуты и воодушевлены столь искренней встречей.

Но к рассвету усиленный подкреплениями из Новочеркасска противник при поддержке двух бронепоездов контратаковал

город. Дроздовский, сам возглавив кавалерию (под ногами его лошади разорвался снаряд легкого орудия, но вреда полковнику не причинил), пытался ударить в обход. Это оказалось невозможным ввиду многочисленности и непривычной для добровольцев организованности красных, наступавших правильными цепями с умелым маневрированием. Командир Сводно-Стрелкового полка генерал Семенов проявил трусость, укрывшись в ямах возле кирпичного завода. Из-за этого не был вовремя выполнен приказ об отводе пехоты, и ротам пришлось буквально прорываться из окружения; часть убитых и даже раненых оказалась брошена. Только благодаря самоотверженности артиллеристов и кавалерии, во главе с самим Дроздовским прикрывавшей отход, стрелки спаслись от разгрома. Потери оказались весьма значительными, достигая, по разным оценкам, 90–100 человек. Генерал Семенов был с позором изгнан из Отряда, а его должность занял полковник Жебрак. Дроздовский был крайне подавлен, «плакал и говорил, что он по своей вине погубил отряд».

«Во время похода, вернее под конец его, в бою под Ростовом, когда наш отряд, отвлекая от Новочеркасска большевицкие силы, понес тяжкие потери в неравной борьбе, его с превеликими трудностями удалось оттянуть в деревню Мокрый-Чалтырь, – вспоминал почти два десятилетия спустя генерал Н. Д. Неводовский. – Остановились мы в армянской избе. И тут, оставшись вдвоем со мной, полковник Дроздовский – этот сильный духом человек – опустил голову, и слезы потекли из его глаз…

…Слезы Дроздовского выражали силу той любви, которую он питал к своим соратникам, оплакивая смерть каждого из них. Но Ростовский бой, где мы потеряли до 100 человек, отразился на его психологии: он перестал быть суровым начальником и стал отцом-командиром в лучшем смысле этого слова. Проявляя лично презрение к смерти, он жалел и берег своих людей. И кончил, играя сам со смертью, впоследствии тяжелым ранением, стоившим ему жизни…»

В Мокром Чалтыре Отряд нашли гонцы от восставших донских казаков, просившие помощи. Дроздовский мгновенно выступил на Новочеркасск и подошел к донской столице в самый критический момент, когда восставшие были почти разбиты. После первой же атаки красные в панике бежали, но уйти удалось немногим. 25 апреля 1918 года стало датой окончания похода «Яссы – Дон».

* * *

Победа, одержанная на Дону, позволила Дроздовскому дать своим подчиненным возможность хорошо отдохнуть, одновременно совершенствуя их боевую выучку и дисциплину. В этом его требовательность совпала с характером полковника Жебрака, который тоже «вызвал к себе общее уважение. В офицерской роте было до двадцати георгиевских кавалеров, все перераненные, закаленные в огне большой войны; рядовыми у нас были и бывшие командиры батальонов, но Жебрак ввел для всех железную дисциплину юнкерского училища или учебной команды, – вспоминал ротный командир. – В этом он был непреклонен. Он издавал нас заново… И он умел так себя поставить, что даже старшие офицеры не решались спрашивать у него разрешения закурить. Все воинское он доводил до совершенства. Это была действительно школа». Шли строевые занятия, тактические учения, стрелковая подготовка, изучение уставов. Строго проверялся внешний вид, не говоря уже о чистоте оружия. Некоторые подразделения Отряда участвовали в операциях по освобождению Области Войска Донского от остатков красных войск, вскоре вернувшись к своим основным силам.

Добровольцы с радостью ощущали себя освободителями. Это подтверждалось и высоким энтузиазмом местных жителей, за две недели так пополнивших Сводно-Стрелковый полк, что он смог развернуться в трехбатальонный состав, по 800 штыков в каждом. Общее число чинов Отряда перевалило за три тысячи. Отряд энергично совершенствовал свое материально-техническое оснащение, создавая «так называемую тыловую базу… Большинство этого имущества было, между прочим, выкрадено из различных складов, захваченных немцами в Ростове и ими охраняемых», – не без гордости подчеркивали Добровольцы.

И, конечно, пользуясь отдыхом после трудного похода и боев, многие «ловили счастливые мгновения». В Новочеркасске женились более полусотни офицеров. Добровольцы были размещены на постой в пустующих этажах Института благородных девиц, однако не произошло ни единого случая, запятнавшего бы Дроздовцев; в равной мере сыграли роль и их личная порядочность, и старания Дроздовского и Жебрака.

В начале мая на Кадетской площади состоялся парад в честь избранного Донским Атаманом генерала П. Н. Краснова. Идеальное состояние Отряда произвело на него сильное впечатление, и он предложил добровольцам войти в состав формировавшейся Донской Армии на правах пешей гвардии: несомненно, Краснов ощущал острую потребность в отсутствовавших тогда на Дону подлинно регулярных войсках.

Дроздовский поблагодарил, но, не считая возможным идти вместе с Донцами на сотрудничество с немцами, – да и не стремясь подчиниться Атаману, – отказался.

Тогда же возникли слухи и о нежелании Михаила Гордеевича присоединяться к Деникину. Учитывая быстрый рост Отряда (почти равного всей Добровольческой Армии накануне Ледяного похода) и уже отмеченное полное отсутствие пиетета к новому командованию Армии, это вполне могло соответствовать действительности. Дроздовский был и способен, и готов претендовать на самостоятельную военно-политическую роль. Однако абсолютное большинство офицеров Отряда, желавших соединения с Деникиным, попросило Жебрака переговорить с командиром, дабы тот опроверг слухи. В сочетании с неприятием красновского германофильства это заставило Дроздовского выехать в станицу Мечетинскую, где располагались вернувшиеся с Кубани первопоходники.

Архивные документы позволяют заметить некоторую амбициозность в обосновании необходимости соединения: «Но обстановка у Добровольческой армии требовала подкрепления ее силы и дать возможность некоторого отдыха измученным, обескровленным жестокими боями славным частям, легендарным героям, участникам 1[-го] Кубанского похода». Мессианское восприятие своего появления проглядывало слишком ярко. Вскоре в рапорте Деникину Дроздовский отмечал: «Считая преступным разъединять силы, направленные к одной цели, не преследуя никаких личных интересов и чуждый мелочного самолюбия, думая исключительно о пользе России и вполне доверяя Вам как вождю, я категорически отказался войти в какую бы то ни было комбинацию…» Зная себе цену, он завуалированно подчеркивал свои заслуги и особенно то, что мог и не отказаться… С другой стороны, значение прихода Дроздовского действительно было бы трудно преувеличить, и это прекрасно понимало командование Добровольческой Армии. И совсем не случайно генерал М. В. Алексеев лично вышел навстречу Отряду и в высоких выражениях поблагодарил «рыцарей духа», «вливших в нас новые силы», а потом принял их церемониальный марш, оставаясь с непокрытой головой.

В то же время почти с первых минут переговоров в Мечетинской Дроздовский почувствовал сильное недоброжелательство со стороны начальника Штаба Добровольческой Армии генерала И. П. Романовского. Позднее Дроздовцы говорили о зависти, соперничестве и желании «уничтожить нас как самостоятельный отряд, стереть наши индивидуальные черты и обезличить», якобы присущих

Романовскому. Поэтому единственным условием вхождения Отряда в Добровольческую Армию стала гарантия несменяемости Дроздовского как начальника ее 3-й бригады и затем дивизии. Безусловно, и без сильной (и взаимной) личной неприязни начальника Штаба энергичный Дроздовский во главе лично преданных ему частей стоял в Армии особняком, явно внушая сомнения в своей готовности беспрекословно подчиняться. Надо отдать должное и чутью Романовского, первым увидевшего то, что лишь недавно начали признавать историки: «Дроздовский мог со временем обрести в Добровольческой армии политическую и, можно сказать, “идеологическую” значимость “вождя-преемника” генерала Корнилова». Романовский же, принадлежа к «окружению» Деникина, относился к новым претендентам на лидерство со вполне понятной ревностью.

«Добровольцы, участники Кубанского похода, смотрели на нас с откровенным удивлением, пожалуй, даже с недоверием: откуда-де такие явились, щеголи, по-юнкерски печатают шаг, одеты, как один, в защитный цвет, в ладных гимнастерках, хорошие сапоги. Сами участники Кубанского похода были одеты, надо сказать, весьма пестро, что называется, по-партизански…» – вспоминали Дроздовцы. Собственное превосходство они подчеркивали не только внешним видом, но и дисциплинированностью, подтянутостью и выучкой. В первом же бою у хутора Грязнушкин полковник Жебрак демонстративно заменил предназначенную для удара казачью бригаду 2-й офицерской ротой штабс-капитана Туркула: в доблести Дроздовцы тоже стремились быть первыми.

Если Деникин и его окружение, полностью признавая авторитет Алексеева, придерживались в политическом плане все же более либеральной, «непредрешенческой» ориентации, то Дроздовский оставался последовательным монархистом (хотя последнего Государя вряд ли идеализировал). Его подчиненные почти не скрывали: «Наш отряд представляет из себя политическую организацию монархического направления…»; он «входит в армию Алексеева, но политическая организация остается самостоятельной…» В первые же дни пребывания на Дону были сделаны попытки распространить свои условные карточки и влияние в Корниловском и Офицерском полках, но вербовщика мгновенно арестовали, не без участия Романовского нелепо обвинили в большевицкой агитации и едва не расстреляли. Попытки сепаратных сношений с киевской монархической группой В. В. Шульгина последний решительно отверг, не желая раскола в рядах Добровольческой Армии. Когда же генерал С. Л. Марков на военном совете резко отозвался о

действиях в Армии монархистов, Дроздовский моментально вспылил: «Вы недооцениваете нашей силы и значения…» Это неприятно поразило Деникина явным внесением в движение политических страстей и опасной самостоятельностью Дроздовского.

* * *

9 июня 1918 года начался Второй Кубанский поход. 3-я бригада Дроздовского, развернутая в дивизию того же номера, составила одну из двух ударных колонн Армии (за исключением части 2-го Конного полка – бывшего дивизиона Гаевского, – которая оставалась на Дону). Дивизия двигалась вдоль железной дороги Батайск – Торговая, по пути в жарких коротких стычках очищая район от небольших отрядов противника и мелких банд, не имевших ярко выраженной «политической» окраски. На рассвете 12 июня после ночного перехода Дроздовский развернул войска западнее станции Торговой и повел методичное наступление. Завязалась перестрелка, причем орудие полковника В. А. Протасовича открыло огонь картечью с расстояния в 150 шагов; почти все артиллеристы были ранены, но из боя не вышли. Начало атаки затягивалось.

Неожиданное появление конной группы во главе с самим Командующим Армией воодушевило офицеров. Отчаянной атакой вброд через реку Егорлык под сильным огнем был взят хутор Шавлиев, что позволило переправиться и всей дивизии. Развернувшись против Торговой, она встретила сильный отпор и стала перестраиваться. Дроздовский медлил, ожидая удара 2-й дивизии с другого фланга и желая бить наверняка. Подбадривая подчиненных, он «пошел во весь рост по цепи моей роты, – рассказывал один из соратников Михаила Гордеевича. – По нему загоготали пулеметы красных. Люди, почерневшие от земли, с лицами, залитыми грязью и потом, поднимали из цепи головы и молча провожали Дроздовского глазами. Потом стали кричать. Дроздовского просили уйти. Он шел, как будто не слыша… Я подошел к нему и сказал, что рота просит его уйти из огня… Он был бледен. По впалой щеке струился пот… Без пенсне его глаза стали строгими и огромными: “Чтобы я показал себя перед офицерской ротой трусом? Пусть все пулеметы бьют. Я отсюда не уйду”».

В отличие от иных Добровольческих военачальников, Дроздовский никогда не забывал, что под его началом на должности рядовых служат офицеры, и только самый доблестный

и мужественный имеет моральное право командовать ими – иначе признания не видать. У него офицеры и в солдатском строю продолжали ощущать себя не просто солдатами, а именно офицерами, – и, может быть, это было причиной того, что в духе их не замечалось «трагического надлома», о котором позднее будет писать В. В. Шульгин.

В 2 часа дня Торговая была взята. Наскоро вооруженные пулеметная дрезина и поезд преследовали отступающих большевиков. Деникин назвал события 12 июня первым крупным успехом Армии, отрезавшей Центральную Россию от житниц Кубани и северокавказской нефти.

* * *

Через бои под Великокняжеской, Николаевской, Песчаноокопской 3-я дивизия вышла к Белой Глине, где была встречена крупными массами советских войск. 23 июня возглавивший ночную атаку 2-го и 3-го батальонов полковник Жебрак был захвачен в плен и умер под страшными пытками (большевики сожгли его заживо); погибли и все девять офицеров Штаба 2-го Офицерского (бывший Сводно-Стрелковый) полка, а общие потери превысили сто человек только убитыми. Но наутро упорным штурмом красные были выбиты и во множестве взяты в плен.

«Вся дивизия горела желанием отомстить за смерть замученного Жебрака, – вспоминает один из Дроздовцев, – а кроме того, в этот день красные в первый раз стреляли разрывными пулями, и это тоже подбавило масла в огонь. На мельницу (куда сводили пленных. – *Р. А.*) пришел Дроздовский. Он был спокоен, но мрачен. На земле внутри мельницы валялись массы потерянных винтовочных патронов. Там были всякие: и обыкновенные, и разрывные, и бронебойные. Дроздовский ходил между пленными, рассматривая их лица. Время от времени, когда чье-либо лицо ему особенно не нравилось, он поднимал с земли патрон и обращался к кому-нибудь из офицеров. “Вот этого – этим”, – говорил он, подавая патрон и указывая на красного. Красный выводился вон, и его расстреливали. Когда это надоело, то оставшиеся были расстреляны все оптом».

Дроздовскому трудно было отрешиться от этого воспоминания. «Он говорил о Жебраке, о замученных добровольцах, о том, что большевики убивают и мучают в с е х[59] … Мертвенно бледный, дрожащим голосом он вспоминал о

“вчерашнем” – весь во власти чувства гнева и печали», – таким запомнился он на следующий день генералу Деникину. Вместо Жебрака полк принял Лейб-Гвардии Кексгольмского полка полковник В. К. Витковский.

Но уже через день по инициативе начдива впервые в Добровольческой Армии сформировали чисто солдатский батальон из пленных. Тем самым доказывалось, что проявляемая жестокость есть ответное возмездие, но не целенаправленная политика. Бывшие красноармейцы уже через пять дней, штурмуя узловую станцию Тихорецкая, опрокинули противника, перекололи сопротивлявшихся и самочинно расстреляли комиссаров. Дроздовский поблагодарил их за лихую атаку и переименовал в 1-й Солдатский полк, который позднее получил знамя и наименование 83-го пехотного Самурского полка Императорской Армии.

* * *

Для овладения Екатеринодаром войска сначала получили передышку в несколько дней и закрепились на занятых территориях. Затем 3-я дивизия совместно с 1-й дивизией генерала Б. И. Казановича двинулась к кубанской столице вдоль Тихорецкой линии железной дороги. К вечеру 14 июля Дроздовский умелым маневром окружил и захватил станцию Динскую в 20 верстах от Екатеринодара, взяв около 600 пленных и богатые трофеи, в том числе 3 орудия. Однако на следующий день крупные силы красных (группа И. Л. Сорокина, превышавшая 25 тысяч человек и имевшая мощную артиллерию) заняли станцию Кореневскую, выйдя в тыл центральной Добровольческой группировке. По взаимному соглашению, понимая опасность быть отрезанными от остальных частей Армии, Казанович и Дроздовский оставили заслон у Динской и выступили на Кореневскую для ликвидации прорыва. Казанович поспешил, и Добровольцы вступили в бой разрозненно; многократные атаки захлебнулись, обе дивизии были смяты и, понеся тяжелые потери, к вечеру отошли. В отчете о боевых действиях Дроздовцев читаем: «Отход пехоты, имевшей на своем пути болотистую речку, носил очень тяжелый характер… Были случаи самоубийства добровольцев, от изнеможения не имевших возможности [уйти] от противника и боявшихся попасть в его руки. Оставленных на поле боя раненых и выбившихся из сил постигла страшная смерть».

Дроздовский постоянно находился в передовых цепях под

непрерывным огнем. Не раз он, намеренно или неосознанно подражая известному персонажу пушкинского «Выстрела», шел в атаку с полной фуражкой черешен, внешне беспечно угощаясь ими. Нечеловеческое нервное напряжение, владевшее им, проявилось лишь в ночь на 17 июля на совещании с Казановичем: Дроздовский обрисовал обстановку в очень мрачных тонах, предлагая отступить на восток для спасения частей от уничтожения. Казанович возражал, видя в этом срыв всей операции, и после горячих споров, как старший, ввиду отсутствия связи с Главнокомандующим, заявил о вступлении в командование всей группой и приказал утром возобновить натиск на Кореневскую.

Атаки 17 июля натолкнулись на необыкновенно отчаянный контрудар красных. Однако истекавшие кровью Добровольцы дождались радостного известия: Сорокин был атакован и со стороны Тихорецкой, а упорство его вызвано попытками прорыва из начавшегося окружения. Вскоре разбитый противник уже уходил двумя волнами; одну уничтожил 2-й Офицерский конный полк, вторую Дроздовский не решился преследовать пехотой, потерявшей более трети своего состава. По мнению Деникина, он опасался вновь оказаться отрезанным. И эти опасения не были напрасными.

Уход 1-й дивизии, получившей задачу нейтрализации северной группы Сорокина, осложнил положение Дроздовцев. Уже 19 июля Кореневская подверглась множественным атакам красных, которые не раз врывались на ее южные окраины. Противник начал и глубокий обход 3-й дивизии. Несмотря на упорство Добровольцев, положение складывалось безнадежное. Вечером Дроздовский начал отступление, пройдя за ночь 30 верст до станицы Бейсугской. В результате удалось полностью оторваться от противника и избежать окружения. Утром полковник сообщил Главнокомандующему о небоеспособности дивизии из-за жестоких потерь и о ее потребности в отдыхе. Но Деникин назначил новое наступление Екатеринодарской группы, приказав и Дроздовскому, невзирая на переутомление его войск, вернуть Кореневскую и тем облегчить положение 1-й дивизии под Журавкой.

Оставив большую часть дивизии для прикрытия, Дроздовский выступил на Кореневскую, но, пройдя половину пути и получив сведения о сосредоточении в ней крупных сил противника, атаковать не стал и заночевал в хуторе Бейсужек. Казанович опять действовал без поддержки и без результата… Здесь приходится вспомнить сетования Деникина, что «многие начальники с чрезвычайной неохотой подчинялись друг другу»: возможно,

самолюбивый Дроздовский не забыл приказа Казановича, всего неделю назад объявившего себя старшим, и намеренно придержал войска. Тот прекрасно понял это, и между дивизионными Штабами создались натянутые отношения. Только утром 25 июля Дроздовский вышел в тыл Журавской группе красных и двинулся на Выселки, где дралась 1-я дивизия. Обойдя красных, он вскоре, однако, и сам оказался обойденным и лично во главе Солдатского полка отражал атаки. Красные, опасаясь окружения, стали прорываться сквозь боевые порядки белых; часть большевиков оказалась рассеяна огнем и уничтожена штыками, преследуемая Казановичем, причем Марковский полк в горячке боя попал под пули Дроздовцев. К 4 часам дня разгром группировки противника полностью завершился.

Сразу же появилась возможность развивать наступление на Екатеринодар; 27 июля 3-я дивизия взяла станицу Кирпильскую, имея основное направление на Усть-Лабу. По своему обыкновению основательно проведя развертывание, Дроздовский 29 июля атаковал и ее, и станицу Воронежскую. Отрезав противника от Екатеринодара, он неожиданно подвергся сильным фланговым ударам и перешел к обороне. В то же время наблюдался поспешный отход обозов красных за Кубань, ввиду чего к вечеру по личной инициативе командира 4-го Кубанского пластунского (внештатного) батальона 2-го Офицерского полка, Генерального Штаба полковника Запольского, наступление возобновилось совместно с Корниловцами. Воронежская и Усть-Лаба были взяты, а арьергард противника уничтожен.

Отдых 30 июля был прерван приказом Деникина о безотлагательном выступлении всеми наличными силами на Екатеринодар. К 1 августа кубанская столица была охвачена Добровольческой Армией с севера и востока. Дроздовцы в этот день заняли Пашковский разъезд, где стали на ночь. Наутро упорный бой возобновился. Через сады и кукурузные поля безостановочно покатились цепи двух батальонов 3-й дивизии, заняли станицу Пашковскую и погнали противника дальше. Однако через некоторое время они были отбиты резервом красных. На этот раз Дроздовский действовал очень решительно. Подтянув подкрепления (почти всю остававшуюся пехоту дивизии), крепким лобовым натиском он остановил контрудар большевиков. Батальон Кубанского стрелкового полка, направленный Главнокомандующим в тыл этой группе красных, вызвал их паническое отступление к городу. Пашковская вновь перешла в руки 3-й дивизии.

Вечером в город ворвалась 1-я конная дивизия генерала И. Г. Эрдели, а 3 августа Добровольческая Армия овладела

Екатеринодаром полностью. Второй Кубанский поход окончился победой.

* * *

В этом походе проявилось расхождение Дроздовцев и остальных Добровольцев в тактических приемах. Добровольческой традицией еще с Ледяного похода стали лобовые удары и маневр всеми силами, расчет на собственную доблесть и моральную неустойчивость врага. Дроздовский же воевал «по всем правилам»: «медленное развертывание, введение в бой сил по частям, малыми “пакетами” для уменьшения потерь, которые от этого не раз становились еще тяжелее». Это позволило Деникину позднее не раз называть его «осторожным», завуалированно подчеркивая отсутствие у него навыков командования в Гражданской войне (многие, не исключая и офицеров Генерального Штаба, признавали, что ей присуща совершенно особая тактика, постичь которую позволяет лишь опыт). Естественно, опыт первопоходников на самом деле был богаче, и деникинские слова указывают скорее на некоторую отчужденность с Дроздовцами. Кстати, на овладение «новой» тактикой Дроздовскому понадобилось всего два месяца, и под Екатеринодаром он действовал уже вполне «по-Добровольчески».

Сами же Дроздовцы сосредотачивали внимание на другом: «Во все время этих боев генерал Романовский упорно проводил свой план по уничтожению нашей дивизии, держа ее непрерывно на главном направлении, и дивизия несла крупные потери. Отношения между Дроздовским и Романовским стали открыто враждебными. Дроздовский опасался покушения на себя со стороны каких-либо лиц, посланных Романовским». Утверждалось, что начальник Штаба Армии блокировал и поступление пополнений, вынуждая начальника 3-й дивизии самого, частным порядком хлопотать о них. В приватных разговорах Дроздовский неоднократно заявлял, «что Романовский явится прямой и непосредственной причиной гибели Белого движения»; делая практический вывод, Бологовской предложил убить его, на что Михаил Гордеевич якобы отвечал: «…если бы не преступное, сказал бы я, пристрастие и попустительство Главнокомандующего к нему, то я ни минуты не задумался бы обеими руками благословить вас на это дело. Но пока приходится подождать». Как видим, тучи над Романовским начали сгущаться задолго до того весеннего дня 1920 года, когда он, уже будучи эмигрантом, стал жертвой покушения.

* * *

После взятия Екатеринодара 3-я дивизия получила приказ выйти за реку Кубань и овладеть Армавиром; по указанным выше причинам начдив счел операцию рискованной, чем вновь обострил отношения со Штабом Армии. Наконец, 26 августа, после неоднократных разведок, войска частично осуществили переправу и двинулись во фланг противнику. После упорных четырехдневных боев была взята станция Гулькевичи, затем Кавказская, после чего наступление разворачивалось вдоль железной дороги. Противник, получив значительные подкрепления, к 1 сентября сумел оттеснить Дроздовцев обратно к Гулькевичам. Взаимодействовавшая с ними 1-я конная дивизия (принятая накануне генералом П. Н. Врангелем) сковала Михайловскую группу красных.

По полученному ранее приказу Главнокомандующего, 2-я дивизия генерала А. А. Боровского 2 сентября ударила в тыл армавирской группировке противника и овладела Невинномысской. По удачному для Добровольцев совпадению удалось предупредить наступление большевиков, назначенное на это же число. Войска Сорокина в беспорядке отхлынули к Армавиру. Белые продолжали громить противника. Отбив 3 сентября все атаки, Дроздовский на следующий день перешел в наступление. На рассвете 6 сентября он вышел к Армавиру, и после многочасового боя части 3-й и 2-й дивизий сомкнулись уже в самом городе; армавирская группировка Сорокина перестала существовать. Преследование ее отступавших остатков продолжалось до ночи.

Но уже к 10 сентября к Армавиру подошла Таманская Красная Армия, насчитывавшая до 35 тысяч штыков и сабель. С 12 сентября при сильной огневой поддержке начались ее атаки на 3-ю дивизию и охват города с севера. Дроздовский неоднократно бросал войска в контратаки и продержался до вечера. Когда же Таманцы стали разворачиваться и к югу от Армавира, он счел положение рискованным и в ночь на 13 сентября переправился на правый берег Кубани, в Песчаноокопскую, сохранив переправу за собой. На сей раз, по признанию самих офицеров, главный удар им нанес не противник, а винокуренный завод барона Штенгеля, о чем один из участников событий выразился очень кратко: «Пропили Армавир». Пьянство Добровольцев, конечно, носило отпечаток надрыва: страшное психическое напряжение требовало расслабления.

Проявилось это и в Песчаноокопской. Вспоминает офицер-кавалерист: «Каждое утро, когда эскадрон просыпался, на

подводах посылалась на свиной остров (свиноферму. – *Р. А.*) компания охотников, которая и привозила двух-трех убитых свиней. Затем ввиду близости завода барона Штенгеля начиналось ежедневное повторение армавирской программы: завтраки переходили в обеды и ужины непрерывной чередой, а ночью по пустынным улицам Песчаноокопской среди темных, мрачно молчаливых домов скакали бешеные пары и тройки, в одиночку и целыми поездами, пугая мирных домовых старообрядческих хат смехом, пением и стрельбой в воздух, – это эскадроны ездили друг к другу в гости» (в эти дни кавалерия стояла в резерве).

Между тем на рассвете 13 сентября подошло подкрепление: полуторатысячный отряд полковника Н. С. Тимановского уже в полдень атаковал красных, занял их позицию, но Дроздовский приказал в бой не вступать и инициативу не поддержал. Он намеревался дать двухдневный отдых своей пехоте, но на следующий день получил повторный приказ Деникина вернуть Армавир. Ответом было: «Противник в превосходящих силах защищается, дивизия несет большие потери, подтягиваю резервы и перехожу в решительную атаку»; Командующему ответ понравился, и он даже заметил Романовскому: «Вот донесение воина». Совместно с Марковцами Дроздовский ударил на город с северо-запада, но успеха не добился. Через день под Армавир прибыл сам Деникин, которому Дроздовский доказал бесцельность штурма города до разгрома Михайловской группы большевиков. Главком согласился и тогда же, 16 сентября, приказал Дроздовскому ударить в ее фланг и тыл совместно с 1-й конной дивизией.

Таким образом, имеющиеся советские данные о штурме Армавира 17 (30) сентября и полном разгроме двух ворвавшихся в город офицерских полков (могут иметься в виду Марковский и 2-й Офицерский), мягко говоря, противоречат сведениям белогвардейских источников.

Выйдя на позиции Врангеля к вечеру 17 сентября, Дроздовский, игнорируя деникинский приказ, сменил его конницу своей пехотой и на другой день в одиночку атаковал Михайловскую. В итоге 3-я дивизия не только понесла тяжкие потери (помимо всего прочего, сказалось отсутствие снарядов), но и отступила гораздо дальше прежних позиций 1-й конной дивизии, к Петропавловской. Во время новой встречи Командующий сделал Дроздовскому резкий выговор. Его точное содержание неизвестно, но, вероятно, речь шла об обвинении в недопустимой самодеятельности при исполнении приказов. Начдив вспылил и 27 сентября направил Деникину рапорт,

который по тону больше напоминал бы памфлет, если бы не содержал столько горечи: «Невзирая на исключительную роль, которую судьба дала сыграть мне в деле возрождения Добровольческой Армии, а может быть, и спасения ее от умирания, невзирая на мои заслуги перед ней, мне, пришедшему к Вам не скромным просителем места или защиты, но приведшему с собой верную мне крупную боевую силу, Вы не остановились перед публичным выговором мне…»

По сути подчеркивая свое значение и намекая на личную преданность частей, Дроздовский высказал претензию на самостоятельность в решении боевых задач и потребовал избавить себя от критики. На это сильно повлияла та «травля», о которой возмущенно говорили Дроздовцы: «За малейшую неточность, за малейшую оплошность, за малейшее промедление, происшедшее благодаря превосходству сил противника, Дроздовский получал от Деникина, соответственно информированного Романовским, замечания и выговоры в приказах и устно публично». Но, хотя Романовский и пресек выступление Михаила Гордеевича (вернув ему рапорт с отказом доложить Деникину[60]), Командующий фактически уступил, оставив его без дисциплинарных последствий из-за опасения конфликта с 3-й дивизией или даже ее ухода из Армии. Справедливости ради отметим, что и в Красной Армии в те дни нередко вспыхивали внутренние трения, доходившие «до междоусобных стычек в 5 километрах от противника».

* * *

С началом сражения под Ставрополем 3-я дивизия была усилена пластунской бригадой и получила приказ задержать перешедшего в наступление от Невинномысской противника до подхода подкреплений. Дроздовский 10 октября оборонялся в целом успешно, а на другой день контратаковал – неудачно и с большими потерями. Захват красными горы Недреманной – господствующей над позициями высоты – привел к отходу на Татарку (11 верст от Ставрополя). Ведя при поддержке Корниловского ударного полка напряженный бой на южных подступах к городу, Дроздовскому не удалось сломить противника. В полдень 14 октября Добровольцы, сопровождаемые толпами беженцев, оставили Ставрополь.

Понимая серьезность положения, Деникин 18 октября прибыл в Рождественскую, где говорил с офицерами 2-й и 3-й дивизий. По воспоминаниям, его слова о поражении Германии и

возможной материальной помощи союзников дали «глубокую, ничем не сокрушимую уверенность в доблести добровольцев, которая ведет, несомненно, к нашей победе». Сам же Главнокомандующий (Деникин стал так именоваться после смерти Верховного Руководителя Добровольческой Армии генерала Алексеева) с облегчением вновь убедился, что рядовое офицерство не затронуто амбициозностью начальников и готово к дальнейшей борьбе. Затем несколько дней войска отдыхали и получили незначительное пополнение. Способствовал подъему настроения и успех Кубанской дивизии генерала В. Л. Покровского, овладевшей Невинномысской.

Уже 22 октября части Дроздовского вместе со 2-й дивизией с большими потерями вновь дошли до окраины Ставрополя. На следующий день 2-й Офицерский полк занял часть северных предместий и закрепился в монастыре; видимо, во избежание «самодеятельности» начальника дивизии вместе с полком шел Полевой Штаб Главнокомандующего. Когда же 24 октября противник бросился в яростные контратаки, наступление забуксовало. Деникин приказал 1-й дивизии нанести встречный удар из Невинномысской. К 28 октября Врангель вышел к Ставрополю с запада, Казанович с юга и Покровский с юго-востока, что породило в городе панику. Красное командование спешно формировало заградотряды.

29 октября крупные силы противника вели упорные и многократные атаки на всех участках. Они не имели успеха нигде, кроме фронта Дроздовского, чья дивизия с громадными потерями была отброшена на две версты, но затем смогла задержаться. Впрочем, не приходится винить в этом отступлении начальника дивизии, чьи войска были потрепаны сильнее всего и вдобавок приняли на себя самый мощный удар красных, для которых имел смысл только прорыв из кольца на север.

Затишье 30 октября говорило о крайней изнуренности обеих сторон. О том, насколько были обескровлены Дроздовцы и вошедшие в соприкосновение с ними Корниловцы, свидетельствует участник боев: «…Броневик “Верный” обогнал группу корниловцев, человек в 150, шедших со своим знаменем. Впереди ехал капитан Скоблин. “Где же Корниловский полк?” – спросил капитана Скоблина капитан Нилов (Дроздовец-«походник», командир «Верного». – *Р. А.*). “Вот все, что от полка осталось”, – послышался печальный ответ».

Утром 31 октября 1918 года большевики обрушили мощный натиск по расходящимся направлениям – на север и юго-восток. Если части Покровского им удалось лишь потеснить, то «совершенно растаявшие» полки 2-й и 3-й дивизий были

опрокинуты и, преследуемые по пятам, отходили на северо-запад. Дроздовский собрал все боеспособные остатки своих войск и отчаянно контратаковал у Иоанно-Мариинского монастыря, лично, верхом на коне, ведя поредевшие цепи. И почти сразу был ранен в ступню ноги… Красным частично удалось прорваться, но бои продолжались до 2 ноября, когда Ставрополь окончательно заняла Добровольческая Армия.

* * *

Рана Дроздовского сначала показалась пустячной царапиной, но скоро отказ от удаления пули в полевых условиях придется называть роковым. Михаил Гордеевич был эвакуирован в Екатеринодар… Дальнейшие события освещены крайне смутно и интерпретированы противоположно. Дроздовцы, исходя из принципа «ищи того, кому это выгодно» и продолжая версию противостояния их командира и Романовского, давали такое объяснение: Дроздовскому «была искусственно и намеренно привита гангрена… Физическим виновником этого преступления является профессор Плоткин, еврей, вскоре после смерти Дроздовского отправленный соответствующим начальством за границу и не вернувшийся оттуда. Тайным же вдохновителем Плоткина является, конечно, Романовский. Документы об этом находятся… в распоряжении доктора Матвеевой, которая ходила неотлучно за Дроздовским со времени его ранения (заметим, что никакие документы на этот счет так и не были обнародованы ни во время войны, ни в эмиграции. – *Р. А.*)»… «В буйных головах зарождался план мести».

С другой стороны, нельзя и отрицать полное отсутствие в лазаретах антисептических средств, даже йода. Учитывая, что в Екатеринодаре менее чем за два месяца Дроздовский перенес восемь операций, можно уверенно констатировать его почти полную обреченность в таких условиях. Предложения перебраться в ростовскую клинику своего знакомого профессора Напалкова Михаил Гордеевич сначала легкомысленно отвергал, не считая себя тяжелораненым и не желая занимать там одно из немногочисленных мест. Заметим, что если бы Дроздовский разделял запоздалые подозрения своих подчиненных, направленные против Романовского, он должен был бы при первой возможности перебраться к врачу, заслуживающему личного доверия. А это произошло только 26 декабря.

Кубанский Атаман генерал А. П. Филимонов предоставил вагон из собственного поезда. Дроздовский страдал от жестоких

болей, и с ростовского вокзала до клиники, сменяясь, его несли выздоравливающие офицеры 3-й дивизии, лечившиеся в местных госпиталях. Город помнил приход Отряда Русских Добровольцев в апреле, и теперь неорганизованно, но искренне встречал их командира. Молчаливые толпы провожали носилки; в почетном карауле стояли Лейб-Казаки и Лейб-Атаманцы. В клинике Дроздовцы несли бессменный караул возле палаты.

Еще 8 ноября, в день своего Ангела, полковник Дроздовский был произведен в генерал-майоры, а 25 ноября устанавливалась медаль в память похода «Яссы – Дон». Не кажутся ли такие почести подозрительными и не значит ли это, что уже тогда в Штабе Главнокомандующего знали об обреченности Дроздовского? Впрочем, сам Деникин, вряд ли понимавший всю глубину конфликта Романовского и Дроздовского, лично посетил Михаила Гордеевича, сообщил о производстве и потом вспоминал, «как томился он своим вынужденным покоем, как весь он входил в интересы армии и своей дивизии и рвался к ней».

Едва осмотрев раненого, Напалков принял решение о срочной ампутации, так как это была единственная зыбкая возможность спасти ему жизнь. Одновременно он успокаивал Дроздовского, еще думавшего о сражениях, что протез не будет помехой даже при верховой езде. На операции, по настоянию Михаила Гордеевича, присутствовали его офицеры; после нее, казалось, наступило облегчение, и командир отправил подчиненных в полк, обещая скоро вернуться. «А 1 января 1919 г., в самую стужу, в сивый день с ледяным ветром, в полк пришла телеграмма, что генерал Дроздовский скончался. Он к нам не вернулся», – пишет убитый горем соратник. Точная причина смерти так и осталась невыясненной: называли и гангрену, и заражение крови, и тиф… и отравление.

По злой иронии судьбы, Дроздовскому пришлось умирать «дважды». Есть сведения, будто утром, за считанные часы до смерти, в ростовских газетах непонятным образом появился его некролог. Впрочем, находившийся в тяжелом состоянии генерал, скорее всего, не успел узнать об этом.

* * *

Для увековечения памяти Дроздовского его имя было присвоено 2-му Офицерскому стрелковому полку (развернутому впоследствии в трехполковую дивизию), 2-му Офицерскому конному полку, артиллерийской бригаде и бронепоезду. Деникин

писал в прощальном приказе: «Высокое бескорыстие, преданность идее, полное презрение к опасности по отношению к себе соединились в нем с сердечной заботой о подчиненных, жизнь которых он всегда ставил выше своей…»

Однако не обошлось и без еще одной «злой шутки»: иначе Дроздовцы не могли квалифицировать назначение начальником 3-й дивизии того самого генерала Асташова, который участвовал в добровольческом движении на Румынском фронте, отказался от похода и распылил свою бригаду, прибыв затем в Добровольческую Армию частным порядком. «Но он прокомандовал дивизией всего три дня: вокруг него образовалась такая густая атмосфера, что ставка принуждена была срочно убрать его подальше от дивизии», – свидетельствует участник событий. Неприветливо был встречен и генерал В. З. Май-Маевский, не являвшийся «походником». В конце концов признание получил только «свой» генерал Витковский.

Возвращаясь к роли Романовского в происходившем, заметим, что в дивизии «всегда могли быть более или менее в курсе дел и намерений ставки», поскольку в монархическую организацию покойного Дроздовского входил председатель Особого Совещания при Деникине генерал А. М. Драгомиров, а в Штабе Армии работали Дроздовцы капитаны В. С. Дрон и П. В. Колтышев. Как бы то ни было, загадочно звучат слова ближайшего помощника Дроздовского, что вражда двух генералов окончилась «и так же трагически для Романовского», совсем неожиданно освещая и гибель последнего в 1920 году…

* * *

Безграничное отчаяние Дроздовцев постепенно сменилось благоговейным отношением к памяти командира и всему, с ним связанному, что не могло обойтись без сильнейшей идеализации. Вот лишь два характерных примера. В октябре 1919 года в занятом белыми Чернигове в богадельне жила неизлечимо больная сестра Дроздовского Юлия Гордеевна; благодаря трогательной заботе Дроздовцев ее эвакуировали на юг в сопровождении полковой сестры милосердия. А когда ранней весной 1920-го Добровольческая Армия откатывалась к Новороссийску, специальный отряд офицеров-«походников» ворвался в Екатеринодар, где был похоронен Михаил Гордеевич, и отбил дорогой им прах, спасая от неизбежного большевицкого надругательства.

Вторично Дроздовский был тайно погребен в Севастополе,

где некогда сражался его отец; о месте захоронения знали всего шесть человек, но их попытки найти могилу во время Второй мировой войны успехом не увенчались. На русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем установлен памятный знак на символической могиле генерала. Дроздовскому, в отличие от многих Белых военачальников, выпала судьба навсегда остаться в русской, а не в чужой земле.

* * *

Кем же был генерал Дроздовский в жизни и кем останется он в истории? Конечно, не «кровавым палачом народа», каким долго изображали его противники. Но и не «Архистратигом Михаилом», и не «идеальным рыцарем без страха и упрека», который запечатлен в летописях и легендах Белого движения. Прежде всего он был земным человеком, безусловно выдающимся, наделенным сильным цельным характером и охваченным сильными страстями.

Несомненны организаторский талант и дипломатические задатки этого человека. Мало кто мог сравниться с ним как командир и воспитатель; под неброской внешностью скрывались неординарные задатки вождя. Упорство, огромная трудоспособность и искреннее материальное бескорыстие неотъемлемы от него так же, как и жесткая требовательность, непримиримая беспощадность к врагам и резкая вспыльчивость. Завышенная самооценка и основанная на ней амбициозность не раз сталкивались с подобными качествами других генералов, не лучшим образом сказываясь в целом на судьбах Белого Дела, которому Дроздовский посвятил себя без остатка.

Талантливый офицер Генерального Штаба и хороший войсковой командир, во время Гражданской войны он нередко действовал неудачно, что, однако, было связано и с нежеланием покупать победу «большой кровью», и с планированием операций в вышестоящем штабе, – хотя и отказ от «правильного» маневрирования в угоду «добровольческой» тактике также не принес заметных результатов. Игнорирование деникинских приказов можно объяснить и творческим подходом к решению боевых задач. В общем, Дроздовский, даже не обладая гениальными военными дарованиями, ничем не уступал другим, более знаменитым Белым генералам. Личное же мужество позволяет провести параллель с его кумиром – Корниловым.

Последовательный монархизм Дроздовского, пусть и не имевший в то время реальных перспектив, показывает

устойчивость убеждений, которые он просто не мог произвольно менять в зависимости от конъюнктуры. Думается, монархия виделась ему в роли средства – сильной единоличной власти – для возрождения Великой, Единой, Неделимой России, то есть для достижения национально-патриотической цели. Однако острая постановка политических вопросов в пику «непредрешенческой» позиции большинства Добровольческой Армии, привлекая единомышленников, в то же время угрожала расколом. Гораздо ценнее представляются старания Дроздовского заслужить симпатии политически пассивного большинства населения восстановлением элементарного административного порядка на подконтрольных территориях.

Путь Михаила Гордеевича Дроздовского в Белом движении – типичный пример судьбы выдающейся личности в эпоху «великих потрясений». И эпитафией ему могут служить восторженные слова соратника:

«В огне спадают все слова, мишура, декорации. В огне остается истинный человек, в мужественной силе его веры и правды. В огне остается последняя и вечная истина, какая только есть на свете, Божественная истина о человеческом духе, попирающем саму смерть.

Таким истинным человеком был Дроздовский…»

Р. М. Абинякин

Генерал-лейтенант С. Л. Марков [61]

«Рыцарь, герой, патриот, с горячим сердцем и мятежной душой, он не жил, а горел любовью к Родине и бранным подвигам», – эти слова из приказа Командующего Добровольческой Армией генерала А. И. Деникина от 13 июня 1918 года о смерти генерал-лейтенанта Сергея Леонидовича Маркова как нельзя лучше характеризуют сподвижника Деникина и кумира всей Армии. Человек, в котором редкостно сочетались качества талантливого офицера Генерального Штаба, профессора

Военной Академии, с храбростью блестящего строевого командира, вобрал в себя весь пафос Добровольчества, заключавшегося в одном девизе: «За Родину!» Служение Родине Маркова в рядах Добровольческой Армии продолжалось недолго, он скончался от смертельной раны, не дожив до своего сорокалетия. Но имя его осталось в названиях Белых частей, получивших шефство Маркова, в воспоминаниях о нем и его подвигах соратников-офицеров, оказавшихся в эмиграции.

* * *

Биография С. Л. Маркова, потомственного дворянина и потомственного военного, во многом типична для русского офицера. Он родился 7 июля 1878 года в Москве в офицерской семье. Воспитанник 1-го Московского Императрицы Екатерины II кадетского корпуса, затем Константиновского артиллерийского училища, Марков был в 1898 году выпущен подпоручиком Лейб-Гвардии во 2-ю артиллерийскую бригаду. В 1901-м он поступает в Императорскую Николаевскую Академию Генерального Штаба, которую оканчивает в 1904-м по первому разряду.

С началом Русско-Японской войны Марков, как и большинство русских офицеров, стремился на фронт. Его прошение было удовлетворено, и молодой офицер отправился в Маньчжурию. По пути в Мукден, 12 июля 1904 года, 26-летний Марков пишет полное тревоги и заботы письмо своей матери, в котором есть такие строки: «Я смерти не боюсь, больше она мне любопытна, как нечто новое, неизведанное, и умереть за своим родным кровным делом, разве это не счастье, не радость?!» Уже подводя некоторый итог своей жизни, Марков сознает, что он никогда не сможет довольствоваться малым, и все его способности, энергия и силы должны пойти на одно дело, «на мою службу».

Во 2-й Маньчжурской армии штабс-капитан Марков сначала служил в Управлении начальника военных сообщений, а 7 августа 1904 года был откомандирован в распоряжение генерал-квартирмейстера, в Военно-топографическое отделение, находившееся в то время в городе Ляояне. С 28 июля по 8 сентября 1904 года он выполнил ряд важных заданий по рекогносцировке дорог: вначале из Ляояна на Мукден, затем между Мукденом и Сыпингайскими высотами; наконец, в качестве руководителя партии офицеров Марков произвел маршрутную съемку путей для всех корпусов Маньчжурской армии на случай отхода от Мукдена на Телин и далее на север. За

это время он несколько раз был под огнем противника. «За отличия в разновременных делах против японцев» Марков был награжден орденом Святой Анны IV-й степени с надписью «За храбрость». В сентябре 1904 года его назначают во вновь сформированный Штаб Восточного отряда, и 6 октября, исполняя обязанности начальника Штаба, Марков принял участие в усиленной рекогносцировке.

Там же, в Маньчжурии, молодого офицера постигло первое большое горе. 3 октября 1904 года в бою был тяжело ранен и через десять дней, 13 октября, скончался подпоручик 86-го пехотного Вильманстрандского полка Леонид Леонидович Марков, родной брат С. Л. Маркова. Сергея не оставляют мысли о матери. Он с болью думает, что будет с ней в случае смерти и его, второго сына: «Мне жаль тебя и только тебя, моя родная, бесценная Мама, кто о тебе позаботится, кто тебя успокоит.

Порою я был груб, порой, быть может, прямо-таки жесток, но видит Небо, что всегда ты была для меня все настоящее, все прошлое, все будущее».

Строки о матери мы находим и в «Страничках из дневника» С. Л. Маркова, рассказывающих о всенощной в канун Рождества в 1-м Восточно-Сибирском стрелковом Его Величества полку. Марков молился в церкви, в которую был превращен солдатский барак-столовая. С гаоляновыми стенами без окон, со скромным иконостасом, наполненная серыми солдатскими фигурами со свечами в руках, она казалась ему «какой-то пещерой первых веков христианства». Одна горячая молитва, молитва без слов, но понятная для всех… Марков перенесся думами в Петербург и представил свою мать в церкви: «На коленях сгорбленная, одинокая, до боли знакомая фигура. Черное траурное платье, мокрое от слез лицо, заглушенные рыдания – вот молитва, вот слезы войны.

Родная, не плачь, брат нашел славную долю, верь в то, что я вернусь, верь в Того, Кто сохранит тебе последнего сына».

Это Рождество Марков встречал на позициях 1-го Сибирского армейского корпуса, в Штаб которого был переведен 6 декабря 1904 года после расформирования Восточного отряда (через некоторое время он стал исполняющим обязанности старшего адъютанта Штаба). Человек кипучей энергии и недюжинных способностей, Марков и на этой должности сумел проявить себя. Вместе с войсками корпуса он участвовал во всех боях и походах с 7 декабря 1904 по 2 октября 1905 года – до самого конца войны. Бои под Сандепу 12–15 января 1905 года, марш-маневр в феврале с правого фланга всех армий к левому и обратно к городу Мукдену, Мукденские бои – вехи его фронтовой биографии.

Доблесть Сергея Леонидовича за период с 22 сентября 1904 по 25 февраля 1905 года была отмечена пятью орденами: уже упомянутым Святой Анны IV-й степени, Святого Станислава III-й степени с мечами и бантом, Святой Анны III-й степени с мечами и бантом, Святого Станислава II-й степени с мечами, Святого Владимира IV-й степени с мечами и бантом.

После окончания войны Марков не раз мысленно возвращался к ней. Вышедшая в 1911 году брошюра «Еще раз о Сандепу», во многом сохранившая дневниковые записи Сергея Леонидовича, дает представления о его переживаниях в этот период. Источниками для этой работы, пишет он, послужили: «1) мои личные наблюдения как участника боя, находившегося все время в штабе 1-го Сибирского корпуса; 2) веденный тогда же мною дневник и, наконец, 3) копии с реляций, донесений, диспозиций и инструкций». Марков описал в этой книге четыре дня боев 1-го Сибирского корпуса в боях под Хейгоутаем 11–15 января 1905 года. Главной причиной неудачи он считал пассивное руководство действиями русских армий со стороны Главнокомандующего генерала А. Н. Куропаткина, который не только не решался ввести полностью в дело 1-ю и 3-ю армию, но и в самый ответственный момент остановил наступление 2-й армии.

Оценивая в целом итоги войны для России, Сергей Леонидович писал: «Было бы ошибочно утверждать, что мы вышли на войну с отсталыми теоретическими взглядами, невеждами в военном деле. Все крики о полной непригодности наших уставов, проповедь новой тактики, новых боевых форм – все это лишь крайние мнения, с которыми нужно считаться, но считаться вдумчиво и осторожно… Трагедия заключалась не в ложной отсталой теории, а в поверхностном знакомстве большинства строевых офицеров с основными требованиями уставов и в каком-то гипнозе старших начальников. Иногда получались свыше приказания, шедшие в разрез всей обстановки, всему, чему учили, во что верили, что требовал здравый смысл и положительные знания… При современных огромных армиях и еще бóльших обозах, при всей неподвижности, неповоротливости столкнувшихся масс, кабинетные тонкости стратегии должны отойти в область предания. Главнокомандующему в будущих наступательных боях из всей массы предлагаемых планов надо уметь выбрать самый простой и иметь гражданское мужество довести его до конца. Пусть при выборе плана явится ошибка, и в жизнь толкнут сложную, запутанную идею – это только отдалит успех, увеличит потери, но не лишит победы. Страшны полумеры, полурешения, гибелен страх Главнокомандующего поставить на

карту всю свою армию».

В бумагах Сергея Леонидовича сохранились листовки с протестами против заключения мира с Японией. Подобные взгляды разделяла значительная часть русского офицерского корпуса. Войска сохраняли боеспособность и были готовы вести боевые действия дальше. Тогдашнее настроение в армии хорошо выразил впоследствии генерал Деникин: «Думаю, что не ошибусь, если скажу, что в преобладающей массе офицерства перспектива возвращения к родным пенатам – для многих после двух лет войны – была сильно омрачена горечью от тяжелой, безрезультатной и в сознании всех н е з а к о н ч е н н о й[62] кампании… Россия отнюдь не была побеждена. Армия могла бороться дальше. Но… Петербург “устал” от войны более, чем армия».

* * *

4 июня 1905 года Высочайшим приказом капитан Марков был переведен в Генеральный Штаб с назначением старшим адъютантом Штаба 1-го Сибирского армейского корпуса, а 20 октября его перевели в распоряжение начальника Штаба Варшавского военного округа. Откомандовав ротой Лейб-Гвардии в Финляндском полку, в январе 1907 года Сергей Леонидович назначается старшим адъютантом Штаба 16-й пехотной дивизии, а с июня 1907 по январь 1908 года служит помощником старшего адъютанта Штаба Варшавского военного округа. Затем следует прикомандирование к Главному управлению Генерального Штаба и назначение «исправляющим должность помощника делопроизводителя». В декабре 1909 года Марков был утвержден в этой должности и произведен в подполковники. Удачной военной карьере сопутствуют и счастливые события в личной жизни Сергея Леонидовича. Он был женат на княжне Марианне Павловне Путятиной; в 1907 году у них рождается сын Леонид, а в 1909-м – дочь Марианна.

Период жизни Сергея Леонидовича между двумя войнами – Русско-Японской и Первой мировой – является наименее освещенным. Скупые строки краткой биографии Маркова, взятые из его послужного списка, сообщают об окончании службы в 1-м Сибирском корпусе, штабной работе в Варшавском округе и преподавательской – в Николаевской Академии Генерального Штаба и военных училищах. Между тем эти годы были наиболее плодотворными для Сергея Леонидовича. Несколько учебников для военно-учебных заведений, статьи в военной печати, военно-

преподавательская деятельность – вот чем была заполнена его жизнь в этот период.

В 1908–1909 годах Сергей Леонидович преподавал в Павловском военном и Михайловском артиллерийском училищах. В сохранившихся воспоминаниях Марков предстает очень строгим и требовательным наставником юнкеров, увлеченным своим предметом. «Юнкера Павловского военного училища, готовящиеся стать офицерами, естественно, обращали большее внимание на такие предметы, как тактика, фортификация, артиллерия, чем на военную историю и географию, особенно на последнюю, так как она не находила в их представлении ясного практического применения, да и была, в сущности, малоинтересна. Поэтому военная география проходилась юнкерами формально, лишь для получения хорошей отметки…

Но преподавать… стал подполковник Марков, не терпящий формального отношения к делу, внесший в преподавание живой дух, связавший все, что давалось предметом военной географии, с реальной жизнью, с войной, со всеми деталями, с которыми столкнется офицер на войне. Начав с того, что он привлек внимание юнкеров к себе – видом, манерами, живостью и энергией, красивой речью, ее образностью – постепенно, но и быстро он увлек юнкеров и самим предметом. Все – и местность, и жизненные ресурсы, и само население районов возможных боевых действий, все принимало важное значение.

Подполковник Марков коротко, выпукло и ясно рисовал жизненные картинки, в которых участвовали леса, реки, болота, горы, ресурсы районов, само население, благоприятно или неблагоприятно относящееся к армии. “Вообразите” или “фантазируйте”, – говорил он юнкерам и, нарисовав картину, спрашивал: “Как вы поступаете?” Для пояснения он рассказывал примеры из военной истории, касающиеся действий мелких воинских частей, т. е. таких, начальниками каких могут быть молодые офицеры. Он говорил, что примеры, рассказываемые им, и те примеры, которые юнкера, и затем офицеры, прочтут в книгах (“Читать всегда нужно. Много читать!”), и даже их богатая фантазия не покроют всех возможных на войне случаев; часто случаи могут быть совершенно не предусмотренные, но знания и “реальная фантазия” облегчат быстрое решение военных задач.

На образных примерах подполковник Марков развивал у юнкеров между прочим два важных чувства: наблюдательность и соображение…

Результат: “фантазия” юнкеров стала развиваться сильней, а интерес ко всей географии возрос настолько, что этот предмет

занял в их представлении первостепенной важности положение среди остальных предметов.

Во время занятий подполковник Марков задавал неожиданные вопросы, обращаясь то к одному, то к другому юнкеру. Беда, если юнкер не дает ответа, но хуже, если он что-то ответит, лишь бы ответить. Подполковник Марков не стеснялся и отчитывал круто. Особенно страдными часами для юнкеров были репетиции (род промежуточного экзамена. – *Н. К.*), которые они должны были сдавать. Подполковник Марков не ценил формального знания предмета, а глубину его осознания и усвоения. Он признавал продуманные, серьезные ответы. Иные ответы вызывали с его стороны резкую отсылку юнкеров “на свое место” и постановку неудовлетворительной отметки. Особенно трепетали перед его добавочными вопросами. Одному юнкеру подполковник Марков задал такой вопрос:

– Скажите, о каком событии теперь много пишут газеты?

Вопрос ошеломил всех, тем более потому, что юнкерам было не до чтения газет. Однако некоторые, хотя и с неуверенностью, сказали о разгоравшихся событиях на Балканах. Подполковник Марков тут же объяснил свой вопрос: юнкерам и офицерам необходимо всегда быть в курсе всех важных событий, особенно могущих вызвать войну; ничто не должно смутить офицера, привести его в растерянность, т. к. в любой момент и в любом положении офицер должен быть готов к выполнению своего долга, сохраняя полное спокойствие духа. Зная, где и какие произойдут события, он подготовится к ним морально не только сам и подготовит к ним своих подчиненных, но и возьмется за учебник военной географии, тактики и другие книги.

В Михайловском артиллерийском училище подполковник Марков преподавал историю Русской Армии. Для артиллеристов этот предмет не казался особенно важным, однако и тут он привлек к преподаваемому им предмету большое внимание и интерес».

Существует и другое, достаточно курьезное воспоминание об этом периоде жизни Сергея Леонидовича: «Павловское военное училище. Преподаватель тактики Генерального штаба капитан Марков. Идут репетиции в одном из классов. Заместитель инспектора классов Генерального штаба подполковник А. А. Колчинский получает по окончании испытаний экзаменационный лист с выставленными отметками. Собираясь занести их в официальный журнал, он неожиданно обращает внимание на то, что самые высокие отметки – единицы, остальные – нули (по двенадцатибалльной системе. – *Н. К.*). Не желая взять на себя ответственность занесения этих странных результатов,

подполковник Колчинский решает дождаться возвращения инспектора и по приезде последнего показывает ему поданный капитаном Марковым экзаменационный лист. Точно так же пораженный отметками, инспектор класса просит подполковника Колчинского переговорить с капитаном Марковым.

– А что же делать, если они ни черта не знают?! – возражает капитан Марков.

Однако это возражение вызывает сомнение у подполковника Колчинского. В дальнейшем разговоре выясняется, что капитан Марков провел экзамен по программе Генерального штаба, предусмотренной для военных училищ. Это обстоятельство приводит к повторению экзаменов, в результате которых капитан Марков подает лист с экзаменационными отметками. Теперь самый низкий балл – 11, остальные – 12. На новое объяснение следует ответ:

– Этот курс они прекрасно знают, и, кроме того, раз вы этого хотели…

Маленькая забавная подробность. После первых отмененных экзаменов юнкера Павловского военного училища заказали по телефону гроб, который и был доставлен на квартиру капитана Маркова. Реакция капитана Маркова мне неизвестна».

Читая тактику, военную географию и русскую военную историю, Марков дополнял свою преподавательскую деятельность подготовкой учебных курсов. Первое издание учебника военной географии, написанного в соавторстве с Генерального Штаба полковником Г. Г. Гиссером, – «Военная география России. Исследование отдельных театров военных действий» – вышло в 1909 году. В 1911-м учебник выдержал новое издание и был доработан авторами в соответствии с изменениями в программе Главного управления военно-учебных заведений. В учебнике основное внимание уделялось будущим фронтам Великой войны, где впоследствии придется воевать и Маркову. Интересна характеристика театров военных действий, показывающая проницательность авторов: «…При изучении Кавказа было бы ненормально представить нашу борьбу на этом театре оборонительной. Как вся история войн на кавказской окраине, так и оценка сил наших соседей (Турции и Персии), все говорит за необходимость наступательного образа действий, и только с этой точки зрения и следует изучать Кавказский театр… Несколько иначе рисуется обстановка на западе России: быстрота мобилизации Германии и Австро-Венгрии, их численное превосходство, серьезная фортификационная и железнодорожная подготовка пограничной полосы, все это, вместе с запоздалостью боевой готовности русских армий, говорит за необходимость

нашей обороны, хотя бы в 1-й период кампании… Конечно, стратегические соображения, выросшие на современной оценке политической обстановки, сил и средств своей страны и противников, не могут и не должны оставаться неизменными, но следует твердо усвоить, что, приступая к исследованию любого театра, надо прежде всего сказать, с какой целью это делается и какой образ действий в данное время в изучаемом районе наиболее вероятен и возможен. Пройдут года, и в жизни государств много изменится, придется, быть может, тот же Передовой театр изучать как район для сосредоточения русских армий, готовых наступать к Берлину или Вене, но приведенное выше основное положение остается неизменным».

Из-под пера Маркова в 1911 году вышел также учебник «Военная география иностранных государств», подготовленный также совместно с полковником Гиссером. Уже в ходе войны, в 1915 году, вышел еще один учебник, в создании которого принимал участие Сергей Леонидович, – «География внеевропейских стран».

Но военная география не была единственной областью научной деятельности Маркова. Так, он издал «Записки по истории Русской армии. 1856–1891», в которых дал анализ проводившихся в России в XIX веке военных реформ. Немало места было отведено и Русско-Турецкой войне 1877–1878 годов. При этом Марков затрагивал не только узко-военную тематику, но и политическую обстановку, а также причины, вызвавшие войну. Особое внимание он обращал на «самобытные национальные черты нашей армии и русского солдата, гибкие формы боевого порядка, развитие духа».

Продолжая тему Русско-Турецкой войны, Сергей Леонидович составил книгу «Приказы Скобелева в 1877–1878 гг.», коснувшись судьбы легендарного «Белого Генерала». В продолжение темы в 1912 году, по случаю открытия памятника генералу М. Д. Скобелеву в Москве, Марков написал очерк памяти героя. Обращение к личности генерала Скобелева, по-видимому, не было случайным для Сергея Леонидовича. Впоследствии, в ходе Мировой и Гражданской войн, Марков проявил исключительные боевые качества, сильно напоминая своим поведением на фронте «Белого Генерала» Скобелева.

Не оставлял Марков и тему другой войны – Русско-Японской, тему горькую для него и всего русского офицерства. А. И. Деникин, характеризуя состояние армии после этой войны, писал: «…Маньчжурская неудача послужила для большинства моральным толчком к пробуждению, в особенности среди молодежи. Никогда еще, вероятно, военная мысль не работала

так интенсивно, как в годы после японской войны. О необходимости реорганизации армии говорили, писали, кричали. Усилилась потребность в самообразовании, значительно возрос интерес к военной печати». Среди этих «писавших» и «кричавших» был и Сергей Леонидович. Наряду с уже упоминавшейся книгой «Еще раз о Сандепу» (1911), Марков печатает в военной периодике ряд обративших на себя внимание статей, продолжая анализ причин поражения России. Еще в 1906 году Генеральным Штабом была выпущена книга «Русско-Японская война в сообщениях Академии Генерального Штаба» под редакцией А. И. Баиова. Среди работ таких уже известных авторов, как полковники Н. А. Данилов, Н. П. Вадбольский, В. Ф. Новицкий, А. Ф. Матковский, С. К. Добророльский, есть и статья Маркова, тогда еще капитана, о действиях Восточного отряда генерала Штакельберга на реке Шахэ. В предисловии редактор особо отмечает статью молодого офицера: «Кроме сообщений, сделанных в Академии, в 1-ю часть сборника, в видах полноты и цельности описания событий войны, включена также и статья Генерального штаба капитана Маркова… Академия искренне благодарна капитану Маркову за доставленную им возможность сделать настоящий сборник более полным и полезным…»

С одним из авторов «Сообщений» – генералом Незнамовым – Маркова связывали не только профессиональные, но и дружеские отношения. Об их встречах сохранились воспоминания племянника генерала Незнамова, участника Белой борьбы в рядах Марковцев, эмигрировавшего из России в 1920 году: «Однажды у генерала Незнамова его племянник встретил и познакомился с молодым подполковником Генерального штаба Марковым…Этот офицер произвел сразу же огромное впечатление не только своим внешним обликом, энергией, но и живым, глубоким и всеобъемлющим умом и даром речи. Д. Незнамов почувствовал в подполковнике Маркове исключительного человека и незаурядного офицера…

Беседы генерала Незнамова и подполковника Маркова касались, главным образом, военных тем, иногда отвлекались на вопросы высшей государственной политики. Но все темы разговоров всегда носили характер стремления к нахождению лучших положительных решений и никогда не соскальзывали на путь критики. Это были разговоры двух умных и рассудительных людей…

Д. Незнамов слушал с огромным вниманием и глубокими переживаниями. Перед ним ярко вставали картины и образы выполнения гражданского долга перед Родиной, – ее народ, облаченный в солдатскую форму.

Напомнили ему старорусское: “Ляжем костьми за Русь!” Но тут же и слова генерала Гурко: “Вы говорите – ляжем костьми? Но мне нужно, чтобы пали костьми не вы, а турки!” Необходимость достижения [успеха] “малой кровью”, которая может быть только при умелом водительстве войск их начальниками.

Требования, предъявляемые к офицерам, качества, которыми они должны были обладать, оказались чрезвычайно огромными и тяжелыми. Д. Незнамов стал понимать и ценить Офицера.

Говорилось о состоянии военной науки в России. Тут было не все благополучно, хотя урок русско-японской войны и не прошел даром. Нужно непрерывное развитие творческой мысли: не только учет опыта на победах и поражениях, но и проникновение в будущее, создание новых методов и способов в ведении боев и сражений…

Для Д. Незнамова было над чем серьезно задуматься, и в размышлениях о слышанных разговорах он приходил к заключению, что ведение войны не есть чисто техническое дело, но [оно] и чрезвычайно глубоко связано с психологией бойцов и их развитием, а среди них и главным образом – начальников, офицеров. Он стал понимать, что военное дело – не просто ремесло, а искусство.

Генерал Незнамов говорил: “Я не поставлю удовлетворительной отметки за пассивное решение задачи”. Подполковник Марков утверждал, что при пассивном выполнении задач и даже при полумерах невозможен решительный успех: чаще это приводит к неуспеху и лишнему пролитию крови. Воинские качества: дисциплинированность, мужество, храбрость и другие – сами по себе для начальников не являются абсолютно ценными качествами; дисциплина должна быть сопряжена с разумностью, мужество – с силой воли и силой влияния на подчиненных, храбрость должна быть активной и должна быть связана с инициативой…

Об активной храбрости, основанной на проявлениях инициативы, разговор был особенно серьезен. Высказывалось убеждение, что она легко может перейти в партизанство, даже помимо воли и сознания начальника… Ставилась дилемма: активная храбрость-партизанство или пассивное регулярство. Подполковник Марков высказывался горячо за предпочтение активной храбрости, однако подчиненной общей задаче. “Чаще активное партизанство предпочтительней пассивного регулярства”, – говорил он. Он утверждал, что регулярство очень часто создает и покрывает безответственность начальников. Приводились десятки примеров, когда “пассивное регулярство” приводило в лучшем случае к сохранению положения, а

“активное партизанство” – к большим успехам».

Добавим, что правильность своих теоретических представлений Маркову пришлось в скором времени проверять на практике, на полях сражений Великой и Гражданской войн.

* * *

Сергею Леонидовичу не удалось в полной мере проявить свой талант военного ученого и преподавателя. Началась Первая мировая война, и вместе с новыми испытаниями для России – открылась новая страница его жизни. В первые месяцы войны Марков отправился в Действующую Армию, не предполагая, что ему уже никогда не суждено будет вернуться к полноценной преподавательской деятельности и что последние четыре года своей жизни он проведет почти целиком на фронтах двух войн.

Уже 22 сентября 1914 года Марков был назначен начальником отделения Управления генерал-квартирмейстера Штаба Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, ровно через месяц – начальником Штаба 19-й пехотной дивизии IX-й армии. В ее составе с 28 по 30 октября он участвовал в блокаде крепости Перемышль, а с 30 октября по 26 ноября – в боях на Карпатах в районе Дуклинских проходов. «За отличия в боях в указанный период полковник Марков представлен мною к награждению мечами к ордену Святой Анны 2-й степени», – написал в дополнении к послужному списку Маркова начальник дивизии генерал Г. Ф. Янушевский.

7 декабря 1914 года Сергей Леонидович принял должность начальника Штаба 4-й стрелковой бригады генерала Антона Ивановича Деникина, которая носила название «Железной» и позднее была развернута в дивизию. О назначении Маркова Антон Иванович писал впоследствии: «Приехал он к нам в бригаду никому не известный и нежданный: я просил штаб армии о назначении другого. Приехал и с места заявил, что только что перенес небольшую операцию, пока нездоров, ездить верхом не может и поэтому на позицию не поедет. Я поморщился, штабные переглянулись. К нашей “запорожской сечи”, очевидно, не подойдет – “профессор”…

Выехал я со штабом к стрелкам, которые вели горячий бой впереди города Фриштана. Сближение с противником большое, сильный огонь. Вдруг нас покрыло очередью шрапнели.

Что такое? К цепи совершенно открыто подъезжает в огромной колымаге, запряженной парой лошадей, Марков – веселый, задорно смеющийся:

– Скучно стало дома. Приехал посмотреть, что тут делается…

С этого дня лед растаял, и Марков занял настоящее место в семье “железной” дивизии».

Марков как начальник Штаба поражал неутомимой энергией, живостью, быстротой ориентировки и смелостью планов. 15 января 1915 года Высочайшим приказом ему был пожалован орден Святого Владимира III-й степени, 5 февраля – мечи к имеющемуся ордену Святой Анны II-й степени.

В феврале 1915 года Марков вступил во временное командование 13-м стрелковым Генерал-Фельдмаршала Великого Князя Николая Николаевича полком. Деникин писал о времени принятия Марковым полка: «Вспоминаю тяжелое для бригады время – февраль 1915 г. в Карпатах… Бригада, выдвинутая далеко вперед, полукольцом окружена командующими высотами противника, с которых ведут огонь даже по одиночным людям. Положение невыносимое, тяжкие потери, нет никаких выгод в оставлении для нас на этих позициях, но… соседняя 14-я пехотная дивизия доносит в высший штаб: “кровь стынет в жилах, когда подумаешь, что мы оставим позицию и впоследствии придется брать вновь те высоты, которые стоили нам потоков крови…” И я остаюсь. Положение, однако, настолько серьезное, что требует большой близости к войскам; полевой штаб переношу на позицию – в деревню Творильню…В такую трудную минуту тяжело ранен ружейной пулей командир 13-го стрелкового полка, полковник Гамбурцев, входя на крыльцо штабного дома. Все штабные офицеры выбиты, некому заменить. Я хожу мрачный из угла в угол маленькой хаты. Поднялся Марков.

– Ваше Превосходительство, дайте мне 13-й полк.

– Голубчик, пожалуйста, очень рад!

У меня у самого мелькала эта мысль. Но стеснялся предложить Маркову, чтобы он не подумал, что я хочу устранить его от штаба. С тех пор со своим славным полком Марков шел от одной победы к другой…Он не жил, а горел в сплошном порыве».

За бой под Творильней в июле 1915 года Марков получил орден Святого Георгия IV-й степени, а в августе этого же года последовало награждение доблестного офицера Георгиевским Оружием. Он сам водил в атаки полк, воодушевляя солдат своей исключительной смелостью. Солдаты подчас боялись горячего командира (Марков был «страшенным ругателем»), но в то же время обожали за храбрость, прямоту и справедливость. Марков никогда не нуждался в повторении приказа об атаке, наступал и преследовал противника с удалью, с увлечением, не раз, как под Журавином и Чарторыйском, теряя связь со своей дивизией, забираясь в тыл противника, прославив себя и свой 13-й

стрелковый полк.

Но по горькой иронии Ставка девять месяцев не утверждала Сергея Леонидовича в должности. О назначении командиром полка было объявлено Высочайшим приказом только 22 сентября 1915 года. Причиной была «мертвая линия» старшинства – в кандидатских списках на принятие командования полком Марков стоял во втором десятке.

Генерал Деникин писал в рапорте в Штаб VIII-й армии с просьбой утвердить своего подчиненного в должности командира полка еще 15 мая: «Доблестный штаб-офицер этот слился, сроднился с полком и, проявляя большое личное мужество и искусство, неизменно ведет полк к славе.

Оборона Творильни, тяжкие бои за овладение высотой 771 (март, район Журавина), лихое преследование австрийцев до Бережков (там же), двукратное овладение высотой 783 (март – апрель, район Яблоково) и, наконец, бои с 6 мая в районе Тамановище составляют такой актив полка и его командира, с которым нельзя не считаться».

Переживания и настроение Маркова в эти тяжелые месяцы войны хорошо передает его личное ходатайство о своем утверждении в должности на имя начальника Штаба Верховного Главнокомандующего генерала Н. Н. Янушкевича, которое Сергей Леонидович написал в июне 1915 года: «…Хорош ли я или плох как командир, судить, конечно, не мне, но месяцы войны, бои, в которых я водил полк вперед, еще более тяжелые бои, когда обстоятельства заставляли нас отходить, сделали больше, чем годы мирного времени – я и полк слились в одно целое, мне дорог каждый стрелок, каждый юноша-прапорщик…Я не считаю себя нравственно вправе уходить из полка опять в штаб дивизии. Особенно это трудно сделать теперь, когда в полку до 40 человек некомплекта офицеров, когда наличные офицеры почти исключительно прапорщики, готовые умереть, но требующие руководства на каждом шагу, когда чинов от старых кадровых стрелков осталось в полку десятка два-три.

Ввиду изложенного, я прошу как милости и высшей награды утверждения меня командиром славного 13-го стрелкового имени Августейшего отца Верховного Главнокомандующего [полка]. Пусть это утверждение, если[63] Промыслу угодно будет, [станет] моим смертным приговором, но я чувствую всем своим существованием, что сделать так надо для пользы полка, а значит, и общего дела…

Трудно вообще писать о себе, еще труднее что-либо просить для себя. Мне будет больно, если Вы посмотрите на это письмо, как на способ обогнать товарищей. Бог с ними, никого я не хочу

обскакивать и обгонять, в эти дни не до карьеры. Здесь постоянно ходишь по краю могилы и твердо знаешь, что не имеешь легкой карьеры. В последние бои я давно приговорил себя к мысли умереть в рядах полка, которым руковожу уже почти 4 месяца войны, честь и слава стрелкам, близким моему сердцу».

Марков действительно никогда не берег себя, всегда действовал дерзко и неожиданно. Во время Луцкой операции в начале сентября 1915 года он, командуя левой колонной дивизии, прорвал фронт австрийцев и утратил связь с остальными частями. Вспоминая этот момент, Деникин писал, что уже потерял надежду вновь увидеть Маркова: «Австрийцы замкнули линию. Целый день не было никаких известий. Наступил вечер. Встревоженный участью 13-го полка, я выехал к высокому обрыву, наблюдая цепи противника и безмолвную даль. Вдруг, издалека, из густого леса, в глубоком тылу австрийцев раздались бравурные звуки полкового марша 13-го стрелкового полка. Отлегло от сердца.

– В такую кашу попал, – говорил потом Марков, – что сам черт не разберет – где мои стрелки, где австрийцы; а тут еще ночь подходит. Решил подбодрить и собрать стрелков музыкой.

Колонна его разбила тогда противника, взяла тысячи две пленных и орудия и гнала австрийцев, в беспорядке бегущих к Луцку».

В октябре 4-я стрелковая дивизия провела Чарторыйскую операцию, прорвав фронт противника на протяжении восемнадцати верст и на двадцать с лишним верст вглубь. Немцы бросили против дивизии резервы со всех сторон, а у командования VIII-й армии не было резервов, чтобы использовать прорыв Деникина, и его стрелкам приходилось очень тяжко. Марков, бывший в авангарде, докладывал по телефону: «Очень оригинальное положение. Веду бой на все четыре стороны света. Так трудно, что даже весело стало».

«Не только Маркову, но и всей дивизии в течение двух суток (29 и 31 окт[ября]) пришлось драться фронтом на все четыре стороны. И не только паники, ни малейшего падения духом, ни малейшего колебания не было в рядах моих славных стрелков», – писал Деникин, очень высоко ценивший своего подчиненного: «Представил его за ряд боев в чин генерала – не пропустили: “молодой”. Какой большой порок молодость!»

В 13-м стрелковом полку Сергей Леонидович оставался больше года. В апреле 1916-го дивизия вела подготовку к Луцкому прорыву, но Маркову уже не пришлось участвовать в этой операции. Вопреки своему желанию, он был переведен на Кавказ и назначен начальником Штаба 2-й Кавказской казачьей

дивизии. Приложив все усилия, чтобы остаться во главе своей части, Марков в конце апреля 1916 года все же вынужден был оставить свой полк, сдав командование полковнику П. П. Непенину. Трогательным было прощание Сергея Леонидовича со своими стрелками. В приказе 13-му стрелковому полку от 28 апреля Марков писал:

«*ПРОЩАЙТЕ, РОДНЫЕ, СПАСИБО ЗА ВСЕ.*

Вечная слава да сопутствует полку.

Мне трудно передать свои чувства словами, дни, проведенные среди Вас, стрелки, для меня лучшее время жизни.

Да хранит Вас всех Бог.

Не поминайте лихом».

Ответные чувства выражены в письмах офицеров 13-го полка своему славному командиру: «Счастлива та часть, которая будет иметь во главе Вас.

Вас мы любим, Вам верим и свободно идем за Вами. Не льщу Вам ни капли и говорю от чистого сердца то, что чувствую, тем более, что говорю сейчас, когда мы с Вами расстаемся, и Бог знает, придется ли нам еще увидеться».

Вступив с 20 апреля 1916 года в должность начальника Штаба 2-й Кавказской казачьей дивизии уже в чине генерал-майора, Марков и на Кавказском фронте лично участвовал в боях. А осенью Сергея Леонидовича вызвали в Петроград для чтения лекций по общей тактике в Николаевской Военной Академии для первого ускоренного курса военного времени. С первой же лекции «совсем молодой сухой генерал с резкими чертами худого нервного лица» – «Георгиевский крест, Георгиевская шашка, в руках серая папаха», – покорил аудиторию. Образная речь молодого преподавателя, громадный запас примеров из личного опыта Японской и Мировой войн, всегда резкие умозаключения отличали лекции Маркова. Это были захватывающие беседы с соратниками, сверкавшие живой мыслью, порвавшей с шаблонами прошлого и ищущей новых путей, вызывавшей офицеров на диспут, возражения, критику.

Один из слушателей Академии рассказывает: «Лекции профессора С. Л. Маркова пользовались большим успехом…Эти лекции, излагаемые в коротких и резких штрихах не профессионалом-теоретиком, а боевым генералом-профессором, имевшим за плечами двухлетний опыт на строевых и штабных ступенях боевой деятельности, были ценнейшим вкладом для “имеющих уши – слышать”.

Во всех лекциях генерала Маркова не только всегда ярко и четко проводилась идея или идеи, но и ощущалась сильная одухотворенность всего им высказываемого. Дух возбуждает идеи,

ум их творит, воля их осуществляет. Генерал Марков делил всех на одухотворенных и неодухотворенных, на идейных и безыдейных, на волевых и безвольных, как бы ставя перед каждым слушателем задачу – разобраться в себе…Все лекции генерала налагали огромное впечатление: они не только давали знания, но и заставляли творчески работать мысль; они не только возбуждали дух, но и побуждали к его развитию, укреплению, усилению; они требовали неуклонного волевого развития».

На прощание, в академический праздник, Марков напутствовал офицерскую молодежь: «…Хотя я здесь призван уверять Вас, что ваше счастье за письменным столом, в науке, но я не могу, это выше моих сил; нет, ваше счастье в подвиге, в военной доблести, на спине прекрасной лошади. Идите туда, на фронт и ловите ваше счастье». Восторженная молодежь подняла на руки своего преподавателя.

Немного месяцев пробыл Сергей Леонидович лектором в Академии: его тянуло на фронт, и он высказался откровенно и решительно, когда закончил свою очередную лекцию: «Все это, господа, вздор, только сухая теория! На фронте, в окопах – вот где настоящая школа. Я ухожу на фронт, куда приглашаю и вас!» И он уехал.

* * *

В январе 1917 года Сергея Леонидовича назначили на должность генерала для поручений при командующем Х-й армией генерале В. Н. Горбатовском. С началом революции генерал Марков принял (с марта 1917 года) должность 2-го генерал-квартирмейстера Штаба Верховного Главнокомандующего – генерала М. В. Алексеева. Начальником Штаба Верховного Главнокомандующего в конце марта 1917 года стал генерал Деникин. Из дневников Сергея Леонидовича за март – апрель 1917 года, которые Деникин цитировал на страницах «Очерков Русской Смуты», мы узнаем о его отношении к революционным процессам в армии и тех опасениях, которые испытывало вместе с Марковым все русское офицерство.

«6 марта. Все ходят с одной лишь думой – что-то будет? Минувшее все порицали, а настоящего не ожидали. Россия лежит перед пропастью и вопрос еще большой – хватит ли сил достичь противоположного берега?

7, 9 марта. Все то же. Руки опускаются работать. История идет логически последовательно. Многое подлое ушло, но всплыло много накипи. Уже в № 8 от 7 марта "Известия Петроградского

Совета рабочих и солдатских депутатов" появились постановления за немедленное окончание войны. Погубят армию эти депутаты и советы, а вместе с ней и Россию…

11 марта. В Брянске волнуется гарнизон, требуют от меня привести его в порядок…»

Деникин рассказывает: «В Брянске вспыхнул военный бунт среди многочисленного гарнизона, сопровождавшийся погромами и арестами офицеров. Настроение в городе было крайне возбужденное. Марков неоднократно выступал в многочисленном совете военных депутатов и после бурных, страстных и иногда крайне острых прений ему удалось достигнуть постановления о восстановлении дисциплины и освобождении 20 арестованных. Однако после полуночи несколько вооруженных рот двинулись на вокзал для расправы… Толпа бесновалась. Положение грозило гибелью. Но находчивость Маркова спасла всех. Он, стараясь перекричать гул толпы, обратился к ней с горячим словом. Сорвалась такая фраза:

– …Если бы тут был кто-нибудь из моих железных стрелков, он сказал бы вам, кто такой генерал Марков!

– Я служил в 13-м полку, – отозвался какой-то солдат из толпы.

– Ты?!

Марков с силой оттолкнул несколько окружавших его людей, быстро подошел к солдату и схватил его за ворот шинели.

– Ты? Ну так коли! Неприятельская пуля пощадила в боях, так пусть покончит со мной рука моего стрелка…

Толпа заволновалась еще больше, но уже от восторга. И Марков с арестованными при бурных криках "ура" и аплодисментах толпы уехал в Минск».

Генералу Маркову, лояльно служившему Временному Правительству, пришлось поработать и в офицерско-солдатском комитете Штаба армии и местного гарнизона, куда он был избран единогласно. Но это участие закончилось для него горьким уроком: в начале апреля 1917 года покончил с собой генерал Бенескул, который принял командование из рук местного демагога прапорщика Ремнева, с толпой солдат арестовавшего и сместившего командира корпуса генерала Мехмандарова. Марков, приехавший в корпус по приказанию командующего армией, очень горячо обрушился на генерала Бенескула. Узнав потом о самоубийстве последнего, Сергей Леонидович сильно переживал, заявил перед комитетами, что он убийца, «просил судить его». Комитеты постановили, что Марков поступил как честный солдат и генерал, но от дальнейшего участия в комитетах Марков отказался категорически. Впоследствии и

служба в Ставке была не по нутру Маркову с его бодрым, энергичным характером. «Не по мне эта штабная служба. Святое дело строй, но где же он? – говорил Сергей Леонидович в это время. – …Кажется, снял бы свои генеральские погоны и бросил в лицо этим негодяям, погубившим русскую армию… Но надо подождать».

Ждать генералу пришлось до ноября 1917 года. Еще суждено было ему занять должность начальника Штаба Главнокомандующего армиями Западного фронта генерала Деникина (с мая 1917 года) и вместе с ним пережить драму июньского наступления, окончившегося полной неудачей из-за разложения войск. В июле Марков был произведен в генерал-лейтенанты и в августе, с переходом Деникина на Юго-Западный фронт, назначен начальником Штаба Юго-Западного фронта. Марков полностью поддержал выступление Верховного Главнокомандующего генерала Л. Г. Корнилова, примкнув к Деникину, который отправил резкую телеграмму в адрес Временного Правительства, целиком став на сторону Корнилова. Одновременно послал телеграмму и Марков, выражая солидарность с высказанными Деникиным положениями. В ожидании исхода драмы, разыгравшейся в Ставке, «Марков каждый вечер собирал офицеров генерал-квартирмейстерской части для доклада оперативных вопросов на этот день. 27-го [августа] он знакомил их со всеми известными нам обстоятельствами столкновения и нашими телеграммами и не удержался, чтобы в горячей речи не очертить исторической важности переживаемых событий, необходимости поставить все точки над “i” и оказать полную нравственную поддержку генералу Корнилову…»

Генерал С. Л. Марков в Ставке Верховного Главнокомандующего. 1917

29 августа за «попытку вооруженного восстания против Временного Правительства» генералы Деникин, Марков и генерал-квартирмейстер Штаба фронта генерал М. И. Орлов были арестованы по приказанию комиссара Юго-Западного фронта и заключены в Бердичевскую тюрьму. Почти месяц Деникин и Марков находились в Бердичеве, испытав за это время немало унижений и ожидая скорой расправы «военно-революционного» суда, которая чуть не произошла при переводе их в город Старый Быхов Могилевской губернии, где находились под стражей остальные «Корниловцы». Путь генералов бывшей Русской Армии по Бердичеву до вокзала 26 сентября 1917 года был ужасен. Разнузданная озверевшая толпа превзошла самое себя в гнусностях и издевательствах, так что прибыли они в Быхов забросанные грязью, некоторые с кровоподтеками. «Марков! Голову выше! Шагай бодрее!» – кричали «товарищи». Но Марков не терял присутствия духа – он, не переставая, резко отвечал на брань и окрики солдат. От самосуда генералов спасла только охрана из роты юнкеров 2-й Житомирской школы прапорщиков.

В Быховском заключении находились вместе с Корниловым около двадцати арестованных генералов и офицеров. Записи, сделанные в это время Сергеем Леонидовичем, говорят о настроении узников: «Зачем нас судят, когда участь наша

предрешена! Пусть бы уж сразу расстреляли… Люди жестоки, и в борьбе политических страстей забывают человека. Я не вор, не убийца, не изменник. Мы инако мыслим, но каждый ведь любит свою Родину, как умеет, как может: теперь насмарку идет 39-летняя упорная работа. И в лучшем случае придется все начинать сначала… Военное дело, которому целиком отдал себя, приняло формы, при которых остается лишь одно: взять винтовку и встать в ряды тех, кто готов еще умереть за Родину».

Быховские узники были освобождены распоряжением последнего Верховного Главнокомандующего генерала Н. Н. Духонина, поскольку дальнейшее пребывание в Быхове грозило им расправой, которой вскоре подвергся сам Духонин. Утром 19 ноября генералы Деникин, А. С. Лукомский, И. П. Романовский и Марков отбыли на Дон (Корнилов двинулся ночью во главе Текинского конного полка), где в это время уже находился генерал М. В. Алексеев. Ехали по одному или по два, переодетыми. Марков искусно играл роль денщика при «прапорщике» Романовском. Деникин записал свои впечатления от встречи с Романовским и Марковым в Харькове: «Марков – денщик Романовского – в дружбе с “товарищами”, бегает за кипятком для “своего офицера” и ведет беседы самоуверенным тоном, с митинговым пошибом, ежеминутно сбиваясь на культурную речь. Какой-то молодой поручик, возвращающийся из отпуска в Кавказскую армию, посылает его за папиросами и потом мнет нерешительно бумажку в руке: дать на чай или обидится?»

* * *

В Добровольческой Армии генерал Марков развернулся во всю ширь своей натуры. Если поля сражений Японской и Первой мировой войн принесли ему заслуженную боевую славу, то в 1-м Кубанском походе имя Маркова стало поистине легендарным, рассказы о его безрассудной храбрости, блестящем исполнении военных задач любой сложности передавались из уст в уста. «Белый Витязь», «Бог войны», «Ангел-хранитель» – это только некоторые из эпитетов, которых он был удостоен. «Легко быть смелым и честным, помня, что смерть лучше позорного существования в оплеванной и униженной России», – этому своему выбору Сергей Леонидович остался верен до смерти. И хотя он погиб в самом начале Гражданской войны, его имя стало одним из символов Белого движения. По словам Деникина, «в его ярко индивидуальной личности нашел отражение пафос

добровольчества, свободного от темного налета наших внутренних немощей, от разъедающего влияния политической борьбы. Марков всецело и безраздельно принадлежал армии. Судьба позволила ему избегнуть политического омута, который засасывал других.

…И когда в горячие минуты боя слышался его обычный приказ “Друзья, в атаку, вперед!” – то части, которыми он командовал, люди, которых он вел на подвиг и смерть, шли без колебаний, без сомнений…Суровая и простая обстановка первых походов и в воинах, и в вождях создавала такую же упрощенную, быть может, военную психологию Добровольчества; одним из ярких представителей ее был Марков. “За Родину!” Страна порабощена большевиками, их надо разбить и свергнуть, чтобы дать ей гражданский мир и залечить тяжелые раны, нанесенные войной и революцией. В этом заключалась вся огромная, трудная и благодарная задача Добровольчества…Конечно, Маркова, как человека вполне интеллигентного, не могли не интересовать вопросы государственного бытия России. Но напрасно было бы искать в нем определенной политической физиономии – никакой политический штамп к нему не подойдет. Он любил Родину, честно служил ей – вот и все».

24 декабря 1917 года Марков был назначен начальником Штаба Командующего Добровольческими войсками, а с января 1918-го принял должность начальника Штаба 1-й Добровольческой дивизии. На него легла обязанность по срочному завершению формирования частей и приведению их в боевую готовность. «Он требовал минимальную численность штабов и при том соответствия их численности частей. Он боролся с “канцелярщиной” и требовал дела. Он был грозой “штабной психологии”, за что его не любили одни, но полюбили и оценили все рядовые добровольцы, чувствуя в нем близкого им по духу начальника». Сергей Леонидович часто навещал добровольческие части, стараясь вселить уверенность в победе и в возрождении России. С Михайловско-Константиновской юнкерской батареей он встречал Новый год (вспомним, что в Константиновском артиллерийском училище он учился, в Михайловском артиллерийском – преподавал). «Он пришел в помещение батареи, где еще не были вполне закончены приготовления к встрече:

– Не смущайтесь! – сказал он юнкерам. – Я могу быть полезным и при накрывании стола.

Первый тост генерал Марков поднял за гибнущую Родину, за Ее ИМПЕРАТОРА, за Добровольческую армию, которая принесет всем освобождение. Этим тостом генерал Марков предложил

закончить официальную часть. Затем за глинтвейном началась общая беседа. Между прочим, он высказал свою наболевшую мысль, что в этот черный период русской истории Россия не достойна еще иметь Царя, но когда наступит мир, он не может себе представить Родину республикой.

Двухчасовая беседа закончилась такими словами генерала Маркова:

– Сегодня для многих последняя застольная беседа. Многих из собравшихся здесь не будет между нами к следующей встрече. Вот почему не будем ничего желать себе – нам ничего не надо, кроме одного: “Да здравствует Россия!”»

В момент выхода Корнилова из Ростова, 9 февраля 1918 года, в начале 1-го Кубанского похода Добровольческой Армии, Марков находился в Заречной, откуда ушел по льду левым берегом Дона к станице Ольгинской. Здесь 12 февраля, при реорганизации армии, он получил в командование Офицерский полк, в состав которого вошли три Офицерских батальона разного состава, Кавказский кавалерийский дивизион и Морская рота. В итоге в полку четырехротного состава (примерно по 200 человек в роте) на положении рядовых оказались почти все офицеры (в 1-м Кубанском походе количество офицеров вдвое превышало количество нижних чинов). «Не много же вас здесь! По правде говоря, из трехсоттысячного офицерского корпуса я ожидал увидеть больше. Но не огорчайтесь! Я глубоко убежден, что даже с такими малыми силами мы совершим великие дела. Не спрашивайте меня, куда и зачем мы идем – я все равно скажу, что идем мы к черту на рога и за синей птицей. Теперь скажу только, что приказом Верховного главнокомандующего, имя которого хорошо известно всей России, я назначен командиром офицерского полка, который сводится из ваших трех батальонов, роты моряков и Кавказского дивизиона. Командиры батальонов переходят на положение ротных командиров, ротные командиры на положение взводных. Но и тут вы, господа, не огорчайтесь: ведь и я с должности начальника штаба фронта фактически перешел на батальон», – сказал своим «рядовым офицерам» Марков при формировании полка в Ольгинской. Затем он продолжал: «Штаб мой будет состоять из меня, моего помощника, полковника Тимановского, и доктора Родичева, он же и казначей. А если кто пожелает устроиться в штаб, так пусть обратится ко мне, а я уж с ним побеседую»; «Вижу, что у многих нет погон. Чтобы завтра же надели. Сделайте хотя бы из юбок ваших хозяек».

С этого дня, 12 февраля 1918 года, в месте расположения штаба полка стал развеваться полковой флажок: черный, с белым Андреевским крестом, цветов формы обмундирования, принятой

для полка.

Речь Маркова вызвала восхищение. За короткий ростовский период некоторым офицерам приходилось слышать о нем как о начальнике беспощадном, жестоком, резком, грубом: недаром он всегда с плеткой в руке! Но теперь судили иначе: он энергичен, распорядителен. Штаб полка – всего три человека да несколько конных ординарцев, что говорило о непосредственном руководстве им боем. Свою зависимость от командира полка отныне чувствовал каждый офицер.

Деникин писал о характере Сергея Леонидовича и отношении к нему в войсках: «У Маркова была одна особенность – прямота, откровенность и резкость в обращении, с которыми он обрушивался на тех, кто, по его мнению, не проявлял достаточного знания, энергии или мужества. Отсюда – двойственность отношений: пока он был в штабе, войска относились к нему или сдержанно (в бригаде), или даже нетерпимо (в ростовский период Добровольческой армии). Но стоило Маркову уйти в строй, и отношение к нему становилось любовным (стрелки) и даже восторженным (добровольцы). Войска обладали своей собственной психологией: они не допускали резкости и осуждения со стороны Маркова – штабного офицера, но свой Марков – в обычной меховой куртке, с закинутой на затылок фуражкой, помахивающий неизменной нагайкой, в стрелковой цепи, под жарким огнем противника – мог быть сколько угодно резок, мог кричать, ругать, его слова возбуждали в одних радость, в других горечь, но всегда искреннее желание быть достойным признания своего начальника».

* * *

Добровольческая Армия уходила… Куда? Никто не знал и не мог знать. Каждое утро Офицерский полк выступал походным порядком в авангарде Армии, и всегда впереди Сергей Леонидович «в белой высокой папахе, черной куртке с белыми генеральскими погонами и брюках и сапогах русского фасона». Резкие русские черты лица и такая же резкая характерная речь – на слова генерал не скупился…

21 февраля под селением Лежанка на границе Ставропольской губернии полк выдержал первый серьезный бой, имевший огромное нравственное значение для Добровольческой Армии. Марковцы показали, что лучший способ разбить большевиков – решительно наступать, не останавливаясь перед естественными преградами. Имея силы в два полка 39-й пехотной

дивизии при двух батареях и защищая мост через реку Средний Егорлык интенсивным артиллерийским огнем, большевики не ожидали, что Марковцы, наступавшие длинной цепью, бросятся прямо в реку (1-я рота) и, не останавливаясь, – далее вперед. В этот момент генерал Марков атаковал мост со 2-й ротой, и скоро офицеры уже были на другом берегу реки. Марков наступал с головным взводом по дороге к селу за бегущими красными. Затем он отдал приказание: 1-й роте продолжать преследование противника по ведущей от моста улице села; 3-й роте обходить село справа; 2-й и 4-й – слева. Увидев, что офицеры собирают пленных, он закричал: «Пленными не заниматься. Ни минуты задержки. Вперед!»

Через несколько минут Лежанка была в руках белых. На площади к генералу Маркову подвели пленных артиллеристов, среди них был командир батареи. Офицеры видели, что генерал Марков был вне себя от гнева, и слышали его возбужденный голос: «Ты не капитан! Расстрелять!» Но подъехал генерал Корнилов: «Сергей Леонидович! Офицер не может быть расстрелян без суда». – «Предать суду!» (на следующий день над пленными офицерами состоялся суд. Так как их преступление – служба у большевиков – было очевидно, их не оправдали, но… простили и включили в состав Добровольческой Армии).

В этом бою большевиков было убито 540 человек, Офицерский полк потерял убитыми четырех человек и нескольких ранеными. Незначительные потери, огромный успех первого боя и восторг, испытываемый офицерами перед своим командиром, влили во всех уверенность в дальнейших успехах. Патронов в бою было израсходовано мало, а добыто огромное количество.

Скоро Добровольческая Армия вошла в пределы Кубанской Области, делая до 30 верст в день. Первый серьезный и жестокий бой здесь пришлось выдержать при взятии станции Выселки на железной дороге Тихорецкая – Екатеринодар. Партизанский полк ночной атакой 2 марта не смог взять станции, и 3 марта до рассвета на помощь выступил отряд генерала Маркова: Офицерский полк, Техническая рота и 1-я батарея с приданным батальоном Корниловцев. После короткого рукопашного боя красные были опрокинуты, но затем с помощью резервов снова перешли в наступление. При поддержке конницы есаула Власова (численностью около сорока шашек; сам ее командир был убит, атакуя красных матросов) цепь Офицерского полка кинулась в контратаку. Батарея подавила пулеметный огонь и заставила красный бронепоезд укрыться за зданиями поселка, а затем поспешно уйти в сторону Тихорецкой. Красные бежали, попадая под огонь обошедшей станцию офицерской роты.

Части Добровольческой Армии понесли при взятии станции большие потери. Марков был вне себя. К нему не обращались с вопросами о случайных пленных, а священнику, просившему о помиловании «заблудших», он ответил: «Ступайте, батюшка! Здесь вам нечего делать».

После ночного отдыха в Выселках и близлежащей станице Суворовской отряд генерала Маркова 4 марта выступил вдоль железной дороги на Екатеринодар. Вскоре, после перехода отрядом речки Малеванной и небольшого отдыха на разъезде Козырьки, Марков приказал на ходу разворачиваться в боевой порядок: в его отряде знали, что главные силы Армии в это время ведут наступление на станицу Кореновскую. Атакой, возглавленной самим Сергеем Леонидовичем, станица была взята. Этому предшествовали два символичных разговора, дающие хорошее представление о численности Добровольческой Армии и ее обеспеченности боеприпасами.

В расположение 1-й батареи, находившейся при Офицерском полку, приехал генерал Корнилов. Он взошел на бугор – наблюдательный пункт батареи – и потребовал позвать генерала Маркова.

«Как у вас на левом фланге?» – спросил Корнилов.

«Я послал туда подкрепление», – ответил Марков.

«Сколько?»

«Семь человек и пулеметы, а когда понадобится, сам отправлюсь туда с конными. Кроме того, у меня еще в резерве Техническая рота…»

А перейдя в передовые цепи, Сергей Леонидович первым делом «обычным бодрым голосом» спросил офицеров:

«Жарко?»

«Жара, Ваше Превосходительство! Патронов нет!» – ответило сразу несколько человек.

«Вот нашли чем утешить! В обозе их тоже нет. По сколько?» – все так же весело спросил он.

«Десять – пятнадцать – двадцать…» – вразнобой ответили ему.

«Ну, это еще неплохо. Вот если останутся одни штыки, то будет хуже».

Потери в частях Армии были весьма большими. Офицерский полк потерял до 130 человек (в том числе 30 убитых). Техническая рота – 20 человек (7 убитых). Юнкерский батальон – до 50 человек (8 убитых). 1-я батарея – одного человека убитым и нескольких ранеными. Большие потери были и в других частях. Выяснилось, насколько сильный противник противостоял Добровольцам под Кореновской: со стороны большевиков в бою

участвовало 10 000 человек с двумя бронепоездами и артиллерией. И все же задача взять Кореновскую во что бы то ни стало (иначе невозможно было идти дальше к Екатеринодару, находившемуся уже в 70 верстах), была выполнена.

* * *

В марте Добровольческая Армия, окруженная врагом со всех сторон, вела почти ежедневные бои, и в каждом отличался своей доблестью полк Маркова: вслед за взятием станции Выселки и Кореновской следовали: 7–8 марта – переправа с боем через реку Лабу у станицы Некрасовской, 9 марта – бой у станицы Филипповской, а 10 марта генерал Марков со своими подчиненными спас положение при переправе через реку Белую. Перед каждым боем Сергей Леонидович, в неизменной белой папахе, с нагайкой в руке, появлялся перед своими «рядовыми офицерами». «Здравствуйте, мои друзья», – было излюбленным его приветствием. В отдаваемых приказаниях он был резок, в вопросах выполнения их – требователен. В боях появлялся неожиданно на самых ответственных участках и брал на себя руководство. Добровольцы верили своему командиру, повинуясь одному его слову, и не существовало для них преград, которых нельзя было преодолеть, когда Сергей Леонидович вел их в бой.

Одно из доказательств тому – беспримерный переход Офицерского полка под станицей Ново-Дмитриевской, движение на которую было предпринято 15 марта с целью соединения с отрядом Кубанского Правительства, покинувшего Екатеринодар под натиском красных. Этому походу из аула Шенджий противилась сама погода: проливной дождь, затем ветер, снег, выпавший почти по колено, и мороз привели к тому, что промокшие люди стали покрываться ледяной коркой. Около двух часов пополудни вся местность была покрыта белым саваном, а потом сильный ветер закрутил такую пургу, что с трудом можно было наблюдать спину впереди идущего соратника. При каждой остановке колеса орудий и зарядных ящиков вмерзали в землю. Лошади падали одна за другой. Неимоверно тяжело было идти людям…

Остановка. Генерал Марков подбежал ко 2-й роте: «Пустяки! Держитесь! Не впервые ведь! Все вы молодые, здоровые, сильные! Придет время, когда Родина оценит вашу службу».

Около пяти часов вечера марковцы подошли к речке Черной. Мост был найден посреди разлившейся реки, ставшей шириной шагов в пятьдесят. Но то, что преграждало путь армии, не было

похоже на реку – это было серое месиво из воды и снега, быстро текущее. Сергей Леонидович возбужденно сказал: «Не подыхать же здесь в такую погоду!» – и отдал приказание шедшей впереди 1-й роте на крупах лошадей переезжать на ту сторону реки. Глубина доходила до брюха коней, на мосту – до колена, далее – снова до брюха. Когда головной 3-й взвод весь был уже на том берегу, подъехал Марков. Он отдал приказание командиру взвода: «На станицу! Не стрелять – только колоть! Вперед! Быстро!»

До станицы было не менее двух верст. За головным, получив то же приказание, пошли остальные взводы 1-й роты. Марков, оставив у переправы полковника Н. С. Тимановского, вскочил на коня и поскакал к станице, обгоняя взводы и торопя их. Подтянув весь полк, Марков врывается в станицу, затем спешит вновь к переправе, отдает приказание 1-й батарее немедленно подавить открывшую огонь батарею красных, встречает генерала Корнилова, докладывает о положении в станице, через 2–3 минуты уже мчится обратно.

Лишь к полудню 16 марта Ново-Дмитриевская была окончательно очищена от красных. Офицерский полк потерял лишь 2 офицеров убитыми и до 10 ранеными. Ни Марков и никто другой не ожидал таких малых потерь: по имевшимся сведениям, в станице был красный отряд в 3 000 штыков с артиллерией. В Офицерском полку переход и бой у станицы Ново-Дмитриевской называли «Марковским», так как приписывали весь успех генералу Маркову. Об этом впоследствии напишет и генерал Деникин: «Этот бой – слава генерала Маркова и слава Офицерского полка, гордость Добровольческой армии и одно из наиболее ярких воспоминаний каждого первопоходника о минувших днях не то были, не то сказки».

Переход получил и еще одно определение, быстро ставшее крылатым. На улице станицы Марков встретил юную сестру милосердия Юнкерского батальона. «Это был настоящий ледяной поход!» – восторженно воскликнула сестра. И название, как бы утвержденное Марковым, осталось связанным не только с одним днем 15 марта, но и со всем 1-м Кубанским походом – «Ледяной».

После соединения с кубанцами и переформирования войск генерал Марков получил в командование 1-ю отдельную пехотную бригаду: к его Офицерскому полку были присоединены 1-й Кубанский стрелковый полк, две батареи артиллерии, 1-я инженерная рота. У Кубанцев-добровольцев, от рядового до командира, Марков сразу же снискал любовь, преданность и веру, те же чувства, что и в его «родном» полку. Генерал сам входил во все дела бригады и во все детали. Его отличали не только

требовательность и строгость, но и то, что он умел в любой нужде защитить своих подчиненных, интересы своей бригады. Сам Сергей Леонидович скромно объяснял свое влияние не своими талантами, а только тем, «что живет жизнью солдат и разделяет все опасности со своими подчиненными».

В составе Добровольческой Армии Марков повел свою бригаду к Екатеринодару – главной цели похода. 24 марта была взята Георгие-Афипская: бригада Маркова ворвалась в станицу с востока, совместно с другими частями разгромив красных и захватив до 700 артиллерийских снарядов. 26–27 марта последовала переправа через реку Кубань у станицы Елизаветинской: «В продолжение нескольких дней мы видели на пароме высокую фигуру нашего любимца в белой папахе, с плетью в руке, распоряжавшегося переправой войск и раненых», – свидетельствует очевидец.

28 марта 1918 года начались бои Добровольческой Армии за овладение столицей Кубани. Но бригада Маркова, находившаяся в арьергарде, еще не подтянулась к Екатеринодару. Волнение у «марковских» Добровольцев было огромное. Марков утешал: «Без нас города, пожалуй, не возьмут», – однако и сам переживал то же, что и все: недаром он послал в Штаб Армии записку, досадуя, что его бригаде придется попасть в город к «шапочному разбору».

29 марта, завершив переправу, Сергей Леонидович выразил свое негодование начальнику Штаба Армии генералу И. П. Романовскому: «Черт знает что! Раздергали мой Кубанский полк, а меня вместо инвалидной команды к обозу пришили. Пустили бы сразу со всей бригадой, я бы уже давно был бы в Екатеринодаре».

С прибытием 1-й бригады генерал Корнилов решил возобновить наступление на город. 29 марта в 12 часов 45 минут генералу Маркову был отдан приказ: «овладеть конно-артиллерийскими казармами, а затем наступать вдоль северной окраины, выходя во фланг частям противника, занимающего Черноморский вокзал». До атаки, которая должна была начаться в 5 часов вечера, Марков обошел все роты, стоявшие на передовой, и объяснил задачу: занять артиллерийские казармы. Атака была подготовлена всего семью снарядами – до такой степени приходилось экономить.

Казармы были взяты, и стоило это Офицерскому полку огромных потерь – до 200 человек, но настроение в нем оставалось боевым. Те, кто видели в этой атаке генерала Маркова, кто слышали его повелительный голос – «Друзья, в атаку, вперед!» – невольно думали о нем: «Бог войны».

Но противник значительно превосходил силами – 28 000

человек с 2–3 бронепоездами и 20–25 орудиями. Потери добровольцев под Екатеринодаром составили до 50 %. В боевом составе Армии осталось: в 1-й бригаде – около 1 200 человек, во 2-й – около 600. Конная бригада не смогла оказать существенной помощи, ее обход Екатеринодара ни к какому видимому улучшению обстановки не привел. Число же раненых в походном лазарете перевалило за 1 500 человек. Помимо всего, находящиеся в строю были крайне утомлены физически и морально. 30 марта Марков был вызван в Штаб Армии на военный совет, где, как бы подтверждая великую усталость своих бойцов… задремал. Разбуженный, он извинился перед генералом Корниловым: «Виноват, Ваше Высокопревосходительство! Двое суток не ложился».

Несмотря на заявления многих, в том числе и Маркова, что «люди не выдержат», Корнилов объявил о своем решении атаковать Екатеринодар на рассвете 1 апреля. Сергей Леонидович вернулся на свой участок как будто в бодром настроении, но полковнику Тимановскому и немногим другим приближенным сказал: «Наденьте чистое белье, у кого оно есть. Будем штурмовать Екатеринодар. Екатеринодара не возьмем, а если и возьмем, то погибнем».

Утром 31 марта пришло известие о смерти Корнилова. Старшими начальниками был получен приказ: осада снимается, Армия отходит, но предварительно, с наступлением темноты, Офицерский полк должен произвести демонстративную атаку. В это время остальные части снимались с позиций. «Мы почти окружены, – сказал Марков своим подчиненным. – Дальнейшее все будет зависеть от нас. Этой ночью мы должны оторваться от противника. Отход без привалов. В полном порядке». Ответил он и на другой вопрос, волновавший всех и казавшийся неразрешимым – о заместителе генерала Корнилова: «Армию принял генерал Деникин. Беспокоиться за ее судьбу не приходится. Этому человеку я верю больше, чем самому себе», – и этого было достаточно, чтобы волнения по поводу назначения нового Командующего улеглись.

1 апреля Армия до рассвета прошла около 25 верст, не задерживаясь даже в хуторах, где люди могли хотя бы утолить жажду. Порядок нарушался, части перемешались. Но вот впереди послышалась довольно сильная стрельба, и конные разъезды донесли Маркову, что большие силы красных наступают со стороны станицы Андреевской. Произошедший далее бой так описан очевидцем:

«Хорошо, что с нами был генерал Марков… Этот удивительный генерал не только ничего не боялся, но своей

повадкой в бою влиял так на своих, что в них пропадал страх. Не долго думая и не считая врагов, он развернул роты и сам впереди бросился на цепи большевиков. Те до такой степени не ожидали нашей атаки, что бросились бежать не в станицу, а в сторону, и налетели на черкесов, шедших сзади нас. Черкесы врубились в банды большевиков, потерявших сразу строй. Бежали, как лани, как зайцы от орла, и некоторые растерялись до того, что кинулись назад к нам, и, конечно, никто из них уже не вернулся к своим…

Я с удивлением смотрел и на героя Маркова, и на добровольцев».

Деникин, не теряя мужества и спокойствия, принял решение – выводить армию в восточном направлении через линию железной дороги Екатеринодар – Тимашевская. Через ее полотно предстояло перейти всего в двух верстах от станции Медведовской.

Спасением своим Добровольческая Армия почти всецело была обязана генералу Маркову, проявившему необычайное мужество и находчивость в бою в ночь на 3 апреля у Медведовской. В пятом часу утра до железной дороги оставалось с версту, когда к Маркову подъехал верховой из дозора и доложил: «В железнодорожной будке виден свет, но на железной дороге никого и ничего не замечено». Марков остановил колонну и, приказав ей ждать распоряжений, сам с несколькими верховыми поехал вперед и из будки переговорил по телефону с большевиками, узнав, что со станции к переезду выходит красный бронепоезд. Далее последовало приказание колонне подтянуться к линии железной дороги и остановиться шагах в двухстах, а артиллеристам – установить орудие практически вплотную к железнодорожному полотну.

Прошло с полчаса времени. «Бронепоезд!» – пронеслось, наконец, по цепи. Генерал вдоль полотна пошел навстречу медленно двигавшемуся поезду, встретив его в том месте, на которое было нацелено орудие.

«Кто на пути?» – спросили с бронепоезда.

«Не видите, что свои!» – ответил Марков и бросил в машинистов ручную гранату. Отбежав от полотна, он приказал открыть огонь, и первый снаряд попал в колеса паровоза, второй – в самый паровоз. Завязался горячий бой с командой бронепоезда, состоявшей из матросов, которые были полностью истреблены. Добровольцы начали переходить через железную дорогу. На бронепоезде было захвачено до 100 000 ружейных патронов, до 360 артиллерийских снарядов, много пулеметных лент.

Когда генерал Деникин перед развернутым строем Офицерского полка громко поблагодарил Маркова, Сергей

Леонидович, весьма смущенный столь торжественной благодарностью, немедленно ответил Командующему: «Ваше Превосходительство! Это не я, а они. Сегодня день артиллеристов», – и указал на батарею.

В станице Дядьковской Добровольческая Армия была вынуждена оставить своих тяжелораненых. «Ваше Превосходительство, правду ли говорят, что мы окружены?» – обратился к генералу Маркову доктор. «Совершенно верно, мы окружены», – спокойно ответил генерал. И закончил, садясь на своего коня: «Знаете, доктор, г… тот начальник, и г…ые те войска, которые не прорвут окружения».

Добровольческая Армия с честью вышла из окружения. Вскоре была получена долгожданная весть о начинающемся на Дону казачьем восстании. Это предопределило дальнейшие планы: на Дон – было единогласным решением командования.

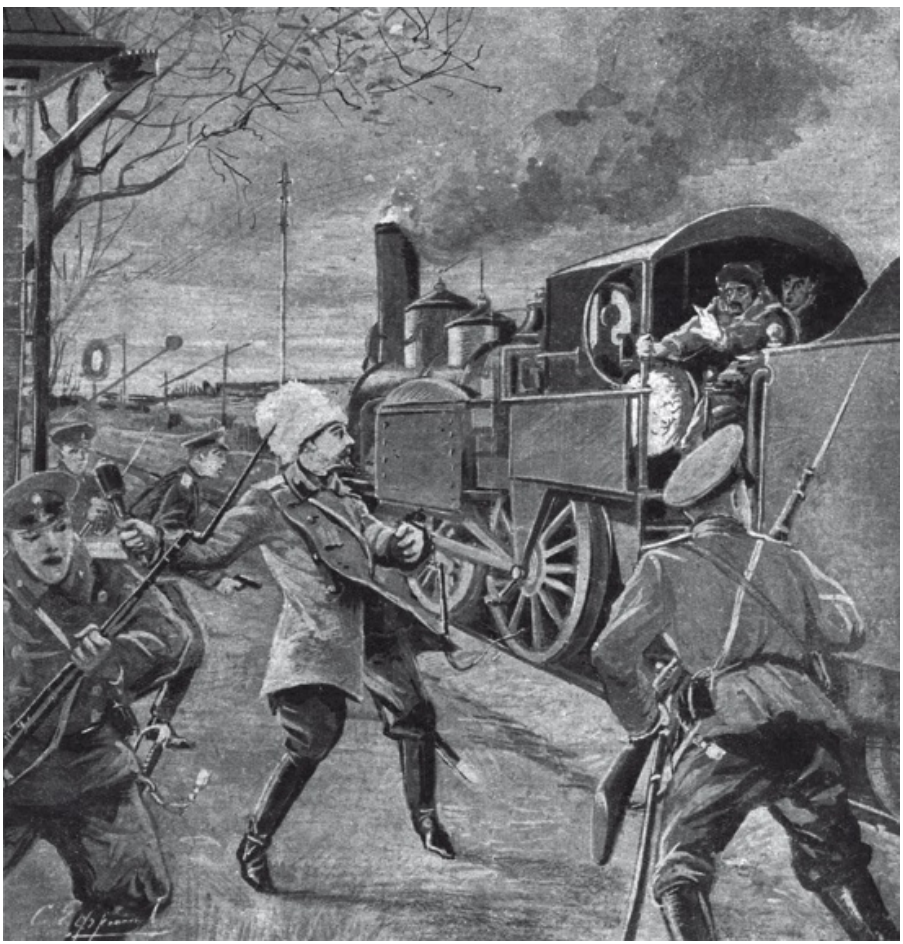
На Страстной неделе вновь заняли Лежанку. 19 апреля, уже в пределах Донской области, выдержали тяжелый бой под станицей Мечетинской и разбили отступавших большевиков в слободе Гуляй-Борисовка. Поддержав восставших Донцов, заняли район станиц Мечетинской, Кагальницкой, Хомутовской.

Для пополнения Армии оружием, снаряжением, патронами, а также чтобы парализовать передвижение красных войск, Деникин решил захватить в свои руки участок Владикавказской железной дороги – станции Крыловская, Сосыка-Ейская, Сосыка-Владикавказская. Бригаде Маркова был поручен набег на Сосыку, закончившийся удачно в смысле захвата трофеев (три поезда, 70 пулеметов), но обошедшийся слишком дорого: 27 человек убитых и 44 раненых только в 1-й роте Офицерского полка. 30 апреля, с окончанием этой операции, завершился и 1-й Кубанский поход, во время которого Добровольческая Армия потеряла две трети своего состава – более 3 000 человек, провела 35 из 75 дней в боях, выдержала 20 крупных столкновений, совершила 10 переходов через реки, 8 раз переходила через железную дорогу.

* * *

К 1 мая 1918 года вся Армия сосредоточилась в районе станиц Мечетинская и Егорлыцкая. Бригада генерала Маркова, расположившаяся в Егорлыцкой, приводила себя в порядок. В одно майское утро Сергей Леонидович собрал чинов своей бригады в помещении станичной школы и после своей речи о значении только что закончившегося похода, указывая на лежавшие на столе бумаги, сказал: «Вот здесь лежат несколько

рапортов. Их подали мне некоторые из чинов моей бригады. Они устали… желают отдохнуть, просят освободить их от дальнейшего участия в борьбе. Не знаю, может быть к сорока годам рассудок мой не понимает некоторых тонкостей. Но я задаю себе вопрос: одни ли они устали? Одни ли они желают отдыхать? И где, в какой стране они найдут этот отдых? А если, паче чаяния, они бы нашли желанный отдых, то… за чьей спиной они будут отдыхать? И какими глазами эти господа будут смотреть на своих сослуживцев, в тяжелый момент не бросивших армию? А если после отдыха они пожелают снова вступить в армию, то я предупреждаю, в свою бригаду я их не приму. Пусть убираются на все четыре стороны к чертовой матери». После столь гневной отповеди большинство из подавших рапорты забрали их обратно.



Подвиг генерала С. Л. Маркова у станции Медведовской 3 апреля 1918 года. Рис. С. Ефремова. 1930

Генерал Марков, казалось, совершенно не отдыхал. С утра до вечера его можно было видеть в станице или скачущим куда-то верхом, или идущим куда-то быстрым шагом. Не было частей в его бригаде, которых он не навестил бы, не поговорил. «Налетал» Марков и к черкесам, служившим в его конвое и в Черкесском конном полку. Простодушные всадники любили его за беззаветную храбрость, за сердечный без высокомерия подход к ним, за заботу о них, за веселый нрав и справедливость. Поэтому они всегда высоко ценили его похвалы, благодарности и по достоинству оценивали его взыскания, наказания и даже гнев. Случай, когда в походе Марков плеткой выгнал в степь за грабеж одного черкеса с предупреждением: вернется – будет расстрелян, вызвал в них восхищение. Черкесы, как и все Добровольцы, не только любили своего генерала, не только боялись, но и почти обожествляли его и были самозабвенно преданы ему.

В Офицерский полк стали еженедельно прибывать пополнения, хотя и малыми группами. Группы представлялись генералу Маркову, и каждому добровольцу он задавал 2–3 вопроса. Однажды присутствующие обратили внимание на довольно продолжительный разговор Маркова с новоприбывшим поручиком.

«Как? Вы решили идти по стопам дядюшки?» – спросил генерал. – «Так точно! Насколько мне удастся», – был ответ поручика. Оказалось, что это тот самый племянник генерала Незнамова, который студентом слышал беседы своего родственника с Сергеем Леонидовичем. Теперь он много расспрашивал о генерале и сделал вывод: принципы военного искусства, которые Марков проповедовал до войны, блестяще подтвердились его делами последующих лет.

В течение мая шло непрерывное численное усиление Добровольческой Армии. 26 мая с Кубани пробились два казачьих полка, до 1 500 шашек. Затем была торжественная встреча отряда полковника М. Г. Дроздовского, отряда «рыцарей духа, пришедших издалека и вливших в армию новые силы», как сказал генерал Алексеев. 17 мая Марков уехал в отпуск в Новочеркасск, как и все отпускные, на две недели. Там он после официальных визитов стал в первую очередь навещать своих раненых в госпиталях, справляясь об их здоровье и желая скорейшего возвращения в строй. «Появление генерала Маркова в лазаретах вызвало слезы радости у раненых, – вспоминает участник борьбы. – С гордостью мы смотрели на него и, кто мог, в своих рваных мундирах выходили на Московскую улицу или в Александровский сад, чтобы лишний раз увидеть своего любимого Вождя, где он в сопровождении офицеров нагонял

страх на тыловых патриотов».

Однажды в Новочеркасске было объявлено, что Марков выступит в здании городского театра с докладом о Кубанском походе, о целях и задачах Добровольческой Армии, о необходимости восстановления Великой России. К назначенному часу театр был буквально набит народом, не было ни одного свободного места даже в проходах.

На сцену быстрым шагом вышел генерал Марков в своей неизменной белой папахе, в походной форме, с белым крестиком Святого Георгия на груди. Его встретили громовыми аплодисментами, которые продолжались долгое время. Напрасно Сергей Леонидович раскланивался, махал папахой, присаживался, вскакивал, разводил руками… Наконец зал стих и замер. Описывая Кубанский поход, генерал Марков говорил о беззаветном самопожертвовании и храбрости рядовых чинов Армии в десятках сражений. Он говорил о победах, одержанных молодежью в исключительно тяжелых условиях похода и о главной победе: Армия не погибла, она показала всем – бороться можно, до́лжно… и успех борьбы неизбежен. Закончил свой более чем часовой доклад генерал Марков следующими словами: «Многие погибли уже в борьбе; в дальнейшем погибнем, может быть, и мы. Но настанет время, и оно уже близко, когда над Россией, Великой и Единой, снова взовьется наше Национальное трехцветное знамя».

Неистовое «ура», крики «Марков!» продолжались бы без конца, если бы на сцену не вышел офицер с букетом цветов. Офицер подносил цветы от дам, но генерал Марков не дал ему договорить: «В госпиталь раненым! Я не певица!»

Новый взрыв аплодисментов, крики – «просим», «ура!» Офицер снова попытался подойти с букетом к генералу и на этот раз услышал от него властное: «Немедленно под арест!» Смущенный, тот сошел со сцены.

Доклад произвел на всех потрясающее впечатление. На одну его особенность обратили Марковцы внимание: генерал Марков в своем докладе ни разу, ни словом не высказался о себе, будто он лишь наблюдал в боях, а не командовал и не участвовал в них.

* * *

К началу июня 1918 года Добровольческая Армия почти утроила свой численный состав, достигавший теперь 9 000 штыков и шашек при 21 орудии и 2 бронеавтомобилях. Теперь генерал-лейтенант Марков стал начальником 1-й пехотной

дивизии, состоявшей из 1-го Офицерского пехотного полка, 1-го Кубанского стрелкового полка, 1-го Офицерского конного полка, 1-й Офицерской батареи, 1-й инженерной роты и отдельной конной сотни. Помощник Маркова полковник Тимановский заменял целый Штаб дивизии.

Вечером 11 июня Сергей Леонидович собрал всех начальников частей своей дивизии, чтобы осветить обстановку на фронте всей Армии и поставленную задачу. Предстояло атаковать противника в районах станций Торговая и Шаблиевка. 1-я дивизия, выступив задолго до рассвета, будет наступать прямо на Шаблиевку. Обратившись к артиллеристам, генерал сказал им: «А вам всем, господа, могу сказать вот что: на пехоту ляжет штурм станции, а вам придется принять на себя весь огонь артиллерии и бронепоездов в открытом поле. Будут потери, но учить мне вас нечему!» Отпустив начальников, Сергей Леонидович завернулся в бурку и уснул тут же у батарейного костра.

12 июня Марков выступил к железнодорожной ветке Царицын – Торговая и, выставив заслон для защиты со стороны Тихорецкой, вышел на Торговую. У хутора Попова (конный завод), лежащего вплотную к станции Шаблиевка, дивизия встретила сильное сопротивление красных. Бой сильно затянулся, но все же к полудню, сломив сопротивление противника, Добровольцы стали занимать хутор. Его взятие решило и участь Шаблиевки, от которой начался отход красных. Марков распорядился занять станцию и выслать к 9 часам вечера команду подрывников для порчи железнодорожного пути в сторону Великокняжеской. Сам же он перешел на открытое место вместе с полковниками Р. М. Тунебергом и Н. С. Тимановским и начальником пулеметной команды Э. Ф. Кариусом и устроил для себя наблюдательный пункт на железнодорожных шпалах, сложенных в штабель высотой в рост человека. Артиллерия красных тут же открыла огонь по появившейся группе офицеров. Едва успев распорядиться об уходе из сферы огня, Марков был сброшен на землю новым взрывом гранаты… Тяжело раненого в голову и левое плечо, его отнесли в дом. Доктор, увидев Сергея Леонидовича, ужаснулся: «Положение безнадежно».

Сергей Леонидович тяжело дышал. Спустя два часа он ненадолго пришел в сознание и спросил о боевой обстановке. Командир Кубанского стрелкового полка поднес к лицу генерала икону, которую всегда возил его ординарец. Марков поцеловал икону и сказал отрывисто: «Умираю за вас… как вы за меня… Благословляю вас…» Дальше уже ничего нельзя было разобрать. Через несколько минут его не стало.

А в это время Кубанские стрелки ворвались на станцию и

отбросили красных за реку. Железнодорожный мост остался неповрежденным. Дивизия под командованием Маркова выполнила задачу, но какой тяжелой ценой!

«Сердце упало… Уныния не было, не было и отчаяния: была какая-то пустота. Отомстить, отомстить! Ко многим счетам прибавился еще один – огромный. Не такой смерти заслуживал генерал Марков», – рассказывал один из Марковцев. Наутро дивизия провожала своего героя-командира. Командир полка сказал глубоко прочувственное слово, многие рыдали.

В 5 часов 13 июня тело Сергея Леонидовича было перенесено в украшенный зеленью вагон на вокзале, и поезд с почетным караулом от 1-го отделения Инженерной роты отошел на станцию Торговую, где тогда находился Штаб Командующего Армией. Здесь генерал Деникин попрощался со своим верным соратником. Его приказом 1-й Офицерский полк стал именоваться «1-м Офицерским генерала Маркова полком».

В Новочеркасске в церкви епархиального училища была отслужена панихида по Маркову. В почетном карауле стояли его соратники. «Не помню уже, как долго я стоял над гробом, – записал один из них. – Мыслей не было, а я не мог оторвать взор от лица того, кого больше всех других уважал и более всех других боялся. И положив земной поклон великому воину и еще раз взглянув на того, который ничего не боялся, я поплелся домой. Если бы все генералы были такие, как он, – думал я».

Отпевали Сергея Леонидовича 15 июня в Свято-Вознесенском кафедральном соборе. На кладбище помимо семьи, генерала Алексеева и Офицерского полка присутствовала половина жителей Новочеркасска. Все поголовно плакали во время речи Алексеева, который подчеркнул верность Маркова России и его жертвенность Христианина-воина. Генерал Алексеев от имени Армии поклонился матери и жене Сергея Леонидовича и бросил первую лопату земли в могилу.

Смерть Маркова была трагедией не только для Добровольческой Армии, но и для его родных. Мать, жена и дети Маркова оказались в Новочеркасске еще до его приезда из Быхова, и здесь же им пришлось похоронить его. Последнее, что известно о судьбе родных Сергея Леонидовича, – их отъезд заграницу весной 1920 года из Новороссийска.

Смерть сразила Маркова, по словам генерала Деникина, тогда, «когда Добровольческая армия вышла из окружения на широкую дорогу, когда так нужны были люди таланта, воли и доблести; поразила человека, предназначенного, казалось, самой судьбой для командования Добровольческой армией в составе развернувшихся впоследствии Вооруженных сил юга России. Той

армии, которая шла к Харькову и Орлу». Деникин был потрясен смертью соратника и друга и вспоминал впоследствии:

*«В армии, в ее духовной жизни, в пафосе героического служения образовалась глубокая брешь. Сколько предположений и надежд связывалось с его именем. Сколько раз потом в поисках человека на фоне жуткого безлюдья мы с Иваном Павловичем (*Романовским. *– Н. К.), точно угадывая мысли друг друга, говорили со скорбью:*

– Нет Маркова…»

Имя Сергея Леонидовича Маркова безупречно и славно. Офицер, Доброволец, Военный вождь, он любил Родину и честно и мужественно служил ей.

Н. Л. Калиткина

Генерал-от-кавалерии Граф Ф. А. Келлер

Кто в русской кавалерии не знал графа Келлера?!

От Российской Императорской Армии, в последние десятилетия ее истории, неотделима была его высокая фигура, до старости сохранившая юношескую худобу и гибкость, лицо с внушительными «кавалерийскими» усами, громовой командный голос, репутация сурового и требовательного, но и заботливого начальника. Приобретя немалую известность уже в мирное время, он прославился на полях последней войны Российской Империи, в нелегких раздумьях и колебаниях провел первый период наступившего Смутного времени, чтобы взяться за оружие, когда, быть может, было уже поздно, и пасть от предательской пули на главной площади Киева – «Матери городов Русских». И в этом славном и трагическом пути со столь скорбным финалом тоже, как в капле воды, отразился путь всей Императорской Армии, грозной в боях, беспомощной перед лицом политиканов и предателей, не сумевшей защитить даже самое себя… но во все века беззаветно умевшей жертвовать собою.

* * *

Федор Артурович Келлер родился 12 октября 1857 года. После непродолжительного обучения в частном пансионе в Риге, а впоследствии в Москве, он был определен в приготовительный пансион Николаевского кавалерийского училища в Петербурге. «Выпущенному из 7-го класса» молодому графу открывалась прямая дорога в «Славную Школу» – знаменитое училище, но… начавшаяся война с Турцией заставила его поступить вольноопределяющимся в 1-й Лейб-драгунский Московский Его Величества полк: на эту войну, первую в его жизни, никак нельзя было опоздать.

Путь вольноопределяющегося пролег по полям самых известных сражений Русско-Турецкой войны 1877–1878 годов; два Знака отличия Военного Ордена («солдатских Георгия»), IV-й и III-й степени, украсили грудь Федора Келлера, о чем он спустя четверть века говорил с солдатской скромностью и генеральской иронией над пылким «вольнопером»: «Сам не знаю, за что! Первый крест получил по своей неопытности: ординарцем вез приказание и вместо штаба наскочил на турецкий окоп. Турки обстреляли меня, а начальство увидало и наградило. А второй крест за то, что проскакал горящий мост. Вот и все!»

Но памяти графа мог бы помочь его послужной список, из которого явствует, что «турецкий окоп» располагался под Шейновом, где, по оценке военного писателя-эмигранта А. А. Керсновского, «живой силе турок был нанесен непоправимый

удар», «горящий мост» же довелось «проскакать» при взятии станции Семенли, где Московские драгуны в составе отряда генерала Струкова «заняли важнейший железнодорожный узел театра войны… отрезав армию Сулеймана[-Паши] от Адрианополя и предрешив ее разгром». Храбрость в таких боях вряд ли может считаться чем-то малозначительным, и, конечно, понимал это и сам Келлер, во внушительной колодке наград на груди которого оба креста навсегда остались памятью о его первом боевом опыте.

Вскоре после заключения мира, Высочайшим приказом 31 марта 1878 года, вольноопределяющийся был произведен в прапорщики, а по возвращении русских войск на родину – 12 мая выдержал в Тверском кавалерийском юнкерском училище «установленный экзамен на право производства в следующие чины»: столь стремившийся на войну, граф Келлер естественно не хотел по ее окончании уходить в запас. Начинается длительная служба в строю. Рутину разнообразила, пожалуй, лишь полуторагодичная (1888–1889) командировка в Офицерскую Кавалерийскую Школу. В то же время, никогда не замыкаясь в узком кругу ежедневных забот, граф следил за развитием военной мысли, много читал и сам размышлял над вопросами тактики и подготовки войск к будущей войне. Преданность Федора Артуровича военному делу хорошо иллюстрируется его словами: «…Службу я люблю и работаю с восьми часов утра до восьми часов вечера и с восьми часов вечера до восьми часов утра. Надеюсь, что все мы так же будем работать». 16 февраля 1904 года Келлер получает первый в своей жизни полк – 15-й драгунский Александрийский Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны; командиром его он остается по 6 ноября 1906 года, а затем, до 16 мая 1910 года, командует Лейб-Гвардии Драгунским полком, и благодаря сохранившимся довольно подробным воспоминаниям однополчан эти шесть лет дают неплохой материал для реконструкции как требований и методов графа, так и его личных качеств, к этому времени, насколько можно судить, окончательно сформировавшихся.

* * *

Первое, о чем следует сказать, – это поразительная работоспособность и неутомимость Федора Артуровича. «…Граф Келлер своею рубкой был известен во всей кавалерии… Он прекрасно рубил, джигитовал, стрелял и фехтовал… Весьма

искусно отбивался пикою от пяти всадников…» – вспоминает офицер-Александриец. – «Джигитовка была обязательна не только для солдат, но и для офицеров. Преодолевание препятствий без стремян и без повода было обязательно и для штаб-офицеров. Все перечисленное граф Келлер проделывал сам с большою ловкостью, несмотря на свой огромный рост» (и, добавим, свои пятьдесят лет). Превосходная индивидуальная подготовка вообще считалась Келлером обязательной; здесь же следует отметить и веру в солдата и его способности. «…Если дать нашему солдату поуправлять самостоятельно конем, – писал он, – требовать сознательной езды, сознательного исполнения всякой команды и приема, если похвалить и поощрить его за сметку, находчивость и самостоятельность решения в дозоре или разъезде, которое он при обыкновенном воспитании боится проявить, то получится рассуждающий, находчивый, умный человек, интересующийся конным делом и легко схватывающий даже сложную обстановку».

В то же время заботливое и внимательное отношение к нижним чинам не превращалось у него в своего рода заискивание, которым грешили иные офицеры. «Много требуется нашему офицеру наблюдательности, заботы и умения держать себя, чтобы понять и приобрести доверие и расположение солдата и заглянуть к нему в душу, – размышляет Федор Артурович. – Для этого нужны не снисходительность, не денежные подач[к]и, к которым часто прибегают молодые офицеры… Необходим личный пример на службе и в жизни, нужно не ложное самолюбие и боязнь уронить свой престиж, а откровенное признание и своих ошибок…»

Следует заметить, что признание собственной неправоты вряд ли давалось самому Келлеру легко. Обладавший весьма далеким от идеала характером, резкий, вспыльчивый, он бывал и несправедлив, а исправление ошибок становилось, быть может, тем примечательнее, что требовало от графа усилия и «воспитания» самого себя. Еще хуже, что граф мог позволить себе «превентивный» разнос подчиненных, как было в Александрийском полку. На первом же проводимом им лично полковом учении Келлер не обошел вниманием никого: «Нагуляли брюхо на солдатской копейке да на фураже! Держи ухо востро!» – досталось вахмистрам; «Рукоприкладством занимаетесь? Новобранцев бьете? Сорву лычки и буду отдавать под суд!» – унтер-офицерам; «эскадронных командиров и обер-офицеров внушительно попросил быть более ретивыми к исправлению служебных обязанностей и почаще проводить время в казармах с подчиненными». Требования были совершенно законными и, возможно, даже уместными, но для знакомства и

начала совместной службы они вряд ли подходили. После этого понятно, что завоевание графом Келлером авторитета было не простым… и все же рассказ о взаимоотношениях Федора Артуровича со своими подчиненными по Лейб-Драгунскому полку, имеющийся в воспоминаниях генерала А. А. Брусилова (в те годы – начальника 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии, куда входили Лейб-Драгуны), даже на этом фоне выглядит чем-то совершенно невероятным.

Можно еще поверить, что никто из офицеров полка, несмотря на приглашение, не прибыл к Келлеру на пасхальное разговенье, хотя такая демонстрация вряд ли прошла бы без огласки, а в качестве последствий в принципе могла повлечь даже вынужденный уход командира из полка: Гвардия имела свои традиции. Но ни с какими традициями решительно не вяжется, будто (по Брусилову) «офицеры решили побить своего командира полка и бросили жребий, на кого выпадет эта обязанность», тем более что наказание за такое деяние начиналось бы с четырех лет каторжных работ.

В брусиловское «побить» решительно не верится; но за что все-таки Лейб-Драгуны не любили нового командира? – Возможно, суровый «службист» Келлер считал необходимым «подтянуть» подчиненных, но с некоторой вероятностью можно заподозрить и еще одну причину. Шефом полка был Великий Князь Владимир Александрович, чья супруга, Великая Княгиня Мария Павловна (Старшая), находилась едва ли не в оппозиции к царствующему Императору или, вернее, к Императрице Александре Феодоровне. Келлер же, в течение полутора лет командовавший Александрийским полком, шефом которого была Государыня, после перевода в Гвардию, судя по всему, скоро вошел в число личных друзей Императорской Четы. В 1916 году Императрица даже писала Государю[64], что Федор Артурович говорил брату фрейлины А. А. Вырубовой – ближайшей подруги Александры Феодоровны: «…он (Келлер) и Аня одинаково нам служат, каждый на своем месте, и потому он так ее любит», – и это не может быть истолковано иначе как чувство личной преданности графа, выходящей за рамки служебных обязанностей. Трудно утверждать наверняка, но и нет ничего невозможного в том, что такое положение дел способно было вызвать своеобразную «ревность» наиболее почитавших своего Шефа Лейб-Драгун.

Не меньшие сложности возникали, кажется, и с непосредственным начальником Келлера. Брусилов быстро стал личным врагом графа: «Я не могу понять, – напишет через несколько лет Императрица, – почему Келлер и Брусилов всегда

друг друга ненавидели, и когда он только может, Брусилов бывает несправедлив, а тот в ответ на это его ругает (частным образом)». При ближайшем рассмотрении, однако, оказывается, что вызвать неприязнь начальника дивизии к командиру Лейб-Драгун могли по меньшей мере две причины, и начнем мы с самой труднодоказуемой, которая, тем не менее, по нашему убеждению вполне способна стать намного более весомой, чем любые рациональные соображения.

Келлер был глубоко верующим христианином (сам он оставался лютеранином, но его дети от двух браков – с баронессой Ренне и княжной Мурузи – исповедовали Православие); Брусилов же имел серьезное пристрастие к оккультизму и теософии, занимался «столоверчением», а в своих воспоминаниях нашел место для настоящего панегирика Е. П. Блаватской. Поклонник «оккультных истин», «тонкий» спирит, он, наверное, просто обречен был чувствовать не просто предубеждение, а определенное отталкивание от Келлера с его простою и твердою верой. Впрочем, для неприязни, помимо духовной, была и вполне земная причина. Брусилов считался креатурой Главнокомандующего войсками Гвардии и Петербургского военного округа, Великого Князя Николая Николаевича. Но с переводом в Гвардию графа Келлера новый начальник вполне мог заподозрить в нем «конкурента», поскольку взгляды Федора Артуровича и Великого Князя на подготовку войск, как и практические меры их воспитания и обучения, во многом совпадали.

«Новое требование сводилось к занятиям в поле, несмотря ни на какую погоду…» – вспоминает офицер-Александриец. – «Была введена стрельба с коня холостыми патронами на полном карьере по разбросанным в поле картонным кружка2 м»; «особое внимание командира полка было обращено на рубку». Естественно, не забывал Келлер и тактических занятий, ставивших солдат и офицеров в условия, подобные тем, с которыми приходится сталкиваться на войне. «По сигналу командира полка, – продолжает свои воспоминания бывший подчиненный графа, – [Александрийский] полк развернутым фронтом полевым галопом шел вперед и, дойдя до обрывистых берегов р[еки] Просны, как всегда раньше, остановился. “Кто подал сигнал ‘стой’? – гневно сверкнув глазами, вопросил командир полка. – Потрудитесь все исполнять только по моей команде”. Полк был отведен назад и снова брошен вперед. С полного хода гр[аф] Келлер первым бросился вперед с конем в воду и поплыл». То же проявлялось и на маневрах: Келлер «”воевал” по-настоящему, проявляя смелую и неожиданную

инициативу». Хорошей иллюстрацией служит рассказ о том, как командир полка запрещал Лейб-Драгунам, посылаемым с донесениями, при встрече с «противником» сдаваться в плен и тем более – отдавать доверенное донесение. В результате один из нижних чинов, видя себя в безвыходном положении, проглотил бумагу, – и все без исключения яростно сопротивлялись.

Граф был и сторонником таких нововведений, как вооружение солдат регулярной кавалерии пикой и применение в бою рассыпного строя «лавой», требующего от каждого всадника проявления самостоятельности и инициативы (этим построением, кстати, увлекался и Великий Князь). Заметим также, что вопросы, относящиеся, казалось бы, к узко-специальной тактической сфере, граф Келлер увязывает с использованием морального фактора – готовя подчиненных к атаке, как к кульминации кавалерийского дела, он воспитывал в них и силу духа: «как поскачет конница, у стреляющих руки задрожат…» Прогнозы Келлера вскоре подтвердились, как подтвердила на практике свою оправданность и методика подготовки офицеров и нижних чинов, выработанная и проводимая Федором Артуровичем в жизнь в последнее предвоенное десятилетие.

* * *

Ненависть Брусилова к Федору Артуровичу к моменту написания бывшим генералом воспоминаний дошла до того, что и само повествование о графе он начал с весьма сомнительного пассажа: «Граф Келлер был человек с большой хитрецой и карьеру свою делал ловко. Еще когда он был командиром Александрийского гусарского (драгунского. – *А. К.*) полка, в него была брошена бомба, которую он на лету поймал и спасся от верной смерти». По меньшей мере бестактная формулировка, впрочем, отражала мнение определенного круга офицеров, рассказывавших о Федоре Артуровиче, что «этот случай, как всегда в жизни, обратил на него внимание, и он вскоре получил Л[ейб]-Гв[ардии] Драгунский полк».

«Случай», тем более что на самом деле их было два, и вправду мог обратить на командира Александрийцев Высочайшее внимание, поскольку являлся своего рода хвалебной характеристикой от врага – революционного подполья, процветавшего в смутные 1905–1906 годы в Привислинских губерниях. В Калише, где стоял Александрийский полк, борьба против подрывных элементов, по свидетельству младшего однополчанина, была начата Келлером на свой страх и риск и

проводилась с присущей графу энергией.

Высеченные политические заключенные, вздумавшие устроить бунт; схваченный агитатор; арест прокурора, который, очевидно из либеральных побуждений, освободил последнего; и на фоне всего этого – великолепное презрение к врагам государства, презрение воина к подпольным убийцам, презрение верноподданного, волею своего Государя поставленного во главе пусть небольшой, но неотъемлемой частицы могущественной Империи – доблестного и прославленного в битвах полка… – такими были действия Федора Артуровича в месяцы «первой смуты».

Результатом стали растущая ненависть подполья – и две бомбы, брошенные в Федора Артуровича на улицах Калиша. Первое покушение не удалось из-за исключительного хладнокровия и ловкости графа, который, подхватив бомбу на лету, не дал ей взорваться (детонатор, очевидно, был рассчитан на срабатывание при резком ударе, смягченном руками предполагаемой жертвы) и сам же бросился за покушавшимся, которому, однако, удалось скрыться. Второе покушение, совершенное 8 мая 1906 года, также не достигло цели – Келлер остался жив, поскольку «взрывчатый снаряд» разорвался в ногах его лошади, – однако полученные контузия и ранения пятьюдесятью двумя (!) осколками повлекли за собою продолжительное лечение и сохранившуюся до конца жизни хромоту. Но физические страдания, возможно, до некоторой степени были смягчены непритворным сочувствием подчиненных своему суровому командиру.

«К раненому гр[афу] Келлеру началось настоящее паломничество офицеров и драгунов полка, – вспоминал офицер-Александриец. – Всякий хотел, хотя бы молча, выразить свое соболезнование, и не потому, что этого требовал акт вежливости, но в подсознании каждого чувствовалась какая-то горькая обида, и каждый понял, что злодей поднял руку не только на графа Келлера, но и на что-то более высокое и святое. Все прошлые обиды, недоразумения и ошибки были забыты. И граф Келлер это понял… Он понял и заметно изменился. Стал ласковым, мягким и благодарным». Красноречивой является и еще одна деталь: по рассказу бывшего подчиненного, Федор Артурович «никогда не снимал полкового значка Александрийцев», – но нагрудный знак Александрийских гусар[65] был Высочайше утвержден лишь 1 октября 1913 года, то есть почти через семь лет после ухода Келлера из полка, и заставить офицеров-Александрийцев поднести свой знак бывшему командиру могло только искреннее уважение.

Более сложными, как мы знаем, оказались три с половиною года, проведенные Келлером во главе Лейб-Драгун. Впрочем, как и почти всегда в жизни, наверняка было и хорошее, и дурное, и по-своему символично, что обстоятельства, при которых графу Келлеру пришлось расстаться с Лейб-Драгунами, слишком сдержанно изложенные мемуаристом, могут быть истолкованы как свидетельство и «за», и «против» улучшения отношений Федора Артуровича с офицерами полка:

«Известна его история – столкновение с ген[ерал]-адъют[антом] Безобразовым… Келлер ушел из манежа, не согласный со словами, обращенными ген[ералом] Безобразовым к офицерам полка. Безобразов пожаловался кому надо, и Свиты Его Величества Генералу Графу Келлеру было приказано извиниться перед Безобразовым. Тогда Келлер, отказавшись это сделать, сказал: “Жизнь моя принадлежит Государю, но честь моя принадлежит мне!” Келлер был отчислен от командования полком…» Очевидно, из этой цитаты нельзя понять, каково было мнение Безобразова, и нельзя исключить, что Келлер в действительности… заступился за своих офицеров, которые впоследствии, в свою очередь, предпочитали не поминать старых обид и недоразумений.

14 июня 1910 года Федор Артурович был назначен командиром 1-й бригады Кавказской кавалерийской дивизии. И здесь он выделялся из общего ряда, что нашло отражение в приказе командира корпуса:

«Отсутствие патента на школьную выучку не отразилось на его военном кругозоре. Упорным трудом, настойчиво и систематически пополняя пробелы своей первоначальной подготовки, достиг гр[аф] Келлер того, что теперь, в особенности в области его специальности, занял он место одного из авторитетов, к голосу которого прислушивается книжная мудрость. Откровенно заявляю, что не раз удивлялся я широте его военных взглядов, свежести его научной мысли и современности и прогрессивности его кавалерийских тенденций…

Но над всеми этими достоинствами господствует в гр[афе] Келлере доведенная до священного экстаза верноподданническая преданность и самая горячая любовь к родине».

С 25 февраля 1912 года Федор Артурович возглавляет 10-ю кавалерийскую дивизию и в течение почти двух с половиною лет напряженно готовит ее к будущей боевой работе. Великую войну Келлер встретил уже в чине генерал-лейтенанта (произведен 31 мая 1913 года). Заслужив известность и авторитет в мирное время, теперь он должен был подтвердить свою репутацию в бою – и подтверждение это не заставило себя долго ждать.

* * *

3 августа 1914 года дивизия вторглась в пределы Австро-Венгрии, а уже через несколько дней произошел бой, не только сразу принесший Келлеру славу прирожденного полководца, но и вошедший в историческую литературу как «последний кавалерийский бой мировой истории». Приказ о награждении графа орденом Святого Георгия IV-й степени говорит лаконично: «За блестящий кавалерийский бой 8-го Августа 1914 года, когда им была разбита 4-я австрийская кавалерийская дивизия и взята вся конная артиллерия противника», – историк же добавит к этому, что у галицийской деревни Ярославице произошло уникальное для Великой войны лобовое столкновение (по тогдашней терминологии – «шок») значительных конных масс. Весь – воплощение истинно-кавалерийского порыва, Федор Артурович пренебрег мерами предосторожности и бросил свою дивизию в бой, невзирая на ее ослабленный состав (из 24 эскадронов и сотен 5 эскадронов и 1 сотня были откомандированы для исполнения других задач, около 3 эскадронов вело разведку и находилось в боковом авангарде, 5 сотен ввязались в бой с двумя батальонами австрийского ландверного полка, а конные батареи попросту не успели подойти к месту разворачивающегося боя и вынуждены были ограничить свое участие артиллерийской дуэлью с австрийскими батареями, не имея возможности перенести огонь на кавалерию противника) и на необходимость атаковать, поднимаясь по склону лощины, с которого навстречу ринулись австрийские уланы.

В отличие от австрийского генерала Э. Зарембы, лично пошедшего в атаку в первой линии, Келлер остался со Штабом и конвойным взводом на гребне господствующей высоты и мог адекватно оценивать происходящее. Следует отметить, что граф проявил выдающийся глазомер, как задавая направление движения, так и приказав (зычным окриком) двум гусарским эскадронам, уже устремившимся в бой, «держаться на уступе и атаковать во фланг». В первой схватке успех был явно за русскими кавалеристами, но немедленно налетела вторая линия эскадронов противника. Еще несколько минут – и центр русской лавы был прорван.

«Стройная, величественная фигура всадника… оставалась неподвижной, как бы окаменелой; взор впился в противоположный скат лощины, как будто отыскивал ту грань, на которой произойдет встреча, где сейчас должна родиться победа и вместе с ней лучезарная слава… или… смерть! Другого

решения быть не могло», – так, по словам очевидца, выглядел граф Келлер в первые минуты боя; теперь же мнимая «окаменелость» сменилась мгновенным решением бросить в схватку последний ничтожный резерв. Прозвучала команда: «Штаб и конвой – в атаку!» – и этого отчаянного натиска не выдержали прорвавшиеся австрийцы. В то же время два русских эскадрона, во исполнение приказа начальника дивизии шедшие в атаку уступом за левым флангом основной линии, теперь выдвинулись вперед и подоспели к месту основной рубки почти одновременно с наступающей третьей линией австрийцев. Последняя могла бы решить исход боя, но, атакованная во фланг, смешалась и лишь частично включилась в «общую свалку», частично же стала уходить. Гусары лобовой атакой захватили стреляющую батарею противника, а одна из казачьих сотен, освободившись после нанесения поражения австрийской пехоте, по инициативе командира выдвинулась к переправам на реке Стрыпе, заняв их и отрезав австрийцам один из путей отступления, которое уже превращалось в беспорядочное бегство…

Награждение Федора Артуровича состоялось Высочайшим приказом 27 сентября 1914 года, а на следующий день Императрица Александра Феодоровна писала Государю: «Какая радость для Келлера! Он в самом деле заслужил свой крест, и теперь он нам отплатил за все. Это было его горячее желание все эти годы».

«Порыв не терпит перерыва», – гласит мудрая кавалерийская заповедь, и Келлер следует ей во всем развитии боевых действий. «…Состоя начальником 10-й кавалерийской дивизии, – гласит Высочайший приказ о награждении его Георгиевским Оружием, отданный много позже (25 апреля 1916 года), – 12 августа 1914 г. в районе дд. (деревень. – *А. К.*) Голы – Ковец – Выпески отбросил передовые части противника и затем задержал его превосходные силы, дав этим возможность нашим войскам развернуться в выгодных условиях для атаки позиции на [реке] Гнилой Липе. 18 августа, при первых признаках отхода противника, прорвал его расположение и, продолжая параллельное преследование, расстроил сильную немецкую колонну, обратив ее в бегство. 31 августа – 3 сентября организовал преследование противника, отходившего к р[еке] Сану. Рядом боев у сс. (сел. – *А. К.*) Язов-Нови, Ципула, г[орода] Яворов и в районе Добромиль – Самбор окончательно его расстроил, захватив 6 орудий, около 600 пленных и обоз, занимавший протяжением около десяти верст. Такое же преследование продолжал до 13 сентября включительно, с принуждением арриергардов противника к поспешному отходу

и с захватом многочисленных трофеев».

Победы продолжаются и в следующем году. «Я помню, как гр[аф] Келлер повел нас на штурм Ржавендов и Топороуца, – пять лет спустя не скрывает своего восхищения генерал П. Н. Краснов, рассказывая о тяжелых боях весны 1915-го. – …Раздались звуки труб, и на громадном коне, окруженный свитой, под развевающимся своим значком явился граф Келлер. Он что-то сказал солдатам и казакам. Никто ничего не слыхал, но заревела солдатская масса “ура”, заглушая звуки труб, и потянулись по грязным весенним дорогам колонны. И когда был бой, – казалось, что граф тут же и вот-вот появится со своим значком. И он был тут, он был в поле, и его видели даже там, где его не было. И шли на штурм весело и смело».

В боях под Хотином, «на штурм Ржавендов и Топороуца» Федор Артурович вел уже вновь сформированный III-й конный корпус. Первое же сражение доставило корпусу громкую славу, а его командиру принесло орден Святого Георгия III-й степени – по формулировке Высочайшего приказа от 23 мая 1915 года, «за то, что 17-го марта 1915 г. во главе вверенного ему корпуса атаковал в конном и пешем строю в районе д[еревень] Рухотин, Поляна, Шиловцы, Малинцы 42[-ю] гонведную пехотную дивизию и бригаду гусар 5-й гонведной кавалерийской дивизии, наступавшие на город Хотин, разбил их и, частью уничтожив, взял в плен 33 офицера, 2100 нижних чинов, 40 походных кухонь и 8 телеграфных вьюков; 27-го апреля, выбив противника из тройного ряда окопов с проволочными заграждениями у д[еревни] Гремешти на берегу Днестра, прорвался в тыл австрийцам и овладел высотами правого берега ручья Онут и д[еревнями] Баламутовка, Ржавинцы и Гремешти, при этом захватил в плен 23 офицера, 2 000 нижних чинов, 6 орудий, 34 зарядных ящика».

Талант военачальника у графа был неотделим и от личного обаяния. «…Его солдаты обожают, и когда он посещает раненых, каждый старается приподняться и сесть, чтобы лучше его увидеть, – пишет Императрица Александра Феодоровна Государю. – Он разъезжает в сопровождении огромного стяга Нерукотворного Спаса[66] со свитой из 40 казаков, из которых у каждого четыре Георгиевских креста, только эти могут его охранять, – говорят, что это внушительная и волнующая картина». В свою очередь, Федор Артурович неизменно проявлял самую теплую заботу о солдатах.

С августа 1915 года III-й конный корпус, входя в состав IX-й армии, обеспечивал левый фланг Юго-Западного фронта. Здесь же войска узнали о вступлении Императора Николая II в должность

Верховного Главнокомандующего (23 августа 1915 года); по-видимому, о реакции Федора Артуровича именно на это известие писала Государю Императрица 28 августа: «Прилагаю письмо графа Келлера, которое, может быть, ты захочешь прочитать, так как оно обнаруживает его точку зрения на происходящее, он смотрит просто и здраво, как большая часть тех, которые не находятся в С[анкт]-П[етер]б[урге] или Москве». Отсюда можно сделать вывод, что новость, вызвавшая ропот и пересуды в обществе, не должна была обеспокоить Келлера, по-прежнему остававшегося безупречным верноподданным. Свою роль здесь могла сыграть и близость графа к Царской Семье, которая нашла отражение, в частности, в письмах и телеграммах, отправляемых им Императрице лично или через министра Двора генерала графа В. Б. Фредерикса и фрейлину Ее Величества А. А. Вырубову. При этом Федор Артурович мог в ряде случаев рассчитывать, что их содержание станет известным и Государю, и действительно, с октября 1914 по июнь 1916 года Государыня в Своих письмах семь раз упоминает различные известия от Келлера, в том числе четыре раза – в связи с пересылкой их на прочтение Императору.

Относительное затишье и позиционная война наконец-то сменяются в последних числах мая 1916 года решительным и победоносным наступлением Юго-Западного фронта. Не пройдет и месяца, как в Царское Село полетит телеграмма командира III-го конного корпуса: «Данную задачу исполнил, очистил южную Буковину от противника. Сегодня ранен в другую ногу пулей, кость не перебита, но расщеплена. С Божьей помощью надеюсь скоро вернуться в строй для дальнейшей службы Вашему Величеству». После вступления в августе 1916 года в войну Румынии конница Келлера первой вошла на ее территорию для оказания помощи новому союзнику. В январе 1917 года Федор Артурович был произведен в генералы-от-кавалерии… а менее трех месяцев спустя – оставил ряды Действующей Армии, хотя конца войне еще не предвиделось.

Конец пришел Императорской Армии.

* * *

Известие об отречении Императора Николая II прозвучало на Румынском фронте как гром среди ясного неба. Когда миновал первый шок, многие офицеры если и не в полной мере осознали, то почувствовали в произошедшем угрозу самим основам исторического бытия России; другие, напротив, посчитали, что теперь создадутся условия для более успешного окончания войны

и дальнейшего развития государства (сказались впечатления от «министерской чехарды» последних месяцев, оппозиционной, а в ряде случаев – и прямо провокационной деятельности Государственной Думы и злонамеренных клеветнических обвинений в адрес Государя и особенно Государыни, доползавших до фронта и нередко находивших там питательную почву); нашлись и те, кто готов был делать «революционную» карьеру. Русскому офицерству и генералитету, в массе своей вообще аполитичным, предстояло едва ли не впервые делать выбор, причем в чрезвычайно сложных условиях. Но для графа Келлера проблемы выбора не существовало.

Вопреки распространенному мнению, генерал не был среди военачальников, которым начальник Штаба Верховного Главнокомандующего генерал М. В. Алексеев 1 марта 1917 года, поставив в известность о мятеже в Петрограде и (со слов главы мятежного «Временного Комитета Государственной Думы» М. В. Родзянко) о раздававшихся уже требованиях отречения Императора, приказал высказать свое мнение на этот счет. Телеграфный запрос относился только к Главнокомандующим армиями четырех фронтов, точка же зрения командиров корпусов не интересовала Алексеева, пытавшегося устроить своего рода военный совет, а не «офицерский митинг» (увы, последующие годы еще продемонстрируют и такое). Но после того как известия о свершившемся отречении дошли до фронта, граф Келлер счел необходимым высказаться. Наиболее красочные воспоминания об этом оставил генерал А. Г. Шкуро, служивший тогда под началом Федора Артуровича:

«…Граф Келлер заявил телеграфно в Ставку, что не призна2ет Временного правительства до тех пор, пока не получит от Монарха, которому он присягал, уведомление, что тот действительно добровольно отрекся от престола. Близ Кишинева в апреле 1917 года были собраны представители от каждой сотни и эскадрона [полков корпуса].

– Я получил депешу, – сказал граф Келлер, – об отречении Государя и о каком-то Временном правительстве. Я, ваш старый командир, деливший с вами и лишения, и горести, и радости, не верю, чтобы Государь Император в такой момент мог добровольно бросить на гибель армию и Россию. Вот телеграмма, которую я послал Царю (цитирую по памяти[67]*): “3-й конный корпус не верит, что Ты, Государь, добровольно отрекся от Престола. Прикажи, Царь, придем и защитим Тебя”.*

– Ура, ура! – закричали драгуны, казаки, гусары. – Поддержим все, не дадим в обиду Императора.

Подъем был колоссальный. Все хотели спешить на выручку

плененного, как нам казалось, Государя. Вскоре пришел телеграфный ответ за подписью ген[ерала] Щербачева – графу Келлеру предписывалось сдать корпус под угрозой объявления бунтовщиком. Келлер сдал корпус ген[ералу] Крымову и уехал из армии. В глубокой горести и со слезами провожали мы нашего графа…»

Красочный рассказ, записанный, возможно, всего три-четыре года спустя, содержит тем не менее явные неточности: датировку событий апрелем (очевидно, что это слишком поздно) и упоминание генерала Д. Г. Щербачева как «вышестоящей инстанции», отрешившей Келлера от должности или по крайней мере передавшей распоряжение об этом (в дни Февральского переворота Щербачев командовал VII-й армией на соседнем Юго-Западном фронте). «Цитирование по памяти» телеграммы Федора Артуровича также представляет собою даже не столько пересказ, сколько «воспоминание о впечатлениях», охвативших молодого офицера при ее оглашении. Другой текст приводит в своих мемуарах полковник Ю. А. Слезкин (очевидцем он, правда, не был и писал с чужих слов):

*«Не веря в "добровольность" отречения Государя, он (*Келлер. – *А. К.) отказался присягнуть Временному Правительству и перед выстроенным корпусом во всеуслышание продиктовал начальнику радио-телеграфной станции нижеследующую телеграмму Государю:*

"Его Императорскому Величеству, Ставка. 3-ий конный корпус повергает к стопам Вашего Императорского Величества свои верноподданнические чувства и умоляет не покидать Престола. Генерал граф Келлер".

Но телеграмма эта, равно как и аналогичная телеграмма генерала Хана Нахичеванского от лица Гвардейской кавалерии, была задержана в Ставке и не была вручена Государю».

Имеется, впрочем, и иное свидетельство – фрейлина Государыни Ю. А. Ден вспоминала, что 10 марта слышала от Императора, перевезенного из Ставки в Царское Село, о получении Им телеграммы графа: «Государь поведал нам, что после опубликования текста отречения он получил множество телеграмм. Значительная часть была оскорбительного содержания, иные были проникнуты неистребимым духом верности и преданности. В телеграмме от графа Келлера указывалось, что 3-й конный корпус, которым он командовал, не верит, что царь мог добровольно оставить армию, и готов придти ему на помощь. Граф отказался присягнуть Временному правительству, после чего сломал саблю и швырнул обломки наземь (полковник Слезкин впоследствии подвергал сомнению

красивую легенду о сломанной сабле. – *А. К.*)».

Большинство приведенных свидетельств связывают последнее официальное изъявление графом преданности своему Императору не с известиями об отречении, а с необходимостью присягать новой власти, и в исторической перспективе эти события могут казаться одновременными, однако на самом деле их разделяло около двух недель. Телеграмма Государю в действительности была отправлена 6 марта, причем не в Ставку, а в Царское Село (хотя Император с утра 3-го до вечера 8 марта находился в Могилеве); подлинный же текст послания невозможно оставить без анализа, поскольку иначе слова о «непреклонном монархизме» графа Келлера будут слишком расплывчатыми, – а анализ этот приводит к довольно неожиданным выводам. Итак, вот что телеграфировал Федор Артурович:

«Царское Село, Его Императорскому Величеству

Государю Императору Николаю Александровичу.

С чувством удовлетворения узнали мы, что Вашему Величеству благоугодно было переменить образ управления нашим Отечеством и дать России ответственное министерство, чем снять с Себя тяжелый непосильный для самого сильного человека труд. С великой радостью узнали мы о возвращении к нам по приказу Вашего Императорского Величества нашего старого Верховного Главнокомандующего Великого Князя[68] Николая Николаевича, но с тяжелым чувством ужаса и отчаяния выслушали чины конного корпуса манифест Вашего Величества об отречении от Всероссийского Престола, и с негодованием и презрением отнеслись все чины корпуса к изменникам из войск, забывшим свой долг перед Царем, забывшим присягу, данную Богу, и присоединившимся к бунтовщикам[69]. По приказанию и завету Вашего Императорского Величества 3[-й] конный корпус, бывший всегда с начала войны в первой линии и сражавшийся в продолжение двух с половиною лет с полным самоотвержением, будет вновь так же стоять за Родину и будет впредь так же биться с внешним врагом до последней капли своей крови и до полной победы над ним. Но, Ваше Величество, простите нас, если мы прибегаем с горячей мольбою к нашему Богом данному нам Царю. Не покидайте нас, Ваше Величество, не отнимайте у нас законного Наследника Престола Русского. Только с Вами во главе возможно то единение русского народа, о котором Ваше Величество изволите писать в манифесте. Только со своим Богом данным Царем Россия может быть велика, сильна и крепка и достигнуть мира, благоденствия и счастья.

Вашего Императорского Величества верноподданный

Граф Келлер»

Первые же строки телеграммы поражают и приводят в недоумение: ведь «перемена образа управления» – «ответственное министерство» – отнюдь не означала просто «снятия с Императора тяжелого непосильного труда». Кстати, практически теми же словами определил в 1918 году свои взгляды на желательное государственное устройство России… генерал М. В. Алексеев, которого так часто противопоставляют Келлеру: «восстановление монархии, конечно, с теми поправками, кои необходимы для облегчения гигантской работы по управлению для одного лица». В наши же дни, несмотря на *единомыслие Алексеева и Келлера*, первому достается бешеная брань монархиствующих авторов, а второму – панегирики: «Вот, кажется, именно тот миг, ради которого жил граф Федор Артурович Келлер. Исполнить свой долг всегда нелегко. А тут – подвиг! Подвиг перед Божиим Ликом, перед лицом Царя, Которым давал клятву!»

Но обойдемся без пафоса. В контексте 1916–1917 годов «ответственное министерство» не могло означать ничего, кроме окончательной ликвидации Самодержавной монархии, многовековой государственной традиции, и, быть может, лучше всех понимал это Царь-Мученик. Со слов генерала Н. В. Рузского известна развернутая аргументация Его Величества: «Основная мысль Государя была, что он для себя в своих интересах ничего не желает, ни за что не держится, но считает себя не вправе передать все дело управления Россией в руки людей, которые сегодня, будучи у власти, могут нанести величайший вред родине, а завтра умоют руки, “подав с кабинетом в отставку”. “Я ответственен перед Богом и Россией за все, что случилось и случится”, сказал Государь, “будут ли министры ответственны перед Думой и Государственным Советом – безразлично. Я никогда не буду в состоянии, видя, что́ делается министрами не ко благу России, с ними соглашаться, утешаясь мыслью, что это не моих рук дело, не моя ответственность”. Рузский старался доказать Государю, что его мысль ошибочна, что следует принять формулу: “Государь царствует, а правительство управляет”. Государь говорил, что эта формула ему непонятна…»

Не случайно Император в ночь на 2 марта, уже допуская уступки «Временному Комитету Государственной Думы», первоначально думал все-таки предложить «общественным деятелям» «составить министерство, ответственное перед Его Величеством», и лишь после долгого и тяжелого разговора с Рузским «выразил окончательное решение… дать ответственное перед законодательными палатами министерство», причем

формировать кабинет должен был бы Родзянко. Соответствующий манифест, проект которого был написан в Ставке и принят Государем в шестом часу утра 2 марта, гласил бы: «Стремясь сильнее сплотить все силы народные для скорейшего достижения победы, Я признал необходимость призвать ответственное перед представителями народа министерство, возложив образование его на председателя Государственной Думы Родзянко, из лиц, пользующихся доверием всей России». В каком-то смысле это была реформа государственного устройства страны, сама по себе сравнимая с революцией; Акт же об отречении шел еще дальше не только в том отношении, что Государь передавал Престол Великому Князю Михаилу Александровичу, – форма правления теперь определялась следующим образом: «править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу». Император, присягающий в верности конституции, которая «установлена» парламентом, – такая схема окончательно закрепляла переход от «думской монархии» к конституционной, с «царем» в лучшем случае в качестве символа, а то и просто бутафорской фигуры. Приходил конец принципу, сформулированному П. А. Столыпиным: «Есть одна инстанция, которая может творить правду, становясь выше всяких законов».

Ф. А. Келлер – командир 15-го драгунского Александрийского полка

Мог ли не понимать этого «непреклонный монархист» граф Келлер? Кстати, в опубликованном тексте Акта 2 марта *нет* слов «ответственное министерство»; значит, Федор Артурович или обдумывал и пересказывал содержание Акта в «своих» терминах, или имел какие-то дополнительные источники, письменные или устные. А ведь, кроме теоретической, была еще и практическая сторона дела: «ответственное министерство» предстояло образовать думским и «общественным» демагогам вроде Родзянко и Милюкова, еще недавно завуалированно или открыто нападавшим на монархию, Государя и Императрицу, – тем, о ком

даже А. И. Гучков впоследствии отзывался, мягко говоря, без восторга: «Я всегда относился весьма скептически к возможности создания у нас в России (по крайней мере в то время) общественного или парламентского кабинета, был не очень высокого мнения… не скажу – об уме, талантах, а о характере в смысле принятия на себя ответственности, того гражданского мужества, которое должно быть в такой момент. Я этого не встречал… Я осторожно относился к проведению на верхи элементов общественности; так, некоторые элементы ввести – это еще туда-сюда, но избави Бог образовать чисто общественный кабинет – ничего бы не вышло. У всех этих людей такой хвост обещаний, связей личных, что я опасался (особенно у людей, связанных с партиями)…» Наконец, речь шла о людях, виновных в многочисленных обидах и прямых оскорблениях, наносимых Государыне, – и мог ли не знать этого «удовлетворившийся» ответственным министерством верноподданный граф Келлер?

Странно звучит и выраженная в телеграмме «великая радость» по поводу назначения Великого Князя Николая Николаевича Верховным Главнокомандующим (один из последних указов Императора Николая II). Вполне вероятно, что Келлер сохранил уважение к Великому Князю с довоенных лет и не ставил ему в вину неудачи русской армии в 1915 году; но радоваться его возвращению в телеграмме, которая, будучи направлена в Царское Село, должна была бы стать известной и Государыне, – значило нанести совершенно неожиданный Ею удар. Как известно, Александра Феодоровна относилась к Великому Князю с предубеждением («всякие дурные элементы собираются вокруг него и хотят использовать его, как знамя» и проч.); вспомним также, сколько волнений вызвало в свое время занятие Императором поста Верховного, – и станет очевидным, что (явно вынужденное!) оставление Им этого поста было еще одной раной для Императрицы, а «радость» по этому поводу верноподданному графу Келлеру тактичнее было бы скрыть.

К Федору Артуровичу как-то не подходит слово «легкомыслие», а вот бестактность и несправедливость бывали ему свойственны. И если «удовлетворением» от дарования ответственного министерства изобличается пусть и не легкомыслие, но явная необдуманность телеграммы, то «великая радость» звучит столь же явною бестактностью по отношению к Государю и Государыне. Но тогда в чем же вообще заключался монархизм Келлера?

Ответ дает концовка телеграммы, действительно продиктованная «тяжелым чувством ужаса и отчаяния». Полностью отождествляя Россию с законной правящей линией

Царского Дома (Государем и Наследником), Келлер, в сущности, отказывается от каких бы то ни было оценок действий Императора. После этого слова, сказанные им А. И. Деникину полтора года спустя, – «захочет Государь Император, будет вам и конституция или хотя бы даже федерация, не захочет Его Величество, не будет ни того, ни другого. А мы с вами должны исполнять его волю, а не политиканствовать», – перестают восприниматься как ирония, полемический выпад. Воля Монарха (любая! – даже разрушающее монархию «ответственное министерство» или разрушившая бы Империю «федерация») является для Федора Артуровича чем-то ниспосланным свыше. Возможно, к графу приложимы слова, сказанные генералом Ю. Н. Даниловым о другом представителе того же поколения – Великом Князе Николае Николаевиче, который был старше Келлера менее чем на год: «Религия… была у него накрепко связана с понятием о божественном происхождении на Руси царской власти и с внутренним убеждением о том, что через миропомазание русский Царь получает какую-то особо-таинственную силу, ставящую его в отношении государственного разума в какое-то недосягаемое для других положение (сквозящая здесь ирония «передового» автора для нас сейчас несущественна. – *А. К.*)».

В данном же случае наблюдалось трагическое противоречие: воля Государя вела к разрушению династической преемственности и оставлению Престола самим Монархом. Отметим, что в телеграмме Келлера, вопреки легендам, нет ни подозрений о вынужденности отречения («3-й конный корпус не верит…»), ни намерения по Царскому приказу «придти и защитить» Его. Не будем полностью отвергать свидетельства Шкуро: подобные разговоры, по-видимому, велись среди офицеров – об опросе начальников упоминают в связи с позицией будущего Атамана А. И. Дутова, тогда командовавшего полком и якобы выражавшего готовность двинуть свой полк на помощь Государю; но вслух, в официальном документе, Келлер подобных намерений не высказывает. Напротив, он подчеркивает боевую службу корпуса и намерение «впредь так же биться *с внешним врагом*[70]», а тыловым предателям и бунтовщикам посылается лишь «негодование и презрение».

Важно отметить, что Федор Артурович мыслил точно так же, как и Государь, который через день после отправки келлеровской телеграммы, но, конечно, еще не зная о ней, обращался к Армии со Своим последним приказом (Временное Правительство остановило передачу этого документа в войска, но он распространялся в списках): «Исполняйте же ваш долг, защищайте доблестно нашу великую Родину, повинуйтесь

Временному Правительству, слушайтесь ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу». Война не прекращалась и даже не приостанавливалась, страну необходимо было защищать, и это понимали все военачальники – Император и Алексеев, Великий Князь Николай Николаевич и Келлер…

Подчеркнем: позиция Федора Артуровича – абсолютно искренняя *преданность без лести*, укорененная в глубине его души и самоотверженная. Недаром через пять месяцев, уже находясь не у дел, Келлер будет ходатайствовать перед Временным Правительством «о разрешении мне последовать за Государем Императором Николаем Александровичем в Сибирь и о разрешении мне состоять при Особе Его Величества». Нет ни малейшего сомнения, что граф был готов разделить любые невзгоды и страдания, уготованные Государю и Его Семье; но вот выполнить последнюю волю Державного Вождя Армии и Флота – продолжать службу во имя борьбы с «врагом внешним» – он не смог.

В середине марта старый генерал не захотел явиться на совещание, где обсуждались известия из Ставки: «отсутствовал граф Келлер, не признавший новой власти», – пишет участник совещания Деникин, передавая его точку зрения: «Граф Келлер заявил, что приводить к присяге свой корпус не станет, так как не понимает существа и юридического обоснования верховной власти Временного правительства; не понимает, как можно присягать повиноваться Львову, Керенскому и прочим определенным лицам, которые могут ведь быть удалены или оставить свои посты…» Заметим, что вопрос поставлен совершенно правильно и законно: отсутствие конституции и несменяемости кабинета действительно могло вызвать подобные сомнения, и впоследствии, на Уфимском Государственном Совещании 1918 года, этот вопрос попробуют решить именно установлением несменяемости членов избранной Директории. Таким образом, отнюдь не следует представлять Келлера «малограмотным» строевиком, совсем не понимающим политических проблем и не интересующимся ими, – а значит, и «ответственное министерство» в его телеграмме от 6 марта вряд ли было результатом ошибочного словоупотребления или свидетельством полной некомпетентности генерала в вопросах государственного устройства.

В то же время Келлер фактически самоустраняется от активной борьбы не только за реставрацию монархии или освобождение Монарха (хотя после того, как Царская Семья была взята под стражу, об Их подлинном положении двух мнений

больше быть не могло), но и за поддержание боеспособности воюющей Армии, за предотвращение хаоса и анархии, – от борьбы, которую, начав со вполне лояльных актов, собирались повести другие военачальники. «Думаю, что для многих лиц, которые не считали присягу простой формальностью – далеко не одних монархистов – это, во всяком случае, была большая внутренняя драма, тяжело переживаемая; это была тяжелая жертва, приносимая во спасение Родины и для сохранения армии…» – рассуждает Деникин; но жертва не означала полного подчинения развитию событий, согласия безвольно плыть по течению.

Мысль о том, что вооруженные силы в лице старших начальников должны сказать свое веское слово и переломить ситуацию, очевидно, носилась тогда в воздухе. Так, на Румынском фронте неофициальное совещание нескольких кавалерийских начальников запланировало на день принятия присяги «обращение от лица всей собранной в Бессарабии конницы к временному правительству с адресом, побуждающим его к более энергичному проявлению своей воли». «Рекомендация», за которой стояло несколько десятков тысяч клинков, еще верных своим командирам, приобретала дополнительный вес в случае единства самих командиров и присутствия среди них такого авторитетного для всей русской конницы полководца, как граф Келлер. Ходили даже слухи о том, что конный корпус Келлера «должен был занять Одессу, чтобы поддержать монархическое движение в Подольи и на Волыни» (план примерно такой же военной демонстрации приписывали адмиралу А. В. Колчаку, возглавлявшему Черноморский флот). Остановить разрушение Армии и государства нужно было любыми средствами, что особенно хорошо понимали те военачальники, которые так или иначе уже соприкоснулись с новыми порядками, больше всего походившими на беспорядок. Таким был начальник 12-й кавалерийской дивизии генерал барон Г. К. Маннергейм, в дни Февральского мятежа оказавшийся в Петрограде и имевший возможность познакомиться с буйством революционной толпы. Именно Маннергейма и направили к Келлеру его единомышленники, стремившиеся сохранить Армию (и получившие за это от сегодняшнего монархиствующего автора клеймо «предателей»).

Разговор двух генералов состоялся, по свидетельству офицера, сопровождавшего Маннергейма, «16 или 17 марта» в Штабе III-го конного корпуса, разместившемся в городе Оргееве. «Штаб корпуса – скромный одноэтажный домик, обвеянный какой-то грустью, – рассказывает очевидец. – Тихо говорящие и

бесшумно двигающиеся люди. Впечатление такое, точно в доме кто-то тяжело болен».

«Все убеждения генерала Маннергейма пожертвовать личными политическими верованиями для блага армии пропали втуне, – продолжает тот же автор со слов самого барона. – *Граф Келлер, по-видимому, к тому времени уже окончательно решил, где его долг. Зато он вполне успокоил барона Маннергейма, уверив его, что воздействие на волю войск никогда не входило в его, графа Келлера, расчеты. Он заявил, что и не подумает удерживать свои войска от принятия присяги. Тогда барон Маннергейм спросил, не повлияет ли на войска уже самый факт личного отказа от присяги графа Келлера. Этот последний ответил, что по его мнению полки 1-й Донской дивизии все равно присягать не станут, полки 10-й кавалерийской дивизии не присягнут только в том случае, если он, Келлер, окажет на них воздействие в этом смысле, относительно же 1-й Терской дивизии он ничего сказать не может.*

Как показали последующие события, когда все части 3-го конного корпуса без всяких затруднений присягнули, генерал граф Келлер тоже жил в мире иллюзий и уже не знал истинных настроений своих войск.

Впрочем, можно думать, что его мало интересовало, как поступят его офицеры и солдаты. Он знал, как надо поступить ему самому, и поступал так.

– Я христианин, – сказал он генералу Маннергейму, – и думаю, что грешно менять присягу».

«Он был больше, чем христианин, – христианский рыцарь», – комментирует мемуарист, но, хотя рыцарственное благородство действительно было органически присуще старому воину, нельзя не отметить, что граф, даже с религиозной точки зрения, пренебрег возможностью удержать *других* от шага, который лично для *себя* решительно квалифицировал как греховный, – не говоря уж о том, чтобы провозгласить реставрационные лозунги, сформировать и возглавить контрреволюционное движение; в сущности, свое отличие от большинства генералитета Федор Артурович проявил лишь *индивидуальным* нежеланием служить новой власти – или хотя бы попытаться служить России *при* новой власти.

В чем причина этого? Старый военачальник безусловно должен был осознавать, что любая «контрреволюция» станет широкомасштабным конфликтом внутри воюющего государства. К тому же выводу придут на тайном совещании 23 апреля генералы Маннергейм и А. М. Крымов (преемник Келлера на посту командира III-го конного корпуса), обсуждавшие «возможность переброски кавалерии… в Петроград для наведения

порядка». Адъютант Маннергейма рассказывает:

«Ввиду захвата революционерами телефона, телеграфа и особо [–] железных дорог, переброска кавалерии должна была быть произведена в конном строю[71].

*Конная армия в несколько тысяч сабель (*собеседники могли уже знать, что Маннергейма прочили на пост командира VI-го конного корпуса. *– А. К.) не могла питаться от населения, ни кони не могли быть снабжены фуражем. Подвоз снабжения с юга не был возможен, т. к. только жел[езные] дороги могли бы доставить во время движения армии снабжение, т. е. эта возможность была исключена…*

Вопрос о переброске кавалерии оказался невыполнимым».

Итак, если Келлер и оценивал возможность вооруженного подавления революции, он скорее всего приходил к подобным же выводам, что и совещавшиеся генералы, которые отличались ничуть не меньшим мужеством и решительностью, – фронтовики, кавалеристы, Георгиевские кавалеры. Как мы видели, Федор Артурович полагал, что может рассчитывать по меньшей мере на две дивизии, но конная дивизия – не иголка и не коробка оловянных солдатиков, чтобы спрятать ее в карман и провезти по стране, уже охваченной революциею, к мятежному Петрограду. Включиться же в эскалацию междоусобицы, открыть внутренний фронт в тылу внешнего – значило и открыть дорогу победоносным германским войскам (они не переходили в наступление всю весну и начало лета 1917 года именно потому, что предоставленная самой себе страна разлагалась на глазах).

Но может быть, все намного проще, и известие об отречении Императора надломило старого генерала и «выбило из его рук оружие» само по себе, независимо ни от каких иных соображений; может быть, граф уже посчитал, что с падением монархии история России закончилась, и начинается что-то новое, в чем он не желал принимать участия; может быть, в эти дни он предчувствовал и свою собственную трагическую судьбу – случайно ли, пользуясь пока уважением и даже преданностью подчиненных, еще до начала повсеместной кровавой вакханалии, гонений и убийств офицеров, произносит граф Келлер пророческие слова: «Я уже свыкся с мыслью, что ко мне в один прекрасный день придут и убьют».

Революция уже вовсю корчила свои жуткие гримасы.

* * *

Первая гримаса революции, впрочем, могла вызвать скорее

удивление, а то и улыбку. По рассказу Федора Артуровича, покинувшего ряды Армии, с фронта в Харьков, к месту довоенной стоянки Штаба 10-й кавалерийской дивизии, его сопровождал караул. Солдаты, однако, еще не упились революционною свободой до полной потери человеческого облика, и часовой, находившийся в купе графа, даже показался ему «симпатичным». «Я ему предложил стакан вина, на что он с охотой согласился, – рассказывал Келлер. – Я вздремнул, и когда проснулся, то часового около меня не было. Поезд подошел к Харькову: я немного подождал, но, видя, что все из поезда вышли, я тоже вышел на перрон. Ни часового, ни караула не было. Я один отправился домой на свою квартиру». Парадоксальная ситуация, когда не заключенный бежит из-под стражи, а конвой, видимо тяготясь своими обязанностями, пользуется удобным случаем, чтобы бесследно исчезнуть, говорит о неизменном авторитете старого генерала, и о том же свидетельствует еще один переданный им эпизод его «мирной» жизни в Харькове.

«…На первый день Пасхи меня предупредил мой деньщик, что ко мне во двор пришел большевистский эскадрон, чтобы арестовать меня, – продолжает Федор Артурович. – *Я надел полушубок, папаху и вышел. Вахмистр эскадрона скомандовал “смирно”, и я, видя такой поворот дела, спросил, что им нужно? “Ваше сиятельство”, отвечал вахмистр, “вы наш корпусной командир, разрешите поздравить вас с праздником”».*

В рассказе есть, правда, одно обстоятельство, вызывающее сомнения, – датировка происшествия. До конца жизни Федора Артуровича оставалось лишь две Пасхи – 1917 и 1918 года, причем первая приходилась на 2 апреля (15-е по новому стилю), а вторая – на 22 апреля / 5 мая. В апреле 1917 года говорить не только о «большевицких», но, пожалуй, и об «обольшевиченных» воинских подразделениях как будто еще рановато, а в апреле 1918-го, когда Малороссия уже была оккупирована австро-германцами, – несомненно поздно. Конечно, перепутанными могут оказаться любые праздники, но явно выделенным из общего ряда и сопоставимым по значению с Пасхой нам представляется только Рождество; с этим вполне согласуется и упомянутый графом полушубок, надевать который в апреле – мае в Малороссии, даже в предвидении возможного ареста, вряд ли так уж необходимо. Но если наша догадка справедлива, то процитированный рассказ проливает некоторый свет на то, почему вообще генерал граф Келлер уцелел в смутные дни конца 1917 – начала 1918 года.

Действительно, уже в ночь на 9 декабря 1917 года в Харьков прибыли значительные отряды красногвардейцев и

большевизированных солдат и матросов. В этой обстановке проживать, можно сказать, в эпицентре событий генералу с репутацией Келлера было несомненно опасно. И правдоподобным выглядит предположение, что роль «охранной грамоты» мог сыграть все тот же авторитет графа среди возвращавшихся с фронта солдат, в первую очередь – его бывших кавалеристов.

За эти месяцы в жизни Федора Артуровича, на первый взгляд, не происходило никаких событий, но это не значит, что их не было на самом деле. «До сего момента я стоял в стороне от политики, занимался и занимаюсь сейчас своими воспоминаниями о минувшей войне», – говорил он сослуживцу осенью 1918 года, но даже если принять, что собственный монархизм граф не включал в понятие «политики», написание мемуаров составляло для него далеко не единственную заботу. «Как граф Келлер? Видели ли Вы его в Харькове?» – писала 29 ноября 1917 года Государыня из тобольского заключения Своей бывшей фрейлине Ден; очевидно, встреча действительно состоялась, поскольку в письме от 2 марта 1918-го[72] снова встречаются строки: «Если Вы увидите милого графа Келлера снова, передайте ему, что его бывший Шеф шлет ему самый сердечный привет, и скажите, что она постоянно молится за него». И хотя сколько-нибудь серьезного монархического подполья создано так и не было, отдельные контакты между различными кружками поддерживались и позволяли обмениваться информацией и строить планы, которым, увы, так и не суждено было воплотиться в жизнь. Один из курьеров – корнет С. В. Марков, в феврале 1918 года привезший графу «письма монархических организаций», десять лет спустя так передавал монолог, якобы услышанный от Федора Артуровича в Харькове:

«Передайте на словах в Петербурге, что я считаю какие-либо выступления преждевременными и лично ни на какие авантюры не пойду[73]*… Не место на Дону собирать офицеров, это не плацдарм для таких начинаний… Погибнут тысячи невинных жизней… Россия не может восстановить порядок без опоры на какое-либо иностранное государство с его технической и материальной помощью… Во всяком случае, пока не увижу, что такая помощь может быть оказана и будет реально осуществлена, я ни на какие выступления не соглашусь, так как считаю их бесполезными.*

Кроме того, все эти революционные лозунги еще не изжились. Корнилов – революционный генерал, ему и карты в руки, пускай пытается спасать российскую демократию… теперь, быть может, время для этого. Я же могу повести армию только с Богом в сердце и Царем в душе. Только вера в Бога и в мощь Царя могут спасти нас, только старая армия и всенародное раскаяние могут спасти

Россию, а не демократическая армия и “свободный” народ».

Приведенная цитата настоятельно требует, чтобы зерна в ней были отделены от плевел. Нельзя ожидать от мемуариста стенографической точности, но ряд положений в воспоминаниях корнета Маркова слишком сильно отличается от всего, известного о графе Келлере, и оставить это без внимания нельзя.

Заметим прежде всего, что фраза «не место на Дону собирать офицеров» в силу отсутствия какой-либо аргументации обречена оставаться загадкой, а проповедь осторожности и боязни «авантюр» не очень-то похожа на пылкого и порывистого кавалериста, каким был Федор Артурович (позиция, которую он сам займет осенью 1918 года, тоже может быть охарактеризована как «авантюрная»); и хотя мы еще увидим Келлера и сторонником тактики выжидания, но встает вопрос, *чего же именно* он хотел выжидать? И здесь совершенно непонятной оказывается апология иностранной помощи, тем более что граф никогда не отличался склонностью к отвлеченному теоретизированию, а это означало необходимость выбора между двумя вполне конкретными силами – воюющими европейскими блоками: Антантой и Центральными Державами.

Ожидание Келлером действенной помощи союзников в феврале 1918 года представляется крайне сомнительным; если же сбросить со счетов союзников – останутся только враги – австро-германцы. Но к немцам Федор Артурович, несмотря на свое происхождение и лютеранское вероисповедание, испытывал неприязнь даже в мирное время, и вряд ли эта неприязнь ослабла после трех лет войны и явной поддержки немцами разрушителей русской государственности, в первую очередь большевиков. Недалекое будущее покажет, что граф Келлер отнюдь не являлся «реальным политиком», способным абстрагироваться от собственных симпатий и антипатий во имя ожидавшейся выгоды, – и остается лишь спросить, а не существовало ли лица, которому взгляды, изложенные мемуаристом (тактика выжидания и опоры на «иностранцев», в качестве которых довольно явственно вырисовываются немцы), подходили бы больше, чем Федору Артуровичу Келлеру?

Увы, таким лицом является… сам свидетель, записавший приведенный выше монолог графа, – корнет Марков! Судя по всей его деятельности, он вполне подходит под категорию тех, кто «чурался авантюр», выжидал «благоприятных моментов», жаловался на недостаток сил и средств и… «активно» бездействовал. Оказавшись же осенью 1918 года в оккупированном немцами Киеве, корнет Марков, как пишет генерал М. К. Дитерихс, надзиравший за ведением следствия о

цареубийстве, «был на совершенно особом положении у немцев… Он говорил, что бывал везде, и в советской России имел повсюду доступ у большевиков через немцев».

«Быть может, – комментирует Дитерихс, – в рассказе Маркова было слишком много юношеской хвастливости о своем значении у немцев, но факты видели другие офицеры, и таково было их впечатление»; быть может, корнет Марков был обязан этим «своим значением у немцев» – принятой им на себя роли курьера от Императрицы к Ее брату, Великому Герцогу Гессен-Дармштадтскому; быть может, корнет Марков был во всех своих поступках совершенно искренен… но германофильство его и стремление сделать ставку на немецкую помощь остаются неоспоримыми. А после этого рождаются *слишком* сильные подозрения по поводу аутентичности рассказа Маркова о позиции Келлера – рассказе, *слишком* сильно противоречащем другим источникам (в частности, словам из собственноручного письма Федора Артуровича: «часть интеллигенции держится союзнической ориентации, другая, большая часть [–] приверженцы немецкой ориентации, но те и другие забыли о своей русской ориентации»), – и, что еще хуже, теряется уверенность в достоверности передачи и тех слов генерала, которые кажутся вполне правдоподобными: о необходимости возвращения России на ее исторический путь и всенародного раскаяния в грехе революции или о критическом восприятии им перспектив борьбы Добровольческой Армии.

А тем временем над Малороссией и Новороссией всходила недолговечная звезда Гетмана Скоропадского.

* * *

Согласно общему мнению, слабый и неискушенный в политике генерал П. П. Скоропадский отнюдь не подходил для государственной деятельности, тем более в условиях революции, смуты и иностранной оккупации. «Меня, если можно так выразиться, выдвинули обстоятельства, – писал он сам (естественно, на литературном русском языке, поскольку ни малороссийским, ни галицийским диалектами не владел), – не я вел определенную политику для достижения всего этого, меня события заставляли принять то или другое решение, которое приближало меня к гетманской власти».

Этому признанию, кажется, можно верить, коль скоро и полтора десятилетия спустя, уже в эмиграции, бывший министр одного из гетманских кабинетов размышлял: «Скоропадскому

ведь ничего и не остается сейчас, как продолжать ту игру, в которую засадили его играть 14 лет назад… Но он – сужу по всем своим встречам вплоть до последних, бывших в 1926 г., – все еще не может до конца стать украинцем, поэтому старательно *играет*[74] в украинство – и как неизбежно бывает с такими простодушно-хитрыми (sit venia verbo[75]) натурами – переигрывает, ибо не знает того, где он имеет право быть “самим собой”». Не случаен поэтому вопрос, кем же был «подлинный Скоропадский»… да и существовал ли он вообще?

Пережив, как и большинство русского офицерства, гонения и унижения в 1917 году, к весне 1918-го будущий Гетман посчитал, что население Малороссии и Новороссии, в значительной степени состоявшее из «крепких хозяев» – «хлеборобов», было менее склонно к анархии и бунту, чем крестьяне Великороссии или рабочие промышленных регионов. Происходя из старинного слободского казачьего рода, неудачливый Гетман XX столетия был все-таки «петербуржцем» гораздо более чем «малороссом», и уж вовсе не «украинцем», однако, по его собственным воспоминаниям, «постепенно… надумал, что действительно наиболее подходящий – я. Во-первых, в украинских кругах меня хорошо знают, во-вторых, я известен в великорусских кругах, и мне легче будет примирить, чем кому-либо другому, эти два полюса». Решение генерала вступить на государственное поприще привело его к титулу Гетмана, который был поднесен ему 16 апреля 1918 года на «съезде хлеборобов». Известный журналист и политик В. В. Шульгин вспоминал:

«По-украински он не говорил. Его товарищ по Кавалергардскому полку и член Государственной Думы Безак рассказывал мне впоследствии, как он готовился к избранию. Он бегал по комнате из угла в угол и твердил:

– Дякую вас за привитанье та ласку (Благодарю вас за привет и любезность).

Затем будто бы он опустился на колени перед иконой и сказал:

– Клянусь положить Украину к ногам его величества.

При этом будто бы присутствовала жена Безака, убежденная монархистка, и она поняла, что “к ногам его величества” означает к ногам Николая II. Так, вероятно, думал и сам будущий гетман. Но обстоятельства сложились так, что он положил Украину к ногам его величества Вильгельма II…»

Правдив ли этот рассказ или он не более чем легенда, полностью ли справедлив Шульгин в своем выводе или сгущает краски, – но невозможно отрицать, что одним из главных, определяющих факторов на территории Новороссии и Малороссии в это время было германское (в меньшей степени

австро-венгерское) вооруженное присутствие, которое русскими людьми воспринималось, пожалуй, двойственно.

Оккупанты пришли на смену большевикам, оккупанты гнали большевиков, так что *оккупанты* становились – и не могли не восприниматься в таком качестве, особенно поначалу, – *освободителями* от дикой разнузданной толпы, от террористического режима, обагренного кровью многочисленных жертв. «В это время, – свидетельствует Скоропадский о периоде большевицкого владычества (январь – февраль 1918 года), – в одном Киеве было перебито около трех тысяч офицеров. Многих мучали. Это был сплошной ад. Несмотря на мое желание точно знать, уже при гетманстве, цифру расстрелянных офицеров и мирных жителей, я не мог установить ее. Во всяком случае, нужно считать тысячами».

В заслугу немцам можно поставить также фактический разгон ими Центральной Рады (к слову сказать, поскольку «рада» означает «совет», в Киеве при ней была *советская* власть), где поощрялись социалистические течения; в довершение всего, несколько украинских министров оказались замешанными в уголовщину. Ясно, что нормальной жизни с такими «правителями» быть не могло, и немецкое самоуправство оказывалось вполне уместным (разгон Рады и проложил дорогу к власти Скоропадскому).

В то же время вряд ли кто-нибудь сомневался, что в своих действиях немцы руководствовались отнюдь не симпатиями к России или хотя бы Украине. Их интересовало выкачивание из богатых южнорусских губерний сырья, и в стремлении получить хлеб германское командование, заботясь, чтобы поля были засеяны, объявило, «что урожай будет принадлежать тому, кто обрабатывал землю» («узаконив» таким образом революционный «черный передел»), и… не замедлило с жестокими реквизициями.

Таковы были чужие – враги, завоеватели; легче ли было со «своими» – населением новообразованной «Украинской Державы»?

Увы, петербургскому «украинцу» генералу Скоропадскому явно не повезло с этим населением, поскольку и среди малороссов «украинцев» оказалось не так уж много. «Сознательным» был лишь сравнительно тонкий слой провинциальной интеллигенции и «полу-интеллигенции». Странно ли, что в такой ситуации Гетман, не одаренный волею самостоятельного политического деятеля, в своих поступках и высказываниях не отличался последовательностью? Скоропадскому, который, как вспоминал его сослуживец, по своей прежней службе привык быть «чрезвычайно осторожным» и «умел

молчать», со дня «переворота» и в продолжение следующих семи с половиною месяцев пришлось говорить… и он говорил, пытаясь лавировать, не всегда умело:

Генералу А. С. Лукомскому, в начале мая (по новому стилю): «что он не “щирый украинец”, что вся его работа будет идти на создание порядка на Украине, на создание хорошей армии, и что когда Великороссия изживет свой большевизм, он первый подымет голос за объединение с Россией; что он отлично понимает, что Украина не может быть “самостийной”, но обстановка такова, что ему пока необходимо разыгрывать из себя “щирого украинца”; что для него самое больное и самое трудное – это работать с немцами, но опять-таки и здесь – это единственно правильное решение, так как, только опираясь на силу, он может создать порядок на Украине; а единственная существующая реальная сила – это немцы… Вот когда удастся создать прочную регулярную армию на Украине, то тогда он иначе будет разговаривать и с немцами».

Барону П. Н. Врангелю, в середине мая: «что Украина имеет все данные для образования самостоятельного и независимого государства, что стремление к самостоятельности давно жило в украинском народе… что объединение славянских земель Австрии и Украины и образование самостоятельной и независимой Украины, пожалуй, единственная жизненная задача».

Представителю Добровольческой Армии полковнику Неймирку, 9 октября: «Я русский человек и русский офицер; и мне очень неприятно, что, несмотря на ряд попыток с моей стороны завязать какие-либо отношения с ген[ералом] Алексеевым… кроме ничего не значащих писем… я ничего не получаю… Силою обстановки мне приходится говорить и делать совершенно не то, что чувствую и хочу, – это надо понимать… Я определенно смотрел и смотрю – и это знают мои близкие, настоящие русские люди, – что будущее Украины в России. Но Украина должна войти как равная с равной на условиях федерации…»

Атаману Всевеликого Войска Донского генералу П. Н. Краснову, 10 октября: «Вы, конечно, понимаете… что я, флигель-адъютант и генерал свиты Его Величества, не могу быть щирым Украинцем и говорить о свободной Украине, но в то же время именно я, благодаря своей близости к Государю, должен сказать, что он сам погубил дело Империи и сам виноват в своем падении. Не может быть теперь и речи о возвращении к Империи и восстановлении Императорской власти. Здесь, на Украине, мне пришлось выбирать – или самостийность, или большевизм, и я

выбрал самостийность… Предоставьте народу жить так, как он хочет. Я не понимаю Деникина. Давить, давить все – это невозможно… Дайте самим развиваться, и, ей-Богу, сам народ устроит это все не хуже нас с вами…

Я прошу Вас быть посредником между мною, Деникиным, Кубанцами, Грузией и Крымом, чтобы составить общий союз против большевиков… Мы все Русские люди и нам надо спасти Россию, и спасти ее мы можем только сами».

А для «внутренней», «украинской» аудитории, по свидетельству современника, Гетман стремился «доказать свое “щирое” украинство между прочим усиленным восхвалением украинских знаменитостей – Шевченко и Мазепы – других не нашлось – и совершенно зря клеймя будто бы испытанный Украиной в течение двух с половиной веков русский гнет, без указаний, однако, в чем он состоял». «…В четырех стенах клянется “положить Украину к ногам Его Величества”, публично же клянется в верности самостийности, – характеризовал Скоропадского в 1918 году Шульгин. – Люди, хорошо его знающие, говорят, что он принял гетманство с хорошими намерениями, но затем ему слишком понравилась гетманская булава; будущему монарху окажет, разумеется, повиновение, но рассчитывать на особую энергию и преданность на воссоединение с Россией[76] нельзя. Впрочем, сделает все, что прикажут немцы, ибо искренне и до конца перешел на их сторону».

В довершение всего, для Скоропадского оказалось запретным военное строительство. «К чему Вам армия? – бесцеремонно заявил Гетману немецкий генерал В. Гренер. – Мы находимся здесь, ничего противного Вашему правительству внутри страны мы не разрешим, а в отношении Ваших северных границ Вы можете быть вполне спокойны: мы не допустим большевиков. Образуйте себе небольшой отряд в две тысячи человек для поддержания порядка в Киеве и для охраны Вас лично». Причины такой политики очевидны: врагом для вновь сформированных национальных войск должны были бы стать или большевики, или… сами оккупанты, до которых, возможно, долетали и неосторожные заявления Скоропадского, что он-де вскоре будет «иначе разговаривать с немцами». Имели немцы и причины беспокоиться о благополучии своих московских ставленников, заключивших унизительный Брест-Литовский мир и соблюдавших его условия. Правда, было в конце концов получено разрешение немцев на формирование восьми армейских корпусов, но все свелось к созданию кадровой структуры и к бюрократической деятельности военного министерства.

Отсутствие надлежащей вооруженной силы при идущей по

соседству гражданской войне уподобляло новое государство обитателям вулкана, но об этом как будто мало заботились. Скоропадский с удовлетворением вспоминал, как «взялся за создание двух университетов, Киевской Академии Наук, за создание действительно хорошего Державного театра». Деревне при этом оставались германские реквизиции, австрийские бесчинства, возвращение помещиков и карательные отряды, но для горожан, особенно после голодной и придавленной большевицким террором Великороссии и по сравнению со сражающимися Доном и Кубанью, «Украинская Держава» летом 1918 года казалась оазисом, надежно защищаемым недавно еще вражескими, а теперь союзническими штыками мнимо-незыблемых немцев.

И в этой – явно не признаваемой им – Державе граф Келлер, по-прежнему проживавший в Харькове, присматривался, оценивал и… размышлял.

* * *

О том, как Келлер воспринял гетманский переворот, можно только догадываться; о том, как он воспринял германскую оккупацию – существует весьма определенное свидетельство, к тому же объясняющее скудость сведений о жизни графа в этот период. «Он сказал мне, что почти не выходит на улицу, так как не переносит вида немецких касок», – писал менее четырех лет спустя генерал Б. И. Казанович, командированный из Добровольческой Армии с секретным поручением к московскому антибольшевицкому подполью и на обратном пути посетивший Келлера в Харькове (это произошло между 28 мая и 2 июля). Он же оставил довольно подробное изложение своей беседы с Федором Артуровичем.

«Я убеждал его ехать к нам, – рассказывает Казанович, – *соблазняя тем обширным полем деятельности, которое открывается для такого кавалериста, как он*[77]*, но этот убежденный монархист (один из немногих известных мне, у которых слово никогда не расходилось с делом) заявил, что наша программа слишком неопределенна: не известно, кто мы – монархисты или республиканцы? Между тем народ ждет Царя и пойдет за тем, кто обещает вернуть его. “Но о каком Царе вы говорите?”* (вопрос далеко не праздный, поскольку из своих недавних переговоров в Москве Казанович вынес впечатление, что деятели монархического «Правого Центра» были «не прочь видеть на Российском престоле кого-либо из германских принцев». – *А.*

К.) – *“У нас только один законный Царь, которому мы присягали. Его отречение было вынужденным!” – “Да жив ли он?” – “Все равно, жив его наследник, а если и он погиб, то порядок престолонаследия определен законом. Всегда может быть только один законный Царь”. Я просил его по крайней мере не отговаривать офицеров-кавалеристов, среди которых он пользовался большим авторитетом, от поступления в Добровольческую армию.*

“Нет, буду отговаривать: пусть подождут, когда настанет время провозгласить Царя, тогда мы все выступим”».

Особенно знаменательна здесь последняя фраза, и к ней нам еще предстоит вернуться; что же касается остального диалога, – на его воспроизведение мемуаристом могла наложить отпечаток информация, узнать которую он должен был несколько позже: свое возвращение в ставку Деникина Казанович точно датирует 2 июля, а тревожные известия из Екатеринбурга, где в ночь на 4 июля большевиками были злодейски убиты Царская Семья и ее верные слуги, дошли до Юга России еще через несколько дней (Деникин «приказал Добровольческой армии отслужить панихиды»). Тем не менее тяжкие подозрения и переживания существовали и до роковой даты, за судьбу отрекшегося Императора беспокоились и те, кто не пользовался репутацией «партийных монархистов», и с болью писал впоследствии Деникин в частном письме: «А кто мог, кто сделал? Кто даже из тех, которые, стоя на крайнем правом фланге русской общественности и до революции, и теперь, на исходе ее, боготворят и идею, и династию?.. Кто ударил пальцем о палец, чтобы хоть выручить несчастных людей из застенка и спасти их жизни? А ведь это было возможно и не так уж трудно». И все же накануне цареубийства подозрения вряд ли были настолько сильны, чтобы Келлер и Казанович определенно предполагали большевицкое преступление уже совершившимся; а вот в письме Верховному Руководителю Добровольческой Армии генералу Алексееву, написанном Федором Артуровичем 20 июля, звучат почти дословно мысли, вложенные мемуаристом в уста графа при описании беседы с ним.

Однако прежде чем обратиться непосредственно к этому важному документу, следует отметить, что поводом для его появления было отнюдь не только стремление Келлера обсудить принципиальный вопрос о лозунгах борьбы, но и начало разыгрывания германскими оккупантами… «русской монархической» карты. Временный Атаман Астраханского Казачьего Войска князь Д. Д. Тундутов получил от немцев обещания помощи и первые средства на формирование под монархическим лозунгом «астраханских» частей, и вскоре

началась вербовка добровольцев на Украине и Дону. Стремясь к полному контролю над еще не сформированной армией, немецкое командование позаботилось об инфильтрации ее частей своей агентурой. Разворачивание нового войскового соединения грозило расколом офицерства, а в перспективе – и выгодной немцам (и большевикам!) междоусобицей. Граф Келлер, отвергший предложение возглавить Астраханцев (согласился на эту роль генерал А. А. Павлов), проницательно почувствовал угрозу, и показательно, что со своим беспокойством он обратился именно к руководителям Добровольческой Армии. Итак, 20 июля Федор Артурович писал Алексееву:

«Ваше Высокопревосходительство, Михаил Васильевич,

извиняясь за то, что пишу не чернилами, ставшими в Харькове почти редкостью, обращаюсь к Вам с просьбою не только лично от себя, но от очень значительной группы офицерства, поставленного в очень трудное и тяжелое положение.

К Вам на Дон, очевидно, многое, что творится здесь, не доходит, и Вам не видно того, что видно людям, живущим на месте.

Немцы полные хозяева на Украйне, ведут политику расхищения, разложения, разъединения и натравливания друг на друга и так всегда разрозненного нашего общества, они улыбаются монархистам, натравливают малороссов на Россию и всякими средствами сохраняют и поддерживают здесь большевиков, очевидно с целью выпустить их в нужную для себя минуту, т. е. когда будут вынуждены отступить из Малороссии. Находя противовес в Австрийцах, немцы до поры до времени поддерживают совершенно порабощенное ими Украинское правительство, – но сдается мне, не на долго. Политика немцев на севере России нам не так ясна, но поддержание там розни сквозит белыми нитками[78].

Здесь часть интеллигенции держится союзнической ориентации, другая, большая часть [–] приверженцы немецкой ориентации, но те и другие забыли о своей русской ориентации.

Единственной надеждою являлась до сих пор для нас добровольческая армия, но в последнее время и к ней многие относятся подозрительно, и подозрение, вкравшееся уже давно, растет с каждым днем. Не судите по тем эшелонам офицеров, которые идут к вам, они в большинстве составлены из людей голодных, ищущих возможность прокормиться, лучшие же офицеры не идут. Ваш начальник политического отдела уверял меня, что Ваше имя везде популярно и что Вам верят все, если он и Вам докладывал то же, то ввел Вас в заблуждение. Верят Вам кадеты и может быть, и то отчасти, группа Шульгина, но

большинство монархических партий, которые в последнее время все разрастаются, в Вас не уверены, что вызывается тем, что никто от Вас не слышал столь желанного ясного и определенного объявления, куда и к какой цели Вы идете сами и куда ведете добровольческую армию.

Немцы это очевидно поняли, и я сильно опасаюсь, что они этим воспользуются в свою пользу, т. е. для разъединения офицерства.

Не подлежит сомнению, что формированием при немецкой поддержке и на немецкие деньги Астраханского монархического отряда немцы преследуют ту же цель. По дошедшим до меня сведениям, кандидатами на формирование и командование этой армией или отрядом немцы называли Ген[ералов] Залесского, Павлова и меня. Генерал Залесский известен всем как слишком ярый поклонник немцев и поэтому был нежелателен им, я, хотя известен как определенный монархист, но из людей непокладистых, который на немецких помочах не пойдет, да к тому же и открытый противник немецкой ориентации, пришлось немцам остановиться на Павлове, как на определенном монархисте, но человеке, не привыкшем к работе[79] *и таком, которого легко обойти. Его к вам и прислали* (Деникин вспоминал: «Павлов побывал у меня в Тихорецкой, осведомился об отрицательном отношении моем к новому формированию, но должность принял». – *А. К.*).

Боюсь я также, что для того, чтобы отвлечь от Вас офицеров, из которых лучший элемент монархисты, немцы не остановятся и перед тем, чтобы и здесь в Малороссии или Крыму формировать армию с чисто монархическим, определенным лозунгом. Если немцы объявят, что цель формирования [–] возведение законного Государя на престол и объединение России под Его державою, и дадут твердые гарантии, то для такой цели, как бы противно ни было идти с ними рука об руку, пойдет почти все лучшее офицерство кадрового состава.

В Ваших руках, Михаил Васильевич, средство предупредить еще немцев (чистым намерениям которых я не верю), но для этого Вы должны честно и открыто не мешкая объявить, кто Вы, куда и к какой цели Вы стремитесь и ведете добровольческую армию.

Объединение России великое дело, но такой лозунг слишком неопределенен, и каждый даже ваш доброволец чувствует в нем что-то недосказанное, так [как] каждый человек понимает, что собрать и объединить рассыпавшееся можно только к одному определенному месту или лицу, Вы же об этом лице, которое может быть только прирожденный законный Государь, умалчиваете. Объявите, что Вы идете за законного Государя, а

если Его действительно уже нет на свете, то за законного же Его наследника, и за Вами пойдет без колебаний все лучшее, что осталось в России, и весь народ, истосковавшийся по твердой власти. Добровольному отречению Государя в пользу Михаила и законности этого акта никто из здравомыслящих людей никогда не поверит.

Верю, что Вам, Михаил Васильевич, тяжело признаться в своем заблуждении, но для пользы и спасения родины и для того, чтобы не дать немцам разрознить последнее, что у нас еще осталось, Вы обязаны на это пойти, покаяться откровенно и открыто в своей ошибке (которую я лично все же приписываю любви Вашей к России и отчаянию в возможности победоносно окончить войну) и объявить всенародно, что Вы идете за законного Царя и восстановление под Его скипетром России. Время не терпит.

Я верю, что если Вы это объявите, то не может быть сомнения в твердости и непоколебимости такого Вашего решения, и верю в то, что Алексеев мог заблуждаться, но на обман не пойдет.

Готовый к услугам Вашим
Гр[аф] Келлер»

Важно отметить, что Федор Артурович, по-видимому, попытался расширить круг лиц, знакомых с этим письмом, придавая ему таким образом характер открытого. О получении «собственноручно» снятой графом копии письма вспоминает, цитируя его, Георгий Николаевич Герцог Лейхтенбергский, один из видных представителей той части русской общественности, которая находила возможным опираться на немецкую помощь. Еще одна копия сохранилась в бумагах Деникина, которому она была направлена Келлером при следующем сопроводительном письме:

«Глубокоуважаемый Антоний Иванович,

чтобы не повторять два раза написанного, я препровождаю Вам копию моего письма к Алексееву. В Вас я верил, считал Вас всегда честным монархистом, и для меня непонятно, какие причины заставляли и заставляют Вас до сих пор умалчивать об этом. Если Алексеев на мою просьбу не пойдет, верю, что Вы для блага общего нам дела убедите его и заставите это сделать. Только слепой человек или глупый может не видеть и не понимать, к чему привела революция и бесцарствие и чего от этого еще можно ожидать, а Алексеев никогда дураком не был.

Тяжело подумать, что немцам может удаться разъединить

лучшее, что еще осталось в России, но как бы ни тошно было опираться на них, многие могут на это пойти как на единственное средство спасти монархию, без которой немыслимо и восстановление нашего отечества.

Крепко жмет Вашу руку искренно уважающий Вас

Келлер»

В письмах этих соседствуют проницательные наблюдения и выводы с заключениями довольно наивными. Характерна уже изначальная ошибка графа, видевшего в Деникине союзника против Алексеева: на самом деле, хотя оба они были монархистами, в вопросе о целесообразности выдвижения такого лозунга именно Деникин в какой-то мере сдерживал Верховного Руководителя Добровольческой Армии.

«Руководящие деятели армии (а к таковым в данный период следовало отнести, кроме самого Алексеева, Деникина и начальника его Штаба генерала И. П. Романовского. – *А. К.*) сознают, что нормальным ходом событий Россия должна подойти к восстановлению монархии, конечно, с теми поправками, кои необходимы для облегчения гигантской работы по управлению для одного лица. Как показал продолжительный опыт пережитых событий, никакая другая форма правления не может обеспечить целость, единство, величие государства, объединить в одно целое разные народы, населяющие его территорию. Так думают почти все офицерские элементы, входящие в состав Добровольческой армии, ревниво следящие за тем, чтобы руководители не уклонились от этого основного принципа», – писал Алексеев в частном письме, и слова эти звучат в унисон с мыслями Келлера; однако наряду с ними не меньшее значение для Верховного Руководителя имели и тактические соображения: «… Добровольческая армия не считает возможным теперь же принять определенные политические лозунги ближайшего государственного устройства, признавая, что вопрос этот недостаточно еще назрел в умах всего русского народа, и что преждевременно объявленный лозунг может лишь затруднить выполнение широких государственных задач». Таким образом, вопрос сводится к оценке «народных чаяний», в которых ожидание *порядка*, часто интерпретируемое как ожидание *Царя*, далеко не укладывалось в прямолинейные политические схемы.

Вопрос о сравнительных качествах офицеров, устремившихся в Добровольческую Армию или воздерживавшихся от этого, решился на практике в ближайшие же месяцы, но уже и в тот момент можно было видеть, что материальное положение Добровольцев оказывалось несопоставимым с чинами щедро снабжавшейся Астраханской Армии, а бои Добровольцы вели

непрерывные и весьма жестокие, в то время как в Киеве все формировались и формировались, начиная не с офицерских взводов, а с раздутых штабов и управлений. Это же относилось и еще к одной организации – «Южной Армии», руководители которой (в том числе уже известный нам Герцог Георгий Лейхтенбергский и его ближайший помощник, присяжный поверенный М. Е. Акацатов) рассматривали кандидатуру Федора Артуровича на пост Командующего. Герцог вспоминал:

*«Был граф Келлер; но он не желал идти с немцами, не веря им; Акацатов находил неудобным брать его из-за его немецкой фамилии (*как будто титул «Лейхтенбергский» звучит лучше! – *А. К.), я же, лично не зная его тогда, но зная от других его характер, отдавал себе отчет в том, что он был бы не у места: командующий Южной Армией должен был быть человеком гибким, умеющим примениться к обстановке, ладить и с гетманским правительством, и с немцами, и не выбрасывать слишком открыто монархический флаг, дабы не поставить и тех, и других в необходимость прекратить поддержку армии… Прямой, цельный характер графа Келлера, конечно, не справился бы с этой задачей».*

«Самый благородный из крайних правых граф Келлер, рыцарь монархии и династии, – человек прямой и чуждый интриги, но весьма элементарного политического кругозора, – искренне верил в легенду о “мятежном генерал-адъютанте”», – утверждает Деникин, комментируя обращенный графом к генералу Алексееву призыв «покаяться». Заметим все же, что «вера» не заставила Келлера, подобно многим, предполагать в Алексееве сознательного изменника, «заманившего Государя в ловушку», и присоединиться к развернутой монархическими кружками травле Добровольческой Армии. Напротив, у Федора Артуровича крепло намерение лично отправиться в Екатеринодар, где размещалась ставка Алексеева и Деникина.

* * *

Ехал туда Келлер, должно быть, все же предубежденным. Упомянутый в его письме «начальник политического отдела», Генерального Штаба полковник Я. М. Лисовой, стремясь всемерно поддерживать авторитет генерала Алексеева, по-видимому, пытался делать это за счет принижения второго из вождей Добровольческой Армии – Деникина. У генерала Б. А. Штейфона со слов Лисового так и осталось впечатление, что Алексееву был «навязан» лозунг Учредительного Собрания – сначала Корниловым, а затем «преемственно воспринят и генералом Деникиным». Если Лисовой то же говорил и Келлеру, – граф, именно Деникину веривший как «честному монархисту», а к Алексееву относившийся скептически, должен был окончательно придти в недоумение.

Прояснилось ли что-либо в результате «двухдневной беседы», которую Алексеев в письме к Великому Князю Николаю Николаевичу относил к «концу августа»? «Вот хотя бы Деникин, мой прежний подчиненный, – записывал через полгода рассказ Келлера, услышанный в ноябре 1918-го, философ и политический деятель князь Е. Н. Трубецкой. – Я ему поставил вопрос: скажите мне, наконец, Ваше Превосходительство, кто вы и что вы такое. Он сконфузился и отвечал: “я монархист” и поспешно добавил: “я конституционный монархист”. “Ваше Превосходительство, сказал я ему, я думаю, что я не глупее вас, но полагаю, что это не нашего с вами ума дело. Мы, военные, должны стоять вне политики; для нас должно быть только одно: воля Государя Императора и единая Россия. А о конституции рассуждать нам не приходится. Захочет Государь Император, будет вам и конституция или хотя бы даже федерация, не захочет Его Величество, не будет ни того, ни другого. А мы с вами должны исполнять его волю, а не политиканствовать”».

«Сконфуженность» Деникина нам все-таки кажется возможным отнести на счет личного восприятия графа: Командующий Добровольческой Армией имел заслуженную репутацию человека прямого и резкого, имевшего собственные взгляды и не боявшегося их отстаивать ни перед каким начальством и авторитетом. Почти нет сомнений, что Деникин – неплохой полемист, умевший говорить красноречиво, сильно и убедительно, – не преминул вернуть Келлеру его слова об аполитичности Армии (правда, вряд ли убедил графа полностью: ведь и на замечание князя Трубецкого насчет убеждений Федора

Артуровича – «это тоже политика, хотя политика правая и монархическая» – старый генерал ответил искренним недоумением: «Он просто разводил руками и не понимал, повторяя: “Государь Император и Россия, да какая же это политика”»). Вполне мог ответить графу его же собственными аргументами и Алексеев, обеспокоенный немецкой игрою с Южной и Астраханской Армиями и с горечью восклицавший: «Какое торжество немецкой политики, когда она незаметно направит друг на друга лучшие и наиболее честные элементы Русского народа, когда мы собственными руками будем истреблять друг друга, тогда как немцы в тиши будут помогать большевикам». И ко всем этим предостережениям Федор Артурович не мог не прислушаться.

Вряд ли он был убежден полностью: генерал Штейфон вспоминал, что монархизм графа имел более глубокие основания, чем выгоды или невыгоды политического момента. «…Граф неизменно отождествлял русскую либеральную интеллигенцию с Иваном Карамазовым, – пишет Штейфон, – а русских солдат и крестьян эпохи революции с Смердяковым – вывихнутой душой. Однако, так как русская народная душа хранит и святость Зосимы, и гнусность Смердякова, то надо стремиться, чтобы благодатное воздействие светлых порывов заглушило бы смердяковщину. Поэтому, по мнению графа, необходимы были лозунги, пронизанные мистической одухотворенностью, понятные народным массам и имеющие[80] историческое обоснование». Встретил ли он здесь понимание? Сложно сказать, но и аргументы собеседников не должны были пройти даром.

«Двухдневная беседа со мной и ген[ералом] Деникиным привела, по-видимому, графа Келлера к некоторым выводам и заключениям, что вопрос не так прост и не допускает скоропалительных решений», – писал вскоре Алексеев. Граф, как мы знаем, продолжал ворчать, но гораздо более важным представляется принятое им решение более не отговаривать своих бывших подчиненных, стремившихся к Деникину. «… Отказавшись вступить в Добровольческую армию, он нас – офицеров своей дивизии – благословил идти в Добрармию с тем, чтобы, когда он нам кликнет “клич”, – мы бы незамедлительно собрались к нему», – вспоминал полковник Слезкин, в составе группы офицеров посетивший Келлера после его возвращения из Екатеринодара.

…В одной из речей Деникин предлагал Добровольцам «веру в своих руководителей». Разумеется, *верить в Деникина* мог взводный командир, но не генерал граф Келлер, чей авторитет был никак не меньшим; но *поверить Деникину* и в дальнейшем

доверять Деникину старый воин мог – и он поверил и доверял.

* * *

«…Теперь Сам Бог осенил меня, и я считаю своим долгом для родины объединить армии Добровольческую, Астраханскую и Южную», – с такими словами, как вспоминал бывший подчиненный Келлера, обратился к нему граф в Киеве осенью 1918 года. Похоже, что эта формулировка все-таки должна быть отнесена на счет ошибки памяти мемуариста, поскольку о переходе Добровольцев под начало Федора Артуровича нельзя было говорить, не утратив окончательно чувства реальности; о планах же старого генерала, вернее, о путях, на которых, по его мнению, следовало искать выхода из крайне запутанного положения, лучше всего говорит его собственное письмо Донскому Атаману Краснову от 9 октября:

«Скоропадский, по-видимому, предполагает ввести всех в заблуждение, намеревается сформировать под видом Русской Армии – украинскую, отнюдь не монархическую, армию, с единственной[81] *целью охраны северных границ Украины от большевиков, предвкушая прелести своего коронования на престол украинского королевства, которое он рисует себе в том же положении относительно России или Австрии (это не доказано), в каком была Саксония относительно Германии…*

Положение нашего отечества в настоящую минуту, когда союзники каждый день могут высадиться у нас на юге[82]*, настолько серьезно, что, мне казалось бы, времени терять нельзя, так как высадившиеся англо-французы могут ложно учесть положение в России; видя, что есть фронт Учредительного Собрания*[83]*, существует Добровольческая Армия с программою далеко не монархическою и т. п., но не видя реальной силы, открыто стремящейся к объединению России и [к] Монархии, они могут вообразить, что в нашем отечестве все только [и] мечтают о республике.*

Казалось бы, настала минута, когда необходимо спешить из всех сил, дабы сорганизовать из Астраханской и Южной Армий одну сильную монархическую армию, которая, поддержанная Доном и всем казачеством, а также торгово-промышленниками и народом в Малороссии, представилась бы союзникам реальной силой, не признающей другой идеи, кроме единой неделимой России с законным Государем на Престоле…»

Однако Келлер снова ошибся, не встретив ожидаемой поддержки со стороны Краснова, который считал монархический

лозунг несвоевременным и скорее разделял точку зрения Скоропадского на необходимость своего рода «конфедерации» Дона, Украины, Добровольческой Армии (подконтрольной ей территории), Грузии и, может быть, еще каких-либо скороспелых государственных образований. Должно быть, Федор Артурович испытал очередное разочарование… но именно в эти дни перед ним открылись новые перспективы, связанные совсем с иным театром предполагавшихся военных действий.

Новый фронт возникал под Псковом, где немцы собирались, передвигая демаркационную линию с РСФСР к западу, передать большевикам часть ранее оккупированной территории. В этой ситуации некоторые из германских офицеров согласились поддержать инициативу русских военных и общественных кругов о сформировании «Псковского добровольческого корпуса», а в дальнейшем – и целой «Северной Армии». Оккупанты могли сочувствовать или не сочувствовать целям, которые намечали для себя русские, но и отказать последним в праве хотя бы отстаивать свои очаги с оружием в руках тоже не решились. Теперь возникал вопрос о Главнокомандующем, который должен был бы обладать *именем*, привлекающим добровольцев и придающим вес всему предприятию. И уже вскоре командированный в Киев военный представитель Северной Армии телеграфировал во Псков: «… Бессмысленно ждать командующим Драгомирова, который находится (в) Добровольческой… Точное имя командующего необходимо для вербовки людей… На этой почве много отказов… Келлер в Киеве. Уполномочиваете ли вступить (с ним) в переговоры?»

Переговоры шли по двум линиям: одновременно с представлявшим командование корпуса ротмистром А. К. Гершельманом на Юг России выехала и целая делегация от «псковских общественных организаций», в которую входили, в частности, члены Государственной Думы Г. М. Дерюгин, Н. Н. Лавриновский и А. П. Горскин и сенатор Н. И. Туган-Барановский. Похоже, они обратились к Келлеру еще в период пребывания графа в Харькове, что при сопоставлении с процитированной выше телеграммой заставляет сделать вывод не просто о параллельности действий военных и «общественных» уполномоченных, а об их конкуренции.

Ф. А. Келлер – командир III-го конного корпуса

Федор Артурович согласился возглавить движение на Северо-Западе, однако обязательным условием для него стала координация действий с Деникиным, которого он 2 ноября запросил по телеграфу: «Признаете ли Вы меня командующим Северной Псковской монархической армией, или мне следует сдать эту должность? Если признаете, то с какими полномочиями? Необходимо разрешение принять меры к охране разграбляемых в Малороссии военных складов, воспользоваться украинскими кадрами и продолжать формирование, для него необходим немедленный отпуск денег, которые можно добыть в украинском правительстве». Из текста телеграммы с очевидностью следует, что речь идет не о совещании или консультации: граф (сколько бы он ни брюзжал по адресу

«конституционалиста» Деникина) в сущности считает Главнокомандующего Добровольческой Армией единственно правомочным распоряжаться русским государственным имуществом, в том числе и на территории, непосредственно ему не подконтрольной. Запрос Келлера мог быть связан с появлением 31 октября первых сообщений (оказавшихся ложными) «о подчинении всех войск на территории России ген[ералу] Деникину и мобилизации всех офицеров», на которые граф откликнулся письмом, также преданным гласности и, очевидно, имевшим характер открытого:

«Прочитав в газетах Ваш приказ о подчинении Вам всех Русских армий, полагаю, что он основан на том, что Вас уже признали Дон, Кубань, Южная и Астраханская армии (до полного «признания» оставалось на самом деле еще полтора месяца. – *А. К.*), *а также признали Вас и союзники.*

Приветствую от души это состоявшееся, наконец, объединение всех Русских сил, объединение, о котором я мечтал и говорил Вам еще в Июне месяце, будучи в Екатеринодаре (очевидная ошибка, причины которой неясны. – *А. К.*). *Что касается меня, то я буду рад подчиниться Вам с той армией или корпусом, который при Божьей помощи мне, быть может, удастся сформировать».*

Впрочем, еще до обращения графа к Деникину началось распространение воззваний Федора Артуровича, говоривших о его намерении принять командование на Северо-Западе. Наиболее полный известный нам вариант, появившийся в печати, гласил:

«Из далекого Пскова приехали к нам русские люди, долгие месяцы пострадавшие под властью разбойников и грабителей и испытавшие оскорбительное для каждого патриота порабощение иностранцами.

Тяжелое горе образумило и сплотило их, они поняли, что не скрытыми путями, не умалчиванием, не поддержкою членов Учредительного Собрания, не обманом привлекаемых на службу офицеров, а только честно и открыто можно идти к святой цели спасения родины, и что без Царя и единой, под его державою, великой России нет спасения.

Неужели же мы откажемся поддержать своих родных русских братьев, неужели же мы не станем в их ряды за природного нашего Государя, за русский народ и за неделимую, великую Россию, – не станем грудью за то, что всего дороже каждому русскому человеку и воину.

Вы знаете меня, дорогие мои боевые товарищи. Во время трех лет войны, сражаясь вместе с вами на полях Галиции, в Буковине, на Карпатских горах, в Венгрии и Румынии, я принимал часто

рискованные решения, но на авантюры я вас не вел никогда.

Теперь настала пора, когда я вновь зову вас за собою и сам уезжаю с первым отходящим поездом в Киев, а оттуда в Псков.

Почти целых томительных два года ждал я той минуты, когда русские люди опомнятся от своих заблуждений и когда наконец прозвучит настоящий, всем понятный и единственно верный призыв: "за Веру, Царя и Отечество".

Обращаюсь ко всем вам, русским людям, умеющим командовать и владеть оружием, и ко всем моим незабвенным дорогим боевым товарищам от генерала до рядового – к вам, создавшим славу своих полков 10-й кавалерийской дивизии и 3-го Конного корпуса, с горячим призывом:

Настало время, когда честному человеку грешно сидеть дома, сложа руки, или заботиться о собственном пропитании и благополучии.

Настало время, когда нас громко призывает исстрадавшаяся Родина-мать.

За Веру, Царя и Отечество мы присягали сложить свои головы, – настало время исполнить свой долг.

Поспешим же на помощь братьям псковичам.

Пополним же скорее ряды доблестных псковских дружин…

Время терять некогда – каждая минута дорога!

Вспомните и прочтите молитву перед боем, – ту молитву, которую мы читали перед славными нашими победами, осените себя крестным знамением и с Божьей помощью вперед за Веру, за Царя и за целую неделимую нашу родину Россию».

Неизвестно, было ли это воззвание единственным: в газете «Киевская Мысль» появилась заметка о распространении в Киеве «воззвания ген[ерала] Келлера под названием "Призыв старого солдата"». «Воззвание сообщает, – говорится в заметке, – что в Пскове образовалась русская монархическая армия… "Хлеб у псковичей, – пишет Келлер, – есть; оружие и снаряды они добыли в изобилии, русские деньги собраны", нужны только опытные боевые офицеры и солдаты». Не преминула газета и дать ехидный комментарий: «Интересно бы только знать, откуда в Пскове, в пределах германской оккупации, получили монархисты "в изобилии" все им нужное – и оружие, и хлеб, и деньги». Ирония как будто уместна, хотя намеки на связь «монархистов» с немцами и прозвучали со страниц издания, процветающего «в пределах» той же оккупации. Но свой ответ Келлер дал, конечно, не «мыслителям» из «Киевской Мысли», а… генералу Деникину.

«Придавая огромное политическое и стратегическое значение прибалтийскому району и направлениям Ревель – Петроград и Либава – Петроград, – рассказывает Деникин о планах графа, – он

считал необходимыми предпосылками успеха формирования армии и ее операций: 1) занятие союзным флотом Ревеля и Либавы; 2) отпуск широких кредитов и 3) передачу немцами армии богатых русских складов Пскова, Двинска, Вильны и других городов оккупационной зоны». Поражение Германии в Мировой войне, которое предвидел Келлер, и вправду не заставило себя долго ждать, а в свете этого приписанная Федору Артуровичу оценка псковских ресурсов перестает казаться близорукой или неискренней.

Планы Командующего Северной Армией Деникин мог узнать от генерала А. Н. Розеншильд-Паулина, героя первых сражений Великой войны, привлеченного к работе его родственником Келлером (мать Федора Артуровича была урожденная Розеншильд-Паулин). Именно Розеншильд был направлен графом в Екатеринодар, где ему для обратного проезда было выдано удостоверение, черновик которого сохранился:

«Дано сие Генерал-Лейтенанту Розеншильд Фон Паулин в том, что он действит[ельно] командиров[ан] в Добровольческую Армию с докладом по поручению Графа Келлера.

Прошу оказывать Генерал-Лейтенанту Розеншильд Фон Паулин необходимое содействие во время следования в Киев для выполнения данного ему поручения к Главнокомандующему Добровольческой Армии».

Интересно отметить, что первоначально в документе стояло: «…следования в Киев как лицу, едущему с особым поручением от Главнокомандующего Добровольческой Армии», и этот вариант выглядит более правдоподобным, исправление же могло появиться вследствие осторожности генерала Лукомского: вполне допустимо предположение, что именно он хотел избежать утечки информации об «особых поручениях» Деникина к столь «одиозному» монархисту, как граф Келлер. Поручение же, на наш взгляд, должно было касаться координации действий во внешней политике – единства в представительстве на переговорах с союзниками. Основанием для таких предположений может стать следующая командировка Розеншильда, который был направлен Федором Артуровичем в Яссы (Румыния), где собиралось совещание представителей Антанты – с одной стороны и русских общественно-политических объединений – с другой.

А тем временем та же международная конъюнктура – поражение Центральных Держав – оказывала влияние и на политику Гетмана Скоропадского, который судорожно пытался найти новых союзников. И 1 ноября «Украинская Держава», должно быть, не без удивления, услышала Гетманский манифест («грамоту»):

«…После пережитых Россией великих потрясений условия ее будущего бытия должны несомненно измениться. На иных началах, на началах федеративных должно быть воссоздано прежнее величие и сила Всероссийской державы, и в этой федерации Украине надлежит занять одно из первых мест.

…На этих началах, которые – я верю – разделяют и союзники России – державы Согласия[84]*… должна быть построена будущая политика нашей Украины. Ей первой надлежит выступить в деле создания всероссийской федерации, конечной целью которой явится как восстановление Великой России, так и обеспечение экономического и культурного преуспевания всего украинского народа на прочных основах национально-государственной самобытности».*

Грамота обнадежила тех, кто не признавал искусственно взращиваемого сепаратизма; но у противоположного лагеря она вызвала бурю возмущения и до сих пор обычно трактуется как детонатор, повлекший взрыв националистических эмоций и «антигетманское восстание». Так полагал и сам Скоропадский, писавший в 1919 году: «Я и до сих пор считаю, что единственной причиной такого подъема среди повстанцев в первое время была… моя грамота о федерации», – и утверждавший, что, не будь ее, «социальные вопросы» сами по себе не вызвали бы активного противодействия Гетманскому режиму. Факты, однако, свидетельствуют об обратном.

Оппозиция режиму в лице «Украинского Национального Союза», загодя почувствовав колебания власти, уже была настроена на решительный натиск. Еще до выхода грамоты был создан Оперативный Штаб готовившегося восстания, в котором активно обсуждалась стратегия предполагавшихся боевых действий. 31 октября на тайном заседании была сформирована «Высокая Директория Украинской Народной Республики» во главе с беллетристом В. К. Винниченко и с бывшим чиновником Земско-Городского Союза С. В. Петлюрой в качестве «Головного Отамана» (Главнокомандующего) «республиканских войск». 1 или 2 ноября перебазировавшись в Белую Церковь, в расположение сочувствовавшего ей Сечевого стрелкового отряда, Директория оставила в столице «Военно-революционный комитет» (что за большевицкая терминология!), и практически одновременно, в ночь на 2-е, в Киеве появились прокламации нового «правительства» с призывами к восстанию против «изменника» Скоропадского. Все это было бы невозможно без заблаговременной подготовки, и очевидно, что круги, незамедлительно получившие название «петлюровских», внимательно следили не только за совершавшимися событиями,

но и за политическими тенденциями, и в нужный момент оказались во всеоружии.

Но какова была программа этого нового движения? Неправомерным было бы отделение в ней сепаратизма от революционности. Характерным примером является настроение Сечевиков: «Новосформированные в Белой Церкви Сечевые стрелки сознавали, что они должны стать не только защитниками Самостийной Украины, но и революционной силою, которая имеет целью сокрушить реакцию». Помимо штыков Сечевого отряда, руководители восстания делали ставку на повсеместное выступление крестьянства. Оно и началось, но направленность этого движения должна была вызвать горькое разочарование у националистических теоретиков. По признанию Винниченки, «часто среди крестьянства, до того не слыхавшего имени Петлюры, раздавались такие речи: “Ага, теперь Петлюра идет на гетмана. Она ему покажет! Слава Богу, больше не будет этой Украины”»… И только недовольство «помещичьей» политикой Скоропадского и австро-германской оккупацией побуждало крестьян следовать за Директорией.

А что же Гетман? – Не собираясь сдаваться без боя, но чувствуя, как почва колеблется у него под ногами, в эти дни он обращает растерянные взгляды… на графа Келлера.

* * *

Выехать на Северо-Запад Федор Артурович так и не успел, и это, должно быть, уберегло его от горьких разочарований как в подлинном состоянии дел и перспективах псковских формирований, так и в тех лицах, которых он уже готов был считать своими сотрудниками. В действительности во Пскове были лишь немногочисленные отряды, для солидности именовавшиеся полками, плохо одетые и вооруженные. Мистифицировав Келлера, члены посещавшей Киев и Харьков делегации по возвращении во Псков начали мистифицировать командование корпуса, теперь уже от имени Келлера, заявив о существовании «Совета Обороны» (якобы из них же и состоявшего), о том, «что этот совет признан генералом графом Келлер[ом] как высший орган управления», и о заключении «договора “Совета Обороны” с генералом графом Келлер[ом]».

«Договор» содержал условия, на которые в здравом уме и твердой памяти не мог бы согласиться ни один серьезный военачальник, не говоря уж о властном, самостоятельном и решительном Келлере: «1) командующий армией назначается и

сменяется распоряжением “Совета”; 2) назначения на высшие командные должности также делаются с ведома и согласия “Совета”; 3) все денежные средства находятся в распоряжении “Совета” и отпускаются им по мере надобности командующему; 4) организация административного и гражданского управления областью всецело находится в руках “Совета”, и т. д.». Неудивительно, что исполнявший обязанности начальника Штаба Псковского корпуса ротмистр В. Г. фон Розенберг, ознакомившись с текстом, «вполне открыто заявил, что первым его ходатайством у генерала графа Келлер[а] будет просьба разорвать этот договор, который генерал мог подписать только будучи в заблуждении о действительных полномочиях вошедших в “Совет” лиц», хотя первым должно было бы, наверное, стать ходатайство о расследовании, откуда сей документ вообще взялся. Впрочем, ни разоблачениям странной игры «общественных деятелей», ни возглавлению Федором Артуровичем северо-западных формирований не суждено было состояться.

Главнокомандующий требовался не только во Пскове. Та же проблема стояла и перед Скоропадским, тем более что его собственный авторитет среди офицерства был невысок. В Киеве спешно формировались отряды («дружины») из офицеров и добровольцев, но их командование при первой возможности, воспользовавшись ложными сведениями о вступлении Деникина в должность Главнокомандующего всеми силами на Юге, объявило о переходе в его подчинение. «Я рад отметить, – писал 2 ноября начальник одной из дружин генерал Л. Н. Кирпичев, – что приказ о включении Дружины в состав славной Добровольческой Армии был принят с должным энтузиазмом, и верю в близкое создание ВЕЛИКОЙ ЕДИНОЙ РОССИИ». Но энтузиазм кажется преувеличенным, а те, кто вступал в офицерские дружины, представляли собою боевой материал довольно сомнительной ценности. После одиннадцати месяцев Гражданской войны, из которых в течение по меньшей мере полугода был открыт относительно легкий путь на службу в любую из антибольшевицких армий, уже можно было говорить о состоявшемся «естественном отборе», который эмиссар-Доброволец в октябре описывал так: «…Лучшие элементы ушли в [Добровольческую] Армию при первой же вести, а остались офицеры или обеспеченные теплыми местечками, или просто материально не нуждающиеся».

Так обстояло дело с новыми формированиями, носившими довольно ярко выраженный русский (великорусский) характер; об армии же «Украинской Державы» вообще трудно было говорить всерьез. Мало того, что быстро распространявшееся по всей

Малороссии восстание разъединило и изолировало зачатки кадровых корпусов в Харькове, Екатеринославе, Полтаве, Одессе… – крайне скверно было и в столичном Киеве. Гетманские войска не имели никакого опыта и выучки, а в высших эшелонах управления вооруженными силами наблюдалось не просто сочувствие Директории, а прямая измена: начальник Главного Штаба генерал А. П. Греков, формировавший Отдельный корпус охраны железных дорог генерал А. В. Осецкий, помощник начальника Оперативного отделения Главного управления Генерального Штаба подполковник В. Н. Тютюнник и помощник начальника Отдела службы Генерального Штаба подполковник М. Д. Безручко в разное время бежали из Киева и заняли достаточно важные посты в «республиканских войсках», а начальник Оперативного отдела полковник Е. В. Мешковский переправлял боеприпасы Сечевикам и вынашивал планы восстания в само́й гетманской столице.

А что представлял собою противник? Основу базировавшихся на Фастов главных сил Директории составляли Сечевики, имевшие в своем активе не менее полутора месяцев сколачивания и напряженного обучения (инструкторами – австрийскими офицерами, по программе подготовки штурмовых частей германской армии), и батальон («курень») Черноморского коша с батареей, из состава формирований, производившихся при Гетмане «для помощи Кубани в ее борьбе с большевиками», то есть предполагавших скорое боевое использование и проникнутых крайним националистическим духом (поскольку Кубань шовинистически трактовалась как часть «украинских земель»). С этим духом прекрасно сочетались уже известные нам левые, социалистические взгляды («земля и воля на острие нашего штыка»), что оказывалось достаточно сильным морально-политическим обеспечением операции, идея которой была чрезвычайно проста: лобовой удар на Киев вдоль линии железной дороги.

Первое же столкновение – встречный бой под Мотовиловкой 5 ноября – стало неудачным для защитников Киева. Моральный надлом гетманских войск и окрыленность «республиканских» после этого боя открывали дорогу на столицу. Именно в такой ситуации в Киеве вступил на свой пост новый Главнокомандующий, и Главнокомандующим этим был граф Келлер.

Рассказывая о его назначении, Скоропадский, по обыкновению, темнит и путает следы. «Что же касается графа Келлера, – вспоминает он свои размышления о возможных кандидатурах, – то я думал назначить его командиром Особого

корпуса (корпус фактически состоял из уже известной нам дружины Кирпичева. – *А. К.*) и специально просил его приехать ко мне. У нас было свидание, но после разговора с ним я увидел, что такое назначение приведет к большим осложнениям. Это был человек очень большой храбрости и решительности, крайний правый монархист, так что даже для Особого корпуса такое назначение встретило бы затруднение, а тут его нужно было назначить главнокомандующим всеми частями с широчайшими правами. Я долго не решался, но, несмотря на все мои поиски, положительно ни одного генерала, имеющего популярность среди офицеров, не было… Наконец, ко мне приехал[и] Гербель и Кистяковский (председатель Совета министров и министр внутренних дел. – *А. К.*) и долго меня уговаривали взять Келлера. Я так и сделал. Назначил его с громадными полномочиями главнокомандующим всеми вооруженными силами на Украине». А чуть позже Гетман рассказывает: «По словам Кистяковского, сам граф Келлер приходил к нему и просил повлиять, чтобы его назначили», – недоумевая: «К чему Келлер так хотел впутаться в это дело?» В действительности, однако, все должно было происходить совсем по-другому.

Прежде всего, граф, насколько можно судить, был заинтересован в развитии борьбы на Северо-Западе, где он, как предполагалось, получил бы полную власть и возможность распоряжаться формируемыми войсками, – в Киеве же рассчитывать на такую возможность он вряд ли должен был, а без этого добиваться командования в «Державе» презираемого им Скоропадского было бы крайне непохоже на Келлера. Можно предположить здесь интригу И. А. Кистяковского, о котором Шульгин рассказывал: «От лиц, хорошо его знавших, я знал, что он человек способный, но и способный на все»; но этот хитрец, стараясь играть первую скрипку в правительстве, как нередко бывает, обманывал сам себя, строя слишком уж сложные комбинации, то борясь с революцией, то делая ставку на «демократический» национализм Петлюры. Ошибся он, и «протежируя» Келлеру (скорее всего, об этом просто не подозревавшему).

Склонность к политиканству и двойной игре отличала, как мы знаем, и Скоропадского, но Гетман, как военный человек, должен был острее ощущать тяжесть положения Киева после Мотовиловского боя; зная о блестящей боевой репутации Келлера, он обращался к нему, думается, не как к разменной фигуре в политической игре, а как к чаемому спасителю. С тем материалом сомнительной ценности, который доставался графу, Федору Артуровичу предстояло, в сущности, совершить чудо.

И потому – 4 ноября Кистяковский отправился к Келлеру и в тот же день сопровождал его в поездке по расположению киевских добровольческих формирований; и потому – 5 ноября Гетман собрал у себя на экстренное совещание премьера, военного министра и министров внутренних дел и путей сообщения; и потому – того же 5-го на свет появился гетманский приказ, который, должно быть, и не мог не появиться независимо ни от каких интриг или протекций Кистяковского:

«Ввиду чрезвычайных обстоятельств общее командование всеми вооруженными силами, действующими на территории Украины, я вручаю ген[ералу] от кавалерии гр[афу] Келлеру на правах Главнокомандующего армиями фронта с предоставлением ему сверх того прав, определенных ст[атьей] 28 Положения о полевом управлении войск в военное время. Всю территорию Украины объявляю театром военных действий, и потому все гражданские власти Украины подчиняются генералу графу Келлеру».

* * *

О качествах войск, которые достались в командование Федору Артуровичу, мы уже упоминали; немногим лучше, похоже, складывалась ситуация и с ближайшими помощниками нового Главнокомандующего. Своим союзником граф мог считать бывшего подчиненного по службе в 10-й кавалерийской дивизии, полковника А. В. Сливинского (у Гетмана – начальника Главного управления Генерального Штаба), который после объявления «манифеста», созвав офицеров-генштабистов, заявил: «Настал час возрождения России, в каких формах это совершится, решать не нам, но что она будет, не подлежит никакому сомнению… Каждому из здесь присутствующих совершенно ясно, что только единство воли и действий обеспечит успех в борьбе, потому я считаю нужным ясно определить наше отношение к разнородным формированиям на территории бывшей России. Я знаю, что оно [не] может быть никаким, кроме братского». Однако позицию самого Сливинского, ввиду розни внутри гетманского командования, никак нельзя было назвать прочной, и Келлер просто не мог не приступить к формированию собственного Штаба, и здесь столкнувшись с трудностями. Генерал А. В. Черячукин, также служивший с Келлером в 10-й кавалерийской дивизии, а в 1918 году находившийся в Киеве как представитель Атамана Краснова, вспоминал:

«Еще до приказа о своем назначении он заехал ко мне и

спрашивал совета, кого ему взять себе в начальники штаба. Зная хорошо графа, я откровенно заявил ему, что об этом нужно подумать, так как нужно подобрать человека не только трудоспособного, энергичного и дипломатичного, но еще нужно считаться с характером Главнокомандующего.

"Так вы никому не посоветуете идти ко мне", – со смехом добродушно ответил граф.

Я посоветовал ему Н. Н. Головина, но ввиду несогласия он взял себе генерала Ельшина».

Генерал Головин был известен как военный теоретик, боевой офицер и выдающийся штабной работник, но все это не помешало ему во время Гражданской войны с немалым упорством уклоняться от принятия самостоятельных решений и занятия ответственных должностей. В отличие от него генерал А. Е. Ельшин не имел столь блестящей репутации, да вдобавок был инвалидом: после германской газовой атаки у него вследствие поражения центральной нервной системы были парализованы ноги. В октябре 1918 года он сумел выбраться из Советской Республики на Украину – и…

«*В Киеве давнишний мой приятель, Генерал Граф Федор Артурович Келлер, уцепился за мои костыли,* – рассказывает Ельшин, – *с тем, чтобы я в роли Начальника его Штаба (как Главнокомандующего всеми вооруженными силами Украины и Отдельной Северной Армии) помог ему отстоять Мать Городов Русских.*

Этот Рыцарь без страха и упрека чистосердечно сознался, что он совсем не рассчитывает ни на какой успех в этом решительном шаге, но должен принять, по долгу воинской совести, предложение Гетмана Скоропадского возглавить все силы Киева на тот крайне загадочный случай, если союзные силы, накопившиеся в Румынии, выступят на поддержку, для чего туда был командирован родственник графа, Генерал Розеншильд-Паулин.

При столь ясной безнадежности, я никак не мог отказать такой Рыцарской просьбе, быть может, последней в моей и его жизни».

Первым же, что счел необходимым предпринять новый Главнокомандующий, оказалось проведение широкой мобилизации. «Став во главе вооруженных сил, – объявлял он, – приказываю… явиться к исполнению своих воинских обязанностей: 1) всем офицерам до 50-летнего возраста, 2) всем сверхсрочным унтер-офицерам, 3) всем студентам высших учебных заведений – бывшим военнослужащим». Под ружье призывались и «все юнкера, вольноопределяющиеся 1-го и 2-го разрядов, независимо от того, в каком звании они состоят».

Укрепление фронтовых частей было неразрывно связано с обеспечением тыла, а оно, в свою очередь, – с поддержанием в нем внутреннего порядка и психологической стабильности. Этому посвящался специальный приказ Главнокомандующего, вызванный распространявшимися по Киеву слухами о готовящемся погроме и объявлявший: «всякие беспорядки, с чьей бы стороны они ни исходили, будут предупреждаться и пресекаться самым решительным образом», а «всякие лица, без различия их звания и положения, вносящие своими сплетнями об ожидаемом погроме смуту в общество, будут привлекаться к строгой ответственности». Пресекал Келлер и самочинные обыски и аресты, которые производились многочисленными контрразведками, считая это «непозволительным и вредным для дела, как вносящим лишь излишнюю смуту в общество».

Несмотря на раздробленность «территории Украины», пылающей мятежами, Федор Артурович продолжал считать ее одним из участков общего южнорусского театра, операции на котором должны были производиться во взаимодействии с союзниками (миссия генерала Розеншильда), а также Донской и Добровольческой Армиями (из первого заявления графа на новом посту: «О создавшемся положении на Украине уже осведомлен[ы] Главнокомандующий Добровольческой армией ген[ерал] Деникин и Атаман Всевеликого Войска Донского ген[ерал] Краснов. С последним удалось установить тесный контакт, и с минуты на минуту мы ожидаем его помощи, которая нам уже обещана»). Общность действий Келлер считал желательной не только с чисто прагматической точки зрения – стратегически выгодное положение Донской Армии позволяло, по его мнению, оказать помощь сопредельным с Донской Областью малороссийским губерниям, – но и в связи со своим ви2дением задач, стоящих перед его «вооруженными силами на территории Украины». Об этом красноречиво говорилось в приказе графа, обращенном к тем, кто считал себя подчиненным не Гетману, а Деникину:

«До сведения моего дошло, что некоторые из призванных, как офицеры, так и унтер-офицеры, отказываются принимать участие в подавлении настоящего восстания, мотивируя это тем, что они считают себя в составе Добровольческой армии и желают драться только с большевиками, а не подавлять внутренние беспорядки на Украине.

Объявляю, что в настоящее время идет работа по воссозданию России, к чему стремятся: Добровольческая, Донская, Южная, Северная и Астраханская армии, а ныне принимают участие и все вооруженные силы на территории Украины под моим начальством.

На основании этого все работающие против единения России почитаются внутренними врагами, борьба с которыми для всех обязательна, а не желающие бороться будут предаваться военно-полевому суду как за неисполнение моих приказов».

Попутно заметим, что этой декларацией еще раз опровергаются рассуждения тех, кто сейчас противопоставляет борьбу графа Келлера действиям «непредрешенческого» Добровольческого командования. В то же время реальная координация действий оказывалась практически невозможной, а основным для Федора Артуровича оставался «столичный» боевой участок, от разворачивания событий на котором зависела судьба Киева.

* * *

Не теряя времени, Главнокомандующий отправился на фронт, где в течение всего дня 9 ноября разыгрался второй, после Мотовиловского, бой начавшейся кампании, – причем при непосредственном личном участии Федора Артуровича. Современник рассказывает:

«“Мальчики в касках”, как шутя называли в Киеве добровольцев, вели себя геройски, не говоря уже о командном составе. Ведь исключительными в военной истории являются случаи, когда главнокомандующий сам водил бы в атаку войска, как то сделал гр[аф] Келлер, объезжая фронт Сердюцкой дивизии (Гетманской гвардии. – *А. К.*). *Сердюки, эти молоденькие мальчики, необученные, необстрелянные, имевшие смутное представление о рассыпном строе и сбившиеся в толпу, когда попали под пулеметный огонь, не только перешли в наступление, но и потеснили сечевых стрельцов – пришедших из Галиции ветеранов последней войны – и захватили 4 орудия.*

Граф Келлер, опираясь на палку, шел в цепи».

Достоверность картины подтверждается и показаниями противника. Со стороны «республиканских войск» участие в бою принимали Сечевики и «курень» Черноморского коша. На участке Сечевиков столкновение имело неопределенный результат, выгодный скорее для защитников Киева (бой, протянувшись весь день, настолько измотал Сечевиков, что отдельные стрелки к вечеру начинали засыпать прямо в снегу). Черноморцы же потерпели сокрушительное поражение под Святошином, где войскам Келлера удалось разгромить их левый фланг и обратить весь курень в беспорядочное бегство – «дезорганизованные группы» обнаружились под вечер лишь верстах в пятнадцати от

места боя; именно тогда были потеряны два (а не четыре) легких орудия. Для Сечевиков, которые утверждали, будто «сердюки, бывшие национально-сознательными, переходили на сторону Сечевых стрелков, а несознательные дезертировали домой», наверное, становилось психологически невозможным признать, что отпор им дали именно Сердюки, – а между тем, похоже, именно так и было… и именно на этом участке присутствовал граф Келлер.

«Героем дня» гетманское телеграфное агентство назвало генерала К. А. Присовского, который сокрушил левый фланг Черноморцев со своим отдельным дивизионом – «Особым отрядом Его Светлости Гетмана Украины» (Гетман писал: «Отдельный дивизион считался лучшей частью, которую я приберег для последнего удара. Она состояла из великорусских офицеров, ее всегда мне хвалили. Я оставил этот дивизион в своем распоряжении и давал его только для специальных задач на фронте…»). Нет сомнений, что присутствие Келлера в отряде Присовского не прошло бы незамеченным и наверняка побудило бы авторов информационных сообщений подчеркнуть роль, сыгранную Главнокомандующим. Это становится дополнительным аргументом в пользу участия Федора Артуровича в бою на центральном участке позиции, где и находились Сердюки, что косвенно подтверждается рассказом офицера из дружины генерала Кирпичева, находившейся на левом фланге: Келлера он не видел, о его присутствии на фронте не знал, да и вообще о соседях справа имел довольно приблизительное представление. Вот какой запомнилась ему картина того дня:

*«…Уже светло: сейчас должны идти в наступление сердюки. С краю пурпурового неба выкатилось красное солнце. Справа долетели шумы, говор людей. Это сердюки… Цепи наступают с песнями (*как это похоже на Келлера – «как на батальных картинах старой школы»! *– А. К.)*…

Впереди затрещали винтовки. Сошлись.

Гремит артиллерия с нашей стороны. Долетают, со звоном рвутся на мерзлой земле их снаряды. Трещат винтовки. Бой в разгаре. Уже несут раненых. Они рассказывают, что столкнулись с сечевиками и те не отступают, “здорово дерутся”.

Бой кончается к вечеру – безрезультатно. Потери, понесенные сердюками, напрасны. Кроме потерь – половина сердюков куда-то разбежалась».

Как видим, оценка произошедшего оказывается явно негативной. Украинский автор, признавая поражение своего левого фланга, общий вывод о результатах боя делает также не в

пользу Келлера, считая победу защитников Киева возможной, но… упущенной. В то же время заметим, что русский мемуарист воевать не хотел, в дружину записался в надежде нести службу исключительно по «внутренней охране» города, – и общее настроение его мемуаров поэтому нетрудно предугадать; а украинские историки, конечно, склонны были принизить впечатление от победы Келлера, столь неожиданной для «республиканского» командования после успешного Мотовиловского боя. Но чтобы составить суждение о подлинном значении событий, следует стать на точку зрения русского Главнокомандующего и задуматься, какие цели он преследовал и какой информацией обладал.

Скорее всего, развернутого, детального плана кампании у Келлера просто не было. Силы противника оставались неизвестными, Мотовиловский бой ничем не смог помочь для их выяснения, и говорить о каких-либо перспективах не приходилось. Ситуация прояснилась в результате боя 9 ноября, однако не до конца: было очевидным поражение Черноморцев, но не его степень – по первому столкновению предположить, что противник, получив серьезный удар, тут же пробежит десять-пятнадцать верст, полностью обнажив левое крыло соседей, – было бы непростительной самонадеянностью. На центральном же участке Келлер должен был лично убедиться как в упорстве противника, так и в недостаточной обученности Сердюков, которых можно и до́лжно было водить в атаки, но не бросать на чашу весов с риском общего проигрыша. Добавим к этому сильно пересеченный характер местности, особенно против левого фланга Келлера, ранние сумерки, наступавшие между четырьмя и пятью часами пополудни… и осторожность Федора Артуровича, вообще ему не очень свойственная, начинает выглядеть вполне оправданной, а результаты боя – не такими уж и малозначительными.

«Из-за того, что фронт Черноморцев сломался под натиском русских офицерских частей и запланированное наступление не удалось, дальнейшие наступательные действия против Киева были приостановлены до подхода больших сил», – пишет украинский историк. Но что же представляли собою эти «большие силы», «народные массы», без которых борьба против Келлера явно не получалась? Сами украинские политики, историки, мемуаристы признают, что авторитет Директории среди крестьянства был невелик и строился лишь на отрицании гетманского режима; что дезорганизованными «массами» были затоплены и поглощены крепкие и боеспособные кадры; что ввести нестройный поток в русло регулярных вооруженных сил не

удалось… И напрашивается вывод, что пополнения из «крестьянских масс» не столько усиливали, сколько, как ни парадоксально это звучит, ослабляли «республиканские войска», а их победа – взятие Киева – была обусловлена прежде всего слабостью противной стороны… – стороны, *слишком быстро лишившейся своего Главнокомандующего*.

Действительно, обстоятельства складывались скорее в пользу защитников Киева. Стабилизация фронта с довольно широкой нейтральною полосой позволяла Келлеру провести правильную мобилизацию, пополнить и укрепить киевские дружины и ожидать подхода союзников, если бы он предпочел перейти к обороне; удачный бой внушал надежды, что и те части, которые уже находились на позициях, в твердых руках могли воевать и развить успех; наконец, алчные намерения большевиков распространить свое владычество на территорию «Украинской Державы» могли вызвать раскол в лагере Директории, и хотя на союз с Келлером последняя, конечно, никогда бы не согласилась (чувства были взаимными, но ведь граф и собирался выехать во Псков), – взаимоотношения с Гетманом-федералистом и общая политическая конъюнктура могли бы сложиться совсем по-новому. Именно поэтому бой под Святошином мог оказаться *стратегическою победой* и, с немалой вероятностью, оказался бы ею, если бы… Федор Артурович остался Главнокомандующим.

* * *

Как видим, генерал вполне подходил для поста, который он принял по настоянию Гетмана, и если *гарантировать* победу в те дни, должно быть, не мог никто, то *увеличение шансов* на успех с назначением Федора Артуровича становилось явным. Его авторитет распространялся не только на войска, но и на горожан, не исключая рабочих, которых принято считать носителями революционных настроений. Об этом свидетельствует, например, приказ Келлера, являющийся к тому же наглядной иллюстрацией, почему потерпели неудачу попытки большевицкого и «петлюровского» подполья поднять в Киеве восстание:

«При организации борьбы против повстанческих банд Петлюры встретилась надобность в спешном ремонтированиі броневого поезда (он был поврежден злоумышленником 8 ноября. – *А. К.*).

Рабочие Киевского железнодорожного узла, на коих был возложен ремонт броневого поезда, работая с чрезвычайным напряжением и бессменно, закончили эту работу менее чем в сутки. Отремонтированный броневой поезд немедленно же был

введен в дело и оказывал помощь войскам в бою.

Когда рабочим была предложена денежная награда за сверхурочный труд (3 000 рублей; для сравнения скажем, что суточные за «нахождение на позиции и в бою» составляли 20 рублей для командного состава и 10 рублей для остальных чинов. – *А. К.*), *то они отказались от награды в пользу добровольческой армии, заявив при этом, что они выполнили только свой патриотический долг».*

Тем более неожиданным стало устранение графа с поста Главнокомандующего, произведенное приказом Гетмана от 13 ноября (на смену Келлеру был назначен генерал князь А. Н. Долгоруков). Самому Скоропадскому оно, однако, казалось естественным и неизбежным.

«Я ему указал, – рассказывает в своих записках бывший Гетман, вспоминая обстоятельства назначения Келлера, – *всю обстановку и просил его заниматься войсками, но не менять своими распоряжениями основы той внутренней политики, которой мы придерживались. Его правые убеждения, ненавистничество ко всему украинскому меня пугали. Я знал, что он горяч и что он поведет свою политику, а она до добра не доведет*[85]. *Он мне обещал, и я успокоился. Но действительность показала другое.*

С первого же дня, не имея на то даже права, он отменил все положения, выработанные нами для армии, он вернул все старые уставы императорской армии. Он окружил себя громадным штабом крайних правых деятелей, которые повели политику архиправую. Он издал приказ, которым даже возмутил умеренные правые круги. Слава Богу, что он не издал того приказа, который им был написан самолично. Там он уже совершенно выходил из всяких рамок благоразумия…

Все эти данные повели к тому, что я, дня через четыре после назначения Келлера, попросил его сдать должность… Оказывается, что уже ходили слухи, что при Келлере образовалась какая-то дружина, которая должна была сделать переворот. Я думаю, что это вздор, во всяком случае, это было бы бесконечно глупо, так как решительно никакие организации и партии, кроме самых правых, Келлеру не сочувствовали.

Келлер ушел…»

Действительно, в ноябре 1918 года Федор Артурович – строевой генерал, вполне убежденно не вмешивавшийся в «политику» всю свою жизнь, – посчитал необходимым не только взяться за организацию военного отпора противнику, но и изменить все течение жизни и, в определенном смысле, государственный порядок «на всей территории Украины». На

основе воспоминаний генерала Черячукина вообще может сложиться впечатление, что вся деятельность Келлера на посту Главнокомандующего свелась к постоянным конфликтам: «с первых же дней своего назначения он пошел вразрез и с Советом Министров, и с Гетманом, и с немцами, которых он, несмотря на свою немецкую фамилию, не любил». «Они думают, что я буду слушать все их глупости», – говорил граф Черячукину. – «Раз я назначен, я сам буду распоряжаться, а не ожидать, что́ они мне позволят и с чем согласятся»; в результате, считает мемуарист, «самостоятельность графа Келлера настроила быстро против него всех министров. Явилась боязнь его диктатуры. Некоторые видели его уже на месте Гетмана…»

С другой стороны, полномочия, которыми Федор Артурович был облечен по должности Главнокомандующего, согласно приказу самого же Скоропадского нельзя не признать весьма широкими (подчеркнем специальное примечание Гетмана о подчинении графу «всех гражданских властей Украины»). Неудивительно поэтому, что Келлер, не входя в политические тонкости, был искренне уверен в предоставлении ему «неограниченной власти». Провозгласив, «что ему подчиняются не только военные, но и все гражданские власти на Украине», граф взялся за дело с той же решительностью, какая отличала его в военных вопросах. Уже 6 ноября его «посетили некоторые члены кабинета, в том числе и Министр внутренних дел И. А. Кистяковский, и сделали доклад по делам своих ведомств». Это уже начинало свидетельствовать о его превращении в некоего диктатора при живом Гетмане; кроме того, вторжение в чужую сферу имело место в отношении самого амбициозного члена гетманского кабинета – Кистяковского.

Удивительно ли после этого, что никто иной, как Кистяковский «через несколько дней» после назначения Келлера Главнокомандующим уже явился к Гетману… «плакаться»? «Кистяковский, благодаря настояниям которого я предоставил графу Келлеру такие широкие полномочия, как смещение должностных лиц министерства внутренних дел, остался со всем своим аппаратом за флангом и не имел возможности работать», – рассказывает Скоропадский, быть может, не без злорадства делая вывод, что министр «фактически был съеден главнокомандующим».

Вряд ли Кистяковский действительно был «съеден», но сам себя он явно посчитал «съедаемым» и, разочаровавшись в планах играть первую скрипку при неопытном в политическом отношении генерале, незамедлительно повел против Келлера интригу. И все же приписать отставку генерала только

закулисной работе Кистяковского – было бы неоправданным преувеличением.

Зерна интриги, очевидно, падали на подготовленную почву: резкие высказывания Келлера («эти дураки продолжают играть в Украину и державу» и проч.) безусловно не должны были нравиться Гетману, а рост авторитета Главнокомандующего, который выиграл первый же бой, – мог заставить опасаться за собственное положение. Но для того, чтобы лучше представить себе все мотивы произошедшего (в сущности, переворота), следует лучше рассмотреть преемника Федора Артуровича – князя Долгорукова.

В вину графу ставился его нескрываемый и неумеренный монархизм и тяжелый характер. Однако по обоим этим показателям Долгоруков отнюдь не выглядит более удачной кандидатурой. Сам Скоропадский признает, что он не считал возможным «резко изменять курс» Главного Командования, и потому «приходилось взять человека пока из того же лагеря»: «Долгоруков, тоже очень правых убеждений (как и Келлер. – *А. К.*), чуть ли не член какой-то правой организации, тем не менее был человек, которого я знал и с которым можно было договориться». В то же время предполагать в новом Главнокомандующем какую-то бóльшую по сравнению с Келлером уживчивость или менее тяжелый характер вряд ли приходится, – скажем, довольно неожиданные и рискованные действия, предпринятые им на своем новом посту, князь мотивировал с безоглядной решительностью и подкупающей простотою: «он, как игрок, поставил все на карту». Очевидно, под «договориться» Скоропадский подразумевал что-то совершенно определенное.

Понять это помогает прежде всего рассмотрение тех самых «картежных» действий князя Долгорукова и их отличий от политики Федора Артуровича. «Все на карту» новый Главнокомандующий поставил… нанеся удар по представительству Добровольческой Армии в Киеве: по приказу князя был арестован генерал П. Н. Ломновский, уполномоченный Деникиным и de facto признанный Гетманом. Препятствия встретил и организационный комитет по формированию «Юго-Западной Армии», которому Келлер если и не покровительствовал, то по крайней мере не мешал; теперь же, по свидетельству одного из организаторов, «пришлось столкнуться с резко отрицательным отношением… генерала князя Долгорукова, тормозившего деятельность Комитета категорическими требованиями блокирования с монархическими организациями». Умеренно-центристская организация «Национальный Центр» также отмечала разворачивание, после вступления князя в

Главное Командование, борьбы между «монархическим блоком», к которому принадлежал и Долгоруков, с одной стороны, и рядом общественных организаций – сторонников объединения всех не-«украинских» формирований под флагом Добровольческой Армии.

Таким образом, получается, что монархизм, который считался одной из причин отставки Келлера, вовсе не был столь уж недопустимым применительно к князю Долгорукову, а украинофильство так же мало может быть поставлено в вину последнему, как и первому. Зато Федор Артурович был готов к сотрудничеству с Добровольческой Армией, если не к прямому подчинению ее командованию, а его преемник немедленно проявил себя как противник Деникина и его представителей.

Инспирирование действий Долгорукова отвечало интересам как Гетмана, так и Кистяковского. Руководители Добровольческой Армии, придерживаясь последовательно антигерманской политики, третировали Скоропадского как марионетку оккупантов, и на равноправные взаимоотношения после эвакуации германских войск последний вряд ли мог рассчитывать; Кистяковский же имел личного недруга в кругах, близких к Деникину, – Шульгина. Таким образом, и Гетман, и его министр, видя в Добровольческой Армии угрозу своему положению, вполне закономерно должны были придти к решению избавиться от графа Келлера, который, несмотря на расхождения во взглядах с «непредрешенцем» Деникиным, приветствовал его как потенциального руководителя объединенных антибольшевицких сил.

Однако политиканы, как это часто случается, в первую очередь перехитрили самих себя – за отставкой выдающегося полководца вскоре, уже 1 декабря, последовало падение гетманского режима под ударами «петлюровцев». Граф Келлер, вернувшийся после отставки к формированию «отряда Северной Армии», сделал попытку принять участие в уличных боях, но к вечеру предпочел распустить своих подчиненных (Гетман и Долгоруков скрылись, и оборона города фактически была дезорганизована), был схвачен «петлюровцами» и вскоре убит.

* * *

Обстоятельства, сопутствующие этому, известны по нескольким источникам, чьи показания сходятся в одном: у старого генерала была возможность спастись, но он отверг помощь представителей германского командования, которое еще

имело в своем распоряжении силы, достаточные для защиты русских офицеров, обращавшихся к недавним врагам в поисках спасения. Неудивительно, что писавшие об этом сосредотачивали свое внимание на гордом жесте Келлера, в сущности выбравшего смерть, но не содействие иноземцев, и игнорировали детали, проливающие дополнительный свет на это решение. Без них же его следовало бы приписывать только строптивому нраву или нелюбви графа к иностранцам. И в том, и в другом случае к поступку Келлера можно относиться как к вершине благородства или к гибельному упрямству, но не более того.

А между тем стоит обратиться к свидетельствам очевидцев о том, что же и как именно произошло в тот вечер 1 декабря. Офицер из келлеровского отряда Н. Нелидов рассказывает: «… Граф ушел в келью (дело происходило в Михайловском монастыре, ставшем последним прибежищем генерала, а затем и местом его заключения. – *А. К.*). В это время приехал полковник Купфер с германским майором. Последний предложил графу поехать в германскую комендатуру, где он ручался за безопасность. Граф, хотя и владевший прекрасно немецким языком, но глубоко не любивший немцев, по-русски, через Купфера, отказался.

Несмотря на отказ, мы вывели графа почти силой из кельи во двор и довели уже до выхода из ограды. По дороге, по просьбе майора, накинули на графа немецкую шинель и заменили его огромную папаху русской фуражкой, чему он нехотя подчинился. Когда же майор попросил его снять шашку и Георгия с шеи (знак ордена Святого Георгия III-й степени. – *А. К.*), чтобы эти предметы не бросались в глаза при выходе из автомобиля, граф с гневом сбросил с себя шинель и сказал: “Если вы хотите меня одеть совершенно немцем, то я никуда не пойду”. После чего он повернулся и ушел обратно в келью. Ни мольбы, ни угрозы (? – *А. К.*) не могли уже изменить его решение. Майор пожал плечами, круто повернулся и уехал».

Другим свидетелем оказался находившийся в это время в Михайловском монастыре Епископ Камчатский Нестор (Анисимов). Вот его рассказ:

«Едва лишь я лег спать в эту тревожную ночь, как вдруг ко мне приходит посланный от графа Келлера адъютант и просит меня немедленно придти к графу. Пока я одевался, адъютант рассказал мне, что пришел автомобиль с немецкими офицерами, желающими увезти графа и спасти его от неминуемой расправы петлюровцев, но что граф категорически отказывается от этих услуг немцев…

Когда я с адъютантом вышли в ограду обители, мимо нас

германские офицеры почти насильно провели к автомобилю графа. Они заверяли его, что им поручено только сохранить его жизнь и вывезти благополучно из города. Но граф не соглашался на это и, увидев меня, взмолился, прося меня разъяснить немцам, что он не может уйти и оставить свой отряд на растерзание, что, если суждено, он желает погибнуть вместе со своими людьми.

Тем не менее германские офицеры довели уже графа до автомобиля и здесь накинули на него германскую шинель. Потом они попросили его снять с себя георгиевское оружие, чтобы легче было ускользнуть от осмотра петлюровских дозоров, патрулирующих по городу.

Но в ответ на это предложение граф Келлер отбился от державших его немцев, сбросил шинель и каску и, поблагодарив германских офицеров за заботы о нем, резко повернулся обратно и пошел в обитель…»

Несмотря на довольно явное стремление Владыки подчеркнуть, а может быть, и преувеличить степень собственного участия в разыгравшейся сцене и вообще драматизировать картину произошедшего (чего стоит только «мольба» Федора Артуровича о помощи, якобы обращенная к Епископу, который почему-то должен что-то «разъяснить» немцам!), – оба рассказа в основном сходятся. Именно поэтому следует теперь осмыслить некоторые детали.

Самое раннее время суток, к которому относили произошедшее – «часов около восьми вечера»; Епископ Нестор, чье свидетельство, возможно, не следует воспринимать буквально, утверждает, что все произошло уже заполночь (по крайней мере, поздним вечером); Нелидов ограничивается неопределенным «вечером»… но в любом случае известно, что *стемнело* на киевских улицах несколькими часами ранее (в четыре-пять часов пополудни).

Предположим, автомобиль, в котором приехали немцы, был открытым, что требовало бы наибольшей маскировки. Тем не менее шинели внакидку и русской фуражки как будто было достаточно, чтобы не бросаться в глаза и не привлекать к графу Келлеру ненужного внимания.

Итак, в темноте группа военных, большинство которых – несомненные немцы, проезжает по слабо освещенным улицам в автомобиле. И при попытке представить себе эту картину невольно возникает вопрос: почему же именно *шашка* и *шейный знак ордена Святого Георгия* оказываются столь демаскирующими, что от них *необходимо* отказаться?!

Конечно, оружие (да и не только оно) «могло броситься в глаза при выходе из автомобиля», и если графа действительно

должны были отвезти именно в германскую комендатуру на Крещатике, – опасение было до известной степени оправданным. Но в городе оставался и район («Липки»), находившийся под исключительным контролем немцев. Поэтому, если вопрос о том, как Келлер будет выходить из машины, настолько уж волновал потенциальных спасителей, – проще было бы отвезти его туда, где нежелательных свидетелей вроде бы не предвиделось. Ну, а если бы автомобиль был остановлен «петлюровцами» по дороге и подвергнут тщательному досмотру, – произведенный на скорую руку маскарад никого не смог бы обмануть, и русская генеральская форма, с орденом или без оного, под «шинелью внакидку» или без, в любом случае выдала бы своего владельца.

Таким образом, приходится сделать единственный вывод: наличие или отсутствие ордена и оружия отнюдь не влияло на маскировку и безопасность графа Келлера, а отказ от них означал бы только – все равно, было ли это слово произнесено или нет, – *капитуляцию* русского полководца. Немцы были готовы спасти его от «петлюровского» плена… *но, в сущности, тоже как пленника – уже своего.*

Насколько это было очевидным? Обратим внимание на воспоминания юнкера В. В. Киселевского, одного из последних, кто состоял 1 декабря под командой Келлера, но свидетелем интересующих нас событий уже не являлся. «Немцы его хотели освободить… – рассказывает Киселевский (его мемуары по стилю напоминают стенограмму или расшифровку диктофонной записи). – И немцы предложили Келлеру: мы вас вывезем. Но ему сказали, что он должен отдать свое оружие… а у графа Келлера была шашка, личный подарок государя с надписью… а он говорит: я ее ни за какие коврижки не отдам… а немцы говорили: *вы должны отдать вашу шашку как эмблему*[86]… мы вас тогда вывезем… но он не отдал шашки, и его расстреляли… правда, не немцы, а позднее петлюровцы». И в данном случае не важно, приведены ли требования «немцев» текстуально (очевидно, нет), а важно существование именно такой интерпретации событий – предложения спасти Келлеру жизнь на условиях капитуляции, хотя бы моральной. Удивительно ли после этого, что Федор Артурович вспылил и отверг услуги «спасителей»?

«…Граф Келлер, – продолжает Епископ Нестор, – отбился от державших его немцев… и, поблагодарив германских офицеров за заботы о нем, резко повернулся обратно и пошел в обитель, а своему адъютанту приказал немедленно пойти в штаб петлюровских войск, занявших монастырь, и сообщить им, что он, граф Келлер, находится здесь, в монастырской келлии… Петлюровцы моментально перевели свой штаб в нижний этаж

того корпуса, где поселился граф, и к его келье приставили часового». Другой свидетель – Нелидов – ничего не говорит о «роковом поступке», но его рассказ, дойдя до появления в монастыре противника, вообще становится довольно сбивчивым:

«Граф прилег отдохнуть. Вдруг вбежал монах и говорит, что приехали петлюровцы.

Полковник Пантелеев (адъютант графа) бросился в келью графа. Я с моими двумя ординарцами вышел в коридор, где вповалку спали богомольцы. На стук петлюровцев в дверь из кельи вышел Пантелеев. Петлюровцы вместе с ним вошли внутрь. Было тихо. Через несколько минут из кельи вышел граф, Пантелеев и другой адъютант Иванов, окруженные петлюровцами…»

Задумаемся теперь, не является ли «приглашение» врагов (которое по справедливости тоже трудно назвать иначе как капитуляцией) противоречащим характеру графа? – Но ведь за занятием монастыря «республиканскими войсками» должен был неминуемо последовать *обыск*. О собиравшихся здесь ранее офицерах и добровольцах Келлера, без сомнения, знали многие насельники и богомольцы, и шило в мешке утаить было бы невозможно, – появление же столь важной добычи, как недавний Главнокомандующий, естественно приковывало к графу все внимание «петлюровцев», и в немалой степени, вероятно, этому обстоятельству были обязаны жизнью те, кому, как Нелидову, удалось замешаться в толпу и впоследствии скрыться. «Приглашая» врагов, Келлер принимал на себя одного ответственность и фактически прикрывал своих недавних подчиненных. Доблестный воин остался самим собою и в эти тяжелые минуты.

* * *

Итак, граф и двое из его офицеров, пожелавших разделить судьбу начальника, – полковник А. А. Пантелеев и ротмистр Н. Н. Иванов, – оказались в плену. А уже через несколько дней, поздним вечером или ночью с 8 на 9 декабря (по другой версии – с 7-го на 8-е) на улице, якобы при переводе из одного места заключения в другое, якобы при попытке к бегству, генерал и его соратники были убиты. В «попытку к бегству» не верил никто, обстоятельства «перевода» также возбуждали подозрения, а потому и общепринятое заключение о смерти Келлера стало однозначным – «подло убит петлюровцами». Тем не менее стоит пристальнее рассмотреть обстоятельства произошедшего.

Прежде всего отметим, что Келлер был единственным из

крупных военачальников гетманского периода, который попал в руки «петлюровцев» и на сотрудничество которого с Директорией не могло быть никаких надежд. Новая власть в принципе не питала злобы против своих недавних противников, коль скоро они переходили на ее службу, хотя имена Келлера, Скоропадского или Долгорукова представляли собою что-то вроде символов, и отношение к ним должно было быть иным, чем к «техническим работникам», аналогичным советским «военспецам». Для Директории, если говорить о мотивах убийства, граф Келлер был и оставался врагом – убежденным, сильным и непримиримым.

В то же время, по свидетельствам украинских авторов, в «республиканских войсках» после захвата Киева «пішла п'яна й безжурна гулянка старшинства й отаманства», дорого обошедшаяся многим офицерам и просто мирным обывателям города. Так не оказались ли Келлер и его соратники жертвами «разгулявшихся»? Для ответа необходимо обратиться к источникам, повествующим об обстоятельствах преступления.

Одно из описаний, насыщенное подробностями, именно из-за них выглядит не совсем правдоподобным, тем более что рассказ по меньшей мере вторичен: «Арестованных повели по Большой Владимирской, мимо памятника Богдана Хмельницкого, по трамвайным путям, – повествует генерал В. Н. Воейков, проживавший тогда в Киеве. – Едва они достигли того места, где пути несколько отклоняются в сторону сквера, из засады, почти в упор, грянул залп. Сраженный несколькими пулями, упал полковник Пантелеев. Тотчас патрульные (конвоиры? – *А. К.*) открыли огонь в спину уцелевшим после залпа графу Келлеру и штабс-ротмистру Иванову. Граф был убит пулей в затылок, а штабс-ротмистр Иванов – пулей в голову и 4-мя штыковыми ударами. Окончив свою работу, доблестные республиканские солдаты разбежались. Трупы были взвалены на подоспевшую к месту убийства телегу, которая была отвезена в Михайловский монастырь и брошена сопровождавшими ее солдатами на произвол судьбы. Через некоторое время монахи доставили повозку с трупами в военный госпиталь». Интересно, что эта версия, очевидно нечувствительно для ее автора (монархиста и противника «петлюровцев»), оказывается в сущности оправдательной по отношению к официальным «республиканским» властям и войскам!

По Воейкову, картина получается следующая: арестованные и конвой были обстреляны из засады неизвестно кем. Правдоподобно предположить, что при неожиданном нападении конвой открыл беспорядочный огонь, а поскольку конвоируемые идут обычно впереди конвоиров, Келлер и его офицеры оказались

расстреливаемыми со всех сторон. С такой интерпретацией не вяжутся только штыковые раны, но поскольку из рассказа неясно, кто их нанес и не появились ли они после бегства конвоя (как неясно и что за «солдаты» привезли тела убитых в Михайловский монастырь), никаких выводов по этому вопросу сделать нельзя. То же относится и к загадочной «засаде», о принадлежности и целях которой можно строить самые разнообразные предположения, но все они будут равно беспочвенными – оснований для какой-либо осмысленной версии повествование Воейкова не дает.

Другой автор, описывающий обстоятельства убийства – известный нам Нелидов – ссылается на свидетельство очевидца: «Мой ординарец, наблюдая за арестованными, видел, как ночью их привезли на Софийскую площадь»; согласно этому рассказу, Келлера, Пантелеева и Иванова везли на санях, а на площади приказали выйти из саней на тротуар. После этого «раздались беспорядочные выстрелы, и три мученика безмолвно упали на снег…» Поскольку указывается, что приказание выйти отдал «старший убийца», следует предположить отсутствие какой-либо засады или иных сторонних участников преступления, и это выглядит вполне логичным: ночью или ранним утром никто не стал бы ходить по городу, только что захваченному вооруженными толпами, которые «безжурно» гуляли и нередко казались опасными даже своему собственному начальству; поэтому появление свидетелей кажется маловероятным, и необходимости в инсценировках не было никакой.

Собственно говоря, с момента неожиданной остановки саней офицерам должно было стать ясным, что́ им уготовано, и потому правдоподобным кажется рассказ генерала Штейфона, будто за секунду до смерти, «поравнявшись с Софиевским[87] собором, граф снял папаху и перекрестился. Пальцы его правой руки так и застыли сложенными для крестного знамения… Всю свою жизнь гр[аф] Келлер был предан Царю земному и отошел к Царю Небесному, прославляя святое Имя Его!» (оговоримся, что Штейфон не только не присутствовал в те дни в Киеве, но и при написании воспоминаний подчас не заботился о проверке фактов). Для истинно верующего человека, каким был Федор Артурович, перекреститься в преддверии близкой и неминуемой смерти более чем естественно, и все же рассказ Штейфона хотя бы из осторожности историка следует отнести к легендарным, как и другой рассказ – приведенный по неизвестному источнику в мемуарах генерала В. А. Кислицина.

«По обычаю мародеров-большевиков (мемуарист вообще не разделяет большевиков и «петлюровцев». – *А. К.*), убийцы хотели

снять с графа сапоги, – пишет Кислицин, – но убитый гигант оказал своим презренным врагам сопротивление и после смерти: негодяям оказалась не под силу предпринятая попытка, и убитый граф остался не разутым, как другие жертвы того времени». Не вдаваясь в обсуждение символической стороны дела, отметим: если информация генерала верна и тело Федора Артуровича не было ограблено, – картина преступления окончательно перестает напоминать произвол разложившихся «республиканских войск».

Следующий вопрос – от какой воинской части был наряжен конвой? Мемуарист, проживавший тогда в Киеве, утверждает, что от «надежных сечевиков», но абсолютизировать это свидетельство не следует: «сечевики», как название наиболее боеспособных и преданных Директории частей, зачастую обозначали «республиканские войска» в их целом, а командир Осадного корпуса Е. М. Коновалец впоследствии упирал на факты «провокаций, совершавшихся со всех сторон, лишь бы только скомпрометировать Сечевиков». Не будем с этим спорить – в смутное время случается всякое, – тем более что в русской монархической печати в связи с убийством Келлера называлось имя, имевшее отношение отнюдь не к Сечевикам – бывшего подпоручика Ф. А. Тимченко, командовавшего одной из Днепровских дивизий: «По имеющимся данным, Тимченко был одним из вдохновителей убийства доблестного Графа Келлера в Киеве и руководителем бессудных расстрелов верных России офицеров. По тем же данным, непосредственным убийцей Келлера был адъютант этого Тимченки». Отметим и утверждение Коновальца: «Расстрелы в Киеве были, но осуществляли их либо те самые части, от которых осадный корпус старался освободить Киев (намек на Черноморский кош и Днепровские дивизии. – *А. К.*), либо различные “разведки”, не подлежавшие контролю осадного корпуса, либо, наконец, они были задуманы с явно выраженной провокационной целью». Но тогда возникает новый вопрос. В Михайловском монастыре Келлера, Пантелеева и Иванова взяли под стражу артиллеристы-Сечевики; если же убийцами были Днепровцы «отамана» Тимченко, это значит, что в какой-то момент арестованных должны были передать от одной части под охрану другой, а такое вряд ли могло произойти неофициальным порядком.

Существует и еще одна деталь, немаловажная для выявления истинных преступников. Уже осенью 1919 года, то есть по относительно свежим следам, прозвучало следующее утверждение: «Бывший главнокомандующий русскими войсками на Украине генерал гр[аф] Келлер расстрелян в декабре прошлого года не большевиками, а петлюровцами из контр-

разведки Ковенко в Киеве». М. Н. Ковенко, инженер и социал-демократ, в конце 1918 года возглавлял «Главную», или «Верховную», «следственную комиссию Директории по борьбе с контрреволюцией (! – *А. К.*)». Коновалец утверждает, что комиссия пользовалась личным покровительством члена Директории А. Андриевского и даже намекает на то, что она относилась к организациям, создававшимся в качестве «личной гвардии» того или иного из «директоров». А Винниченко, рассказывая о своем соперничестве с Петлюрой, так описывал расстановку сил внутри Директории: «Меня поддерживал Макаренко, а Петлюру – Андриевский. Швец склонялся то на ту, то на другую сторону». Учитывая также, что Ковенко был и соратником Петлюры еще с весны 1918 года, его комиссию следует отнести к «петлюровскому» крылу руководства УНР, которое имело наиболее тесные связи с военными.

Коновалец горячо утверждал, что к убийству Келлера он непричастен; насколько можно ему верить? По крайней мере основания для недоверия дает, например, свидетельство генерала Н. Н. Шиллинга, фактически обвинившего украинского военачальника в вероломстве. «Сейчас же по вступлении Петлюровских войск в Киев, – рассказывает Шиллинг, – я с генералом Ломновским отправились к командиру корпуса, бывшему австрийскому офицеру Коновальцу… Мы к нему обратились с просьбою относительно офицеров Добровольческой армии, находящихся под арестом в Педагогическом Музее (помещения Музея были новой властью превращены в подобие концентрационного лагеря. – *А. К.*), прося либо их скорее освободить, либо распорядиться и приказать, чтобы над арестованными не было никаких насилий. Коновалец обещал все быстро разобрать и освободить арестованных (выполнено не было. – *А. К.*). Я, не доверяя Петлюровцам, на свою квартиру уже не вернулся… Дня через два решил все-таки пройти к себе домой, но не дошел немного до дома, где я жил, как меня встретил мой крестник, кадет 1-го Петербургского Кадетского Корпуса, поджидавший меня для того, чтобы предупредить, что я не должен идти домой, так как два раза у нас на квартире были Петлюровцы, все обыскивали и спрашивали о том, где я». Генерал Черячукин, правда, утверждал, что аналогичное заступничество с его стороны возымело самое благотворное действие, но отношение к Дону у руководства УНР было иным, нежели к Добровольческой Армии, да и заключительный пассаж рассказа Черячукина все же наводит на довольно мрачные подозрения…

«Около 8 час[ов] вечера 20/XII [нового стиля], — вспоминает Черячукин, – *ко мне прибежала одна сестра милосердия и*

сообщила, что сегодня ночью всех арестованных при переводе из музея в тюрьму решено расстрелять, и просила содействия.

…По телефону я просил Коновальца не переводить ночью, и начальника караула в музее хорунжего Григорчука просил усилить караул, если перевод все же состоится.

Перевод не состоялся. Было ли это распоряжение атамана Коновальца, или сведения сестры милосердия были недостаточно верны, я не знаю, но некоторые основания она очевидно к этому имела, так как в следующую ночь (с 21 на 22) также при переводе из Михайловского монастыря, где был арестованный граф Келлер, он был предательски убит в 4 часа утра пулей в спину на площади у памятника Богдана Хмельницкого».

Не будем акцентировать внимания на том, что в качестве даты убийства называют также ночь *на* 8 (21) декабря, то есть ту же, когда якобы готовилась и расправа с узниками Музея: в мемуарных свидетельствах зачастую временны2е интервалы заслуживают большего доверия, чем «точно» называемые даты, и потому утверждение Черячукина кажется нам достовернее. Более того: если подозрения верны и своевременное вмешательство Донского представителя спасло офицеров, – оно же могло подтолкнуть к незамедлительным действиям в отношении Келлера, пока и о нем не просочилась какая-либо нежелательная для будущих убийц информация. И все это подводит к главному вопросу: а почему, собственно, убийство нужно было осуществлять тайно?

Подчеркнем, что оно представляло собою не только акт осознанной мести русскому генералу, но и наделялось преступниками каким-то символическим смыслом. Все источники называют местом преступления «Софийскую площадь, у памятника Богдану Хмельницкому», где 20 декабря (то есть накануне убийства Келлера) проходил парад «республиканских войск» в честь прибытия в Киев Директории, – и лучшего места для убийства генерала-монархиста, решительного противника сепаратизма (напомним надпись на постаменте памятника: «Богдану Хмельницкому единая неделимая Россия») и союзника Деникина, придумать было бы трудно. Это впечатление еще усиливается при попытке восстановить маршрут, которым были привезены на площадь Келлер, Пантелеев и Иванов, – и здесь мы подходим к цели их перевозки (перевода) по городу и сталкиваемся с двумя версиями, исходящими от современников событий. Согласно одной, графа «переводили из места заключения в контр-разведку для допроса»; другой же автор указывает точное направление движения:

«Через несколько дней немцы, узнавшие об аресте Келле– ра и

его местонахождении, боясь самосуда над ним, потребовали у Петлюры перевода его из комендатуры в Лукьяновскую тюрьму…

Петлюровское командование план немцев разгадало. Для видимости оно решило подчиниться требованию немцев и отдало распоряжение о переводе Келлера и нескольких его адъютантов в Лукьяновскую тюрьму…»

Источник этой информации неизвестен, и вполне возможно, что им являются обыкновенные слухи; показательно, однако, что и Черячукин в связи с готовившимся массовым расстрелом говорит о «переводе в тюрьму» как внешнем оформлении расправы, прямо проводя аналогию с убийством Келлера. А потому уже кажется правдоподобным, что речь действительно шла о тюрьме или арестном доме близ Лукьяновской площади, где также содержались пленные защитники Киева; но для того, чтобы попасть туда, вовсе не следует ехать через Софийскую площадь – это слишком большой и совершенно неоправданный крюк, если, конечно, считать целью поездки перевод арестованных, а не доставку их к заранее избранному и столь символичному месту убийства.

Итак, почему же расправа была закамуфлирована версией «попытки к бегству», а Коновалец столь настойчиво отрекался от какой бы то ни было причастности к ней? Как раз 21 декабря было опубликовано официальное заявление «временного штаба охраны Киева при городском совете» («раде»), подчеркивавшее: «Смертная казнь в Украинской Народной Республике отменена и до сих пор не восстановлена». Таким образом, Келлеру грозил суд (скорее всего, военный), но, согласно букве закона, не смерть. Процедура же следствия и суда могла затянуться, а за это время судьба арестованного генерала должна была привлечь внимание сил, с которыми Директория отнюдь не хотела ссориться.

Немцы здесь, скорее всего, ни при чем – они имели все основания считать, что исходившего от них освобождения гордый генерал не примет, а потому и вряд ли горели желанием делать в этом направлении какие-либо шаги (более заслуживающим доверия представляется определенное утверждение Нелидова: «Были сделаны попытки перед германской комендатурой для спасения графа, но немцы не предприняли абсолютно ничего»). Зато с поражением и эвакуацией германских войск на сцену властно выступала Антанта, чьи представители и даже первые эшелоны войск уже появились в черноморских портах и громко заявляли о себе. Французский консул Э. Энно питал особенное расположение к тем, кто декларировал свою верность старому союзу по Мировой войне, и вероятность того, что он выступил бы на помощь прославленному русскому генералу, казалась отнюдь

не малой, а навлекать на себя неудовольствие Антанты совсем не входило в планы Директории, озабоченной «международным признанием».

В меньшем масштабе та же проблема «признания» и поиска сильных союзников заставляла с известной предупредительностью относиться к новообразованиям, возникавшим на территории бывшей Российской Империи, – и тем больший вес должно было иметь слово руководителей Всевеликого Войска Донского, чей представитель в Киеве генерал Черячукин и сам глава государства Атаман Краснов еще недавно были подчиненными графа Келлера и не могли оставаться равнодушными к его судьбе. И если Добровольческому генералу Шиллингу можно было пообещать «разобраться», а потом послать к нему на квартиру наряд с обыском, то с Донцами так поступать новая киевская власть не осмеливалась.

Вот от кого, а отнюдь не от немцев, следовало ожидать требований об освобождении Федора Артуровича, да, наверное, и многих других генералов и офицеров, – а потому вполне правомерной представляется логика рассуждений современника, убеждавшего консула Энно в том же декабре: «…Я готов ручаться своей головой, что в момент писания сих строк число расстрелянных [в Киеве] перевалило 1000, – *тем более*[88], что Директория оффициально заявила, что на Украине **нет**[89] смертной казни». Действительно, в такой ситуации просто обязаны были начаться «попытки к бегству» и «неизвестно чьи самоуправства».

Показательна также обеспокоенность новой власти «посмертной» судьбой графа. Тела убитых, как рассказывает Епископ Нестор Камчатский, были «привезены в Покровскую обитель (Покровский женский монастырь. – *А. К.*), где с честью были положены в гроб, и я рано утром совершил их отпевание, похоронив в ограде обители с надписями на крестах. С наличной стороны написаны были не подлинные имена убиенных, а псевдонимы». Последнее обстоятельство упоминает и генерал Кислицин, называя, правда, иное место захоронения: «Похоронен был граф Келлер моими близкими на Лукьяновке, причем похоронить этого рыцаря, всегда шедшего с открытым забралом, пришлось под другой фамилией». Расхождение в указании места свидетельствует о независимости двух источников (иначе совпадение было бы более полным), а противоречие снимается, если допустить, что генерал имел в виду не Лукьяновское кладбище, а относительно обширный район, к которому при желании можно отнести и Покровский монастырь. Обстановку секретности в некоторой степени подтверждает и рассказ

генерала Черячукина: «Похороны графа Келлера были разрешены, но с условием, чтобы за гробом шли только самые близкие родственники покойного. Очевидно, Коновалец боялся манифестаций сопровождающих последние останки героя».

Современник отмечает, ссылаясь на публикации киевской прессы, и такой символический акт: «из газет узнали об убийстве ген[ерала] Келлера “при попытке бежать”. И о том, как въехавшему на белом коне Петлюре (это вроде бы преувеличение – Петлюра обходил «республиканские войска» пешком. – *А. К.*) подносили саблю убитого графа». Даже если известие о «поднесении сабли» в действительности передавалось из уст в уста, это была та самая огласка, которой опасались новые власти, особенно в сопоставлении с рассказом о «побеге» и о подлинном характере убийства.

Впоследствии частые смены властей привели к тому, что могила оказалась утраченной, – но и забвение не спасло графа Келлера от посмертного надругательства. В начале 1930-х годов «большевики вскрывали все старые кладбища в надежде поживиться драгметаллами, украшениями, оружием и царскими орденами… – пишет современный украинский историк. – В безымянной могиле нашли останки русского генерала от кавалерии в полуистлевших шароварах с синими лампасами (синий – цвет Оренбургского Казачьего Войска, в мундире которого был Келлер в день гибели. – *А. К.*)… Могила была ограблена».

* * *

«Граф Келлер был убит одиннадцатью выстрелами в спину. Видимо, духовная мощь его была так велика, что ни один из убийц не мог вынести его взгляда», – пишет современник, и звучит это как легенда, как строчки жития, хотя вполне возможно, что основываются они на подлинном факте. И более чем легендой – грозным пророчеством звучит рассказ генерала Черячукина, хотя сам он, кажется, и не был склонен вкладывать в свои слова какой-то символический смысл: «Незначительная оттепель сохраняла долго следы крови на месте убийства Келлера, что породило легенду, что кровь Келлера не высохнет и ляжет на голову Украины».

Действительно, воровским образом добытая сабля русского генерала не принесла счастья Петлюре и его войскам. Метания, колебания, поражения и измены будут сопровождать в дальнейшем их путь. Но и Матери городов Русских – Киеву

останется пробыть русским всего лишь три с половиною месяца, с 17 августа по 3 декабря 1919 года, под властью Добровольческой Армии. А 29 октября 1919-го на Софийской площади будет отслужена панихида по Митрополиту Киевскому Владимиру (Богоявленскому), генералам Н. Н. Духонину и Ф. А. Келлеру и «всем гражданам гор[ода] Киева, зверски убиенным и замученным врагами русской государственности»…

На панихиде присутствовали видные военачальники Добровольческой Армии – Командующий генерал В. З. Май-Маевский, командир 5-го кавалерийского корпуса генерал Я. Д. Юзефович, командир Полтавского отряда генерал Н. Э. Бредов, – и в их лице вся Армия отдавала дань уважения и любви людям, формально с нею никак не связанным, но составляющим общий строй *Христолюбивого воинства*.

Смута овладела Россией, помутнение народного разума и паралич воли торжествовали на ее просторах, и сквозь это безумие одиноко шли те, кто сознательно выбрал для себя путь *крестоношения*. Православный восьмиконечный Крест установил в качестве отличительного знака своей так и не сформированной Северной Армии граф Келлер, и сам он навсегда остался в истории Смутного времени ярчайшим примером русского Христианского рыцаря.

А. С. Кручинин

Генерал-от-инфантерии А. П. Кутепов

Пожалуй, мало кто из Белых генералов – кроме, разумеется, высших руководителей движения – был известен столь широко, как герой нашего очерка. Его имя давало неофициальное название занятым территориям и становилось символом установленной на них власти. Его образ, пусть и в отрицательном освещении, смог под своим именем проникнуть в советский

кинематограф. И никто из вождей Белого Дела не получил таких категоричных и абсолютно противоположных отзывов даже от собственных соратников. Представлявшийся всем или слишком примитивным, или чересчур сложным, он так и остался «сфинксом, неразгаданным до гроба», а загадка его исчезновения надолго заслонила интерес к личности этого человека.

* * *

Александр Павлович Кутепов родился 16 сентября 1882 года в городке Череповце Новгородской губернии. В семье потомственного дворянина, служившего лесничим, он был самым старшим; позже появились на свет две сестры и два брата. С раннего детства Саша увлекся всем, связанным с русской армией, а его любимым героем не случайно стал «белый генерал» М. Д. Скобелев, чей день рождения почти совпадал с его. Мальчик отличался энергией, живостью и решительностью, а дисциплинированность и аккуратность проявились в нем так рано, что казались едва ли не врожденными. Для развития смелости и воли он заставлял себя вставать среди ночи и ходить в самые темные и страшные места – в дальние углы сада, в глухие переулки, на кладбище. Большое огорчение принесло решение родителей отдать его не в кадетский корпус, а в Архангельскую гимназию. Учился Саша отлично, но сама учеба была мальчику скучна, так как он продолжал бредить военной службой. Его ответственный подход к порученному делу был замечен, и уже в третьем классе гимназист Кутепов стал старшим по общежитию, где немедленно установил среди сверстников образцовый порядок. Он сумел внушить уважение к себе и к дисциплине не столько кулаками (что тоже мог сделать, будучи физически крепким подростком), сколько благодаря природным лидерским способностям. Недаром родители одного ученика, лентяя и баловня, пригласили Кутепова пожить у них, чтобы воспитать того по своему образу и подобию.

В тринадцатилетнем возрасте Александр добровольно принял участие в летних гарнизонных маневрах и проделал семидесятидвухверстный переход наравне с солдатами, которые трогательно заботились о маленьком гимназистике. Вероятно, с этого события он начал проникаться глубокой симпатией к русскому солдату, пронесенной через всю жизнь. А в четырнадцать лет – первая утрата: смерть матери, проститься с которой сын так и не успел, хотя спешил изо всех сил.

После отличной сдачи экзаменов и перехода в последний

класс юноша имел право отбывать воинскую повинность на правах вольноопределяющегося 1-го разряда, что давало возможность поступить в юнкерское училище и обучаться там на казенный счет. Для многодетной семьи, не имевшей никакого недвижимого имущества, это было весьма существенным обстоятельством. Кроме того, 1-й разряд означал прием вне конкурса при сдаче единственного экзамена по русскому языку не менее чем на 7 баллов (система оценок была 12-балльной). Отец понимал, что сын уже выбрал свой путь, и не возражал. С 9 июля 1901 года Александр Кутепов зачислен рядовым на правах вольноопределяющегося 1-го разряда в Архангелогородский резервный батальон, где прослужил почти год. 7 июля 1902 года он направлен в общий класс Санкт-Петербургского юнкерского училища, а два месяца спустя, 7 сентября, произведен в младшие унтер-офицеры с исполнением обязанностей фельдфебеля роты. По воспоминаниям офицеров-воспитателей и однокашников, юнкер Кутепов уже обладал силой духа, отчетливостью характера и ясным мышлением. Все особенно отмечали его кристальную честность и бесстрашие. Однажды, не успев подготовиться к «репетиции» (род промежуточного экзамена) без уважительной причины, он прямо сознался в этом и попросил отсрочить свой ответ; преподаватель принял во внимание искренность юнкера и согласился. Вообще же Александр учился блестяще и с огромным увлечением. Иногда удавалось доставить себе удовольствие посещением театра.

Начальником Главного Управления военно-учебных заведений в то время был Великий Князь Константин Константинович, пользовавшийся большой популярностью у кадет и юнкеров, при посещении своих корпусов и училищ часто устраивавших ему торжественные встречи и буквально носивших его на руках. Именно на него Кутепов произвел столь благоприятное впечатление на смотру 11 июля 1903 года, что тут же, на плацу, был произведен «за отличное командование своей ротой» сразу в фельдфебели, минуя звание старшего портупей-юнкера, – как говаривал позднее он сам, «по-екатерининski». Конечно, это укрепляло преклонение перед монархией в целом и Императорской Фамилией как ее зримым воплощением. Помимо успехов в теоретических и строевых занятиях, Кутепов прославился и как лучший фехтовальщик училища, что подтверждает полученный им 6 июля 1904 года приз за бой на эспадронах. При выпуске фельдфебель первым выбирал вакансии и мог выйти в самые завидные полки. Но уже шла Русско-Японская война, и Кутепов стремился в Действующую Армию. Произведенный в подпоручики, 9 августа 1904 года он отбыл на

Дальний Восток в 85-й пехотный Выборгский Его Императорского и Королевского Величества Императора Германского Короля Прусского Вильгельма II полк.

* * *

Назначенный помощником начальника команды конных охотников (разведчиков), молодой подпоручик с первых дней службы проявил настойчивость, выдержку, смекалку и храбрость. По два-три, а то и пять раз за день он водил своих людей в разведку, причем благодаря умелому командиру они почти не несли потерь. Как-то Кутепов едва не был зарублен хунхузом, но выручило искусное владение шашкой; однако первое убийство, да еще холодным оружием в ближнем бою, внушило отвращение и долго не могло забыться. В другой раз была рассеяна японская застава (более 70 человек), а ее оружие, включая пулеметы, стало трофеями охотников. Самым замечательным в этом деле стало то, что подпоручик не только не был награжден (орден Святого Георгия IV-й степени получил начальник команды, в вылазке не участвовавший), но и фактически умолчал о своей роли; только после войны один из офицеров случайно узнал от солдат истину. Редкое свободное время Кутепов также посвящал службе. «Скромного, всегда по форме одетого подпоручика Кутепова трудно было уговорить выпить одну-две рюмки водки, а о том, чтобы он играл в карты, – никто и не слыхал», – с некоторым недоумением вспоминал однополчанин.

Во время Мукденского сражения Кутепов отличился в деле у Кудяза 25 февраля 1905 года, за что 5 мая получил орден Святого Станислава III-й степени с мечами и бантом; 24 июля он был отмечен второй наградой – орденом Святой Анны IV-й степени с надписью «За храбрость». Когда же в полку побывал германский Принц, он заметил подтянутого офицера и, выслушав его доклад об одной из разведок, пожелал наградить его от имени Августейшего Шефа полка. В результате 16 января 1906 года пришло разрешение «принять и носить пожалованный Императором Вильгельмом II прусский орден Короны 4-й ст[епени] с мечами на черной ленте с белыми полосами по краю».

Между тем война закончилась, и еще 2 октября 1905 года Кутепов, не получивший на ней и царапины, был откомандирован в Новгород, в 85-й пехотный запасный батальон, для обучения молодых солдат. Легко представить его горечь от поражения в войне и особенно – от столкновения с охватывавшей страну революционной стихией. Следуя с эшелоном через всю Россию, он

поражался и негодовал, но уж никак не терялся: в Иркутске, где произошла было задержка, подпоручик арестовал местный комитет и добился отправки эшелона дальше. Прибыв в Новгород, Кутепов приступил к исполнению своих служебных обязанностей. А награды продолжали догонять его. 22 мая 1906 года из рук самого Императора Николая II он получил орден Святого Равноапостольного Князя Владимира IV-й степени с мечами и бантом, а вскоре был произведен в поручики.

Революция же продолжалась, и именно она стала косвенной причиной дальнейшего поворота в судьбе Александра Павловича. В июне 1906 года произошли волнения в старейшем, безукоризненном полку Императорской Гвардии – Лейб-Гвардии Преображенском. Суть событий была такова. Нижние чины 1-го батальона (командиром которого считался сам Император) образовали толпу во дворе казарм, что-то обсуждали и, вопреки приказанию, не расходились. Дежурный офицер вместо мер принуждения доложил по команде; когда известие дошло до Командующего войсками Гвардии, Великого Князя Николая Николаевича (Младшего), тот, нарушая уставы, велел замять дело. Опрос солдат о жалобах, произведенный крайне искаженно, привел к подаче ими письменного коллективного заявления (само по себе деяние недопустимое), в котором явно звучали политические мотивы – например, требование «свободы печати». Правда, при разбирательстве выяснилось полное непонимание солдатами смысла собственной петиции (под «печатью» они понимали полковую круглую печать и т. д.), что говорило о внушении требований извне, то есть об агитации. Николай Николаевич, видя тщетность попыток скрыть происшествие, заявил уже о «бунте». Агитаторов нашли и наказали, но немилость пала и на весь батальон, который раскассировали полностью, включая и офицеров. Были спороты и Шефские вензеля с погон. Большинство солдат, не участвовавших в волнениях, плакали и умоляли о прощении, что никак не вяжется с образами «бунтовщиков».

Многие сочли огульное наказание слишком жестоким, но в действительности было просто невозможно выявить всех смутьянов, что давало опасность сохранения их в Гвардии; требовалось примерное наказание, – кстати, оказавшееся весьма мягким. А во вновь сформированный 1-й батальон подбирались самые отличившиеся и благонадежные офицеры из числа участников последней кампании. 13 декабря 1906 года прикомандированным Лейб-Гвардии к Преображенскому полку оказался и поручик Кутепов, причем «за свои боевые отличия… в том же чине и с тем же старшинством». При учете преимущества

офицеров Гвардии перед армейскими это фактически означало производство. 12 июля 1907 года Кутепов был окончательно принят в полк и приступил к временному исполнению должности начальника пулеметной команды.

Через некоторое время он стал помощником начальника полковой учебной команды, что означало наибольшее по сравнению с другими офицерами приближение к роли воспитателя солдат. Кутеповские методы были просты и действенны. Вначале тщательно, доходчиво и терпеливо он объяснял и внушал требования, затем указывал на нарушения, а потом, если они продолжались, беспощадно налагал дисциплинарные взыскания. Но при этом никогда не позволял себе рукоприкладства и добивался, чтобы даже старые унтер-офицеры вели себя так же. Кутепов считал звание солдата почетным и просто не мог унижать его. Другой его особенностью являлось полное и нарочитое игнорирование традиционной разницы в отношении к солдатам и вольноопределяющимся. Кутепов был убежден, что настоящие воины должны соответствовать равным требованиям без каких бы то ни было поблажек отдельным их категориям. Проштрафившихся не бранил, не кричал на них, а иногда даже не подвергал взысканиям, ибо гораздо действеннее бывала укоризненно брошенная вполголоса его любимая присказка: «Эх, Федора Ивановна!» В праздничные и воскресные дни Кутепов часто водил молодых солдат в музеи, театры, галереи и рассказывал об истории и искусстве. Этим опровергается поздний запальчивый отзыв о нем генерала Я. А. Слащова как о человеке, «не бравшем с момента производства книги в руки». Нижние чины видели и строгость, и справедливость Кутепова и прозвали его «правильный человек».

В то же время и после перехода в Гвардию Кутепов продолжал оставаться тем, кем был до этого, – заурядным в хорошем смысле слова служакой, не вынашивающим честолюбивых планов. Именно такие офицеры старательно тянули лямку, являясь прекрасными исполнителями приказов начальства и идеальными командирами своих рот и батальонов. Александр Павлович ясно осознавал, что он – армейский провинциал, совсем не светский и не знатный – воспринимался многими кадровыми Лейб-Гвардейцами, при всей доброжелательности, как чужак, и что военно-придворная карьера для него закрыта. Не стремился он и в Академию Генерального Штаба, чувствуя призвание к строевой службе. Возможно, впоследствии Кутепов планировал перевестись в армейский полк, используя преимущество в чинах.

В полку он прославился как самый «отчетливый» офицер, служебный же рост его происходил довольно плавно: начальник пулеметной команды, затем начальник команды разведчиков, где пригодился маньчжурский опыт, и, наконец, как мы знаем, начальник учебной команды. Жить Кутепову как-то удавалось на одно свое жалованье (что в Старой Гвардии было чрезвычайно трудно и о чем предупреждали сразу при зачислении в полк). Особенно тяжело стало после смерти в 1912 году отца, в то время – председателя землеустроительной комиссии. На плечи старшего сына легла забота о братьях и сестрах. Офицеру пришлось помогать им в подготовке к экзаменам, хлопотать о пенсии на них и о зачислении на высшие женские курсы, в университет и в Санкт-Петербургское военное училище (получившее к тому времени название Владимирского) на казенный счет. Себя же ограничивал во всем; о женитьбе нечего было и думать.

* * *

Начало Первой мировой – Второй Отечественной – войны стало очередным поворотом в судьбе штабс-капитана Кутепова, резко нарушив довольно патриархальные ее перспективы. Учебная команда, естественно, не подлежала отправке на фронт и оставалась с запасным батальоном в столице. Но ее начальник рвался в бой и 1 августа 1914 года выступил с полком на позиции во главе 4-й роты. Уже 20 августа у села Владиславово (юго-западнее Люблина) Преображенцы вступили в первый бой. Наступавшие австрийцы испытали на себе страшную штыковую атаку русской Гвардии и были смяты. Тогда полк еще был полностью укомплектован кадровыми солдатами, и какими! – самым маленьким в роте был нижний чин ростом «всего» 197 см, прозванный сослуживцами «мальчиком», основная же масса далеко превосходила двухметровую планку. Эти великаны отлично стреляли и мастерски владели приемами штыкового боя. Солдат-Гвардеец ударом приклада обычно сносил полчерепа, а заколотого врага поднимал на штыке и отбрасывал за спину, как сноп. И противник панически боялся Гвардейских контратак…

В том бою Кутепов шел в цепи и получил пулю в левую ногу. Между тем австрийцы огнем остановили русских и снова бросились вперед. Штабс-капитана спасли от плена раненые солдаты, на руках вынесшие его к своим. В полк он вернулся в ноябре, что при перебитой кости было довольно коротким сроком. В марте 1915 года – вторая рана, теперь в правую ногу, но тут осколок гранаты кости не задел. Возвращение на позиции

совпало с «Великим Отступлением» русской армии. А 19 июня Кутепов был произведен в капитаны. В тех боях Гвардейская пехота сломила натиск элиты германских войск – прусской Гвардии.

27 июля 1915 года в тяжелом бою у деревни Петрилово Ломжинской губернии немцы после мощного артобстрела смяли левый фланг Преображенцев, почти уничтожив 3-ю роту. Кутепов, не дожидаясь приказа, бросил свою роту из резерва в стремительную контратаку. И почти сразу пуля свалила «черного капитана», как называли его солдаты. Несмотря на дикую боль от раны в нижнюю часть живота, он запретил выносить себя в тыл и, лежа на носилках, руководил ротой до тех пор, пока противник не был выбит из захваченных им русских окопов. В жестокой рукопашной схватке полегло более 70 % ротного состава. Позднее, в эмиграции, недоброжелатели вспомнят этот эпизод как доказательство тактической неграмотности Кутепова и его стремления добывать победу «большой кровью». В действительности же он спас тогда позицию, задержал продвижение всей Баварской дивизии противника и ликвидировал прорыв. Не случайно именно за этот бой Кутепов получил орден Святого Георгия IV-й степени, а 20 августа был назначен командиром Государевой роты – первой в полку. Его имя облетело и другие части Гвардии.

Во время летнего наступления Юго-Западного фронта 1916 года Гвардейцы дрались с самоубийственным героизмом. В ходе кровопролитных боев на Стоходе 1-я Гвардейская дивизия тайно сменила измотанную 6-ю Сибирскую стрелковую. Неожиданным мощным ударом 6 сентября русские захватили часть укреплений противника в районе Свинюх, но растянули свой фронт. На следующий день немцы трижды контратаковали и частично вышли в тыл Лейб-Гвардии Семеновскому и Егерскому полкам, заняв Свинюхинский лес. Кутепов, уже командир 2-го батальона Преображенцев, ударил во фланг противнику. Стройно, как на маневрах, сквозь заградительный огонь вражеских батарей батальон дошел до леса, ворвался в него, выбил неприятеля и тем довершил прорыв фронта. Трофеями Преображенцев и Измайловцев стали 2 орудия, 3 миномета и 7 пулеметов; более 900 немцев попали в плен. Шедший в цепи Кутепов получил за бой 7–8 сентября Георгиевское Оружие и был произведен в полковники.

Очень ярко образ Кутепова дополняется таким эпизодом. Однажды в ходе быстрого наступления тыловые службы полка сильно отстали, и снабжение продовольствием прервалось. Голодные солдаты наелись недозрелой капусты в поместьи, где

останавливались на дневку, и у многих началась дизентерия. Вдобавок к командиру батальона явился местный управляющий с жалобой на потраву и требованием к «пану офицеру» наказать виновных. Кутепов всегда стоял на страже порядка, но в данной исключительной ситуации солдатской вины он не видел, считая главным накормить подчиненных; удар же по боеспособности подлил масла в огонь. Будучи верхом, он несколько раз вытянул управляющего плетью по спине и погнал прочь, крикнув, что для русского солдата ничего жалеть негоже. Здесь Александр Павлович предстает как заботливый командир, – и нижние чины платили ему любовью и уважением.

* * *

По некоторым данным, в начале 1917 года Кутепов являлся помощником командира полка. А в конце февраля, когда в Петрограде начались беспорядки, переросшие в революцию, он как раз оказался в столице в трехнедельном отпуске. Прежде всего его поразило не оживление на улицах, а резко критические отзывы о правительственной политике офицеров Запасного батальона Лейб-Гвардии Преображенского полка. Кутепов твердо оборвал их, заявив, что дело военных – поддержка власти, а не ее критика. Но подобная точка зрения почти не находила отклика, – быть может, потому, что в Гвардейских кругах, болезненно реагировавших на многое из того, что происходило вокруг Трона (слабость министров, влияние – действительное или мнимое – Г. Е. Распутина и т. д.), подчас встречали одобрение разговоры о дворцовом перевороте – принуждении Императора Николая II к отречению в пользу Цесаревича Алексея.

Тем не менее на решительного фронтовика обратил внимание его однополчанин полковник В. И. Павленко, временно исполнявший должность начальника запасных батальонов и войсковой охраны Петрограда. Этот офицер, несмотря на приступы стенокардии, вначале активно боролся с беспорядками. Он-то и упомянул о Кутепове, когда встал вопрос о командире особого отряда верных войск для наведения порядка. Кандидатуру поддержал и Градоначальник А. П. Балк, полагавший, что необходим популярный среди солдат, «храбрый, близко стоящий к ним офицер». В действительности же Кутепов абсолютно не был известен запасным и не мог поэтому пользоваться среди них каким-либо авторитетом. Однако 27 февраля, на следующий же день после приезда в столицу, он был вызван к Командующему Петроградским военным округом

генералу С. С. Хабалову, который приказал возглавить так называемый «карательный отряд» из учебных команд Преображенского, Кексгольмского и Запасного Пулеметного полков при 12 пулеметах. Приказ подавить бунт «Кутепов выслушал молча. Затем сказал: “Слушаю”, – и отправился к отряду. Внешность его и манера держать себя производила подкупающее впечатление – чувствовались сила и энергия».

Между тем вслед за волнениями в Запасном батальоне Лейб-Гвардии Павловского полка и бунтом Волынцев выступления произошли в Литовском, Преображенском и 2-м саперном батальонах, а также в Жандармском дивизионе. Положение власти быстро ухудшалось. Поэтому Кутепов решил действовать твердо. Двигаясь по Литейному проспекту, его отряд обратил в бегство густые «революционные» толпы. Удалось занять Зимний дворец – но вскоре его пришлось покинуть по требованию Великого Князя Михаила Александровича. То же произошло и в Адмиралтействе. 28 февраля Кутепов пробился в Петропавловскую крепость, где по приказу военного министра его отряд, насчитывавший к тому моменту 1 100 человек, 12 орудий и 15 пулеметов, был распущен. На предложение ради безопасности переодеться в штатское полковник ответил категорическим отказом. Удачно разминувшись с пришедшими арестовать его матросами и убедившись в бессилии новой власти (ярким примером чего стал Приказ № 1), Кутепов, прервав отпуск, вернулся на фронт.

Весной 1917 года специальная комиссия Временного Правительства отправила в отставку и «в резерв чинов» до 150 генералов, казавшихся наиболее опасными или бездарными. Значительное число увольнений коснулось Гвардейского командования – требовалось убрать от войск явных монархистов, чтобы и щегольнуть «революционностью», и устранить откровенных противников. Такая судьба постигла и командира Преображенцев генерала Дрентельна, и 2 апреля «командующим на законном основании» Лейб-Гвардии (теперь именовавшимся просто «Гвардии») Преображенским полком стал полковник Кутепов. Возможно, в назначении сыграло роль скромное происхождение и то, что он не был коренным Гвардейским офицером.

Падение дисциплины в Петровской бригаде шло медленнее, чем в «демократизированной» армии, но постепенно проявлялось и здесь. На одном из заседаний полкового комитета солдаты из прибывшей на пополнение маршевой роты сообщили о действиях Кутепова в столице в феврале и потребовали предать его революционному суду, но старые солдаты не выдали

«правильного человека» и фактически оправдали его. Во время дивизионного митинга Кутепов еще мог одним своим появлением восстановить порядок, но уже звучали и призывы поднять его на штыки (со стороны нижних чинов 2-й Гвардейской дивизии). И снова Преображенцы спасли командира, грозно сомкнувшись вокруг него, что быстро охладило пыл остальных.

В июньском наступлении действия Гвардии характеризуются двояко. С одной стороны, встречается упоминание, что лишь один Лейб-Гвардии Семеновский полк из всего Гвардейского корпуса и лишь в один день наступления (23 июня) «выполнил возложенную на него задачу» (можно предположить, что Гвардейские офицеры со злорадством наблюдали за крахом военной политики А. Ф. Керенского и не горели желанием ей содействовать). С другой стороны, это продолжалось только до германского контрудара, после которого командиры выбивались из сил, пытаясь организовать отпор. 6 июля Петровская бригада была брошена на ликвидацию прорыва. Вторично русская Гвардия сломила натиск прусской, задержав захват Тарнополя. На следующий день яростной контратакой под Мшанами Преображенцы смяли противника, но потом сами вынуждены были отойти под давлением превосходящих сил. Главным в этой ситуации Кутепов счел сохранение спокойствия и организованности и, находясь в цепях 1-го батальона, прикрывавшего отход, для воодушевления солдат обходил позиции по брустверу окопа. Взрывом полковника сбило с ног, но даже не контузило. За бой под Мшанами Кутепова представили к ордену Святого Георгия III-й степени, но получить его уже не удалось – помешал приход к власти большевиков.

По архивным данным, Кутепов стал кавалером и солдатского Георгиевского Креста – так называемого «Георгия с веточкой» (на его ленте крепилась серебряная лавровая ветвь), «демократической» награды 1917 года, удостоение которой производилось по решению – «приговору» – самих солдат. Некоторые относились к такой награде презрительно, называя «метлой», ибо считали ее признаком заигрываний с нижними чинами; но в настоящем случае инициатива Преображенцев была искренней и соответствовала действительным заслугам награжденного. Подтверждением служит и «Краткая боевая аттестация командующего Лейб-Гвардии Преображенским полком полковника Кутепова» от 17 августа 1917 года: «Обладает опытом двух кампаний; зарекомендовал себя в последних боях Петровской бригады выдающимся командиром полка. Трижды ранен… Характера твердого. Выдающийся. Вполне достоин к назначению на должность командира бригады вне очереди». Таково было мнение командира Петровской бригады генерала П.

Э. Тилло и командира I-го Гвардейского корпуса генерала В. З. Май-Маевского – будущих сослуживцев по Добровольческой Армии.

Поражение Корниловского выступления повлекло окончательный развал всякого порядка. Наиболее патриотически и непримиримо настроенные офицеры отныне стали враждебны как «пораженцам», так и бездарному Временному Правительству. Делая ставку на диктатуру и прямую борьбу, часть из них перешла к активным тайным действиям. После ареста Л. Г. Корнилова на некоторое время вся деятельность по объединению военной оппозиции оказалась сосредоточенной в руках генерала М. В. Алексеева. Через главу организации «Русское Собрание» В. М. Пуришкевича началось собирание офицеров в столице. Так в октябре оформилась тайная Офицерская Объединенная Организация, возглавленная Преображенцем полковником П. А. Веденяпиным; в Москву был направлен полковник князь И. К. Хованский 1-й. Руководство находилось в руках офицеров Гвардии. По воспоминаниям дочери Алексеева, на квартире генерала среди других «все время бывал» и приехавший в Петроград Кутепов. Это позволяет считать Александра Павловича одним из руководителей организации. К тому же и Веденяпин, и Хованский были его однополчанами.

После прихода к власти большевиков Кутепов снова на позициях, назвать которые фронтом не поворачивается язык. Своим долгом он счел спасти знамя: после прощания 21 ноября офицеров с полковой святыней оно было спрятано, а затем вывезено на Юг России. Прикрепленный к Преображенскому знамени орден Святого Георгия, принадлежавший Императору Александру II, Кутепов с тех пор носил на груди под одеждой и никогда не расставался с ним.

А Армия агонизировала. Вводилась выборность начальников: Кутепов получил «почетную» должность кашевара, и это еще, быть может, показывало расположение солдат, давших уважаемому командиру «теплое местечко»… Пользуясь тем, что новое «повышение» не было утверждено, Кутепов 2 декабря 1917 года с болью в сердце подписал приказ о расформировании старейшего полка Императорской Гвардии. Теперь ничто не удерживало от выезда на Дон.

* * *

24 декабря маленькая группа офицеров-Преображенцев во главе со своим командиром прибыла в Новочеркасск и вступила в

ряды формировавшейся Армии. Сразу же состоялось назначение Кутепова начальником Таганрогского гарнизона и, соответственно, руководителем обороны на этом направлении. Как свидетельствуют архивные документы, 30 декабря Кутепов стал «командиром 3-го полка Добровольческой армии»; за названием, впрочем, крылась лишь надежда создать полк, так и не реализовавшаяся в силу малочисленности Добровольцев и больших потерь.

В первой декаде января 1918 года крупные силы большевиков повели наступление на Ростов. Кутепов выступил навстречу и у Матвеева Кургана дважды разбивал противника, компенсируя численную слабость своего отряда стойкостью и выучкой. Но через две недели упорных боев, после потери Таганрога поредевший кутеповский отряд был отведен к Ростову. Существуют сведения, что Кутепов был отстранен от командования самим Корниловым, считавшим его виновником таганрогской неудачи и (вполне справедливо) ставленником Алексеева, чьи отношения с Главнокомандующим отличались крайней напряженностью. В итоге Александр Павлович несколько дней был на должности рядового, а затем принял 3-й Офицерский батальон, 12 февраля сведенный в роту в составе Сводно-Офицерского полка. 3-я рота неофициально именовалась «Гвардейской», так как состояла в основном из офицеров Императорской Гвардии; ее численность колебалась от 80 до 250 штыков, в зависимости от потерь. Во главе Гвардейской роты полковник Кутепов и выступил в Первый Кубанский поход.

С первого же боя под Лежанкой он задает тон офицерам, вместе с прочими командирами создавая традиции знаменитых атак ровными цепями, средним шагом, с сохранением внешнего спокойствия и – до времени – без единого выстрела. «Сухой, крепкий, с откинутой на затылок фуражкой, подтянутый, краткими отрывистыми фразами отдает приказания», – таким запомнился он очевидцам. В бою у хутора Филипповского под сильным огнем Добровольцы залегли прямо на пашне. «Отчетливо видны отдельные фигуры в цепях. Похаживает вдоль них небольшого роста коренастый человек. Шапка на затылке, руки в карманах, – Кутепов, командир 3-й роты. В этот день три пули пробили его плащ, но, по счастью, не ранили». Несомненной была и некоторая бравада Кутепова выправкой и строевой подготовкой в самых тяжелых условиях похода. После перехода вброд реки, во время марша на морозе в обледенелой одежде он совсем не случайно вел роту подчеркнуто бодро, с подсчетом шага: командир мобилизовывал волю людей и вызывал уважение у видавших виды офицеров. Совершенно непостижимым было и

то, как Кутепову в походных условиях удавалось ежедневно оказываться в чистом обмундировании и свежевыбритым. Собственным внешним видом он дисциплинировал подчиненных лучше, чем любыми замечаниями и внушениями.

В то же время Кутепов не был бездушным солдафоном и по мере сил максимально заботился о роте. Не раз занимал для отдыха лучшие дома, отстаивал их в жарких спорах с прочими командирами и старался во что бы то ни стало накормить людей. Однажды, узнав, что его офицеры захватили в лавке какие-то ящики, он отправился выяснять обстановку, «нервно подергиваясь», а вернувшись, объяснял: «Нашли сухари и рис. Что же, прикажете бросить и не варить каши?» В силу жестокой необходимости зарождались новые «традиции», стимулированные отвратительным снабжением или просто его отсутствием, – жизнь за счет местного населения, реквизиции и «самоснабжение».

Наряду с небывалой жертвенностью и бескорыстием в ряды Добровольцев, по их собственным признаниям, уже в первый период борьбы стали проникать семена жестокости и кровожадности. Многие офицеры, испытав унижения и преследования, потеряв в огне революции родных и близких и с трудом прорвавшись в Добровольческую Армию, горели желанием «отвести душу». Кутепов не поощрял – и не удерживал. Но когда в Армию хотел поступить прапорщик Т. Кирпичников – бывший унтер-офицер, считавшийся (быть может, неоправданно) зачинщиком бунта запасного батальона Лейб-Гвардии Волынского полка в феврале 1917 года, – Кутепов сказал лишь: «А, вы тот унтер-офицер, который убил своего начальника…» – и приказал его расстрелять. Некоторые армейские офицеры, особенно из интеллигенции, приписывали особую жестокость именно Гвардейцам: «…Крестьянские трупы загородят нам все дороги, и с гвардии полковником Кутеповым мы именно поэтому не дойдем не только уж до Московского Кремля, а, может быть, и до ближайшей деревни». Но справедливость этой оценки сама по себе спорна, да и в условиях борьбы на истребление противника кутеповская позиция была едва ли не самой эффективной…

После соединения с Кубанским отрядом генерала В. Л. Покровского 17 марта Добровольческая Армия была переформирована. Командовавший Офицерским полком генерал С. Л. Марков принял 1-ю бригаду, его помощник полковник Н. С. Тимановский вступил в командование полком, а помощником командира полка стал Кутепов. Когда же при штурме Екатеринодара погиб командир Корниловского ударного полка полковник М. О. Неженцов, Александр Павлович был назначен его преемником, вероятно, по инициативе А. И. Деникина. С

Ледяного похода началось сближение Кутепова и Деникина, основанное на определенном сходстве характеров и взаимной симпатии, «чтобы в горниле Гражданской войны перерасти в большую приязнь, а в эмиграции – в исключительно доверительные отношения». На момент вступления Кутепова в должность Корниловский полк насчитывал менее 300 штыков, а к концу боев под Екатеринодаром сократился до 67 невредимых бойцов; в 1-й роте осталось всего четыре человека.

Почти сразу после прорыва Добровольческой Армии из почти безнадежного окружения очевидной стала отчужденность Корниловцев по отношению к их новому командиру. Неприязнь ударников, многие из которых были настроены республикански, а иные даже симпатизировали эсерам, явно выплескивалась на Гвардейцев-монархистов. Кутепов остро почувствовал себя чужаком (хотя в свое время и у Преображенцев считался «пришлым») и собирался уйти из Корниловского полка. Однако его помощник, недавний командир 2-го батальона капитан Н. В. Скоблин, сумел не только уговорить Александра Павловича остаться, но и помог ему получить искреннее признание подчиненных. С тех дней Кутепов стал «кровно связан» с Корниловцами, а со Скоблиным, который был моложе его на десять лет, постепенно крепко сдружился.

Тем не менее во Второй Кубанский поход Александр Павлович выступил уже командиром бригады во 2-й дивизии генерала А. П. Богаевского. Постоянно находясь во время боев в цепях Корниловского полка, он еще более укрепил свой авторитет среди «несгибаемых» и был признан ими окончательно. После гибели 12 июня под станцией Шаблиевской генерала Маркова Кутепов временно исполнял должность начальника 1-й дивизии, но 15 июля дивизию принял генерал Б. И. Казанович – этот, как характеризовал его Деникин, «отличный таран для лобовых ударов», чья тактика фронтальных боев станет вскоре одной из причин больших потерь, понесенных дивизией под Екатеринодаром, Армавиром и Ставрополем.

В конце тяжелого боя под Тихорецкой Кутепов едва не пал жертвой провокации: красные выбросили белый флаг, а когда полковник с несколькими сопровождавшими подскакал к их окопам, открыли огонь и перебили часть офицеров. Неудивительно ожесточение Кутепова, который впоследствии, по ряду сообщений, не раз обходил шеренги пленных и лично выбирал, кого следует расстрелять (отбор жертв по принципу «а морда самая комиссарская» был достаточно типичен для начального периода борьбы…).

16 июля авангард 1-й дивизии во главе с Кутеповым разбил

передовые красные части И. Л. Сорокина у станицы Тимашевской. Через день полковник с Кубанским стрелковым и частью Марковского полка выступил к станции Сосыка, чтобы перехватить тридцатитысячную группу противника и не позволить ей прорваться на защиту Екатеринодара. Однако Сорокину удался скрытный маневр, благодаря которому он вышел в тыл наступающим на Кубанскую столицу Добровольцам. Для спасения положения в район Выселки – Кореневская командование бросило все наличные силы, в том числе и группу Кутепова от Кущевки и Сосыки. В тяжелых боях 28 июля – 2 августа потери были велики, в частности, по оценке современника, «лег весь цвет Марковского офицерского полка». Но 3 августа 1918 года Екатеринодар был взят.

Буквально через несколько дней, как только Добровольцы заняли Новороссийск, Кутепов получил назначение Черноморским генерал-губернатором и 13 августа приступил к исполнению обязанностей. Оно может быть воспринято как свидетельство сложности политической ситуации в Добровольческих кругах: именно в августе группа Гвардейцев во главе с Кутеповым, по свидетельству В. В. Шульгина, открыто поддержала монархические выступления последнего, заявив: «Теперь мы знаем, за что мы боремся!» – и вызвав неудовольствие Деникина. Впоследствии Главнокомандующий, не указывая даты, но явно имея в виду этот случай, вспоминал, как «Кутепов на почве брожения среди гвардейских офицеров, недовольных “лозунгами” армии, завел речь о своем уходе», но после уговоров остался. Напрашивается предположение о каком-то конфликте, возможно, не без участия либерально настроенного начальника Штаба Армии, генерала И. П. Романовского, враждовавшего с ярым монархистом полковником М. Г. Дроздовским. В свете этого отправка Кутепова на тыловую должность могла означать не желание А. И. Деникина и М. В. Алексеева вручить власть твердому прагматику или поберечь верного сторонника в условиях нарастающей ожесточенности боев, а стремление притушить противостояние или даже «почетную ссылку»…

Административно-хозяйственный опыт Кутепова прежде ограничивался уровнем командира полка, но на его стороне были трезвый житейский расчет, решительность и кристальная честность. Почти не взаимодействуя вначале с деморализованными местными чиновниками, губернатор всеми силами старался избежать пороков традиционной бюрократии. Смело ломая обычаи, своим приказом он образовал первое в России подлинно бессословное земство; это стало признанием реальности и необратимости послефевральских перемен в стране.

Твердой рукой Кутепов подавлял враждебные режиму движения, прежде всего, разумеется, большевицкие. Говорили, что в Новороссийске виселице пустовать не доводилось; но на нее чаще попадали дезертиры, бандиты и мародеры, и потому большинство горожан, побаиваясь грозного полковника, все же жило спокойно. Жители проникались даже благодарностью за постоянные отмены Кутеповым денежных взысканий, которые пытались накладывать на население наиболее ретивые чинуши. В довершение всего Губернатор пресек попытки вывоза немцами из города закупленного сырья и не пропускал их в Штаб Добровольческой Армии, выполняя распоряжение командования – «Никакого сотрудничества с немцами».

Осуществляя в своей «Кутепии», как стали называть Черноморское генерал-губернаторство, типичную военную диктатуру – единственно возможную линию в тех условиях, – Александр Павлович не обращал никакого внимания на резкую критику либеральной интеллигенции. Скрытую антипатию проявляли и торгово-финансовые круги, лишенные возможности обогащаться путем хищений и спекуляций, столкнувшись с аскетизмом и неподкупностью Кутепова, который за предложение взятки повесил бы любого. Доказательством щепетильной порядочности генерал-губернатора служит отсутствие порочащих его слухов – в отличие от появлявшихся впоследствии многочисленных красочных описаний, достоверных или выдуманных, шумных кутежей генералов В. З. Май-Маевского или А. Г. Шкуро.

В Новороссийске же Кутепов неожиданно для самого себя был очарован молоденькой дочерью коллежского советника Лидией Давыдовной Кют (несмотря на немецкую фамилию, Православного вероисповедания) и женился на ней. А 12 ноября 1918 года он получил приказ о производстве в генерал-майоры – за боевые отличия.

* * *

Между тем Добровольческая Армия, после объединения с Донской под общим командованием генерала Деникина и наименованием Вооруженных Сил Юга России, в результате этого объединения была втянута в изнурительные кровопролитные бои в Донецком бассейне. Красная Армия становилась организованной силой, Добровольцы же не имели резервов и были весьма скудно снабжены и обмундированы, что особенно сказывалось в условиях сильных морозов. 13 января 1919 года

состоялось назначение А. П. Кутепова командующим 1-м армейским корпусом вместо генерала Б. И. Казановича. В январе – марте отряды Добровольческой Армии сдерживали натиск противника в районе Дебальцево – Таганрог; с 15 апреля Кутепов воевал на Царицынском направлении, а 6 мая прибыл под Ростов.

Он не скрывал радости от назначения (ибо генерал-губернаторская деятельность была для него все-таки чуждой), хотя фронт ему достался почти безнадежный. В те дни на всех, с кем он встречался, «небольшого роста, коренастый, с черной густой бородкой и узкими, несколько монгольского типа глазами, генерал Кутепов производил впечатление крепкого и дельного человека». Он сразу же взял корпус в свои железные руки и смог воодушевить потрепанные полки категорической требовательностью и деловитым спокойствием. Враг понял опасную силу личности Кутепова, и следствием стала «адская машинка», подброшенная в генеральский вагон. А в умах и сердцах Добровольцев весенние успехи (напор красных ослабел, и они были отброшены от Ростова) связывались исключительно с новым командиром: «Кутепов объезжал части и говорил о предстоящем походе. От него веяло уверенностью в победе. “Не надейтесь на танки, – говорил он, – дело не в технике, а в силе духа”».

Уже 22 мая Добровольцы взяли Славянск, смяв советские VIII-ю и XIII-ю армии. Одновременно с ударами в западном направлении конницы генерала Шкуро Кутепов стремительно сбивал оборонявшегося противника и наступал на Харьков, сам ежедневно выезжая на разные участки боевой линии. 10 июня 1-й армейский корпус взял Белгород, а приданная ему Терская дивизия 11-го охватила Харьков с северо-запада и севера. На подступах к городу особенно ожесточенные бои гремели уже пятый день. 11 июня собранный в кулак Дроздовский полк смял противника. «Красные толпами кинулись в город. На плечах бегущих мы ворвались в Харьков. Уже мелькают бледные вывески, низкие дома, пыльная мостовая окраины, а люди в порыве атаки все еще не замечают, что мы уже в Харькове. Большой город вырастал перед нами в мареве. Почерневшие от загара, иссохшие, в пыли, катились мы по улицам…» – вспоминает полковник-Дроздовец. После упорных уличных боев Харьков был взят окончательно. За пять недель корпус Кутепова прошел 300 верст сквозь огонь непрерывных сражений. Наградой Александру Павловичу стало производство 26 июня в генерал-лейтенанты за боевые отличия.

А 20 июня генерал Деникин объявил так называемую «Московскую Директиву», отводившую Добровольческой Армии

главную роль и самый широкий фронт в предстоящем наступлении на Первопрестольную – от Киева на западе до Ливен и Ельца на востоке, протяженностью до 600 верст. До второй половины июля велись незначительные бои – войска собирались с силами. 1-й армейский корпус, чье движение планировалось на острие удара – на Курск – Орел – Тулу – Москву, активно пополнялся невиданным ранее (хоть и все равно недостаточным) числом добровольцев; еще бóльшим было количество мобилизованных. Формировались новые части – 2-й Корниловский ударный и 2-й Офицерский генерала Маркова полки. Находясь в Харькове, командующий корпусом настойчиво добивался у торгово-промышленных кругов средств для снабжения войск, одновременно карая подчиненных за мародерство.

Марковцы продолжали считать Кутепова однополчанином и преподнесли ему полковую форму. Генерал ответил телеграммой: «Сегодня получил форму доблестного Марковского полка, которую буду с гордостью носить. От всей души благодарю Вас. Прошу передать славным марковцам мою благодарность… *Кутепов*».

Сигналом к началу наступления стало сообщение корпусной разведки. По ее данным, сильная группа противника под командованием бывшего генерала В. И. Селивачева готовилась нанести 3 августа сильный удар на Харьков – с северо-запада через Готню и с северо-востока через Купянск. Александр Павлович сразу оценил важность попавшей в его руки информации, уловив, что она дает возможность перехватить инициативу. Со своеобразным юмором он заметил докладывавшему: «Смотрите, повешу вас, если вы напутали», – и без промедления начал действовать.

На три дня упредив противника, 1-й армейский корпус нанес удар на северо-запад, отрезав друг от друга XIII-ю и XIV-ю армии красных, и, нанеся крупное поражение, отбросил их уже разрозненные части. Затем Кутепов, желавший пока лишь прикрыть Харьков, сконцентрировал силы у Белгорода. Но большевики ударом от Воронежа потеснили левый фланг Донской Армии и захватили Волчанск, Купянск и Валуйки, выйдя к 14 августа в тыл Добровольцам и приблизившись к Харькову на расстояние в 40 верст. Быстро перегруппировав силы, командование Добровольческой Армии ответило ударом кутеповского корпуса (от Белгорода) и конницы Шкуро. В красном же тылу, в окрестностях Воронежа, в конце августа появился 4-й Донской корпус генерала К. К. Мамантова. Смяв противника, 1-й армейский корпус устремился на Курск. Его

продвижение казалось неудержимым.

В начале сентября корпус наголову разбил в общей сложности двенадцать советских полков и уже 7-го занял Курск, оставленный Красной Армией без боя. Заметим, что Кутепов строго запретил самовольный захват города, но это все же произошло по инициативе начальника 1-й дивизии генерала Тимановского. Александр Павлович, понимая, что быстрое отступление противника без упорной обороны может быть маневром, опасался фланговых ударов и потому сделал Тимановскому выговор за ослушание; но Деникин, фактически поощряя тем самым беспорядок партизанщины, напротив, произвел «ослушника» в генерал-лейтенанты… В Курске Кутепов принял большой парад 1-й дивизии. Тогда же началось разворачивание «именных» полков (Корниловского, Марковского, Дроздовского) в трехполковые дивизии, правда, в основном за счет возвращавшихся из госпиталей раненых.

Атмосфера в городе казалась старым Добровольцам чуждой – не было радушия и доверия: «Курск не походил на Ростов и Новочеркасск, в городе ощущался микроб “советчины” и морального разложения. Страшной заразой были занесены в добровольческие ряды пьянство и кокаин, распространенные среди советских комиссаров. Устраивались вечера с употреблением кокаина при участии курских девушек. В большом зале бывшего “Дворянского собрания”, с погруженными в темноту гостиными, часто бывали балы. Офицеры, бывшие в Курске, уже не дали боевого элемента в ряды добровольческих полков. У них не было ни наших традиций, ни нашего боевого духа», – с горечью отмечал поручик-Марковец. Впрочем, приведенные факты указывают не столько на занесенность «моральной заразы», сколько на повышение восприимчивости к ней, то есть на нравственные деформации чинов Армии – под влиянием как пополнений, так и самой обстановки непрерывных тяжелых боев. Накапливалось сильнейшее нервно-психическое напряжение, снять которое подчас стремились любым путем, а занятие большого города давало лишь средства для этого… И новая опасность не менее, чем оперативная обстановка, вынуждала командование форсировать наступление.

Перегруппировка велась быстро. Определились три самостоятельных направления: на Дмитриев-Льговский – Дмитровск-Орловский – Брянск, на Орел – Тулу и на Елец. Первое отводилось Дроздовской дивизии генерала В. К. Витковского, в которой только что был сформирован третий полк, усиленной бронечастями (6 000 штыков, 700 сабель, 20 орудий, 112 пулеметов, 6 бронепоездов и 3 танка). На вспомогательном

елецко-ливенском участке действовала самая малочисленная Сводная дивизия генерала Третьякова (4 700 штыков, 700 сабель, 26 орудий, 122 пулемета, 4 бронепоезда и 3 танка). Наконец, на решающее орловское направление выдвигалась Корниловская дивизия[90], с подчиненными ее начальнику полковнику Скоблину частями насчитывавшая свыше 8 000 штыков; из этого числа около 3 200 штыков и 500 сабель с 17 орудиями наступали вдоль полотна железной дороги Курск – Орел, а 1 200 штыков и 50 сабель при 24 пулеметах, 9 орудиях, с 2 бронеавтомобилями и 3 танками – по шоссе Курск – Кромы – Орел. В самом Курске оставались Штаб корпуса и, в качестве резерва, два новосформированных полка.

К концу сентября рвущиеся на Орел Корниловцы рискованно оторвались от наступавшей слева на Дмитровск Дроздовской дивизии на 60 верст, так что связь между ними поддерживалась случайными разъездами. Фронт Корниловской дивизии растянулся на 160 верст (то есть в среднем 50 человек на версту); красное командование попробовало отсечь ее фланговым ударом, но потерпело неудачу. Залогом взятия Орла было овладение городком Кромы – узлом шоссейных дорог на Орел и Дмитровск, и после маневренных боев 24–26 сентября 2-й Корниловский полк вошел в Кромы 27-го. Тем самым обеспечивалась более устойчивая связь с Дроздовцами. Штаб Добровольческой Армии, получая данные о переброске крупных резервов противника, продолжал настаивать на скорейшем захвате Орла, и Кутепов, из корпуса которого забрали шесть полков для борьбы с махновцами, на совещании рассудительно говорил: «Я Орел возьму, но мой фронт выдвинется, как сахарная голова. Когда ударная группа противника перейдет в наступление и будет бить по моим флангам, то я не смогу маневрировать… А мне все-таки приказали взять Орел».

На следующий день Корниловцы были уже в 20 верстах от города. Благодаря переходу к ним начальника Штаба советской 55-й дивизии, бывшего Генерального Штаба полковника Лаурица, эта дивизия легко была разгромлена. За 29–30 сентября 1-й Коммунистический полк отбил несколько атак, но был в конце концов смят 3-м Корниловским. 30 сентября к 4 часам пополудни в Орел вошел и 1-й полк дивизии. Конные разъезды достигли Мценска, где был захвачен и расстрелян комендант городка, бывший генерал Сапожников.

Войска стремились вперед. Но сами строевые командиры чувствовали шаткость этого порыва из-за моральной ослабленности личного состава, ибо идейных первопоходников оставалось все меньше. Вспоминает помощник начальника

Корниловской дивизии: «В армии осталось так мало тех рыцарей, которые брали Курск и Орел для России, для Москвы, все же остальные атаковали Курск и Орел каждый для себя, и если и погибали иногда, то совсем не во славу армии. Низменные инстинкты руководили ими при взятии городов, психоз наживы и разврата гнал их в бой, и здесь они боялись опоздать. При взятии мною города Орла я шел с полком позади тучи мародеров, которые гнали перед собой большевиков и, конечно, при захвате города предавались своей необузданной страсти, предоставив в дальнейшем воинским частям преследовать большевиков. В эту вооруженную, страшную и опасную тучу мародеров входили все бежавшие из полков всех фронтов, все считающие себя на другое время инвалидами и больными, всех тыловых учреждений лишние чины… Добровольческой армии, открыто говоря, – не было, так как не было устоев…»[91]

Неудивительно, что местное население, к тому же долго находившееся под влиянием большевицкой пропаганды, порой проявляло враждебность. В то же время позорные выходки чинов корпуса решительно пресекались (заметим, что в условиях непрерывных боев для этого и времени-то, по существу, не было), причем под военно-полевой суд и расстрел попадали в случае провинности и первопоходники. Вопреки расхожему мнению, возвращение земель помещикам в центральных губерниях в силу хотя бы краткосрочности овладения ими зачастую не успевало произойти и не становилось главной причиной неудач. Более того, строевые командиры нередко попросту приказывали крестьянам «не обращать внимания на требования всяких там помещиков». В Орловской губернии «крестьяне встретили Добровольческую армию очень хорошо»; накануне ее прихода вспыхивали антисоветские мятежи (в Елецком уезде в них участвовало 20 000 человек); по свидетельству Г. К. Орджоникидзе, при отступлении красных «имели место случаи нападения на наши обозы». За все это время на фронте Корниловской дивизии к белым перебежало, по некоторым данным, около 8 000 красноармейцев, большинство которых добровольно пополнили ее ряды. В Ливнах Марковцев встретили цветами, а они подкармливали голодных горожан из своих полевых кухонь.

* * *

Между тем буквально сразу после взятия Орла опасения Кутепова начали оправдываться. Северо-западнее города

концентрировались многочисленные свежие части противника, а специально образованная Ударная группа красных 1–2 октября овладела Кромами, создав угрозу левому флангу и тылам Корниловцев. Один батальон Самурского полка Дроздовской дивизии был полностью уничтожен. Отныне центр тяжести боев переместился под Кромы. Кутепов колебался, выбирая решение новой задачи.

Молодой, честолюбивый и прагматичный начальник Корниловской дивизии полковник Скоблин предложил свой план, упорно настаивая на его принятии. Он предлагал, пользуясь безопасностью правого фланга корпуса, растянуть фронт разворачиваемой Алексеевской дивизии от Ливен до Орла, а созданный на основе его Корниловцев кулак бросить на Кромы и разбить группу красных. Конечно, идея Скоблина вызывалась желанием не только обеспечить кромский фланг, но и отвести собственную дивизию из-под Орла, где она топталась почти без результата, но с угрозой попасть в окружение. Однако Кутепов этого предложения не принял и ограничился полумерами: Корниловская дивизия, отправив к Кромам лишь 2-й полк, фактически оставалась бездействовать под Орлом, а наступление советской Ударной группы нейтрализовывалось активными маневрами Дроздовской дивизии в районе Дмитровска. Вспоминает Дроздовец, тогдашний командир батальона: «По тылам большевиков я должен был идти более сорока верст до села Чортовы Ямы – на него наступали самурцы, – а оттуда, описав петлю, вернуться в Дмитровск. Пять дней и ночей, тесно сомкнувшись, без всякой связи со своими, мы шли, охваченные большевиками со всех сторон. Мы несли раненых с собой и пополняли патроны и снаряды только тем, что брали с боя. Тогда мы вовсе не думали, что нашему маршу по тылам суждено было задержать весь советский натиск…»

Отказавшись от плана Скоблина, Кутепов предотвратил окружение Корниловцев в Орле, но, разобщив части корпуса и ведя мелкоманевренные изнурительные бои, продемонстрировал отсутствие тактической смелости и широкой инициативы, то есть рутинность оперативных методов. Затягивая бои, 1-й армейский корпус терял время, и впоследствии Скоблин прямо оценивал решение Кутепова как ошибочное. В итоге против войск корпуса выдвинулось 25 только стрелковых полков красных, не считая кавалерии и прочих частей. Характерно, что и при перевесе сил большевики использовали в качестве ударных Латышскую и Эстонскую дивизии, китайские части, загадочный «Еврейский коммунистический полк» (упоминаемый в журнале боевых действий Корниловцев), а также «Червоное Казачество», – войска,

этнически и территориально чуждые местному населению. При этом в равной мере сказывались как ограниченность людских ресурсов Центральной России после ряда мобилизаций, так и неуверенность большевиков в «надежности» ее жителей.

К 6 октября командованию советского Южного фронта удалось нейтрализовать действия Дроздовской дивизии и нанести удар непосредственно на Орел с запада. Верно оценив угрозу окружения, полковник Скоблин своей властью в ночь на 7 октября приказал оставить город. Сдерживая наступавших эстонских стрелков заслонами своего 2-го полка, Корниловская дивизия ловко оторвалась от преследования и отошла к югу. Противник же, войдя в Орел, потерял там целые сутки. Командующий советской XIV-й армией И. П. Уборевич считал цель операции не достигнутой, ибо разгрома Корниловцев не получилось.

В создавшихся условиях Кутепов отдал приказ, весьма слабый с точки зрения тактики: одновременно готовить новый бросок на Орел и овладеть Кромами, то есть нанести два удара в расходящихся направлениях. Вместе с тем дробление сил корпуса позволило ему создать две подвижные группировки, малочисленные, но удобные для маневрирования. В то же время отсутствие единой задачи отнимало последние возможности переломить ход событий. Заметим, что и советская группа войск тоже получила приказ наступать по расходящимся направлениям – на Дмитровск и на Фатеж, но она численно превосходила 1-й армейский корпус.

Южнее Орла, у станции Становой Колодезь, 8–9 октября закипели кровопролитнейшие бои: собранная воедино Корниловская дивизия бросалась в повторные лобовые атаки и несла страшные потери. Интенсивность огня противника была такова, что у множества винтовок и нескольких пулеметов, перегреваясь, плавились стволы… 10 октября Дроздовцы и Самурцы после двухдневных боев заняли Кромы, а Корниловцы ворвались на станцию Стишь в непосредственной близости от Орла. В течение двух следующих дней Добровольцы были обескровлены: в некоторых ротах Корниловской дивизии осталось по тридцать штыков. 13 октября Дроздовская дивизия оставила Дмитровск. Кромы оборонял 3-й Марковский полк, но ночью, когда многие офицеры злоупотребили спиртным, противник ворвался в городок; к утру два батальона Марковцев были разгромлены, а остатки полка выбиты из Кром. Это означало прорыв фронта и угрозу Корниловцам под Орлом. В сочетании с прорывом конницы С. М. Буденного на стыке Добровольческой и Донской Армий, взятием 8 октября Воронежа и движением на Касторную, положение складывалось катастрофическое. Кутепов

наконец-то перебросил войска к Кромам, но опять частично. 1-й и 3-й Корниловские полки с боями отходили на юг; «за трое суток Корниловская дивизия потеряла треть своего состава», – отмечал Скоблин. Вспоминая предыдущие потери, общее их число можно оценить минимум в две трети от первоначальной численности. Противнику тоже дорого обходился успех – так, Латышская дивизия сократилась на 40–50 %, а бригада «Червоных Казаков» – на треть.

С 14 октября Дроздовцы начали попытки вернуть Дмитровск. До 19 октября Кутепов надеялся сохранить свой правый фланг, перемещая часть войск в район Ливен. А с 20 по 23 октября, прорвав фронт на стыке Корниловской и Дроздовской дивизий, по их тылам устремилась в глубокий рейд полуторатысячная «червоно-казачья» группа В. М. Примакова, надев погоны и выдавая себя за конницу Шкуро. Пройдя 120 верст, разгромив тылы и склады в Фатеже и Понырях и взорвав железную дорогу, «Червонцы» попутно, пользуясь своим маскарадом, выявляли среди населения сочувствующих белым и расправлялись с ними. Добровольцы «ненавидели Червонную дивизию смертельно».

Потеряв связь со Штабом корпуса, Скоблин повел дивизию к шоссе Фатеж – Кромы, чтобы, продвигаясь по нему, избежать окружения и затем выйти на Курск. В ночь на 24 октября «Червонцы» разгромили 3-й Корниловский полк, из которого спаслась лишь часть офицерской роты, вскоре присоединившаяся к основной группе. А 25 октября контратаки Корниловцев были сломлены; красная конница уничтожила пять батальонов дивизии (фактически – 2-й полк и остатки 3-го), однако Скоблин сумел вывести к Курску 1-й полк и другие разрозненные части. Новый рейд Примакова 1–6 ноября нанес серьезный урон Дроздовцам, чей 3-й полк был разгромлен; многие офицеры во избежание плена покончили с собой. Огрызаясь яростными контрударами, Дроздовская дивизия отходила на юг. 2 ноября на правом фланге Добровольческой Армии Буденный взял Касторную, нанеся поражение отброшенной от Ливен Сводной дивизии. Кутепов докладывал командующему Армией: «Под натиском превосходящих сил противника наши части отходят на всех направлениях. В некоторых полках Корниловской и Дроздовской дивизий осталось по двести штыков… Потери с нашей стороны достигают восемьдесят процентов…» И Кутепов, и Май-Маевский выехали на фронт.

Орловско-Кромское сражение обескровило 1-й армейский корпус – ударную силу Добровольческой Армии и всех Вооруженных Сил Юга России. Инициатива перешла к противнику. Интересно, что советский военный историк, бывший

Генерального Штаба подполковник Н. Е. Какурин, считал успех «похода на Москву» в принципе достижимым, а причину неудачи видел в излишней разбросанности действий: при более «грамотном» наступлении (разбивая противника по частям, отбросив XIV-ю армию в брянские леса) шансы Добровольцев существенно возросли бы. Теперь же главным итогом поражения стал общий надлом физических и моральных сил, которые в ходе летне-осеннего наступления были напряжены чрезвычайно и безрезультатно.

Ко второй половине ноября 1-й корпус насчитывал всего 2 600 штыков. Корниловские полки фактически превратились в батальоны, Дроздовские – в роты, 2-й и 3-й Марковские и Алексеевская дивизия представляли собою лишь кадры для новых формирований и были отведены в тыл. Кутепов, теснимый с фронта и охватываемый конницей Буденного справа, прикрывал Харьков; упорные бои велись в непосредственной близости от города. Главное Командование – увы, слишком поздно – решило сместить командующего Добровольческой Армией генерала Май-Маевского как очевидно неспособного навести порядок и подающего отрицательный пример в морально-бытовом отношении (возможно также, что просто требовался «козел отпущения»). Новым командующим стал генерал П. Н. Врангель. В первом же приказе он заявил: «Ограждая честь и достоинство армии, я беспощадно подавлю темные силы, – погромы, грабежи, насилие, произвол и пьянство будут беспощадно караться мною».

Дело в том, что при крайней малочисленности боевых частей в тылу находилось множество воинских чинов, прежде всего офицеров, которые всеми силами стремились избежать фронта. Устраиваясь на чисто номинальные должности, они делали своим главным занятием реквизиции и спекуляции: например, в результате одной «операции» на фронт вместо патронов попала мороженая рыба. Фронтовики негодовали и требовали принудительной широкой мобилизации «тыловой сволочи». В то же время штабы мало заботились или не заботились вообще о довольствии войск, вынуждая их пользоваться исключительно местными средствами, то есть брать все необходимое у населения. Фронтовики тоже входили во вкус, и начинались грабежи с последующей перепродажей захваченного. Армия развращалась; понимая опасность, Врангель и принимал меры.

Кутепов, прежде озабоченный только боеспособностью корпуса, теперь с готовностью исполнял новое распоряжение (апологеты вообще приписывали ему инициативу этого). «Там, где я командую, грабежей быть не может!» – заявил он. В Харькове, где оставалось много ценных грузов, привлекавших

массы мародеров, командир корпуса «приказал своему конвою и охранной роте обходить город и каждого грабителя вешать на месте преступления. Разбои стихли…» Мешочники и грабители панически боялись грозного генерала, и достаточно было крикнуть: «Кутепов идет!» – как любая толпа мародеров бросалась врассыпную. Конечно, неподкупно честный генерал был единодушен с новым командующим, да и считал «моральных паразитов» виновниками неудач. Алексеевцы, проезжая станцию Мушкетную, видели, как «на телефонных столбах, превращенных в виселицы, висело несколько повешенных… На груди у каждого были прикреплены плакаты с надписью “мародер”… Как говорили, эта экзекуция над грабителями была произведена по распоряжению генерала Кутепова». Также он, не питая в душе расположения к евреям, приказывал изымать у войск погромные листки, совершенно здраво рассуждая: «Сегодня громят евреев, а завтра те же лица будут громить кого угодно другого».

29 ноября Добровольцы оставили Харьков. А 4 декабря правый фланг Армии был охвачен противником из-за бездействия Донской конницы Мамантова. Кутепову пришлось снять с фронта 1-й Марковский полк и бросить его на прикрытие прорыва, а недоформированные 2-й и 3-й полки отправить к Изюму; затем они соединились. Корниловцы и Дроздовцы отходили на юг. Деникин приказал удерживать Каменноугольный район, но, несмотря на эту директиву, отступление продолжилось. 6 декабря в лесах северо-восточнее Змиева погиб 3-й Корниловский полк, прикрывавший отход дивизии. Измотанные Добровольцы дрались самоотверженно, но с 10 декабря красные все больше и больше проникали за рубеж Северского Донца. 15 декабря главной задачей Кутепову было определено прикрытие уже ростовского и новочеркасского направлений. Против его корпуса действовало 5 стрелковых и 3 кавалерийские дивизии, 3 кавбригады, 3 кавалерийских и 3 пехотных отдельных полка, – а вся Добровольческая Армия оказалась столь малочисленной, что 20 декабря была сведена в подчиненный командующему Донской Армией корпус, основу которого составили войска Кутепова. Врангель стал начальником резерва Главнокомандующего. Все тыловые учреждения предполагалось использовать для пополнения Добровольческого корпуса.

Под натиском превосходящих сил противника Кутепов отступил на рубеж Дона, ведя непрерывные арьергардные бои. 26 декабря красные ворвались в Новочеркасск. 28 декабря ими был занят и Ростов, – отставшие от корпуса Корниловцы ударом с севера вновь овладели городом, но уже на следующий день оставили его. Однако попытки Буденного и Думенко выйти на

южный берег Дона разбились о стойкость Корниловской дивизии под Батайском. С началом 1920 года корпус получил небольшую передышку. Она была жизненно необходима, ибо у Кутепова насчитывалось всего 1 763 офицера, 4 638 штыков, 1 723 сабли при 259 пулеметах и 63 орудиях. Войска тем не менее не только оборонялись, но и пополнялись, готовились к контрудару и даже проводили несложные учения. Пользуясь тем, что случайные и преступные элементы сами покинули Армию при отступлении, Кутепов счел своевременным резко и твердо укрепить дисциплину. «“Во всем законность, всегда дисциплина”, – с радостью были приняты эти требования командира корпуса… С этого момента и следовало бы считать рождение Русской армии из Добровольческого корпуса, когда впервые со времени [начала] Гражданской войны войска начали учиться военному делу», – вспоминали офицеры.

В ходе контрнаступления 7 февраля Добровольческий корпус овладел Ростовом и его пригородом Нахичеванью. Трофеями стали 22 орудия, 123 пулемета, 6 бронепоездов; более 4 000 красноармейцев попало в плен. Кутепов выполнил приказ Главного Командования, хотя многие понимали бесцельность операции, так как противник был уже в 25 верстах от Ставрополя, угрожая отрезать Добровольцев от Кубани. 16 февраля Ростов был оставлен ими вторично и окончательно. «Последнее мое воспоминание о Ростове: сыпняк, серая вша, заколоченные пустые магазины, разбитое кафе “Ампир”», – читаем мы в записках Дроздовца. Кутепов упорно отбивал натиск советской VIII-й армии, но поспешное отступление Донцов обнажило его правый фланг. Вынужденный неожиданный отход принес Добровольцам большие потери: так, у станции Ольгинской вторично была почти полностью уничтожена Марковская дивизия. Это привело к такому всплеску враждебности к казакам, что Главнокомандующий почел за благо изъять кутеповский корпус из оперативного подчинения командующему Донской Армией, опасаясь открытого столкновения, и подчинил его лично себе. 27 февраля началась эвакуация за Кубань, а уже 3 марта Добровольческий корпус сосредотачивался возле Екатеринодара. Близилась агония…

* * *

Ввиду деморализации казачества Деникин, по его собственному признанию, «главной своей опорой считал добровольцев… С ними кровно и неразрывно связывал я судьбу

всего движения и свое дальнейшее участие в нем. Я верил, что тяжелые испытания, ниспосланные нам судьбою, потрясут мысль и совесть людей, послужат к духовному обновлению армии, очищению Белой идеи от налипшей на нее грязи». Основания для такого мнения, бесспорно, были: у Кутепова «хотя отдельные эпизоды неустойчивости, дезертирства мобилизованных и сдачи их большевикам имели место в рядах корпуса в последние недели, но основное ядро его являло большую сплоченность и силу. Части находились в руках своих командиров и дрались доблестно. Затерянные среди враждебной им стихии, добровольцы в поддержании дисциплины, быть может, более суровой, чем прежде, видели единственную возможность благополучного выхода из создавшегося положения».

Ситуацию в корпусе Главнокомандующий оценивал верно. Но он не учитывал изменившегося за последние месяцы отношения Добровольцев к Ставке. Строевые офицеры либо были уже неспособны к «духовному обновлению» без решительного дисциплинарного воздействия, либо начинали думать, что грязь на Белое Дело налипла не сама по себе, а прежде всего по попустительству именно Деникина. Неприязнь вызывала и защита Главнокомандующим ненавистного многим начальника Штаба генерала Романовского, которого группа Корниловцев собиралась попросту убить. Кутепов же, ощущая силу своего корпуса и настоятельную потребность в нем Главного Командования, желал, чтобы исключительность положения и значения Добровольцев была теперь признана официально. По сути, это означало претензию на «преторианство», что и прозвучало в его телеграмме-ультиматуме от 23 февраля:

«События последних дней на фронте с достаточной ясностью указывают, что на длительность сопротивления казачьих частей рассчитывать нельзя. Но если в настоящее время борьбу временно придется прекратить, то необходимо сохранить кадры Добровольческого корпуса до того времени, когда Родине снова понадобятся надежные люди. Изложенная обстановка повелительно требует принятия немедленных и решительных мер для сохранения и спасения офицерских кадров Добровольческого корпуса и добровольцев. Для того, чтобы в случае неудачи спасти корпус и всех бойцов за идею Добровольческой армии, пожелавших пойти с ним, от окончательного распыления и истребления, необходимо немедленное принятие следующих мер, с полной гарантией за то, что эти меры будут неуклонно проведены в жизнь в кратчайшее время. Меры эти следующие:

1. Немедленно приступить к самому интенсивному вывозу раненых и действительно больных офицеров и добровольцев за

границу.

2. Немедленный вывоз желающих семейств офицеров и добровольцев, служивших в Добровольческой армии, в определенный срок за границу, с тем чтобы с подходом Добровольческого корпуса к Новороссийску возможно полнее разгрузить его от беженцев.

3. Сейчас же, и во всяком случае не позже того времени, когда Добровольческий корпус отойдет в район станции Крымской, подготовить три или четыре транспорта, сосредоточенных в Новороссийске, конвоируемых четырьмя наличными миноносцами и подводными лодками, которые должны прикрыть посадку всего Добровольческого корпуса [и] офицеров других армий, пожелавших присоединиться к нему. Вместимость транспортов не менее десяти тысяч человек с возможно большим запасом продовольствия и огнеприпасов.

4. Немедленная постановка в строй всех офицеров, хотя бы и категористов[92]*, которые должны быть влиты в полки Добровольческого корпуса и принять участие в обороне подступов к Новороссийску. Все офицеры, зачисленные в эти полки и не ставшие в строй, хотя бы категористы, не подлежат эвакуации, за исключением совершенно больных и раненых, причем право на эвакуацию должно быть определено комиссией из представителей от частей Добровольческого корпуса.*

5. Все учреждения Ставки и правительственные учреждения должны быть посажены на транспорта одновременно с последней грузящейся на транспорт частью Добровольческого корпуса и отнюдь не ранее.

6. Теперь же должна быть передана в исключительное ведение Добровольческого корпуса железная дорога Тимашевская – Новороссийск с узловой станцией Крымская включительно. Никто другой на этой линии распоряжаться не должен.

7. С подходом корпуса в район станции Крымская вся власть в тылу и на фронте, порядок посадки, все плавучие средства и весь флот должны быть объединены в руках командира корпуса, от которого исключительно должен зависеть порядок посадки на транспорты и которому должны быть предоставлены диктаторские полномочия в отношении всех лиц и всякого рода военного, казенного и частного имущества и всех средств, находящихся в районе Крымская – Новороссийск.

8. Дальнейшее направление посаженного на транспорты Добровольческого корпуса должно будет определиться политической обстановкой, создавшейся к тому времени, и в случае падения Крыма или отказа от борьбы на его территории Добровольческий корпус в том или ином виде высаживается в одном из портов или мест, предоставленных союзниками, о чем

теперь же необходимо войти с ними в соглашение, выработав соответствующие и наивыгоднейшие условия интернирования или же поступления корпуса на службу целой частью.

9. Докладывая о вышеизложенном Вашему превосходительству, я в полном сознании своей ответственности за жизнь и судьбу чинов вверенного мне корпуса и в полном согласии со строевыми начальниками, опирающимися на голос всего офицерства, прошу срочного ответа для внесения в войска успокоения и для принятия тех мер, которые обеспечат сохранение от распада оставшихся борцов за Родину.

10. Все изложенное выше отнюдь не указывает на упадок духа в корпусе, и если удалось бы задержаться на одной из оборонительных линий, то определенность принятого Вами на случай неудачи решения внесет в войска необходимое успокоение и придаст им еще большую стойкость.

Кутепов»

Этот демарш вызвал окончательное решение Деникина оставить свой пост, и возможно, что Кутепов и предполагал такое следствие. На саму же телеграмму Деникин ответил по пунктам, последний из которых гласил: «Вся власть принадлежит Главнокомандующему, который даст такие права командиру Добровольческого корпуса, которые сочтет нужными». Кутепов, прибывший в Ставку через несколько дней, в беседе с Деникиным сожалел о своем шаге, объясняя его нервной атмосферой в корпусе. «Только искреннее желание – помочь Вам расчистить тыл – руководило мною», – сказал он.

11 марта Добровольческий корпус начал движение на Новороссийск. «На вокзале горели склады, взрывались бронепоезда и снаряды, – вспоминал очевидец, – грабежи складов в городе, большое скопление войск на пристани и массы лошадей, бродящих по городу и возле пристани, – все это говорило о кошмаре и ужасе, которые творились здесь». Кутепов ввел патрулирование офицерскими частями, вылавливая уклоняющихся от мобилизации и расстреливая грабителей. Особенно рьяно действовали Марковцы, крайне непримиримые после гибели дивизии: их пикеты «стали останавливать прохожих на улицах, отбирать паспорта, бумажники, документы, говоря: придите завтра в такой-то взвод, вас зачислят рядовым. Публика взвыла…» Начальником обороны Новороссийска стал Кутепов. 13 марта он доложил, что нервное настроение войск не позволяет оставаться в городе и что ночью надо начать эвакуацию.

В связи с ограниченностью числа судов Деникин приказал при погрузке отдавать предпочтение Добровольческому корпусу (что ранее приписывалось только самоуправству Кутепова). Но

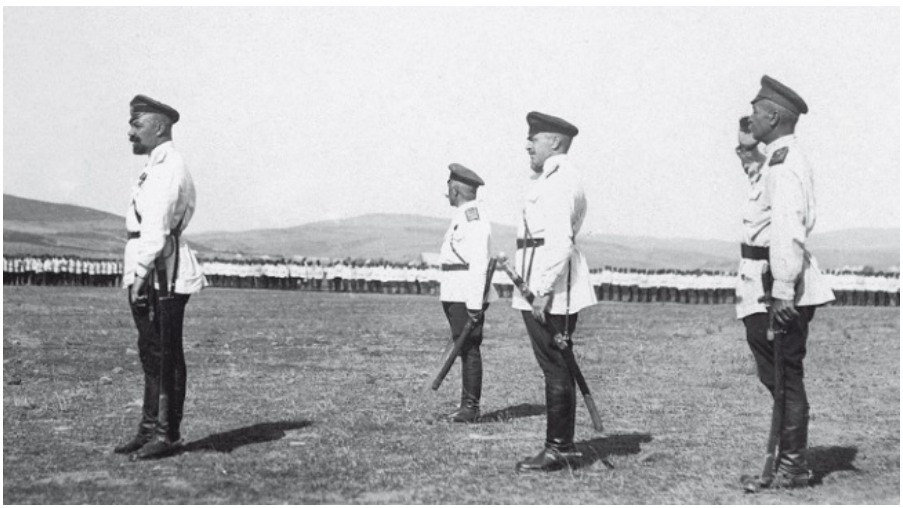
иного решения Главнокомандующий, находясь в непосредственной зависимости от Добровольцев, принять и не мог. Выставив оцепление из офицерских рот Корниловцев и Дроздовцев, Добровольческий корпус грузился на суда. Казаки, многие из которых были оттерты от пристаней, дико ругались, но так и не решились добиваться погрузки силой (несколько тысяч их было все-таки переправлено в Крым, составив там Донской корпус). Добровольцы вплотную друг к другу стояли на палубах, а сверху лебедки опускали все новые партии людей. Некоторые транспорты, опасаясь перегрузки, рубили концы и уходили. То тут, то там глухо звучали револьверные выстрелы – отчаявшиеся кончали самоубийством.

Когда последние суда покидали рейд, Кутепов узнал, что часть чинов Дроздовской дивизии остается, так как не хватило места. Решение пришло мгновенно: командир корпуса принял остающихся на миноносец «Пылкий», на котором находился его Штаб. Трижды под огнем уже вошедшего в город противника Кутепов возвращался к молу, подбирал людей, доставлял их на суда на внешнем рейде и вновь возвращался. Наконец, и нагруженный свыше всяких допустимых пределов «Пылкий» взял курс на Крым. Приближался рассвет 14 марта. Последним из Добровольцев Новороссийск покинул, как того и требовал долг, Кутепов.

Чуть ли не в первый же день в Крыму Кутепов, судя по его докладу Деникину, получил приглашение генерала Слащова прибыть к нему в штаб. Командир Крымского корпуса заявил Александру Павловичу о всеобщем недовольстве Главнокомандующим и готовящемся 23 марта совещании представителей Армии, Флота, духовенства и населения, которое «попросит» Деникина сдать командование. Слащов якобы пригласил Кутепова принять участие в этом совещании, ссылаясь на отрицательное отношение к Главнокомандующему и в Добровольческом корпусе; Кутепов же отказался, заявил о лояльности своих войск Деникину и тотчас отбыл в Феодосию, где и поставил последнего в известность о случившемся. Такова версия командира Добровольческого корпуса.

Однако она вызывает сомнения. Помимо того, что Слащов в воспоминаниях не рассказывает об этом эпизоде, он прямо указывает на стремление Кутепова стать на место Деникина, приписывая Александру Павловичу склонность к интригам, а неудачу этого замысла объясняет отсутствием чьей бы то ни было поддержки. Надо учитывать недоброжелательность двух командиров корпусов по отношению друг к другу, но как раз поэтому мы не вправе отдавать исключительное предпочтение

версии одного из них. Допустим, что Кутепов и правда желал заставить Главнокомандующего уйти и рассчитывал занять его пост; тогда сообщение о тональности разговора со Слащовым оказывается ложным, но очень ловким, поистине беспроигрышным ходом. Во-первых, информация о «всеобщем недовольстве» толкала впечатлительного Деникина на уход. Во-вторых, очернялся Слащов, которого также считали претендентом на власть. В-третьих, сам Кутепов, немедленно докладывающий о «происках» Слащова, оборачивался прямо-таки столпом верности. В случае такого хода Александра Павловича никак нельзя считать прямолинейным и неумным «фельдфебелем», как думали многие (признавая в то же время его чрезвычайную скрытность). Подтверждением нашего предположения может стать и нелогичность Слащова, несмотря на неприязнь к Кутепову будто бы избравшего его поверенным своих замыслов и даже союзником. С другой стороны, сами по себе консультации могли иметь место, а сообщить о них Деникину Кутепова было способно заставить недоверие к «сопернику» – Слащову.



Генерал А. П. Кутепов на смотру. Галлиполи. 1921

Деникин сообщению Кутепова поверил и именно с ним стал обсуждать план дальнейших действий, что можно расценить как преимущественное доверие и особое положение командира Добровольческого корпуса. Кутепов доложил, что настроение двух его дивизий – вполне удовлетворительное (Дроздовской и Корниловской соответственно), двух же – неблагополучное. Он предложил не допустить никакого совещания, а мнение старших командиров выяснить, вызывая их в Ставку. И здесь можно увидеть его расчет: поставить Деникина перед лицом всеобщего

недоверия, но самому быть рядом и надеяться – в роли верного советника – на передачу власти. Но Главнокомандующий разом спутал все карты, без ведома Кутепова предоставив созываемому военному совету право указать преемника.

Отсюда становится объяснимым и странное, на первый взгляд непоследовательное поведение Александра Павловича в день открытия заседаний. Было устроено предварительное совещание старших начальников Дроздовской дивизии, где, по свидетельству его участника, «было единогласно решено просить генерала Деникина остаться у власти, так как все мы не могли мыслить об ином Главнокомандующем». Подошедший позже Кутепов заявил о твердом решении Деникина оставить свой пост, но это не поколебало единодушия Дроздовцев: «У всех нас было впечатление, что генерал Деникин пришел к своему решению вследствие какого-то разногласия, интриг и выраженного ему недоверия… Нам было совершенно непонятно поведение генерала Кутепова, а потому большинство ушло с заседания неприязненно настроенными против него». То же повторилось и на совещании всех старших начальников корпуса. «Генерал Кутепов сидел грустный, как бы подавленный, и неоднократно заявлял о твердом решении генерала Деникина… Невольно вспомнились слухи о его неладах с генералом Деникиным и о “подкапывании”. Это было совершенно неправдоподобно, но тем не менее не было объяснений молчаливому, пассивному, а потому непонятному поведению» командира корпуса.

Думается, ларчик открывается просто, если исходить из нашей версии. Значительную часть военного совета составили начальствующие лица Добровольческого корпуса, а окрестности дворца, где они собрались, патрулировали офицерские роты и пулеметные команды Дроздовской дивизии. В таком положении выбор мог пасть на Кутепова. Но неожиданным препятствием стало упорство, с которым начальники частей держались за Деникина. Дроздовцы вообще прямо заявили, «что никого не призна2ют, кроме Деникина, а всякого другого расстреляют». В этом случае подавленность командира корпуса вызывалась крушением надежд. Сам же он обосновывал свое поведение так: видя неизбежность ухода Деникина, «полагал необходимым подготовить к решению этого тяжелого вопроса, поэтому считал нужным предупредить старших начальников… Я отлично сознавал, что заменить генерала Деникина никто не может, поэтому считал, что дело наше проиграно».

На заседании Военного совета Добровольцы вначале помалкивали, и лишь когда первый сумбур улегся, Кутепов осознал: на карту поставлен его авторитет среди подчиненных, и

необходимо проявить единодушие с ними. Он встал и внушительно заявил о доверии Главнокомандующему, невозможности для себя принять участие в выборах и категорическом отказе от этого. Его поддержали все представители корпуса, и была даже подготовлена соответствующая телеграмма Деникину. Тем самым, пусть и ценой уступки, Кутепов не только сохранил, но и усилил влияние на Добровольцев. А после получения на следующий день приказа Главнокомандующего о назначении Врангеля – оставалось лишь подчиниться, тем более что старшие генералы, собранные на закрытое заседание, были уже разобщены с подчиненными. Но и тогда фактически это означало лишь *согласие* признать нового вождя.

* * *

Врангель с первых дней своего пребывания на посту Главнокомандующего учитывал значение отношения к себе Добровольческого корпуса и лично Кутепова и действовал соответственно. Он всячески демонстрировал расположение к Александру Павловичу и, по некоторым сведениям, обещал возродить Добровольческую Армию под его командованием. Сближению генералов помогло и одинаковое отношение к командованию Донского корпуса, которое Врангель при поддержке Добровольцев объявил «оппозиционным» и фактически разгромил. Завоевывая признание ядра Добровольческого корпуса, 26 марта Главнокомандующий произвел двадцатисемилетнего начальника Корниловской дивизии Скоблина в генерал-майоры (чего не хотел делать Деникин), а парад в Севастополе принес примирение Врангеля с Дроздовцами, которые «качали его и исступленно кричали “ура!”».

Кутепов железной рукой «приводил в чувство» свой корпус, чины которого часто вели себя разнузданно. Так, офицеру – вчерашнему юнкеру ничего не стоило за неимением спичек в кармане полезть на столб, чтобы прикурить от уличного фонаря. В столь невинном случае дело ограничивалось дисциплинарным взысканием. За дебош в пьяном виде несколько Алексеевцев было разжаловано в солдаты. Штатские очевидцы, – возможно, преувеличивая, – отмечали, что командир корпуса беспощадно вешал «офицеров и солдат старейших добровольческих полков чуть ли не за каждое разбитое в ресторане стекло, где эти часто вовсе не присяжные дебоширы, а просто несчастные, отчаявшиеся

в эти дни люди искали в вине забвения и дурмана. Деятельность генерала Кутепова в этом направлении достигла в апреле месяце таких размеров, что вызвала решительный протест представителей Симферопольского земства и города Симферополя, заявивших, что население лишено возможности посылать своих детей в школы по разукрашенным г[осподином] Кутеповым улицам»[93]. Считая, что «фонарные мероприятия» мало укрепляют дисциплину, те же свидетели не могли все-таки не признавать: «Разгул, хулиганство и бесчинства, наблюдавшиеся в первые дни по прибытии армии в Крым, были пресечены». Для спасения «в бою незаменимых, в тылу невыносимых» от скорой расправы командиры частей иной раз числили привлекаемых к суду в списках убитых. Полностью поддерживая стремление Кутепова искоренить бандитизм и восстановить дисциплину, Врангель все же счел его меры чрезмерными и запретил внесение в военно-полевые суды дел по одному усмотрению местного начальника.

В мае Добровольческий корпус был пополнен и преобразован, вновь получив название 1-го армейского (Корниловская, Марковская, Дроздовская, 1-я кавалерийская и 2-я конная дивизии), а вскоре началось и его наступление. Перед самым броском на таврические просторы Кутепов 23 мая лично произвел разведку позиций противника на аэроплане в качестве наблюдателя. Учитывая ненадежность техники, для вылета в тыл врага требовалось настоящее кутеповское мужество.

На рассвете 25 мая 1-й армейский корпус начал наступление. Его командир лично руководил боем и воодушевлял войска. «Бой на севере все больше разгорался… Автомобиль мчался уже по дороге над насыпью. В автомобиле сидел генерал Кутепов. Одна рука Кутепова лежала на черной квадратной бороде, другую он держал у козырька корниловской фуражки…» За два дня корпус лобовыми ударами опрокинул противника, взяв 3 500 пленных, 25 орудий и 6 бронеавтомобилей; правда, это стоило огромных потерь – у Дроздовцев, например, выбыли из строя все ротные и батальонные командиры. После первоначального успеха корпус к 15 июня отводился в резерв Главнокомандующего, но это осталось невыполненным ввиду угрозы прорвавшего фронт красного Сводного корпуса Д. П. Жлобы. Брошенные против Жлобы Корниловская и Дроздовская дивизии размеренными залпами, мощным пулеметным и артиллерийским огнем сбили противника, после чего севшие на подводы Дроздовцы погнали противника, рассеивая и уничтожая его.

Сменив своими войсками части 2-го корпуса Слащова, Александр Павлович к 23 июня овладел районом Большого

Токмака. 5 июля под его командованием были объединены 1-й армейский, Конный и Донской корпуса. Став фактически во главе армии, Кутепов ударил на Орехов и Александровск. Приказом Главнокомандующего от 11 июля он был удостоен ордена Святителя Николая Чудотворца II-й степени.

В начале августа, приняв, после неудачи под Каховкой, рапорт генерала Слащова об отставке, Врангель назначил на его место начальника Дроздовской дивизии генерала Витковского, а Кутепову подчинил и 1-й, и 2-й корпуса, так как считал, что он – «начальник, хорошо разбирающийся в обстановке, большой воинской доблести, совершенно исключительного упорства в достижении поставленных целей, умевший близко подойти к офицерам и солдатам, прекрасный воспитатель войск». А вскоре вышел и приказ о назначении генерала командующим 1-й армией, в состав которой были включены 1-й армейский и Донской корпуса.

Весь август шли тяжелые бои с переменным успехом. Именно в те дни Корниловцев поразил приказ, угрожавший военно-полевым судом в случае невыполнения задачи. 4 сентября 1-я армия вошла в логово махновщины – Гуляй-Поле; дальнейшее движение планировалось на утерянные было Орехов и Александровск. В ночь на 25 сентября Корниловцы и Марковцы форсировали Днепр. Позднее Врангель назвал действия войск в Северной Таврии в сентябре 1920 года «борьбой генерала Кутепова»…

Но 29 сентября противник нанес удар по 1-й армии с востока и от Каховки. Кутепов настаивал на возвращении ему Корниловской дивизии, которая была временно переброшена на прикрытие переправы 2-й армии за Днепр. Врангель отказал, считая первоочередным расширение наступления. Кутепов же хорошо помнил, чем обернулось это под Курском и Орлом, и оказался прав. Уже 11 октября 2-я армия отступила обратно на левый берег Днепра. По сути, это стало повторением в меньших масштабах «разбросанной» тактики 1919 года. В районе Каховки кипели ожесточенные безрезультатные бои.

13 октября противник начал переправу через Днепр. Через день он перешел в решительное наступление по всему фронту. Армия Кутепова заняла позиции от днепровских плавней до Азовского моря. Превосходство сил – более чем в три раза – было в пользу красных. Поняв опасность для главных сил быть отсеченными от Крыма, Врангель приказал 1-й армии отбить наступление врага, однако малочисленность, плохая обмундированность при двадцатиградусном морозе и измотанность в трехдневных упорных боях не позволили

реализовать замысел. 16 октября, пользуясь густым туманом, 1-я конная армия Буденного прорвала фронт и вышла в тыл Кутепову. Тот, потеряв драгоценные сутки, начал пробиваться в Крым. Буденновцы, в свою очередь, оказались отрезанными от баз и прижатыми с севера к плохо замерзшему Сивашу; в первых же стычках не ожидавшая натиска конница беспорядочно устремлялась на север, открывая Кутепову путь к отступлению.

«Действуй генерал Кутепов более решительно, цвет красной кавалерии, конницу “товарища” Буденного, постигла бы участь конницы Жлобы», – с досадой отмечал Врангель и, щадя самолюбие соратника, списывал неудачу на то, что «наступательный порыв войск был уже в значительной степени утерян… Сами начальники не проявляли уже должной уверенности». Но это – слабая отговорка. Начальник Дроздовской дивизии генерал А. В. Туркул был настроен по-боевому, называл ошибкой отход от Днепра и косвенно обвинял в этом Кутепова: «Порыв большевистских атак мог быть разгромлен нашим порывом. Мы отшвырнули бы их за Днепр и, развязав себе руки на севере, могли бы броситься на конницу Буденного. Тогда это было бы не наше отступление, а маневр… Возможно, что тогда Крым не окончился бы Перекопом… Прорыв 1-й Конной смутил штаб, поразил наше командование, там поколебались». Похоже, что Кутепов вновь проявил себя слабым тактиком. Более того, 20 октября он прибыл в Ставку, чтобы (помня кошмар Новороссийска) осведомиться, «приняты ли меры на случай несчастья… Он выглядел наружно спокойно, но в его словах проскальзывала тревога». Вся оборона Крыма была поручена ему. Вечером 26 октября, после прорыва противником Перекопских позиций, под угрозой обходного маневра через Сиваш, Кутепов приказал отступить, о чем телеграфировал Врангелю. «Как содержание, так и самый тон донесения не оставлял сомнения, что мы накануне несчастья». Не желая прямо толкать Главнокомандующего к приказу об эвакуации, Кутепов заявил о готовности вернуть прежние позиции, но сомневался в целесообразности этого. Испытанные начальники дивизий выбыли из строя, поставленные в строй военнопленные перебегали к противнику. Это был конец.

Войска направлялись к портам для погрузки; на сей раз эвакуация прошла в несравнимо большем порядке, чем новороссийская. 1 ноября штаб Кутепова погрузился на пароход «Херсон», а 3 ноября последний транспорт покинул Крым и взял курс на Константинополь. Впереди была чужбина…

* * *

Утром 9 (22) ноября 1920 года корабли стали на внешнем рейде турецкой столицы, а вскоре войска начали высадку на Галлиполийском полуострове. Лил унылый дождь. Вместе с французскими офицерами Кутепов верхом отправился осмотреть место для палаточного лагеря. Увидев каменистую долину, открытую всем ветрам, он поразился и спросил только: «И это все?» А на берегу ждали измученные люди. И Кутепов принял быстрое решение: для поднятия духа был устроен парад, во время которого генерал краткой речью вселил надежду на скорое возвращение в Россию и победу, потребовав во имя этого сохранения железной дисциплины и предупредив о суровых методах ее поддержания. Тяжелые условия диктовали жестокую логику: пусть слабые и деморализованные или уйдут, или воодушевятся, а сильные сплотятся в немногочисленные, но монолитные ряды. Держа равнение и глухо печатая шаг, Добровольцы сквозь ливень и ветер проходили мимо Кутепова…

Сразу же по прибытии в Турцию Кутепов был назначен помощником Главнокомандующего и начальником Галлиполийского лагеря, в котором были размещены сведенные в корпус все части Русской Армии за исключением казачьих. 3 декабря Александр Павлович был произведен в генералы-от-инфантерии – за боевые отличия. В декабре он тяжело заболел, находился почти при смерти, но выздоровел.

На первых порах издерганные и в значительной мере отчаявшиеся офицеры и солдаты могли дрогнуть. Кутепов понимал это и вместе с комендантом Галлиполи генералом Б. А. Штейфоном умело направлял энергию людей в нужное русло: на обустройство палаточного городка, строевую и теоретическую подготовку, организацию разнообразных курсов. Командир корпуса неумолимо требовал аккуратного внешнего вида, четких приветствий и т. д., заново воспитывая в подчиненных великое умение подчиняться. По его же инициативе были разрешены дуэли. Галлиполийская дисциплина славилась далеко за пределами лагеря: у стороннего наблюдателя поначалу складывалось впечатление, что на гауптвахте-«губе» содержится больше половины личного состава, а недоброжелатели рассказывали, как Кутепов ходит по лагерю с палкой и бьет по головам небрежно отдающих честь. Офицеры с долей иронии рассказывали, что настроение командира корпуса связано с надетой на нем формой: Дроздовская означала хорошее расположение духа, Корниловская – переменное, а Марковская безошибочно указывала, что кто-то из попавшихся генералу непременно окажется на «губе»…

Попытки внесения в Галлиполи политических страстей

сурово карались: критиковавший командование полковник Щеглов был расстрелян, а советская разведка позже вообще сделала вывод, что «Кутепов не постесняется кого угодно расстрелять». Серьезное предупреждение получил и один из «старейших Дроздовцев» Туркул, неожиданно выказавший республиканские симпатии. И дело тут не в личных (монархических) пристрастиях Кутепова: он четко стоял на позициях «Армия вне политики», формулируя свое кредо так: «Армия должна занять Москву, а затем взять под козырек». Более того, еще в ходе войны Кутепов говорил, что он, «может, и монархист, но поклялся защищать республику, которая освободит Россию, даже от монархистов». Ни о какой политической твердолобости тут, конечно, нельзя и говорить.

«Авторитет Кутепова стал быстро расти», – пишет один из Галлиполийцев. – «Он сделался идеалом военачальника, а в будущем – диктатора России»; именно он в глазах подчиненных становился «естественным главой всего зарубежного белого воинства». Врангель был изолирован союзниками в Константинополе, и его, несмотря на неизменное уважение, начинали забывать. Несмотря на жесткую требовательность (или благодаря ей), Кутепов превращался в настоящего вождя. В Галлиполи тогда же возникла идея, чуть позже сформулированная в виде проекта, о создании в Армии рыцарского Ордена, основными лозунгами которого провозглашались «Бескорыстное служение Родине», «Неустанная борьба с палачами народа русского и врагами христианства», «Беспрерывная работа над собой, борьба со своими дурными привычками и наклонностями везде, всегда и при всяких обстоятельствах». Вступление в Орден «должно производиться не просто записью, а после того, когда каждый проникнется задачами и целью Ордена, уверует в необходимость и спасительность этой идеи, после того, как проверит себя… Никаких прав и преимуществ Орден не дает, но одни обязанности, и обязанности далеко не легкие». Ордену планировалось дать имя Святого Александра Невского, ибо в его личности «воплотился идеал и князя, и гражданина, и воина, и христианина», – здесь можно увидеть идеализированную параллель с именем и образом Александра Кутепова. И главное здесь не в выполнимости проекта, а в самом его появлении, которое красноречиво характеризовало настроение Галлиполийцев, не случайно вновь воскресивших название «Кутепия».

Незадолго до окончания пребывания войск в «Голом Поле» (так переиначили название «Галлиполи») был учрежден особый

знак – черный крест с надписью «Галлиполи 1920–1921» – для всех выстоявших и не покинувших Армию. В своей речи накануне отъезда Кутепов сказал: «Вы целый год несли крест; теперь этот крест носите вы на груди. Объедините же вокруг этого креста русских людей». Войска 1-го армейского корпуса отправлялись в Болгарию и Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (позднее – Королевство Югославия); 18 декабря 1921 года последний транспорт покинул неприветливый берег, на котором закалились воля и единство непримиримых воинов. Дух будущего Русского Обще-Воинского Союза уже витал в воздухе.

* * *

До мая 1922 года Кутепов жил в Тырново и Софии. Затем, когда коммунистическая пресса обвинила русские войска в подготовке переворота, он был задержан болгарскими властями и в 24 часа выслан из страны. Через Грецию генерал переехал в Сербию. В августе у Кутепова произошел конфликт с его заместителем, генералом Витковским, который занял открытую монархическую позицию и вступил в переписку с Великим Князем Николаем Николаевичем, чем нарушил принцип надпартийности Армии. «Кутепов решил отказаться от наименования командиром первого корпуса, так как не может согласиться с тем, что там делает Витковский», – пишет современник. Поселившись в Сербии в качестве помощника Главнокомандующего, Александр Павлович некоторое время бездействовал. По словам одного из приближенных, в это время он «невероятно поплотнел, прямо весь как мускул, живет просто, в небольшом домике, кормит нескольких своих офицеров, с ним жена…»

К тем дням относятся первые попытки внести разлад между Кутеповым и Врангелем. Представитель Русской Армии в Берлине отмечал, что «большевики относятся с полным презрением к Врангелю, доказывая, что он бесталанен, неумен и т. п., и гораздо положительнее (серьезнее. – *Р. А.*) смотрят на Кутепова, говоря про него, что он человек с головой, умеет вести за собой людей…» В июле 1923 года друзья предупреждали Врангеля, что разрыв с Кутеповым будет чреват падением престижа Главнокомандующего. Но пока их отношения оставались вполне сердечными и задушевными, а переговоры с Великим Князем Николаем Николаевичем генерал вел четко по инструкциям Врангеля. Одновременно Александр Павлович начал налаживание собственной разведки в СССР. Но стоило Великому Князю в 1924 году приблизить его к себе, как Кутепов постепенно начал

обособляться от Главного Командования; сыграло свою роль и поручение ему Николаем Николаевичем разведки и пропаганды на советской территории. Эта деятельность, однако, в значительной степени оказалась под контролем ОГПУ, а последовавшие в 1926–1927 годах разоблачения стали для генерала громом среди ясного неба. Заметим, что Врангель сразу предполагал провокацию в известиях о якобы существовавшем в СССР сильном монархическом подполье («операция “Трест”»). Вновь наметилась тенденция к сближению с Главнокомандующим, и Кутепов получил даже его моральную поддержку, при этом и не думая признавать ошибочности своих действий.

Основное внимание он уделял террористической работе в Советском Союзе. Несмотря на давление со стороны западных разведок, генерал запретил своим агентам сообщать им «то, что могло бы пойти во вред России». Параллельно Кутепов тесно контактировал с Деникиным, а с 1926 года – и с известным политиком, историком и публицистом С. П. Мельгуновым, который стремился объединить широкий антибольшевицкий фронт вокруг своего журнала «Борьба за Россию». В 1928 году, после неожиданной смерти Врангеля, Кутепов становится во главе РОВС, а через год создает одноименную с мельгуновским журналом тайную организацию, пытаясь избежать повторения «Треста». Александр Павлович писал: «Для ниспровержения советской власти мы создаем широкое объединение эмигрантов, нацеленное исключительно на борьбу с большевизмом. Никаких межпартийных споров внутри него мы терпеть не намерены, так как они лишь распыляют наши силы». В этих словах хорошо заметен отказ от крена в сторону монархии – возможно, в связи со смертью Великого Князя Николая Николаевича.

Генерал А. П. Кутепов – председатель Русского Обще-Воинского Союза

Крайне неожиданно звучит и свидетельство современника, вспоминавшего, как Деникин в 1937 году упомянул о якобы имевшей место встрече Кутепова с М. Н. Тухачевским. Она могла состояться между январем и мартом 1928 года в Париже, куда «красный Бонапарт» «тайно» приезжал из Берлина, участвуя в очередной провокационной операции ОГПУ. Вообще же вся эмигрантская деятельность Кутепова до сих пор остается лишь фрагментарно известной и нуждается в тщательном исследовании.

…Александр Павлович жил теперь в Париже на улице Руссель, 26, с женой и родившимся в 1925 году сыном Павлом.

Денщик, оставшийся с генералом, помогал по хозяйству. Шоферы такси – бывшие офицеры – по очереди охраняли дом и возили Кутепова; это дежурство не было ни круглосуточным, ни обязательным, да и сам Начальник РОВС по скромности не хотел утруждать своих соратников. Неписаным правилом кутеповской семьи стало, что всех посетителей во избежание огласки встречал и провожал сам хозяин, принимавший на дому донесения своей тайной агентуры. Поэтому, когда 25 января 1930 года Кутепову была доставлена записка от крупного финансиста с просьбой о встрече, никто об этом не знал. Однако у Александра Павловича имелись основания ожидать в ближайшем будущем нападения чекистов на РОВС и него самого, о чем он и сообщил двум соратникам: 19 января известный генералу еще по Гражданской войне полковник Н. де Роберти признался ему, что является агентом ОГПУ. Намереваясь переговорить с автором записки по пути на церковную службу, Кутепов 26 января в 10 часов 30 минут вышел из дома. С тех пор никто из знакомых больше его не видел… Как выяснилось позже, генерала похитили сотрудники советских спецслужб.

Похищение фактически было равносильно гибели Александра Павловича. Существуют две версии его смерти. По первой, он был убит сразу же, а его тело растворили в ванне с кислотой. По второй, Кутепова морем вывезли в СССР, но при подходе к Новороссийску генерал умер от сердечного приступа на борту парохода: при захвате использовали хлороформ, на который у него была непереносимость после ранения в 1915 году. Именно последняя версия оказалась более популярной у историков.

Что же побудило ОГПУ совершить это преступление? Чаще всего называют стремление дезорганизовать и ослабить террористический центр Белой эмиграции путем уничтожения его «мозга и души» – деятельного и непримиримого Начальника РОВС, которому, кажется, удалось избежать проникновения провокаторов в организацию «Борьба за Россию» и тем повысить ее эффективность. Но такое объяснение не согласуется с попыткой вывоза Кутепова в СССР, ибо тогда достаточно было бы ликвидировать его прямо в Париже. Между тем можно предположить заинтересованность советского руководства в свидетеле на готовящихся «судебных процессах» против видных командиров Красной Армии.

«Мне не важно знать, такой или этакий был Кутепов, сколько у него врагов, сколько друзей, – писал 6 февраля 1930 года Б. К. Зайцев. – Сейчас он – знамя мученичества, знамя России распинаемой, он не может, не может не быть своим каждому русскому, каких бы взглядов тот ни был». Довольно долго после

исчезновения генерала еще служились молебны о его здравии и избавлении. Постепенно надежды угасли, и кладбище Сент-Женевьев-де-Буа пополнилось новой символической могилой. Отпевание же воина Александра было совершено Русской Православной Церковью Заграницей лишь в 1996 году. Сын Кутепова Павел учился в Русском кадетском корпусе в Югославии, после Второй мировой войны попал в советские лагеря, но в 1954 году был реабилитирован и сотрудничал в Московской Патриархии; два его сына живут в России. А Лидия Давыдовна Кутепова умерла в эмиграции в 1959 году.

* * *

И при жизни, и после смерти даже сослуживцы давали Кутепову противоречивые оценки. Соперники и недоброжелатели выставляли на первый план негативные черты, подлинные или мнимые: «Очень честолюбив; хороший фельдфебель; военная бездарность; хам; лично храбр». «Отличный строевой офицер и скверный организатор, способен на должности не выше командира батальона. Честолюбивый, грубый, небольшого ума, очень твердой воли, большой интриган, как боевой начальник всегда терпел поражения». «Всегда в поводу у своего начштаба, в военном смысле ничего не стоит». «Железная личность», несущая другим «полное порабощение личности, диктаторское требование абсолютного подчинения, подчас пренебрежение самыми лучшими чувствами человеческой души», что в качестве реакции «создает затаенное чувство злобы, затаенную ненависть».

Приятели и подчиненные, естественно, вспоминали своего генерала восторженно: «Храбрый, неподкупно честный, строгий и справедливый». «Вне служебных интересов он был человеком весьма отзывчивым, проявляя много задушевности и сердечности». Но и они, как мы уже отмечали выше, нередко оценивали его военные таланты критически.

Офицер исключительной храбрости. Строгий службист, требовательный к себе и другим. Вспыльчивый, но отходчивый. Непримиримый и беспощадно жестокий с врагами и заботливый о близких и подчиненных. Горячий патриот России (своего ее идеала), но уж никак не политик. Несгибаемый аскет, твердо идущий к цели. Прагматик до мозга костей. Бесспорный вождь, но ничем не выдающийся полководец. Искренний до прямолинейности и нелицеприятный до грубости, при этом – поразительно честолюбивый и скрытный, то есть расчетливый и неглупый. Скорее прямой заговорщик, чем закулисный интриган.

Человек крайностей, одновременно цельный и противоречивый. Наконец, сильная личность, обладатель могучего волевого характера и менее значительных интеллектуальных способностей, сумевший раскрыть себя только в экстремальных условиях Гражданской войны, – таким видится нам ставший в 1917–1920 годах «героем своего времени» Александр Павлович Кутепов.

Р. М. Абинякин

Генерал-лейтенант Барон П. Н. Врангель

«Пройдут годы, и беспристрастный резец истории вырежет во весь громадный рост незабвенную фигуру нашего последнего

Главнокомандующего. Историк-биограф опишет нам его жизнь, бурную, многогранную, но всю целиком отданную рыцарскому служению России… быть может, вспомнит и некоторые его ошибки, свойственные всякому человеку, но никто не сможет отнять у него заслуги – спасения Русской армии и ее чести…»

Такими словами начинался юбилейный сборник, выпущенный в 1938 году в Брюсселе в память 10-летия кончины последнего Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. Барону Петру Николаевичу Врангелю суждено было стать участником Русско-Японской и Первой мировой войн, увидеть крушение Российской Империи и развал Армии в 1917 году, а в рядах Белого движения в 1918–1919 годах пройти путь от начальника дивизии до командующего Армией, чтобы в 1920 году возглавить вооруженное сопротивление большевизму на «последней пяди русской земли», как называли Крымский полуостров белые газеты. А после поражения он разделил со своей Армией тяжесть первых лет эмиграции. И неудивительно, что столь насыщенная, исполненная драматизма биография стала предметом пристального внимания и самых разнообразных оценок как со стороны современников генерала, так и последующих поколений историков, публицистов, писателей.

* * *

Петр Николаевич Врангель родился 15 августа 1878 года в городе Ново-Александровске Ковенской губернии в старинной остзейской дворянской семье, ведущей свою родословную с XIII века. Врангели (баронское достоинство с 1653 года) владели в Лифляндии и Эстляндии землями, пожалованными магистрами Ливонского Ордена и шведскими монархами. Военная служба была для большинства представителей этой фамилии главным занятием, целью жизни. Но отец Петра Врангеля не избрал военной карьеры. Детство и юность Петра прошли в Ростове-на-Дону, где его отец был директором страхового общества «Эквитэбль». Семья не отличалась богатством и связями, способными обеспечить детям хорошую карьеру, и будущему генералу приходилось рассчитывать только на собственные силы и способности.

В отличие от большинства офицеров того времени, Петр Врангель не обучался ни в кадетском корпусе, ни в военном училище. Получив начальное домашнее образование, он продолжил его в Ростовском реальном училище, а затем в Горном Институте в Петербурге. После окончания Института он отбывал

воинскую повинность вольноопределяющимся 1-го разряда в рядах Лейб-Гвардии Конного полка, а в 1902 году, сдав испытание на чин корнета, был зачислен в запас Гвардейской кавалерии. Сослуживец Врангеля вспоминал, что барон «за несколько месяцев военной службы преобразился в высокомерного гвардейца. Я посоветовал молодому инженеру бросить полк и ехать на работу в знакомую мне с детства Восточную Сибирь. Как это ни странно, но доводы мои подействовали, и Врангель отправился делать карьеру в Иркутск».

Однако неопределенная должность чиновника для особых поручений при иркутском генерал-губернаторе вряд ли могла удовлетворить честолюбивую и деятельную натуру П. Н. Врангеля. Повлияло и начало войны с Японией, после которого он добровольно вступил в Действующую Армию. Участие в смелых кавалерийских налетах и боевых вылазках укрепило волю, уверенность в себе, храбрость и решительность молодого офицера. По оценке его ближайшего соратника П. Н. Шатилова, «на маньчжурской войне Врангель инстинктивно почувствовал, что борьба – его стихия, а боевая работа – его призвание». Тогда же проявилась и присущая ему душевная неуспокоенность, постоянное стремление не останавливаться на достигнутом. Русско-Японская война принесла подъесаулу Забайкальского Казачьего Войска П. Н. Врангелю и первые боевые награды – ордена Святой Анны IV-й степени с надписью «За храбрость» и Святого Станислава III-й степени с мечами и бантом.

В Маньчжурии Петр Николаевич решает, что только военная служба должна стать делом его жизни. В марте 1907 года он возвращается в ряды Лейб-Гвардии Конного полка в чине поручика (гвардейские чины не были равны армейским), в 1909 году «успешно», по существовавшей формулировке, оканчивает Николаевскую Академию Генерального Штаба, в 1910-м – Офицерскую Кавалерийскую Школу, возвращается в родной полк и в 1912 году становится командиром эскадрона Его Величества («шефским», первым в полку). После этого будущее молодого офицера рисовалось достаточно ясным – постепенное продвижение от чина к чину по служебной лестнице, размеренная полковая жизнь, светские балы, военные парады. Прекрасный танцор и дирижер на балах, непременный участник офицерских собраний, остроумный и легкий в общении, интересный собеседник – таким запомнили Врангеля его друзья. Правда, при этом, по словам П. Н. Шатилова, он «обыкновенно не воздерживался высказывать откровенно свои мнения», из-за чего «уже тогда имел недоброжелателей». Удачным был и его брак с фрейлиной, дочерью камергера Высочайшего Двора, Ольгой

Михайловной Иваненко, и хотя на первых порах супружеской жизни Петру Николаевичу трудно было расстаться с привычкой к гвардейским развлечениям, офицерским компаниям и пирушкам, тактичное влияние его супруги смогло направить семейную жизнь в более спокойное русло. В семье скоро родились две дочери – Елена и Наталия и сын Петр (второй сын – Алексей – родился уже в эмиграции). Взаимная любовь и верность сопутствовали супругам в течение всей их жизни.

Начало Первой мировой войны изменяет судьбу барона Врангеля, как и судьбу всей России. Уже 6 августа 1914 года у деревни Каушен в Восточной Пруссии происходит сражение, ставшее для него одним из самых ярких эпизодов биографии. Последний резерв дивизии – эскадрон ротмистра Врангеля – внезапной и стремительной атакой захватил германскую артиллерийскую батарею. Сам командир первым ворвался на неприятельские позиции, остальные офицеры эскадрона погибли, 20 солдат было убито и ранено, но бой был выигран.

За Каушен Петр Николаевич получил орден Святого Георгия IV-й степени, в декабре 1914 года он был произведен в полковники (чина подполковника в Гвардии не было) и стал флигель-адъютантом Его Величества, а с октября 1915 года получил под команду 1-й Нерчинский полк Забайкальского Казачьего Войска. В декабре 1916-го Врангель назначается командиром бригады Уссурийской казачьей дивизии, а в январе 1917 года, в возрасте 39 лет, «за боевые отличия» производится в чин генерал-майора. И именно с этого предгрозового для России времени – рубежа 1916–1917 годов – П. Н. Врангель становится уже не просто наблюдателем, а полноправным участником происходивших в стране перемен.

Начальнику Уссурийской дивизии генералу А. М. Крымову накануне Февраля отводилась главная роль в планировавшемся дворцовом перевороте. Знал об этом и Врангель, хотя в своих воспоминаниях он утверждает, что вся подготовка ограничивалась разговорами о «безумной и преступной политике», «произволе, злоупотреблениях и бездарности власти». Слышал он и о «заговоре», вызревавшем в само́й Императорской Фамилии и связывавшемся с именами Великой Княгини Марии Павловны (Старшей), Великого Князя Кирилла Владимировича и Великой Княгини Виктории Феодоровны, об их намерениях, «в сотрудничестве с видными членами Думы», «изменить существующий порядок вещей».

Выглядит непонятным, почему недавний Конногвардеец и флигель-адъютант, казалось бы, убежденный монархист, участвует в разговорах о готовящемся перевороте, вместо того,

чтобы, как подобает верноподданному, предотвратить его. Однако из воспоминаний барона Врангеля становится заметным противопоставление им самим монархического принципа и даже, точнее, принципа «твердой власти» – конкретному носителю этой власти в России, чем барон и готов оправдать участие в заговоре против *Монарха*, но во имя сохранения *Монархии*. Примечательно, что Петр Николаевич не считал отречение от Престола Императора Николая II самым страшным, что могло произойти с Россией: «Армия, как и вся страна, отлично сознавала, – пишет он, – что Государь действиями Своими больше всего Сам подрывает престол… Присягнув новому Государю, русские люди так же, как испокон веков, продолжали бы служить Царю и родине». Гораздо более опасным представлялось ему последующее отречение Великого Князя Михаила Александровича: «Пала сама идея власти, в понятии русского народа исчезли все связывающие его обязательства». И позднее, в годы Гражданской войны и эмиграции, барон уже не видел возможности для реставрации монархии, гораздо более приемлемой считая военную диктатуру как единственно возможную форму правления в условиях развала государства. Именно этот принцип он и попытается осуществить в качестве Правителя Юга России в 1920 году.

* * *

Временное Правительство в глазах П. Н. Врангеля, как, впрочем, и многих представителей русского генералитета и офицерства, не имело никакого авторитета, особенно после того, как в Армии был введен контроль комитетов над командным составом. Недисциплинированные, распущенные, лузгающие семечки солдаты столичного гарнизона, бесконечные митинги, толпы праздношатающихся на грязных улицах раздражали бывшего Конногвардейца. В то время как генералы Л. Г. Корнилов, А. А. Брусилов и даже будущий (эмигрантский) «Глава Императорского Дома» Великий Князь Кирилл Владимирович прикалывали на шинели красные банты, выступали на митингах с призывами к «защите демократии», генерал Врангель демонстративно продолжал носить на погонах вензеля Наследника Цесаревича Алексея Николаевича – бывшего Шефа одного из полков его дивизии.

Уйдя с поста начальника дивизии в апреле 1917 года, «не соответствовавший духу времени» генерал несколько месяцев не имел назначений по службе. Только в июле он вступил в

командование Сводным конным корпусом, который двигался в арьергарде беспорядочно отходивших после неудачного наступления частей VII-й и VIII-й армий. С большим трудом корпусу Врангеля удалось прикрыть отступавшую пехоту на линии реки Збруч и в течение десяти дней удерживать фронт. За эту операцию «постановлением наградных Дум сводного конного корпуса» генерал был награжден солдатским Георгиевским Крестом IV-й степени (награждения офицеров солдатским «Егорием» были введены Временным Правительством в порядке «демократизации армии», дабы демонстрировать «доверие» солдат своим командирам). Однако для П. Н. Врангеля, имевшего к тому времени уже все ордена до ордена Святого Владимира III-й степени с мечами, подобная награда, очевидно, мало что значила, и позднее в своих мемуарах он даже не упомянет о ней.

После провала летнего наступления Русской Армии ошибки военного руководства и, в еще большей степени, бездарная, преступная политика Временного Правительства стали, по мнению П. Н. Врангеля, настолько очевидны, что вызванный ими «развал фронта и тыла» можно было остановить только твердыми, решительными мерами. Поэтому генерал полностью поддерживал действия нового Верховного Главнокомандующего, генерала Л. Г. Корнилова, по восстановлению порядка в Армии, даже не будучи с ним лично знакомым. «Со вступлением генерала Корнилова в должность Верховного Главнокомандующего в армии стала ощущаться крепкая рука… – писал он впоследствии. – Я знал о той борьбе, которую вел генерал Корнилов, настаивавший на предоставлении начальникам дисциплинарной власти, ограничении прав войсковых комитетов, установлении смертной казни в тылу для изменников и дезертиров. Я, со своей стороны, писал несколько раз, указывая на необходимость незамедлительно провести все эти меры, пока еще не поздно и армия не развалилась совсем». Поддерживая связь с Верховным, Петр Николаевич, очевидно, был в курсе готовящегося корниловского выступления. В случае успеха командира Сводного конного корпуса ожидало назначение на пост командующего войсками Петроградского военного округа.

Однако в «корниловские дни» распоряжения Верховного были проигнорированы в Штабе VII-й армии, в состав которой входил Сводный корпус, а попытки самого Врангеля отправить на помощь Корнилову кавалерийскую дивизию вызвали конфликт с армейским комитетом. Петр Николаевич подал рапорт об отставке, корпус же его приказом вступившего в должность Верховного Главнокомандующего А. Ф. Керенского был расформирован. Рассчитывать на продолжение военной карьеры

Врангелю уже не приходилось – «демократический» военный министр, генерал А. И. Верховский, считал невозможным его назначение на какие-либо командные должности «по условиям политического момента и ввиду политической фигуры».

По мнению П. Н. Врангеля, после августа 1917 года «порядка» в стране практически не осталось. Все же Петр Николаевич не терял до конца надежды на реализацию «корниловской программы», принимая участие в работе Ставки Верховного Главнокомандующего, в частности, в обсуждении предполагавшейся «реформы армии». В условиях продолжающейся деморализации Врангель считал необходимым оставить на фронте только наиболее надежные ударные батальоны с последующим развертыванием их в полки и бригады. Выделенные из полков «негодные элементы» предполагалось свести в особые «рабочие роты с особо строгой дисциплиной», из которых затем отправлялись бы пополнения в Действующую Армию. Характерно, что больших надежд на воплощение в жизнь этой программы у самого генерала не было: «Выдвигая этот проект, я имел в виду другое – возможность войти в связь… с ударными батальонами, составленными из добровольцев, главным образом, офицеров»; тем самым могла быть подготовлена основа для нового военного выступления. Проект П. Н. Врангеля был утвержден в середине октября 1917 года, а уже через несколько дней власть Временного Правительства и номинального «Главковерха» Керенского оказалась сметенной большевицким переворотом в Петрограде.

* * *

Для генерала Врангеля события октября 1917 года стали закономерным итогом «восьми месяцев углубления революции». Но в становлении Белого движения он не принял участия. В те дни, когда в Новочеркасске генералом М. В. Алексеевым формировались первые отряды будущей Добровольческой Армии, когда на Дон пробирались генерал Л. Г. Корнилов и его сподвижники – А. И. Деникин, С. Л. Марков, И. П. Романовский и другие, – Врангель выехал из могилевской Ставки в Крым. Здесь, в Ялте, на даче, он проживал вместе с семьей как частное лицо. Поскольку ни пенсии, ни жалованья Петр Николаевич тогда не получал, жить приходилось на доходы от имения родителей его жены в Мелитопольском уезде и банковские проценты.

Здесь, в Крыму, он пережил смену трех режимов – «Крымско-татарское национальное правительство», «Таврическую советскую

республику» и германскую оккупацию. Со стороны татарского Меджлиса (парламента) ему было предложено возглавить войска Крыма, но принять под свое начало «демократизируемую армию» с теми же комитетами и комиссарами для генерала оказалось неприемлемым. А после того, как и в Крыму установилась Советская власть, он был арестован и заключен в тюрьму. В те дни по всему полуострову происходили казни и самосуды над офицерами, дворянами, чиновниками, по свидетельству очевидцев, «во всех городах лилась кровь, свирепствовали банды матросов, шел повальный грабеж», утверждалось, что за январь – февраль 1918 года было убито несколько тысяч человек, и неминуемая смерть, казалось, должна была ожидать и арестованного Врангеля.

Однако, как писал биограф Петра Николаевича генерал В. Н. фон Дрейер, за него «вступились бедняки квартала, где жил с семьей Врангель, всегда им помогавший». Сам же он главную роль в своем спасении отводил супруге Ольге Михайловне, разделившей его заключение. Ее самоотверженность поразила председателя ревтрибунала «товарища Вакулу», который и распорядился освободить чету Врангелей.

Такое быстрое и беспрепятственное освобождение дало повод некоторым современникам генерала высказывать подозрения, что Врангель был намеренно отпущен большевиками, рассчитывавшими на его сотрудничество, и что произошло это по указаниям германского Генерального Штаба (финансировавшего большевицкое руководство). Документальных подтверждений этой версиии, однако, нет, и в любом случае это освобождение в условиях царившей в Крыму вакханалии можно считать чудом. Определенную роль здесь сыграло, очевидно, то, что зимой 1918 года на Юге красный террор еще не носил организованного, целенаправленного характера, а суд и расправа вершились в зависимости от настроений «революционных матросов и рабочих». Поэтому наряду со зверствами имели место и случаи «помилования» или «освобождения под честное слово» не воевать против Советской власти.

Получив свободу, П. Н. Врангель скрывался вместе с женой и детьми в горных татарских селениях вплоть до прихода в Крым германских оккупационных войск в апреле 1918 года.

Появление немцев – вчерашних врагов – русский генерал воспринял с двойственным чувством. «Я испытывал, – признавался он, – радость освобождения от унизительной власти хама и больное чувство обиды национальной гордости». Все же, благодаря немцам, стал восстанавливаться тот самый долгожданный «порядок», которого, по мнению отставного

военачальника, тщетно было ожидать от Временного Правительства и тем более от крымского Меджлиса, не говоря уже о Советской власти. С установлением на Украине под немецким покровительством власти Гетмана П. П. Скоропадского для Врангеля, казалось бы, снова воскресла надежда на возвращение к своему военному призванию. Деятельная, энергичная натура Петра Николаевича томилась вынужденным бездействием, а Гетманский режим казался ему «первой точкой приложения созидательных сил страны». В конце апреля генерал выехал в Киев.

Почему же П. Н. Врангель не отправился на Дон, где в это время находилась Добровольческая Армия, а после длительного проживания в Крыму решил предложить свои услуги власти, державшейся только на германо-австрийских штыках? Думается, что главной причиной было простое отсутствие достоверной информации о борьбе Корнилова и Деникина. Другой причиной попытки сближения со Скоропадским могло стать личное знакомство последнего с Врангелем. Они вместе служили в 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии, вместе воевали в рядах Забайкальских казаков во время Русско-Японской войны. Под началом Скоропадского, в 1911–1914 годах бывшего командиром Лейб-Гвардии Конного полка, служил ротмистр Врангель. И теперь, с достаточным на то основанием, Петр Николаевич рассчитывал на содействие бывшего полкового товарища.

Но здесь его ожидало разочарование. Действительно, при первой же встрече Гетман предложил генералу Врангелю должность начальника Штаба своей армии, однако сама «армия» эта представляла собой в основном многочисленные управления еще не сформированных полков и дивизий. Кроме того, военное руководство «Украинской Державы» ориентировалось в основном на ту часть офицерства, которая признала «самостийность» бывших русских губерний. Назначение на высокий пост в Украинской Армии барона Врангеля, человека не украинского происхождения и отнюдь не «самостийных» убеждений, было вряд ли возможным. Поэтому далее частных бесед дело не пошло. Предпочтение «своим» (теперь уже казачьим) офицерам отдавалось и в Донской Армии, формировавшейся Атаманом Всевеликого Войска Донского генералом П. Н. Красновым, также грешившим «самостийностью». Теперь для П. Н. Врангеля оставался единственный путь для продолжения служения России – стать в ряды Добровольческой Армии.

* * *

В этом решении его укрепили беседы с генералом А. М. Драгомировым, проживавшим в то время в Киеве и намеревавшимся выехать в Екатеринодар, куда его приглашал Верховный Руководитель Добровольческой Армии генерал Алексеев. Будущий председатель Особого Совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России, Драгомиров сыграл заметную роль в жизни Врангеля. По его совету Петр Николаевич решил связать свою жизнь с Белым движением, и именно генерал Драгомиров был впоследствии председателем военного совета, передавшего Врангелю власть Главнокомандующего. Можно утверждать, что Драгомиров вообще был заинтересован в выдвижении П. Н. Врангеля на руководящие посты в военной и государственной иерархии Белого Юга.

25 августа 1918 года Врангель с семьей прибыл в недавно занятую белыми столицу Кубани – Екатеринодар. Здесь располагались штабные структуры Добровольческой Армии и ее тыловые управления. Первым, на что обратил внимание Врангель, было «большое число офицеров, особенно старших начальников, числившихся в резерве… ожидая отправки на фронт». Рассчитывать на соответствующее чину генерал-майора назначение не приходилось.

К осени 1918-го Добровольческая Армия уже сложилась как организованная, сплоченная трудными победами и пролитой кровью сила. В бесконечных жестоких боях возникла своеобразная офицерская иерархия, в которой не принимались в расчет прежние военные заслуги, чины, награды и звания. Главным критерием становилось участие в борьбе с большевиками с первых ее дней.

П. Н. Врангель не был знаком ни с одним из старших начальников Армии. Но, очевидно, не без участия А. М. Драгомирова, ему удалось быстро получить аудиенцию у ее Командующего. «До приезда моего в Добровольческую армию я почти не знал генерала Деникина, – вспоминал Врангель. – Во время Японской войны он недолго служил в корпусе генерала Ренненкампфа, и я встречал его несколько раз… Генерал Деникин производил впечатление вдумчивого, твердого, кряжистого, чисто русского человека. Он имел репутацию честного солдата, храброго, способного и обладавшего большой военной эрудицией начальника». Практически сразу же Петру Николаевичу было предложено принять временное командование 1-й конной дивизией. Необычность по Добровольческим меркам такого назначения следует объяснить утвердившейся репутацией Врангеля как талантливого полководца-кавалериста: «В ставке

строго придерживались выдвижения на командные должности исключительно “первопоходников” (участников Первого Кубанского похода. – *В. Ц.*), наиболее продолжительное время служивших в Добровольческой армии, – писал впоследствии он сам. – Исключение для меня было сделано, надо думать, ввиду отсутствия кавалерийских начальников».

Белая конница в это время только создавалась. Укомплектованные в большинстве своем Кубанскими и Терскими казаками и кавказскими горцами, недавно сформированные полки еще не сложились в сплоченные, организованные боевые единицы, подобные Добровольческой пехоте – прославленным Корниловцам или Марковцам. Чаще всего конные части только выполняли разведку и совершали неглубокие рейды по тылам противника, а во время боев прикрывали фланги атакующей пехоты. Боеспособные кавалерийские соединения, умеющие активно, самостоятельно действовать как на фронте, так и в тылу противника, наносить ему мощные, стремительные удары, – вот что было необходимо в условиях войны на обширных степных просторах Юга России. И зарождающаяся конница нуждалась в опытном, умелом, а главное – авторитетном руководстве. Требовались командиры, способные принимать быстрые решения, оперативно реагировать на меняющуюся боевую обстановку, гибко, нешаблонно мыслить. Руководители Добровольческой Армии полагали, что всеми этими качествами обладал генерал П. Н. Врангель. И в этом они не ошиблись.

Однако первые месяцы службы в Белой Армии стали для Петра Николаевича непростым временем. Приняв командование дивизией 31 августа 1918 года, уже 18 сентября под Армавиром он повел ее в бой, но ожидавшейся лихой атаки не получилось. Казачьи полки не пошли за новым командиром, начав отступать под сильным огнем противника. Не помог и личный пример Врангеля, попытавшегося с несколькими десятками казаков остановить бегущих и заставить их перейти в атаку. Столь же неудачными для дивизии оказались и бои 3–4 октября, снова закончившиеся отступлением казаков, гибелью артиллерийской батареи, причем сам генерал едва избежал плена. Боеспособность дивизии удалось вернуть лишь с большим трудом. Однако личное участие в сражениях, наведение порядка в частях все же подняли авторитет П. Н. Врангеля, укрепили связь командира со своими подчиненными.

Следует отметить, что казачьи части в годы Гражданской войны весьма разборчиво относились к своим начальникам. Очевидно, генерал Врангель, считавший необходимым восстановить уставную дисциплину в казачьих полках, поначалу

вызвал своими действиями отчуждение у части подчиненных. Надо сказать, что и сам он относился к казакам с определенным предубеждением. И хотя позднее отчужденность сменилась признанием со стороны большинства чинов дивизии, а затем и 1-го конного корпуса, командиром которого П. Н. Врангель стал с середины ноября 1918 года, – отношения с казаками так и не приобрели характера «братской» доверительности.

Но важнее было другое. За время командования Врангеля белая конница вновь научилась обрушивать на противника сильные фланговые удары, совершать перегруппировки, стремительно атаковать под огнем вражеские позиции, действовать самостоятельно, даже без поддержки пехоты и артиллерии. Приобретенный Врангелем авторитет подтвердился и во время октябрьских боев под Армавиром, и в 28-дневном сражении за Ставрополь, и во время зимних рейдов в холодных ставропольских и ногайских степях. Впереди же были еще более сложные и масштабные кавалерийские операции.

* * *

К концу 1918 года весь Северный Кавказ был освобожден Добровольческой Армией. Советская XI-я армия была разбита, и остатки ее, погибая от голода и жестокой эпидемии тифа, отходили к Астрахани. Белые в этих боях также понесли тяжелые потери, но за ними была победа, была надежда на будущие военные успехи. После заключения договора со Всевеликим Войском Донским генерал Деникин объединил все военное руководство в регионе, став Главнокомандующим Вооруженными Силами Юга России.

Успехи сопутствовали и Врангелю. 22 ноября 1918 года за бои под Ставрополем он был произведен в генерал-лейтенанты, за три дня до нового, 1919 года получил назначение на пост командующего Добровольческой Армией, а 10 января – вновь образованной Кавказской Добровольческой Армией, куда вошла его кубанская казачья конница и пластунские батальоны. Уже давно бывшего блестящего Конногвардейца отличает кавказская черкеска с орденом Святого Георгия на газырях, низкая смушковая папаха и бурка, и именно таким останется он на многочисленных фотографиях периода Гражданской войны и первых лет эмиграции и войдет в массовое сознание по обе стороны фронта. Имя молодого командарма приобретает известность среди казачества, ряд станиц Кубанского, Терского, а потом и Астраханского Войска зачисляют его в «почетные

казаки». 13 февраля 1919 года Кубанская Рада награждает Петра Николаевича орденом Спасения Кубани I-й степени.

Но в январе 1919 года генерал внезапно заболевает сыпным тифом в очень тяжелой форме. На пятнадцатый день болезни врачи сочли положение безнадежным. А. И. Деникин писал впоследствии, что страдающий Врангель считал болезнь Божьим наказанием «за свое честолюбие». Однако, по утверждениям биографов барона, сразу после прибытия чудотворной иконы Божией Матери в состоянии больного неожиданно наступило улучшение. Выздоровлением Врангель обязан, безусловно, и заботливому уходу жены, разделившей его военную судьбу (она заведывала госпиталем в Екатеринодаре). Отступивший недуг, тем не менее, серьезно подорвал здоровье генерала, уже перенесшего к тому времени два ранения и контузию.

Барон П. Н. Врангель – офицер Конной Гвардии

Оправившийся Врангель вновь возвращается к своим обязанностям, и к весне 1919 года относятся его первые разногласия со Ставкой Главнокомандующего. В рапорте на имя Деникина от 4 апреля командарм Кавказской доказывает необходимость направить главный удар Вооруженных Сил Юга России на Царицын, после взятия которого можно было надеяться

на соединение с армиями Верховного Правителя России адмирала А. В. Колчака, рвавшимися к Волге. Такая операция позволила бы, по мнению П. Н. Врангеля, создать общий фронт, после чего объединенные Белые Армии могли бы с удвоенной силой ударить на «красную Москву». Разумеется, основной удар на Царицын по этому плану должна была наносить Кавказская Армия, а сам рапорт, как посчитал Деникин, свидетельствовал о «честолюбивых планах» барона, якобы стремившегося «выделиться» во время предстоящей операции. Врангель, в свою очередь, обвинял Главнокомандующего в намерении «не делить лавры победы с А. В. Колчаком»…

Надо сказать, что впоследствии многие эмигрантские историки поддерживали именно Врангеля. Характеризуя барона как «военного гения» и противопоставляя его Деникину, они не учитывали конкретных фронтовых условий весны 1919 года. Ведь когда Вооруженные Силы Юга России реально смогли начать наступление на Царицын, Красная Армия уже подходила к Уфе, а войска Верховного Правителя отступали. Но даже и в случае соединения Деникина и Колчака фронт Уфа – Златоуст – Царицын – Ростов опирался бы на безводные и безлюдные приволжские степи, где не было ни разветвленной коммуникационной сети, ни крупных городов, ни продовольственной базы, ни необходимых для снабжения армии запасов. Рано или поздно такой фронт был бы разорван ударами большевиков, а войска Сибири и Юга вновь оказались бы разъединенными. Таким образом, считать идею объединения армий Колчака и Деникина на Волге «гениальной» вряд ли справедливо.

Как бы то ни было, план П. Н. Врангеля был отвергнут, а его разногласиям со Ставкой Главнокомандующего, перешедшим затем в открытый конфликт, суждено было стать одной из самых неприглядных страниц в истории Белого движения на Юге России. К этому же периоду относится первая встреча Петра Николаевича с А. В. Кривошеиным, будущим премьер-министром его правительства, а пока – одним из лидеров правоцентристского «Совета Государственного Объединения России». Бывший сотрудник П. А. Столыпина по проведению его знаменитой земельной реформы, Кривошеин рассчитывал на участие в работе Особого Совещания при Деникине. Однако лидерство в южнорусских правительственных кругах весной 1919 года принадлежало более либеральным политикам (членам кадетского «Национального Центра»), и рассчитывать на власть деятелям Совета Объединения – П. Б. Струве, Н. В. Савичу, С. Д. Тверскому и др. – не приходилось. Тем выгоднее было для них заполучить в

союзники популярных военачальников, и именно такой фигурой стал П. Н. Врангель. Во время бесед с ним Кривошеин (человек сугубо штатский) убеждал генерала в правильности идеи соединения с Колчаком. «Умный и проницательный А. В. Кривошеин, – вспоминал Петр Николаевич, – часто посещавший меня, ясно отдавал себе отчет в ошибочности стратегии главного командования. Человек политики, он готов был искать в принятом генералом Деникиным решении причины внутреннего, личного характера». К сожалению, и сам барон видел главную причину разногласий исключительно в личной антипатии Главнокомандующего.

Отчужденность по отношению к П. Н. Врангелю проявлялась, в свою очередь, и Деникиным, и весной 1919 года на должность командующего Добровольческой Армией был назначен не Врангель, а генерал В. З. Май-Маевский. Он также не являлся «первопоходником», но был абсолютно чужд политики, интриги и считался полностью лояльным к Ставке и самому Главнокомандующему.

* * *

Хотя план удара на Волгу был отвергнут Ставкой, овладение Царицыном продолжало оставаться насущной задачей – без этого было невозможно наступать в Малороссию или на Москву. Еще в 1918 году казачья армия Донского Атамана П. Н. Краснова трижды безуспешно штурмовала «Красный Верден». Город был хорошо укреплен, по круговой ветке постоянно курсировали бронепоезда, окраины были защищены колючей проволокой, рвами и окопами.

Ставка планировала прорвать позиции красных с налету, сосредоточенным ударом конных полков, сведенных в группу под командованием П. Н. Врангеля. И на рассвете 5 мая 1919 года Царицынская операция, сделавшая имя Петра Николаевича одним из самых авторитетных и известных на Юге России, началась форсированием Маныча и неожиданной атакой растянувшихся вдоль реки красных войск. С развернутыми знаменами, сопровождаемые звуками военных сигналов, сомкнутым строем шли в бой Кубанские и Терские казаки. Фронт большевиков был прорван, и конная группа устремилась к Царицыну.

Врангель рассчитывал, не останавливаясь и не давая возможности отступавшим советским частям закрепиться, на их плечах ворваться в город. Конница была без передышки брошена на штурм укрепленных пригородов, казаки шашками рубили

проволочные заграждения, пытаясь прорвать оборону, но, потеряв в двухдневных боях больше половины личного состава, вынуждены были остановиться. Пришлось просить подкрепления. И лишь 18 июня, при активной артиллерийской поддержке, совместной атакой конницы, прибывшей пехоты и танков (нового в Гражданской войне оружия) оборонительные рубежи были прорваны, и «Красный Верден» пал.

«Герой Царицына», как начали теперь называть П. Н. Врангеля белые газеты, стал известен и популярен на всем Белом Юге. Услужливые чиновники Отдела пропаганды повсюду развешивали его фотографии, аляповатые картинки в лубочном стиле, на которых генерал изображался в позе «Медного Всадника», с рукой, указывающей на виднеющуюся вдалеке Москву, что многими воспринималось как явный намек на появление нового вождя – «Петра IV». В середине июля командарму был преподнесен специально сочиненный одним из офицеров марш «Генерал Врангель». И надо сказать, что подобная пропаганда – неумная или, наоборот, нарочитая – воспринималась самим Петром Николаевичем некритически. На молодого генерала обратили внимание и представители союзников: за взятие Царицына он был награжден английским орденом Святых Михаила и Георгия.

Через два дня после взятия Царицына прибывшим в город генералом Деникиным была подписана знаменитая «Московская Директива», провозгласившая начало похода с непосредственной целью «освобождения первопрестольной столицы от большевиков». И здесь позиция Врангеля вновь разошлась с позицией Ставки Главнокомандующего. По мнению Петра Николаевича, директива «являлась смертным приговором армиям Юга России. Все принципы стратегии предавались забвению. Выбор одного главного операционного направления, сосредоточение на этом направлении главной массы сил, маневр, – все это отсутствовало. Каждому корпусу просто указывался маршрут на Москву». Еще более категоричным был один из апологетов Врангеля, генерал фон Дрейер, назвавший директиву «безграмотной в военном отношении», примером «необыкновенной самоуверенности» Деникина. Но и остановиться на занятых рубежах Донбасса, Донской Области и Нижней Волги для белых было уже невозможно. В борьбе за возрождение «Великой, Единой, Неделимой России» им требовалось овладеть Москвой – главным центром Советской власти. В ходе наступления на Москву Вооруженными Силами Юга России были освобождены обширные территории, ставшие главной продовольственной и сырьевой базой Белого движения на всю

летне-осеннюю кампанию 1919 года, здесь же ряды деникинской армии увеличились до 100 тысяч человек.

Примечательно, что и сам П. Н. Врангель не был непримиримым противником наступления на Москву, предлагая Ставке нанести главный удар силами конной группы под его, Врангеля, командованием. После того как это предложение было отвергнуто, генерал повел предписанное директивой наступление на Камышин (с перспективой дальнейшего продвижения на Саратов – Пензу), но, по оценке современника, делал это «без былого энтузиазма и желания (что вообще звучит странно: военачальник не может ставить выполнение приказа в зависимость от собственного настроения. – *В. Ц.*). Врангель не был натурой ординарной, а потому к нему и нельзя подходить с обычными, шаблонными мерками. Он мог или ярко гореть выполняемым им делом и тогда давать изумительные взлеты своей энергии и своей творческой фантазии, или только добросовестно исполнять директиву, что конечно не воодушевляло П[етра] Н[иколаевича] и не давало его деятельности должного военного вдохновения».

В то время как Добровольческая Армия, заняв Новороссию, подходила к Киеву, Курску, Воронежу, – Кавказская Армия смогла продвинуться лишь до Камышина, откуда до Саратова оставалось еще 60 верст. В Ставку Врангель постоянно сообщал о невозможности дальнейшего наступления ввиду огромных людских потерь, нехватки вооружения, боеприпасов и отсутствия пополнений с Кубани и Терека. В обширном рапорте, направленном Главнокомандующему 29 июля, командарм Кавказской заявлял: «Заботы Ваши и Ваших ближайших помощников отданы полностью родным Вам частям (то есть Добровольческой Армии, с «коренными» полками которой Деникин начинал Белую борьбу. – *В. Ц.*). Для других ничего не осталось… в то время, как там, у Харькова, Елисаветграда и Полтавы войска одеты, обуты и сыты (это не соответствовало действительности. – *В. Ц.*), в безводных калмыцких степях их братья сражаются для счастья одной Родины – ободранные, босые, простоволосые и голодные». В ответном письме от 10 августа Деникин возражал, что части Добровольческой Армии, с кровопролитными боями наступая на Москву, несут не меньшие потери и не менее других нуждаются в пополнении и снабжении. По его более позднему признанию, «не проходило дня, чтобы от генерала Врангеля Ставка или я не получали телеграмм нервных, требовательных, резких, временами оскорбительных… в каждом слове письма или телеграммы были желчь и яд, рассчитанные на чувства военной массы, и без того плохо разбирающейся в

обстановке, нервной, ревнивой к боевым соседям». Но во время успешного продвижения Вооруженных Сил Юга России к Москве подобные разногласия и даже конфликты не были столь значимыми для единства Белого движения, какими они станут, когда по всей линии фронта начнется отступление. А время это было уже близко.

* * *

Почти тысячеверстный фронт Вооруженных Сил Юга России, протянувшийся осенью 1919 года от Житомира до Асхабада, выгнутый в направлении на Орел, Тулу и Москву, фронт, державшийся исключительно доблестью уже ослабленных в боях полков, в октябре оказался надломленным. В белом тылу развернул партизанские действия Н. И. Махно; в городах процветали спекуляция и воровство; на фронт и тыл обрушилась страшная эпидемия тифа. Войска начали отступать, и к концу ноября ими были уже оставлены Орел, Курск, Белгород, Воронеж. Еще держался Киев, но фронт уже подходил к Полтаве и Харькову.

Впрочем, Ставка Деникина отнюдь не считала положение критическим. Во всех официальных приказах заявлялось только о временном отступлении, необходимом для «выравнивания фронта и сосредоточения резервов», вслед за чем предстоит новое наступление. Был разработан план контрудара, руководство которым поручалось П. Н. Врангелю. И 26 ноября, оставив пост командарма Кавказской, Петр Николаевич сменил генерала Май-Маевского во главе Добровольческой Армии.

Этому назначению предшествовали события на Кубани, непосредственым участником которых также оказался генерал Врангель. Еще с начала 1919 года местный «парламент» – Законодательная Рада – стремился к утверждению Кубанского Казачьего Войска как независимого, самостоятельного государства. «Самостийная» политика Кубани выражалась в установлении таможенных границ, запрете на вывоз продовольствия за пределы Области, пропаганде «кубанской демократии». Часто с трибуны Рады звучали призывы к созданию отдельной Кубанской Армии, подчиненной только доморощенным генералам и офицерам. Кавказская же Армия, хотя и состояла в значительной части из кубанских казачьих полков, была подчинена руководству Вооруженных Сил Юга России, ответственные посты в ней занимали офицеры неказачьего происхождения. Под влиянием «радянской» агитации

и под предлогом «переформирования» с фронта начали уходить сотни казаков, а истощенные войной станицы отказывались направлять в Кавказскую Армию новобранцев. Все это не могло не беспокоить Врангеля, отмечавшего в своих рапортах опасность разложения кубанских частей «преступной пропагандой». Наконец, выступая от имени «независимой Кубани», делегация членов Рады в Париже заключила предательский договор с правительством несуществующей «Горской Республики», и это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения. «Усмирение» непокорной Рады было поручено П. Н. Врангелю. 6 ноября он отдал приказ по Армии об аресте и предании военно-полевому суду двенадцати наиболее скомпрометировавших себя депутатов, а уже на следующий день член «парижской делегации» А. И. Калабухов был публично повешен в Екатеринодаре. «Кубанское действо», проведенное при непосредственном участии Врангеля, безусловно, не добавило ему симпатий со стороны казаков, а на все деникинское правительство навлекло обвинения оппозиции в «подавлении интересов казачества».

Тогда же, в ноябре 1919 года, Петр Николаевич продолжал встречаться с членами Совета Государственного Объединения России. А. В. Кривошеин, с которым он общался в те дни, «никак не сочувствовал политике Главнокомандующего, ставил генералу Деникину в вину отсутствие определенной, реальной программы и неудачный выбор сотрудников». «Люди государственного опыта и знания, – подчеркивал Кривошеин, явно имея в виду себя и своих единомышленников, – к работе не привлекались, Ставка боялась обвинения в контр-революционности, подчеркивая [свой] либеральный демократизм». Врангель вполне сходился со своим собеседником в оценке Деникина, которого считал утрачивающим чувство реальности: «ревнивый к своей власти… генерал Деникин боялся сильных, самостоятельных людей». Таким образом, к моменту назначения Врангеля на должность командующего Добровольческой Армией раскол между ним и Деникиным все более и более углублялся.

Ставка объясняла это назначение необходимостью перемены тактики на фронте. Создаваемая конная группа под командованием Врангеля должна была остановить наступление Красной Армии, разгромить конный корпус С. М. Буденного. С другой стороны, в подобном назначении были заинтересованы и симпатизирующие Петру Николаевичу деятели некоторых политических и общественных кругов, поскольку пост командарма Добровольческой мог стать последней ступенькой к посту Главнокомандующего. По воспоминаниям возглавлявшего Отдел пропаганды профессора К. Н. Соколова, в назначении

Врангеля была заинтересована и часть офицеров самой Ставки: «Штабная молодежь видела в этом назначении большую свою победу над “высшими сферами”. Они добивались его целый месяц». Этим кругам импонировал «аристократизм» нового командарма, «штабисты» рассчитывали потеснить «армейцев-первопоходников», связанных с Май-Маевским.

Однако смена командования сама по себе не могла сразу улучшить положение на фронте. Чтобы сориентироваться на незнакомом театре военных действий, Врангелю нужно было время; кроме того, в условиях слабости воинских частей, отсутствия нормального снабжения и связи, а также укрепленных оборонительных рубежей в тылу, проведение задуманной операции оказалось невозможным. Лихой контрудар конной группы, подобный весеннему, «царицынскому», сорвался. Не удалось и удержать силами Добровольческой Армии Донбасс. Не получилось произвести перегруппировку, а одна из самых прославленных дивизий – Марковская – оказалась окруженной и понесла значительные потери. В конце декабря 1919 года части Добровольческой Армии были расчленены, «белые столицы» – Новочеркасск и Ростов-на-Дону – спешно эвакуировались, а уменьшившиеся более чем в десять раз полки Добровольцев отошли за Дон. Остатки Армии были сведены в корпус под командованием генерал А. П. Кутепова, а Врангель «ввиду расформирования Армии зачислен в распоряжение Главнокомандующего».

* * *

Зимой 1919/1920 года конфликт П. Н. Врангеля со Ставкой и самим Деникиным перешел в открытое противостояние. После впечатляющих успехов лета – осени резкая перемена боевого счастья и последующее оставление за какие-то два месяца столь обширной территории воспринимались очень болезненно. На вопрос «кто виноват?», казалось бы, ясно отвечала переписка Врангеля с Главнокомандующим, уже получившая известность на фронте и в тылу. Что же вызывало наибольшее недовольство Петра Николаевича?

Уже 27 ноября в своем приказе – первом по вступлении в командование Добровольческой Армией – генерал, отмечая ее доблесть, заявлял также: «Ограждая честь и достоинство армии, я беспощадно подавлю темные силы: погромы, грабежи, насилия, произвол и пьянство безжалостно будут караться мною». В этих пороках фактически обвинялись те самые полки, руководить

которыми предстояло новому командарму. Еще более резко высказывался он в рапорте Деникину, датированном 9 декабря: «…Беспрерывно двигаясь вперед, армия растягивалась, части расстраивались, тылы непомерно разрастались… Война обратилась в средство наживы, а довольствие местными средствами – в грабеж и спекуляцию… Армия развращалась, обращаясь в торгашей и спекулянтов… Население, встречавшее армию при ее продвижении с искренним восторгом, исстрадавшееся от большевиков и жаждавшее покоя, вскоре стало испытывать на себе ужасы грабежа, насилий и произвола. В итоге – развал фронта и восстания в тылу… Армии, как боевой силы, нет».

Петр Николаевич начинает и поиск путей к смене командования Вооруженных Сил Юга России. Еще в начале декабря 1919 года по инициативе Врангеля предполагалось провести совещание командующих Армиями, в котором Деникин заподозрил подготовку к «свержению власти главнокомандующего», но тогда оно не состоялось. После того, как Петр Николаевич оставил пост командарма, он был направлен на Кавказ для проведения мобилизации казаков и попытался установить там союз с оппозиционными силами, опираясь на казачьих генералов А. Г. Шкуро и В. Г. Науменко. Однако и эти расчеты не оправдались.

Врангелю хотели дать назначение в Штаб Главноначальствующего Новороссийской области генерала Н. Н. Шиллинга, и в январе 1920 года Петр Николаевич выехал для этого в Крым. Его приезд совпал с мятежом капитана Н. И. Орлова, требовавшего смены руководства Армией и наведения порядка в тылу. В Ставке подозревали, что «Орловщина» была инспирирована самим Врангелем, рассчитывавшим оказать давление на Ставку и вернуть потерянное положение, а возможно, и занять пост Главнокомандующего. О поддержке Врангеля заявили офицеры Черноморского Флота, предложившие генералу Шиллингу уступить свой пост (даже без согласия Деникина) Петру Николаевичу. Один из ближайших сотрудников Главнокомандующего, генерал А. С. Лукомский, телеграфировал в Ставку, что Шиллинг дискредитировал себя военными неудачами: «Выход один – это немедленное назначение Врангеля на место Шиллинга». Получил Деникин и обращение «общественных деятелей Крыма» с требованием поставить «во главе власти в Крыму… лицо, заслужившее личными качествами своими и боевыми заслугами доверие как армии, так и населения… Таковым лицом, по единодушному убеждению крымских гражданских и военных кругов, является генерал

Врангель, ныне находящийся в Крыму». Правда, документ был подписан «деятелями», не имевшими к крымской «общественности» никакого отношения (А. И. Гучков, князь Гагарин, член Совета Государственного Объединения России Н. В. Савич, сенатор Г. В. Глинка просто проживали на полуострове); руководившие же обороной Крыма генералы Шиллинг и Слащов никакого «убеждения» в необходимости назначения Врангеля не выражали.

Несколько раньше в том же январе, накануне падения Белой Одессы, известный политик и публицист В. В. Шульгин, генерал А. М. Драгомиров и видный деятель конституционно-демократической партии В. А. Степанов провели частное совещание, на котором признали возможным произвести смену командования, поддержав кандидатуру П. Н. Врангеля. Таким образом, давление на Ставку шло сразу по многим направлениям, и у генерала Деникина должно было создаться впечатление, что фронт и тыл выступают за Врангеля, которого и следовало бы вернуть к активной деятельности на высших военных постах. Примечательно, что во всем этом «походе на власть», как назвал его Деникин, главную роль играл уже не сам барон, а те политические группы и круги (в первую очередь – Совет Государственного Объединения), которые его поддерживали, имея чисто практический расчет – сменив Главнокомандующего, придти за ним к власти самим. При этом предполагалось произвести смену не только руководства, но и всего политического курса южнорусского Белого движения. Надежды питали все: «правым» импонировали «гвардейское прошлое» и «монархизм» барона, «левые» уповали на то, что, придя к власти, он будет проводить «демократические» преобразования.

Как же относился ко всей этой борьбе за власть сам Петр Николаевич? Будучи человеком честолюбивым, уверенным в своей правоте, он был искренне убежден в том, что армия и тыл полностью поддерживают его и желают смены руководства, только исходя из соображений более эффективной борьбы с большевиками. Генерал Б. А. Штейфон проницательно писал об этом: «По складу ума, характера и по своим мировоззрениям А. И. Деникин и П. Н. Врангель были людьми совершенно различными. И судьбе было угодно, чтобы столь разные натуры усвоили, каждый вполне самостоятельно, одно и то же убеждение. Генерал Деникин и генерал Врангель заподозрили друг друга в том, что их расхождения… объясняются не идейными соображениями, а исключительно личными мотивами. Это трагическое, но вполне добросовестное заблуждение повлекло за собою много печальных и тяжелых последствий…» А заключительным актом этого

конфликта стало состоявшееся 8 февраля 1920 года увольнение генерала П. Н. Врангеля в отставку.

В последних числах февраля семья Врангелей покидает Крым, отправившись в Константинополь с намерением далее проехать в Сербию. Вместе с ними Белый Юг покинули А. В. Кривошеин, П. Б. Струве, давний соратник Врангеля генерал П. Н. Шатилов. Вооруженная борьба в Крыму и на Северном Кавказе казалась безнадежно проигранной, а положение А. И. Деникина – обреченным. Но неожиданно из Севастополя пришли известия о готовящемся военном совете, на котором предполагалось решить вопрос о назначении нового Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. Уставший от тяжелой двухлетней борьбы, надломленный неудачным завершением «похода на Москву» и потерявший веру в возможность дальнейшего успешного руководства борьбой, генерал Деникин заявил своим приближенным о сложении с себя полномочий Главнокомандующего. Военный совет, созываемый под председательством генерала А. М. Драгомирова, должен был назвать новую кандидатуру на этот пост.

Исход совета, состоявшегося 21–22 марта 1920 года, был по сути предрешен. По свидетельству одного из его участников, генерала П. С. Махрова, председательствовавший Драгомиров, игнорируя неоднократно высказанное мнение офицеров о необходимости Деникину остаться в должности Главкома, повторял, что решение Антона Ивановича об отставке окончательно. Неожиданно выступивший капитан 1-го ранга Рябинин назвал фамилию Врангеля, сразу же поддержанную присутствовавшими моряками. После этого «Драгомиров поторопился закрыть заседание без баллотировки имени Врангеля и поручил… доложить ген[ералу] Деникину о результате решения Военного Совета». П. Н. Врангель на английском дредноуте «Император Индии» прибыл в Севастополь, и 22 марта генералом Деникиным был издан прощальный приказ, передававший ему полномочия Главнокомандующего.

Итак, «деникинский период» истории Белого движения завершился. Новому вождю предстояло разрешить огромное количество проблем, доставшихся ему по наследству, а главное – вернуть Армии веру в победу. И эти последние страницы Гражданской войны на Юге России стали в жизни Петра Николаевича поистине «звездным часом» и временем наивысшего напряжения сил и энергии в борьбе за удержание «последней пяди Русской Земли» – Белого Крыма.

* * *

Экономическое положение полуострова весной 1920 года было крайне тяжелым. На нем проживало более семи миллионов человек, из которых около 150 тысяч состояли на армейском довольствии, реальных же бойцов насчитывалось всего 20–25 тысяч. Продовольственные запасы были скудны. При годовой потребности в 9 миллионов пудов зерновых и 12 миллионов пудов зернофуражных культур на продовольственных складах находилось всего 130 тысяч пудов муки и 90 тысяч пудов зернофуража. В то же время в крестьянских хозяйствах излишки продовольствия, оставшиеся от урожайного 1919 года, составляли около 6 миллионов пудов продовольственных хлебов и около 8 миллионов пудов зернофуража, но крымские крестьяне отказывались отдавать хлеб, не получая взамен промышленных товаров и мануфактуры. Цены на продовольствие росли (на хлеб – вдвое по сравнению с прошедшей осенью). В переполненных крымских городах в жутких условиях проживало до полумиллиона беженцев, больных и раненых.

Тяжело было и на фронте. После того, как зимой крымские перешейки были удержаны корпусом генерала Я. А. Слащова, наступило относительное затишье. Однако, за исключением фронтовых частей, боеспособных войск в Крыму не было, а эвакуированные из Новороссийска можно было считать в значительной степени деморализованными. Корабли Черноморского Флота не имели запасов топлива даже для того, чтобы выйти в море, не говоря уже о возможности эвакуации Армии и беженцев за границу. П. Н. Врангель считал, что в случае прорыва большевиков в Крым спасти не удалось бы никого.

Положение усугублялось еще и тем, что представители союзной Великобритании накануне отплытия Врангеля из Константинополя в Крым вручили ему ультиматум, заявлявший об отказе от дальнейшей поддержки белых и необходимости переговоров с Советской Республикой. Однако Петру Николаевичу удалось, формально признав выдвинутые ему условия, заручиться поддержкой еще на два месяца, после чего предстояло или сдаться на милость врага, или попытаться продолжить вооруженную борьбу, рассчитывая уже только на собственные силы.

Но очень многие в Крыму были угнетены сознанием бесплодности борьбы. Если закончился поражением «поход на Москву», можно ли надеяться на возможность успешной обороны крохотного полуострова? От Главнокомандующего требовалось ясное, определенное слово о том, что ждет Белый Крым дальше, и оно было произнесено уже 25 марта во время торжественного парада и молебна на Нахимовской площади в Севастополе.

Епископ Севастопольский Вениамин (Федченков) обратился к войскам с ободрением: «Месяц тому назад русская армия, прижатая к морю у Новороссийска, умирала. Быть может, через два месяца она воскреснет и одолеет врага…» Об этом же говорил и Врангель: «…Я верю, что Господь не допустит гибели правого дела, что Он даст мне ум и силы вывести армию из тяжелого положения. Зная безмерную доблесть войск, я непоколебимо верю, что они помогут мне выполнить мой долг перед родиной, и верю, что мы дождемся светлого дня Воскресения России».

Итак, новый Главнокомандующий подтвердил, что только продолжение вооруженной борьбы с Советской властью остается для него единственно возможным путем. Но теперь требовалось восстановление и укрепление разрушенного фронта и тыла, и здесь Петру Николаевичу приходилось ориентироваться в незнакомой ему политической жизни. При этом он проявил себя гибким политиком, человеком, обладающим редким даром находить людей, способных руководить различными областями хозяйства и общественной жизни. Современники неоднократно отмечали его прагматизм в подборе сотрудников. Так, по свидетельству председателя Таврической губернской земской управы князя В. А. Оболенского, Врангель «подходил к власти без каких-либо предвзятых мыслей… с верой в свою интуицию и в умение делать политические выводы из опыта жизни. Он ставил себе определенную цель, а средства готов был выбирать любые».

Аппарат управления пришлось создавать заново. Реорганизации подверглись и высшие органы власти – распущенное еще А. И. Деникиным Южно-Русское Правительство было заменено «Советом при Главнокомандующем», должность Председателя в котором занял хорошо известный Главкому А. В. Кривошеин. Несмотря на неоднократные заявления о «беспартийном» характере врангелевского кабинета, он не представлял собой коалиции нескольких политических групп и партий (какой было Особое Совещание при Деникине): основные посты теперь достались представителям Совета Государственного Объединения России, лично знавшим Врангеля ранее и поддерживавшим его во время конфликта со Ставкой в 1919 году. В то же время принцип единоличной диктатуры, утвердившийся на Белом Юге еще во время первых походов, неукоснительно соблюдался и во врангелевском Крыму. Ни один сколько-нибудь существенный закон или приказ не мог быть введен в действие без санкции самого Главнокомандующего, Совет при котором превращался, таким образом, действительно лишь в совещательный орган. «Мы в осажденной крепости, – говорил сам Врангель, – и лишь единая твердая власть может спасти

положение. Надо побить врага прежде всего, сейчас не место партийной борьбе… все партии должны объединиться в одну, делая внепартийную деловую работу. Значительно упрощенный аппарат управления мною строится не из людей какой-либо партии, а из людей дела. Для меня нет ни монархистов, ни республиканцев, а есть лишь люди знания и труда».

Новому Главнокомандующему предстояло учесть все ошибки своего предшественника. В заявлении для крымской печати от 10 апреля П. Н. Врангель выделил главные причины неудач Белого движения в 1919 году: «…Стратегия была принесена в жертву политике, а политика никуда не годилась. Вместо того, чтобы объединить все силы, поставившие целью борьбу с большевизмом… проводилась… частная политика, руководители которой видели во всем том, что не носило на себе печать "добровольцев", – врагов России… провозгласив единую, великую и неделимую Россию, пришли к тому, что разъединили все антибольшевистские русские силы и разделили всю Россию на целый ряд враждующих между собой образований». Здесь же генерал определил основную задачу деятельности своего Правительства: «…Не триумфальным шествием из Крыма к Москве можно освободить Россию, а созданием хотя бы на клочке русской земли такого порядка и таких условий жизни, которые потянули бы к себе все помыслы и силы стонущего под красным игом народа». Тем самым почти что провозглашался отказ от главной цели южнорусского Белого движения – немедленного занятия Москвы – и пропагандировалась попытка создать из Крыма своего рода плацдарм, территорию, на которой возможно было бы реализовать новую политическую программу. И хотя достигнуть успеха в конце концов не удалось, опыт государственного строительства в 1920 году стал весьма показательным с точки зрения эволюции Белого движения на Юге России.

В области национальной политики и взаимоотношений с казачеством врангелевское Правительство постулировало отказ от принципа «единой, неделимой России» в его деникинском понимании. В 1920 году были уже забыты призывы к борьбе с «самостийностью», а сам П. Н. Врангель всячески подчеркивал свою лояльность к казачьим федеративным образованиям. 22 июля в Севастополе Правителем Юга России и представителями Дона, Кубани, Терека и Астрахани было торжественно заключено соглашение, в соответствии с которым казачьим войскам гарантировалась «полная независимость в их внутреннем устройстве и управлении». В то же время Главнокомандующий сохранял за собой право руководства «всеми вооруженными

силами» казачьих областей, контролировал железнодорожное сообщение, средства связи, финансовую систему и таможенную политику в этих регионах. В ведении Правителя оставалась и внешняя политика, но, несмотря на все эти оговорки, формально принцип федеративной автономии был все же впервые провозглашен во врангелевской Белой Таврии.

В сентябре – октябре предпринимались попытки заключить союз, на основе признания горской федерации, и с представителями горцев Северного Кавказа, используя для этого контакты с внуком Шамиля. В отношении признания самостоятельности Украины новое Правительство Юга России также стремилось избежать ошибок своих предшественников из Особого Совещания. Во время прибытия в Крым делегации «украинцев-федералистов» Врангель заявил, что он «готов содействовать развитию национальных демократических сил, базируясь на принципах, уже выраженных в соглашении, достигнутом между главным командованием и казачьими областями». 26 октября Правителем даже был издан приказ, объявляющий украинский язык «общегосударственным» наравне с русским, что совершенно исключалось в 1919 году. Подобные шаги, впрочем, были продиктованы в первую очередь расчетом на создание общего фронта с остатками петлюровских войск, опиравшихся на Подолию и пытавшихся, в свою очередь, войти в контакт с белыми для совместных действий. Таким образом, в национальной политике Врангеля лозунг «с кем хочешь – но за Россию», то есть «против большевиков», был главным.

Не менее показательными в этом отношении были и попытки «союза» Белого Главнокомандующего с Н. И. Махно. Один из самых удачливых украинских повстанцев становился теперь желательным союзником. В Ставке было составлено обращение к «батьке», провозглашавшее: «Главное командование русской армии извещает вас, что оно ведет борьбу только с коммунистами и комиссарами и идет заодно с русским народом. Девиз русской армии: народу – земля, народу – права; сам народ будет решать судьбу свою». Подчеркивая «демократизм» своей политики, Белое руководство предлагало формированиям Махно совместно действовать против большевиков. Однако из подобного «союза» ничего не получилось, а передавшие обращение офицеры были махновцами убиты. В то же время атаманы более мелких повстанческих отрядов (Хмара, Чалый, Савченко) поддержали Врангеля, публикуя, в свою очередь, воззвания, призывавшие к союзу с белыми, и содействовали им во время боевых действий летом – осенью 1920 года, а «атаман» Володин с санкции Главкома даже формировал в Крыму «особый партизанский

отряд», впоследствии, правда, попытавшись обратить его против белых (за это он был казнен).

* * *

Но главным во всей внутренней жизни Белого Крыма в 1920 году стала аграрная политика. Земельная реформа Правительства Юга России была рассчитана на создание новой социальной базы Белого движения, более широкого привлечения на свою сторону не только офицерства и интеллигенции, но и зажиточного и среднего крестьянства, способного снабжать армию и тыл, производящего товарную продукцию для внутренней и внешней торговли, поддерживающего распоряжения Белой администрации. Эта «опора на крестьян» обеспечила бы, по мнению П. Н. Врангеля, «победу над большевизмом», «построение новой России на началах законности и уважения права собственности».

Белым правительствам Юга России приходилось считаться с изменившимися условиями сельской жизни, когда большинство частновладельческих хозяйств было разгромлено, а их земля распределена между крестьянами, и южнорусская деревня пристально следила, как та или иная власть отнесется к совершившемуся «черному переделу». Деникинское Особое Совещание, провозгласив сохранение права собственности на землю, так и не определило, кто же будет распоряжаться «захваченной» землей – бывшие помещики или крестьяне-«захватчики». Считалось необходимым проведение принудительного отчуждения части помещичьих земель за плату, однако предполагалось провести его только после занятия Москвы и окончания Гражданской войны. Подобная позиция «непредрешения» считалась одной из главных причин неприязни большинства крестьянства к Белой власти, а злоупотребления местных представителей гражданской или военной администрации порой способствовали росту повстанчества. Перед правительством Врангеля ставилась задача доказать крестьянам, что оно стремится содействовать удовлетворению интересов села.

П. Н. Врангель придавал большое значение своевременному принятию законодательных актов по земельной реформе. Видя, что оно затягивается (в Ялте в течение апреля – мая заседали две комиссии под председательством Управляющего земледелием и землеустройством сенатора Г. В. Глинки, но единый законопроект так и не был выработан), Главнокомандующий принял решение опубликовать соответствующие распоряжения своим приказом.

Накануне готовящегося наступления, 25 мая 1920 года, были обнародованы «Приказ о земле», «Правила о передаче распоряжением Правительства казенных, Государственного Земельного Банка и частновладельческих земель сельскохозяйственного пользования в собственность обрабатывающих землю хозяев» и «Временное Положение о земельных учреждениях». В соответствии с ними все земельные угодья оставались «в распоряжении обрабатывающих их хозяев» независимо от того, на каком праве эта обработка основывалась (тем самым фактически признавался законным «захват» частновладельческих земель после 1917 года). «Захваченные земли» закреплялись в собственность крестьян после уплаты (деньгами или натурой) государству «пятикратного среднего за последние 10 лет урожая зерновых» данного района. Бывшие владельцы полностью исключались из процедуры расчета с крестьянами-«захватчиками», более того, специальным распоряжением Врангеля помещикам было воспрещено возвращаться в свои имения и занимать любые административные должности в местностях, где эти имения находились, – передачу же выкупа государство брало на себя. Отчуждение, однако, не было всеобщим. Из списка отчуждаемых земель (на первом месте в нем были земли, длительное время сдаваемые в аренду) исключались хуторские, отрубные земли (то есть владения тех же крестьян-собственников), а также земли, имеющие «культурное, общественно-полезное значение»: тем самым государство защищало от ликвидации многие ценные хозяйства, как, например, известное имение баронов Фальц-Фейнов «Аскания Нова», переданное Таврическому университету; не подлежали разделу и бывшие имения Членов Императорской Фамилии.

За прежними помещиками Крыма и Северной Таврии могли оставаться земли только в размерах, не превышавших установленные уездными и волостными крестьянскими советами. Создание этих органов, избираемых самими крестьянами, было заметным шагом вперед по сравнению даже со знаменитой реформой П. А. Столыпина (осуществление которой в свое время поручалось землеустроительным комиссиям), поскольку теперь сами крестьяне-собственники могли решать вопросы сельской жизни. Задачи аграрно-крестьянской реформы признавались приоритетными во всей внутренней политике Правительства Юга России. На пропаганду ее среди крестьянства были выделены большие средства.

25 мая началось наступление, и сразу же по мере освобождения уездов Северной Таврии вступали в силу и

перечисленные приказы Главнокомандующего. «Армия должна нести землю на штыках», – говорил Врангель. Уже в июле – августе прошли первые выборы волостных земельных советов в Северной Таврии. В августе был произведен первый раздел между крестьянами помещичьего имения («Атманай», владение Шатилова-Фелибера в Мелитопольском уезде). К концу пребывания белых войск в Таврии выборы советов прошли уже в 90 волостях из 140, были проведены разделы почти двадцати имений, определены размеры земельных участков, закрепляемых в собственность за крестьянами и оставляемых помещикам. В Симферополе стала издаваться газета «Крестьянский Путь», активно пропагандирующая земельную реформу. Там же начал работу «Крестьянский Союз России», по формулировке своего устава призванный развивать «на основах крестьянской земельной и хозяйственной собственности благосостояние крестьянства как источника материально-культурного благополучия крестьян и экономического возрождения России», «объединять крестьянство России в политически организованную силу, спаянную общими интересами, влияющую на проведение в жизнь крестьянских интересов в общественной, социальной и государственной жизни». Однако земельная реформа с первых же месяцев своей реализации столкнулась и со значительными трудностями.

Крестьянство Таврии, пострадавшее от войн и разрухи, не было в тот момент заинтересовано в получении дополнительных участков земли, даже и закрепляемых в собственность. В условиях нестабильности фронта не могло быть и уверенности в прочности Белой власти, надежности проводимых ею земельных преобразований. Слишком большим (20 % от урожая 1920 года) казался и вводимый выкуп за землю, несмотря на его рассрочку на 25 лет. В Таврии продолжалось сокращение посевных площадей – до 30 % по сравнению с 1916 годом. Большой урожай зерна, снятый в 1919 году, позволял крестьянам обеспечивать потребности собственных хозяйств, снабжать же армию и тыл в условиях большой дороговизны и неналаженного товарообмена было невыгодно. Поэтому сдача 20 % приносила весьма скромные плоды – так, в сентябре на ссыпные пункты Крыма поступило лишь несколько сот пудов зерновых и зернофуражных культур вместо ожидавшихся нескольких тысяч. Очевидно, что в случае более длительного пребывания белых в Таврии реализация реформы могла бы дать более ощутимые результаты, но летом – осенью 1920 года говорить о ее «успехе» или «безусловной поддержке со стороны крестьянства» еще не приходилось.

Но если в области аграрной политики Правительство Юга

России могло констатировать определенные, хотя и небольшие положительные результаты, то в области финансов, в промышленности дела обстояли значительно хуже. Обесценение крымского рубля достигло к концу октября 1920 года катастрофических размеров – на Константинопольской бирже 1 фунт стерлингов расценивался в 215 тысяч рублей. Если за весь 1919 год на Белом Юге было напечатано денежных знаков на сумму около 3 миллиардов рублей, то с февраля по октябрь 1920-го денежная экспедиция в Феодосии изготовила их на сумму около 177 миллиардов.

Местная крымская промышленность практически полностью обслуживала нужды фронта. Мануфактуру, топливо, даже продовольствие приходилось ввозить из-за границы. Цены в крымских городах продолжали расти – фунт пшеничного хлеба с апреля по октябрь вздорожал с 35 до 500 рублей, а фунт сахара – с тысячи до девяти тысяч. Цены на промышленные товары росли еще быстрее, и пара обуви стоила в августе 42 тысячи, а рубаха – 6 тысяч рублей. В то время как заработная плата рабочих возрастала параллельно и даже с некоторым опережением по сравнению с ценами (минимальная ставка рабочего-металлиста возросла в 6 раз, средняя ставка строительного рабочего – в 12 раз, ставка печатника – в 24 раза), – заработная плата служащих практически не увеличивалась, составляя, например, в августе 1920 года всего около 30 тысяч, тогда как рабочие типографии получали около 65 тысяч рублей. В подобных условиях жизнь в Крыму, особенно в городах, была очень тяжелой, армия и гражданское население ожидали от власти поддержки, не столько, может быть, материальной, сколько духовной, – уверенности в том, что переносимые лишения не напрасны. И огромную роль в этом играла деятельность самого Правителя Юга России генерала П. Н. Врангеля.

* * *

В «крымский» период своей биографии Петру Николаевичу приходилось с огромным напряжением сил и воли поддерживать нормальную работу фронта и тыла. В. В. Шульгин вспоминал: «В этом человеке чувствовался ток высокого напряжения. Его психическая энергия насыщала окружающую среду… Эта непрерывно вибрирующая воля, вера в свое дело и легкость, с какой он нес на себе тяжесть власти, власти, которая не придавливала его, а, наоборот, окрыляла, – они-то и сделали это дело удержания Тавриды, дело, граничащее с чудесным…» По

наблюдениям политика и журналиста Н. Н. Чебышева, генерал Врангель «постоянно жил какой-то потусторонней жизнью, дышал дыханием носившейся вдалеке цели», пребывая в состоянии «духовного возбуждения с оттенком экстаза». Буквально каждый день он проводил или на фронте, или в поездках по крымским городам, или в постоянных беседах, встречах, аудиенциях, даваемых и частным лицам, и представителям духовенства, политических организаций, купцам, промышленникам, крестьянам… Добросовестно стараясь вникнуть во все обстоятельства разбираемых проблем, генерал не считал себя вправе оставить без рассмотрения какие-либо дела или прошения. В то же время ему, не обладавшему достаточной осведомленностью во многих гражданских областях, приходилось передавать ряд дел на рассмотрение своих помощников. Сам он так признавался в этом: «Беда в том, что ко мне обращаются с разными вопросами по государственному устройству, по всяким экономическим и торговым вопросам, – что я им могу сказать? Я должен верить тем, кто мне говорит. Я этого не люблю. Дайте мне конный корпус, и я покажу!»

Но большая трата сил и энергии не была напрасной. Очень многие и на фронте, и в тылу считали, что только благодаря постоянной борьбе можно удержать «последнюю пядь Русской Земли», и значение фигуры Врангеля в этом невозможно переоценить. О последнем смотре им Корниловской ударной дивизии 1 сентября 1920 года один из ударников вспоминал: «Прибытие Главнокомандующего, его пламенная речь и неподражаемый его вопль (иначе нельзя выразиться) – “Орлы-ы-ы Корниловцы-ы-ы!” – сопровождались для меня непрерывной нервной дрожью и доходившим почти до взрыва внутренним рыданием… Мощный хриповатый голос Главнокомандующего казался надорванным и как бы выражал собой надорвавшуюся Добровольческую армию…»

Да, постоянное, ежедневное, ежечасное напряжение борьбы требовало от ее вождя огромных усилий. Особенно болезненно воспринимались им в такой обстановке любые, даже самые мелкие недостатки работы гражданской администрации или ошибки военного командования. Несмотря на то, что в руководстве Белой Таврии было немало людей профессионального опыта и знаний, все же недостаток высококвалифицированных и, главное, честных специалистов, особенно на среднем и низовом уровнях управления, ощущался очень остро. По воспоминаниям одного из офицеров Штаба Главнокомандующего, Врангель возмущался этим, восклицая: «Где же мне взять честных, толковых людей?!»

Как мало людей хотело приобщиться к «крымской авантюре», наглядно показало проведенное в начале октября «финансово-экономическое совещание», куда были приглашены из эмиграции такие авторитетные деятели, как бывший министр финансов П. Л. Барк, председатель правления Азовско-Донского банка Каминка, известный финансист и промышленник В. П. Рябушинский… Несмотря на констатацию в итоговых документах совещания, что «производительные силы края и платежные средства населения… с избытком покрывают текущие расходы управления» и «в крае, опустошенном войной и большевицкими приемами управления, быстро крепнут основы свободной хозяйственной жизни и обновленного гражданского строя», – пути преодоления кризиса оно видело лишь в «обеспечении заграничных кредитов», а приглашенные экономисты и политики отказались принять должности во врангелевском правительстве. Во многих вопросах генерал Врангель оказывался одиноким…

Неудивительно, что в этой ситуации Главнокомандующий считал необходимым усиление влияния религии на нравственное состояние армии и тыла, и деятельность Православной Российской Церкви приобрела в Крыму большое значение. Один из офицеров вспоминал, что при весеннем наступлении белых в Северную Таврию, «кажется, в первый раз за всю гражданскую войну полковые священники были на месте: напутствовали части в бой, хоронили убитых и жителям напоминали, что пришло Христолюбивое Воинство». Управление военным и морским духовенством учредило должности десяти штатных «проповедников армии», в числе которых были не только духовные лица, но и миряне. Праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня (14 сентября) был объявлен Главнокомандующим «Днем Покаяния», а два предшествовавших дня – «днями траура и молитвенной памяти убиенных и в смуте погибших». В эти дни запрещались «всякого рода публичные зрелища и увеселения», должны были совершаться торжественные богослужения, во время которых оглашалось особое послание народу; написанное в возвышенных словах, оно призывало всех к покаянию в грехах. В Севастополь прибыла чудотворная икона Божией Матери «Знамение», вывезенная при отступлении из Курской-Коренной пустыни. В дни покаяния икона была встречена на пристани коленопреклоненным генералом Врангелем, а затем в его поезде перевозилась по городам Таврии до Мелитополя и далее – до линии фронта.

* * *

И разумеется, продолжение вооруженной борьбы в Таврии было бы невозможным без хорошо организованной, дисциплинированной Армии. Наследство и здесь оказалось незавидным: части Вооруженных Сил Юга России, отступившие в Крым, были истощены беспрерывными боями лета – осени 1919 года; неудача «похода на Москву» подорвала дух Армии, везде чувствовалась усталость, разочарование в успехе борьбы с Советской властью. Принципы «добровольчества», в той или иной мере сохранявшиеся с 1918 года, себя не оправдывали. Требовалось укрепление дисциплины, сплоченности войск. Большой вред приносили многочисленные штабные структуры, интендантства, тыловые службы полков и дивизий, так на деле никогда и не сформированных. Генерал Врангель был решительным противником подобных явлений. Не связанный со своеобразной «добровольческой» дисциплиной, при которой капитан-«первопоходник» мог стать по должности выше полковника Императорской Армии, новый Главнокомандующий был активным сторонником возвращения к традиционным принципам организации и со всей решительностью взялся за переформирование существовавших воинских структур. В течение марта – апреля было ликвидировано около пятидесяти «бумажных» полков, дивизий и отрядов, весь боевой состав которых подчас не превышал нескольких десятков штыков или шашек. По инициативе П. Н. Врангеля получает широкое распространение термин «Русская Армия», в большей степени, чем прежний, подчеркивающий преемственность и традиции. Происходят изменения и в наградной системе – учреждается орден Святителя Николая Чудотворца, статут которого был близок к статуту Императорского ордена Святого Георгия. К весеннему наступлению, начавшемуся 25 мая, армия была вполне подготовлена, ее части пополнили свои ряды, получили новое обмундирование и вооружение. Эту армию высоко оценивали даже ее противники. М. В. Фрунзе писал: «В результате лихорадочной деятельности Врангеля удается превратить разложившиеся деморализованные, утратившие боеспособность банды в крепко сколоченные, хорошо снабженные и руководимые опытным командным составом войсковые части».

Бои, развернувшиеся на просторах таврических степей, отличались большим упорством и ожесточенностью. Уже в июне в результате отлично спланированной и подготовленной Штабом Главнокомандующего операции был разгромлен один из лучших конных корпусов Красной Армии, возглавлявшийся Д. П. Жлобой. В то же время красным удалось в июле переправиться через Днепр у Каховки и захватить плацдарм, который в течение последующих

месяцев, до октября, будет постоянно угрожать белым возможностью нанесения с него удара на Перекоп, отрезающего фронт от крымских перешейков. Июль и август прошли в беспрерывных боях, в результате которых численный состав Русской Армии уменьшился более чем наполовину, а пополнения (прибывшие из Польши части, отступившие туда после неудачи в кампании 1919 года, а теперь возвращенные в Россию через Румынию) по своим боевым качествам оказывались ниже испытанных в сражениях старых добровольческих кадров; то же можно было сказать и о мобилизованных тавричанах. Истощенный многочисленными мобилизациями Крым уже не мог давать подкреплений. В строй белых полков ставились военнопленные красноармейцы, нередко снова сдававшиеся в плен в первых же сражениях. Но, несмотря на все это, борьба продолжалась.

В сентябре, в ходе наступления на Каменноугольный бассейн, Русская Армия достигла своих наибольших успехов. Казаки Донского корпуса уже видели терриконы шахт Донбасса, советские учреждения спешно эвакуировались из Екатеринослава. Но здесь Врангеля ожидала та же неудача, которая годом раньше свела на нет все победы Деникина. Фронт снова растянулся, а немногочисленные, хотя и сильные духом полки Русской Армии оказались не в состоянии его удержать.

Впрочем, даже в этих условиях Главнокомандующим было принято решение продолжать дальнейшее наступление для расширения занятого плацдарма. Был форсирован Днепр в районе Александровска, и Кубанская конница стала развивать наступление на Правобережьи. Однако 30 сентября был убит командовавший конной группой генерал Н. Г. Бабиев. Окончилась полной неудачей лобовая атака Каховских укреплений красных, несмотря на участие в ней танков. Поражение, по оценке П. Н. Врангеля, привело к тому, что в Армии «исчез порыв, пропала вера в собственные силы… смятение овладело полками».

Положение Белого Крыма усугублялось еще и тем, что в сентябре закончились боевые действия на советско-польском театре, и у руководства Советской Республики появилась возможность перебросить силы с Западного фронта на Южный. Был выдвинут лозунг «Все на Врангеля!». Полки перевозились отовсюду – из Сибири, с Севера, даже из Средней Азии, откуда прибыл возглавить решающее наступление М. В. Фрунзе. Около 200 тысяч штыков и сабель сосредоточило советское командование против 40 тысяч в составе Русской Армии…

Но все-таки Ставка Врангеля по-прежнему рассчитывала дать решающее сражение в Северной Таврии и отказывалась от идеи

отступления в Крым. В этом можно увидеть чрезмерную уверенность Главнокомандующего в возможностях Армии продолжать борьбу, однако скорее стратегия здесь была более прагматической – необходимо было во что бы то ни стало закончить вывоз на полуостров зерна с продовольственных складов Северной Таврии, где скопились миллионы его пудов. На отправке их в Крым для снабжения армии и тыла в течение предстоящей зимы настаивал и А. В. Кривошеин.

Однако наступление большевиков было столь стремительным и сильным, что ослабленные части белых не смогли удержать фронта. Соединения 1-й конной армии С. М. Буденного прорывались к Перекопу, грозя отрезать пути отхода. Неожиданные жестокие морозы ухудшали состояние плохо обмундированных Добровольцев. Лишь доблесть и мужество белых частично спасли положение и позволили большей части Русской Армии все-таки уйти в Крым. Но поражение в Северной Таврии было очевидным. И хотя в официальных сводках Ставки Главнокомандующего говорилось об «организованном», «спланированном» отступлении, при котором красные понесли «большие потери», – по оценке самого Врангеля, результаты сражения оказались гибельными для Армии: «Противник овладел всей территорией, захваченной у него в течение лета… Наши части понесли жестокие потери убитыми, ранеными и обмороженными… Были отдельные случаи массовых сдач в плен… Армия осталась цела, однако боеспособность ее не была уже прежней».

* * *

После отхода Русской Армии на полуостров ее командование планировало организовать оборону, опираясь на «неприступные», как неоднократно объявлялось в крымской прессе, укрепления у Перекопа и Чангара. Население заверялось в возможности «зимовки» в Крыму. Предполагалось, что к весне 1921 года Советская власть будет значительно ослаблена недовольством крестьян и рабочих, и новый «выход из Крыма» будет гораздо более успешным, чем в 1920-м. На заседаниях Правительства Юга России рассматривались вопросы о топливном снабжении городов, проведении съездов новообразованных волостных земств и городских управ. Однако сам П. Н. Врангель, очевидно, считал продолжение вооруженной борьбы в Крыму бесперспективным – следовало только оттянуть возможное падение Перекопских укреплений, многие из которых в действительности существовали

только на бумаге. В крымских портах к ноябрю было накоплено достаточное количество топлива, и, по оценке Главнокомандующего, тоннаж судов также был достаточным для эвакуации всех желающих выехать (необходимо отметить, что об этих приготовлениях знали только сам Врангель и командование Черноморского Флота). О том же, что даже в случае успешной обороны зимовать в Крыму было невозможно, свидетельствует хотя бы тот факт, что запасы зерна на полуострове не превышали 3 миллионов пудов; по самым скромным расчетам, этого количества хватило бы только до марта 1921 года, после чего Крыму угрожал бы голод.

Штурм Перекопских позиций начался в Октябрьскую годовщину. Накануне генерал Врангель присутствовал на благотворительном вечере Корниловского Союза. «Мое отсутствие на вечере, устроенном союзом полка, в списках которого я состоял, могло дать пищу тревожным объяснениям, – вспоминал он впоследствии. – Я пробыл на вечере до 11 часов, слушая и не слыша музыкальных номеров, напрягая все усилия, чтобы найти ласковое слово раненому офицеру, любезность даме-распорядительнице». А тем временем на фронте разразилась катастрофа.

Предпринятые по инициативе Главнокомандующего перегруппировки не были закончены к моменту штурма, и белым приходилось идти в контратаки без необходимой подготовки и отдыха. Беспрерывные бои измотали войска. К вечеру 28 октября генерал А. П. Кутепов телеграфировал в Ставку о прорыве Перекопских укреплений – «по его словам, дух войск был значительно подорван. Лучшие старшие начальники выбыли из строя и рассчитывать на удачу было трудно». И в эти грозные для Белого Крыма дни генерал Врангель проявил лучшие качества своего характера, проведя эвакуацию выдержанно, без паники, организованно погрузив на корабли бóльшую часть Армии и множество гражданских беженцев. Он постоянно поддерживал связь с отступающими войсками, принимал многочисленные делегации, договаривался о помощи со стороны иностранных государств… 29 октября Правителем Юга России и Главнокомандующим Русской Армией был издан приказ об оставлении Крыма.

Отмечая героизм войск и призывая к выдержке гражданское население, он вместе с тем предупреждал тех, кто собирался разделить с Белой Армией ее дальнейшую судьбу: «Для выполнения долга перед армией и населением сделано все, что в пределах сил человеческих. Дальнейшие наши пути полны неизвестности. Другой земли, кроме Крыма, у нас нет. Нет и

государственной казны. Откровенно, как всегда, предупреждаю всех о том, что их ожидает». Одновременно с этим приказом специальное сообщение предупреждало, что «Правительство Юга России не имеет никаких средств для оказания какой-либо помощи как в пути, так и в дальнейшем». – «Все заставляет Правительство советовать всем тем, кому не угрожает непосредственной опасности от насилия врага, – остаться в Крыму»…

Впоследствии в адрес Врангеля звучали обвинения, что этим советом многие чины Армии и гражданской администрации были побуждены остаться на расправу большевикам (в захваченном Крыму сразу же развернулся дикий террор против всех категорий населения). В то же время, по воспоминаниям очевидцев, большинство желавших выехать могло сделать это беспрепятственно. Во всех портах, за исключением Феодосии, погрузка проходила с максимально возможной для столь критической обстановки организованностью и спокойствием. Войскам удалось оторваться от преследователей на несколько переходов и погрузиться без особых трудностей. Во всяком случае, в сравнении с эвакуацией Новороссийска в марте 1920 года крымская эвакуация выглядела намного спокойнее.

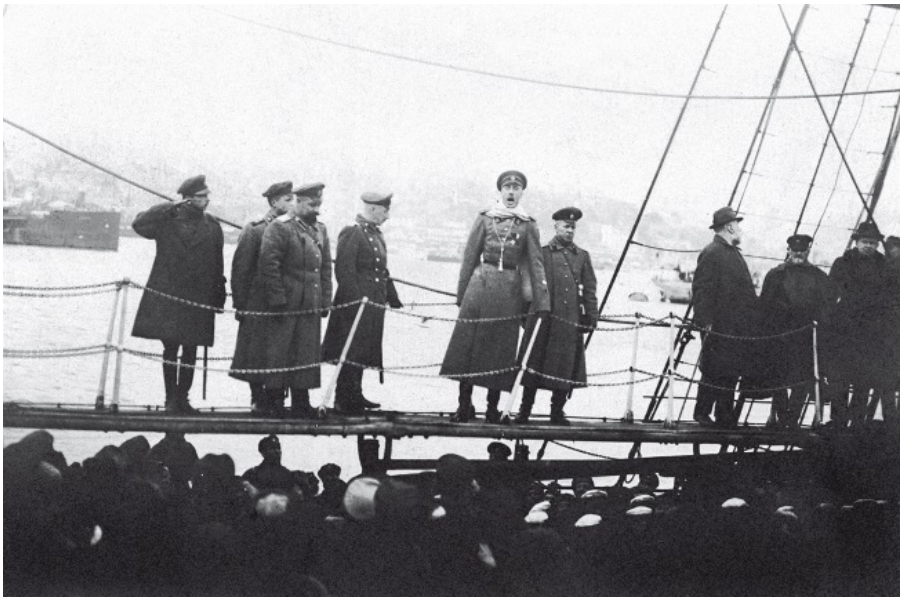
Одним из последних покинул Севастополь сам Петр Николаевич. Произнеся речь перед юнкерским караулом, Главнокомандующий днем 1 ноября 1920 года погрузился на крейсер «Генерал Корнилов». 3 ноября крейсер подошел к Феодосии, где генерал проконтролировал погрузку казачьих частей. После этого эскадра из 126 судов (большинство боевых кораблей и транспортов Черноморского Флота) вышла в открытое море. Последний период Белой борьбы на Юге России завершился.

* * *

Белый Крым покинуло более 145 тысяч человек, из которых около 70 тысяч составляли военные. Перед генералом Врангелем встала задача обустройства огромного числа военных и гражданских беженцев, обреченных на полуголодное существование на чужбине. Считалось необходимым сохранить Армию для продолжения вооруженной борьбы с большевизмом в ближайшем будущем, поэтому еще 3 ноября Главнокомандующий отправил с борта «Генерала Корнилова» радиограмму, которой предлагал представителям Антанты в Константинополе использовать русские части для несения оккупационной службы в

районе турецкой столицы и проливов и борьбы с «революционными» войсками Кемаль-Паши. Однако это предложение осталось безрезультатным, а прибывшей русской эскадре предстояло испытать всю тяжесть многодневного пребывания на рейде Константинополя. Имевшиеся скудные продовольственные запасы были быстро исчерпаны. Находясь в стесненных, антисанитарных условиях, русские беженцы не имели возможности даже сойти на берег – это было запрещено «союзной» военной администрацией. На кораблях начались болезни, за кусок хлеба приходилось отдавать свое последнее имущество, многие, не выдержав тягот перехода и поражений, кончали жизнь самоубийством.

В этих условиях вся энергия П. Н. Врангеля была направлена на хлопоты в иностранных посольствах – прежде всего Франции как единственной страны, признавшей Правительство Юга России, – с ходатайствами о предоставлении места для военного лагеря и размещении гражданских беженцев в Балканских государствах. Переговоры увенчались успехом, и в начале 1921 года бóльшая часть гражданских лиц была размещена в Сербии, Болгарии, Румынии и Греции. Был организован специальный эмигрантский комитет, генерал Врангель дал поручение исследовать возможности организации земледельческих колоний близ Константинополя. Вывезенные из Крыма больные и раненые были размещены в приспособленных под лазарет залах русского посольства. Затем, по инициативе Главнокомандующего, в Париже был образован «Деловой Комитет», который принял на себя финансовую помощь русским беженцам. Его возглавил бывший министр финансов Правительства Юга России М. В. Бернацкий, а в состав вошли представители Главного Командования, Всероссийского финансового союза, Комитета банков, Красного Креста и Земско-Городского Союза. О поддержке генерала Врангеля заявил Парламентский Комитет, организовавшийся в Константинополе из бывших членов Государственного Совета и Государственной Думы. Подобные же заявления сделали русские национальные комитеты в Болгарии и Сербии.



Генерал П. Н. Врангель (в центре) обращается к эвакуируемым из Крыма войскам и беженцам. Пароход «Владимир», ноябрь 1920

Но если положение гражданских беженцев было более или менее определенным, то присутствие русской вооруженной силы оказалось совершенно нежелательным для вчерашних союзников, правительства которых уже не собирались продолжать поддержку сопротивления большевизму. Для Русской Армии не было места в Европе. Надо сказать, что и многие эвакуировавшиеся из Крыма военные скептически оценивали перспективы продолжения вооруженной борьбы, подавали рапорты об отставке, переходили на положение гражданских беженцев. Врангель понимал, что необходимо снова, как весной 1920-го, заявить, что борьба не окончена, вернуть Армии веру в победу и правоту Белого Дела.

Еще 15 февраля 1921 года во время смотра в Галлиполийском лагере Главнокомандующий сказал войскам: «Как солнце прорвалось сквозь темные тучи, так осветит оно и нашу Россию… Не пройдет и трех месяцев… и я поведу вас вперед, в Россию». А 22 марта, в годовщину принятия командования Вооруженными Силами Юга России, он обратился к своим соратникам с воззванием: «С непоколебимой верой, как год тому назад, я обещаю вам с честью выйти из новых испытаний. Все силы ума и воли я отдаю на службу армии… Как год тому назад, я призываю вас крепко сплотиться вокруг меня, памятуя, что в единении сила наша».

Сплотить Белую эмиграцию, особенно военную ее часть,

Врангель стремился, несмотря на крайне тяжелые условия. Казна была практически пуста, оставшихся средств едва хватало на расчеты с французской администрацией, снабжавшей Армию и гражданских беженцев продовольствием; в уплату за их содержание Франции были переданы и корабли Черноморского Флота. Лагерь близ Галлиполи, где разместились сведенные в полки бывшие части Добровольческой Армии, строился буквально на голой земле. «Союзное» командование бдительно следило за тем, чтобы общение Главнокомандующего со своими войсками было как можно более редким. Но даже и в немногие посещения Врангелем Галлиполи, на смотрах и парадах Армия чувствовала былую силу и авторитет своего Вождя. «Мы верили генералу Врангелю, – писал один из офицеров. – Верили безотчетно… Это была вера в человека… в его высокие качества и преклонение перед носителем Белой идеи, за которую тысячи наших братьев положили свои жизни».

Бóльшую часть времени генерал проводил на своей яхте «Лукулл», ставшей своеобразной плавучей Ставкой последнего Главнокомандующего. Но 15 октября 1921 года яхта, стоявшая на рейде Константинополя, была протаранена итальянским пароходом «Адрия» и затонула через несколько минут. Удар пришелся как раз в ту часть судна, где находилась каюта Врангеля. Его самого и его семью спасла случайность – в это время они находились на берегу. Разбирательство так и не было доведено до конца, однако преднамеренный характер аварии вполне возможен: непримиримость Врангеля не только была хорошо известна большевикам, но и мешала осуществлению планов распыления Армии, которые вынашивало французское командование. Бывшие союзники уже считали, что в новых условиях гораздо выгоднее сотрудничать с РСФСР, чем поддерживать враждебные ей силы…

В этих условиях Главнокомандующий начал переговоры с балканскими государствами о предоставлении убежища частям Русской Армии. К концу апреля 1921 года Болгария согласилась принять 9 000, Сербия – 7 000 военных, и уже в конце года основная часть Армии была вывезена в эти страны. Последний солдат покинул Галлиполи 5 мая 1923 года.

* * *

После эвакуации из Галлиполи П. Н. Врангель вместе с семьей переехал в Сербию. Здесь он оказался в центре политических страстей, раздиравших русскую эмиграцию. Если

бывшие деятели левых партий требовали роспуска Армии, то представители монархических кругов намеревались освобождать Россию только при условии открытого провозглашения Армией лозунга возрождения монархии. Эмигрантский Белград был одним из центров русского монархизма, и от Петра Николаевича во многом зависело, будет ли открыто провозглашен этот лозунг, или Армия останется верной своей традиции быть вне политики. Позиция Врангеля определялась его словами: «Главнокомандующий твердо решил сделать все, чтобы Армия не была вовлечена в политическую борьбу»; отношение же его к идее реставрации напрямую зависело от реальных ее возможностей. Речь шла о восстановлении не просто «принципа», но монархии как реальной силы, пользующейся доверием и авторитетом среди большинства населения России. Провозглашение же монархического лозунга в эмиграции считалось генералом преждевременным. По его словам, «Царь должен явиться тогда, когда с большевиками будет покончено… когда уляжется та кровавая борьба, которая предстоит при их свержении. Царь не только должен въехать в Москву “на белом коне”: на нем самом не должно быть крови гражданской войны – и он должен явиться символом примирения и высшей милости». Появление «царя» в эмиграции, без силы и власти, было для генерала Врангеля абсурдным.

Для сохранения военной структуры и одновременно – недопущения осложнений с иностранными государствами П. Н. Врангелем было принято решение о создании на основе подразделений Русской Армии «Русского Обще-Воинского Союза» – организации, призванной осуществлять взаимодействие между ячейками Армии в различных странах. И хотя основную работу по формированию структур РОВС пришлось вести уже не Врангелю, а его преемникам, в первую очередь генералу Кутепову, – у истоков крупнейшей военной организации Русского Зарубежья, существующей и по сей день, стоял именно Петр Николаевич. В письме генералу Шатилову от 26 сентября 1923 года Главнокомандующий писал: «Армия, нашедшая себе приют на Балканах, ныне стала на ноги, за участь ее мы можем быть спокойны. Вокруг нее надо собрать тех воинов, которые рассеяны по всему миру», – и 1 сентября 1924 года был издан приказ об образовании РОВС. Первым председателем Союза стал П. Н. Врангель, им же назначались начальники Отделов. Таким образом устанавливалась организация, спаянная крепкой дисциплиной, жесткой военной иерархией, готовая в любой момент стать основой для создания новой Армии и продолжения борьбы с Советской властью. Помимо военной структуры,

отделения которой были действительно разбросаны по всему миру, РОВС имел кассы взаимопомощи, оказывал поддержку военным эмигрантам в поисках работы, предоставлял им материальную помощь.

С самого момента возникновения новой военной организации вокруг нее началась политическая борьба. Высший Монархический Совет в Берлине настаивал на принятии Союзом монархического лозунга, продолжалось соперничество сторонников Великих Князей Николая Николаевича и Кирилла Владимировича. Большое давление в связи с этим оказывалось и на Врангеля, тем более что 31 августа 1924 года Кирилл Владимирович издал «Манифест о восшествии на Престол» (еще в 1922 году, объявив себя «Блюстителем Престола», он призывал Главнокомандующего Русской Армией к сотрудничеству). Великий Князь Николай Николаевич резко выступил против этого акта. Русской военной эмиграции грозил раскол. Полагая, что передача управления Николаю Николаевичу, бывшему Верховному Главнокомандующему Российской Императорской Армией во время мировой войны, даст изгнанникам более авторитетного вождя, П. Н. Врангель 16 ноября 1924 года признал его Верховное руководство зарубежным воинством.

Думается, что не только политические соображения руководили Петром Николаевичем в этом акте. Сказывалась, очевидно, и та огромная усталость, которая была результатом практически непрерывной военной и политической борьбы, начавшейся еще в 1914 году и все более и более обострявшейся. Во главе РОВС должен был стать более энергичный, более активный лидер, – и в повседневной деятельности Союза все бóльшим влиянием пользовался генерал Кутепов, сторонник немедленной и активной борьбы. Врангель же теперь большую часть времени занимался подготовкой к печати своих воспоминаний, работу над которыми он начал еще во время пребывания в Константинополе и Сербии в 1920–1923 годах. Формально сохраняя за собой пост Главнокомандующего, фактически он уже отошел от повседневных дел.

* * *

Последние годы жизни Врангеля прошли в Брюсселе. По воспоминаниям генерала Шатилова, «его уже не привлекало общество, он всячески его избегал. Он находил удовольствие только в беседах с близкими ему лицами… От привычки к достатку, к материальным удобствам жизни не осталось и следа.

Прежняя резкость в суждениях о людях сменилась терпимостью и снисходительностью… Когда вспоминаешь это время его жизни, то невольно кажется, что хотя он был, казалось бы, еще совсем здоровым, но уже предчувствовалась близость кончины». Петр Николаевич снова вернулся к той специальности, с которой начинал свой жизненный путь, – профессии горного инженера. Много внимания и сил уделял он подготовке к изданию своих «Записок». Однако увидеть свет они смогли только после его кончины. Незадолго до смерти, передавая рукопись для издания, генерал поставил условием, «чтобы части армии, военные союзы и отдельные чины их при покупке книг пользовались бы возможно большей скидкой».

Последние дни Петра Николаевича прошли в окружении родных и близких ему людей. Смертельная болезнь протекала тяжело, с мучительными обострениями и приступами. Ослабленный ранениями, лишениями, перенесенным тифом организм был окончательно подорван гриппом, перешедшим в тяжелую форму туберкулеза и осложнившимся нервным расстройством. Лечивший генерала профессор Алексинский вспоминал, что Врангель жаловался на страшное нервное возбуждение: «Меня мучает мой мозг… я не могу отдохнуть от навязчивых ярких мыслей… Мозг против желания моего лихорадочно работает, голова все время занята расчетами, вычислениями, составлением диспозиций… Картины войны все время передо мною, и я пишу все время приказы»… 12 апреля 1928 года генерал-лейтенант барон Петр Николаевич Врангель скончался. «Боже, спаси Армию…» – было его последними словами.

Через полгода тело покойного Главнокомандующего было перенесено в Белград и здесь 6 октября погребено в русском Православном храме, под сенью склоненных знамен старых русских полков. Траурная церемония стала своеобразной демонстрацией верности Армии своему Вождю, теперь уже – его памяти.

Отдавая последние почести своему Главнокомандующему, вчерашние боевые соратники вряд ли представляли, что многие из них собираются вместе в последний раз. Действительно, никогда уже после похорон генерала Врангеля русская военная эмиграция не собиралась в таком полном составе. А вскоре РОВС постигли еще два тяжелых удара: в январе 1929 года скончался Великий Князь Николай Николаевич, а еще через год в Париже советской разведкой был похищен и убит генерал Кутепов. Высший подъем деятельности Союза уже оставался позади…

* * *

Генерал Петр Николаевич Врангель, его личность и вся его военная биография стали для Белой Армии своеобразным символом непримиримости. Несмотря на то, что Гражданская война уже закончилась, для тех, кто разделил судьбу русского воинства даже вдалеке от России, Врангель был Вождем, под руководством которого можно было надеяться на конечный успех Белой борьбы, на победоносное возвращение на Родину. Именно в силу этого личность последнего Главнокомандующего Русской Армией среди военной эмиграции оставалась как бы вне критики. Забывались и прощались ошибки, допущенные им во время войны (в частности, весьма неоднозначная позиция в конфликте с А. И. Деникиным), неудачи и просчеты в борьбе за Крым в 1920 году. П. Н. Врангель становился непререкаемым авторитетом, и такая его оценка преобладала и преобладает в большинстве произведений авторов Белой эмиграции, посвященных событиям Гражданской войны на Юге России.

В. Ж. Цветков

Генерал-лейтенант Я. А. Слащов-Крымский

Менее чем за четыре месяца до падения Белого Крыма, 6 августа 1920 года, Главнокомандующий Русской Армией генерал П. Н. Врангель издал приказ, отмечавший выдающиеся заслуги одного из своих соратников. Чеканные строки гласили:

«В настоящей братоубийственной войне, среди позора и ужаса измены, среди трусости и корыстолюбия, особенно дороги должны

быть для каждого русского человека имена честных и стойких русских людей, которые отдали жизнь и здоровье за счастье Родины. Среди таких имен займет почетное место в истории освобождения России от красного ига – имя генерала Слащова.

…Дабы связать навеки имя генерала Слащова с славной страницей настоящей великой борьбы, – дорогому сердцу Русских воинов генералу Слащову именоваться впредь – Слащов-Крымский».

34-летний генерал Яков Александрович Слащов стал последним в истории России полководцем, официально удостоенным такого почетного титулования. Его имя тем самым ставилось в один ряд с именами таких прославленных вождей Русского Воинства, как Румянцев-Задунайский, Потемкин-Тавричес– кий, Суворов-Рымникский, Паскевич-Эриванский, Дибич-Забалканский… и в этом, очевидно, была глубокая внутренняя правда, потому что и сам этот яркий, неординарный человек мог показаться несовременным, как бы пришедшим из-под стен Измаила или с флешей Бородина, где «молодые генералы своих судеб» водили в пороховом дыму гремящие оркестрами пехотные колонны.

Мы не случайно вспомнили стихотворение Марины Цветаевой «Генералы 1812 года». Литературным отражением Слащова традиционно считается Хлудов из булгаковского «Бега», однако внимательное изучение биографии генерала заставляет сделать вывод, что герой Булгакова, безумный, мрачный и окутанный атмосферой бреда и «снов», не только не тождествен личности Якова Александровича, но и во многом ему противоположен, – и наоборот, как будто о Слащове написаны эти восторженные строки:

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса,

И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце вырезали след, —
Очаровательные франты
Минувших лет!

. . . . . .

Три сотни побеждало – трое!
Лишь мертвый не вставал с земли.
Вы были дети и герои,

Вы все могли.

Что́ так же трогательно-юно,
Как ваша бешеная рать?
Вас златокудрая Фортуна
Вела, как мать.

Вы побеждали и любили
Любовь и сабли острие,
И весело переходили
В небытие!

* * *

Яков Александрович Слащов родился 12 декабря 1885 года в Петербурге, в Православной семье отставного офицера. Впрочем, на младшем Слащове военная линия семьи могла и пресечься, поскольку рано овдовевшая мать отдала Яшу не в кадетский корпус (куда, как сына полковника, его бы зачислили наверняка), а в реальное училище. Однако по его окончании молодой человек все же избирает военную стезю и 31 августа 1903 года зачисляется в Павловское военное училище. Не получившему кадетской закалки юнкеру Слащову на первых порах пришлось непросто: одно время стоял даже вопрос о самом его пребывании в училище, и лишь внимание офицеров и опекавших молодежь юнкеров-старшекурсников помогли ему не только удержаться, но и окончить училище старшим портупей-юнкером. Он вышел Лейб-Гвардии в Финляндский полк, где почти сразу попал в боевую обстановку: в 1905 году Финляндцы принимали участие в наведении порядка в столице, а в июле 1906-го – в подавлении матросского мятежа в Кронштадте.

Но зловещая атмосфера мятежа – провозвестника грядущего, еще более страшного братоубийства, – кажется, не оставила глубокого следа в душе подпоручика Слащова. Не забудем, что ему лишь недавно исполнилось двадцать лет, и если он чем-то и выделялся в это время на общем фоне своих однополчан, так тем, что, по рассказу одного из них, «редко участвовал в кутежах, водки не пил, а любил сладкое, принося с собой в офицерское собрание плитки шоколада. Товарищи добродушно над ним подтрунивали, называя красной девицей». Отслужив в строю положенные по закону три года, осенью 1908-го Слащов поступает в Академию Генерального Штаба[94], оканчивает по 1-

му разряду два ее курса, а 6 мая 1911 года – и дополнительный «успешно»… «но без права производства в следующий чин за окончание академии и на причисление к Генеральному Штабу». Причиной был недостаточно высокий средний балл, хотя сослуживцы Слащова впоследствии утверждали, что он сам, получив высшее военное образование, не пожелал уходить из родного полка. Как бы то ни было, несмотря на «непричисление», он прикомандировывается к Штабу Санкт-Петербургского военного округа, а затем в течение двух учебных лет преподает тактику в Пажеском корпусе, что говорит о сохраняющемся интересе к военной науке.

Надо полагать, что Слащову нравилась эта работа: он даже решился расстаться с мундиром Финляндского полка, 31 марта 1914 года переведясь на штатную должность младшего офицера Пажеского корпуса (до этого он числился прикомандированным). Постепенно идут чины, с апреля 1913-го он уже штабс-капитан, на груди появляется первый орден – Святого Станислава III-й степени, в последний предвоенный год Яков Александрович женится на дочери генерала В. А. Козлова Софии Владимировне… Но течение мирной жизни прерывается началом Великой войны, и штабс-капитан Слащов рвется на фронт.

Многие молодые офицеры очень боялись тогда не успеть на эту войну, подлинных масштабов и продолжительности которой не предвидело ни одно правительство, ни один Генеральный Штаб в Европе. Настойчивые ходатайства Слащова увенчиваются успехом, Высочайшим приказом 31 декабря 1914 года он вновь зачислен в Финляндский полк и уезжает на фронт, оставив молодую жену на последнем месяце беременности (дочь, названная Верой – может быть, в честь матери Якова Александровича, – появится на свет через неделю после его прибытия в полк). Первая рота Финляндцев, в честь Августейшего Шефа полка – Наследника Цесаревича Алексея Николаевича – именуемая «ротой Его Высочества», была принята штабс-капитаном Слащовым прямо на походе, 8 января 1915 года. На шесть лет для него началась, говоря стандартной формулировкой послужного списка, «бытность в походах и делах против неприятеля»…

* * *

«Безгранично храбрый, но не храбростью самозабвения или слепою храбростью рядового, а сознательною храбростью начальника, Я[ков] А[лександрович] соединял с этим

драгоценным качеством все таланты крупного военноначальника: любовь к воинскому делу, прекрасное военное образование, твердый, решительный характер, поразительное уменье схватывать обстановку и т. д. В своей скромной роли ротного, баталионного командира Я[ков] А[лександрович] положительно предугадывал ход военных событий; было ясно, что он владеет тайной военного искусства, что позволяет ему обычные способы суждения о событиях дополнять каким-то внутренним чутьем их», – такой, без преувеличения, восторженный панегирик вышел из-под пера командира Финляндского полка, генерала П. А. Клодта фон Юргенсбурга, и даже при беглом знакомстве с биографией Слащова эта характеристика представляется вполне заслуженной. Не надломили его духа и пять ранений, три контузии и отравление удушливым газом. «Скобелев говорил, – продолжает генерал Клодт, – что нет человека, который не боялся бы опасности, и что храбрость состоит в умении владеть собою и сохранять способность “смотреть” и “видеть”, “слушать” и “слышать”. Я[ков] А[лександрович] обладал этой способностью в такой превосходной степени, что по временам казалось, вопреки мнению Скобелева, что он не понимает опасности. Думаю, что он ее отлично понимал, но при этом обладал несравненным даром самообладания».

Мужество Якова Александровича было отмечено восемью боевыми орденами, в том числе орденом Святого Георгия IV-й степени и Георгиевским Оружием, причем эти две самые почетные в Российской Императорской Армии награды были даны ему за бои, отделенные друг от друга всего одним днем, и за те же деяния («бои у д. д. Кулик и Верещин 19–22 июля и 22–23 июля 1915 года») он был удостоен ордена Святого Владимира IV-й степени с мечами и бантом. Такое сочетание выглядит если и не исключительным, то по крайней мере неординарным, и вполне соответствует выдающейся личности Якова Александровича, ставшего поистине живой легендой Лейб-Гвардии Финляндского полка.

«Ровно в час, назначенный для атаки, минута в минуту, он встает во весь свой рост, снимает фуражку, истово крестится и с обнаженной шашкой идет вперед, ведя роты на смерть или победу…» – таким запоминает его однополчанин. В бою Слащова прикрывают собою солдаты. Он упорно отклоняет неоднократные попытки перевести его из полка на штабную службу (как окончившего в свое время Академию). Выделяется Слащов и в минуты передышек, осмысливая боевой опыт и разрабатывая проекты, некоторые идеи которых генерал Клодт в конце 1930-х годов называл «пророческими». Назначенный, уже в чине

полковника, 10 февраля 1917 года начальником Ударного отряда 2-й Гвардейской пехотной дивизии, формировавшегося в рамках подготовки к весеннему наступлению 1917 года, которое должно было сокрушить австро-германский фронт, – он готовит к этому своих подчиненных, положив в основу дух решительных и активных действий… Но – а в биографии Слащова, увы, слишком часто встречается это «но» – его замыслам не суждено было воплотиться.

Полковник Я. А. Слащов. 1916

За Февральским переворотом последовал стремительный развал Армии; Яков Александрович должен был возвратиться в ряды полка, а в июне был назначен командующим Лейб-Гвардии Московским полком, и это назначение, почетное и радостное во всякое другое время, сейчас стало тяжелым крестом. Фронтовые

офицеры бессильны были вернуть войскам боеспособность, коль скоро этого не хотело Временное Правительство, безвольно потакавшее «революционизированию Армии», а в конце августа пошедшее на прямую провокацию против Верховного Главнокомандующего генерала Л. Г. Корнилова.

На позиции 2-й Гвардейской пехотной дивизии известия о «корниловском мятеже» дошли 30 августа, когда офицеры-Финляндцы и приехавший к ним в гости Я. А. Слащов отмечали именины командующего полком полковника А. Н. фон Моллера. Они были застигнуты новым сообщением врасплох, и один из офицеров запомнил Слащова «тихонько повторяющим»: «Быть или не быть»…

На самом деле к этому моменту все было уже кончено. Известия на фронт запоздали: выступление генерала Корнилова закончилось неудачей. Быть может, История уже тогда сказала «не быть», но офицеры этого не знали, да, наверное, многие и не пожелали бы знать… И среди последних был Яков Александрович Слащов.

Для него война на «большом фронте» не только стала прекрасной школой его сурового ремесла, не только дала возможность доказать свою доблесть и готовность умереть за Веру, Царя и Отечество, – но и выявила в нем, помимо «профессиональных» талантов, особые качества военного вождя. «Слащов пользовался громадным престижем, пленял воображение своих подчиненных и создавал ту “атмосферу героизма”, которая заражает других и рождает новых героев», – писал о нем генерал Клодт. И именно этих качеств потребовала от Якова Александровича новая, уже начинавшаяся война.

За несколько дней до Рождества 1917 года полковник Слащов прибыл в Новочеркасск.

* * *

На последующую карьеру Якова Александровича в рядах Добровольческой Армии, вероятно, повлияло то, что он не получил назначения в формируемые строевые части. Руководители борьбы еще питали надежды на создание по России широкой сети организаций; особое внимание привлекал Северный Кавказ, пока не охваченный большевизмом, и туда был послан ряд эмиссаров, в том числе и полковник Слащов.

Но назначение это приходится признать явно ошибочным: в открытом бою, который уже вели офицерские батальоны, герой-Финляндец был бы гораздо более к месту. В курортных же

городках и казачьих станицах его работа не имела успеха. Казачество оказалось инертным, уставшим от войны и подавленным наплывом агрессивных, нахрапистых и подстрекаемых революционными агитаторами «фронтовиков». Все попытки Слащова организовать восстания оканчивались неудачами.

Нам известна одна из таких попыток – события в Ессентуках 25 марта 1918 года. Офицерская организация разоружила местных красногвардейцев, но через день подошел «Пятигорский революционный отряд» с артиллерией, которой у восставших не было. Под грохот шести орудий Ессентуки капитулировали, признав Советскую власть, а небольшая группа не пожелавших покориться ушла с полковником Слащовым в горы.

Следовавшие за неудачами периоды были, конечно, самыми тяжелыми: «Приходилось скрываться и не входить ни в один дом», – рассказывает Яков Александрович. Лишь время от времени показывается он в крупных населенных пунктах, и в одно из таких появлений перед полковником неожиданно открываются новые перспективы.

Это произошло в последних числах апреля в Кисловодске, где Слащов лежал в лазарете – многочисленные старые раны могли не только потребовать настоящего лечения, но и стать хорошим предлогом для пребывания в курортном центре, переполненном офицерами. Из лазарета Слащов и был отконвоирован к Главнокомандующему Красной Армией Северного Кавказа А. И. Автономову, у которого уже находился и знакомый Слащову полковник А. Г. Шкура[95].

Бывший хорунжий Автономов был решительным сторонником сопротивления германским войскам, появившимся на Дону и угрожавшим наступлением на Кубань. «Он заявил мне, что немцы стоят у границы Кавказа и что сейчас надо бросить всякие разногласия и защищать родину», – вспоминал Слащов, а его ближайший соратник М. В. Мезерницкий дополняет это свидетельство чрезвычайно важной деталью:

«[Автономов], теперь чувствуя непрочность своего положения и возрастающую мощь доброармии, хотел войти с ней в связь, приглашая для совместной работы Слащова, заведомо зная о его принадлежности к армии, с другой стороны, боясь нашествия немцев на Кавказ, хотел сформировать армию для его защиты и, не чувствуя, по собственному выражению, за собой способностей командарма, приглашал видных генералов и офицеров к себе на службу… ***Необходимым условием своей работы Слащов поставил соглашение с доброармией. Автономов согласился***[96]».

Сразу же после достижения договоренности красный «главковерх» взял обоих офицеров с собою на митинг, состоявшийся в тех же Ессентуках, где Слащов наверняка был хорошо памятен населению. «Теперь не может быть ни красной, ни белой армии, а может быть только армия спасения родины», – провозглашал Автономов, однако его речь была встречена слушателями враждебно. Шкуро вспоминал:

«– Какое может быть у нас, казаков, к большевикам доверие, – сказал один из них, – когда они нас обезоруживают. В нашей станице понаехавшие красноармейцы поотымали даже кухонные ножи.

– Вы просите, чтобы мы выставили полки, – возражал другой, – а потом заведете наших детей невесть куда на погибель.

Вообще из выступлений казаков у меня создалось впечатление, что они совершенно не склонны доверяться большевистским зазываниям и даже приход немцев считают меньшим злом, чем владычество большевиков».

«Мне пришлось выступить и заявить, что все жалобы могут быть разрешены потом, а сейчас каждый русский должен идти в армию и защищать свою родину», – рассказывал Слащов, и можно не сомневаться, что его упреки казакам, независимо от соседства с советским Главнокомандующим, были вполне искренними: ведь чуть больше месяца назад та же самая толпа малодушно спасовала перед двумя сотнями красногвардейцев, предоставив «нашим детям» (среди восставших было немало юнкеров и офицерской молодежи) отправляться в горы и скитаться там без крова и помощи; потом не менее доблестно разоружалась, послушно сдавая «даже кухонные ножи», и дожидалась прихода на свою голову Чрезвычайных Комиссий; а вот теперь, когда им возвращали отобранное оружие и предлагали легально собираться под началом Шкуро и Слащова, контрреволюционность которых была очевидным «шилом в мешке», – казаки вдруг начинали, почувствовав у красных слабину, проявлять «принципиальность». В дальнейшем агитацию и более подробное разъяснение подлинных планов взял на себя Шкуро, Слащов же по поручению Автономова составил «план обороны» Северного Кавказа.

«Слащов предлагал, – пишет советский историк, основываясь на воспоминаниях Якова Александровича, – *сосредоточить войска к северу от Тихорецкой, в районе Кагальницкая, Кущевская, Уманская, с тылом на Царицын. Направления же Екатеринодарское и Минераловодское должны были, по плану Слащова, прикрываться партизанскими отрядами, которые организовал Шкуро».*

Беглого взгляда на карту достаточно, чтобы понять, *кому* в

действительности мог быть выгоден такой план. Один из опорных пунктов советской обороны, железнодорожный узел Тихорецкая, в соответствии с ним оставлялся, а вся Кубань передавалась под контроль казачьих отрядов, быстро достигших тысячи шашек и чуть ли не открыто кричавших, «что, мол, полковник Шкуро “нас гарнизовал, чтоб большевикам шеи свернуть; что у большевиков возьмем, то наше, и по тысяче карбованцев жалования обещал”». Войска же, сформированные ранее большевиками, собирались в угрожающей близости от восставших Донских казаков и оправившихся после весенних неудач Добровольцев, имея более чем сомнительные перспективы связи с Царицыном. И похоже, что эта стратегия была принята Автономовым: случайно ли красный Главнокомандующий настойчиво требовал вывода находившихся в тылу войск – на «Батайский фронт», то есть практически в район, указанный Слащовым?

Более того, Автономов уже пошел на открытый конфликт с руководством «Кубано-Черноморской Советской Республики». Однако довести дело до конца у него не хватило духу, и он спасовал, не осмелившись опереться на организованных Шкуро и Слащовым офицеров и казаков. Главнокомандующий был обвинен в подготовке мятежа и уехал в Москву искать «справедливости», а план формирования «армии спасения родины» сорвался; теперь нужно было скрываться.

На «Волчьей поляне» недалеко от станицы Бекешевской собралась «Южная Кубанская Армия» полковника Шкуро, насчитывавшая семерых офицеров (один из них – Слащов), двух вахмистров и четырех урядников… Но все же и эти «силы» можно было считать зародышем будущего соединения, и, во всяком случае, сбор на Волчьей поляне знаменовал переход к долгожданной открытой борьбе.

* * *

Июнь 1918 года становится апогеем восстания казаков Баталпашинского отдела Кубанской Области и Пятигорского – Терской. Смелыми партизанскими действиями повстанцы наводят панику на большевиков, «батько Шкура» кажется вездесущим, а его войско растет день ото дня. Впрочем, как писал впоследствии участник событий, «отрядами Шкуро фактически в первый период борьбы руководил его начальник штаба, Слащов… И все лихие бои и набеги на большевиков в верховьях Кубани, на Лабе и Зеленчуке, поход на Невинномысскую и Ставрополь, всем известные под названием “повстанческих операций ген[ерала]

Шкуро", руководились полк[овником] Слащовым».

Это похоже на правду (из воспоминаний самого Шкуро тоже складывается впечатление, что его собственная роль была скорее организаторской и агитационной), с той лишь поправкой, что «полковника Слащова» в тот период на исторической сцене не было – был «полковник Яшин». Жена Якова Александровича, очевидно, вместе с трехлетней дочерью, оставалась в Кисловодске, а поскольку от правивших там комиссаров можно было ожидать чего угодно, Слащов предпочел сменить фамилию.

Не без гордости отмечал он впоследствии, что из всех эмиссаров генерала Алексеева был «почти единственным, вернувшимся потом в добрармию со сравнительно крупным отрядом». Именно Слащов, «несмотря на противодействие Шкуро» (вспоминает Мезерницкий), настоял в последней декаде июня на соединении с главными силами белых. Появившись на подступах к Ставрополю, Шкуро отправил тамошним комиссарам телеграфное приказание очистить город, а сам отправился представляться Деникину, оставив «полковника Яшина» занимать Ставрополь. Перепуганные грозной телеграммой, большевики бежали, и во второй половине дня 7 июля 1918 года Яков Александрович на захваченном незадолго до этого у красных грузовом автомобиле въехал в столицу губернии.

Опомнившись, недавние хозяева Ставрополя сообразили, что занявшие его силы белых были вовсе не так уж велики, и начатое большевиками наступление сразу же поставило судьбу города под угрозу; спас подход подкреплений из Добровольческой Армии (с ними приехал и Шкуро), ибо в условиях стоянки в городе и оборонительных боев на его окраинах партизаны оказывались не слишком-то надежными. Ранее, когда Слащов просто не впускал походную колонну в населенный пункт, пока не договаривался с местными властями о размещении и снабжении, казаки держались в рамках приличий; теперь же проявлялись худшие стороны партизанской натуры. Помимо обычных кутежей, они могли и разойтись с позиций, так что однажды Слащову пришлось, втроем с ординарцем и шофером, двумя пулеметами удерживать участок фронта, который бросила казачья сотня… Да и сам Шкуро, вкусив успеха, тоже становился другим, и раздраженный Слащов, скорее всего несправедливо, злился на своего командира: «Уже тут стали сказываться его грабительские инстинкты, и он был отстранен от командования отрядом, превращенным во 2-ю Кубанскую дивизию Улагая». Действительно, во второй декаде июля состоялось назначение начальником дивизии, в которую переформировывался отряд Шкуро, полковника С. Г. Улагая, а Яков Александрович вскоре

вступил в командование вновь сформированной Кубанской пластунской бригадой.

Начался долгий период тяжелейших, изматывавших боев. Ставрополь пал под ударами большевиков, и Деникин стягивал к нему практически всю Добровольческую Армию. Стратегическое значение самого этого центра было ничтожно, но требовалось нанести решительное поражение живой силе противника, без чего положение белых на Кубани не могло почитаться прочным. К концу октября кольцо вокруг города замкнулось, причем бригада Слащова заняла позиции на западных подступах, рядом с 1-й конной дивизией генерала П. Н. Врангеля. «Он поразил меня тогда своей молодостью и свежестью», – вспоминал позднее о Якове Александровиче Врангель. С молодостью не вязалась только обильная ранняя седина в светло-русых волосах Слащова, о которой рассказывают другие очевидцы…

Полностью окруженные, справедливо оценивающие свое положение как критическое, большевики дрались изо всех сил. Утром 31 октября на северном участке они отбросили остатки растаявших в боях белых полков и прорвались на северо-восток, покидая Ставрополь, куда в середине дня 2 ноября вошла конница Врангеля. В то же время в Минераловодском районе все еще оставалась крупная группировка советских войск из состава XI-й и XII-й армий. Для борьбы с нею были собраны две конные дивизии, две пластунские бригады и несколько мелких отрядов, сведенные в 3-й армейский корпус генерала В. П. Ляхова. В одном из боев, в конце ноября, полковник Слащов был ранен и уехал в тыл на излечение. Это был его первый отдых с октября 1917 года.

Екатеринодар, пирующий, спекулирующий и переполненный тыловым офицерством, в сравнении с оборванными, полуголодными и изнемогающими в непрерывных боях фронтовыми частями производил отталкивающее впечатление. «У Слащова в вагоне (он еще лечился после ранения и жил в вагоне из-за отсутствия квартир в городе) шли речи, что скоро, кажется, придется устроить еще одну революцию и вырезать всех тех, кого так легкомысленно не дорезали большевики, – вспоминал Мезерницкий, в декабре 1918-го тоже выбравшийся в отпуск. – За два года люди ничему не научились, но и ничего не позабыли».

С мыслью «покончим прежде на фронте, а потом разберемся в тылу», возвращались Слащов и его молодой подчиненный в бригаду. Вскоре во время атаки Яков Александрович был вновь ранен – теперь пулей в ступню правой ноги, и эта рана еще долго причиняла ему немало страданий. Неспокойно было и на сердце: назначенный Главноначальствующим и командующим войсками Терско-Дагестанского Края (эта новая структура заменила

прежний 3-й корпус) генерал Ляхов был человеком крутого нрава, предпочитавшим жесткие репрессивные меры даже в тех случаях, когда, по мнению фронтовых начальников, их можно было бы избежать. Не ужившись с Ляховым, Яков Александрович попросил о переводе, и после краткого отпуска, проведенного в Кисловодске с семьей, приказом Главнокомандующего от 18 февраля был назначен командиром бригады 5-й дивизии, формировавшейся в Северной Таврии. Отныне вся его боевая биография будет связана с Новороссией и Крымом, где он и заработает свой почетный титул «Крымского».

* * *

5-й дивизии фактически еще не существовало: «В частях пехоты… еще до начала неудачных боев в некоторых ротах было по 11–18 штыков», – писал ее начальник Штаба, и при такой картине вряд ли покажется удивительным, что неудачи не заставили себя долго ждать. Хотя по другую сторону фронта и были в основном повстанческие отряды, порой пренебрежительно относимые к разряду «банд», – на деле они, мобильные, неплохо вооруженные и численно превосходившие белых, оказывались весьма неприятным противником. По сравнению с Северным Кавказом положение в Таврии выглядело гораздо более тяжелым.

Но вряд ли Слащов представлял себе обстановку к моменту своего приезда в Крым. Интересно отметить, что появление нового лица – никому не знакомого высокого, русоволосого молодого офицера в черкеске[97] – вызвало совершенно фантастические слухи, и Осведомительное бюро Штаба Крымско-Азовской Добровольческой Армии не поколебалось оповестить о… прибытии на полуостров Великого Князя Михаила Александровича (брата последнего Государя), к тому времени уже более полугода как убитого большевиками. Этот слух так до конца и не развеется, и даже летом 1920-го все еще будет порождать расспросы, «правда ли, что генерал Слащов – это Великий Князь Михаил Александрович, только до поры, до времени он не хочет себя объявлять?»

В смутные времена нередко ищут чуда, и, наверное, в самом деле только чудо могло спасти тогда Таврию и Крым. Фронта как такового не существовало, противники нередко наносили удары вслепую, и в этих условиях военные знания и опыт офицеров теряли свою силу перед многочисленностью врага, дерущегося более бестолково, но не менее ожесточенно; в довершение всего командование Крымско-Азовской Армии фактически выпустило

из рук управление войсками, и во второй половине февраля события приобретают необратимый характер. Армия разваливается, и к 10 марта полковник Слащов отводит правый фланг таврической группировки за жидкие проволочные заграждения на Сальковском полуострове, отразив попытку красных ворваться в Крым на плечах отступающих. 15 марта он отходит на рубеж Чангарского железнодорожного моста через Сиваш, а 23-го мы уже видим его на подступах к Перекопу, куда на усиление атакованного превосходящими силами большевиков участка были под командой Якова Александровича брошены сборные части, немногочисленные, неустойчивые и представлявшие сомнительную боевую ценность. Тем не менее 24 марта на Перекопском перешейке Слащов нанес сильный удар противнику и приостановил его наступление, но ненадолго: уже 26-го командование Армии решило отступать к Керчи, и войска со всех направлений начали спешный отход на Ак-Манай, хотя надежда уцепиться за последний клочок земли под Керчью и была невелика.

Однако уцепиться все-таки удалось, и к концу первой декады апреля белые остановили противника на импровизированной Ак-Манайской позиции. В то же время среди командного состава царила неуверенность, – иные готовы были, как писал впоследствии Яков Александрович, «приговорить к сдаче» Ак-Манай, а с ним и весь Крым. Но приговор оказался явно преждевременным: на рассвете 14 апреля была даже сделана попытка контрнаступления, не достигшая, впрочем, больших результатов. В атаке получил тяжелое ранение начальник 5-й дивизии генерал Н. Н. Шиллинг, и во временное командование дивизией вступил полковник Слащов.

К началу мая на Ак-Манае у белых оставалось около 3 300 штыков и шашек против более чем 9 000 у большевиков. Разница в живой силе, правда, до некоторой степени компенсировалась превосходством Добровольцев в пулеметах и орудиях, а также тем, что почти полуторамесячную передышку они использовали для реорганизации и укрепления своих войск. 5-ю дивизию пришлось просто расформировать, и в составе 3-го армейского корпуса (нового формирования), в который была сведена Крымско-Азовская Армия, остались Отдельная кавалерийская бригада и 4-я дивизия. Начальником дивизии был назначен генерал С. К. Добророльский, но поскольку Шиллинг, предназначавшийся на должность командира корпуса, еще не оправился от ранения, – Добророльскому пришлось исполнять его обязанности; дивизию принял Слащов, формально считавшийся в ней командиром бригады. 14 мая приказом Главнокомандующего

он был произведен в генерал-майоры. Ему было тогда тридцать три года.

Командир Крымского корпуса генерал-лейтенант Я. А. Слащов с чинами своего штаба. На первом плане справа налево: Н. Н. Нечволодова, Я. А. Слащов, генерал Г. А. Дубяго, полковник А. Г. Фролов (предположительно).
Крым, апрель – май 1920

Молодой генерал неплохо подготовил вверенные ему войска к наступлению, которое началось на рассвете 5 июня. Его пехота взломала оборону противника, а правее, вдоль берега Сиваша, пошла в атаку кавалерия, после прорыва начавшая растекаться по ближним тылам красных. Эффект таких диверсий хорошо понимал и Слащов, сочетавший фронтальную атаку со смелой десантной операцией у местечка Коктебель, которая вызвала паническую эвакуацию большевиков. По собственным признаниям последних, они даже не успели оставить в городах Крыма своей подпольной сети, хотя этот род деятельности, в котором революционеры всегда достигали гораздо бóльших успехов, чем в открытом бою, был для них крайне важным.

За 23 дня белые освободили всю Таврическую губернию и вышли на рубеж Днепра. «Победоносное шествие от Ак-Маная через Перекоп на Бериславль», как назвал его в одном из приказов Яков Александрович, завершилось 27 июня атакой города Алешки и местечка Голая Пристань. 4 июля Деникин телеграммой благодарил Слащова и командира одного из полков

генерала Г. Б. Андгуладзе «за их лихие действия под Алешками и Голой пристанью», а слащовская артиллерия тем временем уже вовсю била через реку по вокзалу и пристани Херсона. 2 июля Слащов даже предпринял налет на «тот берег» – небольшой отряд переправился через Днепр на пароходе и, высадившись, с боем прошел, производя большую панику среди красных, до железнодорожного вокзала. Насладившись произведенным эффектом, десант благополучно возвратился.

Однако остаток столь бурно начавшегося июля прошел в относительном бездействии. В соответствии с принятой 20 июня «Московской Директивой» Деникина корпус Добророльского остановился на рубеже Днепра, имея задачей лишь обеспечение левого фланга центральной группировки, рвущейся на Москву. Почти вся кавалерия была взята из состава корпуса, и он вообще перестал существовать как войсковое соединение – в нем оставались лишь 4-я дивизия (три полка и конвойный дивизион, которым командовал Мезерницкий) и два конных полка.

Оказалось, однако, что Днепр оборонительным рубежом быть не может. В условиях Гражданской войны, при малой плотности войск, в выигрышном положении нередко оказывался тот, кто форсировал реку, сам выбирая место нанесения удара, в то время как оборонявшийся, вынужденный охранять участки значительной протяженности, не имея для этого достаточных сил, неизменно терпел урон. Единственным выходом становилось… дальнейшее наступление, – причем, если осторожный Добророльский будущие операции на Правобережьи предпочитал переложить на соседей, то Штаб Главнокомандующего посчитал, что развитие наступления можно доверить 4-й дивизии, и оказался прав.

12 июля Добророльскому было приказано «обратиться к исполнению своих прямых служебных обязанностей» начальника дивизии, 20-го выздоровевший Шиллинг вступил в командование корпусом, а 29-го в штаб 4-й дивизии полетела телеграмма, предписывавшая перенести боевые действия за Днепр. Сторонник пассивного выжидания Добророльский был назначен «в распоряжение Главнокомандующего», а начальником 4-й дивизии уже и формально стал генерал Слащов (да вряд ли он и сдавал командование Добророльскому во второй половине июля). Не прошло и недели, как Яков Александрович вновь доказал, что с войсками и на острие наступления он был как раз на своем месте.

Уже 1 августа пал Херсон, а к 5-му два полка во главе с самим Слащовым подошли к Николаеву, где сосредоточилась крупная группировка большевиков. Слащов, с 3 августа не имея связи со Штабом корпуса и действуя исключительно на свой страх

и риск, сумел организовать взаимодействие всех имевшихся в его распоряжении родов оружия – пехоты, своего конного конвоя, бронепоезда и прошедших в Днепровско-Бугский лиман кораблей Черноморского Флота, – и Николаев пал; Яков Александрович, лично возглавивший атаку, «во главе конвоя галопом ворвался в город» (рассказывает Мезерницкий). Красные, бросая обозы, эшелоны и бронепоезда – единственная железнодорожная ветка, по которой они могли отойти, была разрушена крестьянами-повстанцами, – бежали на запад. Во время этого движения большевицкие войска понесли значительные потери дезертирами, с «причиной» чего вскоре довелось познакомиться и Слащову.

* * *

Со второй недели августа в поле зрения командования 3-го корпуса попадает «Революционно-Повстанческая Армия Украины (Махновцев)» – бывшая советская дивизия, разбитая в мае на Таганрогском направлении, преданная своими союзниками-большевиками и отступившая за Днепр. В ее стремительном отступлении, в сущности не имевшем конкретной цели, отсеивался случайный и нестойкий элемент и вокруг Н. И. Махно сплачивалось ядро отборных бойцов, уже не знающих иного ремесла, кроме войны, преданных своему вождю больше, чем любой партийной программе, и привлекавших к себе из состава Красной Армии тех, кто хотел не убегать на север, к Киеву, а драться против наступавших белогвардейцев. Слащов быстро оценил их боевые качества: «у противника при вообще превосходящих меня силах еще имеется крупная, энергичная и очень деятельная конница»; «элемент в боевом отношении отличный, – конница, так просто вызывает восхищение»; «огромное количество артиллерии и пулеметов, артиллерийским огнем они часто просто забивают, деморализуя, наши части», – и с этим-то врагом теперь приходилось иметь дело. Для борьбы с махновцами Слащову были подчинены конная бригада генерала Н. В. Склярова и отряд генерала П. С. Оссовского, и в упорных боях 23–26 августа под деревней Ново-Украинка Повстанческой Армии был нанесен ряд жестоких ударов. Махновцам пришлось продолжать движение на запад, в общем направлении на Умань, где уже появился новый противник белых.

Это были Объединенные Украинские Армии (Галицийская и Армия Украинской Народной Республики), возглавляемые «Головным Отаманом» (Главнокомандующим) С. В. Петлюрой. Сторонники отделения от России, готовые лучше пойти на

сотрудничество с большевиками, чем с русской Белой Армией, петлюровцы уже спровоцировали вооруженный конфликт в Киеве, куда 17 августа их войска вступили одновременно с белым авангардом (командир Запорожского корпуса «генерал-хорунжий» В. П. Сальский – в недавнем прошлом полковник русской армии – демонстративно проехал по русскому национальному флагу, брошенному современными «запорожцами» под копыта его коня). В конце августа генерал Слащов предупреждал командование: «Петлюра разбрасывает явно враждебные нам прокламации», а 1 сентября, получив ультиматум одного из украинских командиров, который требовал отступить перед его войсками, – направил начальнику Штаба войск Новороссийской Области[98], генералу В. В. Чернавину, телеграмму, как нельзя лучше характеризующую и ее автора, и обстановку:

«Дорогой Виктор Васильевич, горячо любя Николая Николаевича (Шиллинга. – *А. К.*) *и тебя, не могу удовлетвориться номер[ом] 23281*[99]*. Разбери его сам, и ты скажешь то же самое. Я вошел в соприкосновение с Петлюрой на фронте Умань – Любашевка, он требует очищения территории вплоть до Ольвиополя – я разбил Махно и гоню его на северо-запад между известными тебе железными дорогами. Если я уйду за ним, я открою фронт Петлюре. Все это я донес в № 750, подробно разбери это с Командвойском и учти обстановку. Я сделаю все, что в моих силах, и если удастся предлага[ема]я мною группировка ([см. №] 750), разнесу Петлюру вдребезги, но мне все же нужна поддержка Штаба войск – ведь не могу же я идти против вашего приказа. Обстановка диктует: бросить Махно на пятую дивизию* (имеется в виду отряд Оссовского, формально считавшегося начальником вновь сформированной 5-й дивизии. – *А. К.*) *и раздавить Петлюру. Жду сегодня же ответа и не шифрованного, потому что шифры путают. Провожу в группировке войск идею, доложенную в № 750. Жду срочного ответа. 1 сентября. № 048. Слащов».*

В этой телеграмме – и энергия молодого военачальника, и его азарт, и недоверие к вышестоящему штабу… и еще одна весьма интересная черта, которую обычно забывают, когда говорят о Якове Александровиче.

Зная цену самому себе и своим решениям, готовый отстаивать их весьма экспрессивно, порою на грани скандала, и, должно быть, именно поэтому заработав репутацию человека своевольного и взбалмошного, – генерал Слащов в то же время прекрасно понимал необходимость дисциплины и безусловного послушания. Стремясь убедить начальство в своей правоте, взывая, умоляя, заклиная, он всегда взывает именно об

изменении распоряжений «сверху», подсказывая старшим по должности, *какой* приказ он считает наилучшим в данных условиях, но при этом отдает себе отчет, что выполнять будет *тот* приказ, который окажется окончательным. В будущем мы еще увидим, как он умеет повиноваться вопреки собственному мнению, пока же молодому генералу удалось переубедить Штаб войск Новороссии и получить свободу действий. Теперь ему предстояло доказывать свои полководческие таланты на деле.

Собственно говоря, полководцем с Белой стороны в Новороссии и оказывался один Слащов. Несмотря на молодость и не самую высокую должность, авторитет генерала был достаточно высок, чтобы под его началом объединились почти все находившиеся здесь войсковые части. Но и вся ответственность за операции тоже ложилась на плечи Слащова.

А ответственность была немалой. Общая численность подчиненных Якову Александровичу войск не превышала 8–9 тысяч штыков и сабель, в то время как Повстанческая Армия, по различным оценкам, насчитывала от 8 до 15 тысяч – точное число, очевидно, было неизвестно даже ее командованию, – количественный же и качественный состав петлюровцев еще не был выяснен. Неравенство сил не стало помехой для Слащова: 5 сентября он начал операцию против Петлюры и в течение недели нанес поражение противостоящей группировке (численностью от 6 до 8 тысяч). Но за это время несколько оправился Махно, заключивший с Армией УНР перемирие, получивший от нового соратника боеприпасы и передавший на его попечение большой обоз с ранеными.

После нанесения петлюровцам первых сильных ударов Яков Александрович незамедлительно приступил к подготовке окончательного разгрома Махно. Настояв перед командованием на сохранении единства управления войсками («…Вся операция должна быть объединена в одних руках, – подчинюсь кому угодно, лишь бы командовало бы лицо, знакомое с обстановкой и состоявшее здесь, – иначе весь успех и красота пропадет… Прошу меня понять и поверить, что я хлопочу не из-за личных целей, для чего прошу назначить для общего командования стороннее лицо, но для пользы дела настаиваю на общем командовании…»), он обрушил на противника новые мощные удары. 14 сентября, бросив на произвол судьбы своих раненых и тысячу штыков заслона, Махно с отборными частями, Штабом и Реввоенсоветом отчаянным усилием прорвался в восточном направлении и обратился в бегство.

До сих пор в исторической литературе бытует повторяемая вслед за анархистскими апологетами «батьки» легенда о «рейде,

сокрушившем тылы Деникина». Однако тогда, в первую неделю после прорыва, речь шла не о каком-либо целенаправленном движении, а именно о бегстве, в ходе которого махновцы бросали не только орудия, повозки и походные кухни, но даже винтовки, и в своем паническом стремлении за Днепр неспособны были вступать в самые незначительные столкновения со слабыми белогвардейскими заслонами.

Увы, командование войск Новороссийской Области не смогло использовать момента и добить раненого, но все еще опасного врага. В погоню направили сборный отряд незначительной численности, а роль заслона на Днепре была поручена только что сформированным ненадежным частям. В результате, проявив незаурядную волю и тактическое чутье, Махно сумел мобилизовать наиболее боеспособные элементы своей Армии и перешел Днепр. Слащову же было приказано продолжать операции против Петлюры.

Строго говоря, угроза с этой стороны и в самом деле еще не была ликвидирована. Силы были неравны: украинские войска превосходили белых в 4–5 раз, несмотря даже на свирепствовавшую среди петлюровцев эпидемию тифа. Тиф, впрочем, не признает политических различий – маневрировавшие, наступавшие и отступавшие, обходившие друг друга противники, останавливаясь в одних и тех же деревнях и ночуя в одних и тех же хатах, находились в совершенно одинаковых условиях, и поэтому обычные для украинских мемуаристов и историков жалобы на косившую петлюровцев эпидемию выглядят скорее попытками переложить на внешние обстоятельства вину войск, не сумевших выиграть кампании.

Слащов планировал ударом в направлении города Гайсин прорвать петлюровский фронт на стыке Армии УНР и Галичан. Но не все планы легко реализуются, и «Гайсинская операция» началась встречным боем – одним из самых трудных видов военных действий, требующим от полководцев крепости нервов, хладнокровия, быстроты решения и железной воли при претворении его в жизнь. На левом фланге белых бригада генерала Андгуладзе, несмотря на отвагу и решимость ее командира, была отброшена, и украинские войска угрожали выходом во фланг наступающей от Умани группировке. «Положение Уманской группы стало почти безнадежным; только медленность действий петлюровцев, шедших неуверенно и с опаской, все еще не веря в свой успех, спасала ее пока, – вынужден был признать впоследствии Слащов. – Об общем отступлении группы нечего было и думать, – вырвать обойденные войска из боя, не потеряв бóльшую их часть, было невозможно». А

поскольку на «Уманской группе» держался весь фронт Новороссии, ее неудача могла перерасти в общую катастрофу. Пожалуй, это был первый случай, когда от полководческого дарования и счастья генерала Слащова зависело так много…

«*Следовательно*[100], – делает вывод генерал, – вся обстановка сложилась так, что надо было наступать в главном направлении и победить во что бы то ни стало». На первый взгляд такое решение отдает авантюрой, но оно оказалось полностью оправданным, поскольку против слащовских войск были к тому моменту сосредоточены едва ли не все боеспособные украинские дивизии. Таким образом, «наступать в главном направлении» означало – наносить удар по основному скоплению живой силы петлюровцев и в случае успеха практически *уничтожить* Армию УНР как войсковое соединение.

Так и произошло. Прорыв и развитие успеха в одно мгновение коренным образом изменили обстановку: как будто был вынут стержень, скрепляющий войска противника; «в тылу петлюровцев стояла полная паника; отдельные части сдавались разъездам, обозы рассыпались в разные стороны…» – рассказывал Слащов. Катастрофа подействовала и на командование Галичан: оно обратилось с просьбой о перемирии, и 24 октября было заключено предварительное соглашение о переходе Галицийской Армии на сторону Деникина. «Благодарю Вас, Генерала Слащова и всех Начальников, – телеграфировал Шиллингу Главнокомандующий 28 октября, – за блестяще проведенную операцию, давшую нам победу над превосходным в числе противником и приведшую к столь благоприятному разрешению вопроса борьбы с галичанами».

«На фоне общей дружной работы и подвигов целых частей и всей Армии выделяется несравненная храбрость, талантливое руководство войсками и умение вдохнуть в них победный дух Командующего группой Генерал-Маиора Слащова, которого прошу принять мою сердечную благодарность», – писал 12 ноября в приказе по войскам Области генерал Шиллинг, а тем временем генерал Слащов и его полки уже перебрасывались на новый участок.

Это был вновь образовавшийся «внутренний фронт». Оправившийся от уманского поражения и окрепший на Левобережьи Махно поднял в белом тылу переполох, который побудил генерала Деникина направить на борьбу с Повстанческой Армией не только войска, находившиеся в тыловом районе или снятые со второстепенных участков, но и сражавшиеся на главном, противобольшевицком фронте. Уже в конце первой декады октября они нанесли махновцам несколько сильных

ударов и в середине месяца вновь погнали противника к Днепру. Прорвавшись за реку, Махно захватил Екатеринослав, что Слащов впоследствии считал роковым для «батьки» решением. А генерал мог рассуждать о «махновской кампании» конца 1919 года отнюдь не понаслышке, ибо именно ему Главное Командование поручило ведение операций против «старого знакомого».

Выполнение задачи, однако, осложнялось тем, что недавно выведенная из боев 4-я пехотная дивизия как раз в это время разворачивалась в корпус, который вновь получил наименование 3-го армейского (третьего формирования). Самого Якова Александровича, впрочем, в командиры корпуса как будто никто не прочил, и лишь необходимость ликвидации махновщины повлекла фактическое предоставление молодому генералу прав комкора и даже бóльших.

Тщательно подготовив операцию, во второй половине ноября Слащов приступил к активным действиям против замкнувшегося в екатеринославском районе Махно, и судьба Екатеринослава и Повстанческой Армии решилась в течение десяти дней. Утром 25 ноября белые ворвались в город; отчаянная попытка анархистского вожака вернуть свою «столицу» была отбита, причем пример выдающегося геройства показал сам Слащов, с 70 казаками и гусарами своего конвоя в течение нескольких часов лично сдерживавший натиск ударной группировки противника (атакующим «все время приходилось подтягивать орудия, чтобы выкурить отдельные группы из каменных домов»). Последующими ударами генерал неуклонно отжимал бегущих махновцев в излучину Днепра, дезертирство в Повстанческой Армии ширилось, кампания была проиграна ею начисто, и Слащову отнюдь не было нужды, как рассказывали много позже досужие сочинители, говорить: «Моя мечта – стать вторым Махно». Для этого он слишком успешно бил «первого Махно», войска которого спасла тогда от полного уничтожения только общая стратегическая обстановка на «большом фронте». Отступление потерпевшей поражение под Орлом ударной группировки Вооруженных Сил Юга России повлекло за собою приказ Слащову переправляться за Днепр и прикрыть Северную Таврию.

* * *

Казалось, Крым в январе 1920 года был снова, как и весной 1919-го, обречен на сдачу, – слишком мало сил было у Якова Александровича, а параллельно берегу Азовского моря, наперерез отступавшим, уже двинулась 8-я кавалерийская дивизия

«Червоного Казачества» под командованием В. М. Примакова – одного из известнейших советских военачальников. Первый бой предстояло дать в Северной Таврии, хотя Слащов и предпочел бы обойтись без этого, сразу уйдя за перешейки.

Впрочем, для «Червонцев» хватило даже не боя, а фактически только демонстрации. Под прикрытием огня бронепоездов Слащов развернул в лаву триста конников, которые атаковали головные части Примакова и… остановили их, как выяснилось, на всю зиму. Решиться же судьба Крыма должна была на Перекопе, и здесь же предстояло держать экзамен тактике, избранной на зимнюю кампанию генералом Слащовым.

Он отнюдь не склонен был идеализировать своих солдат. С теми войсками, какие были в его распоряжении, Яков Александрович «совершенно не признавал» даже «сиденья в окопах», объясняя на военном совете в Севастополе: «На это способны только очень хорошо выученные войска, мы не выучены, мы слабы и потому можем действовать только наступлением». Таким образом, по самой постановке задачи Слащову предстояло оборонять Крым… наступая.

Он не стал подтягивать войска к Турецкому Валу и городу Перекопу, расположив их значительно южнее, где полки можно было разместить на постой в крестьянских хатах; противнику же, пытающемуся проникнуть на полуостров, предстояло идти в течение целого дня по открытому, продуваемому всеми ветрами Перекопскому перешейку, не имея возможности остановиться и обогреться, – а на входе в Крым, перед юшуньскими позициями, которые и стали его подлинными «воротами», большевиков встречали относительно свежие белые части.

В первом же бою такой оперативный замысел полностью оправдал себя. Бой, впрочем, оказался нелегким, и пришлось бросить в штыковую юнкерский батальон Константиновского военного училища, приберегавшийся Слащовым в качестве его личного резерва, а теперь понесший значительные потери. Убитого командира роты нашли «с застывшей правой рукой, занесенной ко лбу для крестного знамения», и, казалось, этим крестом не в меньшей степени, чем штыками юнкеров, было совершено чудо: большевики обратились вспять. Еще несколько раз они будут переходить в наступление и… неизменно терпеть неудачи. Судьба Крыма висела на волоске, то и дело фронт трещал, но войска каждый раз с честью справлялись с тяжелой задачей, и всем было ясно, какую неоценимую роль играл в этом возглавлявший оборону генерал.

Превосходно понимая эффект своего появления в конной атаке или пехотных цепях, Яков Александрович стремился

воздействовать на воображение солдат, представая перед ними в ореоле какого-то сказочного героя. Этому способствовала и необычная, выдуманная самим генералом форма: опушенная черным мехом короткая белая куртка, меховая же шапка, летящая за плечами белая бурка; в боях генерала сопровождала влюбленная в него сестра милосердия Нина Нечволодова, в мужской одежде и под именем «юнкера Никиты Нечволодова» служившая в Штабе корпуса ординарцем[101]… Кроме ордена Святого Георгия, на своей куртке Слащов всегда носил академический нагрудный знак и знаки родного Финляндского полка и Московского, которым в свое время командовал, – причем Финляндский крест с девизом «За Веру, Царя и Отечество» в нарушение существовавших правил был привинчен на одном уровне с «Георгием». Блистательным видением, подобно Суворову или Скобелеву, проносился перед полками этот поистине «Белый» генерал, и полки шли за ним в огонь и совершали под его командою чудеса. А он после очередных боев благодарил войска – тоже «не по уставу»:

«Спасибо, братья, за то, что вы спасаете Россию…[102]

От меня земной поклон. Больше благодарить не умею…»

Но в тыл летели от Слащова телеграммы совсем другого тона и содержания. «…Передай, что вся тыловая сволочь может слезать с чемоданов», – раздраженно бросает он после победного боя своему адъютанту. «Тыловая сволочь», «тыловая слякоть», «паразиты морального сыпняка» – все это подлинные слова из приказов и телеграмм генерала, свое пребывание на полуострове начавшего с громогласного объявления:

«На фронте льется кровь борцов за Русь Святую, а в тылу происходит вакханалия. Лица же офицерского звания пьяными скандалами позорят имя добровольцев, в особенности отличаются чины дезертировавших с фронта частей. Все это подрывает веру в спасение Родины и наш престиж. Вдобавок спекуляция охватила все слои общества. Между тем, забывшие свою честь видимо забыли и то, что наступил серьезный момент и накатился девятый вал. Борьба идет на жизнь и на смерть России.

Согласно приказа, я обязан удержать Крым и для этого облечен соответствующей властью и располагаю достаточными силами, но для поддержки фронта мне необходимо оздоровление тыла. Я прошу граждан помочь мне. Общественные организации и классовые комитеты, любящие Родину, придите совместной работой поддержать меня. Об этом я прошу всех, не потерявших совесть и не забывших своего долга, а остальным заявляю, что буду продолжать борьбу не один[103]*, так как бессознательность и своекорыстность жителей меня не остановит. Не остановлюсь и*

перед крайними мерами…

…Повторно разъясняю, что мне ген[ералом] Шиллингом приказано удержать Крым и что я это выполню во что бы то ни стало и не только попрошу, а заставлю всех помочь. Мешающих же этому сопротивлением и индифферентностью из-за корыстных целей, наносящих вред борцам за Русь Святую, говорю заранее: упомянутая бессознательность и преступный эгоизм к добру не поведут. Пока берегитесь, а не послушаетесь – не упрекайте за преждевременную смерть».

Подобные грозные приказы накрепко связали с именем генерала ярлык «вешателя». На самом деле по конфирмованным Яковом Александровичем приговорам за крымский период его деятельности было казнено немногим более тридцати человек, а свидетельств о тайных или бессудных расправах, которые приписывала генералу молва, не смогло впоследствии разыскать даже отнюдь не благоволившее к Слащову следствие. Казненные же, за небольшим исключением, проходят двумя группами: по «делу офицеров отряда капитана Орлова» (взбунтовавшегося под туманным лозунгом «оздоровления тыла», после суровых телеграмм Слащова подчинившегося ему, но затем вновь изменившего; офицеры разгромленного отряда были расстреляны) и «делу четырнадцати». Последнее стало одним из самых громких событий в жизни Крыма весной 1920 года. Причина этого крылась в несомненном нарушении судебной процедуры, что было, однако, вызвано обстоятельствами, не предусмотренными никаким судебным уставом.

Четырнадцать красных подпольщиков были схвачены с поличным при подготовке вооруженного восстания, которое неизбежно повлекло бы кровопролитие и значительные человеческие жертвы. Вина была очевидна, – но остававшиеся на свободе сообщники подсудимых в подметных письмах всем, от кого зависел будущий приговор, пригрозили им смертью в случае, если он окажется суровым. Испугавшиеся судьи оказались, конечно, снисходительными к изобличенным заговорщикам, но одновременно обратились за помощью к Слащову.

Генерал откликнулся на «слезное моление», явился с юнкерами в севастопольскую тюрьму, где содержались арестованные, вывез их в свой штаб и в ночь на 12 марта предал повторному военно-полевому суду из фронтовиков, угроз не боявшихся и приговоривших подпольщиков к смертной казни; немедленно все четырнадцать были расстреляны. Разумеется, перед лицом большевицкого шантажа Яков Александрович чувствовал себя совершенно правым, а сам заговор не без оснований рассматривал как единое целое с очередной попыткой

наступления красных на Перекопе: «Я беспокоился о судьбе Крыма… и потому одновременно разбил противника и утвердил приговор о расстреле предателей». Таким образом, все суровые приговоры, утвержденные «кровожадным Слащовым», вполне отвечали военной обстановке, когда кара вообще ужесточается, а судебная процедура – упрощается.

Что же касается «темных дел» крымской контрразведки, то она подчинялась Слащову весьма относительно. Собственно говоря, это было вообще не войсковое учреждение, а отделение уголовного розыска, лишь в условиях военного времени привлеченное к сотрудничеству с армией (чем Яков Александрович тяготился, стремясь организовать свою корпусную контрразведку) и к политическому сыску, первым же объектом которого стал… сам командир корпуса.

«Что мне ваш Слащов, я сам назначен за ним следить и сумею его скрутить», – кричал, подвыпив, начальник отделения, губернский секретарь Л. А. Шаров, и эта слежка была еще самым невинным в его деятельности. Так, он предлагал офицерам слащовского Штаба купить у него кольцо, которое, как вскоре выяснилось, принадлежало одному из расстрелянных, и Яков Александрович саркастически писал впоследствии, что нашлось бы немало «друзей», порадовавшихся, «если бы это кольцо оказалось у меня или у кого-нибудь из моих приближенных, но этой радости не суждено было осуществиться».

Недоброжелателей у генерала и в самом деле хватало. Оказавшись старшим военачальником на полуострове, он невольно сосредоточил в своих руках слишком большую власть, хотя и старался не вмешиваться в тыловые дела и оставлял за собой роль некоего верховного арбитра, чье участие требуется лишь при исключительных обстоятельствах, когда гражданская власть оказывается неспособной решить возникающие проблемы. Заслужил Слащов и репутацию человека, при котором «было совершенно немыслимо какое-либо “окружение”, влияющее на ход дела». Но все это вызывало неприязнь тех, кто в условиях фронтовых неудач и общего кризиса деникинской власти хотел бы прибрать к рукам полуостров. Влиятельная политическая группировка настойчиво выдвигала на первые роли барона Врангеля, и распространение клеветнических, порочащих слухов о Слащове можно отчасти отнести на счет завистников и интриганов из своего же, Белого лагеря. А отношение к борьбе за власть самого Якова Александровича не замедлило проявиться после эвакуации остатков Вооруженных Сил Юга России с Северного Кавказа в Крым, на военном совете, созванном для избрания преемника Деникину.

* * *

«У нас нет выборного начала, – негодовал Яков Александрович. – Мы не большевики, это не Совет солдатских депутатов. Пусть генерал Деникин сам назначит, кого он хочет, но нам выбирать непригоже…» В то же время и совершенно уклониться от решения судьбы Белого движения Слащов не мог. Бросив заседание, он уехал на фронт, но перед этим в кулуарной беседе дал понять, что не станет возражать против назначения Деникиным генерала П. Н. Врангеля. Надо заметить, что, пожелай Слащов претендовать на первую роль сам, у него также нашлись бы сторонники. Однако генерал не стремился к власти, и Главнокомандующим стал барон Врангель.

Врангелю не нравилось в Слащове многое, начиная с чрезмерной эмоциональности и пышного костюма, – но больше всего, конечно, раздражала настойчивость, с которой Яков Александрович стремился убедить его в правильности и неотложности тех или иных предлагаемых мер. Главнокомандующий скептически относился к большинству слащовских ходатайств и рекомендаций, считая их причудами взбалмошного и неуравновешенного человека, однако в военных талантах отказать генералу было невозможно, и для проведения крупной войсковой операции в начале марта под начало Якова Александровича, произведенного в чин генерал-лейтенанта, Врангель свел практически все имевшиеся в наличии боеспособные силы. Именно тогда, во время шестидневного боя на перешейках, произошел самый красивый, легендарный и даже неправдоподобный эпизод биографии Слащова.

Это было 2 апреля на Чангарском мосту. Переправившиеся через узенький пролив белые были отброшены обратно на крымский берег, и создалась угроза форсирования пролива советскими войсками. Под прикрытием артиллерийского огня их цепи уже спускались к соединяющей берега гати. И генерал Слащов лично повел в атаку свой последний резерв.

Батальон юнкеров в 120 человек был усилен танкистами, чьи тяжелые машины все равно не могли двинуться вперед. Выстроив этот сборный отряд в колонну и приказав оркестру играть марш, Слащов вывел своих людей на гать – и…

В советской литературе подобные действия принято называть бессмысленным термином «психическая атака». На самом деле моральный эффект, эмоциональное воздействие, имеющее целью сломить волю противника, присуще абсолютно *любому* виду военных действий – атаке, маневру, удачно выстроенной обороне, хорошо организованному артиллерийскому огню; слащовский же

марш по Чангарской гати в основе своей имел не «психические» (психологические), а самые что ни на есть рациональные соображения.

Оркестр в бою и присутствие в первых рядах атакующих старшего начальника хотя и были средством исключительным, но отнюдь не относились к области чего-то необычного или еретического. Будущих офицеров фактически *готовили* к этому в русских военных училищах, причем оркестр, знамена и проч., равно как и сам сомкнутый строй на поле брани, считались средствами сплочения и воодушевления *своих* войск, а вовсе не «запугивания» врага. Не следует упускать из виду и тактических особенностей атаки на Чангаре: для ее успеха необходимо было подвести атакующих к противнику «компактной», плотно сбитой массой, которая могла бы всем своим импульсом разметать красные ряды; при преодолении гати перебежками или еще каким-либо «полевым» способом были бы потеряны управление и эта «компактность», хотя колонна, конечно, выглядела гораздо более уязвимой для огня.

Впрочем, огонь оказался абсолютно неэффективным. Мгновенно изменившаяся обстановка на поле боя, нервируя красных, заставляла их спешить, опомнившаяся белая пехота тоже устремилась в атаку, поддерживая колонну Слащова, а вслед за генералом по мосту двинулись бронепоезда. В конце гати юнкера ударили в штыки, опрокинули и погнали противника.

Результат боя на Чангаре превзошел все ожидания – красные были отброшены, а белые получили плацдарм для дальнейшего продвижения на материк. В том, что оно предстоит, никто не сомневался: Главнокомандующий по настоянию Слащова специально объявил о невозможности мира с большевиками. Штаб Врангеля, впрочем, мог еще в конце марта вынашивать планы переноса боевых действий в Северную Таврию. Тогда попытка не удалась, и, быть может, именно поэтому начал завязываться узел неприязни и взаимного недоверия, которые в недалеком будущем окончательно испортят отношения Врангеля и Слащова.

Момент прорыва на материк наступил в ночь на 25 мая. Накануне общего удара на перешейках корпус Слащова (после очередной реорганизации он стал называться 2-м армейским) высадился на побережьи Азовского моря, несмотря на жестокую болтанку, почти шторм, и удары налетавшей советской авиации. Не давая опомниться ни своим войскам, ни тем более противнику, генерал лично повел конницу. Началось победное наступление Слащова на Мелитополь.

В Мелитополь он ворвался уже 29 мая, как всегда, первым, в

сопровождении всего лишь пятерых конвойцев. Вокруг еще бушевал бой, людьми владело ожесточение, но когда белые конники наскочили на большую группу бросивших оружие и испуганно сгрудившихся красноармейцев, – оказавшийся неподалеку генерал бросился наперерез: «Это наши братья, не сметь их рубить!» – и был встречен дружным и благодарным «ура» пленных. Вообще очень человечный по отношению к сдающимся, Слащов в те дни с полным правом писал в распространяемой по Таврии листовке:

«Стрелки 3[-ей] Советской Дивизии.

Ваши комиссары наврали Вам, что мой корпус расстреливает пленных.

Ни один пленный красноармеец не расстрелян – после перехода к нам буду считать Вас своими братьями – Русскими людьми.

Ни один мужик корпусом не ограблен – иду с русским народом и за народ.

Слащов»

Успех, впрочем, имели не только эти воззвания, но и активные действия слащовских дивизий; рассказывали, что среди воевавших против них красноармейцев были случаи отказа идти в бой, «потому что Слащов – непобедим»… И свою репутацию генерал как нельзя лучше подтвердил в боях, за которые был награжден только что учрежденным орденом Святителя Николая Чудотворца II-й степени.

Однако стратегических последствий майско-июньские операции, включая даже сокрушительный разгром советской конной группы Д. П. Жлобы, не возымели. Во всем «врангелевском периоде» войны вообще не видно единой стратегической идеи: стремительным ударом заняв всю Северную Таврию, Главнокомандующий как будто поставил задачей удержание освобожденной территории – как показывал опыт, крайне рискованный, если не заведомо обреченный на неудачу способ действий.

Слащов, в отличие от Врангеля, имел четко сформулированный стратегический план, бывший, впрочем, не менее рискованным. Он указывал Врангелю на Правобережье Днепра, где разгорались крестьянские восстания и откуда можно было взять во фланг группировку советского Юго-Западного фронта, действующую против поляков. Риск же заключался в том, что немногочисленная армия была не в состоянии, перенося центр тяжести своих операций за Днепр, одновременно надежно прикрыть Северную Таврию. Очевидно, Слащов готов был даже поступиться Крымом, но Врангель с этим планом согласиться не мог.

Речь здесь шла, сознавали это или нет оба генерала, о принципиальном характере Белого движения. Стратегия Слащова восходила к традиции раннего, еще корниловского добровольчества – эпохе ледяных походов, кочующих армий и пренебрежения базой и линией фронта, Главнокомандующий же предпочитал прочно закрепить за собою всю Таврию, создав там «опытное поле» русской государственности. Недалекое будущее показало, однако, что фактическая передача инициативы в руки противника к добру не приводит, и уже в конце июля за нее пришлось расплачиваться Каховкой…

Захват Каховского плацдарма на левом берегу Днепра стал значительным успехом красных. Изнемогавшие в боях полки Слащова несколько раз били и сбрасывали в реку переправлявшихся большевиков, но численное превосходство тех было слишком большим, с высокого правого берега советская артиллерия господствовала над левобережьем, и разгромить занявшую плацдарм красную группировку можно было попытаться только во взаимодействии с конным корпусом генерала И. Г. Барбовича. Однако Врангель не торопился подчинять его Слащову, а когда это все-таки было сделано, предписал Барбовичу «усиленно беречь конницу» и в конце концов отдал категорический приказ вывести из боя уже втянувшиеся в него конные полки и отойти в резерв. Ссылаясь на «офицеров, служивших под начальством Слащова и бывших возле него во время этой операции», современник рассказывал, «как рыдал Слащов, когда эта конница, получив повторное приказание из штаба Врангеля, наконец решительно отказалась повиноваться Слащову и ушла в тыл…»

Всяким человеческим силам положен предел. Это прекрасно понимал Яков Александрович, и наибольшим, чего он мог добиться, было нанесение противнику возможно сильнейшего урона. Но если это и было достигнуто (белые в те дни забирают пленных в количестве, заметно превосходившем их собственную численность), изменить стратегическую обстановку уже не удается: инициатива и здесь перешла к большевикам.

Наверное, понимал это и Врангель; по крайней мере, Слащову была прислана из Ставки телеграмма, чрезвычайно резко оценивавшая его действия. Не одержав победы на «внешнем» фронте, Главнокомандующий достиг ее на фронте «внутреннем», спровоцировав неугодного ему генерала на рапорт об отставке, которая и была принята 4 августа 1920 года.

* * *

Слащов чувствовал себя уязвленным, однако на всеобщее обозрение назревающий конфликт вынесен не был. Главнокомандующий хотел удержать Якова Александровича от перехода в активную оппозицию: популярность генерала в войсках и среди населения Крыма могла сделать его опасным противником, а вражда между двумя личностями такого масштаба грозила дестабилизацией политической обстановки. Понимал это и Слащов, во имя общего дела занявший позицию демонстративной лояльности к Главнокомандующему. Впрочем, внутренняя напряженность отнюдь не исчезла.

Не прошло и недели после многократно опубликованного хвалебного приказа Врангеля – «России отдал генерал Слащов свои силы и здоровье и ныне вынужден на время отойти на покой», – как на «отошедшего на покой» было заведено уголовное дело по статье, говорившей об «умышленном убийстве, изнасиловании, разбое, грабеже и умышленном зажигательстве или потоплении чужого имущества», с «особым надзором начальства» в качестве меры пресечения. Обвинения вызвали вполне понятное и громогласное негодование Якова Александровича, после чего «подследственному» было официально поручено возглавить комиссию по вопросам улучшения быта военнослужащих (!), а обвинения «смягчили» до сознательного «попустительства» начальника подчиненным ему преступникам. Все это, в общем, выглядело дурным анекдотом, тем более что следствие заглохло за отсутствием каких-либо данных о действительных или мнимых преступлениях Слащова. С другой стороны, полностью игнорированы были и рекомендации, сделанные его комиссией (ужесточить сбор налогов, предложить имущим кругам «сознательно отдать половину своего состояния… на финансовое и экономическое возрождение России» и «воздвигнуть виселицу для спекулянтов… торгашей и себялюбцев»). «Улучшение его здоровья оказалось лишь кажущимся[104], – писал в связи с этим докладом Врангель о Слащове. – Отдых, повидимому, не рассеял тумана в его голове».

Эта реплика – единственное, что счел нужным Главнокомандующий сказать о полководце, которому был немало обязан, – лишь один образчик вакханалии сплетен, разыгравшейся вокруг имени опального генерала. Беспрестанно повторялось: Слащов – алкоголик, ни дня не способный прожить без спиртного, кокаинист, находящийся под постоянным воздействием наркотика, наконец, просто сумасшедший, все же успехи его – прихоть слепого случая. Думается, лучший ответ на подобные домыслы дал сам генерал в разговоре с П. А. Клодтом, состоявшемся уже в Константинополе.

«Я откровенно высказал Я[кову] А[лександровичу] все, что слышал о нем неблагоприятного, – вспоминал Клодт. – *Он выслушал меня и ответил: “Меня рисуют отчаянным пьяницей, кокаинистом, приписывают мне целый ряд чуть ли не преступлений. Вы меня хорошо знаете. Можете ли Вы этому поверить? Видели ли Вы меня когда-нибудь пьяным? Что я любил выпить, я этого не отрицаю, но пьяным меня ни Вы и никто в полку не видел. Что касается кокаина, то я прибегал к нему, когда для спасения дела мне приходилось не спать по несколько ночей сряду. Но кто же может за это осудить меня? Привычным кокаинистом я никогда не был. Мне приходилось действовать в исключительно трудной обстановке, я мог ошибаться, но все мои поступки отвечали моей совести. Другой образ действий я считал бы недостойным моего родного полка, о котором всегда помнил. Если бы я вел такую жизнь, какую мне приписывают, неужели это не отразилось бы на моем здоровье, на моем внешнем виде? Разве я уж так изменился?” Я смотрел на него – передо мною стоял прежний Я[ков] А[лександрович] с своей обычной улыбкой, очень мало изменившийся, несмотря на свое вообще некрепкое здоровье и на все бесчисленные ужасы, которые ему пришлось пережить. Я расстался с ним успокоенный».*

Последнее тоже немаловажно, ибо внешний облик генерала становился объектом пересудов не в меньшей степени, чем все остальное. Но обращаясь к мемуарным свидетельствам, мы видим, что на каждое отталкивающее описание опустившегося или не вполне нормального человека находится противоположное, рисующее Слащова жизнерадостным и здоровым (вплоть до рассказа Владыки Вениамина: «Бодрящее и милое впечатление произвел он на меня. Что-то лучистое изливалось от всей его фигуры и розового веселого лица…»), – здоровым за исключением многочисленных ранений, иные из которых – особенно рана в ступню – мучительно тревожили его, также, возможно, заставляя прибегать к болеутоляющим средствам. Слащов, не раздумывая, ставил на карту свое здоровье с той же легкостью, как в бою – свою жизнь, и именно потому, что должен был быть в бою независимо от состояния здоровья. Современник и запомнил его в атаке «в валенке на одной ноге и в сапоге на другой» – нестерпимая боль не позволяла даже надеть сапог…

Ореол славы «спасителя Крыма» продолжал окружать Слащова. 20 августа ялтинская городская дума преподнесла ему звание почетного гражданина Ялты, и в начале сентября Яков Александрович переезжает туда из Севастополя, однако ненадолго. Тревожные слухи о тяжелых боях в Северной Таврии,

конечно, не могли миновать его; по приглашению Врангеля генерал приезжает в Ставку, но возвращается разочарованным, не увидев там духа решимости, дерзания, уверенности в собственных силах. В Севастополе же Яков Александрович неожиданно для себя, да должно быть, даже и не догадываясь тогда об этом, сам оказался… угрозой Главнокомандующему: тому показалось опасным внимание публики, окружившее яркую фигуру «генерала Крымского». 20 октября Слащов получил предписание «незамедлительно отправиться в распоряжение генерала Кутепова»; «одновременно, – писал Главнокомандующий, – сообщаю последнему о Вашем выезде и предлагаю использовать Вас для объединения командования частями на одном из участков фронта». Якову Александровичу осталось неизвестным, что «последнему» в действительности, по позднейшему признанию самого Врангеля, было приказано, «чтобы он задержал генерала Слащова при себе, не допуская возвращения его в Севастополь». В штабе Кутепова Яков Александрович и узнал о падении Перекопских и Юшуньских позиций. Но окончательно все испортили, по его мнению, даже не поражения в боях, а приказ Главнокомандующего и объявление Правительства об эвакуации, изданные и распространенные 29 октября 1920 года.

Слащов негодовал, оценивая их как призыв «Спасайся, кто может!» и считая, что именно они сделали остатки Армии небоеспособными. И все же генерал не успокаивался, предлагая Врангелю «из тех, кто не желает быть рабом большевиков, из тех, кто не желает бросить свою Родину, – сформировать кадры Русской Армии, посадить их на отдельные суда и произвести десант в направлении, доложенном вам мною еще в июле месяце и повторенном в моих докладах несколько раз».

Здесь перед нами вновь не просто столкновение двух личностей, а несхожесть принципов борьбы. Для Врангеля, который заблаговременно распорядился готовить эвакуацию, уже было позволительным покидать Россию на неопределенное время и с неопределенными перспективами и фактически отдавать беженцев и, что еще важнее, Армию на милость союзных держав; наступал новый этап борьбы, по-прежнему остающейся антибольшевицкой, национальной, освободительной, но уже отходящей от прежних Белых традиций. Напротив, Слащов – весь в прошлом, во вчерашнем дне героической Белой Легенды, эпохе безумного самопожертвования и несомненной, не подвергаемой обсуждению готовности «победить или умереть» здесь, в России, никуда не уходя с родной земли. В пользу Врангеля говорит спасение от большевицкой расправы, по разным оценкам, 135–150

тысяч человек, но и авантюра Слащова в условиях крайнего изможденияя сил красных, похоже, имела все-таки некоторые шансы на оперативный успех и могла затянуть войну еще на одну зиму. Победила же, конечно, точка зрения Врангеля, попросту не вошедшего в рассмотрение планов своего порывистого подчиненного. Вместе с Кутеповым Слащов в ночь на 1 ноября возвращается в Севастополь и делает попытку прорваться к Главнокомандующему, но тот, опять же через Кутепова, отказывает ему. И Яков Александрович, взвинченный происходящим на его глазах крушением всего Белого Дела, кажется, начинает приходить к рискованным решениям…

* * *

Обстановка была для него слишком тягостной. Эвакуация Врангеля из Крыма, конечно, по организованности далеко превосходила то, что творилось, скажем, в Новороссийске, – но никакой исход многотысячных людских масс, из которых дисциплинированные воинские контингенты составляли не более трети, по самой природе своей не может пройти совершенно гладко и всегда будет сопровождаться трагедиями, недостатком мест, сутолокой, неразберихой, сломанными человеческими судьбами. На впечатлительного и эмоционального Слащова, не обладавшего беженским опытом и оказавшегося среди такого человеческого водоворота впервые, все это должно было произвести особенно сильное впечатление, достигшее кульминации, когда он столкнулся с остатками Лейб-Гвардии Финляндского полка.

С Финляндцами было Георгиевское знамя, врученное Государем в 1906 году. Священное полотнище удалось пронести через всю Смуту, спасая от большевицкого надругательства, – теперь же, несмотря на личное распоряжение Врангеля, места полку и знамени на кораблях не нашлось; но, когда офицеры уже готовились зарывать в землю полковую святыню, судьба послала им Слащова.

Спасение знамени – честь, о которой мог только мечтать любой солдат и офицер, – стало последним деянием генерала Слащова-Крымского на еще свободной русской земле. Пользуясь своей популярностью среди морских офицеров, он устроил Финляндцев на ледокол «Илья Муромец» и сам взошел на его борт, поскольку назначенного для генерала корабля уже не было в порту. Ко всему этому добавлялись еще страшные подозрения о свившей гнездо в штабах измене, и хотя документальных

оснований для таких обвинений нет, субъективные переживания возмущенного и мечущегося Слащова уже толкали его, кажется, на попытку переворота.

Его видят и на рейде Севастополя, и в первые часы изгнания, в константинопольской бухте, – на палубе корабля с рупором в руках. Он что-то кричит; «пытался оправдаться», – заметит много лет спустя один из очевидцев, – но тогда Слащову еще не в чем оправдываться, и он не оправдывается. Он обвиняет. Только теперь, когда все рухнуло, и ни днем ранее, он идет в открытую атаку на Главнокомандующего, которого считает недостойным его поста. И союзника себе Слащов ищет в генерале Кутепове.

«Приехав в Босфор, – рассказывал Яков Александрович, – *я… указал Кутепову на необходимость смены штаба.*

Кутепов во всем со мной согласился и взялся передать генералу Врангелю мой рапорт…»

На самом деле поданный 19 ноября 1920 года рапорт говорил отнюдь не только о «смене штаба». Упрекая Главнокомандующего в потере Крыма, Яков Александрович требовал у Врангеля передать свой пост Кутепову. Верный себе, Слащов подчеркивал впоследствии, что, по его мысли, смена Главнокомандующих должна была произойти легальным путем, «чтобы сохранился принцип п р е е м с т в е н н о с т и в л а с т и[105], чтобы не было того, что принято называть coup d'e2tat[106]», – признавая тем самым, что налицо все-таки была попытка переворота.

Но Врангелю удалось погасить бунт быстро и без лишнего шума. Очевидно, он убедил Кутепова в нецелесообразности подобных действий и предоставил ему полную власть над самыми стойкими кадрами Армии, размещенными в Галлиполи, себе же оставил защиту нужд и интересов русских беженцев перед союзным командованием в Константинополе. В этом распределении ролей для генерала Слащова не было места, и он исключается из состава Армии.

Новым ударом для него стала резолюция «собрания русских общественных деятелей», призывающая во имя продолжения борьбы с большевизмом сплотиться вокруг Врангеля. Слащов в письме к председателю собрания повторил упреки, брошенные им ранее Главнокомандующему, но они не были услышаны. Врангель же, созвав «суд чести старших офицеров Русской Армии», 21 декабря уволил генерала Слащова-Крымского от службы «без права ношения мундира».

Возмущенный Слащов доказывал, что приказ был незаконным. Теперь генерал дрался в одиночку, и следующим его ударом стал выпуск в январе 1921 года книги «Требую суда общества и гласности (Оборона и сдача Крыма)», в которой он

настаивал на моральном осуждении Главного Командования. Книга привлекла к себе внимание публики, и в глазах «общества», к которому апеллировал Слащов, два генерала окончательно стали антиподами. И тем не менее громом среди ясного неба оказался следующий шаг «генерала Крымского», в первой половине ноября 1921 года неожиданно уехавшего из Константинополя… в Советскую Республику.

Во многом он был олицетворением само́й Белой борьбы – один из первых Добровольцев, «победитель махновцев и петлюровцев» (формулировка агитационного плаката с его портретом), защитник Крыма, монархист, солдат до мозга костей, демонстративно враждебный «гнилому тылу»… – и теперь его отъезд давал великолепный повод для скрытого злорадства тем, кому был антипатичен как сам Слащов, так и дело, за которое он сражался три года. Теми же, кто не питал к генералу злобы, овладело недоумение.

Зачем он это сделал?!

* * *

Не избежать этого вопроса и нам – слишком уж противоречит «возвращение»[107] Слащова всей его предыдущей биографии. Дальнейшее в значительной степени относится к области неподтвержденных (а может быть, и неподтверждаемых) догадок, поэтому следует сразу сделать два принципиальных замечания.

Разумеется, генерал Слащов был далеко не единственным белогвардейцем, эмигрировавшим, а затем вернувшимся в Россию. Именно поэтому в данном случае мы не собираемся выводить каких-либо общих правил для «возвращенцев» и не считаем, что «возвращение», пусть даже десятков тысяч, само по себе способно объяснить «возвращение» одного человека. Мы – не о десятках тысяч; мы – об одном генерале Слащове.

Другое исходное положение наших рассуждений относится как раз не к общему, а к индивидуальному. «Чужая душа – потемки», и исследователь может, разумеется, признать за своим героем «право» в любой момент совершить любой поступок, логически не связанный ни с предыдущим, ни с последующим или даже противоречащий всему, что мы знаем о человеке. Тем не менее в случаях, когда имеются конкретные факты биографии, окружающие такой спорный поступок, игнорировать их недопустимо, особенно если они к тому же выстраиваются в какую-либо систему; а именно логическую систему мы и попробуем увидеть в тех событиях и свидетельствах

современников, которые до сих пор были недостаточно известны.

Не приходится обсуждать злобных обвинений, что Слащов был «куплен», поскольку сребролюбие никогда не было свойственно Якову Александровичу, более того – еще в начале Гражданской войны все вывезенные из Петрограда личные ценности были им потрачены на нужды белогвардейской организации, – и непонятно, почему вдруг в эмиграции его в одночасье оказалось столь легко «купить». Версия, будто эволюция взглядов генерала началась еще весной 1920 года под влиянием воззвания к русским офицерам А. А. Брусилова и группы других старых военачальников, ни на чем не основана, а приводимая ее автором ссылка на документальный источник фальсифицирована (Слащов там даже не упоминается). Более правдоподобными выглядят предположения о «тоске по родине» или желании «не отделяться от России и переносить все, выпавшее ей на долю, веруя, что “претерпевший до конца, той спасен будет”[108]», но оба они отличаются умозрительностью и недоказуемостью, апеллируя, в сущности, к тем самым потемкам в чужой душе. Не выдерживает критики и заявление о «раскаянии», ибо в опубликованных уже в СССР мемуарах Якова Александровича, несмотря ни на что, как раз раскаяния-то и не видно: они написаны с чувством спокойной гордости за все содеянное, а фразы о собственном «недостатке сознательности» звучат при этом едва ли не злой иронией.

Среди личных мотивов упоминались также малодушие, слабость, «соблазн», обида, уязвленное самолюбие, причем даже автор, решительно не приемлющий слащовского поступка, писал об этом:

«…Слащова больше жалели, но не презирали.

Жалели за малодушие, обычно ему не свойственное, жалели за то, что общую прекрасную белую идею, которой он когда-то так доблестно служил, ему не удалось поставить выше личного, случайного, жалели за ложный, самоубийственный шаг, повлекший за собой все последующие и доведшие его до окончательного морального падения.

Жалели, – но, кажется мне, не ненавидели.

Особенно те, кому хоть некоторое время довелось быть с ним в боевой работе».

Это свидетельство очень ценно. Выдвигая версию о «личном, случайном» как главном мотиве Слащова, оно, в сущности, само же и подводит к ее опровержению, показывая, что личность генерала не до конца утратила вес в белогвардейских кругах даже после шага, однозначно квалифицированного многими как «измена». А ведь противостояние с Врангелем могло стать

основной причиной отъезда в РСФСР, только если бы оно повлекло за собою остракизм, полное изгнание Слащова из той среды, которая была для него единственно близкой. Но эмиграция отнюдь не была однородной, и оставаться белогвардейцем вполне можно было и не будучи «вранжелистом» (выражение В. В. Шульгина). Так, с явным пиететом относились к Слащову радикальные монархические круги, испытывавшие явный недостаток громких имен, – и у Якова Александровича были все данные, чтобы занять в какой-либо из подобных организаций высокое положение, позволяющее, кстати, и избежать материальной нищеты. Более того, он и сам «состоял в распоряжении» Великого Князя Димитрия Павловича чуть ли не накануне отъезда в РСФСР. Наконец, были бы определенные шансы на успех и у самостоятельной «слащовской партии», пожелай генерал собрать вокруг себя единомышленников и начать свою собственную политическую игру, – коль скоро на Церковном Соборе в Сремских Карловцах находились фантазеры, в кулуарах выдвигавшие кандидатуру Якова Александровича на… Российский Престол «якобы как незаконного сына Александра III» (!!); самое удивительное, что было это, когда генерал уже находился в Советской Республике (Собор проходил с 21 ноября по 3 декабря 1921 года).

Вся эта эмигрантская каша, в которой серьезные и выстраданные чувства порой соседствовали с откровенным фарсом, тогда еще только заваривалась, так что возражение, будто Слащов мог сразу разглядеть бесперспективность подобных попыток и предпочесть службу в «настоящем», хотя бы и большевицком государстве, – не выглядит убедительным. Да, наконец, осенью 1921 года еще не окончилась вооруженная борьба, на Дальнем Востоке сражалась Белоповстанческая Армия, и обсуждались даже проекты переброски туда русских войск из Турции. И как бы скептически ни относился Яков Александрович к любой эмигрантской деятельности, – это не объясняет, почему он мог предпочесть ей режим, с которым начинал войну одним из *первых* и заканчивал одним из *последних* (и *последним* из военачальников его уровня, кто еще рвался в бой после падения Перекопа и Юшуни!). «Зачем он туда поехал? Что его привлекало там? – размышлял генерал Клодт. – Опасность, которой он подвергался, была очевидной; что же он рассчитывал получить взамен? Скромная роль “военспеца” едва ли могла его прельщать, он был слишком крупный человек, чтобы соблазниться такой “серой” будущностью…»

Единственное, казалось бы, чем *мог* «соблазниться» генерал Слащов, предпочтя «Совдепию» – «эмигрантщине», *могла* стать

вывернутая большевиками идея «Единой Неделимой России», борьбы за «русские рубежи» (и Советскую власть) против мифической «интервенции» иностранных держав, в недружелюбии которых кто-кто, а уж белогвардейцы-то смогли убедиться на собственном опыте. Только это могло найти отклик у русского офицера, и только на этот «соблазн» и *мог* поддаться Яков Александрович.

Мог… но поддался ли?

Конечно, как и все Белые вожди, он был «единонеделимцем» и, как большинство белых, испытывал к союзникам по Антанте чувства, варьировавшиеся от сдержанной неприязни до яростной ненависти (к «предателям-французам»). Но кроме того и прежде того он был антикоммунистом, понимавшим, что хуже большевиков для России ничего быть не может. Ведь это он в 1920 году допускал идею «федерации с Украиной»; это он стратегические планы кампании 1920 года развивал в направлении боевого сотрудничества с Польшей; это он весной того же 1920-го удовлетворенно объявлял в приказе поступившие с Дальнего Востока сведения, что «Япония начала энергичные наступления[109] своей армией»; наконец, это он, уже в Константинополе, вполне дружелюбно разговаривал с представителями английской разведки. Верность «Единой Неделимой» независимо от цвета флага над ней стала официальным объяснением поступка Слащова… но насколько это объяснение соответствовало истине?

А ведь существуют и другие факты, позволяющие утверждать, что незадолго до отъезда в РСФСР взгляды генерала Слащова оставались прежними. Так, Александр Вертинский слышал, как Яков Александрович «кричал, что Россию продали немцам». Артист, признававшийся: «Трудно было понять что-нибудь в этом потоке бешенства», – отнес реплику на счет «издевательств над германским происхождением Врангеля» (не немца, а шведа в довольно отдаленном поколении), но в устах Добровольческого офицера она имела смысл вполне однозначный: «немецкими наемниками» с начала и до конца войны именовались большевики…

И все-таки генерал в конце концов принял предложение советских эмиссаров в Константинополе об амнистии и отъезде в РСФСР.

Почему же?

Для ответа на этот вопрос следует обратить внимание на некоторые обстоятельства, пока ускользавшие от внимания тех, кто писал о «возвращении» генерала Слащова. Дело в том, что, помимо красной агентуры, на Якова Александровича стремились

оказывать влияние и многочисленные сторонники идеи консолидации сил и сплочения вокруг Врангеля.

«…Кроме Врангеля и Слащова Армия никого не знает.

Других имен, могущих объединить и спаять изверившихся во всех и всем солдат, – нет…

Надо протянуть друг другу руки, и тогда Армии, страдающей на чужбине, хотя [бы] морально станет легче нести тяжелую страду изгнания», – писал автор анонимной брошюры «Ответ генералу Слащову-Крымскому», и его чувства разделяли, наверное, многие. Абсолютно лояльным к Главнокомандующему был Донской Атаман генерал А. П. Богаевский, общавшийся с Яковом Александровичем; офицеры Лейб-Гвардии Атаманского полка устраивали даже специальный обед, на котором старались убедить приглашенного Слащова в пагубности разжигаемой им вражды; к той же задаче был привлечен сербский посланник; просил Врангеля использовать Слащова в совместной работе В. В. Шульгин. И особо отметим свидетельство генерала Н. В. Шинкаренко, в разное время бывшего подчиненным и Врангеля, и Слащова: незадолго до «возвращения» Слащов «устыдился, что ли, и выразил раскаяние» в выпуске своей книги. Сделать это он мог, например, во время личной встречи с Главнокомандующим.

Да, такая встреча была. Эти люди, казалось бы, окончательно разведенные по разные стороны пропасти, дважды встречались и беседовали перед неожиданным поступком Слащова, причем в обстановке если и не конспиративной, то по крайней мере исключающей широкую огласку. В РСФСР Слащов сначала пытался скрыть факт этих бесед, а в дальнейшем (возможно, уличенный) пробовал «легализовать» их, подавая дело так, будто не имел к организации встреч никакого отношения и последствий они не получили. А вот в этом позволено будет усомниться…

Причины сомнений изложим чуть ниже, пока же подытожим наши наблюдения над недолгим эмигрантским периодом биографии Слащова-Крымского: не имевший видимых серьезных причин для «возвращения», он принял предложение советской разведки как раз после улаживания конфликта с Врангелем (причем о том, что конфликт был исчерпан, знали немногие) и даже после двукратных встреч с Главнокомандующим. И вскоре супруги Слащовы, а с ними – четверо офицеров, в том числе полковник Мезерницкий, тайно сев на итальянский пароход, столь же тайно отплыли в Севастополь.

* * *

Конспирация требовалась хотя бы потому, что за деятельностью генерала Слащова в Константинополе пристально следила французская контрразведка: неприязнь Якова Александровича к французам, всемерно толкавшим Русскую Армию к распылению, ни для кого не была секретом. Настроения генерала разделялись значительным числом русских солдат и офицеров, причем именно тех, кто сохранял наибольшую непримиримость к большевизму – Галлиполийцев. Напряженность дошла до того, что создалась угроза ареста французами Главнокомандующего; в ответ размещенные в Галлиполи войска Кутепова изготовились к… походу на Константинополь.

Этот вполне реальный план (англо-французские оккупационные войска не смогли бы оказать серьезного сопротивления) подкреплялся еще и тем, что на турецкой политической сцене присутствовала сила, подходившая на роль союзника русских в этом столкновении. Герой Великой войны М. Кемаль-паша стремился вывести страну из тяжелого положения, в котором она оказалась после капитуляции, и становился естественным противником победоносной Антанты. Сейчас он пользовался помощью большевиков, но, как «реальный политик»-прагматик, был готов к сотрудничеству со всеми, кто оказывался нужным в данный момент, и идея разбить альянс кемалистов с Советской Республикой отнюдь не выглядела нереальной. Пути к Кемалю искало и командование Русской Армии, и Слащов; с турецкой же стороны переговоры с Яковом Александровичем вел… а вот имя этого человека будет для нас вдвойне интересно.

Потому что человеком этим был тоже белогвардейский генерал, Султан-Келеч-Гирей, черкесский князь, оказавшийся у Кемаля как единоверец-магометанин. Этого уже хватило бы, чтобы привлечь к столь колоритной фигуре наше внимание, но существует и еще одно, гораздо более важное обстоятельство.

Немедленно после «возвращения» Слащову и его спутникам-офицерам, конечно, пришлось ответить на вопросы, поставленные перед ними Чрезвычайной Комиссией. Сразу заметим, что сведений о количественном и качественном составе Русской Армии Яков Александрович, как это видно из протокола, фактически не дал, да скорее всего точных данных не имел и сам; намного больше внимания он уделил характеристике лиц начальствующего состава.

Слащовым, Мезерницким и капитаном Б. Н. Войнаховским были перечислены генералы, якобы «разделяющие» их настроения и при определенных условиях даже «готовые к возвращению». И если о К. К. Агоеве, Г. Б. Андгуладзе и Г. А. Дубяго и их

подлинных замыслах сложно что-либо сказать, кроме того, что они «возвращенцами» не стали и окончили свои дни в изгнании, оставаясь на вполне белогвардейских позициях и занимая заметные посты в воинских организациях, а А. П. Богаевский и С. Г. Улагай были даже близки к кругам, пытавшимся организовать на советской территории повстанческую борьбу, то остальные три фамилии, названные Слащовым и Войнаховским, просто повергают в недоумение.

Эти трое – уже известный нам Султан-Келеч-Гирей, Походный Атаман Кубанского Войска В. Г. Науменко и… бывший Донской Атаман П. Н. Краснов – как нельзя лучше проявили свое отношение к коммунизму в годы Второй мировой войны, сотрудничая с немцами. Нет ровным счетом никаких данных, которые позволили бы утверждать, что взгляды генералов претерпели за межвоенный период радикальные перемены, а неизменность позиции Краснова определенно засвидетельствована его литературным творчеством. Размышляя же, зачем Слащову нужно было снабжать своих чекистских «собеседников» такой дезинформацией, стоит отметить, что практическим ее следствием могло стать, например, выведение на «сочувствующих» – советской агентуры за границей… А кому это было выгодно – понятно и без комментариев.

После приезда в Советскую Республику Слащов выступил с обращением «к офицерам и солдатам армии Врангеля и беженцам», призывавшим их возвращаться и предостерегавшим от превращения в «наемников против своей родины, своего родного народа». Интересно сравнить это воззвание с заявлением Якова Александровича, опубликованным за границей уже после его отъезда из Константинополя: «В настоящий момент я нахожусь на пути в Крым. Все предположения, что я еду устраивать заговоры или организовывать всех повстанцев, – бессмысленны. Внутри России революция окончена… Если меня спросят, как я, защитник Крыма от красных, перешел теперь к ним, я отвечу: я защищал не Крым, а честь России. Ныне меня зовут защищать честь России, и я еду выполнять мой долг, считая, что все русские, военные в особенности, должны быть в настоящий момент в России».

Какое странное письмо! «По-слащовски» сумбурное, оно свидетельствует в сущности лишь об одном: генерал прекрасно понимал, что отъездом в РСФСР он ставит под удар единственное, что у него оставалось, – солдатскую честь, и это мучило его и заставляло пытаться объяснить что-то, чего объяснять он не мог или не должен был. В процитированных строках нет уверенности человека, считающего, что его выбор правилен: они полны беспокойства и недоговоренности… И вряд

ли Советская власть так уж звала белогвардейского полководца «защищать честь России». Тогда кто же его звал?

Столь же двойственное впечатление производит ответ на вопрос «какой партии сочувствуете» в советской анкете Слащова: формулировка «Сочувствую политике, проводимой в настоящий момент представителями партии большевиков» не позволяет отрешиться от мысли, что писавшему мучительно даже такое «исповедание веры»… Так следует ли удивляться, что все это только усугубляло недоверие к Слащову со стороны советского руководства? Что генерал, по его словам, «открыто вышедший в отставку и имеющий право поступить на ту службу, куда влечет его сердце», не мог никого убедить этими словами, ибо меньше года назад восклицал: «Русская Армия, солдатом которой я был, есть и буду, – она умереть не может и не должна!» – относя это к кутеповскому корпусу, стоявшему под ружьем в Галлиполи? Что его стремление занять строевую должность и получить таким образом в руки вооруженную силу просто обязано было насторожить большевиков вплоть до самых высших инстанций (вопрос обсуждался на заседании Политбюро)? И могло ли быть ответом что-либо иное, кроме «рекомендации» генералу Слащову обратиться к «писанию мемуаров за период борьбы с Советской Россией» и при этом «воздержаться от встреч, посещений и пр., дабы внимание не рассеивалось и работы над мемуарами не затягивались»?..

Последнее, впрочем, вполне соответствовало настроениям самого генерала: уже к концу 1923 года он завершил воспоминания, отрывки из которых увидели свет в следующем году под заглавием «Крым в 1920 г.». Слащов так спешил, что не только не удосуживался поверять свою память оставшимися в России документами, но и, кажется, даже не перечитывал написанного и уж во всяком случае не читал корректуры (книга получилась стилистически довольно неряшливой). Еще во время работы над воспоминаниями, с июля 1922 года он был назначен преподавателем тактики Стрелково-тактических курсов усовершенствования комсостава РККА (курсы «Выстрел»).

* * *

Генерал тяготился службой на курсах. По свидетельству сослуживца, он «усиленно стремился получить обещанный ему корпус. Каждый год исписывал гору бумаг об этом… Никаких, конечно, назначений ему не давали. Но каждый раз после подачи рапорта он серьезно готовился к отъезду». Одна из первых же

аттестаций отмечает, что Яков Александрович «стремится уйти из школы («Выстрел». – *А. К.*) в строй, почему и чувствует себя свободно и независимо, мало интересуясь пребыванием в стенах школы», – в последней же (1928 год) говорится определенно: «… Рвется в строй и к работе стал относиться несколько небрежно… На Курсах работой интересоваться перестал». Однако то, что преподаватель тактики Слащов не испытывает никакого служебного энтузиазма в течение всех шести лет своей «педагогической» деятельности, отнюдь не мешает ему близко общаться со слушателями «Выстрела», задерживаясь после лекций, приходя по вечерам в общежитие, устраивая на своей квартире собрания преподавателей и слушателей…

Позднее бывший полковник-«военспец» С. Д. Харламов, не пользовавшийся симпатиями Слащова и в свою очередь относившийся к нему недоброжелательно, характеризовал эти собрания с некоторым презрением: «Выпивка была главной притягательной силой во всех попойках у Слащова. На меня не производило впечатления, что вечеринки устраиваются с политической целью: уж больно много водки там выпивалось». Но это свидетельство не выглядит убедительным хотя бы потому, что командование «Выстрела», тяготясь Белым генералом не меньше, чем он – своей службой, – несмотря на хвалебные аттестации, неоднократно настаивало на «изъятии» Якова Александровича с Курсов («принимая во внимание его политическое прошлое и одиозность фигуры»), но *ни разу* не попыталось сыграть на его «пьянстве».

В самом деле, прекрасный способ избавиться от нежелательного преподавателя – приписать «бытовое разложение» или дурное влияние на слушателей – остался неиспользованным. Лишь в одной аттестации отмечалось, что Слащов «любит выпить», «хотя наружно заметить ничего было нельзя», да Харламов говорил, будто генерал ни много, ни мало – «спаивал» своих гостей. Только говорил-то он это… на допросе в ГПУ.

Как и многие другие бывшие офицеры, Харламов был арестован в 1931 году и дал показания, в том числе и о покойном уже Слащове. И вот что поразительно: если те, кто «пил чай с Брусиловым» или «ходил в гости к Снесареву», с легкостью квалифицировались как «заговорщики» и получали приговоры – от тюремного заключения до расстрела, – то участникам «попоек у Слащова» эти собрания, похоже, не инкриминировались: дурацкая отговорка – «все были пьяны и политикой заниматься не могли», – очевидно, найдя отклик в суровых чекистских душах, оказалась самой действенной, и простой факт общения с

подозрительным генералом не стал в 1930–1931 годах ни для кого роковым.

А ведь подозрений у советских карательных органов хватало. Помимо «внепрограммного» общения с сослуживцами и слушателями, Яков Александрович имел немало других контактов, которые должны были настораживать. Неизвестно, знали ли чекисты, что один из давних соратников генерала разыскал его в Москве, а вскоре сумел бежать из РСФСР и продолжал переписку с ним уже из эмиграции, – но в Контрразведывательном отделе ОГПУ были уверены: «К такой личности, как Слащов, не могут не тянуться нити от эмигрантских центров либо от подпольно действующих белогвардейских организаций». И нити были – ведь не обычной же почтой отправлял Слащов письмо в Париж, содержащее слова: «Ты счастлив, что удрал отсюда. Будь проклят этот ад!..»

В свою очередь, и в Зарубежьи Слащова не теряли из виду. Есть упоминание, что в 1922 году была даже предпринята попытка вытащить его из Советской Республики, но она не удалась. С другой стороны, определенные круги Белой эмиграции, похоже, считали генерала полезным на том месте, где он оказался. И пока готовит своих боевиков генерал Кутепов и собирает средства на борьбу генерал Врангель, – внутри СССР собираются офицерские кружки, тянутся «нити» в Зарубежье, о чем-то беседует с молодыми «краскомами» генерал Слащов и наведывается к нему старый однополчанин полковник В. В. Жерве, собирающий и, быть может, объединяющий офицеров-Финляндцев… Но на что могли все они рассчитывать?

Неизжитыми оставались надежды на появление нового «генерала Бонапарта», который взорвал бы советский режим изнутри. Но и активность самого этого режима, бряцающего оружием на внешнеполитической арене, могла привести к переменам: развяжи большевики любой военный конфликт, все равно, под революционными или «геополитическими» (quasi-национальными) лозунгами, – и можно было бы надеяться на переброску сохранявшей еще свои структуры Русской Армии к границам СССР и открытие русско-советского фронта. А многим из разочаровавшихся в Советской власти внутри самой «Совдепии» такая ситуация и предоставила бы возможность для активных действий.

Но ничего этого, как мы знаем, не произошло. Слишком сильным оказался гнет мертвящей партийной системы, парализовавший волю политических деятелей советского режима (пройдет десять лет, и они перед лицом диких и бессмысленных обвинений будут уговаривать сами себя и друг друга

«разоружиться перед партией») и наложивший отпечаток на тех «краскомов» и «военспецов», кто хотел играть до конца по предложенным правилам и делать карьеру там, где ее обеспечивало, и то не наверняка, лишь предельное самообезличивание и подмена профессиональных качеств рабской преданностью. Бонапарта не нашлось, а старые «спецы» и «возвращенцы» были слишком разобщены, многие из них – слишком подавлены и все – по существу бессильны. Любые попытки в этой ситуации становились самоубийственными.

* * *

«Каторжной» назвал жизнь Слащова в СССР генерал Клодт, и этот эпитет вполне соответствовал действительности. Тяжесть ситуации Яков Александрович должен был почувствовать в первые же месяцы, когда он находился в относительной изоляции; со временем расширился круг общения, среди слушателей курсов «Выстрел» Яков Александрович стал находить внимательных учеников, а может быть, и единомышленников, но не ослабевал гнет наблюдения и недоверия, в любой момент грозивший арестом. И если на попытку руководства курсов избавиться от «одиозной фигуры» Управление военно-учебных заведений и ответило отказом, то «окончательный вывод аттестации» – тот самый, с предложением «изъять», – начальник Управления И. Э. Якир «приказал объявить тов[арищу] Слащову»…

Скорее всего, Слащов чувствует, что над ним глумятся. «Пользуется авторитетом не только в стенах Курсов, но и вне Курсов», – вынуждена признать аттестация, но это с лихвой компенсируется отношением командования. Весной 1928 года Якову Александровичу, кажется, определенно обещают должность начальника Штаба Тоцкого лагерного сбора, и назначение даже оформлено официально, но в конце мая вдруг оказывается, что должность занята; его собираются «направить в части на штабную должность», но реально это выливается лишь в отчисление с 1 ноября 1928 года «в распоряжение Главного Управления РККА». А вечером 11 января 1929-го наступила развязка…

«Убит Слащов.

Советское телеграфное агентство сообщает, что убит он каким-то Коленбергом, мстителем за своего брата, расстрелянного десять лет тому назад в Крыму по приказу Слащова.

Но кто верит большевикам и кто поверит их телеграфному

агентству?»

Так писал самый авторитетный белоэмигрантский военный журнал «Часовой», и так думало большинство узнавших о гибели Слащова. «Генерала Крымского» убили чекисты, – считали по обе стороны советской границы. Прочие версии (белые в отместку за «измену», оскорбленные «краскомы», которых он назвал «идиотами») возникали и исчезали, прозвучав по одному-два раза; неубедительным выглядело и официальное заявление о «совершенно бесцельном, никому не нужном и политически неоправдываемом акте личной мести», тем более что внимательный наблюдатель мог заметить: появилось оно уже через день после убийства, а об аресте убийцы (мнимого или подлинного) сообщили только… еще два дня спустя.

Так открылось «дело» об убийстве генерала Слащова, и подобным же образом было оно закрыто: решение по докладу заместителя Председателя ОГПУ Г. Г. Ягоды приняли 25 июня 1929 года на заседании Политбюро, и лишь на следующий день уполномоченный ОГПУ вынес заключение о «невменяемости» убийцы и прекращении следственного дела. Концы в воду, таким образом, прятало «само» Политбюро ЦК РКП (б)…

Но прятали явно неудачно. Можно ли поверить, что в ноябре – декабре 1928 года Слащов, вокруг которого сжималось кольцо, «изъятый» с Курсов и наверняка ощущавший непрочность своего положения, стал бы *давать на дому уроки тактики* (?!) незнакомому человеку, к тому же вообще не военнослужащему (Коленберг был демобилизован и числился в военизированной охране)? Именно так утверждали «документы» следствия, а для широкой публики был затем пущен другой рассказ, согласно которому убийца не только не был знаком с убитым, но и плохо знал его в лицо, почему, заявившись к Слащову на квартиру (как будто домашние адреса белогвардейских генералов так уж были известны кому угодно!), счел необходимым удостовериться, переспросив, кто перед ним.

Больше внимания заслуживает версия, согласно которой Слащов был застрелен с улицы, через окно; примечательно, что она известна нам по трем источникам, не просто независимым друг от друга, но значительно разнесенным географически (СССР, Франция, США). Наиболее важным представляется «советское» свидетельство, гласящее, что через несколько лет после гибели генерала «старожилы» еще показывали то самое окно, через которое был убит Яков Александрович.

А это уже значительно меняет картину преступления. На смену недоразвитому (медицинское заключение) 25-летнему юнцу, дважды выгонявшемуся из армии и, может быть,

действительно психически нездоровому, приходит хладнокровный и меткий стрелок, прекрасно знающий Слащова, наверное, не только в лицо, но и «со спины», и хорошо знакомый с внутренним расположением помещений в его квартире: без этого стрельба с улицы выглядит неправдоподобной.

Но почему же чекисты не решились «взять» белогвардейского генерала так же, как и до, и после этого они «брали» сотни и тысячи военных? «Они его боялись, зная его характер, – это несомненно», – писал об отношении большевиков к Слащову журнал «Часовой». Возможно, от генерала ожидали сопротивления (не потому ли, что он *знал*, за что его могут «брать»?); кроме того, арест мог подтолкнуть к действиям кого-то, неизвестного нам, – и более целесообразным представлялось уничтожить одним ударом того, к кому сходились «нити от эмигрантских центров и белогвардейских организаций». Конечно, все это лишь предположения, но подобрать иные мотивировки столь беспрецедентного «государственного теракта» против незаметного «бывшего преподавателя тактики» кажется еще более сложным.

Коленберга не осудили; судя по признанию его ненормальным, он мог быть направлен на «лечение», после чего сгинул. По одному и «в общем порядке» расправились с соратниками «генерала Крымского», приехавшими вместе с ним, и со многими из тех, кто был учеником или просто общался с Яковом Александровичем в Москве. При загадочных обстоятельствах еще в 1928 году скончался в Брюсселе генерал Врангель; в январе 1930-го был похищен чекистами из Парижа генерал Кутепов. Затерялись следы Нины Николаевны Слащовой – Слащовой-Крымской…

Концы в воду.

* * *

«Своего последнего слова Я[ков] А[лександрович] нам так и не сказал, – он унес его с собою в могилу», – писал П. А. Клодт. Но теперь, подводя черту под биографией генерала Слащова и снова и снова задумываясь о загадке ее последнего периода, вернемся к рассуждениям старого командира Финляндцев, в свое время сознательно оборванным нами на полу-фразе: «…Скромная роль “военспеца” едва ли могла его прельщать, он был слишком крупный человек, чтобы соблазниться такой “серой” будущностью. *И верится, что у него были другие, более широкие планы, и что эти планы были проникнуты тем же духом героизма,*

который был ему так свойствен[110]. Он ошибся и заплатил за это своею жизнью. “Несть человека иже не согрешил”, а та кошмарная обстановка, в которой ему приходилось работать, многое может извинить. В славный венок родного полка Я. А. Слащов вплел не мало новых лавров и имел все данные стать “большим человеком”, а может быть и стал бы им еще, если бы услужливая пуля (несомненно чекистского происхождения) не пресекла его короткой бурной жизни».

Так писал человек, знавший Якова Александровича лучше многих; офицеры же, сражавшиеся под началом Слащова в Гражданскую войну, мыслили еще определеннее. «Офицеры эти, – отмечал современник в 1929 году, вскоре после гибели «генерала Крымского», – верят в чистоту намерений и честность Слащова и сейчас; многие из них не верят сведениям о расстреле Слащова большевиками; некоторые и сейчас уверены в том, что Слащов еще сыграет видную роль в освобождении России от красной нечисти!» Подобная уверенность должна была подогреваться опубликованной в парижской газете через неделю после убийства статьей, автор которой интриговал читателя: «Ведь может быть, Слащов и не убит, и это сообщение только очередная провокация!» – и таинственно присовокуплял: «Во всяком случае, о Слащове многого не скажешь…»

Неудачно составленная фраза (наверное, имелось в виду «нельзя многого сказать») подводит нас к ответу на вопрос, почему же, если догадки генерала Клодта были справедливы, в эмиграции не появилось публикаций, «реабилитировавших» покойного Слащова, на котором в глазах многих все-таки оставалось клеймо? Дело в том, что в 1930-е годы еще шла борьба, а открытое признание Якова Александровича «своим» немедленно повлекло бы репрессии против всех, хотя бы соприкасавшихся с генералом в период его жизни в Москве: НКВД, как известно, не утруждал себя поиском основательных обвинений и в более надуманных случаях. А затем события Второй мировой войны и новые перемещения масс русских беженцев совсем отодвинули этот вопрос в тень, – и сегодняшние «побелевшие» авторы с высот своей скороспелой «белизны» небрежно судят «генерала-декадента», «генерала-возвращенца», «авантюриста» и едва ли не «изменника».

Мы тоже слишком долго бродили среди отрывочных свидетельств, зыбких предположений, неподтвержденных догадок. «Унесенное в могилу» последнее слово генерала Слащова-Крымского мучит своей недосказанностью и скорее всего так никогда и не станет с достоверностью известным. Напоследок же приведем написанные в 1930 году слова

полковника Лейб-Гвардии Финляндского полка Б. В. Сергеева, чей родной брат и однополчанин остался в России и находился в поле зрения полковника В. В. Жерве, навещавшего, как мы помним, старых Финляндцев (в том числе и Слащова):

«Тревожное положение в России заставило ея нынешних поработителей поспешно разделаться с наиболее активными врагами советов, наиболее вероятными кандидатами в руководители антибольшевистского движения.

В Москве пал от руки убийцы ген[ерал] Слащов, – в Париже похищен ген[ерал] Кутепов…»

И этот вывод человека, который мог быть весьма хорошо информирован, наверное, достоин того, чтобы стать эпитафией генералу Слащову-Крымскому.

Если бы История была справедлива…

А. С. Кручинин

notes

Примечания

1

Самостоятельной проблемой становится календарный стиль. В тех случаях, где он специально не оговаривается, мы употребляем «старый» (юлианский) – когда речь идет о событиях дореволюционных и происходивших на Белом Юге (где был принят именно этот календарь) по «врангелевскую эвакуацию» 3 (16) ноября 1920 года включительно; для остальных регионов России и зарубежья, начиная с 1 (14) февраля 1918 года, используется «новый» (григорианский). – *А. К.*

2

Формально Главнокомандующим армиями Румынского фронта считался Король Румынии. – *Е. К.*

3

Кисмет (*тюрк.*) – судьба, рок, фатум. – *Е. К.*

4

Так в первоисточнике. По изложению Хаджиева получается, что генерал Казанович как бы два раза подходит к телу Корнилова. – *Е. К.*

5

Это явная ошибка: французский орден Почетного Легиона носится на ленте красного цвета; зелено-красная ленточка – у французского Военного Креста. – *Е. К.*

В таком виде текст песни был опубликован ее автором, капитаном А. П. Кривошеевым, в сборнике своих стихотворений, вышедшем в Ростове-на-Дону в 1919 году. Позднее появился вариант: «Русь могучую жалеем, Нам она кумир…» – *Е. К.*

Все подчеркивания – М. В. Алексеева. – *А. К.*

Разрядка М. В. Алексеева. – *А. К.*

Курсив первоисточника. – *А. К.*

10

Так в первоисточнике. – *А. К.*

Разрядка М. В. Алексеева. – *А. К.*

12

Ознакомившись позже с этим документом, М. В. Алексеев написал на нем: «Много перепутано из моих слов», – но что́ конкретно, не отметил. В любом случае, общее настроение беседы отчет должен передавать. – *А. К.*

13

Подчеркнуто в первоисточнике. – *А. К.*

Курсив наш. – *А. К.*

15

Подчеркнем, что само по себе понятие диктатуры далеко не предполагает непременного установления террористического или тоталитарного режима, с чем его обычно связывает недобросовестная либеральная или социалистическая риторика. – *А. К.*

16

Сейчас получает распространение формулировка «граф Келлер отказался от сомнительной чести служить в Добровольческой Армии». На самом же деле старый воин, будучи искренним и горячим патриотом, прекрасно понимал великую роль, которую играли в защите чести России Добровольческая Армия и ее доблестные вожди. Честь находиться с нею в одном ряду отнюдь не была для графа Келлера «сомнительной». – *А. К.*

17

Курсив наш. – *А. К.*

Подчеркнуто М. В. Алексеевым. – *А. К.*

19

Всюду в цитате – разрядка А. И. Деникина. – *А. К.*

20

В литературе существует несколько вариантов родословной Калединых. Мы основываемся здесь на подлинных документах, хотя и наши сведения, скорее всего, являются неполными. – *А. К.*

21

Братья Борис, Гурий и Лев Панаевы – офицеры 12-го гусарского Ахтырского полка, в рядах которого доблестно сражались и один за другим погибли. – *А. К.*

Возможно, сам автор рассказа, полковник А. Гущин. – *А. К.*

23

Несмотря на свое бунтарство, Голубов вскоре был произведен в следующий чин – войскового старшины – и с гордостью надел новые погоны. – *А. К.*

Так в первоисточнике. – *А. К.*

25

Анахронизм: это название официально появится лишь после Рождества 1917 года. – *А. К.*

Всероссийский Исполнительный Комитет железнодорожного профсоюза. – А. К.

27

Мемуарист несколько путается в датах и событиях, но несомненна привязка этого эпизода к получению первых известий из Ростова. – *А. К.*

28

Слово «товарищ», обиходное на митингах и в левой печати в течение 1917 и последующих лет, в офицерских устах приобретало характер окрашенной ненавистью клички – ср. у Зинаиды Гиппиус: «Тем зверьем, что зовутся “товарищи”, Изничтожена наша земля…» – *А. К.*

Курсив А. И. Деникина. – *А. К.*

В документе – «от этого». – *А. К.*

31

Так в первоисточнике. – *А. К.*

32

В захваченном Новочеркасске Голубов будет искренне пытаться сделать все, чтобы не допустить террора и кровопролития, рассорится на этой почве с большевиками и бросится по станицам поднимать казаков на восстание. Но веры ему уже не было, и на одном из митингов «ватажник», неудачливый «красный Атаман» был застрелен. – *А. К.*

33

Могло быть «Многоуважаемый Михаил Васильевич», «Милостивый государь…», «Ваше Высокопревосходительство» (официально), но никогда – по фамилии и чину! – *А. К.*

34

После смерти генерала М. В. Алексеева Деникин стал именоваться Главнокомандующим Добровольческой Армией, а после заключения договора о подчинении ему Донской Армии – Главнокомандующим Вооруженными Силами на Юге России. – *Ю. Т.*

35

Во трех последующих очерках даты до 1 (14) февраля 1918 года приводятся по старому, после – по новому стилю. – *Ред.*

36

Впоследствии у Александра Васильевича и Софии Федоровны было трое детей. Сведения имеются лишь о двух – сыне Ростиславе (1910–1965, скончался во Франции) и дочери Маргарите, скончавшейся в 1915 году в возрасте двух лет. Сама София Федоровна умерла в 1956 году под Парижем. – *Н. К.*

Командующего XII-й армией. – *Н. К.*

38

Военный корабль с небольшой осадкой, используемый для действий в прибрежных водах или на реках. – *Н. К.*

39

«Товарищи» здесь употреблено явно иронически, как принятая в СССР партийная кличка-обращение. – *Н. К.*

Так в первоисточнике. – *В. Ц.*

41

Северный корпус формировался осенью 1918 года во Пскове, но после понесенного поражения от большевиков отступил на территорию получившей независимость Эстонии. – *В. Ц.*

Всюду в цитате курсив В. И. Ленина. – *В. Ц.*

43

Горе побежденным (*лат.*).

44

Впоследствии хутор выделится в отдельную станицу, и свои «Открытые письма к казакам» в 1920-е годы бывший Атаман будет подписывать: «Петр Краснов, казак станицы Каргинской». – *А. М.*

Состояла из старших кадет – учащихся 6-го и 7-го классов – юношей 16–17 лет. – *А. М.*

Кавказскими татарами в Российской Империи называли азербайджанцев. – *А. М.*

47

Так в первоисточнике. Видимо, следует читать «показатель». – *А. М.*

48

Генерал Яков Петрович Бакланов – легендарный герой Кавказских войн 1817–1864 годов. На его личном значке была вышита Адамова голова со скрещенными костями и надпись: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущаго века. Аминь». Баклановский значок был закреплен за 17-м Донским казачьим полком, получившим вечное шефство генерала. – *А. М.*

Разрядка П. Н. Краснова. – *А. М.*

Согласно этим статьям устанавливался флаг Всевеликого Войска Донского из трех горизонтальных полос: синей, желтой и алой, обозначавших донских казаков, калмыков и русских, проживавших в области. Восстанавливалась старая печать и герб Войска – голый казак, сидящий в папахе, при ружье и сабле на винной бочке, что дало повод острым языкам «переименовывать» Войско из «Всевеликого» во «Всевеселое». Народным гимном признавалась песня «Всколыхнулся, взволновался Православный Тихий Дон». – *А. М.*

51

В своей работе «Всевеликое Войско Донское» П. Н. Краснов всюду говорит о себе в третьем лице («Атаман»). – *А. М.*

Разрядка П. Н. Краснова. – *А. М.*

53

Символ Атаманской власти, род булавы; аналог скипетра в монархиях. – *А. М.*

Выделено П. Н. Красновым. – *А. М.*

Курсив первоисточника. – *Р. А.*

Названы наиболее известные и выдающиеся преподаватели. Общее число их было, конечно, значительно больше. – *Р. А.*

57

Так насмешливо называли служащих Земского Союза, носивших форму, напоминающую офицерскую, и вообще старавшихся, несмотря на свою глубоко тыловую службу, подражать офицерам. – *Р. А.*

58

Илоты – в Спарте (Древняя Греция) бесправное сословие, по своему положению близкое к рабам. В устах Дроздовцев этот термин звучал иронически. – *Р. А.*

Разрядка первоисточника. – *Р. А.*

60

Деникин вспоминал, что был ознакомлен с текстом рапорта, и самовольный поступок Романовского имел целью сгладить конфликт начальника дивизии с Командующим Армией, перенося возмущение Дроздовского на начальника Штаба. – *Р. А.*

Автор выражает благодарность и признательность А. С. Кручинину и Р. Г. Гагкуеву, без помощи которых этот очерк не мог быть написан. – *Н. К.*

Разрядка А. И. Деникина. – *Н. К.*

В документе – «или». – *Н. К.*

Оригиналы писем Государыни написаны по-английски. Мы цитируем их по переводу, сделанному В. Д. Набоковым. – *А. К.*

65

Полк был переименован из драгунского в 1907 году, в рамках общей реформы регулярной кавалерии. – *А. К.*

В английском оригинале – «an immense banner with the image of the Saviour», то есть не только не конкретизирован иконографический тип изображения Спасителя, но и сам стяг может характеризоваться не как «огромный», а как «прекрасный, великолепный». Неизвестно, владел ли переводчик какой-то дополнительной информацией (равно как неизвестна и степень ее достоверности), или эти подробности являются просто результатом его домысла. – *А. К.*

Примечание А. Г. Шкуро. – *А. К.*

68

В документе – «приказ Князя», что представляется результатом сбоя при передаче телеграммы. – *А. К.*

69

В документе – «к тем изменникам из войск, забывшим…» – *А. К.*

Курсив наш. – *А. К.*

71

В первоисточнике – «переброску кавалерии должно было быть произведено…» – *А. К.*

Календарный стиль неясен. – *А. К.*

В первоисточнике – «не войду». – *А. К.*

Курсив первоисточника. – *А. К.*

С позволения сказать (*лат.*).

Так в документе. – *А. К.*

77

К этим словам генерал Казанович сделал следующее примечание: «В Добр[овольческой] армии, при наличии многочисленной отличной конницы, до приезда осенью 1918 г. генерала барона Врангеля не было выдающихся кавалерийских начальников». – *А. К.*

Так в документе. – *А. К.*

79

Что́ Келлер имеет в виду, не совсем понятно. – *А. К.*

В первоисточнике – «имеющим». – *А. К.*

В документе – «единой». – *А. К.*

82

Переговоры о перемирии держав Антанты с Турцией, в результате которых Босфор и Дарданеллы оказались открытыми для союзных судов, действительно были не за горами, хотя до появления союзников на Юге России и после этого оставалось более месяца. – *А. К.*

83

Имеется в виду действовавший на Волге Комитет членов Учредительного Собрания. – *А. К.*

Антанты («Entente Cordiale»– по-французски «Сердечное Согласие»). – *А. К.*

В первоисточнике – «не поведет». – *А. К.*

Курсив наш. – *А. К.*

Так в первоисточнике. – *А. К.*

Курсив наш. – *А. К.*

Подчеркнуто в первоисточнике. – *А. К.*

Формально дивизия еще не считалась сформированной, хотя разворачивание в трехполковой состав уже произошло. – *Р. А.*

91

В этой характеристике много странного. Казалось бы, воинские чины, сбегающие из своих частей, чтобы оказаться *на острие главного удара*, или «в другое время» (в резерве? в отпуске? – в любом случае, по смыслу *не в бою*) «считающие себя больными», должны были представлять собой неплохой боевой элемент. Обращаясь к подобным мемуарам, следует помнить, что писались они, естественно, уже после поражения, когда хочется найти виновных и желательно «со стороны». – *Сост.*

То есть инвалидов, принадлежащих к той или иной «категории», которая определяла степень непригодности к службе. – *Р. А.*

93

По другим источникам, речь шла о казни захваченных большевицких подпольщиков. – *Р. А.*

За время его обучения там Академия поменяет название, став «Императорской Николаевской Военной Академией». – *А. К.*

95

Настоящая фамилия прославленного впоследствии Белого генерала (ударение на последнем слоге). Более известный вариант «Шкуро» был принят летом 1918 года им самим для благозвучия; в дальнейшем будем употреблять его и мы. – *А. К.*

Подчеркнуто нами. – *А. К.*

Слащов носил черкеску, будучи зачислен в Кубанское и Терское Казачьи Войска в воздаяние заслуг по поднятию восстаний и освобождению обеих Областей от большевиков. Подобные «зачисления в списки» нередко являлись лишь актом вежливости, но Яков Александрович действительно оставил по себе хорошую память у казаков: энтузиазм его бывших подчиненных принимал даже совершенно незаконные формы, и современник – трудно сказать, с осуждением или удовлетворением, – упоминал «казаков, самовольно пробирающихся в 5-ю Дивизию за Полковником Слащовым». – *А. К.*

98

Этим расплывчатым термином, объединявшим все ту же 4-ю пехотную дивизию и несколько отдельных полков, назывался теперь бывший 3-й корпус (ни бригада Склярова, ни отряд Оссовского в состав войск Новороссии не входили). – *А. К.*

99

Исходящий номер телеграммы Штаба войск, содержащей распоряжение продолжать преследование махновцев. Слово «телеграмма» в оперативной переписке могло опускаться – ср. ниже «№ 750». – *А. К.*

Курсив наш. – *А. К.*

101

Это не было пустым маскарадом: «юнкер Нечволодов», выполняя боевые приказы, рисковала жизнью и была ранена. Генерал вообще не щадил не только себя, но и своих близких; видимо, из-за этого распался его брак с Софией Владимировной («со своей женой развелся “в 27 часов” за то, что она не захотела остаться в Крыму», – записал о Слащове в дневнике генерал А. П. Богаевский). С Н. Н. Нечволодовой Яков Александрович обвенчался в июле 1920 года. – *А. К.*

102

«Обращался он к ним не по-старому: “Здорово, молодцы!”, а “Здорово, братья”, – вспоминал Митрополит Вениамин (Федченков), в 1920 году Епископ Севастопольский. – Это была новость и очень отрадная и современная. В ней уже слышалось новое, уважительное и дружественное отношение к “серому солдату”. И я видел, как отвечали войска. Они готовы были тут же броситься по его слову в огонь и в воду». – *А. К.*

103

Так в документе. По смыслу возможно чтение «…и один». – *А. К.*

Так в первоисточнике. – *А. К.*

Разрядка Я. А. Слащова. – *А. К.*

Государственный переворот (*франц.*).

107

Мы ставим слово «возвращение» в кавычки, ибо генерал Слащов не мог вернуться в страну, в которой он никогда не жил до этого. Он уезжал не из РСФСР, а из России, а это были два разных государства. – *А. К.*

108

Неточная цитата из Евангелия: «Претерпевый же до конца, той спасен будет» (Мк. 13:13). – *А. К.*

109

Так в первоисточнике. – *А. К.*

Курсив наш. – *А. К.*